

МОСКОВСКАЯ РУСЬ

археология
история
архитектура

ИНСТИТУТ
АРХЕОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

МОСКОВСКАЯ РУСЬ
археология история архитектура

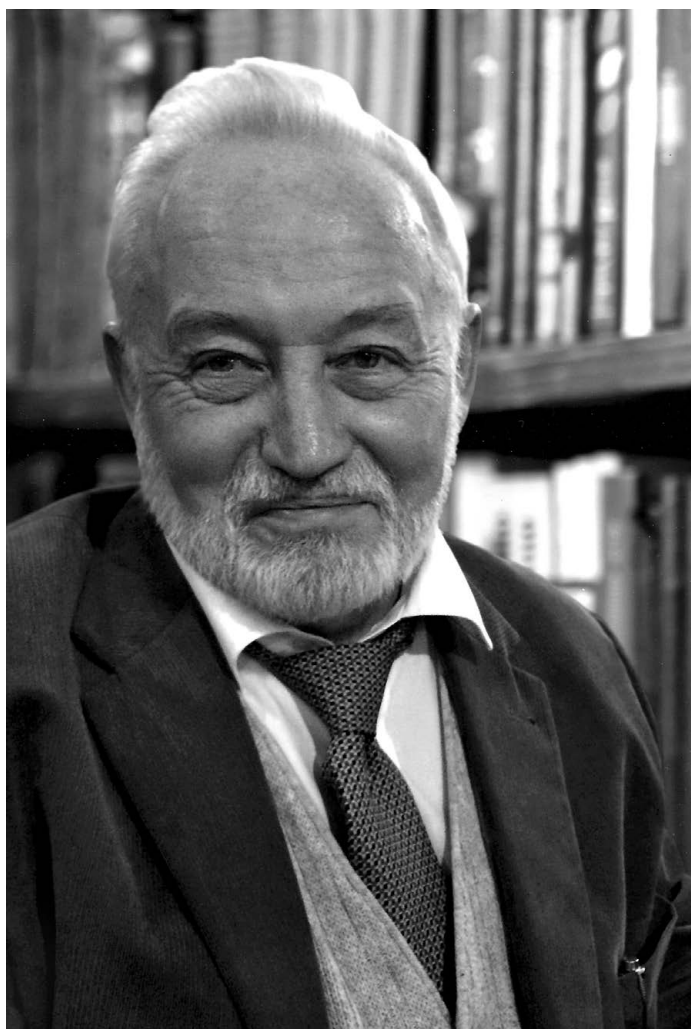
к 75-летию
Леонида Андреевича БЕЛЯЕВА

THE MOSCOW STATE
archeology history architecture

Studies in honour
of Leonid Andreevich BELYAEV

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

МОСКОВСКАЯ РУСЬ

археология
история
архитектура

к 75-летию
Леонида Андреевича БЕЛЯЕВА

Москва 2023

УДК 902/903

ББК 63.4

М82

Подготовка сборника осуществлялась в рамках плановой темы
НИОТКР 122011200385-1

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии РАН

Редакционная коллегия:
Ответственный редактор: *И.И. Елкина*
Составители: *О.Н. Глазунова, Д.Г. Давиденко*

Рецензенты:
П.Г. Гайдуков, О.В. Зеленцова

**Московская Русь: археология, история, архитектура. К 75-летию
Леонида Андреевича Беляева** / Отв. ред. И.И. Елкина; составители
О.Н. Глазунова, Д.Г. Давиденко. – М.: ИА РАН, 2023. – 512 с.

Сборник посвящен юбилею выдающегося ученого, археолога, историка культуры и архитектуры Леонида Андреевича Беляева. Статьи написаны его единомышленниками, коллегами, друзьями, учениками по материалам Москвы, Центральной России, Русского Севера, Сибири. Эти работы отражают лишь часть широких научных интересов юбиляра. Они касаются вопросов археологии, истории и архитектуры периода Московской Руси (XIV–XVII вв.), а также предшествующего и последующего периодов времени.

Для археологов, историков, архитекторов, искусствоведов.

ISBN 978-5-94375-397-8

DOI: 10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-397-8

© Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки Институт археологии
Российской академии наук, 2023
© Авторы статей, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Чернецов А.В.	
Леонид Андреевич Беляев LXXV	11
Труды Л.А. Беляева за 2018–2022 гг.	16
Макаров Н.А., Федорина А.Н.	
Суздальские архангелы	26
Седов Вл.В.	
Церковь Петра и Павла в Смоленске по данным чертежей П.Д. Барановского	38
Конявская Е.Л.	
Архимандритии Твери XIV–XV вв.	53
Чернов С.З.	
«И начаша князи святительскую власть держати...»: святитель Иона и двор Юрия Звенигородского в 1431–1434 гг. Опыт изучения общественного сознания	61
Чернецов А.В.	
Ранние эпизоды истории Рязанской земли на миниатюрах XVI в.	77
Авдеев А.Г.	
К вопросу о бытовании азбуковников в Московской Руси во второй половине XVI – XVII в.	88
Давиденко Д.Г.	
Московские протопопы в XIV–XVI вв.	98

Шокарев С.Ю.	
«Раб Божий и его сиятельства»: к вопросу об отражении зависимого положения в русских средневековых религиозных практиках	112
Баталов А.Л.	
Собор Перемышльского Троицкого Лютикова монастыря: комментарий к определению его возможного ктитора	123
Тарабарина Ю.В.	
О белом камне в архитектуре ярославской церкви Николы Надеина	131
Старков А.С., Ситдигов А.Г.	
Каменные модели церквей второй половины XVI – второй половины XVII в. из раскопок Свияжска	143
Максимова А.А.	
Ранние укрепления в северо-восточной части Новодевичьего монастыря	150
Елкина И.И., Фролов В.С.	
Конструкция стен Новодевичьего монастыря XVI века: юго-западный участок	159
Топычканов А.В.	
Новодевичий монастырь как царская резиденция: к вопросу о монастырях-резиденциях XVII в.	168
Вдовиченко М.В.	
Собор Николо-Корельского монастыря в контексте русской архитектуры XVII века	176
Татауров С.Ф.	
Православные храмовые комплексы в Таре: археологические исследования .	197
Рузаева Е.И. Яганов А.В.	
Коллекция строительной керамики первой половины XVI в. из раскопок 1955–1958 гг. в звенигородском Саввино-Сторожевском монастыре	206
Баранова С.И.	
Памятная находка: ранние эмалевые изразцы в Московском Кремле	219
Леонтьев А.Е.	
О некоторых ранних изразцах из раскопок в Ростове	231
Шуныгина С.Е.	
Коллекция изразцов второй половины XVII в. Большого Успенского монастыря в Тихвине	241
Кренке Н.А., Хворостова Е.Л.	
Кровельная черепица и кирпичи-пальчатки из раскопок в Смоленске в 2022 г.	253

Мирясова А.А.

Гуртовая поливная черепица
из раскопок Новодевичьего монастыря 2018 г. 267

Стрикалов И.Ю.

Кирпичеобжигательные печи Переяславля Рязанского
и Старой Рязани XVIII века 274

Буров В.А.

Керамические трубы теплового отопления Соловецкого монастыря
середины XIX века: у истоков гончарного производства обители 295

Шахнович М.М.

Позднесредневековые валунные кенотафы: к вопросу
о разновидностях православного погребального обряда
в Восточной Фенноскандии 304

Мазуров А.Б.

Два белокаменных подписных надгробия начала 1540-х годов
из г. Коломны и ее округи 324

Курмановский В.С.

Белокаменные надгробия московской традиции из Смоленской земли
(краткий обзор) 335

Григорян С.Б.

Две плиты XVIII века на некрополе Новодевичьего монастыря 340

Медникова М.Б.

Адаптивные тренды в городской среде в эпоху позднего средневековья –
нового времени по материалам антропологического источника 347

Энговатова А.В., [Курицын М.А.], Зоц Е.П., Зайцева И.Е.

Матрица для тиснения на кожаных элементах монашеского облачения
из раскопок 2022 года в Троице-Сергиевой лавре 361

Зайцева И.Е.

Находки крестов-энколпионов на селищах Суздальского Ополя
из работ Суздальской археологической экспедиции ИА РАН в 2001–2020 гг. ... 373

Татаурова Л.В., Татауров Ф.С.

У Господа Бога все равны: о крестах – мужских и женских 399

Чёрная М.П.

Чётки на дворе томского воеводы:
проблемы интерпретации необычной находки 409

Коваль В.Ю.

Византийские амфоры в лесной и лесостепной зонах Восточной Европы
в XIII–XIV вв. 419

Глазунова О.Н.	
Глиняная московская кацея	432
Белова А.Б., Шамин С.М.	
Очки в Московском государстве XVI–XVII столетий	438
Гусач И.Р., Ибрагимзаде К.	
«Турецкая» курительная трубка XIX века с сюрпризом	460
Михайлова Е.Р.	
Двадцатый век в Новой Голландии: археологические заметки	470
Державин В.Л.	
Драма в заливе Ис-фьорд	479
Лопатин Н.В.	
О творческом наследии художника Д.В. Горлова и некоторых вопросах истории Дмитровского фарфорового завода	484
Савельев Н.И.	
Современные методы выявления и первичного обследования памятников археологии (на примере Зубовского поселения Волгоградской области)	497
Сведения об авторах	504
Список сокращений	507

ЛЕОНИД АНДРЕЕВИЧ БЕЛЯЕВ LXXV

*Судьба свои дары
Явить желала в нем.
А.С. Пушкин*

Леониду Андреевичу Беляеву – 75 лет. Приходит пора обобщений, чтобы не сказать: итогов. Что можно и нужно сказать об этом известном ученом, выдающемся археологе, искусствоведе, исследователе средневековой архитектуры, христианских древностей и других аспектов истории культуры?

Болгар, 1983 г.

Археология – специальность, мало распространенная. Для того чтобы оценить личность юбиляра и его место в науке, попытаемся охарактеризовать обобщенный образ археолога, не чуждающегося проблематики смежных дисциплин.

При попытке его обрисовать мы сталкиваемся с бытованием сильно отличающихся друг от друга стереотипов. На первый взгляд со стороны, обычно это человек, сознательно отгораживающийся от современности, стремящийся уединиться в своеобразной башне из слоновой кости. Вместе с тем, зачастую это скитающийся по лесам и пустыням искатель, привычный к жизни в палатке и вечерам у костра, которому поневоле приходится заниматься не только работой в пыли и грязи, но и контак-

тами с местной администрацией, наймом землеройной техники, обустройством и снабжением экспедиционного лагеря.

При этом кого-то больше привлекает полевая фиксация, расчистка погребений и остатков сооружений, учет и первичная систематизация находок, а другой явно предпочитает кабинетные штудии и гораздо больше роется в книгах, чем в культурных

Израиль, 2015 г. Иерихонская экспедиция

напластованиях и музейных коллекциях, стремясь к созданию масштабных историко-географических полотен. Наконец, одни ученые (назовем их консерваторами) благоговеют перед авторитетом своих знаменитых учителей и решительно предпочитают классическую традиционную методику исследований, тогда как другие спешат использовать все новые и новые современные методики, вводить непривычную терминологию, оперативно откликаться на самые последние веяния отечественной и зарубежной научной мысли.

Казалось бы, археология а priori, по определению – наука чисто затратная и по преимуществу подразумевает в своих адептах бескорыстную преданность своему делу. Но в современном мире получает все большее распространение коммерциализированная археология, порой превращающаяся в достаточно успешную и прибыльную профессию.

Понятно, что в реальной жизни границы между разными типами исследователей и их подходами к своей специальности отчасти стираются, но все же попытки совладать с разнонаправленными устремлениями нередко приводят ученых к кризисным ситуациям – как в научной деятельности, так и в житейском плане. Трудно назвать археолога, который бы не сталкивался с проблемами, связанными с драматическими противоречиями, присущими исследовательской работе в данной области, для которого они не казались бы весьма чувствительными.

На фоне большей части археологов, в той или иной мере испытывающих дискомфорт, вызванный указанными выше противоречивыми тенденциями, Л.А. Беляев выглядит как уникум, исключение. Он чувствует себя в обстановке сегодняшнего дня в своей стихии, как рыба в воде, и, может показаться, не замечает всех этих диссонансов. На самом деле, конечно же, все замечает как человек наблюдательный и склонный к критическим оценкам. Но близко к сердцу не принимает. Занимается своим делом, не задумываясь о тех обстоятельствах, которые он не может изменить. Подход

Москва, Зачатьевский монастырь. 2006 г. Временная выставка археологических находок. Патриарх Алексей II, настоятельница монастыря игуменья Иулиания (Каледа), Л.А. Беляев

весьма здоровый, можно сказать, философский. Но прийти к нему непросто. Нужна известная природная предрасположенность, обстоятельства, обусловленные опытом и судьбой.

Благодушие Леонида Андреевича по отношению к проблемам, которые беспокоят многих его коллег, объясняется его индивидуальными особенностями, включающими ряд черт характера, на первый взгляд, несовместимых. Начнем с того, что Л.А. Беляев – несомненно, сибарит, отчасти даже денди, любитель комфорта и «красивой» жизни, отдыха и развлечений. Но он же весьма значительную часть жизни проводит в экспедициях, в том числе в таких отдаленных регионах, как Сибирь и Средняя Азия, как правило, в условиях, от комфорта весьма далеких. Леонид Андреевич – подлинный эстет, книжник. Его московская квартира напоминает одновременно музей и библиотеку. Картины на стенах демонстрируют своеобразие изысканного вкуса хозяина, на книжных полках можно отыскать библиографические раритеты. При всем том в его научных работах отражен огромный скрупулезный труд над значительными массивами материала, показывающий, что автор не чуждается рутинной черновой работы.

Рядовой квалифицированный специалист обычно входит в науку единственной книгой, которой пользуются другие ученые и которой суждено научное долголетие. Чаще всего это докторская диссертация исследователя. Затем могут выходить другие книги, но, как правило, представляющие собой расширенный вариант первой или повторное использование уже найденной модели исследования. Ученых, написавших две полноценных самостоятельных монографии, меньшинство. Тех, кто написал много книг высокого класса, можно пересчитать по пальцам. Л.А. Беляев написал много полноценных монографий; некоторые из них очень велики по объему.

Новый Иерусалим. 2011 г. Л.А. Беляев и О.А. Тихова
при исследовании колокололитейного комплекса XVII в.

В соответствии со старым анекдотом ученых можно разделить на «писателей» и «читателей». При этом много пишущий Л.А. Беляев является не менее выдающимся читателем. Чтобы в этом убедиться, достаточно посмотреть на библиографию ко многим из его трудов. Казалось бы, тому, кто много пишет и издает, не до того, чтобы возиться с публикацией чужих трудов. Но Леонид Андреевич неутомим и по этой части – он находит время не только на подготовку сборников трудов возглавляемого им коллектива, но и на перевод и публикацию классических работ современных западных исследователей Р. Краутхаймера (2000) и Р. Оустерхаута (2005).

Л.А. Беляев – несомненно, ученый высокого класса, его талант и одаренность, а также исключительное трудолюбие неоспоримы. Но трудолюбие это отнюдь не афишируется автором. В отличие от многих крупных ученых, на его лице не запечатлена гримаса человека, измученного умственной деятельностью. От его книг, плодов длительного тяжелого труда, не пахнет потом. И все же высокие научные достижения просто так не даются. Обычно выдающиеся открытия являются плодом перенапряжения, перемежающегося срывами и депрессиями. Неужели Леонид Андреевич является редчайшим счастливым исключением? Действительно, наблюдая его в жизни, можно так подумать. Его очевидный талант, его зримо действующая на окружающих харизма больше походят на постоянное равномерное свечение, чем на фейерверк. Все же интенсивная творческая деятельность без сопутствующих мучений представляется маловероятной. Скорее всего, видимая легкость творчества Л.А. Беляева – маска

(и, отчасти, признак стиля). Как подметил Л.Н. Толстой, «одним из главных условий *comme il faut* была скрытность в отношении тех трудов, которыми достигается *comme il faut*».

Можно ли в таком случае обвинять Леонида Андреевича, с его невинным спокойным взглядом, в неискренности? В какой-то мере, вероятно, да. Но нужно ли выставлять на люди свои муки творчества, как бы выпрашивая сочувствия? Думаю, что нет. Тактичнее оставлять все это за кадром. Как выразался М.А. Булгаков, «мы этого видеть не должны ни в коем случае». Да и зачем, на самом деле? Думаю, что остаться в какой-то мере загадкой для других – не только право, но и неперенное свойство любого выдающегося человека.

Ф. Ницше писал: «Истинная сущность человека раскрывается тогда, когда его оставляет талант. Ведь талант – это украшение, которым прикрываются». К счастью, талант упорно не оставляет Леонида Андреевича в его 75. Дай Бог ему и дальше подольше оставаться таким же! А легкая завеса тайны – законный спутник славы.

А.В. Чернецов

Основные статьи и книги о Леониде Андреевиче Беляеве:

Беляев Л.А. // Православная Энциклопедия. Т. 4. М., 2002. С. 591.

Макаров Н.А., Чернецов А.В., Кренке Н.А. К 60-летию Л.А. Беляева // Российская археология № 2. 2008. С. 90–94.

Баталов А.Л., Макаров Н.А. Леонид Андреевич Беляев, архитектурная археология и культура Московской Руси // Московская Русь. Проблемы археологии и истории архитектуры. М., 2008. С. 5–28.

Коваль В.Ю., Баранов В.С. Елкина И.И., Глазунова О.Н., Григорян С.Б. Л.А.Беляев и археология Поволжья // Поволжская археология. №2 2018 г. С. 342–347.

Леонид Андреевич Беляев / Сост . П.Г. Гайдуков, Л.А. Калашникова; авт. вступ. ст. Н.А. Макаров, П.Г. Гайдуков, Д.С. Коробов. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: ИНИОН, 2023. 176 с. (Материалы к биобиблиографии ученых. История; вып. 46).

Электронный ресурс: [https://ru.wikipedia.org/wiki/ Беляев,_Леонид_Андреевич](https://ru.wikipedia.org/wiki/Беляев,_Леонид_Андреевич)

ТРУДЫ Л.А. БЕЛЯЕВА ЗА 2018–2022 гг.

В прилагаемом списке читатель найдет только те работы Леонида Андреевича Беляева, которые увидели свет после 2017 года. Предшествующие публикации собраны в издании «Леонид Андреевич Беляев» серии «Материалы к биобиблиографии ученых» Российской академии наук, История, выпуск 42, вышедшем в 2018 г.¹ Статьи, выпущенные в 2017 г., но не помещенные в биобиблиографический указатель 2018 г., также названы в списке.

Книги

В поисках бояр Романовых: междисциплинарное исследование усыпальницы XVI–XVIII вв. в Знаменской церкви Новоспасского монастыря в Москве. Вып. 1 / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2018. 208 с. Соавт.: М.Б. Медникова.

Жизнь в Российской империи: Новые источники в области археологии и истории XVIII века: материалы международной научной конференции Москва, 31 октября – 1 ноября 2018 г. / ИА РАН, ИРИ РАН; отв. ред. Л.А. Беляев, В.Н. Захаров. М.: ИА РАН, ИРИ РАН, 2018. 135 с.

От электронного ресурса – к атласу археологического наследия города Москвы. Методические материалы / Отв. ред. Л.А. Беляев, А.А. Емельянов. М.: Индрик, 2019. 192 с.

Алексеев А.В., Кузьменко С.В. Московские средневековые каменные кресты с геометрическим декором / Отв. ред. Л.А. Беляев. М.-Звенигород: ИА РАН, 2020. 124 с.

Жизнь и смерть в Российской империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVIII–XIX вв. / РАН, Отделение историко-филологических наук, ИА, ИРИ; отв. ред. Л.А. Беляев, В.Н. Захаров. М.: Индрик, 2020. 384 с.

Смоленская ротонда XII века: Из архива архитектора-реставратора П.Д. Барановского. Т. 3 / Сост. В.А. Буров, А.А. Оксенюк; отв. ред. Л.А. Беляев. М.-СПб.: Нестор-История, 2020. 88 с.

Александр Невский: личность, эпоха, историческая память. К 800-летию со дня рождения. Материалы международной научной конференции (25–27 мая 2021 г., Москва, Россия) / ИРИ РАН, ИА РАН; отв. ред. Е.Л. Конявская, Л.А. Беляев. М.: Индрик, 2021. 526 с.

Вещь: Время и место: Ежегодник научного семинара по изучению объектов искусства и материальной культуры. Т. 1 / РГГУ; ИА РАН; под ред. С.И. Барановой, Л.А. Беляева. М.: РГГУ, 2021. 198 с.

---

¹ До 2018 г. список трудов см.: Леонид Андреевич Беляев / Сост. П.Г. Гайдуков, Л.А. Калашникова; авт. вступ. ст. Н.А. Макаров, П.Г. Гайдуков. М.: Наука, 2018. 132 с. (Материалы к биобиблиографии ученых: История; вып. 42).

- Ново-Иерусалимские чтения 2019–2020 / Отв. ред. Л.А. Беляев, С.И. Баранова. М.: РА «Премимум», 2021. 235 с.
- Первые археологические исследования в Свияжске: 1978–1982 годы / Материалы и исследования по археологии острова-града Свияжска. Т. 1 / Казань: Изд-во АН РТ, 2021. 161 с.
- Русь в XIII–XV веках. Новые открытия в области археологии и истории / ИА РАН, ИРИ РАН; отв. ред. Л.А. Беляев, Е.Л. Коняевская. М.: Индрик, 2021. 296 с.
- Баранова С.И., Кудласевич Иоанн, иерей, Севастьянова С.К., Смирнова И.Ю., Федорова И.В., Черненилова Л.М.* От Иерусалима до Нового Иерусалима. К 200-летию со дня рождения архимандрита Леонида (Кавелина) / Отв. ред. Л.А. Беляев. М.: ИА РАН, 2022. 448 с.
- Буров В.А.* Экспозиция «Соловки подземные археологические». Котельная мастерская XVII–XVIII веков. Научный путеводитель / Отв. ред. Л.А. Беляев. Архангельск, Лоция, 2022. 105 с.
- В поисках бояр Романовых: междисциплинарное исследование усыпальницы XVI–XVIII вв. в Знаменской церкви Новоспасского монастыря в Москве. Вып. 2 / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2022. 200 с. Соавт.: И.И. Елкина.
- Вещь: Время и место: Ежегодник научного семинара по изучению объектов искусства и материальной культуры / Отв. ред. Л.А. Беляев, С.И. Баранова. Т. 2. М.: РГГУ, ИА РАН, 2022. 236 с.
- Материалы к истории научной экспедиции Императорского Православного Палестинского Общества в Сирию и Палестину в 1891 г. Ч. 1. Путевой дневник Н.П. Кондакова по Сирии и Палестине / Подг. к публикации и комментарии М.Н. Бутырский; науч. ред. Л.А. Беляев. М.: Индрик, 2022. 296 с.
- Материалы к истории научной экспедиции Императорского Православного Палестинского Общества в Сирию и Палестину в 1891 г. Ч. 2. Сирия и Палестина в фотографиях И.Ф. Барщевского (из коллекции Российской национальной библиотеки) / Авт.-сост. Е.В. Бархатова, К.А. Вах; науч. ред. Л.А. Беляев. М.: Индрик, 2022. 528 с.
- Резиденция Петра I в Коломенском: комплексное историко-археологическое исследование. М.: Индрик, 2022. 376 с. Соавт.: С.И. Баранова, А.В. Топычканов.
- Русские раскопки у храма Воскресения в Иерусалиме: источники, дискуссии, современная интерпретация / Авт.-сост. Л.А. Беляев, К.А. Вах, Я. Чехановец. М.: Индрик, 2022. 666 с.

Статьи

- Московский в честь Богоявления мужской монастырь. Археологические раскопки 1986–1987 гг. // Православная энциклопедия. Т. 47. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2017. С. 364–366.
- Московский в честь усекновения Главы Иоанна Предтечи ставропигиальный женский монастырь // Там же. С. 416–422. Соавт.: А.Л. Баталов.
- Надгробие (до XVIII в.) // Православная энциклопедия. Т. 48. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2017. С. 284–292.
- Назарет // Там же. С. 314–318. Соавт.: К.В. Неклюдов.

- Нательный крест // Там же. С. 430. Соавт.: Э.П.И.
- Некрополь // Там же. С. 566–574. Соавт.: Э.П.И.
- Исследования Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря // АО. 2015 год. М.: ИА РАН, 2017. С. 97–100. Соавт.: О.Н. Глазунова, С.Б. Григорян, Ю.О. Данилов, М.А. Капитонова.
- Исследования на территории Новодевичьего монастыря и в Новодевичьей слободе // Там же. С. 113–117. Соавт.: С.Б. Григорян, А.А. Рассказова, Н.И. Савельев, С.Г. Шуляев.
- Раскопки в Зарядье // Там же. С. 117–121. Соавт.: Н.И. Савельев, С.Б. Григорян.
- Белокаменные надгробия церкви Ильи Пророка в селе Кожино Гороховецкого района // Гороховец и земли Окско-Клязьминского междуречья в XII–XVII вв.: история и археология. материалы научной конференции / Отв. ред. Н.А. Макаров, сост. С.И. Милованов. М.: ИА РАН, 2017. С. 73–80.
- For Norman Golb, on his Ninties Birthday // Хазарский альманах. Т. 15. М.: Ин-т славяноведения, 2017. С. 7–13. Co-author: V.Ya. Petrukhin.
- Новодевичий Московский в честь Смоленской иконы Божией Матери женский монастырь // Православная энциклопедия. Т. 51. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2018. С. 588–606. Соавт.: Н.В. Квливидзе, М.А.М., М.М. Шведова.
- Новоиерусалимский в честь Воскресения Христова ставропигиальный женский монастырь // Там же. С. 611–631. Соавт.: М.А. Крючкова, Л.М. Черненилова.
- Новоспасский московский в честь Преображения Господня ставропигиальный мужской монастырь. Некрополь // Там же. С. 723–725.
- Жизнь и смерть в Российской империи: археология versus история // Жизнь в Российской империи: новые источники в области археологии и истории XVIII века: материалы международной научной конференции Москва, 31 октября – 1 ноября 2018 г. / ИА РАН, ИРИ РАН; отв. ред. Л.А. Беляев, В.Н. Захаров. М.: ИА РАН, ИРИ РАН, 2018. С. 3–6.
- «Лестница жизни»: археология и иконография в Новом Иерусалиме в XVII–XIII вв. // КСИА. Вып. 251. М.: ИА РАН, 2018. С. 314–327. Соавт.: О.Н. Глазунова.
- К хронологии антропоморфных саркофагов Руси XV–XVII вв. // КСИА. Вып. 252. М.: ИА РАН, 2018. С. 219–232.
- Йорам Цафрир и израильская школа византийской археологии // Византийский временник. Т. 101. 2017. М.: Изд-во МГУ, 2018. С. 281–289. Соавт.: Я. Чехановец (Израиль).
- Спасо-Преображенский собор в Тверском кремле: итоги раскопок 2012–2014 гг. // Российская археология. 2018. № 2. С. 148–161. Соавт.: И.А. Сафарова, А.Н. Хохлов.
- Видимое и невидимое: Златоустовский монастырь как объект культурного наследия // Московское наследие. 2018. № 3 (57). С. 102–117.
- Поминать и помнить: традиция обновления надгробий в Москве XVI–XVII вв. // Живая старина. 2018. № 3 (99). С. 2–6.
- Ивановский монастырь (2017 г.) (г. Москва) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017 года. М.: ИА РАН, 2018. С. 40–45. (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 25). Соавт.: М.С. Батанина, О.Н. Глазунова, И.К. Решетова, Н.И. Савельев.

- Погребальные сооружения XII–XV веков на месте собора Рождества Богородицы во Владимире (по материалам работ 1997–2000 годов) // Земли родной минувшая судьба... К юбилею А.Е. Леонтьева / Отв. ред. А.В. Чернецов; ред.-сост. И.Н. Кузина. М.: ИА РАН, 2018. С. 62–73. Соавт.: В.П. Глазов, П.Л. Зыков, О.М. Иоаннисян.
- Свинцовые пломбы Москвы и стратиграфия раскопа № 7/2015 в Зарядье // «Нескончаемое лето». Сборник статей в честь Елены Александровны Рыбиной / Отв. ред.-сост. В.К. Сингх. М.-Великий Новгород: Типография Любавич, 2018. С. 23–25.
- Керамические плитки покрытия полов из раскопок на Соборной площади в Твери (по материалам исследований 2013–2014 гг.) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Вып. 11 / Отв. ред. А.Н. Хохлов. Тверь: ТНИИАРЦ, 2018. С. 77–113. Соавт.: И.А. Сафарова, А.Н. Хохлов.
- Надгробия с эпитафиями в культуре Москвы конца XVII в. и «Эпитафий» Сильвестра Медведева в память Симеона Полоцкого // «Вертоград многоцветный»: сборник к 80-летию Бориса Николаевича Флори. М.: Индрик, 2018. С. 501–516.
- Монастырский некрополь: саркофаги и плиты // Археология Московского Кремля: Раскопки 2006–2017 гг. / Под ред. Н.А. Макарова и В.Ю. Коваля. М.: ИА РАН, 2018. С. 116–123. Соавт.: В.С. Курмановский.
- Зарядье до конца XVII века: историческая топография, археология, архитектура // Зарядье. Ред. А. Белов. М.: Москомархитектура, 2018. С. 171–181. Соавт.: А.Л. Баталов.
- Завершающие работы в Воскресенском Ново-Иерусалимском монастыре на реке Истре // АО. 2016 год. М.: ИА РАН, 2018. С. 85–87. Соавт.: О.Н. Глазунова.
- Раскопки в монастыре Рождества Богородицы // Там же. С. 101–103. Соавт.: М.С. Батанина, О.Н. Глазунова.
- Работы в Высоко-Петровском монастыре // Там же. С. 103–106. Соавт.: О.Н. Глазунова, С.Б. Григорян, Н.И. Савельев.
- Ранние Романовы и их погребальная традиция: XVII век // В поисках бояр Романовых: междисциплинарное исследование усыпальницы XVI–XVIII вв. в Знаменской церкви Новоспасского монастыря в Москве. Вып. 1 / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2018. С. 12–37. Соавт.: С.Ю. Шокарев.
- Натурные исследования «Палатки Романовых» в церкви Образа Богородицы «Знамение» московского Новоспасского монастыря // Там же. С. 38–54. Соавт.: И.И. Елкина.
- Заключение // Там же. С. 109–114. Соавт.: М.Б. Медникова.
- Scratch a Russian and You'll find a Tatar: the impact of Islam as revealed by archaeology of Moscow State // 24th EAA Annual Meeting abstract book. Vol. 1. Barcelona, 2018. P. 32.
- Наброски по археологии Ренессанса в России XVI в. // Археология и художественное видение: исторические контексты. Материалы международной научной конференции 21–22 апреля 2017 г. М.: РГГУ, 2019. С. 212–235.
- Отдел археологии Московской Руси // Институт археологии РАН: 100 лет истории. М.: ИА РАН, 2019. С. 77–84.
- Московская археологическая экспедиция: Зарядье, 1941–2015 // Там же. С. 164–168.
- Российская археология (журнал) // Там же. С. 208–211.

- Спасо-Преображенский собор Твери XIII–XIV веков: опыт объемной реконструкции // Вестник сектора древнерусского искусства. Журнал по истории древнерусского искусства. 2019. № 1. С. 53–67. Соавт.: О.Г. Ким, В. Рябов, А.Н. Хохлов.
- Государственный институт искусствознания, Институт археологии РАН. Совместная конференция «Искусство и археология» // Вестник сектора древнерусского искусства. Журнал по истории древнерусского искусства. 2019. № 1. С. 203–206. Соавт.: Л.И. Лифшиц.
- Древности Иерихона: Византийский и Омейядский периоды на русском участке // Новые археологические проекты: Воссоздавая прошлое / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2019. С. 148–151. Соавт.: А.Н. Ворошилов, Л.А. Голофаст, С.Б. Григорян.
- Постройки XV–XVI вв., расположенные вблизи апсид собора Спаса Преображения в Тверском кремле (по материалам раскопок 2013–2014 гг.) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Вып. 12 / Отв. ред. А.Н. Хохлов. Тверь: ИА РАН, ТНИИАРЦ, 2019. С. 196–220. Соавт.: И.А. Сафарова, А.Н. Хохлов.
- На старой дороге: работы 2015 года в Зарядье // Природа. 2019. № 3. С. 58–65.
- Новые находки или утраченная коллекция? Уникальные предметы из Нового Иерусалима (предварительная публикация) // КСИА. Вып. 254. М.: ИА РАН, 2019. С. 308–319.
- Монастыри Московской Руси: этапы археологического изучения и современное состояние // КСИА. Вып. 256. М.: ИА РАН, 2019. С. 7–22.
- «Лестница жизни». Занимательная ауксология в России начала XVIII века и серия изразцов из Нового Иерусалима // Артикульт. 2019. № 2 (34). С. 41–58.
- Русская археология Палестины // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 2 (95). С. 51–64.
- Памятные надписи славянских паломников XVIII–XIX вв. в Архангельском монастыре в Иерусалиме (предварительная публикация) // Славяноведение. 2019. № 2. С. 94–99. Соавт.: К.А. Вах. [Электронный ресурс]. URL: <http://ras.jes.su/slav/s0869544x0004204-7-1> (дата обращения: 26.03.2019).
- 7000 лет и деловые пометки: к палеографии надгробий Москвы XVI – начала XVII века // Звучат лишь Письмена. К юбилею Альбины Александровны Медынцевой / Отв. ред. В.Ю. Коваль; сост. И.Н. Кузина, А.А. Гомзин. М.: ИА РАН, 2019. С. 76–88.
- Белокаменные саркофаги и надгробия некрополя Чудова монастыря из раскопок в Московском Кремле 2015–2017 гг. // Российская археология. 2019. № 2. С. 117–133. Соавт.: Н.А. Макаров, В.С. Курмановский.
- Археология московского Новодевичьего монастыря: первые итоги // Российская археология. 2019. № 4. С. 177–192. Соавт.: О.Н. Глазунова, С.Б. Григорян, И.И. Елкина, С.Г. Шуляев.
- Берестяная грамота Москва-4: результаты комплексного исследования // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 3 (77). С. 21–30. Соавт.: А.А. Гиппиус, А.А. Зализняк.
- Рождение черепицы: первые керамические кровли Руси (XV в.) // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Сборник материалов X Международной научной конференции (9–13 сентября 2019 г., Москва, Россия). Приложение к журналу «Древняя Русь. Вопросы медиевистики» / Отв. ред. Е.Л. Коняевская. М.: Индрик, 2019. С. 25–26. Соавт.: С.И. Баранова.

- Рождение традиции: погребальные памятники Северо-Восточной Руси XII–XV в. в контексте архитектуры // Там же. С. 27–29.
- Спасо-Преображенский собор в Твери и его место в архитектурной традиции XIII–XV в. // Там же. С. 30 – 31. Соавт.: А.Н. Хохлов, И.А.Сафарова.
- Переводчики и книжники из Западной Европы в лапидарной эпиграфике России XVI–XVII вв. // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетий. Материалы международной научной конференции 12–13 сентября 2019 г. М.: ИРИ РАН, 2019. С. 16–21.
- Четыре стороны света: археология русского присутствия. XVI – начало XX в. // Уральский исторический вестник. 2019. № 4 (65). С. 64–71.
- Историческая археология России: неожиданные перспективы // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2018. М.: РАН, 2019. С. 121–133.
- Nový Jerusálém v kontextu «mezinárodních projektů» střední Evropy v 15–17 století // Moskva – Třetí Řím. Ot ideje k symbolu. Boček Pavel, kolektiv autorů. Praha: Nakladatelství Lidové, 2019. St. 139–146.
- The seljuk stone carving of the late 14th – early 15th century: Erusalem, Anatolia, Crimea and Moscow // Abstract book of the 25th EAA Annual Meeting (Bern, 2019). Bern, 2019. P. 604.
- Погребение // Православная энциклопедия. Т. 57. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2020. С. 24–26, 27–28.
- Распятие // Православная энциклопедия. Т. 59. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2020. С. 237–333. Соавт.: Н.В. Квливидзе.
- Встреча на Истре: археология Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря // Монастырская культура как трансконфессиональный феномен / Отв. сост. Л. Штайндорфф, А.В. Доронин. М.: Российская политическая энциклопедия, 2020. С. 224–240.
- Новодевичий монастырь: археология для истории (по материалам исследований 2016–2020 годов) // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2019. М.: Изд-во РАН, 2020. С. 162–180.
- Дополнительные конструкции фундаментов Смоленского собора XVI в. в Новодевичьем монастыре. Предварительная публикация // Архитектурная археология. 2020. № 2. С. 204 –214. Соавт.: С.Б. Григорян, В.С. Фролов, С.Г. Шуляев.
- Жизнь и смерть в Российской империи: археология истории // Жизнь и смерть в Российской империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVIII–XIX вв. / РАН, Отделение историко-филологических наук, ИА, ИРИ; отв. ред. Л.А. Беляев, В.Н. Захаров. М.: Индрик, 2020. С. 6–10.
- Археология и литературные источники XVIII–XIX вв. // Там же. С. 120–129.
- Нейтронная томография и радиография как метод исследования предметов личного благочестия (на примере креста из Донского монастыря) // Там же. С. 300–303. Соавт.: И.А. Сапрыкина, С.Е. Кичанов, Д.П. Козленко, Л.А. Пельгунова.
- Северо-Восточная Русь в середине XIII – второй половине XIV в.: археологические данные // Российская история. 2020. № 4. С. 38–48.

- Крест из Новодевичьего монастыря: археологический контекст и типология энколпионов XVI–XVII вв. // Российская археология. 2020. № 4. С. 149–164.
- Надгробие Ф.А. Голицыной и другие плиты князей Голицыных XVI–XVII вв. в Новодевичьем монастыре // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 2. С. 60–77. Соавт.: А.В. Топычканов.
- Саркофаг княгини Анастасии Бельской в подклете Смоленского собора Московского Новодевичьего монастыря // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 4. С. 83–98. Соавт.: С.Ю. Шокарев, С.Г. Шуляев.
- Некрополь последних бояр Романовых: сибирские коннотации // Вестник ТГУ. История. 2020. № 66. С. 107–117. Соавт.: С.Ю. Шокарев.
- Русские подвесные кресты и иконки XVII–XIX веков: сибирская перспектива // Вестник ТГУ. История. 2020. № 68. С. 23–28.
- О времени постройки первого каменного собора Алексеевского Зачатьевского монастыря: опыт автокоррекции // Вестник сектора древнерусского искусства. Журнал по истории древнерусского искусства. 2020. № 2. С. 65–78. Соавт.: И.И. Елкина.
- Исследования 2017–2018 гг. в Новодевичьем монастыре (Москва) // АО. 2018 год. М.: ИА РАН, 2020. С. 116–121. Соавт.: О.Н. Глазунова, С.Б. Григорян, И.И. Елкина, С.Г. Шуляев.
- Антонин (Капустин) и Н.П. Кондаков // Иерусалимский православный семинар. Вып. 10. М.: Индрик, 2020. С. 110–125. Соавт.: К.А. Вах.
- Die Archäologie Moskaus: zwei Entwicklungsstrategien (Археология Москвы: две стратегии развития) // Archäologie in mittelalterlichen Städten. Russlands und Deutschland – ein Vergleich / Hrsg. Manfred Nawroth, Matthias Wemhoff, Nikolai Makarow und Wladimir Kowal / (Археология в средневековых городах. Россия и Германия – сравнение). Staatliche Museen zu Berlin. Berlin, 2020. S. 59–90. [Berliner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte, Bd. 25.] Museum für Vor- und Frühgeschichte, Staatliche Museen zu Berlin.
- Работы Иерихонской археологической экспедиции: 2019–2021 годы // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 3 (105). С. 137–153.
- К 10-летию Иерихонской экспедиции Института археологии РАН: работы 2019–2020 гг. // Российская археология. 2021. № 3. С. 116–129. Соавт.: А.Н. Ворошилов, О.М. Ворошилова, А.А. Максимова.
- Надгробие старицы Анфисы Годуновой в подклете Смоленского собора Новодевичьего монастыря // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2021. № 3. С. 91–110. Соавт.: А.Л. Корзинин.
- Погребальные памятники рода князей Кубенских в подклете собора Новодевичьего монастыря // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2021. № 4. С. 88–110. Соавт.: С.Ю. Шокарев, С.Г. Шуляев.
- Погребение Александра Невского во Владимире: археология почитания // Исторический вестник. Т. 35 (182). М.: АНО «Руниверс», 2021. С. 76–107. Соавт.: П.Л. Зыков, О.М. Иоаннисян, А.В. Сиренов.
- Московская Русь: первые шаги // Русь в XIII–XV веках. Новые открытия в области археологии и истории / ИА РАН, ИРИ РАН; отв. ред. Л.А. Беляев, Е.Л. Конявская. М.: Индрик, 2021. С. 6–10. Соавт.: Е.Л. Конявская.

- Московские типы: к истокам традиций // Там же. С. 166–177.
- О керамических кровлях Москвы рубежа XV–XVI веков // Там же. С. 264–276. Соавт.: С.И. Баранова.
- Собор и кладбище. Высоко-Петровский монастырь (Москва): находки, утраты, методические ошибки 2010-х годов.
- Часть первая // Вестник сектора древнерусского искусства. Журнал по истории древнерусского искусства. 2021. № 1. С. 74–93.
- Часть вторая // Вестник сектора древнерусского искусства. Журнал по истории древнерусского искусства. 2021.. № 2. С. 101–115.
- Саркофаги XII–XIII вв. в монастыре Рождества Богородицы во Владимире: топография и стратиграфия // Александр Невский: личность, эпоха, историческая память. К 800-летию со дня рождения. Материалы международной научной конференции (25–27 мая 2021 г., Москва, Россия) / ИРИ РАН, ИА РАН; отв. ред. Е.Л. Конявская, Л.А. Беляев. М.: Индрик, 2021. С. 55–75. Соавт.: О.М. Иоаннисян, П.Л. Зыков.
- Некрополь монастырского собора Рождества Богородицы во Владимире (по материалам работ 1997–2000 гг.) // Реликварий Александра Невского. Исследования и материалы / Сост. А.В. Сиренов. М.: Российская политическая энциклопедия, 2021. С. 84–125. Соавт.: П.Л. Зыков, О.М. Иоаннисян.
- Труженик двух Иерусалимов // Ново-Иерусалимские чтения 2019–2020 / Отв. ред. Л.А. Беляев, С.И. Баранова. М.: РА «Премиум», 2021. С. 13–31.
- Заметки о мастерских камнерезов: плита с орнаментальной графьей из Новодевичьего монастыря // Мир Средневековья. Познавая прошлое. К 70-летию отдела средневековой археологии / Отв. ред. В.Ю. Коваль; сост. И.Н. Кузина, В.С. Курмановский. М.: ИА РАН, 2021. С. 235–239.
- Раскопки на Русском месте в 1883 г.: по материалам дневника архимандрита Антонина (Капустина) // Православный Палестинский сборник. Вып. 119. М.: Индрик, 2021. С. 39–60. Соавт.: К.А. Вах.
- One man's trash is another man's treasure: опыт археологии современности // Культура русских в археологических исследованиях: археология Севера России. Сборник научных статей. В 2 т. Том 1 / Под ред. Л.В. Татауровой. Омск, -Сургут: Издательская группа АНО «Институт археологии Севера», 2021. С. 12–16.
- Васильев луг и Воспитательный дом: археологические заметки // Великая институция России: Императорский Московский Воспитательный дом. Выдающееся общественное и культурное наследие. М.: Компания «Бецкой», 2021. С. 320–327.
- Islamic elements in Moscow gravestones of the 16th and 17th centuries // Widening Horizons. 27th EAA Annual Meeting (Kiel, 6–11 Sept.). Virtual Meeting. Abstract Book. Prague: European Association of Archaeologists, 2021. P. 64.
- Иерихонский эпизод 1891 года: заметки археолога // Материалы к истории научной экспедиции Императорского Православного Палестинского Общества в Сирию и Палестину в 1891 г. Ч. 1. Путевой дневник Н.П. Кондакова по Сирии и Палестине / Подг. к публикации и комментарию М.Н. Бутырский; науч. ред. Л.А. Беляев. М.: Индрик, 2022. С. 267–274.
- Иван Федорович Барщевский и его работа в экспедиции 1891 года // Материалы к истории научной экспедиции Императорского Православного Палестинского Общества в

- Сирию и Палестину в 1891 г. Ч. 2. Сирия и Палестина в фотографиях И.Ф. Барщевского (из коллекции Российской национальной библиотеки) / Авт.-сост. Е.В. Бархатова, К.А. Вах; науч. ред. Л.А. Беляев. М.: Индрик, 2022. С. 11–20.
- Пётр Великий и дворец в Коломенском: архивы, музеи, археология // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2022. № 1 (108). С. 127–144. Соавт.: С.И. Баранова.
- Исламская орнаментика в надгробных памятниках Московского государства XVII века: заметки археолога // ΔΩΡΕΑ: К 90-летию Ангелины Сергеевны Смирновой: сборник статей / Отв. ред. М. А. Орлова. М.: ГИИ, 2022. С. 78–87.
- Русские раскопки у храма Воскресения и современная археология Иерусалима // Русские раскопки у храма Воскресения в Иерусалиме: источники, дискуссии, современная интерпретация / Авт.-сост. Л.А. Беляев, К.А. Вах, Я. Чехановец. М.: Индрик, 2021. С. 87–100. Соавт.: Я. Чехановец.
- Люди и раскопки: архимандрит Антонин (Капустин) на Русском месте в Иерусалиме // За синей птицей (антропология академической жизни). Памяти Г.А. Комаровой / Ред. Э.-Б.М. Гучинова и В.А. Шнирельман. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2022. С. 207–242. Соавт.: К.А. Вах.
- Археология Романовых XVI–XVII вв. // Елкина И.И., Беляев Л.А. В поисках бояр Романовых: междисциплинарное исследование усыпальницы XVI–XVIII вв. в Знаменской церкви Новоспасского монастыря в Москве. Вып. 2. / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2022. С. 7–15.
- Заключение // Там же. С. 88–90. Соавт.: Елкина И.И.
- Некрополь XVI–XVII вв. к югу от Смоленского собора Новодевичьего монастыря: идентификация и генеалогия // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2022. № 3. С. 124–152. Соавт.: А.Л. Корзинин.
- «Розовый» камень на участке Русской Духовной Миссии в Иерихоне: история изучения и петрография // Российская археология. 2022. № 2. С. 91–103. Соавт.: О.А. Аникеева.
- Монеты из раскопок Иерихона в 2017, 2019–2020 гг. // Там же. С. 104–119. Соавт.: М.Г. Абрамзон, А.Н. Ворошилов, Е.Ю. Гончаров.
- Некрополь конца XIII – начала XV в. за апсидами собора Спаса Преображения (по материалам археологических раскопок 2012–2014 гг.) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Вып. 14. / Отв. ред. А.Н. Хохлов. Тверь: ИА РАН, ТНИИАРЦ, 2022. С. 124–135. Соавт.: И.А. Сафарова, А.Н. Хохлов.
- Захоронения церковных иерархов в соборе Спаса Преображения в Твери (по материалам раскопок 2013–2014 гг.) // Там же. С. 396–401. Соавт.: И.А. Сафарова, А.Н. Хохлов.
- Могила жены архитектора: новые материалы об Эппингерах в России // Православный Палестинский сборник. Вып. 120. М.: Индрик, 2022. С. 41–51. Соавт.: К.А. Вах.
- Чудеса продолжают: иконографическая загадка из Нового Иерусалима // Русский средневековый город: археология, история, культура. К 75-летию А.В. Чернецова / Отв. ред. И.Ю. Стрикалов. М.: ИА РАН, 2022. С. 153–166. Соавт.: О.Н. Глазунова.
- Archeology of Distinctiveness: the Material World of Muscovy of the 14th–16th Centuries // Herald of the Russian Academy of Science, 2022. Vol. 92, Suppl. 5, pp. 457–466.
- Editorial // Herald of the Russian Academy of Science, 2022. Vol. 92, Suppl. 8, pp. 675–676.

Поздравления и некрологи

- К юбилею П.П. Толочко // Российская археология. 2018. № 3. С. 191–192. Соавт.: Г.Ю. Ивакин, Н.А. Макаров, Р.М. Мунчаев, П.Г. Гайдуков.
- Наталья Дмитриевна Аксенова (к 90-летию юбилею) // Российская археология. 2018. № 4. С. 179–180. Соавт.: К.А. Руденко, А.Г. Ситдилов, Н.А. Кокорина, С.В. Кузьминых.
- Памяти Глеба Юрьевича Ивакина // Там же. С. 186–188. Соавт.: П.Г. Гайдуков, Н.А. Макаров, А.В. Чернецов, В.Ю. Коваль.
- К 90-летию В.Л. Янина // Российская археология. 2019. № 1. С. 191–192. Соавт.: редколлегия журнала «Российская археология».
- К 80-летию Альбины Александровны Медынцева // Российская археология. 2019. № 2. С. 196–197. Соавт.: Т.В. Рождественская, А.В. Чернецов, В.Ю. Коваль.
- К 100-летию российской академической археологии: итоги года. От редакции // Российская археология. 2020. № 1. С. 7–8. Соавт.: редколлегия, редсовет и редакция «Российской археологии».
- К юбилею Светланы Измайловны Барановой // Российская археология. 2020. № 3. С. 206. Соавт.: коллектив ИА РАН, редколлегия журнала «Российская археология».
- Евгений Николаевич Носов // Там же. С. 212–213. Соавт.: П.Г. Гайдуков, Р.М. Мунчаев, Н.А. Макаров, В.А. Лапшин.
- Валентин Лаврентьевич Янин (1929 – 2020) // Российская археология. 2021. № 1. С. 187–189. Соавт.: Н.А. Макаров, П.Г. Гайдуков.
- К 60-летию Владимира Валентиновича Седова // Российская археология. 2021. № 2. С. 208–209. Соавт.: Н.А. Макаров, М.В. Вдовиченко, П.Г. Гайдуков, В.Ю. Коваль, Н.В. Лопатин.
- Елена Владимировна Переводчикова // Российская археология. 2021. № 3. С. 204–205. Соавт.: Н.И. Беловинцева, Т.А. Габуев, А.Р. Канторович, В.И. Мордвинцева, Т.В. Раевская.
- Рауф Магомедович Мунчаев // Там же. С. 206–208. Соавт.: Ш.Н. Амиров, П.Г. Гайдуков, Н.А. Макаров.
- К 60-летию В.Ю. Ковалю // Российская археология. 2021. № 4. С. 210–212. Соавт.: Д.Ю. Бадеев, Д.О. Осипов, П.Е. Русаков, А.В. Энговатова, дирекция ИА РАН, коллектив Отдела средневековой археологии, редколлегия журнала «Российская археология».
- Памяти С. С. Ширинского (22.07.1937–13.03.2021) // Российская археология. 2022. № 1. С. 212–214. Соавт.: А.А. Медынцева, А.В. Чернецов, В.Ю. Коваль.
- Памяти Германа Алексеевича Федорова-Давыдова // Российская археология. 2022. № 4. С. 195–197. Соавт.: П.Г. Гайдуков, Ю.А. Зеленева, В.Ю. Коваль, Е.М. Пигарев.
- К 90-летию Марины Дмитриевны Полубояриновой // Там же. С. 198–199. Соавт.: П.Г. Гайдуков, В.Ю. Коваль, С.И. Валиулина, Л.Ф. Недашковский, И.В. Волков, Н.И. Недашкова, А.Г. Ситдилов.

Н.А. Макаров, А.Н. Федорина

СУЗДАЛЬСКИЕ АРХАНГЕЛЫ

Аннотация: Статья посвящена новым находкам христианских древностей с изображением архангела, обнаруженным в ходе археологических обследований суздальских селищ в 2020–2021 гг. Подвески в виде фигур архангелов – хорошо известная группа средневековых предметов, выделяющаяся необычной формой христианского изображения и широтой пространственного распределения находок. Арочная иконка с изображением архангела – изделие гораздо более редкое.

Ценность публикуемых находок заключается, среди прочего, и в том, что возможно проследить контекст, в котором они бытовали, – общий характер и датировка селищ, на которых они подняты, в значительной степени прояснены. Их вещевой комплекс свидетельствует о присутствии среди насельников представителей элиты нижних и средних уровней. Вероятно, именно в этой среде могли обращаться простые в технологическом отношении, но немногочисленные подвески-архангелы. О возможной связи подвесок-архангелов с воинской средой свидетельствуют находки этой категории вещей на о. Вайгач. Обзор вещевых коллекций с подвесками-архангелами с селищ Суздальского Ополя позволяет предположить ту же связь, а для некоторых поселений (Ивановское 2) – документально проследить ее по совместным находкам подвесок и предметов вооружения.

Ивановское 2 – наиболее кратковременное поселение из представленных в статье. Наиболее вероятное время его жизни – XII столетие. Этим временем следует датировать и найденную здесь подвеску-архангела, а вместе с ней – и три других, оттиснутых, по наблюдениям И.Е. Зайцевой, с одной модели. Для определения возможной датировки арочной иконки с поселения Цибеево 6 важно, что она залегала на участке с керамикой, характерной для раннемосковского периода и хроноиндикаторами XIII–XIV вв.

Ключевые слова: подвески-архангелы, иконка с изображением архангела, Суздальская земля, Средневековье, материальная и духовная культура, христианские древности.

Подвески в виде фигур архангелов – хорошо известная группа средневековых предметов, выделяющаяся необычной формой христианского изображения и широтой пространственного распределения находок. Подвески-архангелы впервые попали в поле зрения археологов в конце XIX века¹. С накоплением находок из раскопок древнерусских городов и курганов, средневековых памятников Крыма и Балкан и святыниц Арктики, в конце XX в. появилась почва для обсуждения вопро-

---

¹ Анучин Д.Н. О культуре костромских курганов и особенно о находимых в них украшениях и религиозных символах // Материалы по археологии восточных губерний. Т. 3. М., 1899. С. 32, Табл. 6, 38; Ханенко Б.И. и В.Н. Древности русские. Кресты и образки. Вып. 1. Киев, 1899. Табл. 14. № 150.

сов о датировке, географическом распространении и происхождении этих предметов². В статье А.А. Остапенко, посвященной подвескам-архангелам, приведены данные о 29 находках с территории Восточной Европы, основная часть которых происходит из древнерусских земель³. Вывод о византийском происхождении этого типа подвесок⁴ подкрепляется сравнительным изучением находок из Причерноморья, Киева и севернорусских областей и разделяется в настоящее время большинством исследователей этих предметов⁵. Сводка подвесок-архангелов, составленная десять лет назад А.А. Остапенко, сегодня может быть дополнена новыми находками из Новгорода⁶, с селищ Суздальского Ополья⁷ и ранее не учтенными находками из Суздаль и с территории Юго-Восточной Прибалтики, современной Эстонии и Латвии⁹. Не менее четырнадцати таких подвесок изданы в каталогах металлопластики из нелегитимных раскопок как предметы, происходящие из Брянской, Рязанской, Московской, Владимирской и Черниговской областей¹⁰. Общее количество подвесок-архангелов увеличивается, таким образом, не менее чем в полтора раза. Присутствие подобных подвесок, выставленных на продажу, в интернете, показывает, что действительное число грабительских находок значительно выше.

В настоящей статье публикуются новые находки христианских предметов с изображением архангелов, собранные при обследовании суздальских селищ в 2020–

² Залеская В.Н. Бронзовая подвеска из Эски-Кермена (О новом иконографическом типе Христа-вестника) // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. 1888–1988. Тезисы докладов. Севастополь, 1988. С. 45–47; Недошивина Н.Г. Ритуальные литые фигурки со святилищ острова Вайгач // Российская археология. 1996. № 2. С. 201–205; Седова М.В. Суздаль в X–XV веках. М., 1997. С. 92. Рис. 27: 3; Лосицкий Ю.Г., Паришина Е.А. Эски-Керменская базилика // Православные древности Таврики (сб. материалов по церковной археологии). Киев, 2002. С. 99–113; Мовчан І.І., Іевлев М.М., Козловський А.О. Археологічні відкриття в Україні 2001–2002 рр. // Збірка науков. прац. Вип. 5. Київ, 2003. С. 194–196; Макаров Н.А. Север и Юг Древней Руси в X – первой половине XIII века: факторы консолидации и обособления // Русь в IX–XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга. М., 2005. С. 5–10.

³ Ostapenko A. Miniature Figures of Archangels in Medieval Eastern Europe // Rome, Constantinople and Newly-Converted Europe. Archaeological and Historical Evidence. Ed. Maciej Salamon, Marcin Woloszyn, Alexander Musin, Perica Spehac. Kraków – Leipzig – Rzeszów – Warszawa, 2012. P. 491–502.

⁴ Залеская В.Н. Бронзовая подвеска...

⁵ Недошивина Н.Г. Ритуальные литые фигурки...; Седова М.В. Суздаль в X–XV веках...; Макаров Н.А. Север и Юг Древней Руси...; Ostapenko A. Miniature Figures of Archangels...

⁶ Гайдуков П.Г., Олейников О.М., Исаев А.А., Богомолов А.В., Короткова Е.В. Археологические исследования на Софийской стороне Великого Новгорода в 2017 г. (Раскопы: на ул. Троицкая, д. 16; на ул. Воздвиженская, д. 9; на ул. Черняховского, д. 14; на ул. Большая Конюшенная, д. 5) // Новгород и Новгородская земля. Вып. 32. Великий Новгород, 2019. С. 71. Рис. 11: 2.

⁷ Макаров Н.А., Зайцева И.Е. Христианская металлопластика Суздальской земли XII–XIII вв.: новые находки // Нескончаемое лето. Сборник статей в честь Елены Александровны Рыбиной. М.; Великий Новгород, 2018. С. 119–130.

⁸ Седова М.В. Суздаль в X–XV веках... С. 92. Рис. 27: 3.

⁹ Kurisoo Tuuli. Adornment, Self-definition, Religion: Pendants of North-Eastern Baltic Sea Region, 9th–13th century // Studien zur Siedlungsgeschichte und Archäologie der Osterseegebiete. Band. 19. Kiel/Hamburg, 2021. P. 94–96.

¹⁰ Станюкович А.К. Неизвестные памятники русской металлопластики. Миниатюрные иконки-привески XI–XVI веков. М., 2011. С. 40–41, 214–218. № 358–361; Нечитайло В.В. Каталог христианских нагрудных вишив мистецтва періоду Київської Русі (X – перша половина XIII ст.). Київ, 2000. № 614; Чудновец А.А. Каталог средневековой мелкой пластики. М., 2008. С. 73. № 46; Спасеных А.Н. Литые кресты XIV–XVI веков как свидетели истории образования Московской Руси. Новосибирск, 2019. С. 93.

Рис. 1. Подвески-архангелы: 1 – Суворотское 8, 2 – Воронцово 1, 3 – Сорогужино 2, 4 – Ивановское 2, 5 – Головенцино 1

2021 гг. и не вошедшие в ранее изданную сводку средневековой христианской пластики Суздальского Ополя¹¹. Ценность этих находок заключается, среди прочего, и в том, что их археологический контекст надежно документирован. Все предметы происходят из распаханного культурного слоя и не могут быть связаны с конкретными археологическими комплексами, однако общий характер и датировка селищ, на которых они подняты, в значительной степени прояснены по находкам из сборов.

¹¹ Макаров Н.А., Зайцева И.Е. Христианская металлопластика Суздальской земли XII–XIII вв...

Подвески-архангелы найдены на селищах Воронцово 1, Головенцино 1 и Ивановское 2 (рис. 1: 2, 4, 5). Все они представляют собой схематичное фронтальное изображение фигуры архангела в рост в складчатых одеждах с широко расправленными крыльями. Крупное округлое лицо, на котором просматриваются глаза и выпуклый нос, окружено нимбом, крылья показаны с перистой разделкой, крестообразный выступ на груди может быть изображением крестообразно перепоясанного на груди лора или сложенных рук. У подвесок петельчатые ушки. Изображения на лицевых сторонах нечеткие, детали плохо просматриваются, оборотные стороны гладкие. Высота подвесок вместе с ушком – 3,2–3,3 см, ширина – 1,6–1,7 мм. У подвески с селища Воронцово 1 часть ушка обломана.

Анализ металла, из которого изготовлены подвески, был выполнен И.Е. Зайцевой с использованием приборной базы Центра коллективного пользования (ЦКП) ИА РАН методом растровой электронной микроскопии в сочетании с энергодисперсионным рентгеновским микроанализом на сканирующем электронном микроскопе TESCAN VEGA Compact LMN с системой элементного микроанализа AZtecOne с энергодисперсионным детектором Xplore 15 при ускоряющем напряжении 20 кВ в режиме высокого вакуума 10^{-3} Па. Все три подвески отлиты из оловянно-свинцовой бронзы (Воронцово 1 – 86,3%, Sn – 9,8%, Pb – 2,3%. Головенцино 1 – Cu – 83,3%, Sn – 10,9%, Pb – 4,8%; Ивановское 2 – Cu – 70,7%, Sn – 18,5%, Pb – 8,4%). По наблюдениям И.Е. Зайцевой, все они сделаны по оттиску с одной модели, возможно – готового изделия. Особенно велико сходство между подвесками с селищ Головенцино 1 и Воронцово 1, возможно, они принадлежат к одной партии изделий, отлитых одновременно.

А.А. Остапенко выделил схематичные упрощенные фигурки с крестовидной перевязью на груди, подобные вновь найденным подвескам с суздальских селищ в отдельный тип 4. Как отличительную черту этого типа он отмечает отсутствие у архангелов рук, держащих мерило и зеркало, очевидно, этот вариант иконографии предполагал их положение согнутыми и они не видны на отливках невысокого качества. Исследователем учтены 7 подвесок этого типа, происходящих из костромских и подмосковных курганов, курганов Суздальского Ополя, из Черниговской области и Старой Рязани¹². К этому же типу относятся уже изданные нами подвески с суздальских селищ Сорогужино 2 и Суворотское 8¹³ (рис. 1: 1, 3), неучтенная подвеска из Суздаля¹⁴ и новая находка из Новгорода¹⁵. Связь подвесок этого типа с ростово-суздальскими землями, уже отмеченная исследователями¹⁶, еще более четко проявляется с накоплением новых находок.

Еще одна иконка-подвеска с изображением архангела относится к редкому типу. Образок происходит из сборов на селище Цибеево 6. На иконке с полукруглым завершением помещено изображение фигуры архангела, повернутое в три четверти впра-

¹² *Ostapenko A. Miniature Figures of Archangels...* P. 496–497.

¹³ Макаров Н.А., Зайцева И.Е. Христианская металлопластика Суздальской земли XII–XIII вв. ...

¹⁴ Седова М.В. Суздаль в X–XV веках... С. 92.

¹⁵ Гайдуков П.Г., Олейников О.М., Исаев А.А., Богомолов А.В., Короткова Е.В. Археологические исследования... С. 71. Рис. 11: 2.

¹⁶ Седова М.В. Суздаль в X–XV веках... С. 92; *Ostapenko A. Miniature Figures of Archangels...* P. 496.

во, с мерилем в согнутой правой руке и зеркалом – в левой (рис. 2). Лицо архангела развернуто прямо, большие широко расставленные крылья моделированы рельефными линиями, ноги изображены в профиль и повернуты вправо. Одежда архангела длинная, расширяющаяся к подолу, перетянута у пояса. Мерило имеет ромбовидное навершие. Изображение обрамлено гладким ободком. Ушко образца обломано, оборотная сторона гладкая. Иконка сильно потерта, из-за чего детали изображения плохо просматриваются. Высота образца – 1,9 см, ширина – 1,5 см, ширина ободка – 0,15–0,17 мм. Анализ металла, выполненный И.Е. Зайцевой в ЦКП ИА РАН, показал, что иконка изготовлена из оловянной бронзы (Cu – 70,8%, Sn – 26,9%, Pb – 1,4%). Отливка произведена по резной восковой модели и покрыта оловом.

Аналогичная подвеска-иконка с изображением повернутого в три четверти архангела на щитке с полукруглым завершением с ушком в виде куба со срезанными углами издана в каталоге мелкой пластики из нелегитимных раскопок и датирована второй половиной XIV–XV вв. Датировка основывается на форме ушка. Изображения очень близки, но размеры иконки, указанные в каталоге, более крупные: $2,7 \times 1,6$ см¹⁷. В этом же каталоге изданы еще два образца с изображением архангела, обращенного в три четверти вправо, – со щитками овальной формы и гранеными ушками¹⁸, овальной формы. Еще несколько образцов с полуарочным завершением с аналогичными изображениями архангелов, нечеткими и сильно потертыми, были выставлены на продажу на интернет-аукционах. Два каменных образца с изображением архангелов в рост с мерилем и зеркалом на щитках с полукруглым завершением опубликованы Т.В. Николаевой. На одном из них изображен архангел Михаил с головой в три четверти, повернутой вправо, в одежде с сильно перетянутым поясом. На другой изображен архангел Гавриил с головой, повернутой влево в три четверти, и ногами, повернутыми влево. Оба эти образца попали в ГТГ из частных коллекций и датированы XII–XIII вв. по стилистическим особенностям¹⁹. Изображение архангела на подвеске-иконке из Цибеева 6 по своей иконографии близко изображениям на каменных образках. Однако время бытования металлических иконок с полуарочным завершением в целом определяется как вторая половина XIV–XVI вв.²⁰. В закрытых археологических комплексах и датированных отложениях домонгольского времени подобные предметы не представлены.

Селища, на которых найдены подвески-архангелы и иконка-подвеска с изображением архангела, по своему характеру представляют собой обычные для Суздальского Ополя поселения с поврежденным распахкой, но насыщенным средневековыми культурными остатками культурным слоем, приуроченные к овражным системам. Одно из них – Ивановское 2 – находится в ближайших окрестностях Суздаля, три – Воронцово 1, Головенцино 1 и Цибеево 6 – в 17–25 км к юго-западу

¹⁷ Станюкович А.К. Неизвестные памятники русской металлопластики... С. 64, 116. № 96.

¹⁸ Там же. С. 114. № 90, 91.

¹⁹ Николаева Т.В. Древнерусская мелкая пластика из камня XI–XV вв. М., 1983. С. 65–66, № 76, 78. Табл. 16. 4, 5.

²⁰ Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981. С. 64; Дубровин Г.Е. Археологические исследования на Никитинском раскопе в 2003 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Вып. 18. Великий Новгород, 2004. С. 14–15. Рис. 1: 1, 2; Средневековое поселение Настасьино / Ред.-сост. А.В. Энговатова. М., 2004. С. 60. Рис. 93: 29.

Рис. 2. Иконка с изображением архангела.
Цибеево 6 (фото – Н.Д. Угулава,
рисунок – А.С. Дементьева)

от Суздаля, на овражных системах, между р. Каменкой и р. Колокшей, одно – Сорогужино 8 – в северо-западной части Ополя, к северу от Юрьева-Польского, последнее – Суворотское 8 – в южной части Ополя, на небольшой речке, правом притоке р. Нерли. Пять из них – крупные поселения площадью около 6 га (Суворотское 8 – 5,8 га, Воронцово 1 – 6,2 га, Сорогужино 2 и Цибеево 6 – 6,3 га, Головенцино – 6,8 га), из этого ряда выбивается небольшое селище – Ивановское 2 (1 га). Все эти поселения запустели во второй половине XIII – конце XIV в. и находятся за пределами современных населенных пунктов, на территориях, занятых сельскохозяйственными угодьями.

Характеристика этих поселений как «обычных» не означает, что их культурный слой не содержит выразительных находок, связанных с престижным потребле-

нием, воинскими занятиями и письменностью. Комплексы подобных предметов мы предложили рассматривать как маркеры присутствия на поселениях усадеб знати²¹. Рассмотрим коротко некоторые находки, существенные для прояснения занятий и социального облика их обитателей.

Находки вислых печатей происходят с площадок двух памятников (Сорогужино 2, Воронцово 1). В комплекс предметов, связанных с занятиями элиты, на селище Сорогужино 2 входят 2 стиля для письма, один из них найден в непосредственной близости от места находки подвески-архангела. В этой же части площадки поднята уже упомянутая выше вислая печать с изображением святого Феодора и архангела Михаила и 1 свинцовая пломба. Пломбы происходят с площадок еще двух памятников: Головенцино 1 (1 экз.) и Суворотское 8 (3 экз.). С площадки последнего также происходит серия находок гирек, фрагменты двух чашечек от весов для малых взвешиваний и денарий. На четырех памятниках зафиксированы находки фрагментов амфор, в том числе на двух (Головенцино 1 и Сорогужино 2) они представлены серийно.

Группа находок, маркирующих присутствие на селищах профессиональных воинов-всадников, невелика, но выразительна. Эти находки представлены на большин-

²¹ *Makarov N.A. Social elite at rural sites of Suzdal region in North-Eastern Rus' // Ruralia IX. Hierarchies in rural settlements / Ed. Jan Klápště. Praha, 2013. P. 371–386.*

Рис. 3. Находки, происходящие с селища Ивановское 2 (№ 1–28) и кистень, найденный на селище Спасское городище 7 (№ 29). № 1–11, 13–29 – цветной металл, № 12 – стекло

стве рассматриваемых памятников. На селище Головенцино 1 – деталь стремени с бронзовой инкрустацией/плакировкой и фрагмент броневой наконечника стрелы; на селище Ивановское 2 – деталь кистеня. Наиболее обширная коллекция происходит с поселения Суворотское 8: 3 «крылатых» псалия, боевой топорик и фрагмент луженого лезвия еще одного топорика, фрагмент втока, множество деталей ременной гарнитуры. Детали ременной гарнитуры также найдены на селищах Воронцово 1 (пряжки, накладка) и Сорогужино 2 (пряжки, накладки, наконечник). К кругу предметов, связанных с мужчинами-воинами, можно отнести подвеску-топорик (Суворотское 8).

В составе коллекций, собранных на всех поселениях, за единственным исключением (селище Головенцино 1), представлены предметы личного благочестия. В коллекциях трех памятников присутствуют энколпионы (Воронцово 1 – 1 экз., Сорогужино 2 – 2 экз. и Суворотское 8 – 9 экз., включая 2 оглавия); в коллекциях четырех – кресты-тельники разнообразных типов (от 1 до 21 экземпляра).

Отметим находку четырехлепестковой бронзовой накладки, декорированной многоцветными эмальями, на селище Цибеево 6.

Таким образом, состав археологических коллекций на большинстве суздальских поселений с находками подвесок-архангелов включает предметы, которые правомерно рассматривать как индикаторы высокого уровня благосостояния и маркеры присутствия среди насельников представителей элиты нижних и средних уровней.

Из шести памятников с находками образков-подвесок пять – поселения с продолжительным периодом существования, охватывавшим несколько столетий. На основании вещевых находок и керамики хронологические рамки селищ Головенцино 1, Сорогужино 2, Цибеево 6 определены как вторая половина XI–XIV вв., а селища Воронцово 1 – как XII–XIV вв. Вещевые материалы и керамика из сборов на селище Суворотское 8 определяют время жизни поселения как XI – середину XIII в. Более компактным в хронологическом отношении памятником оказывается небольшое селище Ивановское 2, приуроченное к овражным системам к западу от Суздаля.

Собранная здесь в течение двух полевых сезонов коллекция содержит 60 предметов из металла и стекла и около 100 фрагментов керамики (рис. 3). Керамический комплекс однороден – преобладают фрагменты круговых сосудов типов VIa и VIII по типологии В.А. Лапшина²². Отметим наличие 6 лепных фрагментов и 1 фрагмента раннекругового сосуда. Среди вещевого материала – подвеска-ножны, 4 креста-тельника разных типов, рукоять ключа от навесного замка типа Б (?) по Б.А. Колчину²³, донце навесного замка, круторогая лунница, подковообразная фибула с коническими головками, двенадцать пуговиц, наконечник ремня, стеклянная рыбовидная фиолетовая бусина, грушевидный бубенчик. Обломок бронзовой дужки с двумя выступами – фрагмент ушка кистеня, хорошо определимый по находкам целых экземпляров на других суздальских селищах (рис. 3: 28, 29). К ранней хронологической группе относятся узколезвийный нож и нож с прямой спинкой. Присутствие в коллекции лепной керамики, фрагмента крупного креста скандинавского типа, грушевидного крестопорезного бубенчика позволяет отнести начало жизни на этом поселении к ру-

²² Лапшин В.А. Керамическая шкала домонгольского Суздаля // Древнерусская керамика. М., 1992. С. 90–102.

²³ Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей // Советская археология. 1958. № 2. С. 94–98.

Рис. 4. Изображение архангела на шлеме Ярослава Всеволодовича

бежу XI–XII вв. – началу XII в. Судя по характеру культурного слоя и размерам поселения, период его существования был непродолжительным. Несмотря на то, что в коллекции преобладают предметы и керамика, бытующие в широком хронологическом диапазоне XI–XIII вв., наиболее вероятный период жизни поселения – XII столетие. Этим временем следует датировать и найденную здесь подвеску-архангела, а вместе с ней – и три других, оттиснутых, как уже отмечено выше, с одной модели.

Для определения хронологических позиций арочной иконки с изображением архангела существенно, что место обнаружения находки – единственный участок на поселении Цибеево 6, где устойчиво встречается керамика, характерная для раннемосковского периода и хроноиндикаторы XIII–XIV вв.

Иконки-подвески с изображением архангелов, несмотря на некото-

рую необычность контурных фигур для древнерусской христианской пластики, следует рассматривать как часть этой категории предметов, вошедшей в обиход в XII в. и получившей более широкое бытование в землях Северо-Восточной Руси²⁴. Из центрального района Суздальской земли происходит около 50 таких образков, вместе с новыми находками²⁵. Круг священных лиц и событий, изображения которых несут эти подвески, не слишком широк: Спаситель, Богородица с Младенцем, Успение Богородицы, св. Козьма и Дамиан, св. Николай, св. Георгий, св. Дмитрий Солунский. Изображения святителей и воинов-всадников на некоторых образках остаются неатрибутированными. На змеевиках, происходящих с памятников Суздальской земли, помещались изображения Богородицы на троне, Крещения и архангела Михаила. Недорогой материал, из которого изготавливались образки, простая технология их производства и невысокое качество многих отливок, а также некоторые погрешности

²⁴ Седова М.В. О двух типах привесок-иконок Северо-Восточной Руси // *Культура средневековой Руси*. Л., 1974. С. 191–193; Седова М.В. Нателные иконки с изображением святого Георгия Ростово-Суздальской Руси (XI–XIII вв.) // Г.К. Вагнер – ученый, художник, человек. М., 2006. С. 241–242; Макаров Н.А., Зайцева И.Е. Христианская металлопластика Суздальской земли XII–XIII вв... С. 119, 128–129.

²⁵ Кокорина Н.А. Древнерусские литые иконки из археологических коллекций Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника // *Археология Подмосковья. Материалы научного семинара*. Вып. 12. М., 2016. С. 138–143; Макаров Н.А., Зайцева И.Е. Христианская металлопластика Суздальской земли XII–XIII вв...

комплексы, включавшие иконки²⁶, свидетельствуют о том, что эти предметы не были предназначены для высшего слоя социальной элиты. С другой стороны, производство их не имело массового характера.

Возможно ли найти в археологических материалах какие-либо указания на специфику назначения и бытования подвесок-архангелов? Известно, что архангел Михаил почитался в Средневековье как глава воинства ангелов, архистратиг, покровитель воинов и военачальников. Этот образ архангела Михаила на Руси нашел отражение в иконографии, в том числе в изображениях его на печатях и на золоченых вратах суздальского Рождественского собора²⁷, и в широкой употребительности его имени в роду князей-Рюриковичей²⁸. Появление подвесок-архангелов в этом контексте хорошо согласуется с присутствием среди изображений на подвесках-образках св. Георгия, св. Дмитрия Солунского и неизвестного святого всадника. Наиболее ярким свидетельством восприятия архангела Михаила как покровителя воинов является налобная пластина с его изображением на знаменитом шлеме Ярослава Всеволодовича, найденном у с. Лыково в Суздальском Ополе²⁹ (рис. 4). Фронтальное изображение архангела в рост с мерилем и зеркалом в широко разведенных руках и расправленными крыльями на шлеме несколько отличается от изображения на подвесках с суздальских селищ, но близко иконографии других типов подвесок, в том числе найденных в Эски-Кермене в Крыму, в Новгороде и на святилище Болванский Нос на о. Вайгач³⁰. Находку подвески-архангела на Вайгаче и производство в местной среде амулетов по ее образцу³¹ невозможно объяснить без обращения к истории даннических поездов новгородцев на Крайний Север, то есть вне связи с воинской средой. Обзор вещевых коллекций с подвесками-архангелами с селищ Суздальского Ополя позволяет предположить ту же связь, а для некоторых поселений (Ивановское 2) – документально проследить ее по совместным находкам подвесок и предметов вооружения.

Список литературы

- Анучин Д.Н.* О культуре костромских курганов и особенно о находимых в них украшениях и религиозных символах // Материалы по археологии восточных губерний. Т. 3. М.: Типография И.Н. Шарапова, 1899. 23 с.
- Гайдук П.Г., Олейников О.М., Исаев А.А., Богомолов А.В., Короткова Е.В.* Археологические исследования на Софийской стороне Великого Новгорода в 2017 г. (Раскопы: на ул. Троицкая, д. 16; на ул. Воздвиженская, д. 9; на ул. Черняховского, д. 14; на ул. Большая Конюшенная, д. 5) // Новгород и Новгородская земля. Вып. 32. Великий Новгород: Б. и., 2019. С. 60–65.

²⁶ Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. М., 1997. С. 151–155.

²⁷ Овчинников А.Н. Суздальские золотые врата. М., 1978; Манукян А.М. Иконографическая программа южных врат собора Рождества Богородицы в Суздале // Актуальные проблемы теории и истории искусства. Вып. 2. СПб., 2012. С. 168–173.

²⁸ Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006. С. 407–410, 421–423.

²⁹ Спицын А.А. Шлем великого князя Ярослава Всеволодовича // Записки Русского археологического общества. Т. 11. Вып. 1–2. СПб., 1899. С. 388–390.

³⁰ Недошвина Н.Г. Ритуальные литые фигурки... С. 203. Рис. 5: 1, 2.

³¹ Недошвина Н.Г. Ритуальные литые фигурки... С. 201–204.

- Дубровин Г.Е. Археологические исследования на Никитинском раскопе в 2003 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Вып. 18. Великий Новгород: Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, 2004. С. 13–17.
- Залесская В.Н. Бронзовая подвеска из Эски-Кермена (О новом иконографическом типе Христа-вестника) // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. 1888–1988. Тезисы докладов. Севастополь: Херсонесский государственный историко-археологический музей-заповедник, 1988. С. 45–47.
- Кокорина Н.А. Древнерусские литые иконки из археологических коллекций Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 12. М.: ИА РАН, 2016. С. 138–143.
- Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей // Советская археология. 1958. № 2. С. 94–98.
- Лапшин В.А. Керамическая шкала домонгольского Суздаля // Древнерусская керамика. М.: ИА РАН, 1992. С. 90–102.
- Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики. М.: Индрик, 2006. 740 с.
- Лосицкий Ю.Г., Паршина Е.А. Эски-Керменская базилика // Православные древности Таврики (сб. материалов по церковной археологии). Киев: Стилос, 2002. С. 99–113.
- Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. М.: Скрипторий, 1997. 368 с.
- Макаров Н.А. Север и Юг Древней Руси в X – первой половине XIII вв.: факторы консолидации и обособления // Русь в IX–XIV века. Взаимодействие Севера и Юга. М.: Наука, 2005. С. 5–10.
- Макаров Н.А., Зайцева И.Е. Христианская металлопластика Суздальской земли XII–XIII вв.: новые находки // Нескончаемое лето. Сборник статей в честь Елены Александровны Рыбиной. М.; Великий Новгород: Типография Любавич, 2018. С. 119–130.
- Манукян А.М. Иконографическая программа южных врат собора Рождества Богоматери в Суздале // Актуальные проблемы теории и истории искусства. Вып. 2. СПб.: НП-принт, 2012. С. 168–173.
- Мовчан І.І., Іевлев М.М., Козловський А.О. Археологічні відкриття в Україні 2001–2002 рр. // Збірка науков. прац. Вип. 5. Київ, 2003. С. 194–196.
- Недошивина Н.Г. Ритуальные литые фигурки со святилищ острова Вайгач // Российская археология. 1996. № 2. С. 198–205.
- Нечитайло В.В. Каталог христианских нагрудных виробів мистецтва періоду Київської Русі (X – перша половина XIII ст.). Київ: Максим, 2000. 94, [68] с., [23] л. ил.
- Николаева Т.В. Древнерусская мелкая пластика из камня XI–XV вв. М.: Наука, 1983. 164 с.; 35 л. ил. (Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Е1–60).
- Овчинников А.Н. Суздальские золотые врата. М.: Искусство, 1978. 36 с.; 64 л. ил.
- Седова М.В. Нательные иконки с изображением святого Георгия Ростово-Суздальской Руси (XI–XIII вв.) // Г.К. Вагнер – ученый, художник, человек. М.: ИМЛИ РАН, 2006. С. 241–251.
- Седова М.В. О двух типах привесок-иконок Северо-Восточной Руси // Культура средневековой Руси. Посвящается 70-летию М.К. Каргера. Л.: Наука, 1974. С. 191–193.
- Седова М.В. Суздаль в X–XV веках. М.: Информационно-издательское агентство «Русский мир», 1997. 320 с.
- Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 196 с.
- Спасеных А.Н. Литые кресты XIV–XVI веков как свидетели истории образования Московской Руси. Новосибирск: Академиздат. 2019. 654 с.

- Спицын А.А.* Шлем великого князя Ярослава Всеволодовича // Записки Русского археологического общества. Т. 11. Вып. 1–2. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1899. С. 388–390.
- Средневековое поселение Настасьино / Редактор-составитель А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2004. 290 с. (Труды Подмосковной экспедиции ИА РАН. Вып. 2).
- Станюкович А.К.* Неизвестные памятники русской металлопластики. Миниатюрные иконки-привески XI–XVI веков. М.: Группа «ИскательИ», 2011. 223 с.
- Ханенко Б.И. и В.Н.* Древности русские. Кресты и образки. Вып. 1. Киев: Фототипия и тип. С.В. Кульженко, 1899. 33 с., 16 л.
- Чудновец А.А.* Каталог средневековой мелкой пластики. М.: Минувшее, 2008. 137 с.
- Kuriso Tuuli.* Adornment, Self-definition, Religion: Pendants of North-Eastern Baltic Sea Region, 9th–13th century // Studien zur Siedlungsgeschichte und Archäologie der Osterseegebiete. Band. 19. Kiel/Hamburg, 2021. 550 s.
- Makarov N.A.* Social elite at rural sites of Suzdal region in North-Eastern Rus' // Ruralia IX. Hierarchies in rural settlements / Ed. Jan Klápště. Praha: Brepols, 2013. P. 371–386.
- Ostapenko A.* Miniature Figures of Archangels in Medieval Eastern Europe // Rome, Constantinople and Newly-Converted Europe. Archaeological and Historical Evidence. Ed. Maciej Salamon, Marcin Woloszyn, Alexander Musin, Perica Spehac. Kraków – Leipzig – Rzeszów – Warszawa, 2012. P. 491–502.

N.A. Makarov, A.N. Fedorina

SUZDAL ARCHANGELS

Abstract: The article is devoted to new finds of Christian antiquities with the image of the Archangel, discovered during archaeological surveys of Suzdal settlements in 2020–21. Pendants in the form of figures of archangels are a well-known group of medieval items, distinguished by the unusual shape of the Christian image and the breadth of the spatial distribution of the finds. An arched icon depicting an archangel is a much rarer item.

The value of the published finds lies, among other things, in the fact that it is possible to trace the context in which they existed - the general nature and dating of the settlements on which they were found have been largely clarified. Their finds assemblage testifies to the presence among the inhabitants of representatives of the elite of the lower and middle levels. Probably, in this environment technologically simple, but few archangel pendants could circulate. Findings of this category of items on Vaigach Island testify to the possible connection of archangel pendants with the military environment. A review of finds assemblage with archangel pendants from the settlements of the Suzdal Opolye suggests the same connection, and for some settlements (Ivanovskoye 2) it can be documented through joint finds of pendants and weapons.

Ivanovskoye 2 is the most short-lived settlement presented in the article. The most probable time of its life is the 12th century. The archangel pendant found here should be dated to this time, and together with it, three others, imprinted, according to the observations of I. E. Zaitseva, from one model. To determine the possible dating of the arched icon from the settlement of Tsibeevo 6, it is important that it lay on a sector with ceramics typical for the early Moscow period and chrono-indicators of the 13th–14th centuries.

Keywords: archangel pendants, icon depicting an archangel, Suzdal land, Middle Ages, material and spiritual culture, Christian antiquities.

ЦЕРКОВЬ ПЕТРА И ПАВЛА В СМОЛЕНСКЕ ПО ДАННЫМ ЧЕРТЕЖЕЙ П.Д. БАРАНОВСКОГО

Аннотация: Статья Вл.В. Седова «Церковь Петра и Павла в Смоленске по данным чертежей П.Д. Барановского» посвящена малоизвестному и малоизученному эпизоду в истории изучения архитектуры и реставрации памятников древнего Смоленска: исследованиям этой церкви известным архитектором-реставратором Петром Дмитриевичем Барановским. Вернее, это были два эпизода: в середине 1920-х годов было начато архитектурное и археологическое изучение древнего храма, а в начале 1960-х годов оно было продолжено и закончилось реставрацией первоначальных форм памятника. Однако графические материалы по этим работам до сих пор почти не были известны. Автор обнаружил в фондах Музея архитектуры серию чертежей, часть которых относится к 1920-м годам, а часть – к началу 1960-х годов. Эти чертежи показывают состояние исследований, а также проливают свет на подлинность тех или иных конкретных форм. Кроме того, из этих чертежей следуют соображения об общем характере церкви Петра и Павла. Все это дает значительный дополнительный материал для истории древнерусской архитектуры.

Ключевые слова: древнерусская архитектура, исследование архитектурных форм, реставрация, памятники древнего Смоленска, церковь Петра и Павла, археологическое изучение, реставрация, П.Д. Барановский, критическое рассмотрение графики, сравнительное изучение проектов.

Церковь Петра и Павла в Смоленске принадлежит к числу известных и, к тому же, неплохо сохранившихся сооружений домонгольской архитектуры древнего города на Днепре. Она стоит недалеко от вокзала на правом берегу Днепра, рядом с ней течет речка Городянка. Это единственный домонгольский памятник Смоленска, расположенный на этом берегу, все остальные находятся на левом берегу, где в основном и развивался город. Время сооружения этого храма неизвестно, по аналогиям, формату кирпича и историческим соображениям его относят к середине XII столетия.

Церковь Петра и Павла имеет довольно длительную, хотя и пунктирную историю изучения. В 1908 г. при ремонте в храме П.П. Покрышкин констатировал, что нижняя часть памятника завалена землей и щебнем и скрыта под поздним полом, а потому уровень первоначального пола был значительно ниже; он также обнаружил под полом ниши аркосолиев¹.

В 1923–1928 гг. в храме были проведены исследовательские работы, включавшие археологическое обследование. Эти исследования предвзяли задуманную архитектурную реставрацию древнего памятника.

---

¹ Известия императорской археологической комиссии. Вып. 32. Прибавление. СПб., 1909. С. 98–99.

Результаты этих работ были изложены И.М. Хозеровым в двух статьях². В первой статье исследователь сообщает о работах, предпринятых им в 1924 г. в церкви, датированной им 1146 г., совместно с С.Д. Ширяевым. Здесь же рассказано об открытии архитектором-реставратором П.Д. Барановским поребрика на западной стене в 1923 г. И.М. Хозеров пишет о первоначальной крестообразной форме западной пары столбов (они были скруглены позднее, а во время раскопок была открыта древняя форма), а также об обнаруженных при археологическом исследовании полуколоннах, украшавших средние лопатки фасадов. В западной стене было открыто первоначальное окно, в откосе которого была найдена древнерусская фреска с растительным орнаментом, кроме того, был открыт тайник в юго-западном углу храма³.

Во второй статье И.М. Хозеров дополнительно рассказывает о том, что был установлен уровень древнего пола, о раскрытии западного портала с «многообломным профилем», а также об обнаружении основания древнего барабана, который оказался двенадцатигранным. Тут же сказано об открытии П.Д. Барановским фресок на хорах, а также о том, что начатые в 1926 г. реставрационные работы остались неоконченными⁴.

Сам П.Д. Барановский опубликовал в 1963 г. в смоленской газете «Рабочий путь» в номере 235 статью «Свидетель восьми веков», посвященную архитектуре церкви Петра и Павла; впоследствии эта статья была перепечатана в 1996 г. и стала более доступной исследователям⁵. В этой работе знаменитый архитектор-реставратор датирует храм 1146 г. и рассказывает его строительную историю так, как будто в 1632 г. к западу от храма были пристроены палаты униатского архиепископа, которые в 1675 г. были перестроены, а в 1753 г. – надстроены и видоизменены. От себя добавим, что вид этой пристройки вполне соответствует предположению о том, что все это здание было возведено в 1753 г. в формах сильно запоздалого нарышкинского стиля с реминисценциями предшествующей манеры (это сказалось в шатровой колокольне). П.Д. Барановский пишет о том, что во время сооружения пристройки старую часть объединили с новой путем перестройки фасадов (были срублены полуколонны, изменены окна и их обрамления, а старый барабан по половину высоты был снесен и достроен восьмериком в духе западной пристройки).

Об открытых реставраторами первоначальных формах П.Д. Барановский говорит довольно кратко, перечисляя полуколонны на фасадах, «посводные крыши» (очевидно, закомары – В.С.), перспективные порталы входов, погребальные ниши, полы из темно-зеленых глазурованных плит, декор фасадов и придел на хорах, имевший вход на предполагаемые переходы. Относительно реставрации исследователь пишет, что в старые каналы в стенах были заведены новые связи, фасады и полуколонны частично облицовывались новой плинфой, по следам восстанавливались окна, порталы и «элементы оформления фасадов». Масштаб этих восстановительных работ пока оценить трудно.

² Хозеров И.М. Новые данные о памятниках древнего зодчества гор. Смоленска // *Seminarium Kondakovianum*. II. Praha, 1928. С. 353–360; Хозеров И.М. Археологическое изучение памятников зодчества древнего Смоленска // КСИИМК. Вып. 11. М.-Л., 1945. С. 20–26.

³ Хозеров И.М. Новые данные... С. 353–354.

⁴ Хозеров И.М. Археологическое изучение... С. 20. Рис. 18 на С. 219.

⁵ Барановский П.Д. Свидетель восьми веков. Реставрация древнейшего памятника смоленской архитектуры // Петр Барановский. Труды, воспоминания современников. М., 1996. С. 85–88.

Тут же сказано, что надстройка над древним барабаном была разобрана, а сам барабан был наращен по высоте «по аналогии с близкими памятниками и в соответствии с принципами закономерности и пропорциональных отношений в древней архитектуре». Пояс на барабане из керамических плит в виде небольших перспективных нишек был найден во фрагментах в древних окнах барабана. Наконец, ученый решил, что нужно показать весь древний западный фасад старой части храма, а потому в это время разобрали восточную часть пристройки и устроили промежуток между этой частью и древним храмом; кроме того, третий этаж пострадавшей в войну пристройки также был разобран. Все работы были выполнены за два с половиной сезона⁶.

Сведения, почерпнутые из статей И.М. Хозерова, использовал в своей монографии М.К. Каргер, который привел всю имевшуюся на то время литературу, рассказал о так и не законченной реставрации, перепечатал план храма Петра и Павла И.М. Хозерова, до этого публиковавшийся Н.Н. Щекотихиным⁷, и напечатал графический проект реставрации западного фасада памятника, сделанный П.Д. Барановским⁸.

Более подробный рассказ об исследованиях, проводившихся в 1923 г. П.Д. Барановским, в 1924 г. – И.М. Хозеровым и С.Д. Ширяевым, а в 1927 и 1928 гг. – П.Д. Барановским и И.М. Хозеровым, был опубликован только в 1994 г.⁹ Здесь даны уже приведенные выше сведения, а также рассказано об обнаруженных следах северного и западного порталов, о восходе на хоры в западной стене, крестовых сводах под хорами, аркосолиях, небольших полуколонках, открытых в нижней части абсид, карнизах из фиолетово-розового песчаника, голосниках и следах лесов. Все эти сведения сейчас уже имеют ценность источника.

В книге Н.Н. Воронина и П.А. Раппопорта содержится довольно большой очерк архитектуры церкви Петра и Павла, в котором мы находим литературу о памятнике, его подробное описание в существующем состоянии, а также описания раскопанных в 1965–1966 гг. более поздних (рубеж XII–XIII вв.) галерей, с трех сторон окружавших когда-то церковь¹⁰.

Значимо было указание авторов этой книги на то, что принятая многими исследователями для церкви Петра и Павла в Смоленске дата «1146 год» является ошибочной и появилась вследствие перенесения известий о строительстве храмов в Новгороде, в том числе Петра и Павла, на смоленский памятник¹¹. Действительно, в Новгородской первой летописи под 1146 (6654) годом читаем: «Томъ же лѣтъ сдѣлаша 4 церкви: святую мученику Бориса и Глѣба в градѣ, святого пророка Илье и святую апостолу Петра и Павла на Хълмѣ, и святую безмздьнику Козму и Дамиана»¹². Приведенное летописное сообщение определенно относится к Новгороду и повествует, судя по выражению «сделааша», о строительстве деревянных церквей Бориса и Глеба в Околотке,

⁶ Барановский П.Д. Свидетель восьми веков... С. 86–87.

⁷ Шчакацічін М. Нарысы з гісторыі беларускага мастацтва. Т. 1. Менск, 1928. Табл. 1.

⁸ Каргер М.К. Зодчество древнего Смоленска (XII–XIII вв.). Л., 1964. С. 58–66.

⁹ Хозеров И.М. Белорусское и смоленское зодчество XI–XIII вв. Минск. 1994. С. 93–100.

¹⁰ Воронин Н.Н., Раппопорт П.А. Зодчество Смоленска XII–XIII вв. Л., 1979. С. 64–90.

¹¹ Воронин Н.Н., Раппопорт П.А. Зодчество Смоленска... С. 78.

¹² ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. С. 27, 213–214.

Ильи Пророка и Петра и Павла на Холме в Славенском конце Новгорода и Козьмы и Дамиана на Неревском конце.

Для нашего исследования важно также указание Н.Н. Воронина и П.А. Раппопорта на то, что П.Д. Барановский провел в 1962–1963 гг. в связи с 1100-летним юбилеем Смоленска работы, в процессе которых палаты XVIII в. были отделены от церкви Петра и Павла (восточная часть палат была разобрана), их третий этаж был также разобран, а самому древнему храму вернули первоначальный облик¹³. Тут же содержится сообщение о понижении грунта вокруг храма на полтора метра в 1974–1975 гг.¹⁴. В книге использованы не чертежи П.Д. Барановского, а обмерные чертежи храма (планы, фасады, разрезы), сделанные в 1973 г. группой студентов архитектурного факультета Института имени И.Е. Репина под руководством архитектора А.А. Гавричкова.

Сам П.Д. Барановский в опубликованном лишь посмертно списке своих работ датировал исследовательские работы на храме Петра и Павла 1923 и 1931 гг., кроме того, он писал о проведении консервационных работ после разрушений в 1943–1944 и 1954 гг., а также о разработке проекта реставрации и о возобновлении восстановительных работ в 1961–1962 гг.¹⁵, а не в 1962–1963 гг., как это зафиксировано в книге Н.Н. Воронина и П.А. Раппопорта.

Оказывается, один из важнейших памятников Смоленска исследован совсем не так уж хорошо: он восстановлен, но эти работы не сопровождались точными чертежами, указывающими места раскрытий и места добавлений новой кладки (во всяком случае, такие чертежи нам неизвестны). Раскопки внутри храма во время реставрации не проводились, тогда как галереи вокруг него были раскопаны и подробнейшим образом отражены в отчете и сопровождающих его чертежах. От более ранних раскопок не сохранилось ни чертежей, ни фотографий. Нет полного представления о достоверности форм памятника, что влечет за собой догадки и приблизительные мнения. При таком положении дел всякое появление дополнительных материалов, позволяющих лучше понять архитектуру и реставрацию церкви Петра и Павла, является существенным. Следует собирать старые фотографии и, тем более, разыскивать чертежи, фиксирующие архитектуру этого ключевого памятника на разных этапах.

В Музее архитектуры имени А.В. Щусева в Москве в отделе фондов обнаружилась группа чертежей, которые дают дополнительную информацию по реставрационным работам П.Д. Барановского, причем как 1920-х годов, так и 1960-х годов.

Чертежей, связанных с работами П.Д. Барановского 1920-х гг., семь. Расскажем о них последовательно. Это три чертежа, два из которых выполнены карандашом на кальках: очень бледный и плохо читаемый разрез по западной трети (PV 38), проект реставрации западного фасада (PV 602); третий чертеж с изображением западного фасада колокольни перед поздними палатами выполнен тушью (PV 2708).

Отдельную группу составляют похожие по манере чертежи тушью на кальке с подобными карандашными надписями: план по нижнему уровню с надписью

¹³ Воронин Н.Н., Раппопорт П.А. Зодчество Смоленска... С. 66.

¹⁴ Воронин Н.Н., Раппопорт П.А. Зодчество Смоленска... С. 67.

¹⁵ Барановский П.Д. Перечень научных исследований, экспедиций, археологических раскопок, обмеров, фиксаций и проектов реставрации памятников архитектуры, научных докладов и печатных работ с 1911 г. до 1964 г. // Петр Барановский. Труды, воспоминания современников... С. 115.

«Петропавловская церковь XII в. в Смоленске» (PV 3866/1), продольный разрез с надписью «Петропавловская цер. XII в. в Смоленске. Разрез с запада на восток. По проекту реставрации Барановского П.Д. 1925» (PV 3866/2), южный фасад с надписью «Петропавловская цер. XII в. в Смоленске. Южный фасад по проекту реставрации Барановского П.Д. 1925» (PV 3866/3) и, наконец, западный фасад с надписью «Петропавловская цер. XII в. в Смоленске. По проекту исследований, обмеру и проекту реставрации Барановского П.Д. 1925 г.» (PV 3866/4).

Заметим, что все чертежи тушью выполнены в одной манере и представляют собой копии, возможно – авторские, с карандашных чертежей. Так, западный фасад (PV 3866/4) является копией карандашного чертежа (PV 602), выступавшего, в свою очередь, подготовкой того разработанного технически чертежа западного фасада с отмывкой, который опубликован М.К. Каргером как чертеж П.Д. Барановского. Исходный карандашный чертеж довольно бледный, и мы его не публикуем. А копия тушью с очень бледного карандашного чертежа с разрезом по западной трети (PV 38) до нас не дошла.

Эта группа чертежей дает нам довольно полное представление о том, как храм предполагалось отреставрировать в 1925 г. и каким он был к моменту реставрации (первоначальные формы иногда проглядывают в проектных чертежах).

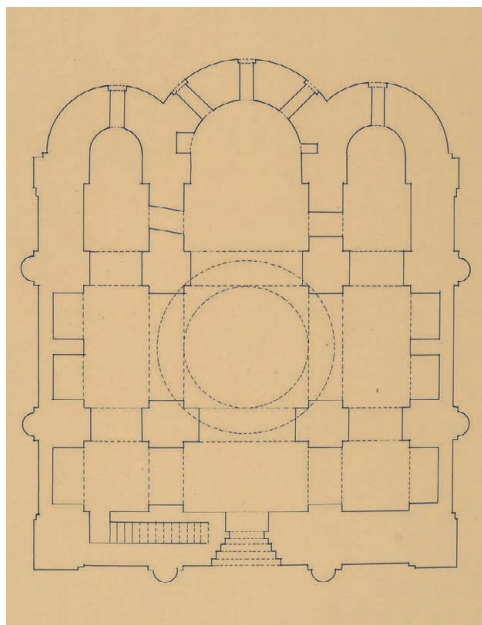
На плане церкви Петра и Павла по нижнему уровню (рис. 1) мы видим довольно крупный храм типа вписанный крест с четырьмя подкупольными опорами; показаны окна первого яруса и внутрстенная лестница на хоры – в западной стене. Западные столбы уже представлены крестообразными в плане, так что понятно, что это проектный чертеж. Выступам столбов соответствуют лопатки на западной и боковых стенах, которые даны вполне определенно, хотя, как увидим ниже, они на других чертежах отсутствуют.

Обращают на себя внимание арочные погребальные ниши, аркосолии – по три в северной и южной стенах. Парные аркосолии на южной и северной стене, приходятся на места северного и южного порталов, соответственно эти порталы и не показаны. Можно предположить, что порталы все же были (о них писал И.М. Хозеров), но почему-то П.Д. Барановский избегал их восстановления до последнего момента и сделал их только в начале 1960-х гг. Сейчас аркосолиев в стенах собора нет; возможно, это были поздние арочные ниши для погребений, однако вопрос этот остается нерешенным: есть вероятность того, что хотя бы западные ниши в северной и южной стенах относятся к первоначальному периоду существования храма, к домонгольскому времени.

Отдельно следует сказать о восточной части храма: здесь показаны крестообразные в плане столбы с более длинными восточными ветвями, между столбами и межалтарными стенками устроены узкие проходы, северный из которых к тому же направлен косо. Все это вызывает вопросы, которые, к сожалению, остаются без ответа. Сейчас форма столбов примерно такая же, но оба проема между столбами и межалтарными стенками, ведущие из средней части алтаря в боковые части, прямые.

В результате разглядывания плана этого храма мы должны констатировать, что некоторые формы храма в его состоянии в 1920-х гг. и в его нынешнем состоянии являются дискуссионными, их следует рассматривать как свидетельства, требующие документальных или натурных (архитектурных ли, археологических ли) подтверждений.

Рис. 1. П.Д. Барановский. План церкви Петра и Павла в Смоленске по нижнему уровню. 1925 г.

Рис. 2. П.Д. Барановский. Западный фасад. 1925 г.

Западный фасад храма по мысли Барановского (рис. 2) был представлен полностью как часть реконструированной постройки XII в.: перспективный портал, средние лопатки с полуколоннами, закомары, арочные окна, аркатурные фризy на стенах самого храма и в завершении разделенного лизенами барабана. В таком виде архитектор-реставратор и осуществил этот фасад в 1962–1963 гг., добавив часть форм по аналогии или восстановив по остаткам, а также сняв с сохранившегося примерно на две трети высоты барабана позднюю надстройку.

Несколько сложнее и интереснее ситуация на южном фасаде (рис. 3), где мы видим примерно те же формы, что есть сейчас в действительности (полуколонны на средних лопатках, охватывающие углы лопатки, из которых западные, прикрывающие толстую стену с лестницей, очень широкие, закомары, барабан), но есть и какие-то другие, и как будто неуверенные, формы: в среднем прясле нет портала, боковые алтарные абсиды равны по высоте средней (а сейчас они сделаны ниже ее), на абсидах нет тонких тяг (лизен), присутствующих сейчас в натуре. Это означает, что часть форм П.Д. Барановский поменял к 1960-м гг. Он «передумал» и устроил боковые абсиды пониженными в соответствии с какими-то аналогами и пропорциональными соображениями, он то ли узнал о лизенах на абсиде (возможно, они были найдены в основаниях стен, но точных сведений об этом у нас нет), то ли сочинил их. И, наконец, южный портал. Выше мы пересказывали работы И.М. Хозерова, который пишет, что порталы в нижних частях были открыты во время натурно-археологических ис-

следований. Судя по всему, южный портал найден не был, и П.Д. Барановский поначалу считал, что делать его на южном фасаде не следует.

Очень интересные данные дает продольный разрез храма с видом на север (рис. 4). Здесь изображен восстановленный барабан с куполом, хоры в западной части, крестообразный северо-западный столб и несимметричный и крестообразный в плане северо-восточный столб. На западном и восточном столбах в основании подпружных арок показаны выступы каменных карнизов. На северной стене видны аркосолии, их, как и на плане, три, и начинаются они от уровня существовавшего в то время позднего пола.

Арка, перекинутая от северо-восточного подкупольного столба, изображенного крещатым до самого низа, показана совсем низкой, над ней видна небольшая арка второго яруса. Сейчас арки второго света нет, а нижняя арка сделана достаточно высокой. Мало того, в средней абсиде на этом чертеже изображены окна в два света: три окна в первом свете (они есть и на уже разобранным плане того же времени) и три – во втором. Сейчас окна устроены в одном, нижнем свете. При разглядывании этих чертежей 1925 г. возникает ощущение, что собор имеет две «редакции»: ту, что мы видим на этих ранних изображениях, и ту, что возникла в результате реставрации 1960-х гг. Какая из них «правильная», верная, более соответствующая или полностью соответствующая действительным остаткам архитектуры – пока сказать трудно.

На плане по нижнему уровню 1925 г. были показаны, как мы видели, лопатки на стенах внутри храма. Такие же лопатки показаны на плане 1-го этажа храма, составленном Отделом архитектуры Смоленской области в 1947 г. и подписанном архитектором А. Фуфаевым (Арх 2531-1). Это, безусловно, Александр Сергеевич Фуфаев (1894–1967), архитектор, создавший в Москве в 1920-е гг. несколько заметных зданий в стиле конструктивизм, а затем занявшийся архитектурной реставрацией и опубликовавший в том же 1947 г. статью об архитектуре собора Рождественского монастыря в Москве¹⁶.

На плане Петропавловской церкви в Смоленске А.С. Фуфаева (рис. 5) видны примерно те же формы, что и на проектом чертеже 1925 г.: аркосолии в боковых стенах (а не порталы), крестообразные столбы, косой проход между северо-восточным столбом и межалтарной стенкой и прямой – между юго-восточным столбом и соответствующей ему межалтарной стенкой. Восточные столбы показаны крестообразными в плане и симметричными, что не соответствует действительности. Все лопатки на боковых фасадах не имеют примыкающих полуколонн, а на западном фасаде еще никакие членения не выявлены; какие-либо тяги на абсидах тоже не видны.

Важную часть этой серии чертежей представляют проектные чертежи реставрации храма. Этих чертежей семь: PV 2699-1, PV 2699-2, PV 2606-1, PV 2706-1, PV 2706-2, PV 2707-1, PV 2707-2. По манере исполнения они отличаются от чертежей 1925 г.: они несколько подробнее, кроме сухой ортогональной графики здесь представлены также раскрашенные акварелью фасады с отмывкой тушью. Есть также перспективы, тоже раскрашенные и тоже с отмывкой; из этих перспектив мы публикуем одну, тогда как еще одна, представляющая третий вариант проекта реставрации, была

¹⁶ Фуфаев А.С. Собор московского Рождественского монастыря // Архитектурные памятники Москвы XV–XVII века. Новые исследования. М., 1947. С. 55–75.

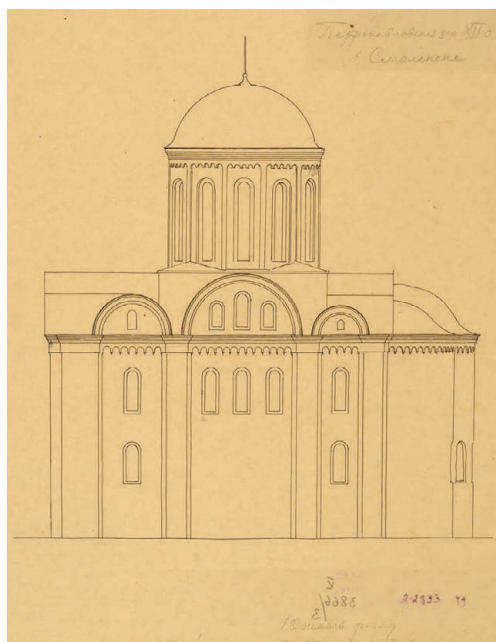

Рис. 3. П.Д. Барановский. Южный фасад. 1925 г.

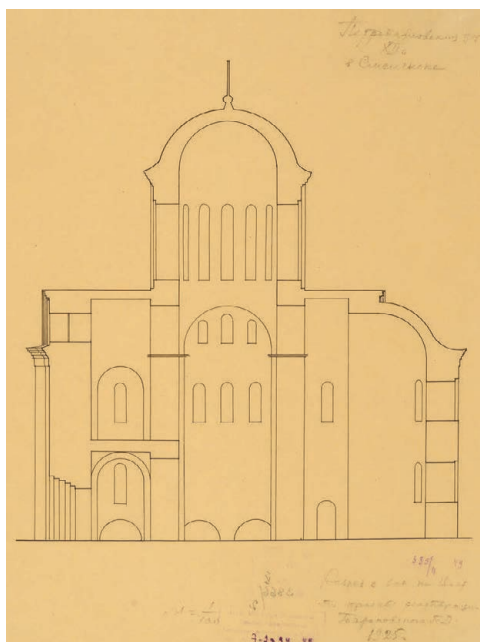

Рис. 4. П.Д. Барановский. Поперечный разрез с видом на север. 1925 г.

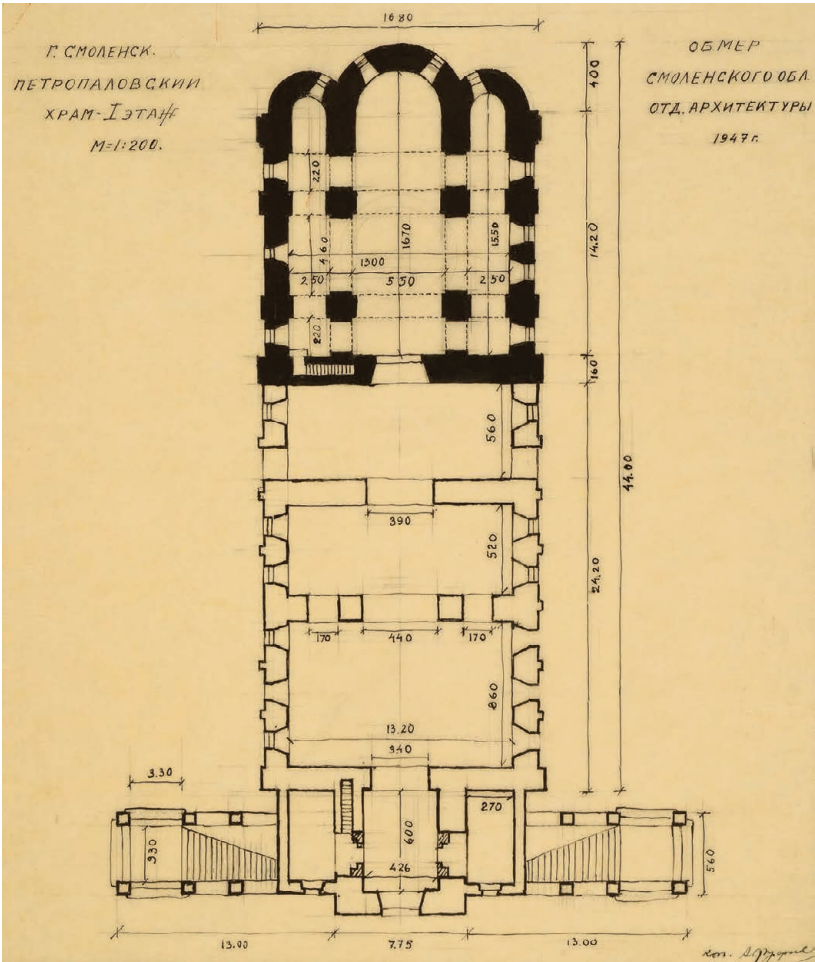
напечатана в 1996 г. с подписью: «Смоленск. Церковь Петра и Павла (Проект реставрации П.Д. Барановского; вариант)»¹⁷. На этом листе, местонахождение которого сейчас неизвестно, представлен перспективный вид на комплекс, взятый с юго-востока, с западного корпуса снят третий этаж с восьмериком, а между храмом и западным корпусом устроен разрыв. Как увидим ниже, лист, опубликованный в 1996 г., связан с третьим вариантом реконструкции комплекса.

На этих проектных чертежах, относящихся, по всей вероятности, к началу 1960-х гг., и выполненных, видимо, самим П.Д. Барановским, представлены два варианта реконструкции и реставрации комплекса храма Петра и Павла: первый и третий, тогда как второй вариант отсутствует, за исключением одной перспективы.

Первый вариант представлен двумя листами: планом и разрезом комплекса, помещенными на одном листе (рис. 6), и южным фасадом комплекса (рис. 7). Видно, что по этому варианту сохранялось примыкание западного корпуса к реставрируемому объему церкви XII в., западный же корпус восстанавливался на всю высоту: с трехэтажным объемом и восьмериком.

Второй вариант, лист которого с планом и разрезом отсутствует, представлен двумя чертежами: южным фасадом, который мы не публикуем (РВ 2706-1), и листом с перспективой с юго-востока. На этих чертежах видно, что между старым храмом и западным корпусом прорубается разрыв, однако сам западный корпус остается трех-

¹⁷ Петр Барановский. Труды, воспоминания современников... Второй блок иллюстраций, иллюстрация 17 без пагинации.

Рис. 5. А.С. Фуфаев. План по нижнему уровню. 1947 г.

этажным и завершается восьмериком, как-то странно нависающим над узким разрывом между зданиями (рис. 8).

Третий вариант также представлен двумя чертежами (напомним, что третий чер-теж с перспективой был напечатан в книге 1996 г.): планом и разрезом на одном листе (рис. 9) и южным фасадом – на втором (рис. 10). Здесь не только прорубалась щель между древним объемом и более поздней частью, но и снимался третий этаж вместе с венчающим его восьмериком. Именно этот вариант и был воплощен в натуре во вре-мя реставрации 1961–1963 гг.

Архитектура древней части храма на всех этих чертежах почти стандартна: на фасадах и перспективах показаны огибающие лопатки на углах, наложенные на средние лопатки полуколонны, закомары, барабан с узкими вертикальными тягами-лизенами и аркатурой; окна четверика арочные, бокового портала нет, на абсидах нет

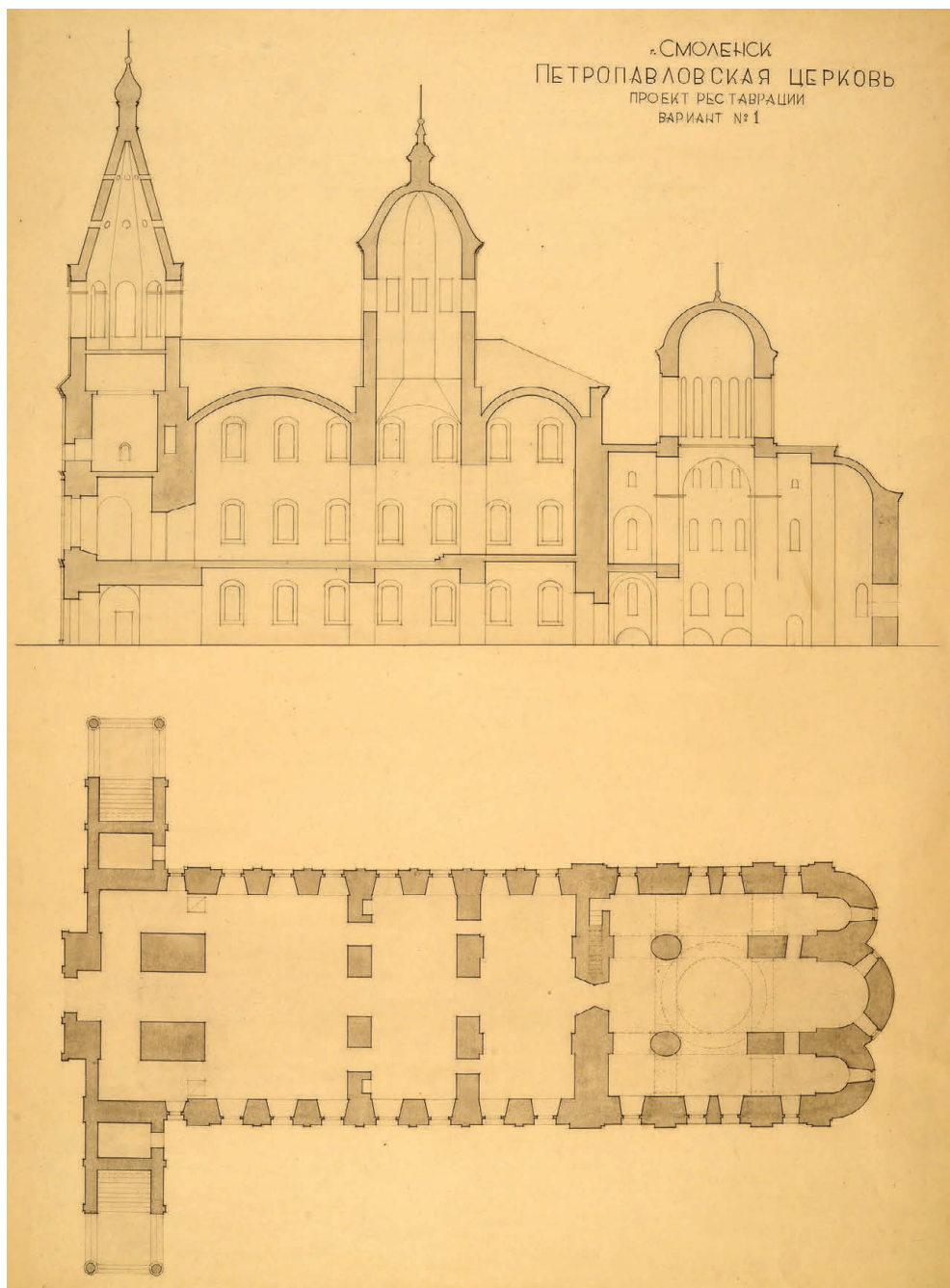

Рис. 6. П.Д. Барановский. План и поперечный разрез. Вариант реставрации № 1. Начало 1960-х гг.

Рис. 7. П.Д. Барановский. Южный фасад. Вариант реставрации № 1. Начало 1960-х гг.

Рис. 8. П.Д. Барановский. Перспектива храма с юго-востока. Вариант реставрации № 2. Начало 1960-х гг.

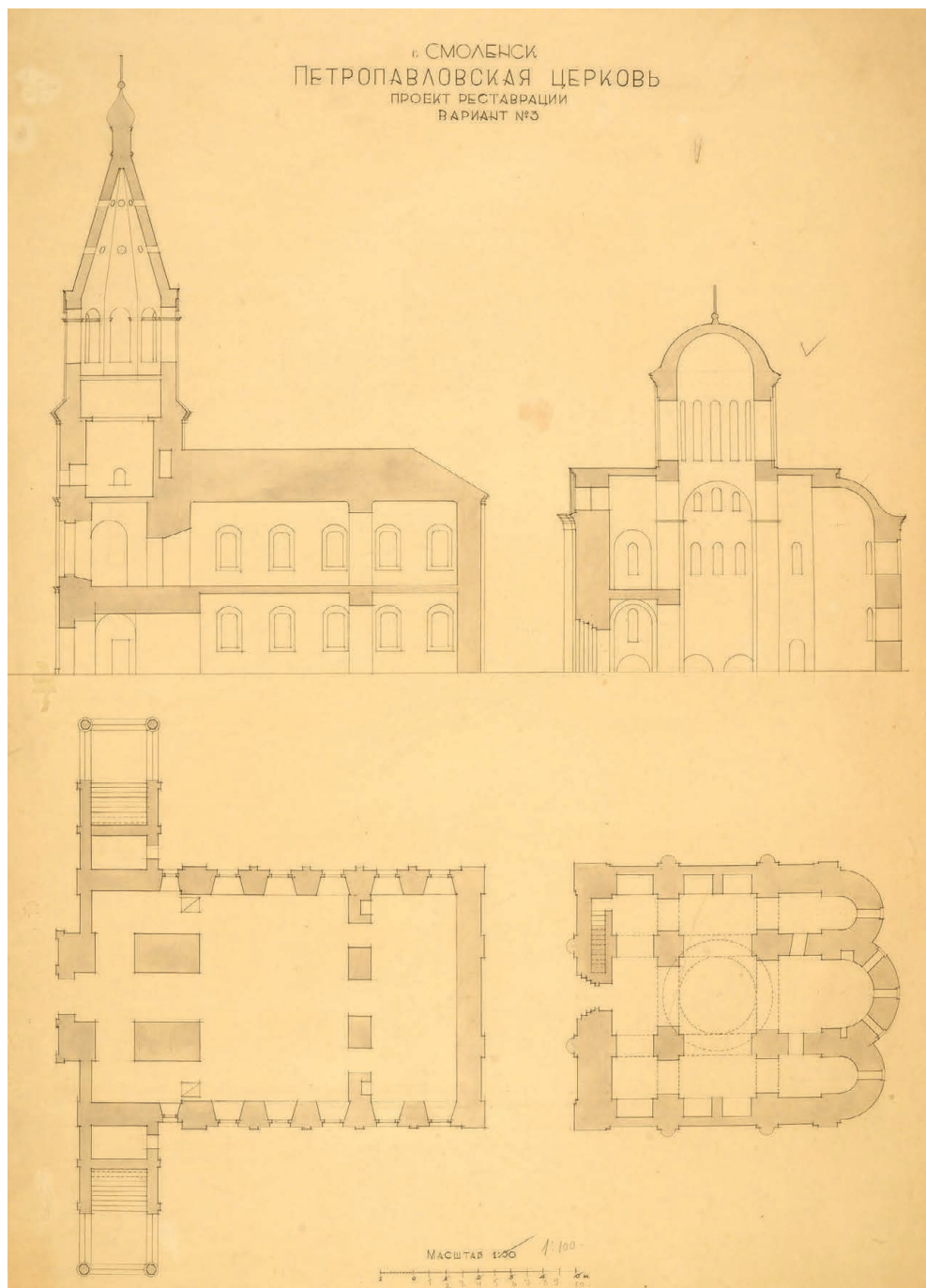

Рис. 9. П.Д. Барановский. План и поперечный разрез.
Вариант реставрации № 3. Начало 1960-х гг.

Рис. 10. П.Д. Барановский. Южный фасад. Вариант реставрации № 3. Начало 1960-х гг.

узких тяг, а наверху показана аркатура. Достоверность всех этих форм из чертежей никак не проясняется, хотя на фотографии работ начала 1960-х гг.¹⁸ видно, что некоторые из них (боковые окна первого яруса, ниши в боковых закомарах, аркатура под ними, тяги на барабане и основания его окон) основаны на натуральных раскрытиях.

Немного больше информации дают чертежи первого и третьего вариантов с изображением планов и разрезов. На плане первого варианта западные столбы показаны овальными (они были такими до реконструкции, это поздняя форма, получившаяся в результате спиливания выступов), а восточные столбы только сверху имели крестообразный характер, а внизу были прямоугольными в сечении. Порталы в боковых стенах не показаны (вместо них показаны парные окна), нет внутренних лопаток и аркосолиев. На плане третьего варианта все столбы изображены уже крестообразными, внутренние лопатки на стенах проявлены, появились аркосолии. На разрезах первого и третьего вариантов проемы между восточными столбами и межальтарной стенкой показаны в два яруса, как в чертежах 1925 г. (это значит, что существующие проемы в один ярус сделаны позже чертежей, хотя и во время реставрации, и могут быть не совсем достоверными). В первом варианте в боковых рукавах видны окна в три яруса, а в третьем – в два (отсутствует нижний ярус окон), кроме того, в первом варианте добавлены окна сверху западного и восточного рукавов пространственного креста, как будто в самих сводах этих рукавов или в их основаниях.

¹⁸ Петр Барановский. Труды, воспоминания современников... Второй блок иллюстраций, иллюстрация 16 без пагинации.

Заметим, что декор абсид почти совсем не документирован чертежами, только аркатурный пояс наверху их стен кочует с листа на лист, но этот пояс мог быть сделан по аналогии с поясками основного объема. Иконография абсид – одна из самых больших проблем, связанных с верификацией современных форм церкви Петра и Павла. Похожая ситуация с барабаном: на всех разрезах и фасадах барабан показан невысоким (напомним, что сохранилось основание с нижней частью окон), то есть поначалу он представлялся таким, а затем П.Д. Барановский вытянул его вверх, придав ему вертикальность и даже некоторую стремительность, контрастирующую с основным объемом, если не приземистым, то в целом кубообразным.

Это значит, что реставратор до последнего колебался в определении вида будущей реконструкции, многие формы он создавал как древний зодчий – прямо на лесах. Это отражено и в вариантах реставрации, основанных на натуральных исследованиях, но одобренных архитектурскими прозрениями или работой, как выше было сказано самим автором реставрации, по аналогии и по существующим представлениям о пропорциональной системе Древней Руси и древнерусских памятников архитектуры. Все это заставляет с особым вниманием относиться к каждому свидетельству о проведенных реставрационно-реконструктивных работах первой половины – середины XX века, когда фигура архитектора-реставратора приобрела черты творца, что иногда подталкивало к слишком свободному творчеству.

Материалы, собранные П.Д. Барановским по церкви Петра и Павла в Смоленске, имеют важнейшее значение для истории древнерусской архитектуры. Не меньшее значение имеют его фиксационные и проектные чертежи, связанные с этой замечательной постройкой. Они приоткрывают нам окошко как в мир форм и пропорций выдающегося памятника смоленской архитектуры середины XII в., так и в творческую «кухню» крупнейшего советского архитектора-реставратора, во многом или полностью определившего современный облик целого ряда эталонных памятников древнерусской архитектуры разных периодов.

Список литературы

- Барановский П.Д.* Перечень научных исследований, экспедиций, археологических раскопок, обмеров, фиксаций и проектов реставрации памятников архитектуры, научных докладов и печатных работ с 1911 г. до 1964 г. // Петр Барановский. Труды, воспоминания современников / Сост.: Ю.А. Бычков, О.П. Барановская, В.А. Десятников, А.М. Пономарев. М.: Отчий дом, 1996. С. 111–144.
- Барановский П.Д.* Свидетель восьми веков. Реставрация древнейшего памятника смоленской архитектуры // Петр Барановский. Труды, воспоминания современников / Сост.: Ю.А. Бычков, О.П. Барановская, В.А. Десятников, А.М. Пономарев. М.: Отчий дом, 1996. С. 85–88.
- Воронин Н.Н., Раппопорт П.А.* Зодчество Смоленска XII–XIII вв. Л.: Наука, 1979. 416 с.
- Известия императорской археологической комиссии. Вып. 32. Прибавление к выпуску 32 (Хроника и библиография, вып. 16). СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1909. 166 с.
- Каргер М.К.* Зодчество древнего Смоленска (XII–XIII вв.). Л.: Издательство Ленинградского университета, 1964. 140 с.
- Петр Барановский. Труды, воспоминания современников / Сост.: Ю.А. Бычков, О.П. Барановская, В.А. Десятников, А.М. Пономарев. М.: Отчий дом, 1996. 280 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки русской культуры, 2000. V–XII+720 с.

Фуфаев А.С. Собор московского Рождественского монастыря // Архитектурные памятники Москвы XV–XVII века. Новые исследования. М.: Издательство Академии архитектуры СССР, 1947. С. 55–75.

Хозеров И.М. Новые данные о памятниках древнего зодчества гор. Смоленска // Seminarium Kondakovianum. II. Praha, 1928. С. 353–360.

Хозеров И.М. Археологическое изучение памятников зодчества древнего Смоленска // КСИИМК. Вып. 11. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1945. С. 20–26.

Хозеров И.М. Белорусское и смоленское зодчество XI–XIII вв. Минск: Навука і тэхніка, 1994. 151 с.

Шчакацічін М. Нарысы з гісторыі беларускага мастацтва. Т. 1. Менск: Друкарня Забелкульту, 1928. 279 с.

VI.V. Sedov

THE CHURCH OF PETER AND PAUL IN SMOLENSK ACCORDING TO THE DRAWINGS OF P.D. BARANOVSKY

Abstract: Article by VI.V. Sedov “The Church of Peter and Paul in Smolensk according to the drawings of P.D. Baranovsky” is dedicated to a little-known and little-studied episode in the history of the study of architecture and restoration of the monuments of ancient Smolensk: the research of this church by the famous restoration architect Pyotr Dmitrievich Baranovsky. Rather, these were two episodes: in the mid-1920s, an architectural and archaeological study of the ancient temple was started, and in the early 1960s it was continued and ended with the restoration of the original forms of the monument. However, graphic materials on these works were still almost unknown. The author discovered a series of drawings in the holdings of the Museum of Architecture, some of which date back to the 1920s, and some to the early 1960s. These drawings show the state of research, and also shed light on the authenticity of certain specific forms. In addition, considerations about the general character of the church of Peter and Paul follow from these drawings. All this provides significant additional material for the history of ancient Russian architecture.

Keywords: old Russian architecture, study of architectural forms, restoration, monuments of ancient Smolensk, Church of Peter and Paul, archaeological study, P.D. Baranovsky, critical examination of graphics, comparative study of projects.

АРХИМАНДРИТИИ ТВЕРИ XIV–XV вв.

Аннотация: В статье представлены материалы письменных источников относительно существования в Тверском княжестве периода независимости архимандритий. Показано, что есть свидетельства о том, что архимандритиями являлись Отроч, Феодоров, а также кашинский Духовской монастырь.

Ключевые слова: архимандрития, Тверское княжество в XIV–XV вв., Отроч монастырь, Феодоров монастырь, Духовской монастырь в Кашине.

Материалов для создания четкого представления о древнерусских архимандритиях недостаточно. Сведения о них фрагментарны – за исключением новгородской архимандритии, картина формирования и функционирования которой во многом прояснена. Архимандритами новгородскими становились игумены Юрьевского монастыря, но не автоматически, а избранные на вече¹.

В целом же в представлениях об архимандритиях современные ученые опираются в основном на положения, сформулированные Е.Е. Голубинским. Согласно византийской традиции, архимандрит возглавлял главный в епархии (или в городе) монастырь, начальствуя над черным духовенством, а позднее превратился в «почетный титул игуменов старших и знаменитейших в епархиях монастырей. В таком виде “имя” архимандрит перешло в Россию, начав быть даваемо только одному старейшему игумену в каждой епархии»².

В таком ключе проблема получила уже подробное рассмотрение в работах Я.Н. Щапова³. Однако в последние десятилетия с привлечением более широкого материала постепенно укрепляется мысль о том, что в епархии или в городе могло быть два монастыря, являющихся архимандритиями. Данные, подтверждающие это положение, суммированы в работе Д.Г. Давиденко. «Обычно первая архимандрития в городе образовывалась по инициативе князя или же устраивалась в монастыре, кото-

¹ Янин В.Л. Из истории высших государственных должностей в Новгороде // Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977. С. 136–149; Хорошев А.С. Архимандрития новгородская // Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков. Энциклопедический словарь. СПб., 2007. С. 83–84.

² Голубинский Е.Е. История русской церкви. Изд. второе. Т. 1. Вторая половина тома. М., 1904. С. 709.

³ Щапов Я.Н., Соколова Е.И. Архимандрития в древнерусском городе // Церковь, общество и государство в феодальной России. Сб. статей. М., 1990. С. 40–46; Щапов Я.Н. Соборные церкви и монастырские организации в русском городе до XV в. // Щапов Я.Н. Очерки русской истории, источниковедения, археографии. М., 2004. С. 66–71.

рый был зависим не только от архиерея, а вторая (там, где она была) – по инициативе архиерея»⁴, – таков значимый предварительный вывод работы.

В статье Д.Г. Давиденко отмечены упоминания в источниках тверских архимандритов и архимандритий, которые могут быть привлечены теперь к более подробному рассмотрению.

Наиболее проясненным представляется вопрос об архимандритии в тверском Отроче монастыре. В этом смысле источники дают разновременную и однозначно трактуемую информацию. Непосредственно архимандритом глава обители назван в жалованной тарханной несудимой грамоте князя Василия Михайловича и других членов тверского княжеского дома (1362–1364 гг.) Отрочу монастырю. В ней говорится о широких финансово-экономических полномочиях его архимандрита, «кто ни будет у святое Богородицы»⁵, т.е. сан архимандрита сохранялся за главой монастыря при его смене. Насельники монастыря освобождаются от всех видов дани и пошлин – городских и волостных. Освобождаются от податей и «сироты», сидящие на землях монастыря, в том числе от службы, «дела княжа» – «ни дворянский, ни старосты ат их не займут ни про что»⁶. Подвластны живущие в монастыре и на монастырских землях суду архимандрита, а при рассмотрении дел между монастырскими и волостными людьми, «судить монастырский тивун с посельским вместе с нашими судьями, а прибыток им наполю»⁷.

В акте перечислены 6 монастырей, которые «тягнут» к Отрочу. Локализация их определена в комментариях к изданию⁸: в честь Воскресения Господня «за Волгою» (предположительно в районе с. Заборовье на левобережье Волги)⁹; в честь Рождества Пресвятой Богородицы на Бору (ныне деревня Красный Бор Калининского района Тверской области); в честь Преображения Господня на реке Сози (ныне деревня Спас-на-Сози Калининского района); Воскресения Господня на реке Шоше (ныне деревня Шоша Конаковского района Тверской области); Асраганский в честь Успения Пресвятой Богородицы на реке Шоше (ныне затоплено Иваньковским водохранилищем); в честь Покрова Пресвятой Богородицы «на Гостомле» (ныне, вероятно, поселок Гастовня Зубцовского района Тверской области). Как можно видеть, эти монастыри, локализованные с разной степенью уверенности, по большей части располагались относительно недалеко от главного монастыря (на юг и восток). Все льготы, данные главной обители, распространялись и на эти монастыри. Таким обра-

⁴ Давиденко Д.Г. Монастыри-архимандритии в городах Северо-Восточной и Северо-Западной Руси в XIV–XV вв. // Средневековая Русь. Вып. 10. М., 2012. С. 329. О возможности существования двух «параллельных» архимандритий писали также О.В. Кузьмина и П.И. Гайдено (Кузьмина О.В. Новгородская архимандрития в XIV–XV вв. // Прошлое Новгорода и новгородской земли. Мат-лы научной конф. 15–17 ноября 2005 г. Великий Новгород, 2005. С. 51–56; Гайдено П.И. Почему упоминание об архимандритах отсутствует в древнерусских церковных уставах? (несколько замечаний) // Гуманитарные науки в XXI веке: научный интернет-журнал. 2014. № 3. С. 18–27).

⁵ АСЭИ. Т. 3. М., 1964. № 116. С. 152.

⁶ Там же. С. 153.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 152–153, 493–494.

⁹ П.Д. Малыгиным предложен другой вариант: в Твери на месте нынешнего приходского храма Воскресения, упоминаемого с начала XVII в. (Малыгин П.Д. Иностранцы XVI–XVII вв. о Верхневолжских монастырях // У истоков Российского государства. Тверь, 2015. С. 180).

зом, архимандрития имела зависимые монастыри и учреждение ее правильно связывать с княжеской инициативой¹⁰. Из текста следует, что грамота подтверждает некие прежние установления, которые были сделаны в отношении монастыря Михаилом Ярославичем – отцом и дедом собравшихся князей: по «князя великого Михайловым грамотам». Это, казалось бы, дает возможность предполагать, что Отроч монастырь стал архимандритией при его княжении. Однако этому есть препятствие. Как показано В.А. Кучкиным, духовник Михаила Ярославича, Александр, был, видимо, настоятелем Отроча монастыря («лавы светые Богородицы»)¹¹. Он сопровождал Михаила Ярославича в Орде, составил его Житие и способствовал почитанию князя в Твери¹². Но при этом в Житии Михаила о духовниках князя говорится как об игуменах.

Видимо, определенные льготы монастырю были даны еще Михаилом, но статус архимандритии обитель получила позже.

В грамоте не названо имя архимандрита, но указано, что «пожалования» архимандритии даются князьями «по одному слову со отци своими с владыкою Федором и со владыкою Васильем»¹³. Этим соблюдено требование утверждения (подтверждения) архимандритии епископом. Здесь названы два владыки в порядке, соответствующем порядку их посвящения. Епископ Феодор Добрый, ушедший в Отроч монастырь по болезни в 1360 г., по-видимому, продолжал быть для многих, в том числе и членов княжеского дома, духовным отцом. Характерно, что великая княгиня Анна, вдова великого князя Михаила Ярославича, «любовію и печалованієм бышеть къ владыцѣ Феодору и села ему подавала въ монастырь»¹⁴. Такая формулировка говорит о том, что он был почитаем в монастыре.

Само же название «Отроч» указывает на особый характер обители: по-видимому, здесь принимали постриг представители элиты, по разным причинам ушедшие с политической арены или княжеской службы. Таковым был и игуменствовавший там, а впоследствии ставший тверским епископом владыка Андрей, происходивший из литовского княжеского рода. Согласно поздней легенде, отрок Ярослава Ярославича Тверского Георгий на почве несчастной любви удалился от мира и при содействии князя устроил эту обитель. Повесть о Тверском Отроче монастыре (списки XVII в.) изобилует множеством противоречий и анахронизмов¹⁵. Тем не менее, некая реальная

¹⁰ Об учреждении архимандритии в «княжеском» Рождественском владимирском монастыре см.: Артамонов Ю.А. Владимирский Рождества Пресвятой Богородицы монастырь: от учреждения к архимандритии // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 4 (74). С. 5–14.

¹¹ Кучкин В.А. Повести о Михаиле Тверском. Историко-текстологическое исследование. М., 1974. С. 230–232.

¹² Характерно, что такого же рода монастырь, но женский – для девиц и вдов из семей аристократии – будет основан сестрой Михаила Ярославича Софьей. Известно, что впоследствии в Софьином Афанасьевском монастыре пребывала вдова Михаила Ярославича Анна (в иночестве Софья). Первоначально в 1293 г. Софья постриглась в монастыре архистратига Михаила, и в ее пострижении вместе с игуменом этого монастыря участвовал и епископ Андрей. Видимо, начинание Софьи в создании такого «парного» по отношению к Отрочу монастыря всемерно поддерживалось и благословлялось епископом. Софьин монастырь называли также Девичьим.

¹³ АСЭИ. Т. 3. № 116. С. 152.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Пг., 1922. Стб. 72.

¹⁵ См.: Семячко С.А. Повесть о Тверском Отроче монастыре // СККДР. Вып. 3. Ч. 3. СПб., 1998. С. 194–201; Коняевская Е.Л. О начале тверского Отроча монастыря: легенды и интерпретации // Восточная

основа легенды допустима, по крайней мере, она не противоречит княжеской инициативе основания обители, тесной связи ее с тверским княжеским домом и аристократическому составу его иноков.

В Отроче монастыре подвизался ученый монах Акиндин, который в Послании великому князю Михаилу Ярославичу, датированном началом второго десятилетия XIV века, обращается к нему как к «Богомъ съхраненному и благочестивому и благочестія держателю, великому князю Михаилу и честному самодержцю русаго настованія»¹⁶.

Близость обители к тверскому княжескому дому делала ее положение привилегированным, но эта близость имела и обратную сторону. Почему бывший настоятель Отроча монастыря Андрей, став тверским владыкой, создает новый монастырь, в который затем уйдет с кафедры и где примет кончину? Владыка Андрей имел твердые убеждения и не отличался склонностью к компромиссам. Успенский монастырь на Шоше он создал, воплотив в нем, видимо, свои представления об идеальной обители¹⁷.

Имена архимандритов Отроча монастыря раннего периода неизвестны, но Д.Г. Давиденко выдвинуто предположение, что архимандрит Феодосий, который доставил в 1371 г. «донесение» Михаила Александровича и его братьев константинопольскому патриарху Филофею, был из Отроча монастыря. Посланник, по словам исследователя, «был человеком близким тверскому князю, коль скоро представлял его интересы в Константинополе»¹⁸.

Возможны ли другие варианты происхождения архимандрита Феодосия? Известно, что архимандрития в XV в. была и в Феодоровском монастыре на острове в устье р. Тьмаки.

В 1323 г. здесь начали строить церковь св. Федора, завершенную, согласно тверским летописям, в 1325 г. В Симеоновской и Никоновской летописях говорится, что церковь в обители «сверши и украси игумень нѣкїи Иванъ Царегородецъ»¹⁹. Неочевидно, что этот игумен был игуменом именно данного Феодоровского монастыря, но греческое присутствие в нем подтверждено и тем фактом, что в этой обители в начале XIV в. был переписан Фомой Сириянином Иерусалимский церковный устав на греческом языке, хранящийся ныне в библиотеке Ватикана²⁰. В.А. Кучкиным высказано аргументированное предположение о том, что упоминаемый в Житии Михаила Ярославича игумен Иван был, как и игумен Александр, духовником этого князя²¹. Соответственно, так же, как и с игуменом Александром, есть основания считать, что в бытность Михаила Ярославича Федоров монастырь архимандритией еще не был.

Европа в древности и средневековье. Ранние этапы урбанизации. XXXI Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. М., 2019. С. 124–127.

¹⁶ РИБ. Т. 6. Ч. 1. Изд. 2-е. СПб., 1908. Стб. 149.

¹⁷ См.: Конявская Е.Л. «Святоучительный епископ Андрей» // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Материалы научного семинара. Вып. 15. Тверь, 2022 (в печати).

¹⁸ Давиденко Д.Г. Монастыри-архимандритии... С. 305.

¹⁹ ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913. С. 89; ПСРЛ. Т. 10. СПб., 1885. С. 189.

²⁰ Biblioteca Apostolica Vaticana. Vat. Grec. 784.

²¹ Кучкин В.А. Повести о Михаиле Тверском... С. 230–231.

Прямо Феодоровский монастырь²² назван архимандритией, а его глава Феодосий – архимандритом²³ под 1421 г. Говорится – с указанием дня, месяца и церковной памяти – о закладке каменного храма Феодора Тирона (1 июня, «на память святого мученика Устина Философа») и освящении его (5 октября, «на память святых мученицъ Мамелфы»)²⁴. Из «Слова похвального Борису Александровичу» инока Фомы и Тверского сборника мы узнаем, что в конце 1446 г. Феодоров монастырь был перенесен в город, а архимандрития переведена в монастырь Григория Богослова в Затмачье²⁵.

Таким образом, предполагать, что архимандрит Феодосий мог возглавлять этот монастырь, тесно связанный с греческими монастырями и, возможно, патриархатом, небеспочвенно, и можно предполагать, что монастырь был архимандритией к моменту посольства в Константинополь в 1371 г.

Архимандриты – во множественном числе – упоминаются в рассказе о разбирательстве митрополита Киприана в «распре церковной» в Твери в 1390 г. На суде над епископом Евфимием²⁶ «архимандриты, игумены, попове, дьякони и бояре истягаша его въ многих судѣх»²⁷. А в повествовании о последних днях великого тверского князя Михаила Александровича, который постригся перед кончиной сначала в иноческий образ, а потом и в схиму, летописи сообщают, что до последних минут с умирающим Михаилом Александровичем был архимандрит Корнилий: «Остави же архимандрита Корнилия и священноинока Парфения и тѣма повелѣ пѣти канон въ исход души»²⁸. В.А. Кучкин и Д.Г. Давиденко отмечают отсутствие подтверждений тому, что Афанасьевский монастырь был архимандритией²⁹. Д.Г. Давиденко приходит к выводу, что Корнилий был архимандритом Отроча монастыря. Однако, известно, что князь постригся в Афанасьевском монастыре, поэтому логично предполагать, что Корнилий подвизался именно в этой обители, располагавшейся в самом центре Твери, неподалеку от Спасского собора. В более раннем рассказе о преставлении князя говорится, что князь «поиде в лавроу святого Афанасія»³⁰. Лаврой могли назвать только большой и авторитетный монастырь³¹. Утверждать, тем не менее, что Афанасьевский

²² Есть основания считать, что в Феодоровом монастыре велась летописная работа, отразившаяся в ряде статей Тверского сборника (см.: *Конявская Е.Л.* Очерки по истории тверской литературы XIV–XV в. М., 2007. С. 276–277).

²³ Если речь идет о вышеупомянутом архимандрите – после в Константинополь, то он должен был быть в весьма преклонных летах.

²⁴ ПСРЛ. Т. 15. СПб., 1863. Стб. 488.

²⁵ БЛДР: Вторая половина XV века. Т. 7. СПб., 1999. С. 98; ПСРЛ. Т. 15. Стб. 493.

²⁶ См. об этом событии: *Конявская Е.Л.* Очерки по истории тверской литературы XIV–XV в. С. 110–133.

²⁷ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 160. Упоминание архимандритов во множественном числе встречается при описании тверских сюжетов и позднее.

²⁸ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 174.

²⁹ *Кучкин В.А.* Антиклассицизм // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 3 (13). С. 123, примеч. 56; *Давиденко Д.Г.* Монастыри-архимандритии... С. 305–306.

³⁰ ПСРЛ. Т. 4. Л., 1925. С. 389.

³¹ В частности, лаврой назван Отроч монастырь в заглавии сочинения Акиндина: «Написание Акиндина, мниха, лавры Святыя Богородица» (РИБ. Т. 6. Стб. 150).

монастырь являлся архимандритией, было бы опрометчиво. Возможно, что Корнилий был архимандритом не по должности, а по сану.

В XV в. архимандрития Отроча монастыря еще более упрочила свои позиции. Архимандриты обители становились тверскими владыками: Моисей, Геннадий Кожин, Вассиан Стрига Оболенский. В 1437 г. Борис Александрович с «братией молодчеи», удельными князьями, вновь дал жалованную грамоту монастырю, подобную той, что обитель получила в 60-е годы XIV века. Здесь к тем, которые «тягнут» к Отрочу, добавлен еще один монастырь (Воскресения на Шоше)³².

Сохранились акты о подобных льготах Кашинскому Сретенскому монастырю³³, предположительно возникшему в начале XV в.³⁴. Однако архимандритией в одном из документов назван другой кашинский монастырь – Духовской (на посаде), где начальствовал архимандрит Денисий. Он упомянут в меновой грамоте, датируемой предположительно серединой 80-х гг. XV в.³⁵ Это единственное указание на существование монастыря в XV в. Под 1555 г. имеется информация о его настоятеле Ионе, который, как и Денисий, назван архимандритом³⁶. Вопрос об архимандритиях Кашина требует дальнейшего изучения, хотя круг источников едва ли может быть значительно расширен.

Анализ материалов, указывающих на существование архимандритий и архимандритов в Твери периода независимого княжества, подтверждает тенденцию, которая отмечается исследователями относительно других регионов: архимандритии могли создаваться как в ктиторских княжеских монастырях, так и по инициативе епископа или митрополита. Такие «параллельные» архимандритии уравнивали друг друга в церковных центрах. Также фиксируется появление архимандритий не только в столичных монастырях, но и в других крупных городах епархии.

Список литературы

АСЭИ. Т. 3 – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. 3. М.: Издательство Академии наук СССР, 1964. 686 с.

Артамонов Ю.А. Владимирский Рождества Пресвятой Богородицы монастырь: от учреждения к архимандритии // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 4 (74). С. 5–14. DOI 10.25986/IRI.2018.74.4.001.

Библиотека литературы Древней Руси: Вторая половина XV века. Т. 7. СПб.: Наука, 1999. 581 с.

Гайденок П.И. Почему упоминание об архимандритах отсутствует в древнерусских церковных уставах? (несколько замечаний) // Гуманитарные науки в XXI веке: научный интернет-журнал. 2014. № 3. С. 18–27.

Голубинский Е.Е. История русской церкви. Изд. второе. Т. 1. Вторая половина тома. М.: Имп. ОИДР при Московском ун-те, 1904. 926+XIX с.

³² АСЭИ. Т. 3. № 117. С. 153–155.

³³ Там же. № 118, № 119. С. 155, 156 (около 1426 г., см.: *Маштафаров А.В.* Сретенский монастырь в документах XV – начала XVII века // Русский дипломатарий. Вып. 3. М., 1998. С. 45–61).

³⁴ *Зверинский В.В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 2005. № 1206. С. 345–346.

³⁵ АСЭИ. Т. 3. № 160. С. 175.

³⁶ *Строев П.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 484.

- Давиденко Д.Г. Монастыри-архимандритии в городах Северо-Восточной и Северо-Западной Руси в XIV–XV вв. // Средневековая Русь. Вып. 10. М.: Индрик, 2012. С. 248–331.
- Зверинский В.В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. Кн. I–III. XVII, [1], 298, [1], VI, 462, [2], 259 с.
- Конявская Е.Л. О начале тверского Отроча монастыря: легенды и интерпретации // Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние этапы урбанизации. XXXI Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. М., 2019. С. 124–127.
- Конявская Е.Л. Очерки по истории тверской литературы XIV–XV в. М.: Свой круг, 2007. 400 с.
- Конявская Е.Л. «Святоучительный епископ Андрей» // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Материалы научного семинара. Вып. 15. Тверь, 2022 (в печати).
- Кузьмина О.В. Новгородская архимандрития в XIV–XV вв. // Прошлое Новгорода и новгородской земли. Мат-лы научной конф. 15–17 ноября 2005 г. Великий Новгород, 2005. С. 51–56.
- Кучкин В.А. Антиклассицизм // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 3 (13). С. 112–130.
- Кучкин В.А. Повести о Михаиле Тверском. Историко-текстологическое исследование. М.: Наука, 1974. 292 с.
- Малыгин П.Д. Иностранцы XVI–XVII вв. о Верхневолжских монастырях // У истоков Российского государства. Тверь: Изд-во ТвГУ, 2015. С. 176–184.
- Маиштафаров А.В. Сретенский монастырь в документах XV – начала XVII века // Русский дипломатарий. Вып. 3. М.: Археографический центр, 1998. С. 45–61.
- ПСРЛ. Т. 4. Вып. 2. Новгородская четвертая летопись. Л., 1925. 215 с.
- ПСРЛ. Т. 10. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. СПб.: Тип. Министерства Внутренних дел, 1885. 256 с.
- ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Рогожский летописец. Пг.: Б. и., 1922. 216 с.
- ПСРЛ. Т. 15. Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью. СПб.: Типография Леониды Демиса, 1863. 540 с.
- ПСРЛ. Т. 18. Симеоновская летопись. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1913. 321 с.
- Русская историческая библиотека. Т. 6. Ч. 1. Изд. 2-е. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1908. 747 с.
- Семячко С.А. Повесть о Тверском Отроче монастыре // СККДР. Вып. 3. Ч. 3. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 194–201.
- Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российския церкви. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1877. 1056, 68 стб.
- Хорошев А.С. Архимандрития новгородская // Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 83–84.
- Щапов Я.Н. Соборные церкви и монастырские организации в русском городе до XV в. // Щапов Я.Н. Очерки русской истории, источниковедения, археографии. М.: Наука, 2004. С. 66–71.
- Щапов Я.Н., Соколова Е.И. Архимандрития в древнерусском городе // Церковь, общество и государство в феодальной России. Сб. статей / Отв. редактор А.И. Клибанов. М.: Наука, 1990. С. 40–46.
- Янин В.Л. Из истории высших государственных должностей в Новгороде // Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М.: Высшая школа, 1977. С. 136–149.

ARCHIMANDRITES OF TVER IN 14–15TH CENTURIES

Abstract: The article presents materials from written sources regarding the existence of the independence period of archimandrites in the Tver Principality. It is shown that there is evidence that the archimandrites were Otroch, Feodorov, as well as the Kashinsky Dukhovskoi Monastery.

Keywords: archimandrite, Principality of Tver in the 14th–15th centuries, Otroch Monastery, Feodorov Monastery, Dukhovskoi Monastery in Kashin.

**«И НАЧАША КНЯЗИ СВЯТИТЕЛЬСКУЮ ВЛАСТЬ ДЕРЖАТИ...»:
СВЯТИТЕЛЬ ИОНА И ДВОР ЮРИЯ ЗВЕНИГОРОДСКОГО
В 1431–1434 ГГ. ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ**

Аннотация: Статья вводит в научный оборот материалы о членах двора князя Юрия Дмитриевича Звенигородского (†1434), в судьбе которых принял участие святитель Иона, нареченный на митрополию Русскую. Источниками работы послужили грамоты на село Озерецкое Троице-Сергиева монастыря в Дмитровском уезде и на село Оксиньинское в Звенигородском уезде. Углубленное прочтение ряда исторических источников позволяет исследовать вопросы общественного служения Церкви в эти трудные для страны годы и осветить ее роль в формировании общественного сознания в канун воссоздания Русского государства.

Ключевые слова: митрополия всяя Руси, святитель Иона Московский, Великое княжество Московское, Юрий Дмитриевич Звенигородский, Василий II, династическая война, Галицкие, Минины, общественное служение Церкви, общественное сознание.

Чем более мы узнаем о том, как была устроена раннемосковская Русь, тем яснее осознаем роль Церкви в формировании поведенческих установок людей и в нравственном обосновании их деятельности¹. Благодаря этому многие темы, связанные с историей Церкви, предстают в новом свете. Особенно отчетливо интересующее нас явление проявляется в периоды, когда роль митрополии всяя Руси ослабевала, и «рознь мира сего», не смиримая уже более ее влиянием, выплескивалась наружу. Один из таких периодов – первый этап династической войны 1430-х годов.

По мнению современников, отсутствие в Москве после смерти Фотия (†01.07.1431) митрополита-грека, обладающего всей полнотой святительской власти, имело для Великого Московского княжества пагубные последствия. Полемическое сочинение 1481 г. о хождении «посолонь», вышедшее из-под пера иерея, близкого к митрополиту Геронтию (†1489), связывает со смертью митрополита Фотия обрушение нравственных начал государственности и, как следствие, начало династической войны: «И в Русии святителя не бысть тогда, и начаша святительскую власть князи держати. И быша тогда брани злы межусобные в братье, тако же и женитвы во племя-

---

¹ Чернов С.З. Кризис Халкидонской антропологии в XV в. и формирование Русского национального государства. Краткое изложение концепции // На пути к государствам Нового времени: Запад и Восток Европы в конце XV – XVII веке. М.; Калуга, 2020. С. 60–90.

ни, а возбраняющих не бе. И многу сему злу бывающу, еще же и ратем и кровопролитию многу, и одолев един другого и ослепи его»².

Для нас важно, что автор сочинения о хождении «посолонь» описывает произошедшее так, как оно осмысливалось клиром митрополичьего двора. Хотя события 1430-х гг. были отделены от него полувековым промежутком времени, свидетели этих событий еще были живы. Еще сохранялись воспоминания о временах, когда архиереи единой Русской Церкви в меньшей степени подвергались опеке князей, а ситуация спора митрополита и государя о хождении «посолонь» давала повод высказать то, что обычно подразумевалось, но не проговаривалось.

Автор процитированного текста ставит в один ряд два различных матримониальных проекта 1432–1433 гг. Первый из них, инициированный московским наместником Иваном Дмитриевичем Всеволожем и как будто направленный на блокирование династической войны, включал женитьбу сына Юрия Дмитриевича Звенигородского Василия Юрьевича (впоследствии получившего прозвище Косой) на внучке Ивана Дмитриевича Феодосье Андреевне (дочери князя Андрея Владимировича Радонежского) (29.06 – осень 1432) и предложенный великой княгине Софье Витовтовне брак дочери Ивана Дмитриевича на семнадцатилетнем великом князе Василии II. По возвращении 29.06.1432 г. из Орды Юрия Дмитриевича и Василия II предложение Ивана Дмитриевича о браке Василия II было отвергнуто, а сам он был ослеплен и бежал в Углич и Тверь³.

Второй проект, за которым стояли Федор Федорович Голтый и его дочь Марья, вдова князя Ярослава Владимировича Боровского, был направлен на разрыв с Юрием Звенигородским. Этот проект включал женитьбу Василия II на дочери Ярослава Владимировича Марии Ярославне и брак князя Михаила Андреевича Вереysкого на сестре Марии – Елене Ярославне. Именно эта комбинация была осуществлена Софьей Витовтовной. После свадьбы Василия II 8 февраля 1433 г., на которой она сорвала золотой пояс с Василия Юрьевича, Иван Дмитриевич отъехал к Юрию Звенигородскому, и началась военная фаза династической борьбы. Финалом стало ослепление Василия Юрьевича 21 мая 1436 г.

Упомянутые выше браки были заключены между четвероюродными братьями и сестрами, что рассматривалось автором сочинения о хождении «посолонь» как падение нравственных устоев. Читатели сочинения 1481 г. помнили, что данные браки окончательно сформировали политические кланы и тем самым мобилизовали княжеские дворы на непримиримую борьбу⁴.

Для того, чтобы выявить способы нравственного воздействия Церкви на ту часть паствы, которая была причастна к управлению, и извлечь соответствующую историческую информацию из имеющихся источников, необходимо вести исследование на уровне тех, кто, собственно, и был носителем определенных представлений и симпатий. При таком подходе в поле нашего зрения закономерно должны войти отдельные

---

² Клосс Б.М., Назаров В.Д. Полемиическое сочинение 1481 г. о хождении «посолонь» // *Московская Русь (1359–1584): Культура и историческое самосознание* / Под ред. А.М. Клеймола, Г.Д. Ленхофф. М., 1997. С. 384.

³ Лурье Я.С. Рассказ о боярине И.Д. Всеволоже в Медоварцевском летописце // *Памятники культуры: новые открытия. Письменность, искусство, археология. Ежегодник, 1977. Л., 1977. С. 7–11.*

⁴ Чернов С.З. Три семьи Радонежских бояр // *Русское Средневековье. Сборник статей в честь профессора Юрия Георгиевича Алексеева*. М., 2012. С. 689–692.

боярские семьи, а также клирики и миряне, которые образовывали двор московских митрополитов. В данной работе под этим углом зрения будет рассмотрена группа документов, связанная с появлением вотчины Троицкого монастыря в с. Озерецком и звенигородской вотчины митрополитов в с. Аксиньино.

Возвышение митрополита Ионы

Перед тем, как обратиться к этим источникам, необходимо напомнить основные вехи, отражающие взаимоотношения митрополии всея Руси и великих московских князей от кончины митрополита Фотия (†01.07.1431) и до прибытия в Москву митрополита Исидора (08.04.1437). Введение в научный оборот Я.С. Лурье, А.И. Плигузовым и Г.В. Семенченко документов московской митрополии 1430-х – 1450-х гг.⁵, а также специальные исследования о митрополите Ионе⁶ позволяют сделать это.

Святитель Иона родился в конце 1380-х – начале 1390-х гг. близ Солигалича «на реке на Святице... от отца благочестива, именем Феодора, зовомаго Одноуша, идеже ныне погост по его имени Одноушево именуемое, его же той Одноуш дал в дом соборной церкви Пречистыя, иже на Москве»⁷. Древний удел потомков брата Александра Невского Константина Ярославича – Галич Мерский, принадлежавший в 1360 г. князю Дмитрию Борисовичу⁸, в 1362 г. перешел к Дмитрию Ивановичу Московскому. В 1389 г. он передал Галич сыну Юрию, а Соль Галицкую (в качестве анклава) закрепил за великой княгиней Евдокией Дмитриевной в пожизненное владение⁹. За нею Соль Галицкая оставалась до ее кончины (†07.07.1407), а затем перешла к Юрию Звенигородскому¹⁰.

В 12 лет Иона принял монашеский постриг в Благовещенском монастыре на погосте Унорож близ Галича. Из сочинения Иосифа Волоцкого «Отвещения любозаборным» известно, что в юности Иона стал иноком великокняжеского Московского Симонова монастыря¹¹, а затем симоновским архимандритом. Как сообщает митрополичий летописец, сохранившийся в составе Супральской летописи, в мор 1426 г. митрополит Фотий послал в Тверь «архимандрита Иону» с иконой Богородицы митрополита Петра¹². За несколько лет до кончины Фотия Иона был возведен в сан епископа. В своей духовной грамоте святитель Иона говорит: «быв прежде муромский

---

⁵ Лурье Я.С. Две истории Руси XV века. СПб., 1994; Русский феодальный архив XIV – первой половины XVI в. / Подготовка текста А.И. Плигузов, Г.В. Семенченко, Л.Ф. Кузьмина. Т. 1–4. М., 1987. Т. 5. М., 1992.

⁶ Кистев С.Н. Источники о пребывании рязанского епископа Ионы в Константинополе // Россия и христианский Восток. Вып. 2–3. М., 2004. С. 41–68; Тарасов А.Е. Возвышение митрополита Ионы (из истории церковно-политической борьбы во второй четверти XV в.) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2005. № 2. С. 97–118.; Абеленцева О.А. Митрополит Иона и установление автокефалии Русской Церкви. М.-СПб., 2009.

⁷ Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: Тексты и коммент. / Отв. ред. Н.Н. Покровский, Г.Д. Ленхофф. Т. 2. Степени XI–XVII. М., 2008. С. 190.

⁸ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Рогожский летописец. Пг., 1922. Стб. 69.

⁹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. (далее – ДДГ). М.-Л., 1950. С. 34. № 12.

¹⁰ ДДГ. С. 74. № 29.

¹¹ Великия миней четии собранныя всероссийским митрополитом Макарием. Сентябрь дни 1–13. СПб., 1868. Стб. 552.

¹² ПСРЛ. Т. 35. Летописи белорусско-литовские. М., 1980. С. 56.

епископ и рязанские земли, и сколько лет пребывах в послушании духовне отца и господина своего, пресвященного архиепископа Фотеа»¹³. Следовательно, он был хиротонисан в епископы не ранее 1426 и не позднее июля 1429 г.

В нашем распоряжении имеются два документа, датированных 1433 г., которые касаются районов, расположенных за пределами диоцеза епископа Рязанского и муромского. Они свидетельствуют о наличии у владыки Ионы прерогатив, соответствующих прерогативам местоблюстителя митрополичьего престола. При этом остается неясным, когда Иона начал их исполнять: сразу же по кончине митрополита Фотия или после возвращения Василия II из Орды 29.06.1432 г.¹⁴

Так или иначе, в послании в Нижегородский Печерский монастырь 11 марта 1433 г. он именует себя епископом, нареченным в святейшую Митрополию Русскую¹⁵. Поскольку это послание было составлено после разрыва великокняжеского окружения с Юрием Звенигородским (08.02.1433) и до разгрома войск Василия II на Клязьме (25.03.1433), можно заключить, что юный великий князь и его мать не противились наречению Ионы в митрополиты. Судя по всему, влияние Ионы на управление церковной иерархией было в этот период невелико. Обращаясь к братии Печерского монастыря, владыка говорит: «И Бог положил на сердце благородному великому князю и благородной великой княгине: по вашему челобитью велели мне своему богомолцю, того священноинока Павла благословити к вам на архимандритию»¹⁶.

Духовная грамота Василия Васильевича Галицкого

Особый интерес у исследователей, изучающих судьбы митрополии в первой половине 1430-х годов, вызывает духовная грамота Василия Васильевича Галицкого, которая была «Ионе владыце явлена» «в лете 6941-го месяца августа в 27 день индикта», то есть 27 августа 1433 г.¹⁷ Этот интерес связан с тем, что сам документ был составлен в период первого великого княжения Юрия Дмитриевича (25.04 – начало сентября 1433), когда Василий II находился на уделе в Коломне¹⁸.

Дмитровский удел, где располагались владения завещателя, не входил в диоцез епископов муромских и рязанских. Поэтому духовная могла быть явлена владыке Ионе лишь в качестве местоблюстителя митрополичьего престола. Дополнительный аргумент в пользу этого предложил С.Н. Кистерев. Он обратил внимание на то, что подписавший духовную «владычень дьяк Карло» – не кто иной, как митрополичий дьяк Василий Карло, сопровождавший позднее Исидора на Ферраро-Флорентийский собор и осудивший взгляды сторонников унии¹⁹.

¹³ Абеленцева О.А. Митрополит Иона... С. 442. № 54.

¹⁴ Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. 2. Первая половина тома. М., 1900. С. 415, 419.

¹⁵ Абеленцева О.А. Митрополит Иона... С. 319. № 1. Я.С. Лурье считает слова «нареченным в святейшую Митрополию Русскую» позднейшей вставкой (Лурье Я.С. Две истории... С. 104). Исследователь понимает «наречение» как поставление в митрополиты, между тем речь идет о поставлении в местоблюстители митрополита.

¹⁶ Абеленцева О.А. Митрополит Иона... С. 320. № 1.

¹⁷ АСЭИ. Т. 1. М., 1952. С. 86–87. № 108.

¹⁸ Плигузов А.И., Семенченко Г.В. Примечания составителей // Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI в. М., 1987. С. 647; Лурье Я.С. Две истории Руси... С. 104.

¹⁹ ПСРЛ. Т. 23. Ермолинская летопись. СПб., 1910. С. 150; Кистерев С.Н. Источники о пребывании

Духовная грамота не только содержит свидетельство о статусе митрополита Ионы, но и вводит нас в круг высокопоставленных членов двора Юрия Звенигородского. Василий Васильевич Галицкий и его братья приходились внуками Дмитрию Борисовичу Галицкому (табл. 1). Теперь они служили князю Юрию Дмитриевичу и его детям. Борис Галицкий упоминается под 1425 г. После поездки в Галич митрополита Фотия князь Юрий Дмитриевич послал «боарина своего Бориса Галичского и Данила Чешка, и докончаша миръ на том, что князю Юрию не искати княженья великого собою, но царемъ»²⁰. После смерти Юрия Звенигородского «Борис Васильевич» перешел на службу к его сыну Дмитрию Шемяке. 5 декабря 1440 г. в Угличе он заверил жалованную грамоту этого князя, выданную Троице-Сергиеву монастырю на село Присеки в Бежецком Верхе²¹. Несколько ранее брат Василия и Бориса Васильевича Галицких Федор Васильевич упоминается среди послухов у купчей грамоты князя Дмитрия Юрьевича Красного на село Присек, написанной до его кончины 22.09.1440 г.²² В декабре 1446 г. «Федоръ Галичской» был наместником князя Дмитрия Шемяки в Москве в момент ее захвата Михаилом Борисовичем Плещеевым, посланным Василием II²³.

В статье «Три семьи радонежских бояр» я рассмотрел топографические и про-сопографические свидетельства, содержащиеся в грамоте, в контексте службы и землевладения упоминаемых в ней лиц²⁴. Как видно из завещания, Василий Васильевич Галицкий обладал обширной вотчиной в районе Галичского озера в верховьях реки Вори в Дмитровском уделе, которым после смерти князя Петра Дмитриевича (28.02.1428) владел Юрий Дмитриевич Звенигородский. Удел был закреплен за ним ханским ярлыком, но по возвращении из Орды летом 1432 г. Юрий Дмитриевич находился там недолго, после чего Василий II «взят Дмитровъ за себя»²⁵. К моменту составления духовной грамоты В.В. Галицкого Юрий Дмитриевич вновь вернул себе Дмитров²⁶. В состав удела входили замосковные волости Воря, Корзенево, Рогож, Загарье, Вохна, Сельна, Гуслеца, Шерна городок, то есть весь северо-восток Московского княжества.

Своим душеприказчиком Василий Васильевич Галицкий избрал брата – Ивана Васильевича. Скорее всего, это было связано с тем, что Иван Васильевич жил где-то поблизости. В актах упоминаются братья Румянцевы, которые владели землями в близлежащих волостях – Воре и Вышгороде²⁷. Один из них – Василий Иванов сын Румянцева – был женат на дочери Ивана Васильевича Галицкого. С прошествием некоторого времени, но не позднее 1447 г., он продал келарю Троице-Сергиева монасты-

---

рязанского епископа Ионы в Константинополе... С. 65.

²⁰ ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. М.-Л., 1949. С. 247.

²¹ АСЭИ. Т. 1. С. 121. № 165, подлинник.

²² АСЭИ. Т. 1. С. 119. № 163, подлинник.

²³ ПСРЛ. Т. 25. С. 268, 269.

²⁴ Чернов С.З. Три семьи Радонежских бояр... С. 653–711.

²⁵ ПСРЛ. Т. 25. С. 250.

²⁶ Назаров В.Д. Дмитровский удел в конце XIV – середине XV в. // Историческая география России: XII – начало XX в. М., 1975. С. 46–62.

²⁷ АСЭИ. Т. 1. С. 181–183. № 253, С. 243. № 335.

Таблица 1. Родословие потомков Галицко-Дмитровских князей

Середина XIV в.	Последняя треть XIV в.	Первая треть XV в.	Вторая треть XV в.	Третья треть XV в. – начало XVI в.
<p>князь Дмитрий Борисович Галицкий 1360 г. “<i>прииде из Орды пожалован в Галич</i>” 1362 г. изгнан из Галича вел. кн. Дмитрием Ивановичем (по родословцам: Дмитрий Иванович)</p>	<p>Василий Дмитриевич Галицкий ~ N жена за ней было дано село на Галичском озере в Дмитровском уделе</p>	<p>Борис Васильевич Галицкий 1425 г. – посол кн. Юрия Дмитриевича 05.12.1440 г. – боярин кн. Дмитрия Шемяки в Угличе (АСЭИ. Т. 1. № 165)</p> <p>Василий Васильевич Галицкий духовная 27.08.1433 (АСЭИ. Т. 1, № 108) владелец вотчины на Галичском озере в Инобоже и Вышгороде Дмитровского удела ~ N жена</p> <p>Иван Васильевич Галицкий послух у меновой И.В. Боркова в волости Воря (АСЭИ. Т.1, № 79) ~ Офимья</p> <p>Федор Васильевич Галицкий послух у купчей кн. Дмитрия Красного на село Присецкое в Бежецке около 1440 г. (АСЭИ. Т. 1, № 163) В 1446 г. – наместник князя Дмитрия Шемяки в Москве</p>	<p>Дмитрий Береза</p> <p>Семен Осина</p> <p>Иван Ива</p> <p>Александра</p> <p>~ N дочь за Василием Ивановичем Румянцевым</p>	<p>Иван</p> <p>Григорий 1503</p> <p>Иван</p> <p>Борис Третьяк</p>

ря Игнатию упоминавшиеся в духовной Василия Васильевича «земли Авраамовскую да Бунасовскую», «что ему дала теща его Офимья, Иванова жена Васильевича»²⁸.

Среди свидетелей духовной грамоты Василия Васильевича Галицкого («у грамоты были») упоминается Воронец Степанов. Иван Васильевич Галицкий запечатал завещание «печатью Воронцовою»²⁹. Следовательно, Воронец Степанов обладал достаточным весом в местном сообществе, чтобы, в случае необходимости, подтвердить подлинность духовной грамоты. Реконструкция земельных владений Воронца Степанова на территории Радонежского удела показала, что они сформировались до перехода Радонежа к Василию Ярославичу Боровскому в конце 1432 – начале 1433 г., в период, когда Радонежем владели Андрей Владимирович (1410–1426) и его вдова Елена, дочь уже упоминавшегося московского наместника Ивана Дмитриевича Всеволожа. Судя по всему, с переходом Ивана Дмитриевича на сторону князя Юрия Дмитриевича после 08.02.1433 г. часть служилых людей княгини Елены, включая и Воронца Степанова, оказались на службе у звенигородского князя или его сына Василия Юрьевича, который был мужем внучки Ивана Дмитриевича Всеволожа³⁰.

Скорее всего, мотивом явки духовной владыке Ионе являлось стремление придать документу больший вес в новых и неблагоприятных для семьи условиях, сложившихся к 27 августа 1433 г. Примерно в это время Юрий Звенигородский уступил великое княжение Василию II, «умирися на том, что ему дети к себе не приимати и помочи имъ не давати», и ушел вначале в Звенигород, а затем в Галич³¹. О том, в какой обстановке это происходило, говорится в Послании духовенства князю Дмитрию Шемяке 29.12.1447 г.: «А сам с великого княженія в пяти человѣцѣх съеха»³². Борису и Федору Васильевичам, занимавшим высокое положение при дворе Юрия Звенигородского, предстояло уйти со своим сюзереном в Галич и принять участие в его военном противостоянии с войском Василия II. В Дмитрове, видимо, оставались близкий к кончине Василий и Иван Васильевичи Галицкие. Участие святителя Ионы в их судьбе должно было помочь исполнить волю завещателя и защитить их от возможных посягательств.

Данная грамота Игнатия Васильевича Минина на с. Аксиньино

Еще одним источником, который проливает свет на деятельность Митрополии в первый период династической войны, является данная грамота Игнатия Васильевича Минина Ионе «епископу нареченному в святейшую митрополию Русскую» на село «Оксиньинское», расположенное к востоку от Звенигорода³³. Этот недатированный акт дошел до нас в виде копии, которая открывает пятую (посвященную аксиньинским землям) главу копийной книги, созданной около 1538 г. и в дальнейшем пополнявшейся новыми документами³⁴.

---

²⁸ АСЭИ. Т. 1. С. 89. № 111.

²⁹ АСЭИ. Т. 1. С. 87. № 108.

³⁰ Чернов С.З. Три семьи Радонежских бояр... С. 666–672.

³¹ ПСРЛ. Т. 25. С. 251; ДДГ. С. 75–80, № 30.

³² Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1. СПб., 1841. С. 76. № 40.

³³ Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков (далее: АФЗиХ). Ч. 1. М., 1951. С. 92. № 95.

³⁴ АФЗиХ. Ч. 1. С. 6–9.

Род Мининых

Игнатий Васильевич Минин, пожаловавший митрополиту Оксиньинское, принадлежал к одному из боярских родов, которые стояли у истоков создания Московского государства³⁵ (табл. 2). Прадед Игнатия Васильевича осуществлял правож ордынской дани в Ростове, произведенный им вместе с Василием Кочевым по повелению Ивана Калиты. По сообщению «Жития Сергия Радонежского» Епифания Премудрого, это событие произошло не позднее года после прихода на Русь татарской «рати Федорчуковой Туралыкова» и восшествия на великокняжеский владимирский престол Ивана Калиты 4 марта 1328 г.

Дед Игнатия Васильевича Дмитрий Минич погиб в бою с войском Ольгерда на реке Тростне между Москвой и Оболенском 21 ноября 1368 г. Летописец сообщает, что Дмитрий Иванович не успел собрать войско, «но елико воин обрѣтошас[я] тогда в градѣ, сихъ отобравъ князь великий и отпусти въ заставу противу Олгерда, еже есть сторожевыи плѣкъ, а воеводство приказано Дмитрію Минину, а отъ князя отъ Володимера отъ Андрѣевича воевода Акинфъ Федорович[ь], нарицаемый Шуба, а съ ними рать Московьскаа, Коломеньскаа, Дмитровьскаа»³⁶. Передовой полк принял на себя первый удар литовского войска и потерпел большой урон.

Брат Дмитрия Минина «Олександр Миничъ» сопровождал посланного весной 1383 г. в Тахтамышеву Орду³⁷ старшего сына Дмитрия Донского Василия Дмитриевича, остававшегося там более двух лет – фактически в качестве заложника (аманата). 10 ноября 1385 г. он бежал с княжичем Василием из Орды³⁸ и через Валахию и Литву вернулся в Москву 19 января 1388 г.³⁹ Судьба этого доверенного боярина Дмитрия Донского после прихода к власти Василия Дмитриевича (1389) неизвестна, но в Думе, сформированной в новое княжение, Мининых не было.

О следующем поколении Мининых – отце Игнатия Василии и его братьях Степане и Михаиле, деятельность которых пришлась на конец XIV – начало XV в., – практически ничего не известно (табл. 2). «Степановскіи двор Дмитриевич(а) и его дѣтеи, Григоріевъ и Федоровъ», располагавшийся в Кремле «на Подолѣ», был куплен боярином Василия II Иваном Федоровичем Старковым, о чем говорится в духовной грамоте вел. кнг. Софьи Витовтовны (между 21 июля 1449 и 8 августа 1452 гг.)⁴⁰.

Данная Игнатия Минина на пустошь Ревякинскую. Помимо данной на село Оксиньинское, в нашем распоряжении имеется еще один документ, составленный Игнатием Васильевичем, – его данная грамота на пустошь Ревякинскую. Она сохранилась в архиве Московского Симонова монастыря и относится к периоду архимандритства Ивана, сменившего на этом посту Иону не ранее 1426 и не позднее июля 1429 г. Как показало исследование комплекса грамот Симонова монастыря по району

³⁵ Редкие источники по истории России. Вып. 1 / Сост. З.Н. Бочкарева, М.Е. Бычкова. М., 1977. С. 179; Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 237–243.

³⁶ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Пг., 1922. Стб. 89.

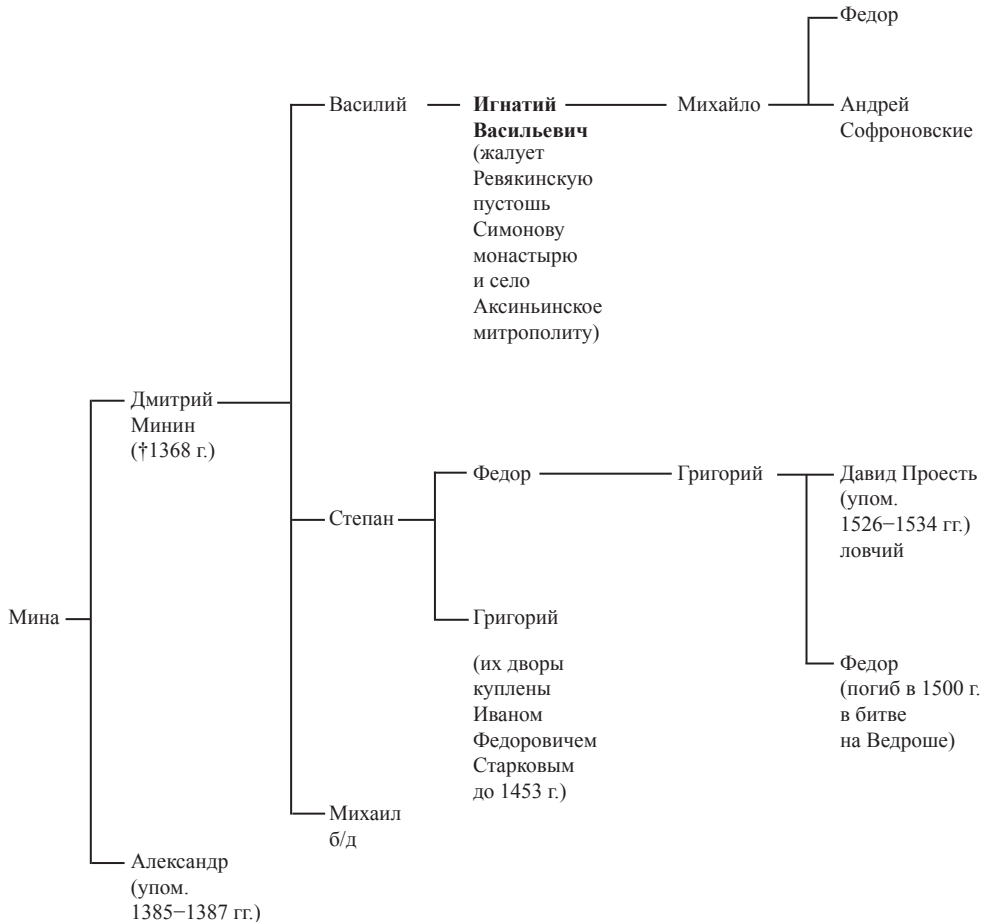
³⁷ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Пг., 1922. Стб. 147; ПСРЛ. Т. 20. 1-я половина. Львовская летопись. СПб., 1910. С. 295.

³⁸ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Пг., 1922. Стб. 151–152.

³⁹ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Пг., 1922. Стб. 153.

⁴⁰ ДДГ. С. 177. № 57.

Таблица 2. Родословие Мининых

Медвежьих озер к востоку от Москвы, пустошь эта представляла собой небольшое владение, располагавшееся на пограничье Бохова и Пехорского станов⁴¹. Приведем этот документ целиком:

«Се яз, Игнатей Васильевич Минина, дал есмь в монастырь на Симонова, в дом святей Богородицы, Ивану архимандриту и з братьею, свою отчину и дедину в Бохове стану Ревякинскую пустошь, и с лесом и з бортью, на поминоку своим родителем и себе.

А на то послуши: Иван Володимирович, да брат его Александр Володимирович, да Иван Александрович Румянцов, да отец мой духовный Петр, поп Михайлова Чюда, да Кузьма протопоп.

⁴¹ Чернов С.З. Домен московских князей в городских станах. 1271–1505 годы (Акты Московской Руси. Микрорегиональные исследования. Т. 2) // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. 2. М., 2005. С. 48–110.

А грамоту писал Игнатей сам своею рукою»⁴².

Мы многое узнаем об Игнатии Васильевиче из этого документа. Он был грамотен, и его духовным отцом являлся инок митрополичьего Чудова монастыря. Данная грамота свидетельствует, что Игнатию Васильевичу, его отцу и деду Дмитрию Минину принадлежала пустошь Ревякинская. Как показало археологическое исследование, это был небольшой участок земли на берегу Верхнего Медвежьего озера, на окраине бортной Пехорской волости великого князя. В тексте грамоты говорится: «и с лесом и с бортью», но не упоминаются пашня и покосы, следовательно, это была бортная деревня. Из показаний на суде 1498/1499 г. следует, что место это было приспособлено для ловли птиц («А та, господине, дорога... придет к болоту к Ревякинскому, к перевесью»)⁴³.

Принадлежность такого нетипичного владения на вотчинном праве боярину Дмитрия Донского требует объяснения. Найти его помогает одно известие, касающееся внука Федора Степановича Минина, двоюродного брата Игнатия Васильевича — Давыда. В Беляевском списке Росписи дворцовых чинов «Давыд Григорьевич Проестев» показан в 1526–1534 гг. великокняжеским ловчим⁴⁴. Если мы предположим, что служба в сфере управления промысловым княжеским хозяйством («путями») была в роду Мининых наследственной, факт владения Миниными небольшой промысловой деревней на краю великокняжеской Пехорской волости получает объяснение. Такое владение могло быть полезным подспорьем для осуществления обязанностей по управлению великокняжескими землями. Если теперь он расставался с этим подспорьем, помогая Симонову монастырю округлить владения последнего на Медвежьих озерах, значит, характер его службы изменился.

Кому же служил Игнатий Минин в период написания данной грамоты на Ревякино? Список послухов в этой грамоте говорит о его связях с членами двора Юрия Звенигородского. Первыми названы братья Лыковы — Иван и Александр Владимировичи. Александр Владимирович появляется на страницах летописи в 1425/1426 г. как боярин юного Василия II, посланный под осажденный литовским войском Порхов для переговоров с Витовтом⁴⁵. В жалованной грамоте на с. Зеленцыно в Великой слободе Юрий Дмитриевич во второе его великое княжение в Москве (31.03 – 05.06.1434) говорит об Александре Владимировиче Лыкове: «мои боярин»⁴⁶. Сын Ивана Владимировича Лыкова — Василий Иванович Жук Лыков — в 1443 г. был коломенским наместником, участвовал в походе двора Василия II на Рязань против татар царевича Мустафы и погиб в бою на р. Листани⁴⁷. Третьим послухом в данной на Ревякино был Иван Александрович Румянцев. Как отмечалось выше, Василий Иванов сын Румянцева, видимо, сын Ивана Александровича, был же-

⁴² АСЭИ. Т. 2. М., 1958. С. 339. № 342; Антонов А.В. Вотчинные архивы московских монастырей и соборов XIV – начала XVII века // Русский дипломатарий. Вып. 2. М., 1997. С. 126. № 349.

⁴³ АСЭИ. Т. 2. С. 453. № 418; Чернов С.З. Домен московских князей... Рис. 5. № 2; цвет. рис. 7.

⁴⁴ Зимин А.А. О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI в. // Исторические записки. Т. 63. М., 1958. С. 205.

⁴⁵ ПСРЛ. Т. 18. Симеоновская летопись. СПб., 1913. С. 169.

⁴⁶ АСЭИ. Т. 1. С. 90. № 112.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913. С. 192; ПСРЛ. Т. 23. СПб., 1910. С. 151.

нат на дочери Ивана Васильевича Галицкого⁴⁸, душеприказчика духовной грамоты на село Озерецкое⁴⁹. Таким образом, нельзя исключить, что избавление от Ревякинской пустоши было связано с обстоятельствами династической войны, когда на службе у Юрия Звенигородского оказывались бояре и слуги, предки которых традиционно служили великим московским князьям.

Предыстория села Оксиньиньского и датировка данной Игнатия Васильевича

Как я уже отмечал, Игнатий Васильевич передал епископу Ионе «село свое Оксиньинское свою отчину с церковью с святым Николою в Звенигородском уезде»⁵⁰. Проведенное недавно историко-археологическое исследование Оксиньинской вотчины московских митрополитов и анализ жалованных грамот князей на это владение XV–XVI вв. показали, что первоначально эти земли, лежащие на левом берегу р. Москвы, являлись частью владений древнего княжеского села Воиславского, расположенного на правом берегу реки (известно с 1358 г.). Поскольку Игнатий Васильевич называет Оксиньинское своей вотчиной, можно полагать, что село принадлежало его отцу Василию Дмитриевичу, который мог получить его в связи со службой Юрию Звенигородскому в начале его княжения (1389–1434). Так в районе погоста Николы на Песку (выявлен археологически на территории современного поселка Николина гора) и села Оксиньиньского сформировалась вотчина Мининых. Иначе трудно объяснить появление столь значительного боярского владения в такой близости от одного из крупнейших княжеских сел звенигородских городских станов⁵¹.

Таким образом, приходится признать, что племянник доверенного боярина Дмитрия Донского, старший в своем поколении Мининых – Василий Дмитриевич – перешел на службу в Звенигородский удел. Объяснить эту загадку можно только теми крутыми переменами в составе Думы, которые произвел Василий I в 1390-е годы, избавляясь от соратников своего отца.

Коль скоро Игнатий Васильевич Минин служил Юрию Звенигородскому, то нам важно установить, когда могла наступить угроза потери его звенигородский вотчины. Это позволит датировать данную грамоту на с. Оксиньинское. 1433 год как дату грамоты следует сразу отвести. Дело в том, что после ухода Юрия Дмитриевича с великого княжения в сентябре 1433 г. в соответствии с договором, заключенным им с Василием II, дань со «Звенигорода с волостями» Юрий Дмитриевич выплачивал сам⁵², следовательно, его юрисдикция здесь сохранялась. Осенью 1433 г. «Звенигородские волости» пограбил союзный тогда Василию II князь Иван Можайский⁵³ – значит, они продолжали принадлежать ушедшему защищать Галич Юрию Дмитриевичу.

---

⁴⁸ АСЭИ. Т. I. С. 89. № 111.

⁴⁹ АСЭИ. Т. I. С. 86–87. № 108.

⁵⁰ АФЗиХ. Ч. I. М., 1951. С. 92. № 95.

⁵¹ Чернов С.З. Дачи Генерального межевания: портал между Новым временем и Средневековьем (земли Аксиньина и Иславского Звенигородского удела) // Жизнь и смерть в Российской империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVIII–XIX вв. М., 2020. С. 287–289.

⁵² ДДГ. С. 76. № 30.

⁵³ ДДГ. С. 83. № 32.

Угроза потери звенигородской вотчины могла наступить после второго великого княжения Юрия Дмитриевича (31.03–05.06.1434). Если в 1433 г. он передал Василию II Коломну в качестве удела и пытался обеспечить баланс интересов княжеских дворов, то в 1434 г. – захватил Москву и встал на путь полного подчинения себе великокняжеского двора. Его смерть, последовавшая 5 июня 1434 г., явилась для его сторонников катастрофой. По духовной грамоте Юрия Звенигородского городские станы Звенигорода, к которым относилось село Оксиньинское, должны были перейти к его старшему сыну Василию Юрьевичу. В условиях открытого военного противостояния последнего с Василием II звенигородские владения бояр Василия Юрьевича оказывались под ударом. Представляется, что данную на село Оксиньинское можно с наибольшей степенью вероятности отнести к этому времени. Нельзя, впрочем, исключить и ее датировку временем разгрома и ослепления Василия Юрьевича 14–21 мая 1436 г. Именно тогда принадлежавшая ему часть Звенигородского удела была захвачена Василием II, что было закреплено договором 13 июня 1436 г. с Дмитрием Шемякой⁵⁴.

Сопоставим теперь предложенные даты грамоты с историческими вехами истории Митрополии. В 1433 г. на митрополию вся Русь в Константинополе был поставлен смоленский епископ Герасим. Осенью 1433 г. он вернулся в Смоленск, но не поехал в Москву из-за начавшейся там междоусобной войны. 26 июля 1435 г. он был казнен в Смоленске Свидригайлом. Таким образом, при первом варианте датировки мы можем заключить, что владыка Иона продолжал именоваться «епископом нареченным в святейшую митрополию Русскую» в период нахождения митрополита Герасима на Руси. При втором варианте датировки он продолжал обладать таким статусом после гибели митрополита Герасима и до своего ухода в Константинополь, откуда он вернулся в Москву в качестве епископа Рязанского с митрополитом Исидором 2 апреля 1437 г. Как видно из заверки данной грамоты Игнатия Васильевича, в момент ее составления работа канцелярии митрополии шла своим чередом: послухи грамоты Игнатия Минина – Иван Ильич и митрополичий дьяк Ананья – упоминаются еще в данной грамоте Василия Константиновича Гуся Добрынского митрополиту Фотию на село Васильевское на Рогоже⁵⁵.

Переход Игнатия Васильевича Минина на службу митрополиту Ионе

Обратимся теперь к тексту данной грамоты на село «Оксиньинское» и рассмотрим ее более детально. Среди других данных грамот она выделяется весьма необычным формуляром (наличием преамбулы) и расстановкой смысловых акцентов:

«Милостью Божиею и Пречистые Его Матери и молитвой святого чудотворца Петра митрополита вся Русь се яз Игнатей Васильевич дал есми святей Богородици соборной на Москве в дом и святому чудотворцу Петру митрополиту Вся Русь село Оксиньинское свою вотчину с церковью святым Николаем в Звенигородском уезде господину своему Ионе епископу нареченному в святую митрополию Русскую или кто по нем будет иной митрополит»⁵⁶.

⁵⁴ ДДГ. С. 90. № 35.

⁵⁵ АФЗиХ. Ч. I. С. 56. № 41; см.: Абеленцева О.А. Митрополит Иона... СПб., 2009. С. 68.

⁵⁶ АФЗиХ. Ч. I. 92. № 95.

Мы видим, что саму возможность передачи в дар дому святого Петра собственной вотчины Игнатий Васильевич рассматривает как милость Божию, которая стала возможна после молитвы самого Петра митрополита (перед нами пример уже редко встречающихся в памятниках письменности XV в. молитвы мертвых за живых).

Этот текст содержит значительную прямую и скрытую информацию. Игнатий Васильевич называет Иону своим господином. Следовательно, в момент написания грамоты он находился на его службе. Это обстоятельство позволяет объяснить и преамбулу грамоты. Скорее всего, Игнатий Васильевич благодарит Бога и митрополита Петра прежде всего за то, что Дом святого Петра взял его под свое покровительство.

Судя по всему, положение Игнатия Васильевича было критическим. Речь, скорее всего, шла не только об утрате вотчин в Звенигородском уделе и о невозможностиобретения нового светского сюзерена, но и об угрозе его личной безопасности. В этом положении переход на службу во двор митрополита он мог воспринимать как спасение.

В тексте грамоты Митрополия выступает как бы в нескольких своих проявлениях: это соборный храм Успения Богородицы, Дом святого Петра, то есть митрополия всея Руси, как институт церковного управления, усвоенный Москвой волею митрополита Петра, и ее актуальный глава – епископ Иона, – а также митрополит, который может встать во главе Русской Церкви в будущем. Перед нами свидетельство понимания роли митрополии всея Руси в условиях смутного времени, в котором нетрудно узнать влияние духовного отца Игнатия – Петра, священника собора Чудова монастыря.

Как показало исследование, проведенное С.Б. Веселовским, внуки Игнатия Васильевича по своим коломенским вотчинам (Песоченский стан) усвоили родовое прозвище Софроновых, а правнуки Федора Степановича – Проестевы – продолжали владеть родовыми вотчинами в Коломенском уезде (Усть-Мерский, Брашев и Песоченский станы) и в середине XVI в. служили по дворовому списку с Коломны. Это позволило исследователю заключить, что коломенские вотчины восходят к владениям Дмитрия Минина⁵⁷. Таким образом, мы можем сделать вывод, что Игнатию Минину удалось сохранить (или со временем восстановить) свои владения в Песоченском стане, принадлежавшем Софье Витовтовне⁵⁸. Это, пожалуй, и все, что можно сказать в качестве эпилога.

* * *

Рассмотренные нами акты принадлежат к числу не нарративных, но документальных источников, в достоверности которых нет основания сомневаться. Содержащиеся в них свидетельства показывают, что владыка Иона, обладая в 1432–1435 годах лишь малой толикой святительской власти, тем не менее, совершал действия, направленные на защиту членов двора Юрия Звенигородского, которые стали жертвами междоусобной войны. Один из этих источников – данная грамота Игнатия Васильевича Минина на с. Оксиньинское – показывает, что защиту человека от произвола люди того времени искали у Бога через молитву Святого Петра митрополита и действия митрополита, обладающего всей полнотой святительской власти.

---

⁵⁷ Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 241–243.

⁵⁸ ДДГ. С. 56. № 20; С. 58. № 21; С. 60. № 22.

Коль скоро в общественном сознании клириков и мирян – членов служилых корпораций Великого Московского княжества – существовало подобное понимание духовно-нравственного обоснования политического правопорядка, мы можем по-новому прочесть оценку причин династической войны, данную автором Полемиического сочинения 1481 г. о хождении «посолонь». Отсутствие власти святителя понималось не как стечение обстоятельств, ставшее одной из причин начала династической войны. Оно являлось кардинальным условием перехода от правового метода решения вопросов власти к произволу, реакцией на который и стали военные приготовления, а затем и открытые столкновения внутри дома Калитовичей.

Благодаря этому мы можем подойти к вопросу, который давно волновал историков: почему на протяжении шести лет после кончины митрополита Фотия (†01.07.1431) нареченный на митрополию Иона не был послан в Константинополь.

Для ответа на этот вопрос необходимо принять во внимание, что после кончины Фотия и ослепления Ивана Дмитриевича Всеволожа (лето–осень 1432 г.) вся власть, которая ранее распределялась между членами реально сложившегося опекунского совета при юном великом князе, сосредоточилась в руках дочери Витовта⁵⁹. Все вопросы теперь решались как «Бог положил на сердце благородному великому князю и благородной великой княгине», как говорит Послание в Нижегородский Печерский монастырь 11.03.1433 г.⁶⁰ В практической плоскости это означало силовое подавление устремлений Юрия Звенигородского. В этой ситуации появление в Москве митрополита, обладающего всей полнотой святительской власти, было совершенно не желательно. Именно этим следует объяснять неотправку владыки Ионы в Константинополь и неприятие митрополита Герасима, хотя последнее создавало угрозу статусу Москвы как места пребывания митрополитов Всея Руси. После гибели митрополита Герасима (†26.07.1435) великий князь и его мать также не поспешили направить нареченного митрополита для его поставления к Патриарху. Лишь после разгрома войск Василия Юрьевича и его ослепления (21.05.1436) владыка наконец был отправлен в Константинополь⁶¹.

Источники

- АСЭИ. Т. 1 – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. 1. М.: Издательство Академии наук СССР, 1952. 804 с.
- АФЗиХ. Ч. 1 – Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков. Ч. 1. М.: Издательство Академии наук СССР, 1951. 400 с.
- Великия минеи четии собранныя всероссийским митрополитом Макарием. Сентябрь дни 1–13. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1868. 672 стб.
- ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. 585 [1] с. [2] л. табл.
- ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Рогожский летописец. Пг., 1922. 186 стб.
- ПСРЛ. Т. 18. Симеоновская летопись. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1913. 316 с.

⁵⁹ Обзор данных по этой теме см.: Пономарева И.Г. Кто управлял Московским великим княжеством в 1425–1432 гг.? // Средневековая Русь. Вып. 9. М., 2011. С. 167–196.

⁶⁰ Абеленцева О.А. Митрополит Иона... С. 320. № 1.

⁶¹ Кистерев С.Н. Источники о пребывании рязанского епископа Ионы в Константинополе... С. 47.

- ПСРЛ. Т. 20. 1-я половина. Львовская летопись. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1910. 418 с.
- ПСРЛ. Т. 23. Ермолинская летопись. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1910. 239 с.
- ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. 463 с.
- ПСРЛ. Т. 35. Летописи белорусско-литовские. М.: Наука, 1980. 308 с.
- Послание российского духовенства углицкому князю Дмитрию Юрьевичу 1447 декабря 29 // Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. I. СПб.: Тип. Экспедиции заготовления Государственных бумаг, 1841. С. 75–83.
- Редкие источники по истории России. Вып. 1 / Сост. З.Н. Бочкарева, М.Е. Бычкова. М.: Ин-т истории СССР, 1977. 163 с.
- РФА – Русский феодальный архив XIV – первой половины XVI в. / Подготовка текста А.И. Плигузов, Г.В. Семенченко, Л.Ф. Кузьмина. Вып. 1–4. М.: Ин-т истории СССР, 1987. 942 с.; Т. 5. М., 1992. 943–1075 с.
- Степенная книга – Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: Тексты и коммент. / Отв. ред. Н.Н. Покровский, Г.Д. Ленхофф. Т. 2. Степени XI–XVII. М.: Языки славянских культур, 2008. 559 с.

Список литературы

- Абеленцева О.А.* Митрополит Иона и установление автокефалии Русской Церкви. М.-СПб.: Альянс-Архео, 2009. 472 с.
- Антонов А.В.* Вотчинные архивы московских монастырей и соборов XIV – начала XVII века // Русский дипломатарий. Вып. 2. М.: Археографический центр, 1997. С. 79–225.
- Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М.: Наука, 1969. 584 с.
- Голубинский Е.Е.* История русской церкви. Т. 2. Первая половина. М.: Имп. Общество истории и древностей российских, 1900. 1-я пол. 919 с.; 2-я пол. 610 с.
- Зимин А.А.* О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI в. // Исторические записки. Т. 63. М., 1958. С. 180–205.
- Кистерев С.Н.* Источники о пребывании рязанского епископа Ионы в Константинополе // Россия и христианский Восток. Вып. 2–3. М.: Индрик, 2004. С. 41–68.
- Клосс Б.М., Назаров В.Д.* Полемическое сочинение 1481 г. о хождении «посолонь» // Московская Русь (1359–1584): Культура и историческое самосознание / Под ред. А.М. Клеймола, Г.Д. Ленхофф. М.: ИЦ-Гарант, 1997. С. 350–390.
- Лурье Я.С.* Две истории Руси XV века. СПб.: Дмитрий Буланин, 1994. 238 [2] с.
- Лурье Я.С.* Рассказ о боярине И.Д. Всеволоже в Медоварцевском летописце // Памятники культуры: новые открытия. Письменность, искусство, археология. Ежегодник, 1977. Л.: Наука, 1977. С. 7–11.
- Назаров В.Д.* Дмитровский удел в конце XIV – середине XV в. // Историческая география России: XII – начало XX в. М.: Наука, 1975. С. 46–62.
- Плигузов А.И., Семенченко Г.В.* Примечания составителей // Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI в. Вып. 3. М.: Институт истории СССР, 1987. С. 646–648.
- Пономарева И.Г.* Кто управлял Московским великим княжеством в 1425–1432 гг.? // Средневековая Русь. Вып. 9. М.: Индрик, 2011. С. 167–196.

- Тарасов А.Е. Возвышение митрополита Ионы (из истории церковно-политической борьбы во второй четверти XV в.) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2005. № 2. С. 97–118.
- Чернов С.З. Домен московских князей в городских станах. 1271–1505 годы (Акты Московской Руси. Микрорегиональные исследования. Т. 2) // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. 2. М.: Наука, 2005. 648, 20, (3) с., (13) л. илл., карт.
- Чернов С.З. Три семьи Радонежских бояр // Русское Средневековье. Сборник статей в честь профессора Юрия Георгиевича Алексеева. М.: Древлехранилище, 2012. С. 653–711.
- Чернов С.З. Дачи Генерального межевания: портал между Новым временем и Средневековьем (земли Аксиньина и Иславского Звенигородского удела) // Жизнь и смерть в Российской империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVIII–XIX вв. М.: Индрик, 2020. С. 246–291.
- Чернов С.З. Кризис Халкидонской антропологии в XV в. и формирование Русского национального государства. Краткое изложение концепции // На пути к государствам Нового времени: Запад и Восток Европы в конце XV – XVII веке. М.; Калуга: Калужский гос. институт развития образования, 2020. С. 60–90.

S.Z. Chernov

**«AND THE PRINCES BEGAN TO HOLD THE METROPOLITAN AUTHORITY...»:
ST. JONAH AND THE COURT OF YURI ZVENIGORODSKY IN 1431–1434.
THE EXPERIENCE OF STUDYING PUBLIC CONSCIOUSNESS**

Abstract: The article introduces for scientific use materials about members of the court of Prince Yuri Dmitrievich Zvenigorodsky (†1434), in whose fate St. Jonah, who was named the Russian Metropolis, took part. The sources of the work were acts of commendation for the village of Ozeretskoye of the Trinity-Sergius Monastery in the Dmitrov district and for the village of Oksininskoye in Zvenigorodsky district. An in-depth reading of a number of historical sources allows us to explore the issues of public service of the Church in such difficult years for the country and outline its role in the formation of public consciousness on the eve of the Russian state's restoration.

Keywords: metropolia of All Rus', St. Jonah of Moscow, Grand Duchy of Moscow, Yuri Dmitrievich Zvenigorodsky, Vasily II, Dynastic war, Galicians, Minins, public service of the Church, public consciousness.

РАННИЕ ЭПИЗОДЫ ИСТОРИИ РЯЗАНСКОЙ ЗЕМЛИ НА МИНИАТЮРАХ XVI в.

Аннотация: Статья посвящена миниатюрам Лицевого летописного свода, на которых представлена ранняя история Рязанщины. События отражены в тексте и на миниатюрах фрагментарно, иногда содержат недостоверные сведения. На некоторых композициях можно видеть любопытный культурный феномен визуализации фантомов исторической памяти. Ряд миниатюр проливает свет на дискуссионные вопросы исторической географии региона.

Ключевые слова: миниатюры Лицевого летописного свода, ранняя история Рязанщины, недостоверные сведения, визуализация исторических фантомов, дискуссионные вопросы исторической географии.

Отечественные и зарубежные исследователи неоднократно обращались к историко-культурному изучению миниатюр Лицевого летописного свода Ивана Грозного. Им посвящена, в частности, значительная подборка статей автора этой публикации. В них можно найти ссылки на важнейшие работы предшественников¹.

Колоссальный объем материала Свода – более 16 000 миниатюр, и жанровая неоднородность этого создания древнерусских книжников (включающего тексты исторических книг Ветхого Завета, легендарные беллетризированные повествования о Троянской войне и походах Александра Македонского, а также компиляции, воспроизводящие византийскую историческую традицию, и другие материалы) чрезвычайно затрудняют формирование взвешенной обобщенной характеристики этого уникального памятника. Для создания последней представляется необходимой предварительная проработка отдельных сюжетов.

В этой статье рассматриваются отдельные миниатюры Лицевого свода, на которых представлены эпизоды ранней истории Рязанской земли. Исторические судьбы Рязанского княжества представляли для составителей и иллюстраторов Свода второстепенный интерес. Подборка миниатюр, посвященная Рязанской земле, значительно уступает серии композиций, связанных с историей Новгорода, и по количеству, и по их идеологической значимости. Рассматриваемые миниатюры не образуют единой связной картины, отмечены фрагментарностью и, отчасти, случайностью. На них встречаются не вполне достоверные исторические сведения и такое любопытное явление, как визуализация исторических фантомов.

---

¹ См., напр.: *Чернецов А.В.* Нашествие Батые на Рязанскую землю на миниатюрах XVI в. // КСИА. Вып. 251. М., 2018. С. 303–313.

Древнейшее летописное упоминание (Старой) Рязани, будущей столицы княжества, находится в Повести временных лет под 1096 г.² Рассматриваемая летописная статья посвящена княжеским усобицам, в которых главную роль играл известный Олег Святославич (которого «Слово о полку Игореве» называет «Гориславичем»). В ходе этих драматических событий он ненадолго задерживается в Рязани. Данный эпизод вполне мог не попасть в дошедшие до нас тома Свода, поскольку первый том этого собрания, посвященный русской истории, начинается со вступления Владимира Мономаха в Киев (1113 г.). Однако пересказ этих более ранних событий попал в летописную статью, датируемую более поздним временем³.

Изгнанный из Черниговских земель Олег направился в Смоленск, где его не приняли, и, далее, в Рязань⁴. Его преследовал сын Владимира Мономаха Мстислав с новгородской ратью, разбивший его в пределах Суздальской земли на р. Колокше (Кулачце). «Олег же прибеже к Мурому, и затвори (своего брата) Ярослава Муроме, а сам (Олег) иде Рязаню... Олег же выбеже из Рязаня». Результатом междоусобной войны было примирение сторон и решение Любечского съезда князей «кождо да держит отчину свою». После этого Олег Святославич надолго становится князем Новгород-Северским.

Воспоминания об этих событиях пересказаны в летописной статье о вокняжении в Киеве Мстислава Владимировича в 1125 г., нашедшей свое место на ЛЛ. 39 об. – 40 Голицынского тома Лицевого свода⁵. В ней сообщается, что этот князь уже успел в предшествующие годы прославиться выдающимися воинскими успехами. (Л. 39 об.) «Бися на Колокше с Ольгом Святославичем, с внуком Ярославим, а его (Мстислава) дядя // (Л. 40) сего ради, занеже Святослав (Ярославич) болшей брат Всеволоду, деду Мстиславлю, сам (Олег) хотя на великое княжение (Киевское) И одоле ему Мстислав, и прогна его во Тмутаракань, а оттоле в Рязань». Разбивка тома Свода на листы в данном случае указана, поскольку миниатюры памятника всегда отражают текст, расположенный под ними.

Нижняя, основная часть публикуемой миниатюры на Л. 40 (рис. 1) представляет укрывающийся в Тмутаракани отряд Олега, преследуемый войском Мстислава. Вверху справа войско Олега приближается к крепостным воротам Рязани. Слева тот же отряд проезжает под стенами еще одного города. Сценка изображает или скитания потерпевшего поражение князя из одного города в другой, или его напрасные надежды на киевский стол.

Пересказ событий 1096 г. в тексте Свода в летописной статье 1125 г. отмечен сбивчивостью и бросающимися в глаза неточностями описания последовательности и маршрута перемещений Олега. В источниковедческом плане очевидно, что первоначальная версия Повести временных лет, создававшаяся по свежим следам происходившего, более достоверна.

В пересказе Свода Мстислав, непосредственно после победы на Колокше, прогнал Олега в Тмутаракань. Между тем, согласно ранней версии, потерпевший поражение Олег отступил в Муром, и далее в Рязань. Упоминание Тмутаракани, с кото-

² ПСРЛ. Т. 1. М., 1962. Стб. 240.

³ ПСРЛ. Т. 9. СПб., 1862. С. 153.

⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 231, 240.

⁵ РНБ. Ф. IV. 225.

Рис. 1. Олег Святославич уходит в Рязань. События 1096 г.
Голицынский том Свода. РНБ. F. IV. 225. Л. 40

рой долгое время была связана биография Олега, попало в тексте Свода не на свое место. В феодальной войне, о которой идет речь, Тмутаракань была городом, откуда этот князь пришел на Русь в 1094 г.⁶, что и послужило началом очередного витка междукняжеских столкновений, а не местом бегства Олега. Сообщение, что Олег в дальнейшем ушел из Тмутаракани в Рязань (т.е. переместился на большое расстояние в противоположном направлении), представляет собой очевидную несообразность. Следует полагать, что книжники, работавшие над составлением текста Свода, не знали, где находилась Тмутаракань.

⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 226.

Повесть временных лет сообщает, что Олег был вынужден уйти и из Рязани. При этом он, скорее всего, не покидал пределы древнерусских земель. В следующем 1097 г. Олег присутствует на княжеском съезде в Любече, неподалеку от Киева.

Упоминание Тмутаракани несомненно отражает ошибку памяти сводчика, одновременно хронологическую и историко-географическую. Олег Святославич дважды укрывался в Тмутаракани значительно ранее – в 1078 г. (во второй раз после крупного поражения от деда Мстислава Владимировича Всеволода Ярославича при Нежатиной Ниве)⁷. На страницах Свода это бегство переместилось во времени на 18 лет. В 1084–93 гг. Олег княжил в Тмутаракани.

Битва на Колокше, последствия которой представлены на миниатюре, являлась в сознании древнерусских книжников важным памятным событием. Через 120 лет после нее в начале генерального сражения двух коалиций русских князей на р. Липице новгородские ратники говорили: «Не хотим измреть на коних, нъ яко отчи наши билися на Кулачьскеи (варианты «Колачкеи», «Кулачьце») пеши»⁸.

Победитель Олега Святославича на Колокше, впоследствии великий князь Киевский, Мстислав Владимирович остался в памяти потомков как могущественный правитель. Через два года после его смерти в 1134 г., по словам летописца «раздв-рася вся земля Русьская»⁹. В 1148 г. новгородцы приветствовали его сына Изяслава Мстиславича словами: «Ты наш князь, ты наш Володимир, ты наш Мьстислав!»¹⁰.

Несмотря на искажение реального хода событий, упоминание в их контексте Рязани и ее условное изображение на миниатюре Свода является опосредованным отражением первого летописного свидетельства об этом городе, что указывает на его значительную роль в военно-политических коллизиях того времени.

Миниатюра на Л. 79 того же Голицынского тома Свода в верхней части представляет кончину двух князей, согласно тексту в нижней части того же листа, связанных с Муромо-Рязанской землей (рис. 2). Первый из них, Ярослав Святославич (брат Олега), скончался в Муроме в 1129 г.¹¹ Он был родоначальником дома всех муромских и рязанских князей. Ярослав находился в Муроме во время событий 1096 г. (см. выше). В 1123–27 гг. он занимал более высокий черниговский стол, но был изгнан своим племянником Всеволодом Ольговичем¹² и вернулся в Муром.

Отметим отрывочность и неясность сведений о ранней истории Муромо-Рязанской земли. В Повести временных лет под 862 г. Муром упоминается как один из городов, признававших власть Рюрика¹³. Позднее этот город получил убитый в 1015 г. св. Глеб Владимирович¹⁴. Известное в позднейших списках «Житие

⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 199–202.

⁸ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (далее – НПЛ) / Русские летописи. Т. 10. Рязань, 2001. С. 56.

⁹ НПЛ... С. 23.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 2. М., 1962. С. 370.

¹¹ ПСРЛ. Т. 9. С. 173.

¹² ПСРЛ. Т. 1. С. 296.

¹³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 20.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 121.

Рис. 2. Кончина Ярослава Святославича в Муроме, 1129 г. Голицынский том Свода. Л. 79

Константина Муромского»¹⁵ приписывает этому князю крещение Муромской земли. Отождествление Константина Муромского с Ярославом Святославичем представляет собой возможную, но слабо аргументированную догадку. Известный персонаж древнерусской литературы, св. князь Муромский Петр, и его старший брат Павел¹⁶ не находят достоверных соответствий в родословном древе муромских князей.

Второй скончавшийся князь – Михалко Вячеславич. При этом в Своде указано место его смерти «в Резани». Сведения о кончине обоих князей, также помещенные

¹⁵ Памятники старинной русской письменности, изданные гр. Г.А. Кушелевым-Безбородко / Ред. Н.И. Костомарова. Вып. 1. 1860. С. 229–237.

¹⁶ Повесть о Петре и Февронии / Под ред. Р.П. Дмитриевой. Л., 1979.

в тексте подряд под 1129 г., имеются в Лаврентьевской летописи¹⁷. Место погребения князя в данной летописи не указано. В Ипатьевской летописи о тех же событиях сообщается под 1130 г.¹⁸, причем Михалко упомянут первым, а свидетельства о смертях князей разделены иной информацией. Кроме того, о Михалке приведены подробности, отсутствующие в Лаврентьевской летописи («внук Володимеръ (Владимира Мономаха) июля в 25 (день)»). Его отец Вячеслав Владимирович известен как князь Туровский¹⁹. Непонятно, каким образом Михалко мог оказаться в Рязани, где обособились родственники черниговских Ольговичей. Скорее всего, слова «в Рязани» представляют собой домысел позднейшего сводчика, ошибочно (по принципу «сопричастности») решившего, что князь, упомянутый наряду с муромским, правил в соседней Рязани. Таким образом, из двух персонажей, смерть которых представлена на миниатюре, связь с Муромо-Рязанским княжеством достоверно подтверждается только для одного – Ярослава Святославича.

Нижняя, большая часть миниатюры занята композицией, к Муромо-Рязанской земле отношения не имеющей – сценой высылки полоцких князей в Царьград по повелению киевского князя Мстислава Владимировича.

Несмотря на все отмеченные неточности, две первые миниатюры Лицевого летописного свода, связанные с историей Муромо-Рязанского княжества фиксируют внимание на ключевых эпизодах – событиях, связанных с первым летописным упоминанием Рязани и с кончиной основателя династии муромских и рязанских князей.

Миниатюра на Л. 150 того же Голицынского тома изображает заключение мира между упомянутым выше великим князем Изяславом Мстиславичем и половцами в 1147 г. (рис. 3). Место заключения мира указано как «у града у Воиня в Рязани». В более ранней версии этой летописной статьи в Лаврентьевской летописи пояснение «в Рязани» отсутствует²⁰. Это пояснение представляется неудачным. Описываемое событие, скорее всего, на самом деле имело место рядом с другим городом Воинь, находившимся в южной Руси, при впадении в Днепр пограничной р. Сулы²¹. Изяславу Мстиславичу, только что занявшему киевский стол, не было смысла ехать в далекую Рязанскую землю. Встреча с половцами у Воиня на Суле выглядит более логично. В 1079 г. у этого города с половцами встречался прадед Изяслава Всеволод Ярославич, после чего заключил с ними мир в расположенном неподалеку Переяславле²². Воинь в устье Сулы перестал существовать после монгольского нашествия, и память об этом городе к эпохе создания Свода могла быть утрачена. В то же время, город со сходным названием («Воино») существовал в Рязанской земле. Он упоминается в «Списке градом руским, далним и ближним» в числе рязанских²³. Воино отождествляется с городищем Седой Бугор у с. Кривцово на берегу

¹⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 391.

¹⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 293.

¹⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 297.

²⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 315.

²¹ Куза А.В. Древнерусские городища X–XIII вв. Свод археологических памятников. М., 1996. С. 191. № 1130; Довженко В.Й., Гончаров В.К., Юра Р.О. Давньоруське місто Воинь. Київ, 1966.

²² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 204.

²³ НПЛ. С. 476.

Рис. 3. Мир киевского князя Изяслава Мстиславича с половцами у г. Воиня, 1147 г.
Голицынский том Свода. Л. 150

озера Воинского²⁴. Учитывая неустойчивость написания многих топонимов в древнерусских письменных источниках, названия «Воинь» и «Воино» можно рассматривать как тождественные, омонимические. В средневековой русской истории известен ряд городов, имевших одинаковые названия. Московские книжники, работавшие над созданием Свода, могли располагать сведениями о существовании в соседней Рязанской земле города с подобным названием.

На трех рассмотренных выше миниатюрах Лицевого летописного свода мы сталкиваемся с выразительной наглядной картиной радикальной трансформации неко-

²⁴ Куза А.В. Древнерусские городища... С. 145. № 726.

торых сведений о ранней истории Рязанской земли. На одной из них отражено первое появление Рязани на страницах русских летописей. Но вместо реальной картины важного эпизода военной истории мы видим некий фантом – не имевшее места в реальности изгнание победителем – Мстиславом Владимировичем – побежденного Олега Святославича в Тмутаракань. Порядок событий и маршруты передвижений действующих лиц полностью искажены. На миниатюре на Л. 79 Голицынского тома Свода представлен фиктивный персонаж, который может быть условно назван князем Михалко Вячеславичем Псевдорязанским. На Л. 150 того же тома изображен укрепленный город, который следует рассматривать как Воинь Псевдорязанский.

Миниатюры Свода, связанные с событиями, происходившими в Рязанской земле, представляют интерес для изучения еще одного вопроса исторической географии. Речь идет о неоднократно фигурирующем в летописных материалах, относящихся к XII–XIII вв., топониме «Воронеж». Впервые он упоминается в повествовании о событиях 1177 г. (рис. 4). В ходе междукняжеских усобиц, последовавших за убийством Андрея Боголюбского, двое внуков последнего, Мстислав и Ярополк Ростиславичи выступили при поддержке Глеба Ростиславича Рязанского против своих близких родственников, братьев убитого, Михалка Юрьевича и Всеволода Юрьевича Большое Гнездо. В ходе боевых действий Глеб Рязанский и Мстислав оказались в плену. Ярополк Ростиславич укрылся в Воронеже (на окраине Рязанских земель). Всеволод обратился к рязанцам с требованием выдать ему Ярополка, что и было исполнено²⁵. На миниатюре Лаптевского тома Свода²⁶ представлены совещающиеся рязанцы, не желавшие защищать интересы «чужих» князей («сих ради князей Ростиславичей и нашим князем беда бысть»). Ярополк представлен в условном городке со стенами и башнями. Рядом тот же князь изображен во главе отряда всадников, что отражает слова текста о том, что ему пришлось скитаться из города в город. Рука князя приложена к щеке – жест обозначает печаль. Сходное изображение Воронежа можно видеть на обороте того же листа, где показано, как Ярополка под руки выводят из города. Со времен Н.М. Карамзина летописные сведения об этих событиях считаются древнейшим упоминанием Воронежа. В современных публикациях, тем не менее, достоверной датой основания Воронежа считается 1585 или 1586 г.²⁷ Отметим, что более ранняя дата основания города, и именно 1177 г., указана в авторитетном исследовании В.П. Нерознака²⁸.

Еще дважды Воронеж упомянут и изображен в виде города на миниатюрах, связанных с нашествием Батые на Рязанскую землю, на ЛЛ. 303 и 304 Голицынского тома Свода²⁹. Не считаю возможным рассматривать соответствующие летописные сообщения и связанные с ними изображения на миниатюрах Лицевого летописного свода как решающий аргумент по вопросу о достоверной дате основания города. Все же показательно, что иллюстраторы, работа которых над созданием миниатюр Свода

²⁵ ПСРЛ. Т. 10. СПб., 1885. С. 5; ср.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 385.

²⁶ РНБ. Ф. IV. 233. Л. 353.

²⁷ Акиншин А.Н., Замятина Н.Ю. Воронеж // Большая Российская энциклопедия. Т. 5 (Великий князь – Восходящий узел орбиты). М., 2006. С. 710

²⁸ Нерознак В.П. Названия древнерусских городов. М., 1983. С. 48, 49.

²⁹ Чернецов А.В. Нашествие Батые... С. 304, 305. Рис. 1; С. 306.

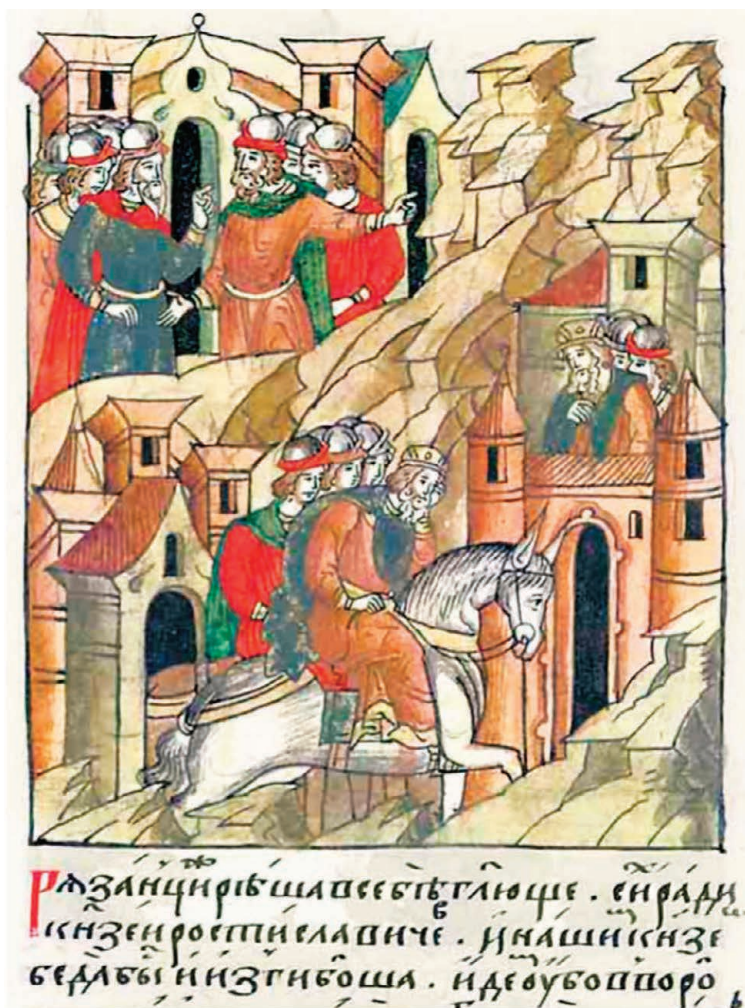

Рис. 4. Князь Ярополк Ростиславич укрывается в Воронеже, 1177 г.
Лаптевский том Свода. РНБ. Ф. IV. 233. Л. 353

была свернута ранее общепринятой даты основания Воронежа, последовательно изображали его в виде укрепленного города.

Дата основания Воронежа, а также локализация Онузы³⁰ непосредственно связаны с остающейся во многом неясной проблематикой истории южных окраин Рязанской земли в домонгольское время и в эпоху ордынского ига³¹. Исследование южных и юго-восточных окраин Рязанской земли с их неустойчивыми границами является важной составляющей изучения государственного освоения обширных ре-

³⁰ См.: Чернецов А.В. Нашествие Батые... С. 304, 306.

³¹ См.: Чернецов А.В. Донские городища на миниатюрах XVI в. // КСИА. Вып. 264. М., 2021.

гионов Русского централизованного государства и распространения южновеликорусского населения на магистральном юго-восточном направлении. В нижнем течении р. Воронеж, включая территорию современного г. Воронеж, известно несколько древнерусских городищ³². В dokonчании Олега Ивановича Рязанского с Дмитрием Донским 1382 г. упоминаются «татарские места», которые рязанский князь «отомал» у ордынцев³³. Отторгнутые у Орды земли фигурируют и в более поздних грамотах, отражающих рязанско-московские отношения: в dokonчаниях Василия Дмитриевича и Федора Ольговича 1402 г., Василия Васильевича Темного и Ивана Федоровича 1447 г., а также Ивана III и Ивана Васильевича Рязанского 1483 г.³⁴ Отметим, что в «Списке градом руским» упоминается Урюпинск (Урюпеск)³⁵ как рязанский город. Следует полагать, что власть рязанских князей некогда распространялась на земли, расположенные на дальнем юго-востоке, очевидно, исторически связанные с регионом Червленого Яра³⁶.

Рассмотренные выше материалы указывают на значительные источниковедческие трудности, связанные с их изучением, и, вместе с тем на то, что они могут способствовать дальнейшей разработке ряда вопросов, имеющих немаловажное научное значение.

Список литературы

- Акиншин А.Н., Замятина Н.Ю. Воронеж // Большая Российская энциклопедия. Т. 5 (Великий князь – Восходящий узел орбиты). М.: Изд. БРЭ, 2006. С. 710–711.
- Довженко В.Й., Гончаров В.К., Юра Р.О. Давньоруське місто Воїнь. Київ: Наукова думка, 1966. 148 с.
- Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подг. Л.В. Черепнин. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 586 с.
- Куза А.В. Древнерусские городища X–XIII вв. Свод археологических памятников. М.: Христианское издательство, 1966. 256 с.
- Нерозник В.П. Названия древнерусских городов. М.: Наука, 1983. 208 с.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Русские летописи. Т. 10. Рязань: Александрия, 2001. 642 с.
- Памятники старинной русской письменности, изданные гр. Г.А. Кушелевым-Безбородко / Ред. Н.И. Костомарова. Вып. 1. Спб.: Тип. П.А. Кулиша, 1860. 304 с.
- Повесть о Петре и Февронии / Под ред. Р.П. Дмитриевой. Л.: Наука, 1979. 348 с.
- ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. М.: Изд-во Восточной литературы, 1962. 580 с.
- ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. М.: Изд-во Восточной литературы, 1962. 938 стб.

³² Список древнерусских укрепленных поселений X–XIII вв. // Древняя Русь. Город, замок, село / Археология СССР. М., 1985. С. 416. № 336–339; Тропин Н.А. Древнерусские памятники XII–XIV вв. на южных территориях Рязанской земли: структура расселения // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы. М., 2005. С. 445. Рис. 13. № 127–130.

³³ ДДГ. 1950. С. 29. № 10.

³⁴ Там же. С. 54. № 19; С. 144. № 47; С. 286, 289. № 76.

³⁵ НПЛ... С. 476.

³⁶ Цыбин М.В. Рязанское княжество и Орда (археологический комментарий к грамотам митрополитов Феогноста и Алексея о Червленом Яре) // Восточноевропейский средневековый город в контексте этнокультурных, политических и поселенческих структур. Сб. научных статей. Рязань, 2012.

- ПСРЛ. Т. 9. Патриаршая или Никоновская летопись. СПб.: Тип. Э. Праца, 1862. 256 с.
- ПСРЛ. Т. 10. Патриаршая или Никоновская летопись. СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1885. 169 с.
- Список древнерусских укрепленных поселений X–XIII вв. // Древняя Русь. Город, замок, село / Археология СССР / Отв. ред. Б.А. Колчин. М.: Наука, 1985. С. 412–416.
- Тропин Н.А. Древнерусские памятники XII–XIV вв. на южных территориях Рязанской земли: структура расселения // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы / Отв. ред. А.В. Чернецов. М.: Памятники исторической мысли, 2005. С. 427–457.
- Цыбин М.В. Рязанское княжество и Орда (археологический комментарий к грамотам митрополитов Феогноста и Алексея о Червленом Яре) // Восточноевропейский средневековый город в контексте этнокультурных, политических и поселенческих структур. Сб. научных статей / Отв. ред. Л.А. Беляев. Рязань: Изд-во РИАМЗ, 2012. С. 102–106.
- Чернецов А.В. Нашествие Батые на Рязанскую землю на миниатюрах XVI в. // КСИА. Вып. 251. М.: ИА РАН, 2018. С. 303–313.
- Чернецов А.В. Донские городища на миниатюрах XVI в. // КСИА. Вып. 264. М.: ИА РАН, 2021. С. 366–375.

A.V. Chernetsov

EARLY EPISODES OF THE HISTORY OF THE RYAZAN LAND ON THE 16TH CENTURY'S MINIATURES

Abstract: The article is devoted to the miniatures of the Illustrated Chronicle of Ivan the Terrible, which represent the early history of the Ryazan region. The events are reflected in the text and on the miniatures fragmentarily, sometimes they contain unreliable information. On some compositions one can see a curious cultural phenomenon of visualization of the phantoms of historical memory. A number of miniatures shed light on debatable issues of the historical geography of the region.

Keywords: miniatures of the Illustrated Chronicle of Ivan the Terrible, early history of the Ryazan region, unreliable information, visualization of historical phantoms, debatable issues of historical geography.

К ВОПРОСУ О БЫТОВАНИИ АЗБУКОВНИКОВ В МОСКОВСКОЙ РУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI – XVII в.¹

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о бытовании в Московской Руси «словарей» иноземных слов энциклопедического типа – азбуковников, в том числе в памятниках книжности и надписях, а также возможные источники словарных статей, включённых в азбуковники. Один из примеров, рассмотренных в статье, – эпитафия 1561 г. из пещерного некрополя Псково-Печерского монастыря с переводом имени святой Фотинии как «Светлая». В XVII в. азбуковники использовались древнерусскими книжниками для толкования промыслительного смысла личных имён членов царской семьи и политических деятелей. Проведённое исследование позволило включить в число источников, использованных прп. Максимом Греком, одну из рукописей прп. Нила Сорского, а также малоизвестную гомилию Иеронима Блаженного «О Иоанне евангелисте».

Ключевые слова: старорусская эпиграфика, Псково-Печерский монастырь, древнерусская книжность, ономастика, азбуковники, преподобный Нил Сорский, преподобный Максим Грек.

Одной из весомых заслуг Л.А. Беляева, отмечающего юбилей, является создание аргументированной схемы эволюции средневековых белокаменных надгробий Северо-Восточной Руси. Его опубликованная в 1996 г. монография «Русское средневековое надгробие»² дала обоснованную схему эволюции декоративного оформления намогильных плит Московской Руси, которая служит одной из основ изучения эпиграфических памятников данного типа. Выход в свет этой книги способствовал пробуждению интереса к старорусской эпиграфике и значительному увеличению числа исследований и публикаций данной категории исторических источников, традиционно остававшихся на периферии научного знания.

Предлагаемая статья является скромным даром уважения и признательности юбиляру с пожеланием новых открытий и творческих успехов.

В настоящее время одним из перспективных направлений в исследовании памятников старорусской эпиграфики является «археология смыслов», заключённых в надписи при параллельном поиске источников за её пределами. В этой связи объектами исследования в данной статье являются азбуковники – древнерусские «словари»

¹ Статья написана в рамках научного проекта «Corpus Inscriptionum Rossicarum / Свод русских надписей» при поддержке ПСТГУ, Университета Дмитрия Пожарского и Лаборатории RSSDA. См.: URL: <http://cir.rssda.su>. Научный руководитель проекта А.Г. Авдеев, технический руководитель проекта Ю.М. Свойский.

² Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М., 1996.

Рис. 1. CIR0283. Псково-Печерский монастырь. Керамическая надгробная плита-вставка с эпитафией подъячему Петру сыну Васильеву. 20 марта 1561 года. **А.** Общий вид. Визуализации модели памятника по схеме X. **Б.** Улучшение читаемости надписи инструментами математической визуализации рельефа поверхности памятника относительно условной «нулевой» плоскости (схема G). Документировано 20.11.2017 г., код документирования OG0449, код надписи CIR0283. Длина плиты 46 см, высота — 31 см. Высота букв 3,2–3,6 см. Операторы документирования: Сергей Пешков, Александр Пешков, Антон Клейменов, Екатерина Конакова, Евгений Юшин, Рафхат Габдулин, Дарья Анисимова. Авторы описания: Александр Авдеев, Ольга Радеева, Виталий Васнев, Илья Соколов, Глеб Донской

иноземных слов энциклопедического типа – и вопросы, связанные с их бытованием, в том числе и отражение знакомства с ними в старорусских эпиграфических памятниках.

После фундаментальных трудов Л.С. Ковтун, посвящённых азбуковникам³, в настоящее время вновь вырос интерес к этому жанру древнерусской книжности. Ему посвящены многочисленные исследования А.А. Юдина и К.И. Коваленко, основанные на введении в научный оборот новых списков этих произведений⁴. Тем не менее, одной из малоизученных проблем в изучении азбуковников является их «внешнее» бытование, не связанное с движением списков и эволюцией редакций. Важный шаг к её решению был сделан А.А. Юдиным, который выявил и систематизировал 41 владельческую запись в списках разных редакций этого произведения, позволивших определить круг его читателей, а в ряде случаев – выйти на источники включённых в азбуковники толкований имён.

Однако, как кажется, дальнейшие перспективы исследования этих произведений связаны не только с поиском источников, положенных в основу словарных статей, но,

³ Ковтун Л.С. Русская лексикография эпохи Средневековья. М.-Л., 1963; Она же. Лексикография в Московской Руси XVI – начала XVII в. Л., 1975; Она же. Азбуковники XVI–XVII вв. Старшая разновидность. Л., 1989.

⁴ Юдин А.А. Записи в древнерусских рукописях, содержащих Азбуковник, и их значение для литературной истории этого памятника // Библиосфера. 2010. № 4. С. 74–78; Он же. К проблеме азбуковника как четьего жанра // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, Филология. 2011. Т. 10. Вып. 8. С. 88–95; Коваленко К.И. Азбуковники XVI–XVII вв.: структурный подход // Лексикография и корпусная лингвистика / Отв. ред. В.П. Захаров, М.Н. Приёмышева. СПб., 2013. С. 73–83.

главное, с выявлением случаев обращения к азбуковникам в памятниках письменности Древней Руси.

«Низовой» уровень бытования азбуковников прослеживается в памятниках старорусской эпиграфики. Так, весьма неординарным случаем включения в эпитафию толкования имени греческого происхождения, взятого из азбуковника, является надпись на керамической надгробной плите-вставке 1561 г. из Псково-Печерского монастыря (рис. 1). Эпитафия построена по «классическому» формуляру. Это – дата смерти (¹ *лѣта* ² *ѡѡд* ³ *го . мѣта в кѣ*), день памяти святых (¹ *на пам[ять]* | ² *прѣбныѣ ѡчѣ* *нже во ѡбикте[ли святых]* | ³ *го . сѣ[в]ы ѡбѣныѣ ѡ сѣмь мѣн[ицы св]* | ⁴ *сѣѣн самарянини*), факт благой кончины (⁴ *прѣт[ависа раб]* | ⁵ *бжѣн*), имя умершего (⁵ *поимѣн перъ блжѣнъ сѣмъ* : | ⁶ [...11...] (vacat)) (СІR0283)⁵. Указанный в надписи день памяти святых встречается в старорусских эпитафиях XVII в., но всегда с упоминанием святой мученицы Фотины Самаряныни⁶. Память «| ³ *сѣмь мѣн[ицы св]* | ⁴ *сѣѣн самарянини*» помещена только на данном надгробии и отражает круг чтения автора эпитафии, который обратился к азбуковнику за толкованием имени «Фотиния». Дело в том, что синаксарное чтение в пятую неделю по Пасхе, включённое в прологи, сообщает, что эта святая «*послѣ докѣ ѿ хлѣ фотинѣи ѡменовашася . ѡже ѡ мочитѣи вѣще ѡубавсѣа при перонѣ*»⁷, но смысл наименования подвижницы неясен для русскоязычного читателя. В ранних азбуковниках, исследованных Л.С. Ковтун⁸, такого толкования нет. В ближайшей по времени создания эпитафии первой редакции «Толкования именам по алфавиту», составленном прп. Максимом Греком (†1556), есть толкование имени Фотей – «*свѣтлѣй*»⁹, есть оно и во второй редакции этого произведения¹⁰.

Ближе к псково-печерской эпитафии стоит толкование имени «Фотинъ» в первой редакции старшего Азбуковника, созданного под влиянием лексикографических изысканий прп. Максима Грека в середине XVI в.: «Фотинъ. свѣтъ» со ссылкой на Житие Феодора Студита¹¹.

Это позволяет предположить, что непосредственным источником данного толкования, вероятнее всего, был сборник житий святых, переписанный и отредактированный прп. Нилом Сорским на рубеже XV–XVI вв. из собрания Троице-Сергиевой лавры¹². Во включённом в него Житии Феодора Студита (названным Т.П. Лёнгрен

⁵ Плешанова И.И. Керамические надгробные плиты Псково-Печерского монастыря // НЭ. 1966. Вып. VI. С. 172. № 14 (транскрипция без приложения фото). Окончание стк. 3 И.И. Плешановой не прочитано.

⁶ Авдеев А.Г. Древнерусские святцы по лапидарным надгробным надписям конца XV – начала XVIII в. // ВЭ. Вып. III. М., 2009. С. 372.

⁷ РГБ ОР. Ф. 304.1 (Основное собрание Троице-Сергиевой лавры). № 716. Л. 627 (XVI в.).

⁸ Ковтун Л.С. Русская лексикография...

⁹ Она же. Лексикография в Московской Руси... С. 329. № 231.

¹⁰ Там же. С. 329. № 231.

¹¹ Ковтун Л.С. Азбуковники... С. 269. № 2076.

¹² РГБ ОР. Ф. 304.1 (Основное собрание Троице-Сергиевой лавры). № 684. Т.П. Лёнгрен датирует рукопись 1487–1495 гг. (Лёнгрен Т.П. «Вольное переложение» Жития Феодора Студита // Poljarnyj vestnik / Полярный вестник. 2011. Т. 14. С. 1); Б.М. Клосс и Г.М. Прохоров считают рукопись автографом прп. Нила Сорского (Клосс Б.М. Нил Сорский и Нил Полев – «списатели книг» // Древнерусское искусство. Сб. 2: Рукописная книга / Ред.-сост. О.И. Подобедова. М., 1974. С. 150–167; Прохоров Г.М. Автографы Нила Сорского // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1974 г. М., 1975. С. 37–54). Мнение Р.П. Дмитриевой о принадлежности рукописи перу Нила Полева ошибочно (Дмитриева Р.П. Иоасаф Скрипицын – книжник и

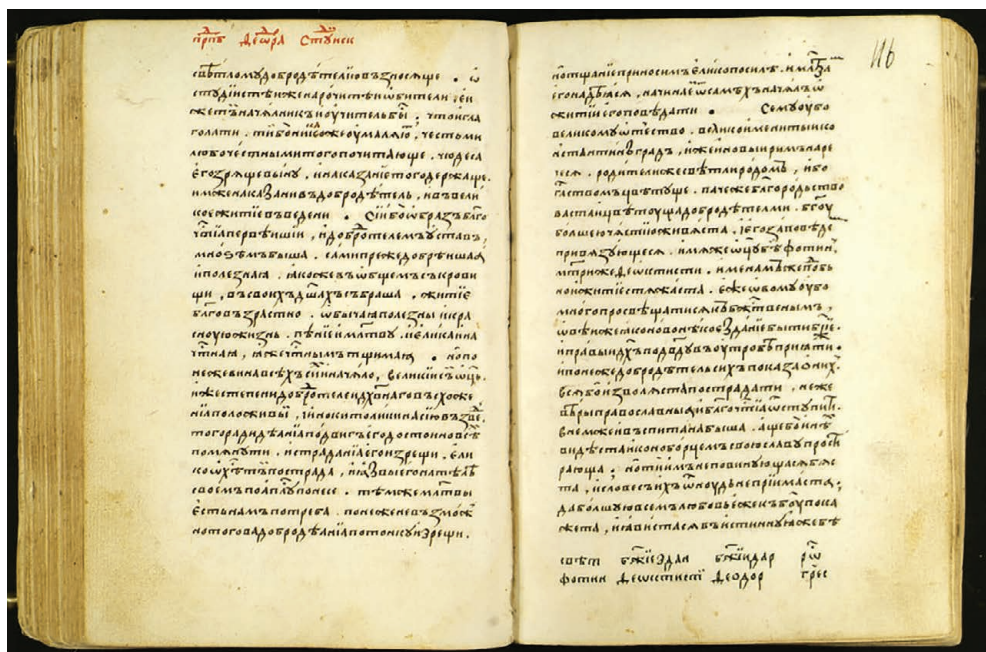

Рис. 2. Лист из рукописи с глоссами прп. Нила Сорского [РГБ ОР. Ф. 304.I (Основное собрание Троице-Сергиевой лавры). № 684. Л. 116]

«вольным переложением») на нижнем поле листа находится глосса «**вѣѣт / фотин**», сделанная тем же почерком, что и основной текст, но другим, более острым, пером и другими, более тёмными, чернилами (рис. 2)¹³. Соответственно, бесспорным автором этой глоссы является прп. Нил Сорский, большой знаток греческого языка. Судя по владельческой записи, сделанной киноварью на нижних полях лл. 1–2, – «**сна кни-га Троецкаа сергиева монастыря / мѣрополѣа / ѿсладѣа**», – данная рукопись впоследствии принадлежала бывшему игумену Троице-Сергиева монастыря, затем митрополиту Московскому Иоасафу (Скрипицыну). После низложения в 1542 г. он был сослан в Кирилло-Белозерский монастырь, где, по предположению Р.П. Дмитриевой, и приобрёл данную рукопись¹⁴. Позднее свт. Иоасаф возвратился в Троице-Сергиеву обитель и умер в июне 1555 г.¹⁵ Ещё будучи главой Русской Церкви, он облегчил содержание прп. Максима Грека в темнице, а в конце 40-х – первой половине 50-х гг. XVI в. оба подвижника пребывали в Троице-Сергиевом монастыре, и афонский старец вполне

библиофил XVI века // Книжные центры Древней Руси. XI–XVI вв.: Разные аспекты исследования / Отв. ред. Д. С. Лихачёв. Л., 1991. С. 308–309), так как этому книжнику принадлежат только пометы, сделанные в её тексте (Клосс Б.М. Нил Сорский и Нил Полев... С. 156).

¹³ РГБ ОР. Ф. 304.I (Основное собрание Троице-Сергиевой лавры). № 684. Л. 116.

¹⁴ Дмитриева Р.П. Иоасаф Скрипицын... С. 309.

¹⁵ Макарий (Веретенников), архим. Святительские надгробные плиты // Альфа и Омега. 2006. № 1 (45). С. 311–312.

мог иметь доступ к келейной библиотеке опального митрополита, так что глосса прп. Нила Сорского имела для него несомненную ценность.

Хотя глосса прп. Нила Сорского попала в число источников прп. Максима Грека, но, учитывая степень знания греческого языка в основной массе населения Московской Руси, трудно представить, что автор рассматриваемой эпитафии был в состоянии соотнести женское имя «Фотиния» с мужским именем «Фотин». Почти полную аналогию имени святой, названной в эпитафии, — «*догѣніа .г. свѣтлая*» — мы находим в азбуковнике «Толкование неудоб познаваемым речем», который Л.С. Ковтун датирует концом XVI в.¹⁶

Поскольку эпитафия имеет точную дату — 1561 г. — можно предположить, что в Псково-Печерском монастыре или у заказчика надгробной плиты находился один из азбуковников так называемого переходного периода, включающий толкование имени «Фотина» как «Светлая», которое вошло в состав более поздних произведений этого жанра. Не исключено, что владельцем рукописи мог быть сам «владелец» эпитафии, чья должность — подъячий — а *silentio* предполагает его причастность к книжной культуре. Косвенным свидетельством существования рукописи азбуковника в этой обители может служить «Повесть о Псково-Печерском монастыре», где под 1602/03 г. о поливных керамических надгробиях сообщается: «керемиды мраморныя съ подписаниемъ, котораго лѣта и месяца и дни и кто именемъ преставися»¹⁷. Слово «керемиды» с толкованием «кирпичъ» есть в изданном К.И. Коваленко «Сказание речемъ неведомымъ еже обретаются во святыхъ книгахъ отъ греческаго языка, и отъ сирскаго, и отъ еврейскаго, и отъ латынскаго, и отъ словенскаго»¹⁸. Данное сочинение сохранилось в списках первой трети XVII в., но, по мнению исследовательницы, основано на словарных статьях из более ранних азбуковников, созданных до середины XVI в.¹⁹ При этом в данном случае мы видим переосмысление слова греческого происхождения применительно к керамическим надгробиям, которое будет бытовать исключительно в Псковской земле и с середины XVII в. применяться также к белокаменным намогильным плитам-вставкам²⁰.

Так или иначе, но, на мой взгляд, ключевым в восприятии имени святой для составителя эпитафии стало слово «свет», видимо, соотнесённое с сакральным пространством Небесного Царствия.

Другой пример использования азбуковников в XVII в. находится в Житии Ивана Неронова. Его составитель сообщает, что «наречено бѣ отрочатѣ во святомъ крещеніи имя Гавріиль; по святомъ же крещеніи изволися отцу и матерѣ преименовати младенца Іоанномъ», но смену имён он трактует промыслительно: «отъ младыхъ ногтей вселися в него благодать Святаго Духа». Это же пророчество ещё раз составитель Жития вложил в уста устюжского священника Тита, обучавшего юношу грамоте: «съ симъ

¹⁶ Ковтун Л.С. Азбуковники... С. 308. № 696.

¹⁷ Повесть о Псково-Печерском монастыре // БЛДР. Вып. 13: XVI век. СПб., 2005. С. 528.

¹⁸ Коваленко К.И. «Сказание речемъ неведомымъ» в рукописях из собрания РНБ среди лексиконов переходного этапа // Вестник СПбГУ. Сер. 9: Язык и литература. 2014. Т. 11. Вып. 3. С. 56. № 82.

¹⁹ Характеристика: Там же. С. 45–59.

²⁰ Один из ранних примеров данного словоупотребления даёт белокаменная намогильная плита 1655/56 г. из некрополя Псково-Печерского монастыря (CIR0277).

отрокомъ благодать Божія будетъ»²¹. В эпоху московского барокко, когда жил составитель Жития Ивана Неронова, этимологизация личного имени приобрела особую значимость, в том числе и в виршевой поэзии²², но в данном случае толкование имени связано с конкретным источником, знакомым русским книжникам в более раннее время. В начале XVII в. Иван Тимофеев точно так же воспринимал имя «Иван» как знак, предначертанный характер и поступки его носителя: книжник подчёркивал, что царевич Иван Иванович был «благодати <...> соименный»²³. Оба автора, и Иван Тимофеев, и автор Жития Ивана Неронова, вероятно, пользовались одним источником. К этому же источнику, скорее всего, относится толкование автором Временника молитвенного имени «Лупп», которое носил окольный Андрей Клешнин, обвинённый молвой в организации убийства царевича Дмитрия²⁴. В «Толковании неудобъ познаваемым речем» имя «Лупп» помещено со значением «волкъ»²⁵, что дало Ивану Тимофееву повод для промыслительного его толкования: «свойством и делом, иже толкуется волк, – от дел звание приим»²⁶.

Текстуально толкованиям, приведённым обоими книжниками, близки «Речи жидовскаго языка, преложена на рускую», старейший список которой датируется XIII в.: «ѿѿ. бл҃гѣть», а также её Троицкая редакция конца XIV в.: «ѿѿлнѣ. бл҃гѣть»²⁷. В более поздних азбуковниках, например, в «Толковании неудобъ познаваемым речем», имя «Иван» содержит более подробное толкование: «рѣмѣскн гл҃гоѿм ѣлннѣскн бл҃гѣть»²⁸, точно так же, как и в первом Азбуковнике старшей редакции, составление которого Л.С. Ковтун датирует 50-ми – 60-ми гг. XVI в.: «ѿѿлнѣ .лѣ. по ѿрѣмѣскн ѿѿ тѣѣѣѣѣ бл҃гѣѣѣ, а по ѣлннѣскн гл҃ѣ»²⁹. Впрочем, источником Ивана Тимофеева мог быть один из азбуковников второй половины XVI в., что следует из приведённого им толкования имени «Димитрий» – «двоематерен сказуем по толку»³⁰, тогда как составленное прп. Максимом Греком «Толкование именам по алфавиту» даёт один из вариантов верного перевода этого имени на русский язык – «земленъ»³¹.

²¹ Субботин Н.И. Материалы для истории раскола за первое время его существования. Т. 1. Ч. 1: О лицах, судившихся на соборе 1666–1667 года. М., 1874. С. 246, 250.

²² Подробнее см.: Keipert H. Nomen est Omen. Etymologie als Denkform bei russischen Autoren des 17. Jahrhunderts // Sprache, Literatur und Geschichte der Altglauben / Hrsg. von B. Panzer. Heidelberg, 1988. S. 100–132; Сазонова Л.И. Этимологизация имени как риторико-поэтический приём (на материале восточнославянской литературы раннего Нового времени) // Имя в литературном произведении: художественная семантика / Отв. ред. Л.И. Сазонова. М., 2015. С. 170–193.

²³ Временник Ивана Тимофеева / Подг. к печати, пер. и комм. О.А. Державиной / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.-Л., 1951 (репр.: СПб., 2004). С. 20.

²⁴ Новый летописец // ПСРЛ. Т. XIV. М., 2000. С. 40–41.

²⁵ Ковтун Л.С. Лексикография в Московской Руси... С. 289. № 362.

²⁶ Временник Ивана Тимофеева... С. 29; подробнее о данном казусе см.: Литвина А.А., Успенский Ф.Б. Русская христианская двуимённость в филологической перспективе – из ономастического комментария к «Временнику» Ивана Тимофеева // Slavistična revija. 2018. Letn. 66. Št. 3: Julijii–september. S. 342–344.

²⁷ Ковтун Л.С. Русская лексикография... С. 401. № 28; С. 420.

²⁸ Она же. Лексикография в Московской Руси... С. 285. № 265.

²⁹ Она же. Азбуковники... С. 201. № 874.

³⁰ Временник Ивана Тимофеева... С. 28; ср.: Ковтун Л.С. Лексикография в Московской Руси... С. 279. № 179; Она же. Азбуковники... С. 183. № 595.

³¹ Ковтун Л.С. Лексикография в Московской Руси... С. 316. № 49.

Иначе выглядит толкование имени «Иоанн» в добавочных статьях к I редакции «Толкования именам по алфавиту» и к его II редакции, где они даны в следующем виде: «**Анна, і ѿбавъ, то; бѣгодѣ**» (добавочная статья); «**Анна и ѿѡаннъ ідинъ то. бѣгѣтъ.**» (II редакция)³². Данная словарная статья со всей определённою указывает на вероятный источник, известный прп. Максиму Греку, – гомилию Иеронима Блаженного «О Иоанне евангелисте», где говорится: «*Cui nomen erat Iohannes. Gratia in nomine comprehenditur. Iohannes enim interpretatur Domini gratia. IO enim dicitur Domini, ANNA dicitur gratia. Vere φερώνυμος. Quare φερώνυμος? Quia maiorem accepit gratiam <...> / Его имя было Иоанн. Благодать заключена в имени. Ведь 'Иоанн' толкуется как 'Благодать Господа'. 'ИО' ведь произносится 'Господа', 'АННА' же произносится 'благодать'. Воистину соименно. Почему соименно? Ибо великую он получил благодать <...>*»³³. С одной стороны, хочется подчеркнуть сравнительную редкость данной гомилии: её списки были выявлены лишь в конце XIX в. Сама же гомилия была впервые опубликована в 1903 г. известным французским патрологом Ж. Морином в 78 томе латинской серии «Corpus Christianorum» (переиздан в 1958 г.)³⁴. С другой стороны, данная глосса производит впечатление поздней интерполяции, близкой, но не тождественной толкованиям имён «Анна» и «Иоанн», данным в другом сочинении Иеронима Блаженного, специально посвящённом вопросам еврейской ономастики, – «*Liber interpretationis Hebraicorum nominum*». Здесь Иероним Блаженный не толкует имя «Иоанн» как состоящее из двух частей «ИО» и «АННА», но объясняет его значение как «*Iohannes in quo est gratia uel Domini gratia*» (Иоанн, в котором благодать Господа) или «*Iohannes Domini gratia siue cui donatum est*» (Иоанн тот, кому дана благодать Господа)³⁵. Что же касается имени «Анна», то Иероним Блаженный дважды даёт его толкование как «*Anna gratia eius*» (Анна, благодать Его), но не по соседству с именем «Иоанн»³⁶.

Вместе с тем, с недоумёнными вопросами, возникшими у читателей азбуковников, связан трактат прп. Максима Грека «О венце Спасове и о свитце, иже в руце его, и о Богородицыне имени», раскрывающий смысл греческих контрактур на иконах, – первое сочинение на Руси, специально посвящённое вопросам, находившимся на стыке богословия и эпиграфики³⁷. Говоря о контрактурах при изображении Божией Матери на иконах, афонский старец писал: «**а что пишѣтъ ѡбѣдѣ сѣѣл ѿконы бѣгородѣицы сѣце: МР ѠѢ, вѣжѣ, ѿко ѿ та писмена ѿ послѣвѣца грѣчески сѣтъ, то ѿкѣтъ же сѣ сѣце: мѣгѣръ деѡѡ, ѣже ѣтъ по рѣски мѣгѣ бѣѣл, а не мѣѣл, ни мѣѣлѣ, ѿкожи пѣѣцы**

³² Там же. С. 332. № 1; С. 336. № 33.

³³ S. Hieron. In Iohann. evang., P. 517. V. 11–15 Morin.

³⁴ S. Hieronymi presbyteri opera. P. 2: Opera homiletica / Ed. G. Morin (CCSL. Vol. LXXVIII). Turnholt, 1958. P. 517–523.

³⁵ S. Hieron. Lib. interpret. Hebr. P. 69, 16–17; 76, 19–20 Delagarde.

³⁶ S. Hieron. Lib. interpret. Hebr. P. 34, 11; 64, 3 Delagarde.

³⁷ Иванов А.И. Литературное наследие Максима Грека. Характеристика, атрибуция, библиография. Л., 1969. С. 178. № 279–280; публ.: Максим Грек. Сказание о венце Спасове и Богородицыне имени // Сочинения преподобного Максима Грека. Ч. III. Казань, 1897. С. 95–96; Авдеев А.Г. Из истории древнерусской эпиграфики и ставрографии. I. Трактат преподобного Максима Грека «Сказание о венце Спасове...» и приписанный ему старообрядческий ставрографический трактат // Ставрографический сборник. Кн. III: Крест как личная святыня / Отв. ред. и сост. С.В. Гнутова. М., 2005. С. 273–276, 290–292.

мѣѣ всѣ ѿ невѣденїа. грѣсскїа рѣчи мѣѣ ѣтъ ѣмѣ вѣѣ, а не мѣѣѣ, ни мѣѣѣ»³⁸. Одним из источников данного пассажа, возможно, послужила статья из азбуконика середины XVI в., позднее вошедшая в «Словарь речем неведомым», который сохранился в списках первой трети XVII в.³⁹ Именно здесь находится толкование, текстуально близкое к ошибкам, вызвавшим негодование афонского старца: «Πῆρου. мѣѣ вѣѣ»⁴⁰.

Приведённые примеры отчасти показывают «творческую кухню» прп. Максима Грека, который при составлении азбукоников обращался к различным источникам. Сравнительно недавно Ф. Ромоли выявил связь между «Толкованием именам по алфавиту» и литургическим календарём и предложил рассматривать это произведение как вспомогательный ономастический каталог для библейско-литургической экзегезы⁴¹. Приведённые мною примеры показывают, что этот вывод справедлив и для других азбукоников, к которым обращались древнерусские книжники. Использование данных «словарей» показывает, что эти произведения имели в Московской Руси не только широкую читательскую аудиторию, но и практическое применение в памятниках книжности и эпиграфики второй половины XVI–XVII вв., далёких от библейско-литургической экзегетики. В эпоху московского барокко азбуконики, вероятнее всего, стали источниками интеллектуальных «игр» с именами в произведениях виршевой поэзии, в том числе в «реальных» и книжных стихотворных эпитафиях, удержавшись в последних вплоть до конца XVIII в.⁴²

Список литературы

Авдеев А.Г. Из истории древнерусской эпиграфики и ставрографии. 1. Тракта́т пре-подобного Максима Грека «Сказание о венце Спасове...» и приписанный ему старообрядческий ставрографический трактат // Ставрографический сборник. Кн. III: Крест как личная святыня / Отв. ред. и сост. С.В. Гнутова. М.: Изд-во Московской Патриархии, Древлехранилище, 2005. С. 273–276, 290–292.

Авдеев А.Г. Древнерусские святцы по лапидарным надгробным надписям конца XV – начала XVIII века // ВЭ / Отв. ред. А.Г. Авдеев. Вып. III. М.: Русский фонд содействия образованию и науке. 2009. С. 322–415.

Авдеев А.Г. «Игры» с личными именами в памятниках русской эпиграфики второй половины XVII – начала третьей четверти XVIII в. // Русский мир в пространственно-временном контексте. Сборник материалов всероссийской научной конференции с международным участием. Ч. 1. Культура Русского мира: переход-

³⁸ Цит. по: Авдеев А.Г. Тракта́т... С. 291.

³⁹ Характеристика: Коваленко К.И. «Сказание речем неведомым» в рукописях из собрания РНБ средне- лексиконов переходного этапа // Вестник СПбГУ. Сер. 9: Язык и литература. 2014. Т. 11. Вып. 3. С. 45–59.

⁴⁰ Там же. С. 51. № 11.

⁴¹ Ромоли Ф. Новое понимание «Толкования именам по алфавиту» Максима Грека // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2022. № 1 (87). С. 159–170.

⁴² Подробнее см.: Авдеев А.Г. «Игры» с личными именами в памятниках русской эпиграфики второй половины XVII – начала третьей четверти XVIII в. // Русский мир в пространственно-временном контексте. Сборник материалов всероссийской научной конференции с международным участием. Ч. 1. Культура Русского мира: переходный период / Научн. ред. и сост. С.К. Севастьянова, Г.М. Зеленская. Барнаул, 2015. С. 172–199; Он же. Русская syllabическая эпитафия последней четверти XVII – начала второй четверти XVIII в. // Palaeoslavica. 2017. Vol. XXV. № 1. С. 89–98.

- ный период / Научн. ред. и сост. С.К. Севастьянова, Г.М. Зеленская. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. техн. ун-та, 2015. С. 172–198.
- Авдеев А.Г. Русская syllabическая эпитафия последней четверти XVII – начала второй четверти XVIII в. // *Palaeoslavica*. 2017. Vol. XXV. № 1. С. 55–177.
- Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М.: Модус-Граффити, 1996. 563 с., ил.
- Временник Ивана Тимофеева / Подг. к печати, пер. и комм. О.А. Державиной / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 510 с. (репр.: СПб., 2004) (*Литературные памятники*).
- Дмитриева Р.П. Иоасаф Скрипицын – книжник и библиофил XVI века // Книжные центры Древней Руси. XI–XVI вв.: Разные аспекты исследования / Отв. ред. Д.С. Лихачёв. Л.: Наука, 1991. С. 300–312.
- Иванов А.И. Литературное наследие Максима Грека. Характеристика, атрибуции, библиография. Л.: Наука, 1969. 248 с.
- Клосс Б.М. Нил Сорский и Нил Полев – «списатели книг» // Древнерусское искусство. Сб. 2: Рукописная книга / Ред.-сост. О.И. Подобедова. М.: Наука, 1974. С. 150–167.
- Коваленко К.И. Азбуковники XVI–XVII вв.: структурный подход // Лексикография и корпусная лингвистика / Отв. ред. В.П. Захаров, М.Н. Приёмышева. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 73–83.
- Коваленко К.И. «Сказание речем недоведомым» в рукописях из собрания РНБ среди лексиконов переходного этапа // Вестник СПбГУ. Сер. 9: Язык и литература. 2014. Т. 11. Вып. 3. С. 45–59.
- Ковтун Л.С. Русская лексикография эпохи Средневековья. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 445 с.
- Ковтун Л.С. Лексикография в Московской Руси XVI – начала XVII в. Л.: Наука, 1975. 375 с.
- Ковтун Л.С. Азбуковники XVI–XVII вв. Старшая разновидность. Л.: Наука, 1989. 294 с.
- Лёнгрен Т.П. «Вольное переложение» Жития Феодора Студита // *Poljarnyj vestnik* / Полярный вестник. 2011. Т. 14. С. 1–13.
- Литвина А.А., Успенский Ф.Б. Русская христианская двуимённость в филологической перспективе – из ономастического комментария к «Временнику» Ивана Тимофеева // *Slavistična revija*. 2018. Letn. 66. Št. 3: Julijji–september. S. 333–354.
- Макарий (Веретенников), архим. Святительские надгробные плиты // Альфа и Омега. 2006. № 1 (45). С. 311–312.
- Максим Грек. Сказание о венце Спасове и Богородичне имени // Сочинения преподобного Максима Грека. Ч. III. Казань: Тип. Императорского ун-та, 1897. С. 95–96.
- Плешанова И.И. Керамические надгробные плиты Псково-Печерского монастыря // НЭ. Вып. VI. С. 149–206.
- Повесть о Псково-Печерском монастыре // БЛДР. Вып. 13: XVI век. СПб.: Наука, 2005. С. 476–533.
- Прохоров Г.М. Автографы Нила Сорского // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1974 г. М.: Наука, 1975. С. 37–54.
- Ромоли Ф. Новое понимание «Толкования именам по алфавиту» Максима Грека // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2022. № 1 (87). С. 159–170.

- Сазонова Л.И. Этимологизация имени как риторико-поэтический приём (на материале восточнославянской литературы раннего Нового времени) // Имя в литературном произведении: художественная семантика / Отв. ред. Л.И. Сазонова. М.: ИМЛИ РАН, 2015. С. 170–193.
- Субботин Н.И. Материалы для истории раскола за первое время его существования. Т. 1. Ч. 1: О лицах, судившихся на соборе 1666–1667 года. М.: Братское слово, 1874. 491, VI с.
- Юдин А.А. Записи в древнерусских рукописях, содержащих Азбуковник, и их значение для литературной истории этого памятника // Библиосфера. 2010. № 4. С. 74–78.
- Юдин А.А. К проблеме азбуковника как четьего жанра // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, Филология. 2011. Т. 10. Вып. 8. С. 88–95.
- Corpus Inscriptionum Rossicarum / Свод русских надписей // URL: <http://cir.rssda.su>.
- S. Hieronymi presbyteri opera. P. 2: Opera homiletica / Ed. G. Morin (CCSL. Vol. LXXVIII). Turnholti: Brepols Publisher, 1958. P. 517–523.
- Keipert H. Nomen est Omen. Etymologie als Denkform bei russischen Autoren des 17. Jahrhundert // Sprache, Literatur und Geschichte der Altgläubigen. Akten des Heidelberger Symposions vom 28. bis 30. April 1986 / Hrsg. von B. Panzer. Heidelberg: C. Winter Verlag, 1988. S. 100–132.
- Onomastica sacra. Vol. I / Ed. P. Delagarde. Gottingae: in ed. A. Rente, 1870. VIII, 304 p.

A.G. Avdeev

TO THE QUESTION OF THE EXISTENCE OF ALPHABET BOOKS
(AZBUKOVNIK) IN MUSCOVY IN THE SECOND HALF
OF THE 16TH–17TH CENTURIES

Abstract: The paper deals with the issue of the existence in Muscovy of “dictionaries” of foreign words of the encyclopedic type – alphabet books (azbukovnik), including in booklore and inscriptions, as well as possible sources of dictionary entries included in alphabet books (azbukovnik). One of the examples discussed in the article is an epitaph of 1561 from the cave necropolis of the Pskovo-Pechersky Monastery with the translation of the name of St. Photinia the Samaritan as “Light the Samaritan”. In the 17th century alphabet books (azbukovnik) were used by ancient Russian scribes to interpret the providential meaning of the personal names of members of the royal family and political figures. The conducted research made it possible to include among the sources used by St. Maksim the Greek, one of the manuscripts of St. Nil Sorsky, as well as the little-known homily of Hieronymus the Blessed “On John the Evangelist”.

Keywords: epigraphy of Muscovy, Pskovo-Pechersky Monastery, Old Russian booklore, onomastics, alphabet book (azbukovnik), reverend Nil Sorsky, reverend Maksim the Greek.

МОСКОВСКИЕ ПРОТОПОПЫ В XIV–XVI вв.¹

Аннотация: В статье анализируются упоминания протопопов почитаемых московских храмов: Успенского, Архангельского, Благовещенского соборов, соборов Вознесенского монастыря, Спаса на Дворце, Николы Гостунского, Рождества Богородицы, Рождества Христова «под колоколами», Сретения на Сенях, Покрова на Рву, Черниговских чудотворцев. Выясняется связь статуса этих храмов с почетным саном их настоятелей. Руководящие полномочия назначаемых протопопов по отношению к выборным поповским старостам, декларируемые в церковно-уставных документах, рассматриваются как проявление сочетания административного и выборного начал в сословной организации московского духовенства.

Ключевые слова: протопопы, средневековая Москва, Кремль, соборные храмы, церковное управление.

Протопоп («первый священник») был значимой фигурой и в системе епархиального управления, и в жизни русского города. Обладатели этого сана служили в известных городских храмах и иногда надзирали за окрестным духовенством. В предлагаемой статье речь пойдет о протопопах, служивших в государственной и церковной столице средневековой Руси – городе Москве.

Источники поименно упоминают протопопов в Москве в XIV в. Летописная «Повесть о Митяе» (в монастыре Михаиле), описывающая его поездку в Царьград (Константинополь) в 1379 г. для поставления на русскую митрополию, среди сопровождавших его лиц называет Александра, протопопа Московского². Протопоп назван по городу, что позволяет предполагать его служение в главном городском храме – Успенском соборе, а также особый статус, отличающий его от иных московских священников.

В распространенной редакции «Хожения» Пимена в Царьград, отразившейся в Никоновской летописи, сказано, как 13 апреля, во вторник Страстной недели 1389 г., в Царьград вместе с митрополитом Пименом отправились смоленский епископ Михаил и иные должностные лица, в том числе и протопоп³. В районе Азова «фрязи» «сковаша» путешественников, чтобы забрать долги, при этом среди арестованных назван протопоп Иван⁴.

¹ Работа выполнена в рамках плановой темы НИОТКР 122011200385-1.

² ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. М., 1965. Стб. 129, 136.

³ ПСРЛ. Т. 11–12 (11). М., 1965. С. 95.

⁴ ПСРЛ. Т. 11–12 (11). С. 97.

Первый известный протопоп московского Архангельского собора – Иоанн – упомянут в выходной записи на служебной минее от 12 марта 1439 г.⁵ Известна грамота великого князя Василия Васильевича, выданная на имя «протопопа михайловского Ивана и с его братью, или которы иныи протопоп по нем будет»⁶. Архангельский протопоп Иоанн отмечен в подтвердительной записи от 14 марта 1482 г. на духовной грамоте князя Андрея Федоровича Голенина в качестве духовника завещателя⁷. Видимо, одно лицо исполняло должность более сорока лет.

25 июля 1473 г. был «поставлен на епископию Коломенскую митрополитом Геронтием священноинок Никита Семешков сын протопопа Архааггельскаго иже на Москве»⁸. Судя по дате хиротонии, он, вероятно, приходился сыном известному нам протопопу Иоанну, и, подобно отцу, избрал духовную карьеру. Другой его сын («Васюк Жук Иванов сын протопопа архангилскаго») известен как писец духовной грамоты Андрея Михайловича Плещеева, составленной перед 19 августа 1491 г.⁹

Таким образом, Архангельский собор уже в первой половине XV в. возглавляли протопопы. Храм был великокняжеским некрополем, что, очевидно, и определило сан его настоятеля. Старейшие сведения о земельных пожалованиях собору относятся к 1433 г.¹⁰

Учитывая более высокий статус Успенского собора как кафедрального первенствующей епархии, можно думать, что сан протопопа у его настоятеля возник не позднее, чем у настоятеля соседнего Архангельского собора, хотя первые известные нам прямые сведения о протопопах Успенского собора относятся к более позднему времени.

В летописной статье от 6960 (1452) г. говорится о свадьбе великого князя Ивана Васильевича: «а венчал его архимандрит Трифон Спаский да протопоп Кириак Богородицкий»¹¹, видимо, Успенского собора. Менее вероятно, что он возглавлял клир соседнего Благовещенского собора, поскольку его протопопы обычно именовались «Благовещенскими» (см. ниже). Видимо, упоминание в источниках середины XV в. Архангельского протопопа способствовало тому, что протопоп Успенского собора стал именоваться уже не по городу, а по престолу храма, в котором служил.

4 сентября 1483 г. «поставлен архиепископ Новугороду и Пскову Сергии, бывшии протопоп Богородицкии Семеон». 27 июня 1484 г. он же «остави архиепископию и прииде ко Троицы в Сергиев монастырь, во свое пострижение»¹². Вероятно, до пострига он был протопопом Успенского собора.

⁵ Описание рукописей Московского Архангельского собора, составленное М.Н. Сперанским / Подг. И.В. Лёвочкин // Археографический ежегодник за 1979 г. М., 1981. С. 328. № 15; *Маишафаров А.В.* Жалованные грамоты кремлевского Архангельского собора // Русский дипломатарий. Вып. 2. М., 1997. С. 26. Прим. 17.

⁶ Акты Российского государства. Акты московских монастырей и соборов XV – начала XVII в. М., 1998. С. 49. № 12.

⁷ АФЗиХ. Ч. 2. М., 1956. С. 20. № 15.

⁸ ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913. С. 247. *Мазуров А.Б.* Средневековая Коломна в XIV – первой трети XVI вв.. Комплексное исследование региональных аспектов становления единого русского государства. М., 2001. С. 206.

⁹ АСЭИ. Т. 1. М., 1952. С. 442. № 562.

¹⁰ *Маишафаров А.В.* Жалованные грамоты... С. 25.

¹¹ ПСРЛ. Т. 5. СПб., 1851. С. 271.

¹² ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. М., 2000. С. 525.

Как отмечает прп. Иосиф Волоцкий, в 1480 г. Иван III, оказавшись в Новгороде, перевел впавших в ересь новгородских священников в Москву: «Алексея попа на Москву на протопопство к церкви Пречистыя Успения, и Дениса попа к архагелу Михаилу». Первоначально они скрывали свои взгляды, и Алексей многих вовлек в ересь. Результатом влияния протопопа Алексея на великого князя было замещение митрополичьего престола тайным сторонником первого – Зосимой. О смерти протопопа Алексея Иосиф Волоцкий пишет после упоминания о смерти митрополита Геронтия, которая последовала 28 мая 1489 г.¹³, но до эпизода поставления Зосимы 26 сентября 1490 г.¹⁴ Повествование Иосифа Волоцкого показывает, что назначение на должность протопопа Успенского собора, по крайней мере, на уровне фактической практики, было компетенцией великого князя, а влияние протопопа Успенского собора на церковную и интеллектуальную жизнь государства (вплоть до определения кандидата на митрополичий престол), могло быть следствием его должностного положения.

В данной грамоте Вереяского и Белозерского князя Михаила Андреевича, составленной ок. 1486 г., отмечено пожертвование «к Пречистой к соборной церкви на Москву протопопу и священником в Ерославском уезде свое село Татаренки в Заечкове»¹⁵. Очевидно, основным получателем пожертвования был причастный к ереси протопоп Алексей.

Великий князь Иван Иванович в духовной грамоте в качестве руги завещал кремлевским Успенскому и Архангельскому соборам «кости московьскии»¹⁶. Это отражено и в первой духовной грамоте великого князя Дмитрия Ивановича¹⁷. По Г.Н. Шмелеву, это пошрины, взимавшиеся с торговых людей, приезжавших с товарами. Обратив внимание на отсутствие упоминания «костков» во второй духовной Дмитрия Ивановича, Г.Н. Шмелев сделал двоякое предположение, что они были чем-то заменены или отняты без компенсаций. Возобновление руги соборам, по наблюдению исследователя, состоялось лишь в XVII в.¹⁸ В.Д. Назаров полагает, что руга Успенскому собору сохранялась, но это фиксировалось не дошедшими до нас документами¹⁹.

На основании вклада князя Михаила Андреевича протопопу Успенского собора, а также вклада туда же митрополитом Симоном сельца Севастиановского и селища Юрьевского, купленных у Мосла Тарбеева, Г.Н. Шмелев писал, что с конца XV в. земельные владения Успенского собора и митрополичьей кафедры разделились²⁰. Подобной точки зрения придерживается В.Д. Назаров, связывая изменение имущественного статуса соборян с конфликтами государевой и митрополичьей власти²¹.

¹³ ПСРЛ. Т. 18. С. 272.

¹⁴ Казакова Н.А., Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI в. М.-Л., 1955. С. 471–472.

¹⁵ ДДГ. М.-Л., 1950. С. 314. № 80и.

¹⁶ ДДГ. С. 16, 19. № 4.

¹⁷ ДДГ. С. 25. № 8.

¹⁸ Шмелев Г.Н. Из истории московского Успенского собора. М., 1908. С. 93–94.

¹⁹ Назаров В.Д. Введение [к публикации актов Успенского собора] // Акты Российского государства... С. 8.

²⁰ Шмелев Г.Н. Из истории... С. 34–35, 50–51, 98–99.

²¹ Назаров В.Д. Введение... С. 7–8, С. 13. Прим. 8, С. 15.

Г.Н. Шмелев полагает, что причт Успенского собора выступал административно-судебной коллегией при митрополите, в которой протопоп первенствовал. В середине XV в. эта коллегия была заменена светскими митрополичьими чиновниками. Позднее она управляла вотчинами собора²². Прямыми сведениями о деятельности клириков Успенского собора в системе митрополичьей администрации на тот момент мы не располагаем. Впрочем, одним из проявлений этой деятельности могло быть сопровождение московским протопопом руководителя церкви в поездки в Царьград в 1379 и в 1389 гг.

Г.Н. Шмелев также пишет о монопольном праве Успенских соборян освящать новые церкви в Москве и уезде²³, не приводя конкретных фактов, очевидно, рассуждая по аналогии с общероссийской практикой. Однако 29 августа 1515 г. в Москве церковь Усекновения Главы Иоанна Предтечи освящали «Афанасеи архимандрит Спаской да протопоп Афонасеи» (в одном из списков – «Пречистые Афонасеи»)²⁴, т.е., очевидно, кремлевского Успенского собора. Его тезоименитый напарник был архимандритом главного московского монастыря. Уместно вспомнить, как их предшественники по должности – архимандрит Спасский и протопоп Богородицкий – в 1452 г. венчали будущего правителя Ивана III с супругой.

Причетники Успенского собора могли выдавать венечные памяти (т.е. разрешения на вступление в брак) и взимать с них пошлины. Старейшее упоминание о записной книге венечного собора, поступавшего в Успенский собор, по наблюдению Г.Н. Шмелева, относится к 1495/96 г. По мнению исследователя, таковые создавались раньше, а соответствующие привилегии были пожалованы вскоре после построения храма, т.е. в XIV в. «в виде вознаграждения за то, что Успенские соборяне помогали митрополиту управлять епархией... Митрополит отказался от некоторой части своих доходов в пользу священнослужителей Успенского собора, как ближайших исполнителей своей воли, своих поручений по управлению епархией»²⁵. По-видимому, как и в других городах, в Москве выдача венечного знамени и, соответственно, сбор венечных пошлин делегировались причетникам главного городского собора.

Благовещенский собор Кремля с момента своего появления во второй половине XIV – начале XV в.²⁶ был домовым храмом великого князя (рис. 1: 3), что и повлияло на статус его старшего священника.

В Записке Иннокентия о последних днях прп. Пафнутия Боровского, скончавшегося 1 мая 1477 г., сказано, как к умирающему «от великаго князя Ивана Васильевича скоро приходит Феодор, протопоп его Благовещеньский»²⁷. В летописной записи от 11 ноября 1480 г. о чудесном звучании колоколов в Москве на площади отмечен «протопоп Феодор Благовещенской»²⁸, который также известен как переводчик²⁹.

²² Шмелев Г.Н. Из истории... С. 3–4, 98–99.

²³ Шмелев Г.Н. Из истории... С. 99, 104.

²⁴ ПСРЛ. Т. 30. М., 1965. С. 142.

²⁵ Шмелев Г.Н. Из истории... С. 99–100.

²⁶ Дата дискуссионна. См.: Баталов А.Л. Благовещенский собор. История собора // Православная энциклопедия. Т. 5. М., 2002. С. 276–277.

²⁷ Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1988. С. 449.

²⁸ ПСРЛ. Т. 8. СПб., 1859. С. 205.

²⁹ Буланин Д.М. Феодор // СККДР. Вып. 2. Ч. 2. Л., 1989. С. 452–453.

В духовной записи великого князя Василия III от июня 1523 г. фиксируется протопоп Благовещенский Василий как духовник завещателя³⁰. По наблюдениям В.Б. Кобрин, он получал от государя поместья, следовательно, его деятельность была приравнена к государственной службе. Однако эти поместья должны были поступать не в его семью, а следующему протопопу по должности³¹. Знакомства, родственные связи и личное благосостояние протопопа Василия, очевидно, были обеспечены должностью государева духовника, а не саном протопопа, и вероятно, распространялись далеко не на всех обладателей этого сана. Примерно с 1520-х гг. государев духовник будет служить в Благовещенском соборе, как правило, в качестве старшего священника. Такая ситуация укрепила существовавшую еще с XV в. традицию, когда старший священник этого храма имел сан протопопа³².

Имеются сведения о земельных владениях Благовещенского собора, а также о поступавших туда поминальных вкладах³³. По-видимому, это был земельный фонд, отличный от поместья, получаемого Благовещенским протопопом по должности.

В данной грамоте Вереяского и Белозерского князя Михаила Андреевича игумении Вознесенского монастыря, составленной ок. 1486 г., отмечен протопоп: «к Вознесению в монастырь, игуменьи с-трами и протопопу с священники, в Заечкове свое село Тарутинское»³⁴. Это была важнейшая женская обитель в Москве (и, возможно, Русской Церкви в целом), некрополь великих княгинь, а затем и цариц (рис. 1: 4), что, очевидно, и обеспечило ее старшему священнику сан протопопа по должности.

Летом-осенью 1489 г. из Кремля был перенесен Спасский монастырь на новое место, где до сих пор существует под именем Новоспасского. Согласно Степенной книге, после переноса монастыря «в граде же (т.е. в Кремле – Д.Д.) на дворе царском у церкви Христова Преображения (т.е. у главного храма кремлевского монастыря, позднее известного как храм Спаса на Дворце или на Бору – Д.Д.) устроен быть сбор мирских иереев и протопопство»³⁵. Сакральный статус участка важнейшего монастыря города и государева двора обеспечил почетный сан настоятелю устроенного на его месте храма (рис. 1: 5).

21 июня 1506 г. «во граде Москве» повелением великого князя Василия Ивановича была заложена кирпичная Никольская церковь «идеже стояла церковь древена Никола Лняной и совершиша ю в 9 недель». 1 октября храм освятил ми-

³⁰ Акты Российского государства... С. 294. № 124.

³¹ Кобрин В.Б. Опыт изучения семейной генеалогии (Протопоповы – Мезецкие – Пронские) // Кобрин В.Б. Опричнина. Генеалогия. Антропонимика: избранные труды. М.: 2008. С. 205–206.

³² Деятельность Благовещенского протопопа в качестве государева духовника требует специального рассмотрения. Вот лишь некоторые работы по этой теме: Смирнов С.И. Древнерусский духовник. Исследование по истории церковного быта. М., 1913; Маштафаров А.В. Благовещенский собор. Причт // Православная энциклопедия. Т. 5. С. 290–293; Назаров В.Д. Великокняжеский духовник в семейном портрете и в контексте кремлевского сообщества // Кремль в истории России: К 500-летию Александровского Кремля. Т. 1. Владимир, 2014. С. 8–37.

³³ Переписная книга Московского Благовещенского собора XVII в. по спискам Оружейной палаты и Донского монастыря // Сборник на 1873 год, изданный Обществом древнерусского искусства при Московском публичном музее. М., 1873. Отд. 2. С. 42–44; Маштафаров А.В. Благовещенский собор. Причт... С. 292–293.

³⁴ ДДГ. С. 315. № 80л. См. также: С. 302–303. № 80а (первый черновик).

³⁵ Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Т. 1. М., 2007. С. 539.

трополит Симон, а великий князь поставил туда икону Николы Гостунского³⁶. Выходные записи на минеях из Успенского собора 1529/30 г. отмечают «протопопа Иакова Дмитриевича Никольского», т.е. Николо-Гостунского храма. Весной 1548 г. он был уже Благовещенским протопопом, а около 1550 г. удалился в Чудов монастырь³⁷. Таким образом, в первой трети XVI в. настоятель Николо-Гостунского храма имел сан протопопа. К середине XVI в. Иван IV дал причту этого храма владения в Звенигородском уезде «по дяде по своему по князе Юрье Ивановиче по духовной грамоте»³⁸.

На соборе 24 февраля 1549 г., осудившем Исака Собаку, из московских протопопов присутствовали:

- Богородицкий (т.е. Успенского собора – Д.Д.) протопоп Гурий,
- Архангельский протопоп Семион,
- Благовещенский протопоп Иаков,
- Спасский (т.е. кремлевского храма Спаса на Дворце – Д.Д.) протопоп Тимофей,
- Лазаревский протопоп Андрей,
- Никольский (т.е. храма Николы Гостунского – Д.Д.) протопоп Михайло,
- Рождественский протопоп Акакий³⁹.

Престолы во имя Рождества Богородицы и св. Лазаря находились в одном храме, выстроенном в камне на дворе великой княгини, с самого начала его существования, с 1393 г.⁴⁰ Как можно думать на основании перечня участников собора 24 февраля 1549 г., каждый из них имел свой причт во главе с протопопом. Если старший священник храма Рождества Богородицы сохранил этот сан, то Лазаревский позднее в таком качестве, насколько нам известно, не упоминается.

Во второй половине XVI в. в Москве возрастало число храмов, возглавлявшихся протопопами.

Летописная статья 1543/44 г., составленная позже и фиксирующая события более позднего времени, содержит интересное свидетельство: «Того же месяца (ноября) доделаша церковь Воскресение Христово на площади возле Иван Святой, еже есть под колоколы... и в 63 лето царь и митрополит в ту же церковь пренесли Рождество Христово от Мстиславскаго двора и сбор уставили»⁴¹. Очевидно, в данном случае под собором понимается не церковно-административный округ, а особый статус храма⁴². Этот храм, наряду со смежно расположенной церковью Иоанна Лествичника, выступал звонницей для основных кремлевских соборов, т.е. фактически главной колокольной страны.

³⁶ ПСРЛ. Т. 13. М., 1965. С. 4.

³⁷ Усачев А.С. Книгописание в России XVI века. По материалам датированных выходных записей. Т. 1. М.; СПб., 2018. С. 371–372.

³⁸ Материалы для истории Звенигородского края. Вып. 1. М., 1992. С. 106–107.

³⁹ Судные списки Максима Грека и Исака Собаки / Подг. Н.Н. Покровский. М., 1971. С. 139.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. 13. С. 18; Т. 18. С. 209; Т. 25. М.-Л., 1949. С. 221.

⁴¹ ПСРЛ. Т. 13. С. 145.

⁴² Собор в значении территориального объединения церквей, охватывавший Кремль и Китай-город, образовался не позднее 1551 г., и тогда туда поповским старостой избрали попа Иосифа из церкви Зачатия Анны из Китай-города (Давиденко Д.Г. Решения Стоглавого собора и организация белого духовенства Москвы в середине XVI – середине XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2021. № 3. С. 148).

В летописной статье от 3 февраля 1555 г. о поставлении Гурия на Казанскую кафедру после поименно названных архиереев, архимандритов и игуменов отмечены протопопы в следующей последовательности:

«Протопоп из Володимирия Пречистеньской Евсегние

Протопоп Пречистеньской Иоан

Протопоп из Новаграда Софийской Димитрий

Протопоп Архаангельской Тимофей

Протопоп Благовещеньской Андрей

Протопоп Спасской з дворца Ермалай

Протопоп Вознесененьской Димитрей

Протопоп Рождества Пречистые Тихон

Протопоп Никольской Амос

Протопоп Рождества Христова Борис, да игумены и священники соборные»⁴³. Заметим, что через шесть лет после суда над Исаком Собакой протопопы всех шести московских храмов, участвовавших в обоих соборах (Успенского, Архангельского, Благовещенского, Спасского, Никольского и Рождественского), сменились.

6 августа 1560 г. государь, за день до смерти своей супруги царицы Анастасии, «детем своим царевичу Ивану и царевичу Феодору повеле делати двор особой на Взрубе позади Набережные болшие полаты; повеле же у царевичев на дворе храм большой поставити Стретение Господа нашего Иисуса Христа, а придел теплую церковь святого преподобномученика Никиты Столпника Переславского чудотворца; учини же у большого храму у Стретения Господня протопопствие и к собором причте». 2 февраля 1561 г. храм был освящен митрополитом Макарием в присутствии государя и царевичей⁴⁴. Статус домового храма царевичей (как и домовых храмов государя и государыни) определил и почетный сан его настоятеля.

18 мая 1561 г. был освящен каменный храм «святых отец и седми соборов в Даниловском», по мнению Л.А. Беляева, задумывавшийся как центр семи московских соборов – церковно-территориальных округов. Однако, как убедительно показал исследователь, таковым стал храм Покрова на Рву, заверченный в том же году⁴⁵. Статус храма Покрова на Рву усиливался важнейшим внешнеполитическим событием, в память которого он был возведен – Казанским взятием.

В молитвенном Послании, составленном от имени царя Ивана Васильевича великому князю Михаилу Черниговскому и боярину его Феодору, автор обращается к ним как к живым и сообщает свое желание «ваша мощи видети в славном граде Москве». В тексте «Послания» прямо сказано, что оно написано при митрополите Антонии (1572–1581), а публикатор Н.Д. Иванчин-Писарев в комментарии пишет, что оно современно «шестой эпохе казней, пятому супружеству Иоанна и посвящению Антония в митрополита». Сохранялось в сборнике, принадлежавшем на момент

⁴³ ПСРЛ. Т. 13. С. 250. Отмеченного протопопа Спасского собора на Дворце Ермолая исследователи связывают с известным писателем-публицистом середины XVI в., принявшем постриг с именем Еразм (*Руди Т.В.* Ермолай [в иночестве Еразм] // *Православная энциклопедия*. Т. 18. М., 2008. С. 663).

⁴⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 329, 331.

⁴⁵ *Беляев Л.А.* Древние монастыри Москвы (кон. XIII – нач. XV в.) по данным археологии. М., 1995. С. 123–126; ПСРЛ. Т. 13. С. 332, 334.

публикации московскому купцу Андреяну Ивановичу Озерскому⁴⁶. А. Лебедев перенесение мощей датирует 14 февраля 1578 г., не обосновывая даты⁴⁷. После перенесения мощей св. Михаила Черниговского и боярина Феодора в Москву в честь них был устроен храм в Кремле вблизи соборных звонниц⁴⁸.

В Расходной книге вещам, отпускаявшимся с Казенного двора за 1584/85 г., первым из сохранившихся документов такого рода, среди получателей сукна отмечены протопопы с причтами разных московских храмов:

14 декабря, 7 апреля – протопоп «Рождества Пречистыя, что на Сенех» Семион с причтом⁴⁹.

5 января – протопоп «Рождества Христова что на площади под колоколы» Прохор с причтом⁵⁰.

8 марта – государев духовник, Благовещенский протопоп Елеферий; 28 марта – он же с причтом⁵¹.

22 марта, 10 апреля – «на государевом дворе» Сретенский протопоп Григорий с причтом⁵².

4 апреля – Покровский протопоп Димитрий «что в Китае городе у Фроловских ворот» с причтом и с придельными попами⁵³.

4 мая – протопоп «Преображенья Спасова что на большом дворце» Иван с причтом⁵⁴.

17 мая – «князя Михаила Черниговского» протопоп Иван с причтом⁵⁵.

25 июня – Вознесенский «что в Старом городе у Фроловских ворот» протопоп Андрей с причтом⁵⁶.

Т.е. государево жалованье выступало, по крайней мере, одним из источников существования этих протопопов и их причтов.

В первой редакции Утвержденной грамоты Бориса Годунова, датированной июлем 1598 г. и известной по публикации, после архиереев, настоятелей монастырей и уважаемых монастырских старцев названы протопопы, главным образом московские. Затем поименно идут протодиакон и соборные ключари. В указании на подписи «на обороте столпа» этого же документа – несколько иной состав московских протопопов: отмечен Архангельский протопоп Димитрий, ранее проходивший как ключарь того же храма. Зато отсутствуют указания на подписи протопопов собо-

⁴⁶ Иванчин-Писарев Н. Михаил, великий князь Киево-Черниговский и боярин его Феодор. М., 1839. С. 39–42.

⁴⁷ Лебедев А. Московский Кафедральный Архангельский собор. М., 1880. С. 241.

⁴⁸ Зыбалов Ю.М. Почитание святого благоверного князя Михаила Черниговского в Московском Кремле // Православные святыни Московского Кремля в истории и культуре России. М., 2006. С. 69–70.

⁴⁹ ДАИ. Т. 1. СПб., 1846. С. 194, 204. № 131.

⁵⁰ ДАИ. Т. 1. С. 196. № 131.

⁵¹ ДАИ. Т. 1. С. 200, 202. № 131.

⁵² ДАИ. Т. 1. С. 201, 204. № 131.

⁵³ ДАИ. Т. 1. С. 203. № 131.

⁵⁴ ДАИ. Т. 1. С. 205. № 131.

⁵⁵ ДАИ. Т. 1. С. 206. № 131.

⁵⁶ ДАИ. Т. 1. С. 208. № 131.

ров: Благовещенского, Спасского, Рождества Богородицы, Николы Гостунского и Черниговских чудотворцев. Затем идут указания на подписи протодиакона и троих ключарей. Вторая редакция грамоты, датированная 1 августа 1598 г. и сохранившаяся в списке, тоже указывает на наличие в подлиннике подписей московских протопопов:

Упоминания протопопов в грамоте от июля 1598 г.*	Упоминания подписей протопопов в грамоте от июля 1598 г.**	Упоминания подписей протопопов в грамоте от 1 августа 1598 г.***
Из Володимеря Богородицкой протопоп Василей	Из Володимеря Богородицкой протопоп Василей	
Царствующаго града Москвы Богородицкой протопоп Еуфимий	Богородицкой протопоп Еуфимий	Богородицкого протопопа Еуфимья
Благовещенской протопоп Елеуферий		Благовещенского протопопа Семиона
	Архангельский протопоп Димитрий	Арханьилского протопопа Дмитрия
Спасской протопоп Пантелеймон		Спасского протопопа с дворца Пантелеймона
Стретенской протопоп Григорей	Стретеня Господа Бога с Сеней Григорей	Стретенского протопопа Григорья
Вознесенской протопоп Григорей	Вознесенской протопоп Семион	Вознесенского протопопа Семиона
Рождества Пречистые протопоп Семион		
Николы чудотворца Гостунскаго протопоп Стефан		Николского протопопа Гостунского Степана
Рождества Христова из под колоколов протопоп Прохор	Рождества Христова протопоп Прохор	Рождественского протопопа Прохора, что под колоколы бывшего
Покрова Пречистые со Рву протопоп Гаврило	Покровской протопоп Гаврило	Покровского протопопа Дмитрея, и в сына своего протопопово Гаврилово место
Великомучеников Черниговских... протопоп Иван		Черниговского протопопа Ивана

* ДРВ. Ч. 7. М., 1788. С. 115.

** ДРВ. Ч. 7. С. 127.

*** ААЭ. Т. 2. СПб., 1836. С. 47. № 7.

Общий принцип Стоглавого собора 1551 г. о подчинении духовенства на местах архимандритам, игуменам и протопопам⁵⁷ в Москве был конкретизирован приговорами 13 июня 1594 г. и 1 октября 1604 г. Московским протопопам, согласно приговору 1594 г., поручалось руководство поповскими старостами, которые, в свою оче-

⁵⁷ Емченко Е.Б. Стоглав: исследование и текст. М., 2000. С. 367.

редь, возглавляли территориальное объединение церквей: «надзирати над старостами поповскими и над попы, и приходити в поповскую Избу по вся дни... Спасскому протопопу с Дворца Пантелеймону, Стретенскому протопопу Григорью с Дворца, Вознесенскому протопопу (которой будет у Вознесеня впредь в протопопех), Николскому протопопу Стефану, Покровскому протопопу Дмитрею»⁵⁸. Протопопы тех же храмов в той же последовательности в качестве кураторов поповских старост названы и в приговоре 1604 г.⁵⁹ В документе 1604 г. протопопы если и писались по трафарету десятилетней давности, то с учетом новых реалий, поскольку там Спасский и Стретенский протопопы поименно не названы, а вакансия Вознесенского протопопа замещена Симеоном. Никольский и Покровский протопопы замены не были. При этом последовательность упоминания протопопов в приговоре 1604 г. соответствует последовательности их упоминания не только в приговоре 1594 г., но и в обеих редакциях Утвержденной грамоты Бориса Годунова.

Московские протопопы, известные по источникам XVI в., служили в кремлевских соборах и в храме Покрова на Рву (рис. 1). Отсутствие упоминаний в приговорах 1594 и 1604 гг. протопопов Успенского, Благовещенского, Архангельского соборов, а также соборов Рождества Богородицы на Сениях, Рождества Христова «под колоколы» и Черниговского, видимо, связано с тем, что на них не возлагалось руководство поповскими старостами.

Обычно в русском средневековом городе был один протопоп; в Москве их фиксируется несколько, и даже больше, чем выборных поповских старост. Это могло быть обусловлено ее столичным статусом и большей населенностью по сравнению с другими русскими городами, а также желанием повысить значимость особо почитаемых церквей. Сан протопопа получал священник при назначении на руководство причтом наиболее статусных храмов города, а не за личные заслуги. Но личные качества пастыря могли способствовать получению им настоятельства в почитаемом храме. В частности, они могли учитываться при назначении в протопопы в Благовещенском соборе, т.е. в государевы духовники. По мере возрастания числа статусных храмов в средневековой Москве, увеличивалось и число священников, наделенных саном протопопа. Естественно, что в столице этот процесс шел активнее, чем в иных городах.

Если Стоглавый собор поручил надзор над поповскими старостами представителям как черного духовенства (архимандритам и игуменам) так и белого (протопопам), то приговоры 1594 и 1604 гг. регламентировали подчинение старост только протопопам, названным поименно с указанием на храм. По-видимому, это московская специфика. Документы 1594 и 1604 гг. имеют московский характер, а Стоглав – общероссийский. Протопопов отличал от поповских старост не только более почетный сан и надзорные полномочия в отношении последних, но и назначаемый, а не выборный характер должности⁶⁰. В Москве центр собора (церковного округа) определялся тем храмом, священника которого выберут в старосты, т.е. был сменяем. Сан протопопа по должности получали старшие священники строго определенных церквей, а через

⁵⁸ ААЭ. Т. 1. СПб., 1836. С. 442. № 360.

⁵⁹ ААЭ. Т. 2. С. 383. № 223.

⁶⁰ Знаменский П.В. История Русской Церкви (учебное руководство). М.-Paris, 2000. С. 138; Давиденко Д.Г. Решения Стоглавого собора... С. 151–153.

Рис. 1. План Кремля, составленный в царствование Бориса Федоровича Годунова (1598–1605) (из кн.: *Бартенев С.П.* Московский Кремль в старину и теперь. Ч. 1. М., 1912.

Вкл. между С. 36–37). Красными цифрами отмечены храмы, в которых служили протопопы. Идентификация храмов дана по планам Кремля, составленным И.А. Голубцовым: «Кремль времени великих князей Ивана III и Василия III к 1533 г.»; «Кремль в конце царствования Бориса Годунова к 1605 г.» (История Москвы. Приложение к первому тому. Планы. М., 1952). 1 – Успенский собор; 2 – Архангельский собор; 3 – Благовещенский собор; 4 – Собор Вознесенского монастыря; 5 – Собор Спаса Преображения на Дворце; 6 – Собор св. Николы Гостунского; 7 – Собор Рождества Богородицы на Сенях; 8 – Собор Рождества Христова «под колоколами»; 9 – Собор Сретения Господня на Сенях; 10 – Собор Покрова на Рву; 11 – Собор св. Михаила и Феодора Черниговских чудотворцев

него – надзор за поповскими старостами, а опосредованно – за клириками Москвы. Подчинение выборных поповских старост назначаемым протопопам, провозглашенное Стоглавым собором и закрепленное приговорами 1594 и 1604 гг., означало сочетание административного и выборного начал в управлении белым духовенством Москвы при приоритете административного.

Список литературы

- ААЭ – Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи, археографическою экспедициею Императорской академии наук. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1836. Т. 1. 548 с.; Т. 2. 413 с.
- Акты Российского государства. Акты московских монастырей и соборов XV – начала XVII в. М.: Ладомир, Янус-К, 1998. 734 с. 24 л. ил.
- АСЭИ. Т. 1 – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. 1. М.: Издательство Академии наук СССР, 1952. 804 с.
- АФЗиХ. Ч. 2 – Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков. Ч. 2. М.: Издательство Академии наук СССР, 1956. 664 с.
- Баталов А.Л.* Благовещенский собор. История собора // Православная энциклопедия. Т. 5. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2002. С. 276–280.
- Беляев Л.А.* Древние монастыри Москвы (кон. XIII – нач. XV в.) по данным археологии. М.: Мейкер, 1995. 457 с.
- Буланин Д.М.* Феодор // СККДР. Вып. 2. Ч. 2. Л.: Наука, 1989. С. 452–453.
- Давиденко Д.Г.* Решения Стоглавого собора и организация белого духовенства Москвы в середине XVI – середине XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2021. № 3. С. 147–161.
- ДАИ. Т. 1. – Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографическою комиссиею. Т. 1 СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1846. 446 с.
- ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подг. Л.В. Черепнин. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. 585 [1] с. [2] л. табл.
- ДРВ. Ч. 7. – Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей Российских, до истории, географии и генеалогии Российской касающихся. Ч. 7. М.: В типографии компании типографической, 1788. 484 с.
- Емченко Е.Б.* Стоглав: исследование и текст. М.: Индрик, 2000. 504 с.
- Знаменский П.В.* История Русской Церкви (учебное руководство). М.-Paris: Центр русских исследований в Медоне, Крутицкое Патриаршее подворье. Общество любителей церковной истории, 2000. 462 с.

- Зыбалов Ю.М.* Почитание святого благоверного князя Михаила Черниговского в Московском Кремле // Православные святыни Московского Кремля в истории и культуре России. М.: Индрик, 2006. С. 68–75.
- Иванчин-Писарев Н.* Михаил, великий князь Киево-Черниговский и боярин его Феодор. М.: К.М. Оболенский, 1839. 48 с.
- Казакова Н.А., Лурье Я.С.* Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI в. М.-Л.: Изд-во Академии наук, 1955. 544 с.
- Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М.: Наука, 1988. 512 с.
- Кобрин В.Б.* Опыт изучения семейной генеалогии (Протопоповы – Мезецкие – Пронские) // *Кобрин В.Б.* Опричина. Генеалогия. Антропонимика: избранные труды. М.: РГГУ, 2008. С. 202–210.
- Лебедев А.* Московский Кафедральный Архангельский собор. М.: Тип. Л.Ф. Снегирева, 1880. 388, VIII с.
- Мазуров А.Б.* Средневековая Коломна в XIV – первой трети XVI вв. Комплексное исследование региональных аспектов становления единого русского государства. М.: Александрия, 2001. 542 с. + 51 табл.
- Материалы для истории Звенигородского края. Вып. 1 / Сост. С.Н. Кистерев, Л.А. Тимошина. М.: Археографический центр, 1992. 156 с.
- Маштафаров А.В.* Благовещенский собор. Причт // Православная энциклопедия. Т. 5. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2002. С. 290–293.
- Маштафаров А.В.* Жалованные грамоты кремлевского Архангельского собора // Русский дипломатарий. Вып. 2. М.: Археографический центр, 1997. С. 23–51.
- Назаров В.Д.* Введение [к публикации актов Успенского собора] // Акты Российского государства. Акты московских монастырей и соборов XV – начала XVII в. М.: Ладомир, Янус-К, 1998. С. 7–16.
- Назаров В.Д.* Великокняжеский духовник в семейном портрете и в контексте кремлевского сообщества // Кремль в истории России: К 500-летию Александровского кремля. Т. 1. Владимир: Транзит-икс, 2014. С. 8–37.
- Описание рукописей Московского Архангельского собора, составленное М.Н. Сперанским / Подг. И.В. Лёвочкин // Археографический ежегодник за 1979 г. М.: Наука, 1981. С. 324–330.
- Переписная книга Московского Благовещенского собора XVII в. по спискам Оружейной палаты и Донского монастыря // Сборник на 1873 год, изданный Обществом древнерусского искусства при Московском публичном музее. М.: Унив. тип., 1873. Отд. 2. С. 1–49.
- ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. М.: Языки русской культуры, 2000. 728 с.
- ПСРЛ. Т. 5. Псковские и Софийские летописи. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1851. 296 с.
- ПСРЛ. Т. 8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1859. 301 с.
- ПСРЛ. Т. 11–12 (11). Патриаршая или Никоновская летопись. М.: Наука, 1965. 254+266 с.
- ПСРЛ. Т. 13. Патриаршая или Никоновская летопись. М.: Наука, 1965. 532 с.
- ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Рогожский летописец. Пг.: Б/и, 1922. 186 стб.
- ПСРЛ. Т. 18. Симеоновская летопись. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1913. 316 с.
- ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. 463 с.
- ПСРЛ. Т. 30. Владимирский летописец. Новгородская вторая (архивская) летопись. М.: Наука, 1965. 240 с.

- Руди Т.В.* Ермолай [в иночестве Еразм] // Православная энциклопедия. Т. 18. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2008. С. 663–669.
- Смирнов С.И.* Древнерусский духовник. Исследование по истории церковного быта. М.: Синодальная типография, 1913. 290 с.
- Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: Тексты и коммент. / Отв. ред. Н.Н. Покровский, Г.Д. Ленхофф. Т. 1. Степени I–X. М.: Языки славянских культур, 2007. 598 с.
- Судные списки Максима Грека и Исаака Собака / Подг. Н.Н. Покровский. М.: Б/и, 1971. 181 с. + 4 л. ил.
- Усачев А.С.* Книгописание в России XVI века. По материалам датированных выходных записей. Т. 1. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2018. 472 с.
- Шмелев Г.Н.* Из истории московского Успенского собора. М.: Общество истории и древностей Российских при Московском ун-те, 1908. 214 с.

D.G. Davidenko

MOSCOW PROTOPOPS IN THE 14TH–16TH CENTURIES

Abstract: The article analyzes the references of the protopops of revered Moscow churches: the Assumption, Archangel, Annunciation Cathedrals, the cathedrals of the Ascension Monastery, the Savior at the Palace, Nikola Gostunsky, the Nativity of the Virgin, the Nativity of Christ “under the bells”, the Sretensky “over-the-Galleries”, the Intercession on the Moat, the Chernihiv wonderworkers. The connection between the status of these temples and the honorary dignity of their archpriests is being clarified. The leadership of the appointed protopops by elected priestly elders, declared in church statutory documents, is regarded as a result of a combination of administrative and elective principles in the class organization of the Moscow clergy.

Keywords: protopops, medieval Moscow, Kremlin, cathedral churches, church administration.

«РАБ БОЖИЙ И ЕГО СИЯТЕЛЬСТВА»: К ВОПРОСУ ОБ ОТРАЖЕНИИ ЗАВИСИМОГО ПОЛОЖЕНИЯ В РУССКИХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРАКТИКАХ¹

Аннотация: Холопство представляло собой одно из важнейших социальных явлений в Московской Руси. Изучение некоторых аспектов погребального обряда и коммеморативных традиций показывает, что связи между господами и холопами не ограничивались экономической и бытовой сферой, а включали в себя личные отношения и единение в религиозных практиках. Вывод историка А.И. Яковлева о глубокой внутренней и даже нравственной связи, похожей на родственные отношения, между господами и холопами находит подтверждение при изучении практики погребения и поминовения в XVI–XVII вв.

Ключевые слова: коммеморация, поминовение, синодики, синодикология, Троице-Сергиев монастырь, Иосифо-Волоцкий монастырь, игумен Левкий Акишев, князь Михаил Темрюкович Черкасский, холопство.

В трудах Леонида Андреевича Беляева в археологическом материале неизменно присутствует антропологическое измерение. При исследовании некрополя и погребального обряда это происходит органично и естественно. На основании изучения конкретных артефактов и памятников Л.А. Беляев приходит к обобщающим выводам о социальных и культурных практиках Московской Руси. Рассматриваемая проблема также дает возможность, отталкиваясь от текстов и вещественных памятников, поставить вопросы о внутренних механизмах взаимоотношений в русском средневековом обществе.

Поводом для размышлений стала следующая запись в синодике Иосифо-Волоколамского монастыря (XVI в.).

Род старца Левкей Акишева:

Князь Мнхайла [над строкой: Черкаской], княгиню Оустинню, князя Снлькертра, княжну Доминику, Стефана, Накова, Феодора, Евдокен, Соломонну, Емельяна, Соупла, Накова, Анонисия, Носея, инока Ноласафа, Татчану, Анастасию, Мавроу, Иоанна, Феодора, Парасковии, Филиппа, Лукиана, Василия, Агрипеноу, Бориса, инока Вавилу, Ивана [над строкой: Бельской], Леонтия [над строкой: Татищева]².

Старец Левкий Акишев (или Аишев) – книжник XVI в. Его биография и творчество охарактеризованы в статье А.И. Алексеева в «Православной энциклопедии».

¹ В заглавии статьи использован текст эпитафии 1789 г. крестьянина графа В.Г. Орлова, погребенного на погосте села Поречье-Рыбное (ныне – Ростовский район Ярославской области).

² РГАДА. Ф. 1192. Оп. 2. Д. 559. Л. 205, 205 об.

Ученый отмечает, что «социальное происхождение и место рождения Л. неизвестны». Вероятно, принял постриг в 1570-е гг. С 1582 г. – соборный старец, затем, с 1587 г., – игумен Иосифо-Волоцкого монастыря. В 1590 г. по неизвестным причинам оставил игуменство, но сохранил влиятельное положение в монастыре. В 1598 г. подписал грамоту об избрании на престол царя Бориса Федоровича Годунова. «Л. являлся незаурядным ценителем и собирателем книг. В б-ку обители он передал не менее 28 рукописей» (А.И. Алексеев). К одному из своих сборников старец Левкий написал предисловие, также составил некролог игумену Евфимию (Туркову)³.

Помянник старца Левкия открывает имя князя Михаила Черкасского. Нет сомнений в том, что это – князь Михаил Темрюкович Черкасский (?–1571), брат царицы Марии Темрюковны, шурин Ивана Грозного, «человек великий и временной», как характеризовали его современники. Сын кабардинского правителя Темрюка Салтанкул приехал в Московское государство в октябре 1558 г. Принял крещение с именем Михаил и вступил в брак с дочерью боярина Василия Михайловича Юрьева. В августе 1561 г. царь Иван IV женился на сестре М.Т. Черкасского, получившей в крещении имя Марии. С сентября 1567 г. встречается в разрядах как воевода опричного войска. В.Б. Кобрин отметил, что князь М.Т. Черкасский никогда не упоминался с боярским чином, но всегда перед боярами, что отражало его особенное положение при дворе. В сентябре 1570 г. сопровождал царя в походе против крымского хана Девлет-Гирея, по росписи полков «на берегу» – воевода большого полка в опричном войске (Таруса). Весной 1571 г., согласно росписи, назначен воеводой передового полка в царском походе⁴.

Более имя князя М.Т. Черкасского в разрядах не встречается. По сообщению немца-опричника Г. Штадена, князь Михаил Темрюкович был казнен Иваном Грозным. Текст «Записок» Г. Штадена позволяет предполагать, что казнь М.Т. Черкасского произошла из-за того, что его отец принял участие в походе Девлет-Гирея на Москву⁵. Такую реконструкцию событий предложил С.Б. Веселовский, однако В.Б. Кобрин указывал, что Г. Штаден путает князя Михаила и его отца; сведения об участии Темрюка в набеge нельзя считать надежными, а причины смерти (казни? убийства?) князя Михаила Темрюковича остаются неясными⁶.

Официально казнь князя М.Т. Черкасского отвергалась. Гонец в Крым Севрюк Клавшов получил в июне 1571 г. наказную память. На вопрос о судьбе князя М.Т. Черкасского он должен был отвечать, что князь Михаил «был в полку со царевыми и великого князя воеводами, и в царев приход ехал из полку в полк и изгиб безвестно. <...> А хто молвит, что его царь и великий князь велел убить, и Севрюку говорити: то говорят ложно, не ведая, а государь его убить не веливал. За что государю его убить?»⁷. Такое отрицание больше говорит в пользу того, что Иван Грозный

³ Алексеев А.И. Левкий (Аишев или Акишев) // Православная энциклопедия [эл. ресурс] URL: <https://www.pravenc.ru/text/2463339.html> (дата обращения: 01.10.2022).

⁴ Разрядная книга 1475–1598 гг. / Под ред. В.И. Буганова. М., 1966. С. 235, 237, 238, 240.

⁵ Штаден Г. Записки о Московии / Пер. С.Н. Фердинанд, публ. нем. текста Е.Е. Рычаловского, вступ. ст. А.Л. Хорошкевич. Т. 1. М., 2008. С. 143.

⁶ Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 62; Кобрин В.Б. Опричнина. Генеалогия. Антропонимика: избранные труды. М., 2008. С. 9.

⁷ Цит. по: Кобрин В.Б. Указ. соч. С. 93.

приказал убить шурина. Об этом же свидетельствует упоминание М.Т. Черкасского в синодике опальных⁸.

Приближенные Ивана Грозного, ливонские немцы Э. Таубе и И. Крузе свидетельствуют, что террор коснулся семьи князя М.Т. Черкасского. «Жену своего шурина Михаила Темрюкова Черкасского, чья сестра была за ним замужем, дочь богатого и умного князя Василия Михайловича Юрьева, невинную благочестивую женщину, не старше 16 лет, приказал он изрубить вместе с ее полугодовалым сыном и положить во дворе, где ее муж должен был ежедневно проезжать и проходить»⁹. Если принять это сообщение, то опала М.Т. Черкасского не была внезапной. Он впал в немилость, лишился жены и сына, а затем был убит.

Сведения Э. Таубе и И. Крузе дополняются поминальной документацией. В синодике старца Левкия Акишева после князя Михаила перечислены члены его семьи: «княгню Оустииню, князя Геликестра, княжну Доминику». Род князя М.Т. Черкасского также записан в Кормовую книгу Новоспасского монастыря (родовой обители Захарьиных, Юрьевых и Романовых): «Тогожя мѣсяца въ 23 день поминати княже Микханловыхъ детей Темрюкова младенца князя Геликестра, младенца княжну Евдокою, а быти по нихъ корму»¹⁰. Обращает на себя внимание, что дата смерти обоих детей князя М.Т. Черкасского приходится на 23 мая – день, когда хан Девлет-Гирей вышел к Москве. Согласно реконструкции Р.Г. Скрынникова, М.Т. Черкасский был отправлен впереди опричной рати 16 мая, а затем внезапно казнен¹¹. Можно предположить, что отец, мать и дети ушли из жизни почти одновременно, но это противоречит версии Э. Таубе и И. Крузе. Как бы то ни было, скорее всего, списки имен в синодике и Кормовой книге – это списки опальных.

Возникает вопрос о разногласиях в именах дочери князя М.Т. Черкасского в синодике и Кормовой книге. В помяннике Левкия Акишева она названа «Доминикой», в Кормовой книге – Евдокией. Пара имен «князя Геликестра, княжну Доминику» встречается также в помянниках рода Романовых: Никиты Романовича в синодике дворцовой церкви Св. Евдокии и патриарха Филарета в синодике Новинского монастыря. Следом за именем Домникеи (Домники) идет Евдокия¹². Не здесь ли кроется причина ошибки, перенесенной в кормовую книгу Новоспасского монастыря? Титул Домники мог быть перенесен на Евдокию, состоявшую в родстве с Черкасскими.

Как бы то ни было, первыми в помяннике старца Левкия Акишева перечислены члены семьи князя Михаила Темрюковича Черкасского, вероятнее всего, казненные в 1571 г. или около этого времени (жена и дети). Далее следует перечень имен, очевидно, предков и родственников самого старца. Из него выделяются еще два имени, над которыми так же, как и над именем М.Т. Черкасского, подписаны фамилии: Иван Бельский и Леонтий Татищев. Вероятно, Иван Бельский – родственник Малюты

⁸ Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 543, 545.

⁹ Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе (перевод М.Г. Рогинского) // Русский исторический журнал. Кн. 8. Пг., 1922. С. 41.

¹⁰ Кормовая книга московского ставропигиального Новоспасского монастыря. М., 1903. С. 20.

¹¹ Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 425.

¹² Кологривов С.Н. Синодик дворцовой церкви св. великомученицы Евдокии в 7141 (1633) г. // Древности. Труды Имп. Московского археологического общества. Т. 22. Вып. 2. М., 1909; ОР РГБ. Ф. 173. IV.96. Л. 47.

Скуратова, представитель обширного клана Бельских, тесно связанного с Иосифо-Волоколамским монастырем. В помянниках упоминается Иван Яковлевич Бельский, племянник Малюты Скуратова (Григория Лукьяновича Бельского)¹³. В 1575 г. в государевом походе был стольником Иван Богданович Бельский, сын Богдана-Андрея Сидоровича и внучатый племянник Малюты¹⁴. Сведений о Леонтии Татищеве обнаружить не удалось¹⁵.

Наиболее интересное в этой записи – почему помянник открывается именами князей Черкасских? Иноземное происхождение князя М.Т. Черкасского ограничивает круг его родства собственно Черкасскими (потомками братьев) и семьей жены Устины Васильевны Юрьевой. Теоретически Левкий Акишев мог быть родичем Юрьевых, но это кажется маловероятным. Во-первых, фамилия Акишев не встречается среди боярства и столичного дворянства XVI в.¹⁶, а во-вторых, в этом случае другие Юрьевы тоже были бы записаны в помянник¹⁷.

Представляется, что этот факт можно объяснить тем, что Левкий Акишев являлся зависимым человеком князя М.Т. Черкасского. Учитывая высокую образованность и положение игумена, вряд ли Левкий Акишев был простым или боевым холопом; скорее можно полагать, что он занимал должность в управлении хозяйством князя М.Т. Черкасского¹⁸. Известно, что у сановников XVI–XVII вв. были казначеи (напри-

¹³ ГИМ. Епарх. 412. Л. 208 об.; *Бащинин Н.В., Корзинин А.Л.* Новые данные к биографии опричника Малюты Скуратова // *Российская история*. 2017. № 2. С. 175.

¹⁴ *Бащинин Н.В., Корзинин А.Л.* Указ. соч. С. 175; Разрядная книга 1475–1598 гг... С. 261.

¹⁵ Сочетание имен Иван и Леонтий с фамилией Бельский наводит на мысль о князе Иване-Леонтии Дмитриевиче Бельском, родном дяде княгини Устины Васильевны Черкасской. Было бы заманчиво предположить, что он тоже записан в помянник Левкия Акишева как человек близкий к семье князя М.Т. Черкасского. Однако в этом случае мы вынуждены считать фамилию Татищев, написанную над строкой, какой-то ошибкой. А самое главное – отсутствует княжеский титул Бельского. Благодаря Ф.Б. Успенского, предложившего обсудить эту возможность открытия новой грани в синодичных ребусах.

¹⁶ С.Б. Веселовский в «Ономастиконе» отмечает дьяка Грязного Акишева (1637 г.) (*Веселовский С.Б.* Ономастикон: древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974. С. 11). В XVII–XVIII вв. известны вологодские торговые люди Акишевы и казначей Спасо-Прилуцкого монастыря Тихон Акишев (*Черкасова М.С.* Архивы вологодских монастырей и церквей XV–XVII вв.: исследование и опыт реконструкции. Вологда, 2012. С. 26, 102, 178, 185, 186, 434; *Гуслистова А.Н.* Купечество Вологды по таможенным книгам Сухоно-Двинского речного пути 1630-х гг. // *Русь, Россия. Средневековье и Новое время*. Вып. 4. М., 2015. С. 440–444).

¹⁷ В.М. Юрьев был женат на княжне Анастасии Дмитриевне Бельской, дочери боярина и князя Д.Ф. Бельского (*Селифонтов Н.Н.* Сборник материалов по истории предков царя Михаила Феодоровича Романова: Генеалогический и исторический материал по печатным источникам. СПб., 1901. Т. 2. С. 56).

¹⁸ О том, что в составе монастырской братии было немало холопов, свидетельствуют послание Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь («Ино ли то путь спасения, что в черньцех боярин боярства не състрижет, а холоп холопства не избудет?») – Послания Ивана Грозного / Подготовка текста Д.С. Лихачева и Я.С. Лурье. М.-Л., 1951. С. 179; Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря 1673 г. (Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Изд. подгот. Е.Н. Клитина, Т.Н. Манушина, Т.В. Николаева, отв. ред. Б.А. Рыбаков. М., 1987. С. 221–222), синодик Троице-Сергиева монастыря 1575 г. (ОР РГБ. Ф. 304. III. 25) и другие источники. Согласно житию, холопом князя Пенкова был архиепископ Казанский Гурий (Руготин) (ок. 1495–1563), причисленный к лику святых. Он являлся постриженником Иосифа Волоцкого, а в 1542/1543–1555 гг. был игуменом Иосифо-Волоколамского монастыря (*Липаков Е.В.* Гурий (Руготин), свт., архиеп. Казанский и Связянский // *Православная энциклопедия* [эл. ресурс] URL: <https://www.pravenc.ru/text/168357.html> (дата обращения: 20.10.2022). Благодарю Н.В. Белова, указавшего мне на этот интересный сюжет.

мер, Второй Бартенев у Романовых, который донес на господ)¹⁹, подьячие. Возможно, их отношения были сложнее, нежели холопская зависимость. Князь Михаил Темрюкович владел Гороховцем, что приравнивало его в какой-то степени к служилым князьям, обладавшим своими дворами²⁰. Данная гипотеза объясняет, почему Левкий принял постриг в 1570-е гг. – это произошло после опалы на его господина²¹.

В подтверждение данной гипотезы можно привести следующую запись из синодика Соловецкого монастыря:

Род Тугарина князя Ивана Шюнского чѣлка

Князя Дементяна, Андрея, Феодота, Тихона, Евдокен, Лукку, Василия.

В данной записи четко обозначен статус самого Тугарина, а имя господина – князя Дементяна-Ивана – открывает список. Такое лицо действительно было в роду Шуйских, о нем есть упоминания в других помянниках, но, к сожалению, отождествить его с кем-то из известных представителей пока не получается²².

Аналогичный случай прослежен в публикации Л.А. Беляева и А.Л. Корзинина: помянник «послужилицы» князей Куракиных К.И. Муромцевой открывается списком княжеских имен Куракиных²³.

В соловецком синодике присутствуют записи, свидетельствующие об отражении зависимых связей в поминальной практике. На л. 85 об.–86 подряд записаны Род князя Ивана Борисовича Черкасского и Род Стефана Инфимова сына Лутовникова, князя Ивана Борисовича Черкасского человека²⁴. Порядок записи в эту часть синодика был следующим: богомольцы подавали записки с именами во время посещения монастыря, либо записки присылались. Вероятно С.А. Лутовинов во время богомолья подал две записки, первую с именами родственников своего господина, вторую – с именами своих родственников.

Примечательно, что в Москве в 1999 г. во время раскопок на месте церкви Святой Троицы в Полях было обнаружено надгробие Стефана Лутовинова (на плите фамилия дана в форме «Лутовинин»), умершего 6 марта 1625 г., с обозначением его статуса: «боярина князя Ивана Борисовича Черкасского чѣлѣкъ»²⁵.

Известны и другие аналогичные случаи: с некрополя той же Троицкой церкви происходят надгробия семерых боярских людей князей Воротынских (на пли-

¹⁹ ПСРЛ. Т. 14. М., 1965. С. 53.

²⁰ Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506–1608 гг. / Сост. С.Н. Кистерев, Л.А. Тимошина. М., 1998. № 151. С. 307, 308.

²¹ После сдачи этой статьи на редактирование мною было обнаружено указание на вклады черного дьякона Левкия Акишева в Иосифо-Волоколамский монастырь в 1574/1575 г., 1575/1576 г. и 1580/1581 г. (Титов А.А. Рукописи славянские и русские, принадлежащие действительному члену Русского археологического общества И.А. Вахрамееву. Вып. 5. М., 1906. Прил. С. 102, 106). Полагаю, эти сведения не противоречат гипотезе о службе Левкия у князя М.Т. Черкасского до принятия пострига, поскольку дьяконом он являлся в монастыре, а не в миру, иначе было бы употреблено другое имя. Напомню, что Григорий Отрепьев, также бывший боярский слуга, был поставлен в дьяконы в Чудовом монастыре.

²² ГИМ. Епарх. 944. Л. 57 об. Благодарю за консультацию Федора Борисовича Успенского, любезно поделившегося со мной сведениями из своей базы данных по многоименным персонам Средневековой России.

²³ Беляев Л.А., Корзинин А.Л. Некрополь XVI–XVII вв. к югу от Смоленского собора Новодевичьего монастыря: идентификация и генеалогия // Древняя Русь: вопросы медиевистики. № 3 (89). 2022. С. 133.

²⁴ ГИМ. Епарх. 944. Л. 85 об.–86.

²⁵ Беркович В.А., Егоров К.А. Московское белокаменное надгробие: Каталог. М., 2017. С. 67–69.

тах употреблен термин «человек»): Константина А...²⁶ сына Ратманова (1634 г.), Ивана Андреева Гречина (1641 г.) и Романа Иванова (1647 г.), Ивана Остафьева сына (1651 г.), Петра Семенова Зу...²⁷ (1671 г.) и два фрагмента плит без имени. Эти плиты связаны с местонахождением двора Воротынских в приходе церкви Троицы в Полях. Характеризуя такие находки, А.В. Арциховский с иронией пояснял: «половина найденных на Метрострое плит носит на себе формулу “раб божий князя такого-то человек” (получается как бы раб вдвойне)»²⁸.

Остроумное замечание А.В. Арциховского, как можно видеть далее, не лишено оснований – оба термина вполне легитимно употреблялись в источниках, как параллельно, так и вместе (но редко).

Можно привести примеры и других эпитафий зависимых людей: Евфимия, «человека» Анны, жены И.Ю. Шигоны Поджогины, из села Юрьевское Старицкого уезда (1542 г.), Севрюка, служившего князю Василию Шемячичу, из Троице-Сергиева монастыря (1561 г.), Григория Сеитова, слуги князя П.Т. Шейдякова, из Псково-Печерского монастыря (1580 г.), Агапия Ивановича, слуги князя И.М. Глинского, из Троице-Сергиева монастыря (1586 г.), «благородивого» Федора Куликова, «человека» князя И.М. Глинского, из Серпуховского Высоцкого монастыря (1587 г.), Тараса, «человека» И. Чамаданова, из Москвы (конец XVI в.), Никиты Семенова Ширяева, «человека» князя В.Я. Сулешова, из Зарядья (1632 г.), Исаии Никитина, «человека» Н.К. Наумова, из Москвы (1634 г.), Константина Григорьева Баскакова, «дому боярина князя Михаила Яковлевича Черкасского человека», из Москвы (1697 г.) и др.²⁹ В.А. Беркович и К.А. Егоров отмечают, что в XVIII в. на смену термину «человек» приходит словосочетание «служитель дома» (переходный вариант – см. выше, эпитафия 1697 г.)³⁰.

В поминальной практике известны примеры заботы феодалов о душах своих слуг.

Во вкладной книге Троице-Сергиева монастыря зафиксированы вклады господ по своим слугам: Анастасии Пильмовой по «человеке своем» Стефане 20 руб. (1547 г.), князя М.В. Глинского по «слуге своем» Мурзе 50 руб. (1551 г.), князя И.Д. Бельского по слуге Мотяке 50 руб. (1563 г.), князя И.М. Глинского по слуге Ф. Черемисине 50 руб. (1574 г.) и др. Всего, согласно вкладной книге, феодалы пожертвовали в Троицу с 1547 г. по 1648 г. по своим слугам шесть раз, от 20 до 50 рублей³¹. Имена этих и других слуг были внесены в синодик 1575 г. Так, на л. 97 об.

²⁶ Не прочитано или утрачено.

²⁷ Утрачено.

²⁸ Арциховский А.В. Надписи, найденные на Метрострое // По трассе первой очереди Московского метрополитена им. Л.М. Кагановича. Л., 1936. С. 160–165; Беркович В.А., Егоров К.А. Указ. соч. С. 15, 21–26.

²⁹ Арциховский А.В. Указ. соч.; Дубынин А.Ф., Соболева Д.А. Надгробие Никиты Ширяева из Зарядья (XVII в.) // Советская археология. 1960. № 4. С. 196–199; Гириберг В.Б. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья. XIV–XVII вв. Ч. 1. Надписи XIV–XVI вв. // НЭ. Вып. 1. М., 1960. С. 11, 114; Ч. 2 // НЭ. Вып. 3. М., 1962. С. 248, 249; Плешанова И.И. Керамические надгробные плиты Псково-Печерского монастыря // НЭ. Вып. 6. М., 1966. С. 179; Николаева Т.В. Новые надписи на каменных плитах XV–XVII вв. из Троице-Сергиевой лавры // НЭ. Вып. 6. М., 1966. С. 228, 229, 241; Шилов В.В. Надгробные плиты с надписями из Серпухова // Советская археология. 1970. № 3. С. 220, 221.

³⁰ Беркович В.А., Егоров К.А. Указ. соч. С. 209, 210.

³¹ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря 1673 г... С. 220–222.

находится запись: Феодора, над строкой: Черемисинов, на л. 208; Ивана, над строкой: Мурза Глинского; на л. 240: Инок Филимона, над строкой: Глинского Басерган и др.³² Боярские слуги довольно часто встречаются в синодике 1575 г., а во Вкладной книге 1674 г. перечислению их вкладов отведен целый раздел «боярские люди» (листы с 946 по 952).

Известен случай установления особого поминовения слуг. Около 1555 г. боярин А.Д. Басманов дал в церковь великомученика Никиты в селе Елизаровском Переславского уезда пустошь Вишки «по своих родителей, и по себе, и по своих детех, и потех людцех, которых на государских службах на Поле и в две Казани при мне, при Алексее, побили. А имена их написаны в большей церкви над жертвенником». В.Д. Назаров, посвятивший исследование этому событию, отмечает, что действия А.Д. Басманова можно сравнить с деятельностью царя по организации поминовения воинов, павших под Казанью: «Одновременно было установлено официальное поминание погибших за счет казны. Их имена были вписаны в соборные синодики (в том числе кремлевских Успенского и Архангельского соборов), и поминались они по всей стране как погибшие “за истинную христианскую веру” в неделю Православия. То же, по сути, сделал и Басманов, но в рамках своего маленького мира. Наверняка он как-то вознаграждал оставшихся в живых воинских слуг. Но, пожалуй, важнее, что он счел необходимым озаботиться посмертными судьбами душ “побитых”». И далее: «Вообще в отношениях Алексея Даниловича с его “людцами” чувствуется что-то схожее с дружинным бытом, не совсем обычное для середины XVI века. Если верна наша дата вкладной, то вызывает уважение оперативность Басманова. Он не просто оформил земельный поминальный вклад и определил регулярность поминальных молитвословий (“по вся дни поминати”!), он специально подготовил особенное, с дополнительной святостью место в храме, где находился перечень погибших “воинских” слуг»³³. В 1566 г. А.Д. Басманов выстроил каменный храм во имя Никиты Чудотворца, где в храмосздательной надписи над иконостасом было повторено посвящение храма «по своих родителей и по себе и по своих детех и по тех людцех которых при мне побили на государских службах». Надпись с именами погибших послуживцев Басманова находилась над жертвенником; к концу XIX в. «имена так потемнели, что разобрать трудно»³⁴.

В.Д. Назаров справедливо отмечает, что коммеморативная деятельность А.Д. Басманова уникальна. Вместе с тем, она вписывается в традицию поминовения не только родственников, но и слуг, фиксируемую по синодикам. Так, лицевой синодик Н.И. Беклемишева (1633 г.) в предисловии содержит три статьи, расположенные непосредственно одна за другой:

Помяни Гди дѣла упокоивших раб своих родителей моих по плоти нѣмрѣх и родники моя и вся ближняя рода моего

Помяни Гди братию нѣшѣ простити их и упокоити их со стѣми иде же приспещаетъ свѣтъ лица твоего

³² ОР РГБ. Ф. 304. III. 25. Л. 97 об., 208, 240.

³³ Назаров В.Д. Басманов и его «людцы» // Родина. 2004. № 12. С. 94, 95.

³⁴ Добронравов В.Г. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Вып. 2. Переславский и Александровские уезды. Владимир, 1895. С. 150.

Помяни Гѣи дѣла убоиших раб своих послуживших нам и вся яже от жития
сего скончавшихся от меча и отъ всяког оружия и в водах и всякими нуждами
умерша х же мена ты сам бжеи Гѣи...

Далее, в поминальной части, непосредственно за записью о роде Беклемишевых
следует запись «Помяни Гѣи дѣла оубоиших раб своих и рабын послуживших намъ».
Запись из 43 мужских и женских имен киноварью и черной краской основным почер-
ком дополнена еще 8 именами, вписанными позднее чернилами. Таким образом, в
процессе использования синодика Беклемишевы не забывали дополнять помянник
слуг так же, как пополнялся и их собственный родовой помянник³⁵.

Слуги также включались в помянники господ, под особой рубрикой «людей»,
«рабов» и «рабынь» (наряду с рубриками «иереов» и «младенцев», к которым в по-
мянниках духовных лиц также прибавлялись «дети духовные»)³⁶.

Таким образом, в отношениях между господами и слугами забота о душев-
ном спасении была обоюдной, хотя такие случаи нельзя назвать частыми. Эта бы-
ла отнюдь не повсеместная практика, но обычай, о котором вспоминали либо в свя-
зи с особыми отношениями, либо при индивидуальном отношении к поминовению.
В свете средневековой русской традиции взаимное поминовение господ и слуг впол-
не ожидаемо. Вопросы о притеснении зависимых людей (вплоть до доведения до
самоубийства), их насильственном порабощении, вмешательстве в личную жизнь
«рабов», «блудной жизни» с «рабою» (как и с «госпожою») содержали исповедни-
ки XIV–XVI вв. В духовническом поучении первой трети XVI в. говорится об ответ-
ственности господина за нравственное состояние его слуг³⁷. Более подробно эти обя-
занности описывает 22 статья «Домостроя» «Каковы люди держать и как о них про-
мышлять во всякомъ учении, и в божественныхъ заповедеи, и в домовномъ строении».
В результате этих наставлений хороший слуга «государскимъ наказомъ и добрымъ
наукомъ век живет, и душу спасетъ и государю служит и Богу угодить»³⁸.

Представляется, что выявленные примеры взаимодействия в коммеморативной
сфере между феодалами и зависимыми людьми вполне отвечает характеристике,
предложенной А.И. Яковлевым в книге «Холопство и холопы в Московском государ-
стве XVII в.» (1943 г.). Историк писал: «Мирозозерцание того времени предполагало
в отношениях между господами и холопами наличие глубокой, органической, даже
нравственной связи, весьма похожей на связь между единокровными родственника-
ми, детьми и родителями, братьями и сестрами и т.д. В основе понимания холопских
отношений лежала идея внутренней солидарности между обоими участниками этой
дуалистической системы»³⁹.

Возвращаясь к помяннику Левкия Акишева, отметим еще следующее. Помянник
включает в себя не только князей Черкасских и род самого Левкия, но также име-
на И. Бельского и Л. Татищева. Каковы были отношения Левкия с этими людьми?

³⁵ ОР РГБ. Ф. 209. Д. 694. Л. 22, 29.

³⁶ См., например: ГИМ. Епарх. 412 (670). Л. 73 об.–74; ОР РГБ. Ф. 218. Д. 465. Л. 6, 8, 14 об., 15.

³⁷ Корогодина М.В. Исповедь в России в XIV–XIX веках: исследование и тексты. СПб., 2006. С. 133, 134, 306, 307.

³⁸ Домострой / Изд. подготовили В.В. Колесов и Т.В. Рождественская. 3-е издание. СПб., 2007. С. 100.

³⁹ Яковлев А.И. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в. М.-Л., 1943. С. 28.

Возможно ли прояснить их присутствие в помяннике, исходя из вышеуказанной гипотезы о зависимом положении Левкия у князя М.Т. Черкасского? Обращает на себя внимание, что оба сторонних имени помещены в конце помянника. Напрашивается вывод: Левкий открывает помянник именами семьи своего господина, продолжает родственниками и завершает «доброхотами», друзьями или покровителями. Примеры такой пестроты в родовых синодиках известны. Например, в помяннике думного дворянина Андрея Петровича Клешина в синодике Иосифо-Волоколамского монастыря присутствуют Истома Безобразов, Иван Котельник (котельник?) и дяк Иван Максимов⁴⁰. Запись рода князя Василия Андреевича Звенигородского (жил на рубеже XVI–XVII вв.) в синодике Соловецкого монастыря, согласно киноварным пояснениям над строкой, в большинстве состоит из людей, родство которых с князем Василием и между собой не удастся установить. Скорее всего, его и не было. В записи перечислены: князь И.А. Хованский, князь И.Ф. Хованский, И. Бегичев, князь А.В. Сицкий, И.В. Годунов, Ф. Оплечев, И. Репьев и Г. Голубовская⁴¹.

Такие случаи свидетельствуют о сложном составе помянников, которые далеко не ограничивались родственным кругом.

Список литературы

- Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506–1608 гг. / Сост. С.Н. Кистерев, Л.А. Тимошина. М.: Памятники исторической мысли, 1998. 638 с.
- Алексеев А.И. Левкий (Аишев или Акишев) // Православная энциклопедия [эл. ресурс] URL: <https://www.pravenc.ru/text/2463339.html> (дата обращения: 01.10.2022).
- Арциховский А.В. Надписи, найденные на Метрострое // По трассе первой очереди Московского метрополитена им. Л.М. Кагановича. Л.: Соцэкгиз, 1936. С. 160–165.
- Башнин Н.В., Корзинин А.Л. Новые данные к биографии опричника Малюты Скуратова // Российская история. 2017. № 2. С. 172–188.
- Беляев Л.А., Корзинин А.Л. Некрополь XVI–XVII вв. к югу от Смоленского собора Новодевичьего монастыря: идентификация и генеалогия // Древняя Русь: вопросы медиевистики. Вып. 3 (89). 2022. С. 124–152.
- Беркович В.А., Егоров К.А. Московское белокаменное надгробие: Каталог. М.: ТМ Продакшн, 2017. 768 с.
- Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 539 с.
- Веселовский С.Б. Ономастикон: древнерусские имена, прозвища и фамилии. М.: Наука, 1974. 382 с.
- Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Изд. подгот. Е.Н. Клитина, Т.Н. Манушина, Т.В. Николаева, отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1987. 439 с.
- Гиришберг В.Б. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья. XIV–XVII вв. Ч. 1. Надписи XIV–XVI вв. // НЭ. Вып. 1. М.: Изд-во Академии наук, 1960. С. 3–77; Ч. 2 // НЭ. Вып. 3. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. С. 212–287.
- Гуслистова А.Н. Купечество Вологды по таможенным книгам Сухоно-Двинского речного пути 1630-х гг. // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. Вып. 4. М.: Оргкомитет Чтений памяти акад. РАН Л.В. Милова, 2015. С. 440–444.

⁴⁰ ГИМ Епарх. 414 (473). Л. 63 об.–64.

⁴¹ ГИМ Епарх. 944. Л. 95 об.

- Добронравов В.Г.* Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Вып. 2. Переславский и Александровские уезды. Владимир: Типо-Литография В. Паркова, 1895. 520, VI с.
- Домострой / Изд. подготовили В.В. Колесов и Т.В. Рождественская. 3-е издание. СПб.: Наука, 2007. 400 с.
- Дубынин А.Ф., Соболева Д.А.* Надгробие Никиты Ширяева из Зарядья (XVII в.) // Советская археология. 1960. № 4. С. 196–199.
- Кобрин В.Б.* Опричнина. Генеалогия. Антропонимика: избранные труды. М.: РГГУ, 2008. 370 с.
- Кологривов С.Н.* Синодик дворцовой церкви св. великомученицы Евдокии в 7141 (1633) г. // Древности. Труды Имп. Московского археологического общества. Т. 22. Вып. 2. М.: Типография общества распространения полезных книг, 1909. С. 310–314.
- Кормовая книга московского ставропигиального Новоспасского монастыря. М.: Изд. монастыря, 1903. [2], VIII, 28 с., 3 л.
- Корогодина М.В.* Исповедь в России в XIV–XIX веках: исследование и тексты. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 579, [5] с., [4] л.
- Литачев Е.В.* Гурий (Руготин), свт., архиеп. Казанский и Свияжский // Православная энциклопедия [эл. ресурс] URL: <https://www.pravenc.ru/text/168357.html> (дата обращения: 20.10.2022).
- Назаров В.Д.* Басманов и его «людцы» // Родина. 2004. № 12. С. 94–96.
- Николаева Т.В.* Новые надписи на каменных плитах XV–XVII вв. из Троице-Сергиевой лавры // НЭ. Вып. 6. М.: Наука, 1966. С. 207–255.
- Плешанова И.И.* Керамические плиты Псково-Печерского монастыря // НЭ. Вып. 6. М.: Наука, 1966. С. 146–206.
- Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе (перевод М.Г. Рогинского) // Русский исторический журнал. Кн. 8. Пг.: Российская академия наук, 1922. С. 9–60.
- Послания Ивана Грозного / Подготовка текста Д.С. Лихачева и Я.С. Лурье. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1951. 716 с.
- ПСРЛ. Т. 14. М.: Наука, 1965. IV, 154, IV, 286 с.
- Разрядная книга 1475–1598 гг. / Под ред. В.И. Буганова. М.: Наука, 1966. 614 с.
- Скрынников Р.Г.* Царство террора. СПб.: Наука, 1992. 571 с.
- Селифонтов Н.Н.* Сборник материалов по истории предков царя Михаила Феодоровича Романова: Генеалогический и исторический материал по печатным источникам. Т. 2. СПб.: Типография А. Бенке, 1901. XVI, 109 с., 1 л. табл.
- Титов А.А.* Рукописи славянские и русские, принадлежащие действительному члену Русского археологического общества И.А. Вахрамееву. Вып. 5. М., 1906. – X, 418, 240 с.
- Черкасова М.С.* Архивы вологодских монастырей и церквей XV–XVII вв.: исследование и опыт реконструкции. Вологда: Древности Севера, 2012. 575 с.
- Шилов В.В.* Надгробные плиты с надписями из Серпухова // Советская археология. 1970. № 3. С. 214–226.
- Штаден Г.* Записки о Московии / Пер. С.Н. Фердинанд, публ. нем. текста Е.Е. Рычаловского, вступ. ст. А.Л. Хорошкевич. Т. 1. М.: Древлехранилище, 2008. 584 с.
- Яковлев А.И.* Холопство и холопы в Московском государстве XVII в. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1943. 564 с.

**“THE SERVANT OF GOD AND HIS EXCELLENCIES”:
ON THE REFLECTION OF A DEPENDENT POSITION
IN RUSSIAN MEDIEVAL RELIGIOUS PRACTICES**

Abstract: Serfdom (holopstvo) was one of the most important social phenomena in Muscovite Rus'. The study of some aspects of the funeral rite and commemorative traditions shows that the ties between masters and serfs were not limited to the economic and household sphere, but included personal relationships and unity in religious practices. The conclusion of historian A.I. Yakovlev about a deep internal and even moral connection, similar to kinship relations, between masters and serfs is confirmed by studying the practice of burial and commemoration in the 16th–17th centuries.

Keywords: commemoration, memorial, synodics, synodicology, Trinity-Sergius Monastery, Joseph-Volokolamsk Monastery, igumen Levky Akishev, Prince Mikhail Temryukovich Cherkassky, serfdom (holopstvo).

СОБОР ПЕРЕМЫШЛЬСКОГО ТРОИЦКОГО ЛЮТИКОВА МОНАСТЫРЯ: КОММЕНТАРИЙ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ЕГО ВОЗМОЖНОГО КТИТОРА

Аннотация: Статья посвящена изучению ктитинства князей Воротынских в Троицком Лютиковом монастыре. Немногие данные о поименовании в обители князя Владимира Ивановича Воротынского сравниваются с известными примерами почитания памяти других князей этого рода в их ктиторских обителях. В статье делается предположение о строительстве Троицкого собора на вклады князя Владимира Ивановича, что делает возможным датировать собор в границах 1540-х – начала 1550-х годов.

Ключевые слова: Троицкий Лютиков монастырь, князья Воротынские, зодчество XVI века, вклады на поименование, удельное строительство.

Определенный этап в научной деятельности Л.А. Беляева связан с археологическим и историко-архитектурным изучением вотчинного монастыря князей Воротынских – Спасо-Преображенского «что на Усть Угры»¹. Изучение его шатрового храма было связано с исследованием ктиторской деятельности Воротынских – темы, к которой историки архитектуры обращались до него только спорадически. Л.А. Беляев впервые выявил распределение вотчинных монастырей этого княжеского рода по семейным линиям, раскрыл закономерности в формировании их семейных некрополей в Троице-Сергиевом и Кирилло-Белозерском монастырях.

Особенности изучения строительства князей Воротынских связано с отсутствием документальных свидетельств о закладке и освящении созданных ими храмов. Один из возможных подходов к выяснению времени строительства – это определение возможных ктиторов, покровительствовавших той или иной обители. Данная статья представляет попытку его применения для конкретизации представлений об участии князей Воротынских в создании ныне уничтоженного собора Троицкого Лютикова монастыря.

Сведения о монастыре как вотчинной обители этих удельных князей и о связи наименования монастыря с его строителем Лютиком впервые были опубликованы архимандритом Амвросием Орнатским². Эти данные о начальной истории монасты-

---

¹ Беляев Л.А. Спасский «на Усть-Угры» монастырь в XVI веке (археология, история, архитектура) // Реставрация и архитектурная археология. Новые материалы и исследования. Вып. 2. М., 1995. С. 55–72.

² Амвросий (Орнатский), архим. История Российской иерархии. Т. 5. М., 1813. С. 33. Архимандрит Леонид (Кавелин), тогда иеромонах, выявил источник сведений архимандрита Амвросия Орнатского. Им послужило донесение вкладчика монастыря Я.Л. Хитрово в Крутицкую консисторию в 1767 году. См.:

ря впоследствии повторялись, подтверждались и корректировались всеми авторами, писавшими о нем. В первой четверти XIX века была сформировано суждение об основных этапах в его истории. Согласно версии, изложенной представителями рода Хитрово, обитель была основана князьями Воротынскими, а затем, после разорения литовцами в 1611 году, возобновлена в середине XVII столетия боярами Хитрово, которые построили каменные здания обители, в том числе собор с приделами и церковь Благовещения³.

Краткие сведения об основании монастыря князьями Воротынскими и о его храмах, относящихся ко времени ктиторства бояр Хитрово, были конкретизированы в церковно-археологическом исследовании архимандрита (тогда иеромонаха) Леонида (Кавелина). Он привлек ряд рукописей из собрания Троицкого Лютикова монастыря, содержащих данные о ктиторстве князей Воротынских. Подтверждением стали записи на страницах Устава церковного о поминовении князей Воротынских ежегодно 17 октября «которые давали по своим душам села и деревни к Живоначальной Троицы в дом»⁴. Для определения времени основания обители архимандрит Леонид счел существенной вкладную запись 1559 года на полях того уже Устава: «дал сию книгу в дом Живоначалныя Троицы Лютикова монастыре на новое (выделено нами – А.Б.), Ногай Иоаннов сын Медведев при игумене Венедикте». Выражение «на новое» стало указанием на недавнее устройство монастыря «не ранее половины столетия», что подтверждалось, на его взгляд, тем, что на полях рукописи упоминались три игумена, и до игумена Венедикта был указан лишь один, игумен Пафнутий⁵. Основателем же монастыря мог быть, по мнению архимандрита Леонида, князь Владимир Иванович Воротынский, по которому, судя по записи на полях того же Устава, 27 сентября выдавался большой корм как по вкладчику, давшему монастырю село с деревней⁶. По мнению архимандрита Леонида, если князь Александр Иванович был вкладчиком Шаровкина монастыря⁷, то эта обитель была ктиторской и для князя Владимира. Создателем же монастырских храмов, собора Святой Троицы и Благовещения Пресвятой Богородицы Троицкого Лютикова монастыря архимандрит Леонид уже традиционно считал Богдана Хитрово, основываясь на сведениях о том, что 9 ноября 7163 (1654) года он был отпущен царем в Лютиков монастырь помолиться. Здесь Б. Хитрово

Леонид (Кавелин), иером. Историческое описание Перемышльского Троицкого Лютикова монастыря. Калуга, 1862. С. 4.

³ Хитрово Н.З. Описание Лютиковского Троицкого Перемышльского монастыря: с присовокуплением генеалогических известий о происхождении бояр Хитровых, возобновивших и устроивших сию обитель по разорении, претерпенном ею от Литвы. М., 1826. С. 5. Изложенная здесь версия истории монастыря была повторена А. Ратшиным в его известном справочнике 1852 года: *Ратшин А.* Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквах в России. М., 1852. С. 111.

⁴ Леонид (Кавелин), иером. Историческое описание... С. 4.

⁵ Там же. С. 4–5. П.М. Строев в качестве первого игумена называет игумена Геннадия, упомянутого 21 января 1556 года (Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви / Сост. П.М. Строев. СПб., 1877. Стб. 575).

⁶ Леонид (Кавелин), иером. Историческое описание... С. 5. Большой корм выдавался братии монастыря по князе Владимире Ивановиче Воротынском и 15 августа (Там же. С. 16).

⁷ Там же. С. 11.

дал по своим родителям 1000 рублей и построил на них указанные выше церкви⁸. В 1659 году он пожертвовал резные Царские врата в иконостас Троицкого собора, а в 1663 году – утварь в ризницу, богослужебные книги и колокола. Поэтому автор считал, что собор был полностью построен и приготовлен к освящению в 1663 году. Подобная датировка собора (1654–1663) сохранялась и в работах других авторов описаний обители⁹.

Впервые сомнения в общепринятой датировке Троицкого собора были высказаны М.Т. Преображенским, автором первого историко-архитектурного труда, посвященного памятникам древнерусского зодчества, находящимся в Калужской губернии. Он предположил, что собор Святой Троицы был лишь возобновлен Б.М. Хитрово¹⁰ и имеет «довольно существенные признаки более древней архитектуры»¹¹.

Предположения М.Т. Преображенского были подтверждены при первом натурном исследовании собора, осуществленном в 1927 году П.Д. Барановском. В своем докладе о поездке в Троицкий Лютиков монастырь на архитектурно-реставрационном отделении Центральных государственных научно-реставрационных мастерских он указал, что архитектурные формы собора «приближаются к середине XVI в., времени построения Воротынскими»¹². Таким образом, архитектурные формы собора оказались более важным аргументом, чем письменные сведения середины XVII столетия о вкладе Б.М. Хитрово.

После сноса собора и трапезного комплекса единственным доступным источником на долгие годы стали чертежи М.Т. Преображенского. Впервые в современной историографии к их интерпретации обратился Вл.В. Седов. Увидев общие черты с Архангельским собором в Рязани и Никольским собором Николо-Угрешского монастыря, исследователь датировал собор Лютикова монастыря 1520-ми – 1530-ми годами. В соответствии с предложенной датировкой автор определил Ивана Михайловича Воротынского как вероятного ктитора храма¹³.

Нас в настоящей статье в большей степени будет интересовать вопрос о возможном ктиорстве, исходя не из интерпретации архитектурных форм не дошедшего до нас сооружения, а из существующих сведений о поименовании вкладчиков.

Возвратимся к данным об особом характере поименования князя Владимира Ивановича в Троицком Лютиковом монастыре. Он действительно, в отличие от своих сродников, поминался отдельно – в день своей кончины, 27 сентября, и в день своего ангела, 15 июля. При этом 27 сентября кроме большого корма и питания с выносом из трапезы давался еще рубль на братию¹⁴. Третий раз князь Владимир Иванович, веро-

---

⁸ Там же. С. 44, 57.

⁹ *Извеков М.С.* Перемышльский Троицкий Лютиков монастырь, его святыни и древности // Калужская старина. Год второй. Т. 2. Кн. 1. Калуга, 1902. С. 17.

¹⁰ *Преображенский М.Т.* Памятники древнерусского зодчества в пределах Калужской губернии. СПб., 1891. С. 57.

¹¹ Там же. С. 5.

¹² ЦГА Москвы. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 10. Протокол № 15/407. Л. 38 об.

¹³ *Седов Вл.В.* Троицкий собор Лютикова монастыря // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Тезисы докладов. Калуга, 1987. С. 42–43.

¹⁴ *Леонид (Кавелин), иером.* Церковный устав XVI-го столетия // Известия Императорского археологического общества. Т. 5. Вып. 3. СПб., 1864. Стб. 140.

ятно, поминался вместе со всеми князьями Воротынскими 17 октября, когда кроме большого корма и питания с выносом из трапезы давалось архимандриту и священнику по две деньги, а каждому чернецу – по деньге. Запись говорит о земельных вкладах князей, но не называет ни имен вкладчиков, ни конкретные села и деревни: «...приговорил архимандрит Авраамий с братиею творити память по Воротынских князьях, которые давали по своих душах села и деревни...»¹⁵. Фрагменты Кормовой книги, отразившиеся в записях на Уставе, показывают самое главное – что особое, индивидуальное, а не в числе общего списка, поминовение творилось из всех Воротынских только в отношении князя Владимира Ивановича.

Можно ли, таким образом, согласиться с выводом архимандрита Леонида об особом ктиторстве князя В.И. Воротынского?

Попробуем обратиться к аналогичным сведениям о поминовении Воротынских в других монастырях, находящихся под их патронатом. На территории удела князей Воротынских помимо Лютикова монастыря находились и другие обители, с которыми были связаны князь Иван Михайлович и его сыновья Владимир, Александр и Михаил, например, Одоевский Анастасов Богородице-Рождественский, Перемышльский Успенский Шаровкин и Спасский «на Усть Угры» монастыри.

Вкладчиками земельных владений в Анастасов монастырь были князья Иван Михайлович¹⁶, Владимир Иванович¹⁷ и Михаил Иванович¹⁸. По князю Владимиру также корм следовал два раза – на тезоименитство и на день преставления, с выдачей по полтине нищим¹⁹. По князю Александру Ивановичу было указано два стола, но без выдачи нищим подаяния. Анастасов монастырь – единственный, где отдельно выделено поминовение князя Ивана Михайловича. В Кормовой книге монастыря 1558 года указано, что по князю Ивану Михайловичу корм на поминание выдавался два раза в год, на день ангела, Святого Иоанна Милостивого, и на день преставления, 21 июля²⁰, с выдачей каждый раз милостыни по полтине. Так же и по его жене княгине Анастасии два раза в год кормили убогих с выдачей по полуполтине подаяния²¹. На особую роль в истории Анастасова монастыря князя Ивана Михайловича косвенно указывает запись во вкладной книге 1 ноября 7066 (1557) года: «...приказали князь Михайло да Александр Иоанновичи в своей вотчине в Одоеве... в Анастасове монастыре игумену Герману... по родителям по своим кормите кормы, потому что они те

¹⁵ Там же.

¹⁶ Две деревни: Мертяновская и Ремишино (*Леонид (Кавелин), иером.* Церковно-историческое описание упраздненных монастырей, находящихся в пределах Калужской епархии. М., 1863. С. 168). В сотной 1565 года названа «селцо Мартиновская» (*Беликов В.Ю., Колычева Е.И.* Документы о землевладении князей Воротынских во второй половине XV – начале XVII в. // Архив русской истории. Вып. 2. М., 1992. С. 100).

¹⁷ Деревня Филимоново (*Леонид (Кавелин), иером.* Церковно-историческое описание... С. 168). Она же «Филимонова на реке на Упе усть речки Шибенки» (*Беликов В.Ю., Колычева Е.И.* Документы... С. 101).

¹⁸ «Деревня Красенки на реке на Упе по обе стороны оврага Крутова» (*Беликов В.Ю., Колычева Е.И.* Документы... С. 101), деревня «Рымшинская Купреяновская на Мололовском отвершку»; «на речки на Сижени меленка колотовка»; а также осадные места в городе (Там же. С. 103–104).

¹⁹ *Леонид (Кавелин), иером.* Церковно-историческое описание... С. 168. Преставление, в отличие от других источников, указано 6 сентября на память св. мученика Каллиста и дружины его.

²⁰ Е.И. Колычева полагала, что он умер не 21 июля, а 21 июня 1535 года (*Колычева Е.И.* Судьба княжеского рода Воротынских в XVI в. // Человек XVI столетия. М., 2000. С. 120).

²¹ *Леонид (Кавелин), иером.* Церковно-историческое описание... С. 168.

монастыри в своей вотчине ставили и строили их всяким строением, и земли к тому монастырю подавали»²².

Ктиторами Успенского Шаровкина монастыря были князья Александр и Михаил Ивановичи Воротынские. Особое внимание к монастырю проявлял князь Александр Иванович, о чем уже писал архимандрит Леонид и другие авторы²³. В 1547 году он выдал жалованную грамоту строителю Варламу Медведеву, включающую земельную дачу — деревню Башкатову с угодьями, пять слободок за рекой Жиздрой, — а также освобождение от повинностей и суда его наместников²⁴. В 1552 году А.И. Воротынский присылает утварь, образы, иконостас, облачения для одной из монастырских церквей, может быть, для соборного храма Успения. В 1552 году князь Александр Иванович делает в монастырь земельные вклады: села, деревни с пашнями, лугами и рыбными ловлями. Позже, в конце 1550-х годов, вклады в монастырь делает его брат Михаил Иванович. В 1558 году он присылает 50 рублей на сооружение теплой монастырской церкви (в монастыре возводят теплую, т.е. трапезную, церковь св. Сергия Радонежского) и 60 рублей на церковь Иоанна Богослова, участвуя вместе с братом Александром в ее строительстве²⁵. Также он дает две деревни, слободку и село²⁶. И все же именно для Александра Ивановича Шаровкин монастырь был «своим», как выразился Л.А. Беляев. Исследователь обратил внимание, на то, что этот князь был единственным, чья кончина была отмечена во Вкладной книге обители, а также на то обстоятельство, что после его смерти Иван IV именно в Шаровкин монастырь жертвует 200 рублей на поминование души князя Александра²⁷.

Шаровкин монастырь, благодаря сохранившимся документам, является в какой-то степени показательной моделью ктитинства князей Воротынских. В 1540-е — начале 1550-х годов его основным вкладчиком и удельным сюзереном был Александр Иванович, но с конца 1550-х годов вкладчиком одновременно с ним становится князь Михаил Иванович. Князь Владимир Иванович не замечен своими вкладами в Шаровкин монастырь ни в 1540-е годы, ни в самом начале 1550-х годов.

В отношениях князей Воротынских со «своими» монастырями можно увидеть некоторые особенности. Очевидно, что в Анастасовом и в Шаровкине монастырях явно прочитывается коллективное ктиторовство, но при этом заметно доминирование связей с конкретным представителем семьи. Напротив, в Лютиковом монастыре сведения есть только о князе Владимире. После снятия опалы каждый из сыновей умершего князя Ивана Михайловича получил треть отцовского удела: «А что была за нами государская же жалованья изначальная наша ж вотчина отца и деда нашего и наша за трема за нами город Перемышль с уездом да треть Воротынского уезду»²⁸.

---

²² Троицкий Н.И. Одоевский Анастасов Богородице-Рождественский монастырь: летописный очерк. Тула, 1910. С. 6–7.

²³ Леонид (Кавелин), иером. Историческое описание... С. 11.

²⁴ Веселовский С.Б. Последние уделы в северо-восточной Руси // Исторические записки. Т. 22. М., 1947. С. 127–128.

²⁵ Леонид (Кавелин), иером. Церковно-историческое описание... С. 3–4, 36–38.

²⁶ Там же. С. 23.

²⁷ Беляев Л.А. Спасский «на Усть-Угры» монастырь... С. 62.

²⁸ Духовная грамота князя Михаила Ивановича Воротынского, июнь 1566 года (Беликов В.Ю., Колычева Е.И. Документы... С. 111).

Возможно, это разделение повлияло на формирование более тесных связей братьев с определенными монастырями отцовского удела. Но для окончательного вывода нет достаточных данных.

Вернемся к Троицкому Лютикову монастырю. Несмотря на то, что фрагменты Кормовой книги монастыря (в записях на страницах Устава) сохранили память об индивидуальном поминовении только князя Владимира, можно предполагать, что и отец, и братья князя Владимира Ивановича могли быть вкладчиками обители, но второстепенными. Время вкладов князя В.И. Воротынского может определяться в самых широких границах по известным данным о его биографии. В 1534 году он был арестован вместе со своим отцом князем Иваном Михайловичем и братьями Михаилом и Александром²⁹. Был выпущен с восстановлением статуса удельного князя осенью 1539 или в феврале 1540 года³⁰. Умер Владимир Иванович 27 сентября 1553 года³¹. Соответственно, он мог выступать ктиторм монастыря после 1540 года, когда он вступил в управление трети возвращенного удела своего отца (умершего в 1535 году в ссылке), и до своей кончины в 1553 году.

Кроме Воротынских, фрагменты Кормовой книги отмечают и другого вкладчика с указанием на вид вклада. Под записью о праздновании памяти преподобного Феодосия следует приписка о поминовении Тимофея Булгакова на вклад 380 рублей, который дал его сын Сулемен (Сулмен). Речь идет о Сулемене Тимофееве сыне Булгакове, упомянутом в опричном списке 1573 года. По приписке в день преподобного Феодосия следовал корм и питье с выносом из трапезы и с выдачей по деньге на брата³². Несмотря на сумму вклада, корм выдавался один раз в год. Однако Сулемен Тимофеевич мог дать свой вклад уже во второй половине XVI столетия, т.е. после опалы князей Воротынских в 1562 году.

Итак, несомненна только связь князя Владимира Ивановича Воротынского с Лютиковым монастырем. Тем не менее, без расширения сведений о его вкладах устанавливать возможные хронологические границы возведения каменного храма невозможно. Несмотря на мнение архимандрита Леонида о значении указания «на новое» во вкладной записи на Уставе церковном 1559 года, для вывода о недавнем основании обители на этом месте, к сожалению, оно не может являться определяющим. Оно лишь свидетельствует о том, что подобное определение по отношению к Троицкому монастырю существовало в обиходе середины XVI века. Однако перенос или основание монастыря могли произойти когда угодно, так как традиция упорно сохраняет память об этом на протяжении долгого времени. Например, Новинский монастырь упоминается в духовной грамоте Андрея Ярлыка в 1460 году, когда он дает по своей душе два рубля «на Новое в митрополичь манастырь»³³. Митрополичий монастырь подобным же образом называется в летописи и через 87 лет, при описании пожара

²⁹ ПСРЛ. Т. 29. М., 1965. С. 13.

³⁰ Назаров В.Д. Воротынские // Большая российская энциклопедия. Т. 5. М., 2006. С. 728–729.

³¹ Мазалецкая В.А. Надгробные памятники Кирилло-Белозерского монастыря // Кириллов: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 1998. С. 58.

³² Леонид (Кавелин), иером., Церковный устав... Стб. 142.

³³ АСЭИ. Т. 2. М., 1958. С. 355. № 361.

1547 года: «и отвезоша его в его монастырь на Новое еле жива»³⁴. Поэтому существеннее то, что во вкладной записи перед игуменом Венедиктом, правившим обителью в 1559 году, указан только один игумен Пафнутий. Можно предполагать, что монастырь действительно был основан, или перенесен «на новое» в первой половине столетия. Если это так, то строительство каменного собора можно предполагать не ранее, чем после 1539/40 года, когда удел был возвращен сыновьям князя И.М. Воротынского. Верхнюю границу невозможно определить на основании имеющихся исторических сведений. Существует вероятность сооружения собора на вклады князя В.И. Воротынского не только в период его владения частью удела, с 1540 по 1553 год, но и после его смерти. Так как его доля в уделе была завещана в пожизненное владение его жене Марии, построившей в 1553/1554 году придельный храм над погребением супруга в Кирилло-Белозерском монастыре³⁵, то возможно и ее ктиторовство в Троицком Лютикове монастыре после 1553 года. По ее кончине владения князя Владимира Ивановича перешли братьям, Михаилу и Александру³⁶. Однако отсутствие свидетельств об их особом поминовении в обители не позволяет говорить об их патронате над ней после 1553 года. Видимо, верхнюю хронологическую границу времени возможного сооружения собора следует отнести к первой половине 1550-х годов.

Список литературы

- Амвросий (Орнатский), архимандрит.* История Российской иерархии. Ч. 5. М.: В Синодальной типографии, 1813. 737 с.
- АСЭИ. Т. 2 – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. 2. М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. 727 с.
- Беликов В.Ю., Колычева Е.И.* Документы о землевладении князей Воротынских во второй половине XV – начале XVII в. // Архив русской истории. Вып. 2. М.: В типографии п/о Роскомархива, 1992. С. 93–121.
- Беляев Л.А.* Спасский «на Усть-Угры» монастырь в XVI веке (археология, история, архитектура) // Реставрация и архитектурная археология. Новые материалы и исследования. Вып. 2. М.: Мейкер, 1995. С. 55–72.
- Веселовский С.Б.* Последние уделы в северо-восточной Руси // Исторические записки. Т. 22. М.: Издательство Академии наук, 1947. С. 101–131.
- Извеков М.С.* Перемышльский Троицкий Лютиков монастырь, его святыни и древности // Калужская старина. Издание Калужского церковного историко-археологического общества. Год второй. Т. 2. Кн. 1. Калуга: Типография Губернского правления, 1902. С. 1–32.
- Колычева Е.И.* Судьба княжеского рода Воротынских в XVI в. // Человек XVI столетия / Под ред. А.А. Сванидзе и В.А. Ведюшкина. М.: ИВИ РАН, 2000. С. 117–126.
- Леонид (Кавелин), иером.* Историческое описание Перемышльского Троицкого Лютикова монастыря. Калуга: Б/и, 1862. 146 с.
- Леонид (Кавелин), иером.* Церковно-историческое описание упраздненных монастырей, находящихся в пределах Калужской епархии. М.: Унив. тип., 1863. VII, 170 с.

---

³⁴ ПСРЛ. Т. 13. Половина 1-я. СПб., 1904. С. 153.

³⁵ *Никольский Н.К.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397–1625). Т. 1. Вып. 1. Об основании и строениях монастыря. СПб., 1897. С. 32.

³⁶ *Беликов В.Ю., Колычева Е.И.* Документы... С. 111.

- Леонид (Кавелин), иером. Церковный устав XVI-го столетия // Известия Императорского археологического общества. Т. 5. Вып. 3. СПб.: В тип. Имп. Академии наук, 1864. Стб. 137–144.
- Мазалецкая В.А. Надгробные памятники Кирилло-Белозерского монастыря // Кириллов: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда: Легия, 1998. С. 56–64.
- Назаров В.Д. Воротынские // Большая российская энциклопедия. Т. 5. М.: Большая российская энциклопедия, 2006. С. 728–729.
- Никольский Н.К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397–1625). Т. 1. Вып. 1. Об основании и строениях монастыря. СПб.: Синодальная типография, 1897. 423 с.
- Преображенский М.Т. Памятники древнерусского зодчества в пределах Калужской губернии. СПб.: Акад. художеств, 1891. 119 с.
- ПСРЛ. Т. 13. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. 1-я половина. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1904. 302 с.
- ПСРЛ. Т. 29. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. М.: Наука, 1965. 389 с.
- Ратишин А. Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквях в России. М.: В Университетской типографии, 1852. 566, 45 с.
- Седов Вл.В. Троицкий собор Лютикова монастыря // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Тезисы докладов. Калуга: Б/и, 1987. С. 42–43.
- Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви / Сост. П.М. Строев. СПб.: Типография В.С. Балашова, 1877 (Репринт – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2007). 1056, 68 стб.
- Троицкий Н.И. Одоевский Анастасов Богородице-Рождественский монастырь: летописный очерк. Тула: Тип. Е.И. Дружининой, 1910. 31 с.
- Хитрово Н.З. Описание Лютиковского Троицкого Перемышльского монастыря: с присовокуплением генеалогических известий о происхождении бояр Хитровых, возобновивших и устроивших сию обитель по разорении, претерпенном ею от Литвы. М.: В Университетской типографии, 1826. 21 с.

A.L. Batalov

CATHEDRAL OF THE PRZEMYSŁ TRINITY LUTIKOV MONASTERY: COMMENTARY ON THE DEFINITION OF ITS POSSIBLE KTITOR

Abstract: The article is devoted to the study of ktitorship of princes Vorotynsky in the Trinity-Lyutikov Monastery. Few data on the commemoration in the monastery of Prince Vladimir Ivanovich Vorotynsky are compared with the known examples of veneration of the memory of other princes of this kind in their ktitor cloisters. The article makes an assumption about the construction of the Trinity Cathedral on the contributions of Prince Vladimir Ivanovich, which makes it possible to date the cathedral within the boundaries of the 1540s and early 1550s.

Keywords: Trinity Lyutikov Monastery, princes Vorotynsky, architecture of the 16th century, commemorative contributions, appanage construction.

О БЕЛОМ КАМНЕ В АРХИТЕКТУРЕ ЯРОСЛАВСКОЙ ЦЕРКВИ НИКОЛЫ НАДЕИНА

Аннотация: В статье рассматриваются элементы здания церкви Николы Надеина (1620–1621), выполненные из белого камня: «усы» распалубок подклета, профилированные базы галереи и колокольни, бусины, капители и базы порталов, «шары» на фасаде колокольни, закладные доски и валиковые перила крыльца и колокольни. Сделано предположение о некотором различии мастеров первого и второго строительного сезона. Предложенный читателю взгляд «со стороны материала» позволил актуализировать и исследовать в контексте близких по времени построек архитектурные элементы и мотивы разного значения и функции, что позволяет несколько по-новому, более внимательно, взглянуть на этот сложный и ранний памятник XVII века.

Ключевые слова: церковь Николы Надеина, архитектурные детали из белого камня, XVII век.

Церковь Николы Надеина¹ справедливо считается одним из ключевых памятников русской архитектуры начала XVII века. Она известна как первый каменный приходской храм Ярославля. С него отсчитывают историю «ярославской школы»; можно принимать или не принимать это определение, считать ярославскую архитектуру самостоятельным явлением или ответвлением столичного зодчества Московского государства², – однако наличие специфики ярославской архитектуры XVII века очевидно, так же как и не вызывает сомнения тот факт, что церковь Николы Надеина стоит у истоков ее формирования. Она обладает многими признаками, впоследствии многократно растиражированными и творчески развитыми в архитектуре поволжского города. Между тем, памятник по-прежнему остается недостаточно изученным. Реставрационные исследования, проведенные в 1959–1961 годах Э.Д. Добровольской, – их результатом стала статья³ – были тщательными и вдумчи-

¹ Искренне благодарю Е.А. Федорычеву и руководство ЯРМЗ, настоятеля церкви Покрова в Рубцове о. Иоанна Миролюбова, настоятеля церкви Преображения в с. Пурех о. Михаила Балабанова, сотрудника Музеев Московского Кремля И.А. Масленникову, хранителя Патриаршего дворца Московского Кремля И.А. Алексеева – за возможность натурного исследования памятников. Ю.В. Ратомскую – за консультации. Работа проведена в рамках НИОКТР 122022400231-5 / VI.1.030. «Русская архитектура времени царствования Михаила Федоровича Романова. Монография».

² Бусева-Давыдова И.Л. Влияние архитектуры Москвы на ярославское зодчество XVII в. // Архитектурное наследство. Вып. 40. М., 1996. С. 63–67.

³ Добровольская Э.Д. Церковь Николы Надеина в Ярославле // Культура и искусство Древней Руси. Л., 1967. С. 153–163.

выми, но памятник охватили, как и последующие реставрационные работы, лишь частично. Э.Д. Добровольская исследовала подклет, колокольню и чердак, создала макет-реконструкцию⁴, высказала убедительное предложение о датировке южного придела Александра Свирского, шатра и звона колокольни, а также закладок арок галереи и растески окон, последними годами XVII века. Результатом работы также стали подробные обмеры памятника⁵. Восстановлены на XVII век кокошники Благовещенского придела, покрытие его главки и центральной главы основного храма черепицей, а также кокошники в основании центрального барабана, сейчас видимые на чердаке церкви; обновлена четырехскатная кровля. Докомпоновка и реконструкция не коснулись угловых глав и позакомарного покрытия основного четверика⁶, а исследования, как реставрационные, так и историко-архитектурные, – основного храма и галерей. Памятник по-прежнему требует исследования, в том числе с точки зрения его места в истории архитектуры XVII века. Данная статья – попытка начать такое исследование с одной, относительно узкой, но важной темы: рассмотрев особенности применения в здании белокаменных элементов конструкций и декора.

Примеры использования белого камня в церкви Николы несложно подразделить на несколько групп; рассмотрим их последовательно. Первая – самая невзрачная и малочисленная, но именно на нее указывает Э.Д. Добровольская, называя конструктивные приемы, говорящие об участии «старого мастера» конца XVI – начала XVII века. Наряду с внутрстенными деревянными связями «древним конструктивным приемом» названы «белокаменные “усы” распалубок в подклете». Каким же было мое удивление, когда натурное изучение сводов подклета показало: такого рода «ус» – белокаменный блок, помещенный в импосте распалубки, – в подклете храма встречается всего лишь один (!) раз. Других фрагментов белого камня в сводах подклета нет: и своды, и стены выложены из кирпича⁷. Единственный «белокаменный “ус”» указывает нам скорее на пересмотр технологии, восходящей к постройкам итальянцев и закрепившейся в русской архитектуре XVI века, на ее сокращение и упрощение, поскольку мы наблюдаем небольшой остаток, случайный фрагмент некогда последовательной системы (рис. 1).

В то же время в кладке южной стены, в откосах двери, ведущей в подклет главной церкви, встречается несколько белокаменных блоков: 2 – к востоку, 3 – к западу; их появление также выглядит достаточно случайным.

Несколько парадоксальную ситуацию наблюдаем в решении цокольных тяг. Весь ансамбль стоит на высоком подклете, тяга, отделяющая подклет от верхне-

⁴ Авторы макета А.П. Греков, Э.Д. Добровольская. Гипс, медь, дерево. Экспонируется в ЯРМЗ, где датирован 1950–1960-ми гг.

⁵ Материалы исследований церкви Николы Надеина специалистами Ярреставрации: ГАЯО. Ф. 863. Оп. 1. Д. 153, 161, 351.

⁶ В данном случае мы не беремся утверждать, позитивный это факт или негативный, однако докомпонованные кокошники основания барабана сейчас для наружного осмотра недоступны. Работа реставраторов 1959–1961 гг. осталась, очевидно, незавершенной.

⁷ Можно предположить, что «усы» скрываются внутри контрфорса-подпорки, с помощью которого были укреплены своды подклета, или в заштукатуренных фрагментах. Но последних немного (один), ни он, ни контрфорс не были раскрыты реставраторами 1959–1961 гг. В основном кладка сводов открыта для осмотра.

Рис. 1. Слева: белокаменный «ус» в северо-восточном углу подклета церкви Николы Надеина; справа: южный вход в подклет церкви Николы, белокаменные блоки в откосах. Фото автора, 2022 г.

го яруса, кирпичная⁸. Цоколь подклетной части различается: у главной церкви, Благовещенского придела и северной галереи, арки которой первоначально были заложены, образуя закрытый притвор, – это кирпичный полуval и отлив, один из самых простых вариантов. Он находит аналогии во многих памятниках конца XVI – начала XVII века, в том числе церкви Богоявления в селе Красном под Костромой в вотчине Дмитрия Ивановича Годунова (1592) и в Святых воротах ярославского Спасского монастыря (1621).

Цокольная тяга столбов в открытой части галереи – западной и южной – напротив, состоит из белокаменных блоков, представляющих достаточно огрубленный и простой, но хорошо прочитываемый вариант аттической базы⁹. Заметим, что в основании восточного угла колокольни, примыкающего к паперти северного придела, тяга кирпичная, а два западных столба колокольни уже опираются на профилированные белокаменные тяги.

Откуда могла возникнуть такого рода асимметрия, в том числе смысловая, поскольку храм и придел с притвором, более значимые постройки, получили самое примитивное оформление своего основания, а «периферийный», дополнительный объем

⁸ На фасадах галерей и северного Благовещенского придела: полуval, отлив, полочка, тяга-выступ, напоминающая полуval, но прямоугольного сечения. На фасадах апсид: «катушечный» пояс в простом кирпичном обрамлении сверху и снизу.

⁹ Выкружка между двумя полувалами; ниже выступающий плинт, под плинтом скошенный отлив. На южном фасаде эти базы столбов галереи снаружи почти совершенно разрушены и покрыты мхом; на северном и западном более сохранены. Внутри южной и западной галереи профили в намного лучшем состоянии; можно предположить, что они были заменены при реставрации Э.Д. Добровольской. Повсеместно белокаменные базы встречаются только под внешним рядом столбов галереи, лопатки стен церкви *vis-à-vis* с ними опираются на кирпичный отлив; отлив, в свою очередь, поставлен на выравнивающий ряд белокаменной кладки фундамента, но этот ряд – технический, без профилировок.

галереи – более сложные белокаменные базы? Рискну предположить, что две эти части здания могут принадлежать двум разным строительным сезонам. Благодаря закладным доскам хорошо известно, что строительных сезонов было два: лето 1620 и лето 1621 года. Вероятно, главная церковь, придел и его паперть могли быть построены в 1620 году, а галерея и колокольня в – 1621 году силами – предположим – чуть более квалифицированных мастеров или с несколько более развернутыми требованиями к уровню строительства «входной» части храмового комплекса. Заметим, что у церкви, как известно, два входа. Один, основной и «парадный», предназначен для всех прихожан, он ведет через западное крыльцо, сооруженное, как я предполагаю, во второй строительный сезон. Другой вход – по лестнице от восточных столбов колокольни – ведет на северную паперть ктиторского придела и в палатку перед ней. Достаточно очевидно, что это самостоятельный вход в семейную капеллу ктиторов, купцов Светешниковых, однако нельзя также исключать, что этот вход мог появиться в 1620 году и использоваться с этого времени, тогда как главное крыльцо было пристроено на год позднее.

Части, которые мы гипотетически относим ко второму строительному сезону 1621 года, помимо белокаменных баз, демонстрируют и другие архитектурные отличия, несколько большую усложненность и проработанность деталей. Именно здесь активно используются вставки из диагонально поставленных на угол кирпичей в зеркалах филенок, причем на фасадах колокольни, в целом декорированных более вольно и сложно, помимо кирпичных квадратов вставок появляются выступающие вперед округлые «шары» – тоже возможно, белокаменные¹⁰. Можно предположить, что и барабан главы церкви Николы, принадлежит ко второму строительному периоду, его декор несколько сложнее, чем на фасадах основного объема: в частности, консоли под карнизом барабана нарисованы более уверенной рукой, нежели зубчики на апсидах. Таким образом, возникает картина, согласно которой летом 1620 года (с 5 июня по ст. ст.) строится храм и ктиторский придел, причем последний, возможно, функционировал уже летом 1621 года. В течение второго строительного сезона достраивается галерея, крыльцо, колокольня, и, может быть, получает завершение центральная глава основного храма (завершается 31 августа по ст. ст.), зимой идет работа над внутренним убранством, а 23 июня 1622 года освящают основную церковь. Подчеркнем еще раз, что комплекс выглядит достаточно цельным, но не исключено, что во втором строительном сезоне первую артель если не заменили, то «укрепили» несколько более квалифицированными кадрами, чье участие лучше отвечало амбициям заказчика¹¹.

Попытка поставить отмеченные мотивы в контекст ярославского и московского строительства 1620-х годов подтверждает уже озвученные гипотезы. И.А. Тихомиров предполагал, что церкви Спасского монастыря – Входа в Иерусалим (1617–1619)¹² и

¹⁰ В конце XVI века этот мотив шарообразных вставок не распространен, но не исключено, что он восходит к керамическим шарам собора Покрова на Рву, который также можно, вероятно, считать источником популярного в 1620-е гг. мотива квадратных вставок. Вопрос требует дальнейшего исследования, но Э.Д. Добровольская упоминает белокаменные вставки.

¹¹ Речи, разумеется, нет о перерыве в строительных работах: два последовательных строительных сезона – практически минимальный срок для сооружения храма таких размеров.

¹² *Добровольская Э.Д.* Входиерусалимская церковь Спасского монастыря в Ярославле // Памятники культуры. Исследования и реставрация. Вып. 4. М.-Л., 1963. С. 19–43.

надвратная церковь Введения (1621) – и церковь Николы Надеина (1620–1621) были построены одним мастером; в этом его поддерживает Э.Д. Добровольская¹³. Сходство с ранними ярославскими памятниками очевидно. Мне также приходилось высказывать предположения о родстве архитектуры здания церкви Николы Надеина и московской церкви Покрова в Рубцове (1619–1626; 1625–1626)¹⁴.

Между тем при общем сходстве можно отметить ряд нюансов, в том числе и с точки зрения изучаемых нами белокаменных мотивов. Остаток церкви Входа в Иерусалим (1617–1619) демонстрирует нам белокаменную цокольную тягу, в целом родственную профилю церкви Николы, за тем исключением, что аттическая тяга здесь поставлена под отлив – т.е. два элемента переставлены местами, может быть, даже «перепутаны»¹⁵.

Здание церкви Покрова в Рубцове демонстрирует сходный подход – но в более системном и упорядоченном виде.

Вернемся к затронутой выше теме «белокаменных “усов”»: в подклете церкви Покрова они присутствуют повсеместно, в основании каждой распалубки (а не в одном месте, как в церкви Николы). Кроме того, восточная стена и стены в подклете под алтарем в нижней части на 3–4 ряда выложены из белокаменных блоков, а проем перехода между пространствами под алтарем и церковью выложен из белого камня на 10 рядов от земли в откосах и ребрах. Нижняя цокольная тяга на всех фасадах церкви и приделов, так же как и в основании столбов галереи и соответствующих им пристенных пилонов – белокаменная, в форме аттической базы, трактована схожим образом, но вылеплена более ясно и строго и лишена отлива: под профилем обычная прямая кладка в 2–3 ряда. Несколько *большая* последовательность в реализации тех же приемов может быть вызвана как царским заказом и расположением в подмосковном селе, так и временем строительства на 5 лет позднее.

Профиль аттической базы в цокольной тяге – распространенный прием русской архитектуры как минимум с XIV века. Он широко используется в XVI веке наряду с более сложными сочетаниями, как правило, связанными с крупными постройками и постройками иностранных мастеров, он часто встречается в конце XVI века, особенно в зданиях с фасадами, полностью облицованными белым камнем¹⁶ (рис. 2).

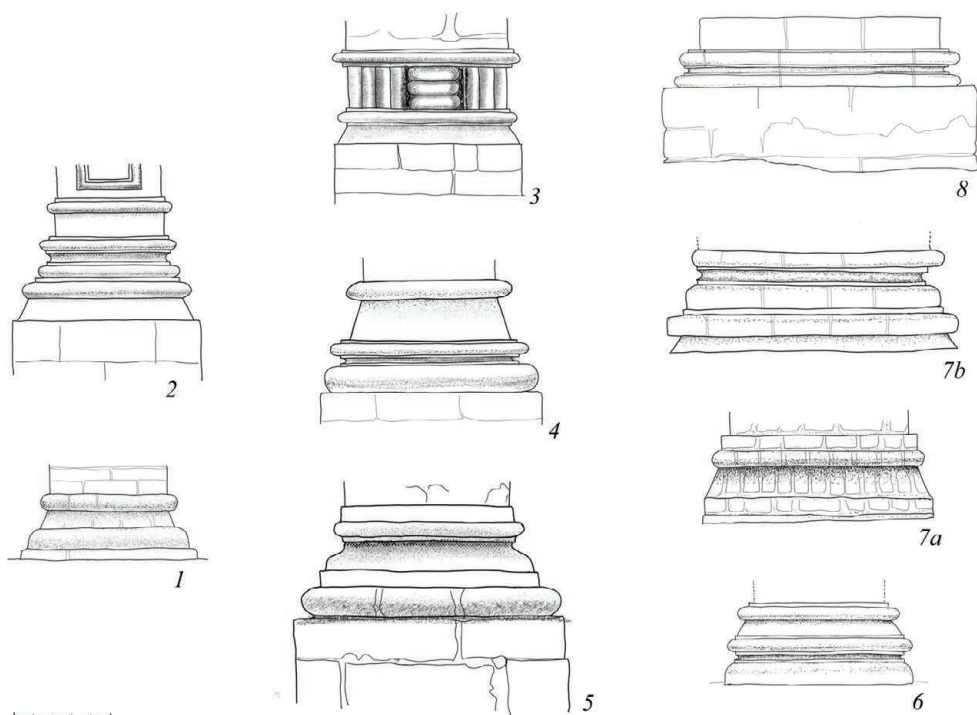
¹³ Добровольская Э.Д. Церковь Николы Надеина... С. 161; Тихомиров И.А. Ярославское зодчество // Ярославль в его прошлом и настоящем. Исторический очерк-путеводитель. Ярославль, 1913. С. 67–68.

¹⁴ Тарабарина Ю.В. Русская архитектура первой трети XVII века. Дисс. ... канд. искусствоведения. М., 1999. С. 213–227; Тарабарина Ю.В. Церковь Покрова в Рубцове. Реминисценции годуновской архитектуры в раннем зодчестве времени царя Михаила Федоровича // Архитектурное наследство. Вып. 45. М., 2003. С. 42–49.

¹⁵ Но если сравнить его с цоколем собора Владычного монастыря в Серпухове (к. XVI в.), становится очевидно, что он попросту принадлежит к несколько другой традиции, тоже восходящей к «годуновским» памятникам.

¹⁶ В соборе Серпуховского Владычного монастыря (1598) отлив поставлен выше аттической базы, так же, как и в церкви Входа в Иерусалим (1617–1619). В церкви Троицы в Вяземах аттического профиля нет, поскольку между валиками, обрамленными ступеньками, помещен катушечный фриз. Но если мы мысленно уберем фриз и соединим два валика, получится профиль, аналогичный церкви Николы, с двумя валиками и отливом под ними. Один из самых проработанных профилей, созвучных базам церкви Николы, находим в церкви Троицы в Хорошове (1596–1598). Таким образом, ярославские цоколи находят параллели в лучших годуновских памятниках, хотя не сочетаются с белокаменной облицовкой фасада и отличаются заметно более низким качеством исполнения. Цоколь церкви Покрова в Рубцове выполнен лучше и последовательно

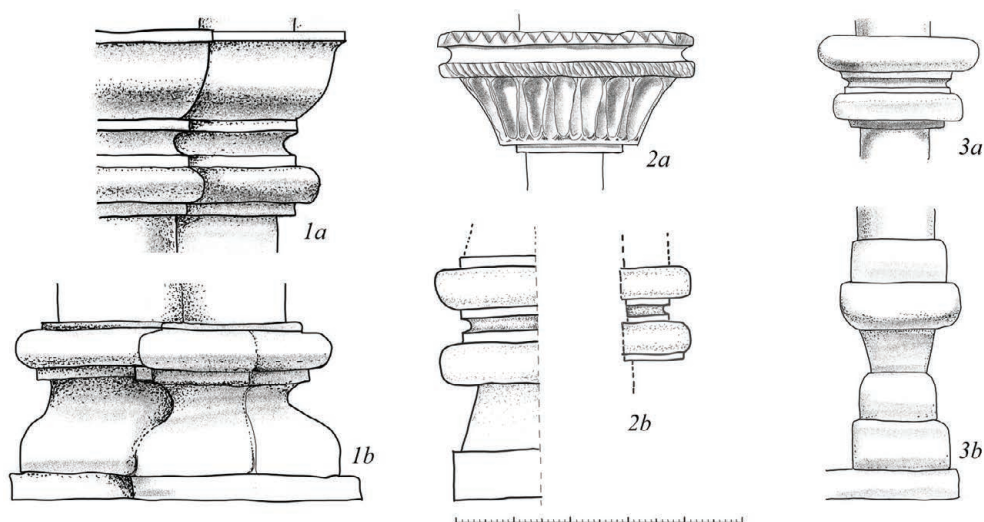
Рис. 2. Сравнение белокаменных и кирпичных цокольных тяг. Конец XVI в.:

- 1 – церковь Богоявления в с. Красном на р. Волге (кирпичный цоколь, кирпичные фасады);
 2 – церковь Троицы в Хорошове (белокаменный цоколь, облицована белым камнем);
 3 – церковь Троицы в Вяземах (белокаменный цоколь, облицована белым камнем);
 4 – собор Владычного монастыря в Серпухове (белокаменный цоколь, облицована белым камнем); 5 – собор Пафнутьево-Боровского монастыря (белокаменный цоколь, кирпичные фасады с белокаменными деталями). Первая треть XVII в.:
 6 – церковь Входа в Иерусалим Спасского монастыря в Ярославле (1617–1619);
 7 – церковь Николая Надеина в Ярославле (1620–1621): 7a – кирпичный цоколь,
 7b – белокаменный цоколь опоры колокольни; 8 – церковь Покрова в Рубцове (1625–1626)

Более заметным в точки зрения сходства и в то же время более показательным с точки зрения различий оказывается сравнение белого камня в оформлении порталов церкви Николая и церкви Покрова. Профили с выкружкой между валиками или плинтами встречаются в церкви Николая в основаниях порталов и верхней части их капителей, а также в импостах распалубок галереи¹⁷. В капителях порталов церкви

распространен на весь храм, но редуцирован, исполнен крупновато, но несколько сухо. Налицо все поводы для того, чтобы говорить о восстановлении в 1620-е годы базовых знаний о годуновских приемах.

¹⁷ Импосты покрыты раскраской, и определить, выполнены ли они из белого камня или кирпича, без зондажа сложно. Наличие белокаменных блоков в порталах, напротив, очевидно благодаря разрушениям южного портала. Профиль в порталах и в импостах подобен, это дает основания предполагать, что импосты галереи также могут быть выполнены из белого камня.

Рис. 3. Сравнение белокаменных и кирпичных оснований порталов, капителей и импостов распалубок. 1 – собор Пафнутьево-Боровского монастыря (конец XVI в.): 1а – капитель портала, 1б – база; белый камень; 2 – церковь Николы Надеина (1620–1621): 2а – капитель портала, 2б – база; белый камень; 3 – церковь Покрова в Рубцове (1625–1626): 3а – капитель портала, 3б – база; кирпич

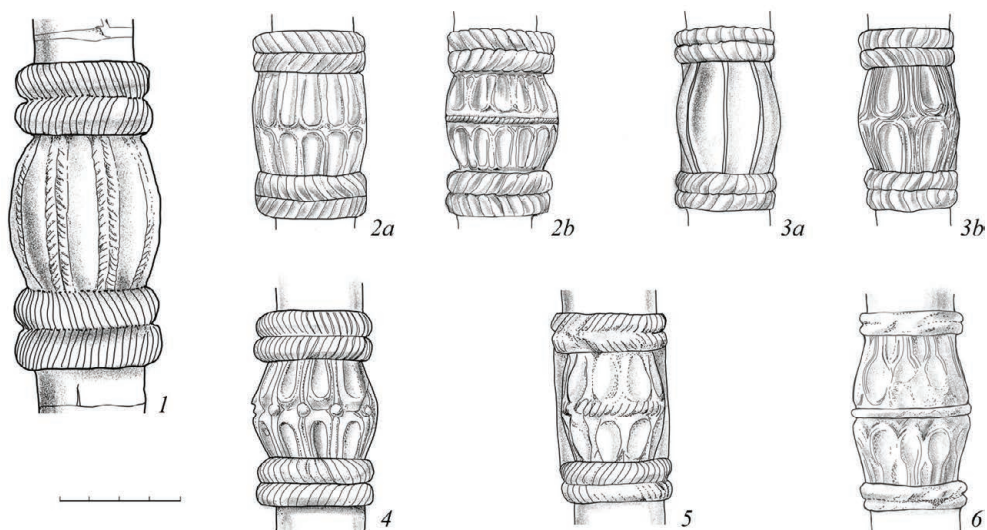
Покрова присутствует очень похожий профиль, но он вытесан из кирпича¹⁸. Во всех случаях это единственный профиль сколько-нибудь ордерной природы в составе порталов, он схож с профилем цокольных тяг, что обеспечивает декору обоих храмов сходство и повторяемость (рис. 3).

Все порталы церкви Николы украшены бусинами одного типа: округлыми, между двойными жгутиками, с ложковидной резьбой. Качество исполнения дает значительную вариативность, но рисунок используется один. Немного отличаются только бусины входа из северо-западной палатки в северную паперть: на «экваторе» их округлых объемов между «ложками» верха и низа помещен тонкий жгутик, тогда как в остальных порталах на этом месте – ряд ромбовидных углублений в обводке. Капители порталов вторят бусинам: трапеции с изящным изгибом-расширением в верхней части покрыты «ложками»¹⁹. Внизу ступенька, два плинта в верхней части покрыты: нижний – жгутом, верхний – зигзагом-«короной» из треугольников. Резные части покрыты яркой раскраской, которая может восходить к первоначальной или ко времени росписи 1640-х годов. Наиболее достоверно раскраска выглядит в северной паперти. Одна бусина южного портала не расписана, раскраска также отсутствует у бусин и капителей северо-западного портала.

Тщательное сопоставление резного декора порталов церкви Николы с контекстом заслуживает отдельного исследования, но сейчас выскажем несколько замеча-

¹⁸ Об этом можно судить по небольшому зондажу на северном портале (осмотрен в октябре 2022 г.).

¹⁹ Хочется предположить, что они вдохновлены сноповидными капителями.

Рис. 4. Сравнение белокаменных бусин порталов. 1 – собор Пафнутьево-Боровского монастыря (конец XVI в.); 2 – церковь Николы Надеина (1620–1621): 2a – бусины трех порталов главного храма, 2b – бусины портала, ведущего из северо-западной палатки в галерею Благовещенского придела; 3 – церковь Покрова в Рубцове (1625–1626): 3a – бусина внутренних колонок, 3b – бусина внешних колонок; 4 – собор Архангела Михаила в Нижнем Новгороде (1628–1631); 5 – Успенская «Дивная» церковь, трапезная Алексеевского монастыря в Угличе (1638–1639); 6 – церковь Преображения в Пурехе (ок. 1642; начало 1640-х гг.)

ний. В архитектуре XVI века соседствуют порталы «раннемосковского» типа: перспективные с бусинами на колонках, и – назовем их новаторскими – ренессансные обрамления с откосами, пилястрами и филенками. Встречаются перспективные порталы «московского» типа с бусинами на колонках, но ренессансной резьбой капителей²⁰. Но в XVI веке определенно преобладают разделенные на вертикальные дольки бусины-«дыньки», восходящие к раннемосковской архитектуре. В начале XVII века такие традиционные бусины можно встретить, в частности, в надвратной церкви Макарьева монастыря в Калязине и в архитектуре Троице-Сергиева монастыря²¹.

Однако в 1620-е – 1630-е годы получают заметное распространение бусины порталов с ложковидной резьбой. Первый из известных примеров XVII века – церковь Николы Надеина. Следующий – церковь Покрова в Рубцове, где бусины внутренних колонок – традиционные («дыньки»), а внешние бусины украшены ложками, причем рисунок различается внутри каждого портала: слева ложки разделены на «экваторе»

²⁰ В соборе Покровского монастыря в Суздале или соборе Спасо-Евфимиева монастыря – в последнем на поверхности круглых бусин изображен ложковидный орнамент, подобный тому, который мы видим в церкви Николы и даже с подобной красно-синей раскраской.

²¹ В Троице-Сергиевом монастыре порталы с бусинами 1620-х – 1630-х годов не сохранились, но бусины-«дыньки» используются на аркатурах фасадов в церквях Никона и Зосимы и Савватия. Троицкий монастырь также – единственное место, где в 1620-е годы появляется церковь Никона (1622–1623), четверик которой полностью облицован белым камнем.

углублениями, справа – выступами. Кроме того обводы ложек – тройные, что придает рисунку иной, более проработанный характер: прием можно было бы сопоставить с мотивом, примененным в бусинах портала собора Пафнутьево-Боровского монастыря – в нем мы находим «годуновский» прообраз формы, действительно указывающий на преемственность. Замечу, что бусины церкви Покрова, как и церкви Николы, выглядят наиболее достоверными образцами, в них не заметны следы грубой реставрации.

Бусины с ложками также находим в портале Архангельского собора Нижнего Новгорода (1628–1631)²². К сожалению, в нижегородском соборе бусины и весь портал в целом носят очевидные следы реставрационного вмешательства и, как следствие, их архитектурные формы и особенно трактовка деталей не выглядят достоверными; но можно предполагать, что данная стилизация была выполнена на основе реального материала. Другой пример – бусины Успенской «Дивной» церкви в Угличе (1638–1639 гг. по И.Л. Бусевой-Давыдовой), на северном портале трапезной и западном портале церкви: здесь ложки грубее, крупнее и разделены жгутиком, а архитектурное решение порталов указывает на более позднее время строительства и вполне может быть сопоставлено с концом 1630-х годов. И наконец, интересный пример бусины с ложковидной резьбой находим на западной стене собора церкви Преображения в с. Пурехе, построенной в вотчине князя Дмитрия Михайловича Пожарского, вероятно, в начале 1640-х годов. Здесь резьба тонкая, плоскостная, ложки имеют тонкую «ножку» и аккуратный овал в расширенной части, они обведены двойным контуром, разделены (вероятно) жгутиком. Вся резьба бусин производит впечатление хрупкой, более сложной, тонкой, но суховатой; стилистически она заметно отличается от всех приведенных выше примеров (рис. 4).

В ярославской церкви Рождества Христова порталы основного четверика лишены декора, а церковь Ильи Пророка (1647–1650) – крупнейший датированный и сохранившийся памятник города после церкви Николы – демонстрирует интерес к мотивам храма-предшественника, ощутимо усложняя, развивая и перетолковывая их. Бусины с ложковидной резьбой используются повсеместно²³.

Две следующих темы также требуют дополнительных исследований. Одна из них – резные закладные доски. Две по сторонам западного портала церкви Николы, к северу и югу соответственно, сообщают о начале и завершении строительства, две другие по сторонам ее южного портала говорят об освящении²⁴. Закладные доски – достаточно распространенное явление в архитектуре XVI–XVII веков, однако, как правило, о времени строительства или освящения говорит одна доска. В данном случае их четыре. Насколько мне известно, других памятников с четырьмя закладными досками в русской средневековой архитектуре не существует²⁵.

²² Архангельский собор – произведение двух подмастерий каменных дел, Лаврентия Возоулина и его сына Антона Константинова; построен по указу патриарха Филарета.

²³ В портале северного ктитовского придела они наиболее традиционны, в порталах главной церкви наиболее декоративны, в портале церкви Ризположения соседствуют с бусинами-«дыньками», нанизываясь на валиковые тяги без капителей.

²⁴ Содержание опубликовано: *Лебедев А.А.* Храмы Николо-Надеинского прихода в Ярославле. Ярославль, 1872. С. 11.

²⁵ Для 1620-х – 1640-х годов известно еще две закладные доски с информацией о датах строительства:

Рис. 5. Белокаменные перила. 1 – в колокольне церкви Николы Надеина (1620–1621); 2 – на крыльце церкви Троицы в Никитниках (1630-е гг.); 3 – в круглой башенке Теремного дворца Московского Кремля (1635–1637); 4 – в стене северной лестницы Патриаршего дворца Московского Кремля (1635–1656)

Следующая тема – белокаменные перила. Они представляют собой валик с откосом и обрамляют каменные ограждения крыльца в двух маршах входной лестницы, прерываясь на площадках, там, где поручень горизонтален, а также присутствуют на двух нижних маршах внутристенной лестницы, ведущей на колокольню. На перилах крыльца поручень врезан в стену, образуя любопытную стереометрическую конструкцию в местах окончания; на колокольне, напротив, желобок приставлен к стене. Вероятно, будущие исследования дадут более обширный материал, но на дан-

обрамленная картушем доска над восточным входом в Теремок (Золотой чердак) в Кремле (1635–1637 гг., для доски вероятнее последняя дата) и доска на северной стене алтаря церкви Сошествия Святого Духа в Рязани (1642 г., солигалицкий мастер Василий Харитонов сын Зубов).

ный момент это самый протяженный белокаменный валиковый поручень из известных в русских памятниках XVI–XVII веков. Ближайшие аналогии находим только в московских памятниках: винтовой лестнице башенки-смотрильни Теремного дворца (1635–1637 гг., врезан во внешнюю стену)²⁶, крыльце церкви Троицы в Никитниках (1630-е гг., врезан в белокаменные плиты ограждения крыльца), южной лестнице Патриаршего дворца в Кремле (1635–1656 гг., врезан в стену, имеет признаки поздних поновлений). Все эти примеры близки по времени, но церковь Николы оказывается первой в ряду. В то же время каменный валиковый поручень, врезанный в стену, – достаточно частый элемент европейской готической и ренессансной архитектуры. В российских средневековых памятниках он редок; в Теремном и Патриаршем дворце и в церкви Троицы его хочется связать с влиянием одного из иностранных мастеров, представленных в Москве при царе Михаиле Федоровиче. Но, поскольку церковь Николы построена на 10–15 лет раньше, влияние названных московских памятников на нее исключается. Однако, так как о работе иностранцев в Москве известно уже с начала 1620-х годов, можно – с осторожностью – предположить, что мастера второго строительного сезона церкви Николы были знакомы с данным элементом по опыту работы (к примеру, в Москве)²⁷. Других признаков участия иностранного мастера архитектуры церкви Николы не демонстрирует²⁸ (рис. 5).

Итак, изучение здания церкви Николы Надеина с точки зрения материала позволяет акцентировать значимые элементы и особенности ее архитектуры. Единственный «ус» в подклете говорит, скорее, об утрате «годуновской» технологии и примитивизации строительной техники, особенно в составе предполагаемого мной первого этапа строительства. Аттические базы галереи соответствуют раннему этапу актуализации приемов конца XVI века, бусины порталов кладут начало популярному в 1620-е – 1630-е годы подтипу с ложчатой резьбой. Наибольшее удивление вызывают белокаменные перила, больше чем на 10 лет опережающие перила крыльца церкви Троицы в Никитниках, заставляя задуматься о влиянии неизвестных нам памятников столичного уровня. Так или иначе, изучение отдельных элементов с группировкой по признаку материала исполнения провоцирует полезное для историка искусства вглядывание в мелочи, сопоставление деталей, что обладает, на мой взгляд, существенным атрибуционным потенциалом и позволяет лучше понять памятник, в особенности – очень хорошо сохранившийся и важный в контексте истории архитектуры, что, без сомнения, справедливо в отношении церкви Николы Надеина в Ярославле.

²⁶ Тарабарина Ю.В. Теремной дворец Московского Кремля. Проблемы изучения и памятники его круга // Московский Кремль XVII столетия. Древние святыни и исторические памятники. Кн. 1. М., 2019. С. 188–245.

²⁷ Один из ранних памятников, в котором можно предполагать использование такого европейского приема – рано утраченная церковь Саввы Освященного Новоспасского монастыря. Построена одновременно с церковью Николы, в 1621–1622 гг. (Тарабарина Ю.В. К вопросу об источниках типологии русских шатровых колоколен XVII века // Искусствознание. 2006. № 2. С. 47–60).

²⁸ Впрочем, еще одно новшество церкви Николы – каменные скамьи в галерее. Они прочно закрепились в ярославской архитектуре, нельзя исключать того, что эти скамьи впервые были предложены в рассматриваемом памятнике.

Список литературы

- Бусева-Давыдова И.Л. Влияние архитектуры Москвы на ярославское зодчество XVII в. // Архитектурное наследство. Вып. 40. М.: РААСН-НИИТАГ, 1996. С. 63–67.
- Добровольская Э.Д. Входоиерусалимская церковь Спасского монастыря в Ярославле // Памятники культуры. Исследования и реставрация. Вып. 4. М.-Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1963. С. 19–43.
- Добровольская Э.Д. У истоков каменного посадского зодчества Ярославля (Церковь Рождества Христова на Волге) // Культура средневековой Руси. Л.: Наука, 1974. С. 130–136.
- Добровольская Э.Д. Церковь Николы Надеина в Ярославле // Культура и искусство Древней Руси. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1967. С. 153–163.
- Лебедев А.А. Храмы Николо-Надеинского прихода в Ярославле. Ярославль: Кузнецов, 1872. 55 с.
- Тарабарина Ю.В. К вопросу об источниках типологии русских шатровых колоколен XVII века // Искусствознание. 2006. № 2. С. 47–60.
- Тарабарина Ю.В. Русская архитектура первой трети XVII века. Дисс. ... канд. искусствоведения. М.: МГУ, 1999. 303 с.
- Тарабарина Ю.В. Теремной дворец Московского Кремля. Проблемы изучения и памятники его круга // Московский Кремль XVII столетия. Древние святыни и исторические памятники. Кн. 1. М.: БуксМАрт, 2019. С. 188–245.
- Тарабарина Ю.В. Церковь Покрова в Рубцове. Реминисценции годуновской архитектуры в раннем зодчестве времени царя Михаила Федоровича // Архитектурное наследство. Вып. 45. М.: URSS, 2003. С. 42–49.
- Тихомиров И.А. Ярославское зодчество // Ярославль в его прошлом и настоящем. Исторический очерк-путеводитель. Ярославль: Ярослав. экскурс. комисс., 1913. С. 67–68.

Yu.V. Tarabarina

ABOUT THE WHITE STONE IN THE ARCHITECTURE OF THE YAROSLAVL CHURCH OF ST. NICHOLAS NADEIN

Abstract: The article discusses the elements of St. Nicholas Nadein's Church (1620–1621) made of white stone: formwork “moustache” of the lower level, profiled gallery and bell tower base-work, beads, capitals and portals bases, “balls” on the bell tower facade, embedded boards and rolled porch and bell tower railings. An assumption is made about the existence of different masters in the first and second construction seasons. An “outside perspective” proposed to the reader enables actualization and research of architectural elements and motifs of different importance and functionality in the context of buildings close in time, thus allowing us to examine this complex and early 17th century monument in a somewhat new and careful manner.

Keywords: church of St. Nicholas Nadein, white stone details, architectural details, 17th century.

КАМЕННЫЕ МОДЕЛИ ЦЕРКВЕЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI – ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII В. ИЗ РАСКОПОК СВИЯЖСКА

Аннотация: Статья посвящена атрибуции трех резных каменных фрагментов моделей церквей, обнаруженных в раскопе «Татарская слободка» на территории «Острова-града Свияжск» в 2013 г. Культурный слой, в котором обнаружены данные предметы, датировался второй половиной XVI – второй половиной XVII в.

Ключевые слова: Республика Татарстан, Свияжск, раскоп «Татарская слободка», декоративно-прикладное искусство, камнерезное ремесло, каменная модель, миниатюра, предметы христианского культа, сграффито.

Произведения декоративно-прикладного искусства представляют собой, вероятно, самостоятельную группу христианских культовых предметов из камня. «К тому обстоятельству, что пластическое искусство Руси ставит значительно больше вопросов, нежели дает ответов, можно было давно привыкнуть»¹. Подобные памятники камнерезного ремесла в Республике Татарстан на сегодняшний день не имеют аналогий. В историографии достаточно широко освещены каменные резные нагрудные иконки². Накоплен значительный фактический материал по всем видам архитектурного декора³, каменных надгробий и саркофагов⁴.

Из известняка делался не только строительный материал, но и производились различные бытовые вещи и всевозможные поделки⁵. Археологическая коллекция изделий из известняка в раскопе «Татарская слободка» немногочисленна и в основном представлена фрагментами рыболовных грузил, якорей, ручных жерновов, тёрочников и т. п.⁶

¹ Пуцко В.Г. Средневековые мастера новгородской каменной резьбы малых форм // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Сборник статей в честь А.Н. Кирпичникова. Т. 2. М., 2010. С. 188.

² Николаева Т.В., Недошвина Н.Г. Предметы христианского культа // Археология. Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997. С. 175–177; Николаева Т.В. Древнерусская мелкая пластика из камня XI–XV вв. М., 1983.

³ Вагнер Г.К., Воробьева Е.В. Архитектурный декор Руси X–XIII веков // Археология. Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997. С. 186.

⁴ Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М., 1996; Беляев Л.А. К хронологии антропоморфных саркофагов Руси XV–XVII вв. // КСИА. Вып. 252. М., 2018. С. 219–231.

⁵ Беляев Л.А. Декоративные изделия из известняка в Коломенском: обзор коллекции // Вестник ПСТГУ. Серия V. Вопросы истории и теории христианского искусства. 2016. Вып. 1 (21). С. 106.

⁶ Ситдииков А.Г., Старков А.С. Музей археологического дерева «Татарская слободка». Казань, 2022.

Раскоп «Татарская слободка» располагается на северо-восточной оконечности «Острова-града Свияжск» Республики Татарстан. В историческом отношении, раскоп был заложен на территории посадской части средневекового Свияжска, на участке сохранившегося влажного культурного слоя, мощностью до 3 м; площадь исследований составила около 2100 кв. м. Комплексными исследованиями были определены 6 стратиграфических горизонтов: верхний связан с использованием территории под огороды в XX в.; второй – с периодом XVIII–XIX вв.; третий – конец XVII – начало XVIII в.; четвертый – вторая половина XVII – конец XVII в.; пятый – конец XVI – первая половина XVII в.; шестой ярус – вторая половина XVI в. Стратиграфические горизонты с третьего по шестой ярус представляют собой «влажный» культурный слой. Горизонты третьего – пятого ярусов представлены прослойками из слежавшихся остатков древесной щепы. В раскопе была обнаружена хорошо сохранившаяся деревянная застройка средневековых кварталов в виде городских усадеб – домовладений. В застройке удалось выделить четыре основных строительных периода перестройки и обновления квартальной застройки, охватывающих период от основания Свияжска до XVIII в.: I строительный период (вторая половина XVI в., соответствует шестому стратиграфическому горизонту); II строительный период (конец XVI – первая половина XVII в., соответствует пятому стратиграфическому горизонту); III строительный период (вторая половина – конец XVII в., соответствует четвертому стратиграфическому горизонту); IV строительный период (конец XVII – первая половина XVIII в., соответствует третьему стратиграфическому горизонту)⁷.

В ходе работ были обнаружены три миниатюрных каменных резных модели церквей из известняка.

Первая каменная модель (и наиболее сохранившаяся) обнаружена на территории двора 9 III строительного периода (вторая половина XVII в.). Территория двора вскрыта частично, площадью около 70 кв. м. Размеры домовладения в раскрытой части – 10,5 × 13,5 м. В глубине двора, по восточной границе, перекрывая всю его ширину, располагалась срубная постройка хозяйственного назначения, четырехстенный сруб 465 × 470 см с прирубом-пристроем 450 × 300 см (сени, основание навеса?).

Каменная модель церкви (рис. 1) имеет размеры 13,5 × 7,5 × 5 см. Представляет собой одноглавый храм, барабан на четверике. У четверика в разной степени сохранились три стороны фасада. Наиболее сохранившийся фасад состоит из одного прясла, ограниченного пилястрами/лопатками, увенчанными двухскатной крышей. По центру фасада четверика – стилизованное изображение круглого окна диаметром 37–39 мм с вписанным в него крестом. Барабан имеет 8 стилизованных углублений, имитирующих световые окна. Отсутствуют такие элементы, как портал, апсида, купол, способ крепления которого к модели также неясен. Устройством крыши модель напоминает византийские или армянские храмы, а также псковские храмы Средневековья. Среди близких по форме памятников православной архитектуры можно назвать широко распространенные одноглавые храмы.

Изображение креста, вписанного в круг, очень популярно в христианском декоре, получило наименование «нахлебный» крест⁸.

⁷ Там же. С. 77–81.

⁸ <https://azbyka.ru/istoriya-razvitiya-formy-kresta> (дата обращения: 28.10.22).

Рис. 1. Каменная модель церкви, вторая половина XVII в.
(ГБУК РТ ГИАХМЗ «Остров-град Свяжск», КП-3135-29)

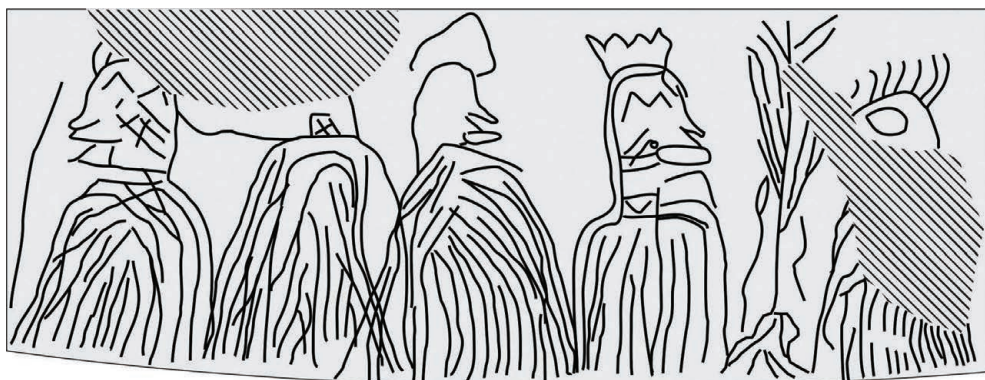
Вторая каменная модель была найдена на территории двора 3 I строительного периода (вторая половина XVI в.). Двор 3, площадью около 155 кв. м, вскрыт полностью. Размеры домовладения – около 12 × 13 м. Восточная граница образована переулком. Со стороны переуллка сохранился фрагмент линии ограды из колотых досок протяженностью около 430 см. На территории двора располагались три строения. У восточной границы, стенкой к улице была устроена срубная постройка 380 × 380 см (сооружение 94), внутри постройки фиксировался развал камней и пятно суглинка, вероятно, от печи. В северо-западном углу двора находилась крупная хозяйственная постройка из сруба 480 × 500 см. Не исключено, что она представляла собой летний жилой дом, так как способ рубки сруба определен как «холодный».

Рис. 2. Каменная модель церкви, вторая половина XVI в.
(ГБУК РТ ГИАХМЗ «Остров-град Свяжск», КП-3135-53)

Рис. 3. Каменная модель церкви, вторая половина XVI в.
(ГБУК РТ ГИАХМЗ «Остров-град Свияжск», КП-3135-30)

Рис. 4. Прорись с каменной модели
(ГБУК РТ ГИАХМЗ «Остров-град Свияжск», КП-3135-30)

Центральная лага этой постройки опиралась на пень диаметром до 100 см. В юго-западном углу двора располагалась полуземлянка прямоугольной формы 400 × 310 см, глубиной около 140 см, обложенная с 3-х сторон колотыми досками. Не укрепленная деревом стенка обращена во двор. Род занятий домохозяйства, вероятно, связан с занятием кожевным ремеслом или ткачеством⁹.

Вторая модель (рис. 2) – это фрагмент завершения барабана, диаметром 7,7 см и сохранившейся высотой 6,5 см. Имеет 8 стилизованных углублений, изображающих световые окна. В завершении барабана устроен «орнаментальный пояс»: вырезано стилизованное изображение в виде ломаной линии, так называемого «псковского пояса». На верхней плоскости барабана устроено отверстие цилиндрической формы диаметром 10 мм.

Фиксируемое украшение данного фрагмента в стиле «псковского» пояса имеет свое широкое воплощение в церковной архитектуре. Аналогиями подобным образцам являются и храмы псковского стиля в Казанском Поволжье: Успенский собор Свияжска, Благовещенский собор Казанского кремля и др. Обнаруженная в пластах второй половины XVI в. находка, возможно, имела своим прообразом храмы псковского облика. Реконструируемые размеры модели 2, изображающей храм, исходя из пропорций модели 1, могли бы достигать 42 × 25 × 25 см.

Третья каменная модель обнаружена в слое второй половины XVI в., имеет размеры 11,5 × 7,7 см и форму усеченного конуса (рис. 3: 4). В нижней части – дискообразный валик толщиной около 11 мм. В верхней части – цилиндрическое завершение диаметром 4,5 см и высотой 1,8 см. По поверхности, между валиком и цилиндрическим завершением модели (поле высотой около 6,5 см), фиксируются граффити в виде прочерченных линий и аморфных изображений людей в иконографической традиции. На верхней плоскости устроено отверстие конусовидной формы диаметром 23 мм, глубиной 27 мм. Возможно, данный предмет является верхней частью стилизованной колокольни шатрового типа.

Прорисовка сграффито с предмета выявила 6 персонажей, среди которых узнаются «царь», венчанный короной, «царица» в кокошнике, дерево, к которому тянется «змея», «всевидящее око» и два антропоморфных изображения, возможно, также «царского рода». Используемая в композиции христианская символика указывает на библейский сюжет.

В этой связи уместно обратить внимание на детали деревянных скульптур, «икон на рези» (рис. 5: а, б). Например, скульптурное изображение святителя Николая в рост с мечом и храмом в руках, известное с XIV в. Происхождение скульптуры (появление иконографии «Никола Можайский») объясняется прежде всего традицией почитания Св. Николая Чудотворца в Можайске¹⁰.

Все предметы, найденные на территории разных усадеб в слоях разных строительных периодов, указывают на длительность «традиции» во времени. Каждая из обнаруженных моделей имеет свои уникальные особенности, обусловленные, возможно, функциональным назначением изделий.

⁹ Ситдиков А.Г., Старков А.С. Музей археологического дерева «Татарская слободка». Казань, 2022. С. 350–351.

¹⁰ Клюканова О.В. Резное изображение Николая Чудотворца («Можайского») из собрания Русского музея // Вестник сектора древнерусского искусства. 2019. № 2 (2). С. 128–139.

Рис. 5а. Икона Никола Можайский (XVIII в.)
из собрания ГБУК г. Москвы
«Галерея Ильи Глазунова»

Рис. 5б. Икона Никола Можайский
(XVI–XVII в.). Свято-Успенский
Псково-Печерский монастырь

Список литературы

- Беляев Л.А. Декоративные изделия из известняка в Коломенском: обзор коллекции // Вестник ПСТГУ Серия V. Вопросы истории и теории христианского искусства. 2016. Вып. 1 (21). С. 95–108.
- Беляев Л.А. К хронологии антропоморфных саркофагов Руси XV–XVII вв. // КСИА. Вып. 252. М.: Изд-во ИА РАН, 2018. С. 219–231.
- Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М.: Модус-Граффити, 1996. 568 с.
- Вагнер Г.К., Воробьева Е.В. Архитектурный декор Руси X–XIII веков // Археология. Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука, 1997. С. 186–204.
- Клюканова О.В. Резное изображение Николая Чудотворца («Можайского») из собрания Русского музея // Вестник сектора древнерусского искусства. 2019. № 2 (2). С. 128–139.
- Малков Ю.Г. Художественные памятники Псково-Печерского монастыря (материалы к исследованию). <http://townevolution.ru/books/item/f00/s00/z00000006/st009.shtml> (дата обращения: 23.11.2022).
- Николаева Т.В. Древнерусская мелкая пластика из камня XI–XV вв. М.: Наука, 1983. 232 с. (Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Е1-60).
- Николаева Т.В., Недошвина Н.Г. Предметы христианского культа // Археология. Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука, 1997. С. 175–177.
- Остроумов В.П., Чумаков В.В. Связжск. История планировки и застройки / Репр. изд. Казань: Центр инновационных технологий, 2011. 64 с.
- Пуцко В.Г. Средневековые мастера новгородской каменной резьбы малых форм // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. М.: Наука, 2011. С. 10–15.

дельных стран. Сборник статей в честь А.Н. Кирпичникова. Т. 2. М.: Ломоносовъ, 2010. С. 188–199.

Ситдилов А.Г., Старков А.С. Музей археологического дерева «Татарская слободка». Казань: Мастер-Граф, 2022. 500 с.

Храмченкова Р.Х., Каплан П.Ю., Кольчугин А.Н., Морозов В.П., Ситдилов А.Г. Успенский собор: междисциплинарные исследования. Исследования строительных материалов: камни, раствор // Успенский собор. Изучение и сохранение. Т. 2 / Под ред. Р.М. Валеева, А.Г. Ситдилова, Р.Р. Хайрутдинова. Казань: ООО «Главдизайн», 2016. С. 108–122.

A.S. Starkov, A.G. Sitdikov

**STONE MODELS OF CHURCHES OF THE SECOND HALF
OF THE 16TH – SECOND HALF OF THE 17TH CENTURY FROM
THE EXCAVATIONS OF SVIYAZHSK**

Abstract: The article is devoted to the attribution of three carved stone fragments of church models discovered in the excavation «Tatarskaya Slobodka» on the territory of the «Island Town of Sviyazhsk» in 2013. The cultural layer in which these objects were found dates back to the second half of the 16th – second half of the 17th centuries.

Keywords: Republic of Tatarstan, Sviyazhsk, excavation «Tatarskaya Slobodka», arts and crafts, stone-cutting craft, stone model, miniature, objects of Christian worship.

РАННИЕ УКРЕПЛЕНИЯ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ НОВОДЕВИЧЬЕГО МОНАСТЫРЯ¹

Аннотация: В статье представлены результаты работ в северо-восточной части Новодевичьего монастыря в 2018 г. и 2020 г. В ходе работ был выявлен угловой участок древних монастырских укреплений. Был зафиксирован поворот рва с диаметром внутренней дуги порядка 8 м. Такой изгиб позволяет утверждать, что ров огибал северо-восточную угловую башню стены монастыря. Исследования показали, что разбор стен и засыпка рва произошли не позднее XVII в.

Ключевые слова: Новодевичий монастырь, древние укрепления, ров, стена, башня, XVII в.

Многолетние археологические исследования на территории Новодевичьего монастыря, проводимые экспедицией отдела археологии Московской Руси ИА РАН под руководством Л.А. Беляева, дали интересные и во многом неожиданные результаты. Так, в ходе археологических работ в 2017–2020 гг. на отдельных участках территории (в северо-восточной, восточной, юго-восточной и юго-западной частях монастыря) были обнаружены фрагменты первых монастырских укреплений: подземных частей ограды в виде остатков каменных фундаментов и свайных полей, а также участки оборонительного рва².

В данной статье рассмотрена северо-восточная часть территории монастыря, где в ходе работ 2018 г. (раскоп 25) и 2020 г. (раскоп 3) был выявлен угловой участок древних монастырских укреплений. К сожалению, целостность укреплений на этом участке в течение последующих веков многократно нарушалась активной хозяйственной деятельностью, строительством деревянных и каменных построек, а в советский период – копкой траншей под коммуникации. Тем не менее, нам удалось открыть несколько отдельных фрагментированных участков рва укреплений, которые позволили в дальнейшем реконструировать его конфигурацию (рис. 1; 2).

В 2018 г. для археологического исследования территории между существующей восточной монастырской стеной и монастырским садом был заложен раскоп 25, вытянутый с севера на юг. Его форма в плане оказалась сложной из-за растущих деревьев,

¹ Работа выполнена в рамках плановой темы НИОТКР 122011200385-1.

² Беляев Л.А. Новодевичий монастырь: археология для истории (по материалам исследований 2016–2020 годов) // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2019. М., 2020. С. 162–180; Беляев Л.А., Глазунова О.Н., Григорян С.Б., Елкина И.И., Шуляев С.Г. Археология московского Новодевичьего монастыря: первые итоги // Российская археология. 2019. № 4. С. 192–207; Беляев Л.А., Глазунова О.Н., Григорян С.Б., Елкина И.И., Шуляев С.Г. Исследования 2017–2018 гг. в Новодевичьем монастыре (Москва) // АО. 2018 год. М., 2020. С. 116–121.

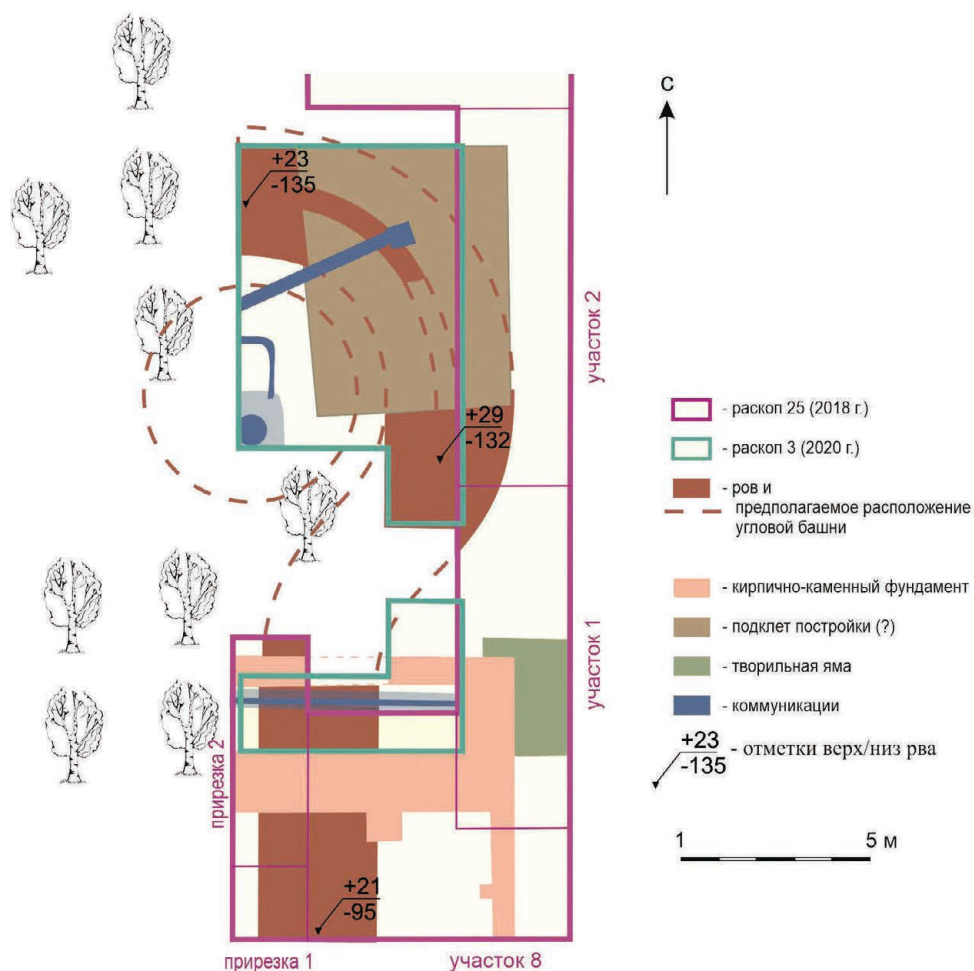

Рис. 1. Схема расположения раскопов 2018 и 2020 гг. в северо-восточной части Новодевичьего монастыря

которые при разбивке раскопа пришлось обходить, чтобы не повредить их корневую систему.

При понижении поверхности южной части раскопа, на участках 1 и 8, открылись кирпично-каменные фундаменты стен крупного сооружения XIX – начала XX в. с развалом печи. В юго-западном углу, между южным и западным бортами раскопа, а также фундаментом стен сооружения, на отметках +81/+53 см³ был обнаружен участок пролива извести с включением кирпичного боя (рис. 3). После снятия известко-

³ Для удобства фиксации раскоп был поделен на участки. За репер, равный 0, принята геодезическая отметка 130,72 м по Балтийской системе высот.

Рис. 2. Сводный план выявленных объектов с элементами реконструкции в северо-восточной части Новодевичьего монастыря

вого пролива, толщина которого достигала 25–42 см, стало ясно, что под ним скрывается ров древнего монастырского укрепления. Видимо, после прекращения своего существования ров был засыпан и сверху, во избежание проседания грунта, пролит слоем извести с добавлением кирпичного боя.

При зачистке поверхности на уровне материка (примерно 140 см от современной дневной поверхности) выявилась четкая прямая восточная граница рва на длину 300 см. В западном и южном направлениях ров уходил в борта раскопа, а в северном – под развал печи и фундаменты стен каменного сооружения. Таким образом, нам открылась восточная сторона рва на ширину 180 см. Линия рва прямая и ориентирована в направлении север-юг (рис. 4).

Рис. 3. Раскоп 25 (2018 г.), южная часть.
Фиксация полосы извести над рвом, засыпанном в XVII в.

Рис. 4. Раскоп 25 (2018 г.), южная часть.
Восточная сторона рва после выборки его заполнения

Рис. 5. Раскоп 3 (2020 г.), северная часть. Ров в профиле западного борта раскопа

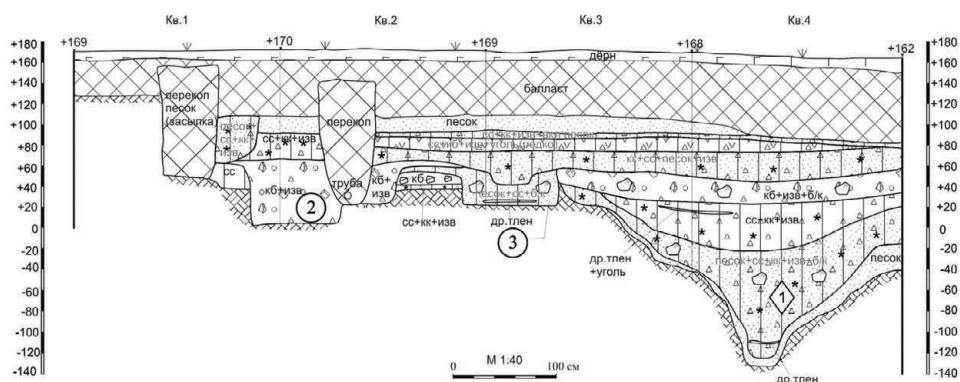

Рис. 6. Раскоп 3 (2020 г.), северная часть. Ров в профиле западного борта раскопа

В целях установления точных параметров рва (выявления его полной ширины, уточнения глубины и конфигурации) к западу от западного борта раскопа были последовательно заложены прирезки 1 и 2. В результате прирезок удалось проследить западную сторону и весь фрагмент рва на общую длину 8 метров. Также установлена полная ширина рва на уровне поверхности материка, которая составила 364 см. Нижняя нивелировочная отметка рва зафиксирована на уровне -92 см (230 см от современной дневной поверхности). Глубина рва на этом участке от древней поверхности составила 80–100 см.

В заполнении рва были зафиксированы следующие напластования (сверху вниз):

- слой коричневого песка с кирпичной крошкой и известью (мощностью до 28 см),
- слой серой супеси с желтым песком и редкими включениями битого кирпича (мощностью до 38 см),
- слой серой супеси с желтым песком (мощностью до 22 см),
- слой коричневого песка с битым кирпичом и обломками белого камня (мощностью до 40 см).

Еще один фрагмент рва, выявленный в 2018 г. на раскопе 25, находился в 6 м к северо-северо-востоку от вышеописанного, на соединении участков 1 и 2. При зачистке материковой поверхности участков вдоль западного борта раскопа был зафиксирован узкий фрагмент восточной стороны рва. Остальная значительная часть рва ушла в западный борт раскопа. С севера целостность рва полностью нарушена крупной и глубокой ямой конца XIX – начала XX в. Сверху, как и в первом случае, ров покрывал толстый слой извести. Протяженность выявленного фрагмента рва с севера на юг составила 387 см, максимальная ширина – 99 см (зафиксирована у северной границы). Примечательно, что восточная линия обнаруженного фрагмента рва не прямая, а слегка дугообразная. Закругление зафиксировано к югу в западном направлении. Заполнение этого фрагмента рва оказалось довольно однородным и представлено коричневым песком с редкими включениями извести и кирпичной крошки.

Работы 2018 г. показали отсутствие продолжения рва на северных участках раскопа 25. С целью выяснить, как соотносятся обнаруженные фрагменты рва между собой и почему ров не фиксируется севернее, было принято решение продолжить археологические исследования в будущем.

В 2020 г. к западу от участка 2 раскопа 25 был заложен раскоп 3 (рис. 1; 2). Он был разбит на месте монастырского сада, что осложнило работу в целом. Чтобы не повредить корневую систему многолетних деревьев, центральная часть раскопа не вскрывалась. Свободными от зеленых насаждений оказались только северная и небольшая южная части раскопа.

Исследование доступной для археологических работ территории раскопа 3 показало сильную поврежденность культурного слоя строительством и перекопами конца XIX – начала XX в. Так, почти всю северную часть раскопа занимала большая и глубокая яма прямоугольной формы (подклет поздней деревянной постройки?). К западу от нее культурный слой оказался полностью разрушенным колодцем XX в. В южной части раскопа большую часть площади занимали фундамент северной стены обнаруженного в 2018 г. кирпично-каменного сооружения и проходящие вдоль него металлические трубы коммуникаций. Тем не менее, несмотря на такие значительные повреждения культурного слоя, в северо-западной, восточной и южной частях раскопа 3 были зафиксированы небольшие, но важные информативные фрагменты рва.

Так, в северо-западной части раскопа 3 сохранился северный фрагмент рва на длину 160 см, ориентированный в направлении запад-восток. На уровне зачистки материка его ширина составила не менее 300 см. Ров уходил в западный и северный борта, а с восточной он накрывался ямой конца XIX – начала XX в.

В профиле западного борта раскопа было зафиксировано заполнение рва, которое представлено следующими последовательными напластованиями (сверху вниз): (рис. 5; 6).

- слой извести с кирпичным боем и белым камнем (мощностью до 24 см),
- слой серой супеси с кирпичной крошкой и известью (мощностью до 20 см),
- слой песка с серой супесью, кирпичной крошкой, известью и редкими включениям белого камня (мощностью до 38 см),
- слой коричневого песка (мощностью до 34 см).

Полная ширина рва реконструируется по профилю и составляет около 360–370 см.

В восточной части раскопа 3 был раскрыт фрагмент западной стороны дугообразной линии рва размером 200 × 240 см. Он соединяется с восточной стороной рва, выявленной в 2018 г. Этот участок рва также, как и северный, уходил под крупную яму конца XIX – начала XX в.

В южной части раскопа зафиксирован фрагмент восточной стороны рва размером 200 × 160 см. Выявленный фрагмент стыкуется с южным фрагментом, зафиксированным в 2018 г., и является его продолжением. Заполнение рва в этой части раскопа представлено (сверху вниз):

- слоем извести с битым кирпичом (мощностью до 60 см),
- слоем серой супеси с кирпичной крошкой и известью (мощностью до 22 см),
- слоем серой супеси с песком (мощностью до 97 см),
- слоем серой супеси с редкими включениями битого кирпича (мощностью до 40 см),
- слоем коричневого песка (мощностью до 46 см).

Для того, чтобы на исследуемом участке монастыря максимально реконструировать общую форму рва, важно было понять, как обнаруженные фрагменты стыкуются между собой. Между северо-западным и восточным фрагментами рва находилась крупная прямоугольная яма конца XIX – начала XX в. размерами 430 × 700 см, занимавшая практически всю северную часть раскопа 3. Выборка заполнения северной половины ямы показала, что она была довольно глубокой, но, к счастью, не смогла разрушить ров полностью. При зачистке дна ямы на уровне -126/-127 см (примерно в 250 см от современной дневной поверхности) была зафиксирована нижняя часть рва. В плане, на уровне зачистки, она представляла собой полосу шириной до 62 см, заполненную серой супесью с песком, кирпичной крошкой, комочками извести и редкими включениями угля. Полоса прослежена от северо-западного фрагмента рва. Она продолжалась, дугообразно закругляясь в направлении восточного фрагмента рва. После выборки заполнения рва на отметках -140/-152 см было зафиксировано его дно. Таким образом, нами была установлена дугообразная форма рва и его глубина (рис. 7).

Невозможность проведения работ на участке между восточным и южным фрагментами рва не позволила археологически установить поворот рва между ними. Однако общая картина позволяет сделать вывод, что ров здесь закругляется также дугообразно.

Полученная в ходе проведенных работ информация позволяет сделать выводы о конструктивных особенностях рва. Ров представлял собой углубление со скошенными, слегка уступчатыми стенками и ровным узким дном. Ширина рва на всем его протяжении одинаковая. В верхней части она составила 360–370 см, в нижней части – около 50 см. Верхняя часть рва по всей его длине был перекрыта слоем извести с включением кирпичного боя, использованным в качестве стяжки от проседания грунта. Глубина рва от уровня древней поверхности составляла 100–170 см.

Рис. 7. Раскоп 3 (2020 г.), северная часть. Дугообразная линия нижней части рва, зафиксированная под подклетом постройки (?) XIX–XX вв.

Исследования показали, что монастырский ров, ориентированный по линии юг–север, делает дугообразный изгиб и продолжается в направлении восток–запад. Диаметр внутренней дуги рва – около 8 м. Такой изгиб позволяет утверждать, что ров огибал северо-восточную угловую башню стены монастыря, следы которой ввиду сильной нарушенности культурного слоя, к сожалению, так и не были найдены. Пространство, образованное дугой рва, возможно, было предусмотрено для возведения круглой или граненой угловой башни ограды монастыря диаметром до 6 м. Такой вывод подтверждается картиной, выявленной в юго-восточной части монастыря, где в 2020 г. были обнаружены остатки угловой башни⁴.

О времени разбора стен ограды, засыпки рва и планировки территории можно судить по находкам его заполнения. В северо-восточной части монастыря были найдены 115 фрагментов керамики не позднее XVII в., среди которых:

- чернолощенная керамика (кувшин, миска),
- белоглиняная гладкая посуда (горшки с расчесом по венчику, донце сосуда, крышка),
- белоглиняная грубая (кувшин),
- муравленая белоглиняная,
- краснолощенная,
- красноглиняная с песком в тесте (крупного сосуда с ребром по плечу).

Также было обнаружено по одному фрагменту ангобированного сосуда и белоглиняного грубого кувшина, которые могут быть отнесены к XVI в.

Помимо керамики найдены кости животных, чернолощенная плитка пола и обувная подковка со штырьковым креплением (бытовавшие не позднее XVII в.). Стоит заметить, что в заполнении рва поздний материал отсутствует.

⁴ Беляев Л.А. и сотрудники Новодевичьей экспедиции ИА РАН. В Новодевичьем монастыре найдены остатки стен времен Бориса Годунова // <https://www.archaeolog.ru/ru/press/articles/v-novodevichem-monastyre-naydeny-ostatki-sten-vremyon-borisa-godunova>

Список литературы

- Беляев Л.А. Новодевичий монастырь: археология для истории (по материалам исследований 2016–2020 годов) // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2019. М.: Изд-во РАН, 2020. С. 162–180.
- Беляев Л.А., Глазунова О.Н., Григорян С.Б., Елкина И.И., Шуляев С.Г. Археология московского Новодевичьего монастыря: первые итоги // Российская археология. 2019. № 4. С. 192–207.
- Беляев Л.А., Глазунова О.Н., Григорян С.Б., Елкина И.И., Шуляев С.Г. Исследования 2017–2018 гг. в Новодевичьем монастыре (Москва) // АО. 2018 год. М.: ИА РАН, 2020. С. 116–121.
- Беляев Л.А. и сотрудники Новодевичьей экспедиции ИА РАН. В Новодевичьем монастыре найдены остатки стен времен Бориса Годунова // <https://www.archaeolog.ru/ru/press/articles/v-novodevichem-monastyre-naydeny-ostatki-sten-vremyon-borisa-godunova> (дата обращения: 20.22.2022).

А.А. Maksimova

EARLY FORTIFICATIONS IN THE NORTHEASTERN PART OF THE NOVODEVICHY CONVENT

Abstract: The article presents the results of the field work in the northeastern part of the Novodevichy Convent in 2018 and 2020. During the work, a corner section of the ancient monastery fortifications was revealed. A turn of the moat with an internal arc diameter of about 8 m was recorded. Such a bend allows us to state that the moat went around the northeastern corner tower of the monastery wall. Studies have shown that the dismantling of the walls and the backfilling of the moat took place no later than the 17th century.

Keywords: Novodevichy Convent, ancient fortifications, moat, wall, tower, 17th century.

КОНСТРУКЦИЯ СТЕН НОВОДЕВИЧЬЕГО МОНАСТЫРЯ XVI ВЕКА: ЮГО-ЗАПАДНЫЙ УЧАСТОК¹

Аннотация: В ходе археологических работ 2018–2021 гг. на территории Новодевичьего монастыря была открыта и изучена линия монастырской ограды XVI в., представленная семью фрагментами ее основания разной степени сохранности. Обнаруженные фрагменты позволяют сделать выводы о конструктивных особенностях кладок нижней части ограды.

Ключевые слова: Москва, Новодевичий монастырь, древние укрепления, монастырская ограда, каменная кладка, XVI в.

Одно из главных открытий Новодевичьей археологической экспедиции ИА РАН (рук. Л.А. Беляев) – первая каменная ограда монастыря. Эта стена возникла, как мы полагаем, в конце XVI в. Современный обвод, с его хрестоматийными башнями и воротами, построен при царевне Софье Алексеевне в 1680-х гг. и охватил первоначальный периметр снаружи, так что на историческом плане они выглядят как концентрически совмещенные. В недавних публикациях стена уже описана, хотя и не на всех участках², но много новых сведений дали работы последних лет, коренным образом изменившие картину.

Линия первой стены и точки ее угловых башен (северо-восточной, юго-восточной и, возможно, юго-западной) восстановлены по наблюдениям нескольких сезонов. Их фиксировали в основном небольшими фрагментами, по целиком заплывшему рву, участкам свайного поля и остаткам каменных конструкций, но в ряде случаев они имели значительную протяженность. Формы и размер восточного, южного (почти целиком) и, частично, северного прясел реконструируются полностью, но западное не засечено ни разу, и общая конфигурация плана не может считаться установленной. Это мог быть прямоугольник или, как и современная стена, пятиугольник. Поскольку монастырь был при основании существенно меньше, во многом меняются представления об архитектурной топографии и хронологии его каменных построек. Эти сюжеты найдут себе место в будущей книге по археологии монастыря. Здесь же займемся технологическими особенностями

¹ Работа выполнена в рамках плановой темы НИОТКР 122011200385-1.

² См.: Беляев Л.А. Новодевичий монастырь: археология для истории (по материалам исследований 2016–2020 годов) // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2019. М., 2020. С. 162–180; Беляев Л.А., Глазунова О.Н., Григорян С.Б., Елкина И.И., Шуляев С.Г. Археология московского Новодевичьего монастыря: первые итоги // Российская археология. 2019. № 4. С. 192–207; Беляев Л.А., Глазунова О.Н., Григорян С.Б., Елкина И.И., Шуляев С.Г. Исследования 2017–2018 гг. в Новодевичьем монастыре (Москва) // АО. 2018 год. М., 2020. С. 116–121.

Сводный план выявленных каменных архитектурных объектов
возле Ирининских палат и церкви Амвросия

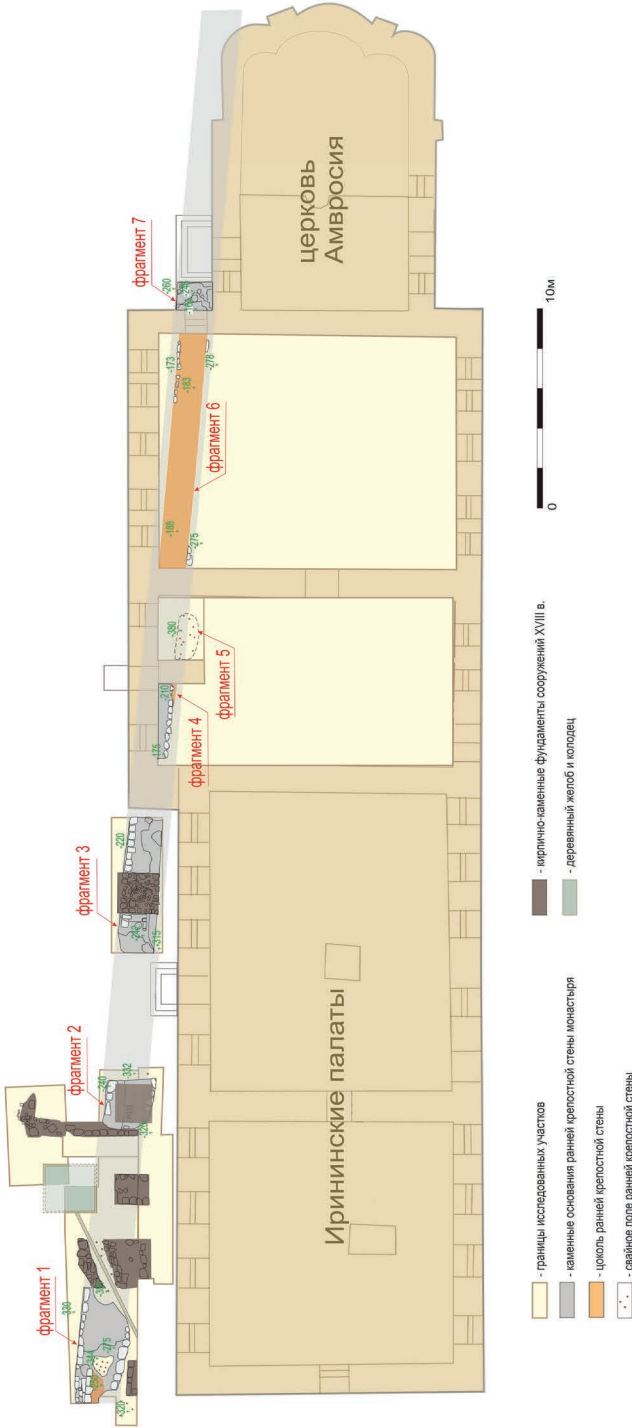

Рис. 1. Юго-западный участок ограды монастыря XVI в. Сводный план.
Новодевичья экспедиция ИА РАН, 2018–2021 гг.

Рис. 2. Новодевичий монастырь. Ограда XVI в.: фрагмент 1. Ортофотоплан, 2020 г.

стены, для анализа которых юго-западная часть дает пока гораздо больше данных, чем остальные.

Сохранность участков очень разная, поэтому их удобнее описывать по отдельности (см. в этом же томе статью А.А. Максимовой о северо-восточной части ограды). Наиболее сохранными оказались кладки, открытые снаружи от церкви св. Амвросия Медиоланского, внутри и вдоль северного фасада Ирининских палат и далее к западу от них, до угловой башни (участок которой, если он определен верно, совершенно испорчен кладбищем) (рис. 1).

При расширении монастыря прежние стены практически везде разобрали до основания, а ров вдоль них засыпали, так что сверху он заполнен мусором разборки и пролит толстым слоем извести. Впоследствии древний периметр неоднократно нарушили кладбищенские перекопы и поздние фундаменты деревянных и каменных сооружений, а в советское время прорезали линии подземных коммуникаций. Остатки конструкций стены в южной части монастыря уцелели (возможно, в силу того, что здесь рельеф сильно понижается), хотя и здесь нам встретились в основном фрагменты. Всего их обнаружено 7, и они также сохранились неодинаково.

Фрагменты обнаруживались постепенно, один за другим, и не всегда сразу определялись как части первой стены³. В 2018 г. в северной части одного из помещений Ирининских палат было отмечено свайное поле (фрагмент 5): основание стены здесь было полностью разобрано в XIX–XX вв. при устройстве кирпичных конструкций отопления (?), но в профиле были видны остатки белокаменной кладки, уходившей под внутреннюю восточную стену палат. Зимой 2020 г. в этом же помещении, к западу от описанного свайного поля, обнаружили каменное основание, значительной частью уходящее под северную стену палат (фрагмент 4). Работы в соседнем восточном помещении открыли еще один, довольно протяженный, участок фундамента, на этот раз с кирпичной (цокольной?) частью кладки (фрагмент 6). При этом было отмечено, что ось обнаруженных фрагментов, хотя и близка оси палат, отличается от фаса северной стены на 5°.

Работы 2020 г. шли также снаружи Ирининских палат, к северу от их стены. В результате раскоп возле ее западной части раскрыл еще два участка старого фун-

³ Для удобства описания мы нумеруем их с запада на восток, а не в порядке обнаружения.

Рис. 3. Новодевичий монастырь. Ограда XVI в.: фрагмент 3 и основание столба XVII в. Ортофотоплан, 2021 г.

дамента (фрагменты 1 и 2), а в 2021 г. в траншее, проложенной для замены внешней отмостки палат, мы зафиксировали фрагменты 3 и 7.

Сводный план показал, что все фрагменты образуют прямую линию общей длиной 56 м, идущую в направлении запад-восток с небольшим отклонением (те же 5°) к востоку от оси Ирининских палат. Замеры показали, что от линии первой ограды нынешняя южная стена монастыря отнесена на 28 м к северу и проходит вполне параллельно.

Опишем фрагменты в последовательности с запада на восток.

Фрагмент 1, наиболее информативный из всех, протяженностью 5,65 м, залегал на глубине всего 20 см от современной поверхности (с отметки -250 см)⁴. От северо-западного угла Ирининских палат его южный фас находился на расстоянии 2,60 м к северу (рис. 2). С востока его обрубил фундамент более позднего сооружения, вероятно, связанного с Ирининскими палатами (галерея вдоль фасада? переход в Успенскую церковь?), и многочисленные перекопы, в том числе траншеями коммуникаций (в одной из таких траншей найден деревянный сливной желоб XIX в., ведущий в колодец).

Основание сохранило до 3 рядов кладки и сложено «в ящик»: линии панциря из крупных булыжников-валунов и колотого белого камня, скрепленных коричневой глиной, а внутри – бут из крупных обломков белого камня, залитых известью. Общая ширина кладки в нижней части значительна: 2,30 м. Выше (с отметки -275 см) начинался цоколь стены. От него уцелели, в западной части, четыре белокаменных тесаных блока северного фаса (размеры блоков 40–35 × 30–25 × 20 см; протяженность кладки 1,64 м) с частью внутренней забутовки (общая ширина 0,80 м), на известковом растворе. Забутовка в уровне цоколя иная, чем в фундаменте: битый кирпич с известью. Вероятно, аналогичной была и южная линия фаса цоколя. Цокольная часть уже нижнего основания: линия блоков смещена на 40–45 см от края основания из крупных булыжников, и, если предположить, что южная линия блоков отстояла от края на такое же расстояние, общая ширина цоколя окажется близкой 1,30–1,40 м.

⁴ За репер, равный 0, была принята отметка 130,72 м по Балтийской системе высот.

Под основанием фрагмента 1, в его западной части, в материке прослежены пятна от свай-коротышей диаметром 8–10 см, забитых в материк на 30–40 см и расположенных рядами на расстоянии 15–20 см друг от друга; аналогичные пятна фиксировались в материке под разрушенным основанием и в других местах фрагмента.

Подошва стены заглублена в материк на 20–25 см (отметка -344 см).

Фрагмент 2 (верх на отметке -238 см), протяженностью 2,50 м найден гораздо восточнее, в 7,80 м от фрагмента 1. У него осталась неповрежденной только северная лицевая линия, в высоту на 3 ряда белокаменных блоков. В целом фрагмент 2 сохранился на высоту около 90 см и заглублен в материк на 20 см (отметка -332 см). С восточной стороны от кладки на дне отмечено пятно от сваи диаметром 8 см, заглубленной в материк на 22 см.

С запада, востока и юга кладка многократно нарушена поздним строительством и перекопами под коммуникации. Участок стены у фрагмента 2 частично использован как опора кладки столба (перехода? галереи?) Ирининских палат: на нем лежала забутовка из битого кирпича, извести и белого камня, а к западному обрубленному торцу приложили лицевую кладку из белокаменных блоков, тянувшуюся к северу не менее чем на 6 м.

Фрагмент 3 обнаружен в 6 м к востоку от фрагмента 2, на уровне -220 см (рис. 3). Его общая протяженность 6,60 м, но основание квадратного столба (галерея Ирининских палат?) делит фрагмент на две части: западная длиной 1,90 м, восточная длиной 2,70 м. У нас не было возможности раскрыть фрагмент целиком, и для изучения низа в кладке с южной и северной сторон были дополнительно прокопаны зондажи.

Цокольная часть стены шириной 1,30–1,40 м начинается с отметки -240 см. Северный фас цоколя выложен из белокаменных тесаных блоков (30–25 × 25–20 × 20 см); лицевая кладка сохранилась и с южной стороны, но только в западной части фрагмента и на очень небольшом отрезке. Она выложена не из камня, а из кирпича-большемера на извести. Внутреннее пространство цоколя забутовано кирпичным боем с известью. Ниже лежит основание из 3 рядов белокаменной кладки, общей мощностью до 85 см, заглубленное в материк на 20 см (подошва на отметке -320 см).

Фрагмент 4 имеет протяженность 3,70 м и находится внутри Ирининских палат, в их северо-западной части. Здесь основание первой стены частично вошло в состав стены самих палат: ранняя кладка идет под небольшим углом к их северной стене и в значительной части уходит под нее. На уровне -173/-180 см открыт один ряд белокаменной кладки южной стороны основания стены, он из тесаных блоков размерами 30–25 × 25–20 × 20 см и лежит на забутовке, под которой с отметки -210 см фиксируется кирпичная кладка цоколя ранней стены из кирпича-большемера. К сожалению, мы могли опуститься только до проектной отметки (-216 см), так что изучить кладку до подошвы не удалось.

Фрагмент 5 – участок свайного поля ранней стены, размером 2,20 × 1,10 м, рядом с фрагментом 4, в северо-восточной части Ирининских палат. На уровне -364/-368 см зафиксированы 12 деревянных, в большинстве не истлевших, свай диаметром до 12 см; от уровня прокопа (-380/-388 см) они выступали вертикальными столбиками на 8–27 см.

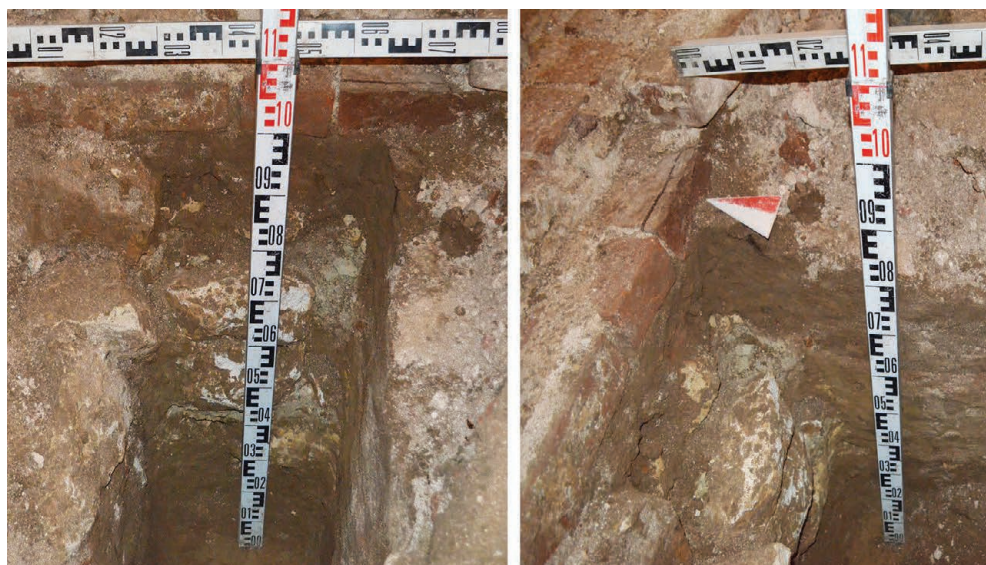

Рис. 4. Новодевичий монастырь. Ограда XVI в.: фрагмент 6, цокольная часть, 2020 г.

Кладки основания над сваями полностью разобраны до границы восточной стены помещения, вероятно, при возведении в XIX–XX вв. подземных кирпичных конструкций (отопление?), однако остатки белокаменной кладки в профиле под восточной стеной Ирининских палат сохранились.

Фрагмент 6 обнаружен внутри самого восточного из помещений Ирининских палат, возле их северной стены (с отметки -173 см), между западной и восточной стенами (рис. 4). Он тянется через все помещение под углом около 5° к линии северной стены палат, достигая длины 11,80 м. Нам удалось изучить лишь верхнюю, цокольную часть ранней стены (до проектной отметки -200 см). Она имеет ширину 1,30–1,40 м. Северный и южный фасы выложены в полкирпича на известковом растворе и сохранились на высоту до трех рядов. В основном использован большемер размерами $30 \times 15 \times 7,5$ см, но отмечены девиации размеров ($32 \times 12 \times 9$, $29 \times 15 \times 8$ см). В восточной части северного фаса кирпичную кладку частично сменяют небольшие белокаменные блоки размером $35\text{--}25 \times 22\text{--}15 \times 18\text{--}15$ см. Верхний ряд кирпичной кладки южного фаса немного завален внутрь. Пространство между лицевыми кладками забутовано кирпичным боем, кирпичной крошкой и битым белым камнем, сверху пролито известью.

Заложенные с юга от фрагмента зондажи (западный и восточный) выявили нижнюю часть основания, составленную из 4 рядов кладки, общей высотой до 80 см.

Рис. 5. Новодевичий монастырь. Ограда XVI в.: фрагмент 6, южный фас фундамента. Вид с юга (а) и с запада (б). 2020 г.

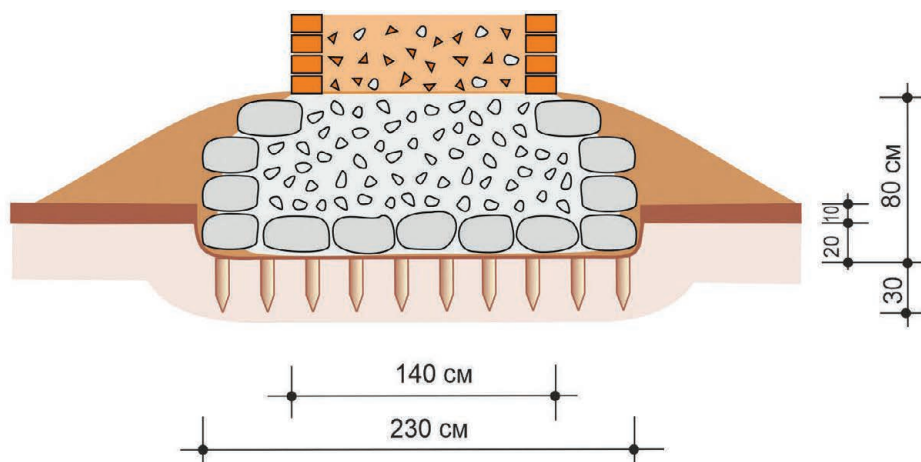
Она состоит из грубо обработанного белого и дикого камня (рис. 5). Как показали наблюдения на других участках, основание стены заглублено в материк примерно на 20–25 см (уровень материка в зондажах на отметках -275/-278 см; вероятно, подошва основания достигала отметок -295/-300 см).

Фрагмент 7 сохранился на длину 2,06 м при ширине до 1,44 м, он уходит под восточную стену Ирининских палат и северную стену церкви св. Амвросия. В основном сохранилась нижняя, подошвенная часть, высотой в один ряд колотого белого камня на извести. Ближе к стене палат на ней сохранилось немного забутовки из белокаменных обломков и кирпичного боя, пролитых известью (верхняя отметка забутовки на уровне -164 см). Зондаж с восточной стороны фрагмента выявил его подошву на 20 см ниже уровня материка (отметка -280 см).

Суммируем наши наблюдения. В южной части монастыря изучена линия монастырской ограды XVI в., представленная семью фрагментами ее основания разной степени сохранности. Общая протяженность участка близка 56 м. Ось стены параллельна южной стене монастыря 1680-х гг., которая проходит к северу от нее на расстоянии 28 м.

Удается реконструировать конструкцию нижней части стены (рис. 6). Перед ее возведением в грунте, на ширину основания, была прокопана траншея, углубленная в материк на 20–25 см. Затем в дно траншеи параллельными рядами, на расстоянии 18–20 см друг от друга, забили сваи диаметром 8–12 см. На подготовленное свайное поле укладывался первый слой основания, состоящего сплошь из валунов (в западной части линии стены) или колотых и грубо обработанных блоков белого камня, скрепленных глиной или пролитых раствором. Выше камень укладывали только по

Рис. 6. Новодевичий монастырь. Основание монастырской ограды XVI в.
Вариант реконструкции

лицевым сторонам, заполняя внутреннее пространство белокаменными обломками, а затем проливая известью. Готовое основание (фундамент) стены имело три-четыре ряда кладки на ширину 2,20–2,30 м при высоте 0,80–0,90 м.

Первый выравнивающий цокольный ряд, поставленный на основание, имел ширину 1,30–1,40 м. Лицевые стороны были сложены, в основном, из кирпича-большера (кладка в полкирпича) на известковом растворе. Использовали также хорошо обработанные белокаменные блоки небольшого размера, причем отмечено несколько отрезков кладки, составленных только из блоков. Внутреннее пространство между лицевыми кладками забутовано обломками кирпича и белого камня, кирпичной и белокаменной крошкой и пролито известью.

Следует отметить, что монастырская ограда следовала рельефу местности и плавно понижалась на всем протяжении стены согласно природному падению к западу. Перепад в уровне материка у западного и восточного края изученной линии стены составил 80 см, и та же разница отмечена между уровнем верха основания/низа цоколя стены.

Первую монастырскую ограду на изученном участке разобрали до уровня цоколя, но фундамент не выбирали. Позже к югу от стены, отчасти накрыв ее новой кладкой, возвели каменное здание, получившее имя Ирининских палат. По-видимому, с ними были связаны обнаруженные каменно-кирпичные основания столбов, идущих параллельно стене палат. Вероятно, по западной части северной стены Ирининских палат стояла галерея, образуя единую линию с северной восточной части палат на протяжении всего северного фасада. Некоторые столбы повредили основание древней ограды. Помимо столбовых, ее разрезал поперечный фундамент, возможно, от основания перехода из Царицыных палат в Успенскую церковь (изображен на пла-

нах Новодевичьего монастыря 1724, 1763 и 1776 гг.)⁵. Однако на плане 1796 г.⁶ этого перехода уже нет, а Ирининские палаты с северной стороны поменяли конфигурацию. Видимо, между 1776 и 1796 гг. здание палат перестроили, разобрав переход и галерею; примерно тогда же разобрали и галерею, окружавшую Успенскую церковь.

Список литературы

- Беляев Л.А. Новодевичий монастырь: археология для истории (по материалам исследований 2016–2020 годов) // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2019. М.: Изд-во РАН, 2020. С. 162–180.
- Беляев Л.А., Глазунова О.Н., Григорян С.Б., Елкина И.И., Шуляев С.Г. Археология московского Новодевичьего монастыря: первые итоги // Российская археология. 2019. № 4. С. 192–207.
- Беляев Л.А., Глазунова О.Н., Григорян С.Б., Елкина И.И., Шуляев С.Г. Исследования 2017–2018 гг. в Новодевичьем монастыре (Москва) // АО. 2018 год. М.: ИА РАН, 2020. С. 116–121.
- Памятники архитектуры Москвы. Территория между Садовым кольцом и границами города XVIII в. (от Земляного вала до Камер-Коллежского вала). М.: Искусство, 1998. 423 с.
- Шиманова М.А. Изразцовые печи XVII–XIX вв. Новодевичьего монастыря в Москве: проблемы сохранения // Журнал института наследия: сетевое научное рецензируемое издание. 2018. № 1 (12). Электронный ресурс: URL: <file:///C:/Users/User/Downloads/izraztsovy-pechi-xvii-xix-vv-novodevichiego-monastyrya-v-moskve-problemy-sohraneniya.pdf> (дата обращения: 27.11.2022).

I.I. Elkina, V.S. Frolov

CONSTRUCTION OF THE WALLS OF THE NOVODEVICHY CONVENT OF THE 16TH CENTURY: SOUTHWESTERN SECTION

Abstract: During archaeological excavations in 2018–2021 on the territory of the Novodevichy Convent, the line of the monastery fence of the 16th century was discovered and studied. It is represented by seven fragments of its foundation of varying degrees of preservation. The discovered fragments make it possible to draw conclusions about the design features of the masonry in the lower part of the fence.

Keywords: Moscow, Novodevichy Convent, ancient fortifications, monastery fence, masonry, 16th century.

---

⁵ Публикацию плана 1724 г. см.: Памятники архитектуры Москвы. Территория между Садовым кольцом и границами города XVIII в. (от Земляного до Камер-Коллежского вала). М., 1998. С. 51.

⁶ Публикацию планов 1776 и 1796 гг. см.: Шиманова М.А. Изразцовые печи XVII–XIX вв. Новодевичьего монастыря в Москве: проблемы сохранения // Журнал института наследия: сетевое научное рецензируемое издание. 2018. № 1 (12). С. 3. Электронный ресурс: URL: <file:///C:/Users/User/Downloads/izraztsovy-pechi-xvii-xix-vv-novodevichiego-monastyrya-v-moskve-problemy-sohraneniya.pdf>.

НОВОДЕВИЧИЙ МОНАСТЫРЬ КАК ЦАРСКАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ: К ВОПРОСУ О МОНАСТЫРЯХ-РЕЗИДЕНЦИЯХ XVII в.

Аннотация: В статье Московский Новодевичий монастырь сравнивается с царскими резиденциями XVII в. В отличие от них монастырь не имел на своей территории государева двора и не был полностью интегрирован в систему управления царскими резиденциями. Однако благодаря пребыванию в монастыре представителей царской фамилии, их участию в различных церемониях, взаимодействию с придворными и подданными на территории обители Новодевичий монастырь успешно выполнял функции резиденции.

Ключевые слова: царские резиденции, раннее Новое время, Новодевичий монастырь, царевна Софья.

Одним из ключевых институтов раннего Нового времени были резиденции – места длительного местопребывания правителя и его двора, предназначенные для реализации публичной политики. В Европе этого периода возникло множество монастырей – резиденций светских правителей. Самым впечатляющим среди них был монастырь Эль Эскориал, построенный во второй половине XVI в. испанским королем Филиппом II.

В ряде российских монастырей существовали государевы хоромы или государевы кельи, однако до сих пор специально не исследовался вопрос, можно ли считать эти монастыри резиденциями. В данной статье предполагается рассмотреть этот вопрос на примере Новодевичьего монастыря XVII в.

Государев двор и хоромы

При изучении российских резиденций XVII в. исследователи сталкиваются с серьезной проблемой: в русском языке того времени не было специального понятия для описания резиденций, однако существовала практика длительного пребывания государя вместе со своим двором. Место такого пребывания называлось государевым двором¹. В Москве был только один государев двор – в Кремле, большинство остальных государевых дворов находились за городом².

¹ Этот термин имел и другие значения. См. подробнее: *Захаров А.В.* Эхо «государева двора» в русских источниках и историографии // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI веков: Сборник статей / Под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной, Ю.В. Красновой. Челябинск, 2011. С. 89–98. В данной статье рассматриваются только государевы дворы-резиденции.

² Подробнее см.: *Топычканов А.В.* Политическое пространство царских загородных резиденций второй половины XVII века. М., 2019.

В источниках не удалось выявить упоминания государева двора внутри монастырей. В то же время можно наблюдать обратный вариант, когда монастырь возникает «на государевом дворе» или «у государева двора». Классический пример – Знаменский монастырь на «старом государевом дворе» или на «старом государевом патриарховом дворе»³, то есть на дворе Романовых в Зарядье. После 1613 г. здесь был устроен вотчинный двор великой старицы Марфы, а после ее смерти в 1631 г. ее супруг, патриарх Филарет, передал церковь и двор игумену Герасиму для организации Знаменского монастыря⁴. На государевом дворе в Александровой новой слободе был устроен Успенский монастырь. Сначала, в 1650/51 г., царь Алексей Михайлович разрешил старице Марии с сестрами устроить монастырь, а в июне 1654 г. старица Клеопатра с сестрами получили царскую и патриаршую грамоты о передаче им Успенской церкви и ее освящении⁵. В XV в. известны случаи переноса монастыря («разорил монастырь») в связи с расширением государевых дворов⁶. Возможно, отсутствие государевых дворов на территории монастырей вызвано тем, что статус государева двора не мог быть ниже статуса монастырской территории.

В случае с Новодевичьим монастырем государев двор находился не внутри него, а рядом – на Девичьем поле. В царствование Михаила Федоровича государев двор не упоминается, хотя государь накануне и в день престольного праздника, 27–28 июля, ежегодно приезжал в обитель и останавливался на Девичьем поле в шатрах «за монастырем»⁷, то есть вне монастырской ограды. В 1663 г. царь Алексей Михайлович повелел устроить здесь свой государев двор с «горницей на взруб» под шатровой металлической кровлей с орлами и золоченым крестом наверху⁸. Перед этим государевым двором проходили масштабные военные смотры в 1663–1664 гг. В начале 1680-х гг. на Девичьем поле возвели новые государевы светлицы и был разбит сад⁹. Вероятно, в этих светлицах впоследствии жила и скончалась царевна Екатерина Алексеевна¹⁰. Помимо государева двора, были и другие дворы, принадлежавшие членам царской семьи. Так, «в Царицыне слободе» находился двор царевны Софьи, который использовался для проживания ее приближенных, в частности «черкашенина» священника Ивана Ефимьева¹¹.

³ Забелин И.Е. Материалы для истории, археологии и статистики г. Москвы. Ч. 1. М., 1884. Стб. 406.

⁴ Подробнее см.: *Сергий (Спасский), архиеп.* Историческое описание московского Знаменского монастыря, что на Старом Государевом дворе. М., 1866. Паг. 2. С. 1; *Топычканов А.В.* Московский в честь иконы Божией Матери «Знамение» мужской монастырь // Православная энциклопедия. Т. 47. М., 2017. С. 381.

⁵ *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое и археологическое описание первоклассного Успенского женского монастыря в г. Александрове (Владимирской губ.). СПб., 1884. С. 12, 34–35; *Морозов Б.Н.* Сказание об Успенском монастыре в Александровской слободе // Вестник церковной истории. 2006. № 4. С. 10, 13–14.

⁶ *Давиденко Д.Г.* Монастыри-архимандритии в городах Северо-Восточной и Северо-Западной Руси в XIV–XV вв. // Средневековая Русь. Вып. 10: К 1150-летию зарождения российской государственности / Отв. ред. А.А. Горский. М., 2012. С. 308–309.

⁷ *Токмаков И.Ф.* Историческое описание Московского Новодевичьего монастыря. М., 1885. С. 19–20; Дворцовые разряды. Т. 1: 1612–1628 гг. СПб., 1850. Стб. 829, 930, 1025.

⁸ См.: *Забелин И.Е.* Указ. соч. Стб. 1223–1238.

⁹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1032. Л. 66 об., 72 об., 87, 97 об., 108 об.–109, 111 об.–112, 163 об., 165 об.–166, 174, 185, 199; ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 367. Л. 185–190.

¹⁰ Древняя российская вивлиофика / Изд. Н.И. Новикова. Т. 2. М., 1789. С. 216.

¹¹ *Чистякова М.В.* Монахини «с Белой Роси» в Новодевичьем монастыре. М., 2000. С. 110, 129.

Если в монастыре нельзя выделить государев двор, то, может быть, имеет смысл считать монастырями-резиденциями те из них, которые имеют царские хоромы. В некоторых монастырях они чаще всего фигурируют под именем государевых хором (Троице-Сергиев, Саввино-Сторожевский монастыри). В Новодевичьем монастыре упоминаются «хоромы» царевен Евдокии, Софьи, Екатерины и Марии. Покои царевны Марии приняты отождествлять с палатами у Южных ворот, покои царевны Екатерины – с палатами у Северных ворот, а покои царевны Софьи – со стрелецкой караульной у Напрудной башни, где она жила после монашеского пострига (до этого она могла жить в деревянных хорах)¹². Повседневная жизнь перечисленных хором не исследована. Можно лишь предполагать, что в них совершались те же придворные церемонии, которые мы наблюдаем в загородных государевых дворах. Даже после того, как царевна Софья была заключена в Новодевичий монастырь, она продолжила поддерживать отношения со своими сторонниками. В монографии М.В. Чистяковой «Монахини “с Белой Роси” в Новодевичьем монастыре» приведено немало примеров, свидетельствующих о том, что такое взаимодействие осуществлялось в том числе и в ее хорах. Чтобы ограничить эти связи, Петр I в 1696 г. ввел в Новодевичьем монастыре строгий пропускной режим¹³, однако это не помешало Софье узнать о готовящемся стрелецком восстании и поддержать стрельцов. Даже после 1698 г. Петру не удалось полностью изолировать Новодевичий монастырь, а значит, и лишить его возможности служить резиденцией царевны Софьи.

Дворцовое управление

Управление государевыми дворами находилось в руках дворецкого — руководителя Приказа Большого дворца. Загородные государевы дворы обычно были в ведении либо Приказа Большого дворца, либо Приказа тайных дел. В первом случае говорилось о государевом дворе в дворцовом селе, во втором случае – о государевом дворе в государевом селе. Села Приказа тайных дел существовали небольшой период – с 1663 до 1676 г.

Большинство российских монастырей находилось в совместном ведении царя и патриарха¹⁴. С одной стороны, они подчинялись Приказу Большого дворца, в составе которого отдельный стол заведовал монастырскими делами (в 1649 г. он выделился в Монастырский приказ). В основном здесь решались вопросы учета, финансов и собственности, выдачи руги. С другой стороны, монастыри подчинялись патриаршим приказам, особенно в судебном отношении. На практике можно наблюдать довольно сложное взаимодействие царской и патриаршей компетенций, границы которых постоянно менялись.

¹² Шведова М.М. Царицы-инокини Новодевичьего монастыря // Труды Государственного исторического музея. Вып. 99: Новодевичий монастырь в русской культуре: Материалы научной конференции 1995 г. / Отв. ред. В.Л. Егоров. М., 1998. С. 86. Существующие атрибуции основаны на данных XVIII в. и нуждаются в дополнительной проверке.

¹³ Чистякова М.В. Указ. соч. С. 98–101.

¹⁴ Дмитриев Ф.М. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях. М., 1859; Горчаков М.И. Монастырский приказ (1649–1725 г.): Опыт историко-юридического исследования. СПб., 1868; Капитанов С.М. Финансы средневековой Руси. М., 1988; Капитанов С.М. Церковная юрисдикция в конце XIV – начале XVI в. // Церковь, общество и государство в феодальной России: Сборник статей / Ред. А.И. Клибанов. М., 1990. С. 151–163.

Во второй половине XVII в. государственные приказы расширяют сферу своей компетенции в ряде монастырей. Речь идет о Московском Никольском и Симоновом монастырях, оказавшихся в ведении Посольского приказа¹⁵, а также Донском монастыре, перешедшем в ведение Малороссийского приказа, который находился в подчинении у Посольского приказа¹⁶.

Ситуация с управлением «дворцовыми» монастырями выглядит несколько сложнее. Среди них был только один так называемый комнатный монастырь – Саввино-Сторожевский¹⁷, который управлялся точно так же, как резиденции царя Алексея Михайловича. Его особое положение выражалось в том, что он подчинялся Приказу тайных дел и все вопросы (возможно, помимо духовных дел) в нем решались при участии самого царя. Государь попытался придать высокий статус этой обители, подчинив ему 18 монастырей и сделав его лаврой. В ведение Царской мастерской палаты в 1679 г. был передан Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь, однако свои вотчинные вопросы он решал через Московский судный и Сыскной приказы¹⁸, которыми руководил боярин П.В. Шереметев Большой, глава Оружейной палаты. Примечательно, что в строительной документации Приказа Большого дворца, сохранившейся за 1680–1693 гг.¹⁹, эти монастыри почти не представлены. В то же время в Успенском монастыре в Александровой слободе, который не претендовал на статус монастыря-резиденции, строительные работы велись под руководством Приказа Большого дворца²⁰.

Пример Новодевичьего монастыря выглядит сложнее. Царь Михаил Федорович подтвердил судебный иммунитет Новодевичьего монастыря, пожалованный Иваном IV в 1571 г., а также исключительные права царского дворецкого и монастырских приказчиков судить монастырских людей, включая духовенство²¹. Несмотря на это, в 1625 г. вышел указ о том, что Новодевичий монастырь, наряду с другими обителями, входит в состав патриаршей области и, следовательно, в судебном отношении подчиняется патриарху²². После смерти патриарха Филарета в 1633 г. один из монастырей патриаршей области – Симонов монастырь – вновь был подчинен Приказу Большого дворца²³. Новодевичий монастырь также добился восстановления

¹⁵ Давиденко Д.Г. Судебная подведомственность Симонова монастыря в XV–XVII веках // Вестник церковной истории. 2006. № 3. С. 187–207; Тимошина Л.А. Московский Никольский («Большая глава») монастырь во второй половине XVII в.: взгляд изнутри // Каптеревские чтения: Сборник статей. Вып. 13. М., 2015. С. 89–125.

¹⁶ Забелин И.Е. Описание московского ставропигиального Донского монастыря. М., 1865. С. 99–100; Харлампович К.В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. С. 282–291.

¹⁷ Смирнов С. Историческое описание Саввино-Сторожевского монастыря. 2-е изд. М., 1860. С. 70–71.

¹⁸ Леонид (Кавелин), архим. Историческое описание ставропигиального Воскресенского Новый Иерусалим именуемого монастыря // ЧОИДР. 1874. Кн. 3. С. 105–107.

¹⁹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1032, 1033, 1035, 1036, 1037, 1042, 1043, 1044, 1045; ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 364, 365, 366, 367.

²⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 365. Отдельные строительные работы в Успенском Александровском монастыре упоминаются также в кн.: ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 366.

²¹ Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов, XV – начало XVII в. / Отв. ред. В.Д. Назаров. М., 1998. С. 396–403.

²² Полное собрание законов Российской империи. Т. 1: С 1649 по 1675. СПб., 1830. № 201. С. 419–421.

²³ О практике реализации этого указа см. подробнее: Давиденко Д.Г. Указ. соч. С. 191.

своей государственной юрисдикции, по крайней мере, в 1646 г.²⁴ Вероятно, с этого времени Приказная изба Новодевичьего монастыря (Новодевичий приказ) находилась в подчинении у Приказа Большого дворца, хотя на практике ей руководили представители разных приказов. Например, в 1655 г. руководящий пост был передан от дворянина И.П. Матюшкина (глава Приказа Большой казны) к дьяку Д.М. Башмакову, в 1654 г. служившему при дворецком В.В. Бутурлине, а затем ставшему сотрудником Царицыной мастерской палаты и главой Тайного приказа²⁵. Дьяк Трофим Игнатьев в 1721 г. так объяснил принцип управления Приказной избой Новодевичьего монастыря: «В прошлых годах, издавна, указами царского величества в Новодевиче приказе были судьи из думных людей, и из царедворцев, и из дьяков непременно, и ведали судом, и расправою, и всякими сборами того монастыря со служителей и крестьян»²⁶. То есть при назначении руководителей Новодевичьего приказа выбирали думных людей и царедворцев, а не конкретное ведомство.

Подобный же принцип использовался и при организации строительных работ в Новодевичьем монастыре в 1680-е гг., несмотря на то, что монастырю открыто покровительствовала царевна Софья. В строительной документации Приказа Большого дворца сохранились только отдельные упоминания о передаче Новодевичьему монастырю необходимых материалов²⁷. М.В. Николаева ввела в научный оборот обширный корпус источников об иконостасных работах в этом монастыре в 1680-е гг. В основном финансирование этих работ шло из Оружейной палаты, Приказа Большой казны, Печатного приказа и Новгородского приказа, соединенного с Посольским приказом. В случае первых трех приказов контроль за финансированием возлагался на боярина П.В. Шереметева Большого, а в случае с Новгородским приказом – на боярина князя В.В. Голицына²⁸.

Почему царевна Софья довольно ограниченно использовала ресурсы Приказа Большого дворца, который руководил строительными работами в Кремле и загородных резиденциях? Во главе Приказа Большого дворца стояли как будто бы ее сторонники: боярин князь В.Ф. Одоевский (представитель двора царя Ивана Алексеевича), а с 16 января 1687 г. – окольничий С.Ф. Толочанов, приближенный боярина князя В.В. Голицына. Однако в действительности царь Иван не был противником Петра I²⁹,

²⁴ Акты Российского государства. С. 403.

²⁵ Данные о ведомственной принадлежности установлены на основании сведений о том, кто отвечал за архив Новодевичьего приказа (Акты Российского государства. С. 282–288, 406–412) и к какому ведомству они принадлежали (*Гурлянд И.Я.* Приказ великого государя тайных дел. Ярославль, 1902. С. 337–339; *Богоявленский С.К.* Приказные судьи XVII века // *Богоявленский С.К.* Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI–XVII веков / Отв. ред. С.О. Шмидт. М., 2006. С. 44, 47, 188, 199, 219, 229, 261).

²⁶ Цит. по: *Токмаков И.Ф.* Историческое описание Московского Новодевичьего монастыря. М., 1885. С. 30.

²⁷ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1032. Л. 441 об., 459 об.; РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1033. Л. 395–395 об.; РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1035. Л. 63–63 об., 80 об.; ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 366. Л. 109 об., 198, 218 об., 247 об., 270; ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 367. Л. 21, 152.

²⁸ *Николаева М.В.* Иконостасное строительство последней трети XVII века: «столярство и резьба», золочение, иконописные работы: Новодевичий, Донской, Высоко-Петровский, Симонов монастыри. М., 2020. С. 14–215.

²⁹ *Морохин А.В.* Цари Иван V и Петр I: к истории взаимоотношений братьев-соправителей // Труды Санкт-Петербургского института истории РАН. Вып. 7: Российское государство в XVI – начале XVIII века:

Одоевский и Толочанов открыто проявляли свою лояльность Нарышкиным, особенно в конце 1680-х гг.³⁰, а сам Приказ Большого дворца и его Мастерская столярная палата преимущественно обслуживала интересы Нарышкиных³¹. Вероятно, этим и было обусловлено использование царевной Софьей ресурсов других приказов.

Заключение

С терминологической точки зрения Новодевичий монастырь, строго говоря, не был резиденцией, поскольку в нем не было государева двора, а сам он не был в полной мере интегрирован в систему управления царскими резиденциями, однако пребывание в монастыре представителей царской фамилии, их участие в различных церемониях, взаимодействие с придворными и подданными на территории обители – все это отвечало целям публичной репрезентации власти монарха. Благодаря этому Новодевичий монастырь успешно выполнял функции резиденции, особенно в 1680-е гг., когда царевна Софья в той или иной степени пыталась повторить путь Бориса Годунова к власти.

Список литературы

- Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов, XV – начало XVII в. / Отв. ред. В.Д. Назаров. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1998. 734 с.
- Богоявленский С.К. Приказные судьи XVII века // *Богоявленский С.К. Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI–XVII веков* / Отв. ред. С.О. Шмидт. М.: Языки славянской культуры, 2006. С. 33–320.
- Горчаков М.И. Монастырский приказ (1649–1725 г.): Опыт историко-юридического исследования. СПб.: Тип. А. Траншея, 1868. 459 с.
- Гурлянд И.Я. Приказ великого государя тайных дел. Ярославль: Тип. Губернского правления, 1902. 390 с.
- Давиденко Д.Г. Монастыри-архимандритии в городах Северо-Восточной и Северо-Западной Руси в XIV–XV вв. // *Средневековая Русь. Вып. 10: К 1150-летию зарождения российской государственности* / Отв. ред. А.А. Горский. М.: Индрик, 2012. С. 248–331.
- Давиденко Д.Г. Судебная подведомственность Симонова монастыря в XV–XVII веках // *Вестник церковной истории*. 2006. № 3. С. 187–207.
- Дмитриев Ф.М. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях. М.: Унив. тип., 1859. 588 с.
- Забелин И.Е. Материалы для истории, археологии и статистики г. Москвы. Ч. 1. М.: Московская городская дума, 1884. 1484 стб.
- Забелин И.Е. Описание московского ставропигиального Донского монастыря. М.: Тип. Грачева и комп., 1865. 168 с.

Сборник статей к 70-летию А.П. Павлова / Сост. А.И. Раздорский. СПб.; М., 2022. С. 422–441.

³⁰ Лавров А.С. Регентство царевны Софьи Алексеевны: Служилое общество и борьба за власть в верхах Русского государства в 1682–1689 гг. М., 1999. С. 98–99.

³¹ Приказ Большого дворца регулярно участвовал в строительстве московских и подмосковных усадеб Нарышкиных (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1032, 1033, 1035, 1036, 1037, 1042, 1043, 1044, 1045; ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 366, 367).

- Захаров А.В. Эхо «государева двора» в русских источниках и историографии // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI веков: Сборник статей / Под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной, Ю.В. Красновой. Челябинск: Энциклопедия, 2011. С. 89–98.
- Каишанов С.М. Финансы средневековой Руси. М.: Наука, 1988. 246 с.
- Каишанов С.М. Церковная юрисдикция в конце XIV – начале XVI в. // Церковь, общество и государство в феодальной России: Сборник статей / Ред. А.И. Клибанов. М.: Наука, 1990. С. 151–163.
- Лавров А.С. Регентство царевны Софьи Алексеевны: Служилое общество и борьба за власть в верхах Русского государства в 1682–1689 гг. М.: Археографический центр, 1999. 304 с.
- Леонид (Кавелин), архим. Историческое и археологическое описание первоклассного Успенского женского монастыря в г. Александрове (Владимирской губ.). СПб.: Тип. Акад. наук, 1884. 160 с.
- Леонид (Кавелин), архим. Историческое описание ставропигиального Воскресенского Нового Иерусалим именуемого монастыря // ЧОИДР. 1874. Кн. 3. Паг. 1. С. 1–124.
- Морозов Б.Н. Сказание об Успенском монастыре в Александровской слободе // Вестник церковной истории. 2006. № 4. С. 5–31.
- Морохин А.В. Цари Иван V и Петр I: к истории взаимоотношений братьев-соправителей // Труды Санкт-Петербургского института истории РАН. Вып. 7: Российское государство в XVI – начале XVIII века: Сборник статей к 70-летию А.П. Павлова / Сост. А.И. Раздорский. СПб.; М.: Старая Басманная, 2022. С. 422–441.
- Николаева М.В. Иконостасное строительство последней трети XVII века: «столярство и резьба», золочение, иконописные работы: Новодевичий, Донской, Высоко-Петровский, Симонов монастыри. М.: БуксМАрт, 2020. 448 с.
- Сергий (Спасский), архиеп. Историческое описание московского Знаменского монастыря, что на Старом Государевом дворе. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1866. 165 с.
- Смирнов С. Историческое описание Саввино-Сторожевского монастыря. 2-е изд. М.: Тип. В. Готье, 1860. 112 с.
- Тимошина Л.А. Московский Никольский («Большая глава») монастырь во второй половине XVII в.: взгляд изнутри // Каптеревские чтения: Сборник статей. Вып. 13. М.: ИВИ РАН, 2015. С. 89–125.
- Токмаков И.Ф. Историческое описание Московского Новодевичьего монастыря. М.: Тип. Л.Ф. Снегирева, 1885. 128 с.
- Топычканов А.В. Московский в честь иконы Божией Матери «Знамение» мужской монастырь // Церковно-научный центр «Православная энциклопедия». Т. 47. М.: Православная энциклопедия, 2017. С. 381–387.
- Топычканов А.В. Политическое пространство царских загородных резиденций второй половины XVII века. М.: Индрик, 2019. 328 с.
- Харлампович К.В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань: Изд. книжного магазина М.А. Голубева, 1914. 878 с.
- Чистякова М.В. Монахини «с Белой Роси» в Новодевичьем монастыре. М.: ГИМ, 2000. 182 с.
- Шведова М.М. Царицы-инокини Новодевичьего монастыря // Труды Государственного исторического музея. Вып. 99: Новодевичий монастырь в русской культуре: Материалы научной конференции 1995 г. / Отв. ред. В.Л. Егоров. М.: ГИМ, 1998. С. 73–93.

**NOVODEVICHY CONVENT AS A TSAR'S RESIDENCE:
ON THE ISSUE OF RESIDENCE MONASTERIES IN THE 17TH CENTURY**

Abstract: The article compares the Moscow Novodevichy Convent with the royal residences of the 17th century. Unlike them, the convent did not have a sovereign court on its territory and was not fully integrated into the management system of royal residences. However, thanks to the presence of representatives of the royal family in the convent, their participation in various ceremonies, interaction with courtiers and subjects on the territory of the monastery, the Novodevichy Convent successfully performed the functions of a residence.

Keywords: Novodevichy Convent, royal residences, 17th century.

СОБОР НИКОЛО-КОРЕЛЬСКОГО МОНАСТЫРЯ В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ АРХИТЕКТУРЫ XVII в.

Аннотация: Собор Николо-Корельского монастыря по особенностям своей конструкции и декорации является одним из самых ярких, до сих пор практически неизвестных, памятников архитектуры XVII в. В его облике переплелись приемы вологодской, московской и поволжской художественно-строительных школ. С возведения Никольского монастырского собора возобновилась каменная храмовая архитектурная традиция на Холмогоро-Архангельском Севере в XVII в. Анализ его архитектуры посвящена статья.

Ключевые слова: русская архитектура XVII века, соборы, двустолпные храмы, вологодское зодчество, узорочье, московская и поволжская школы.

Среди архитектурных памятников XVII в. можно перечислить несколько, не включенных – в силу различных причин – в профессиональный оборот архитекторов и не фигурирующих в истории русского искусства до сих пор. Никольский собор Корельского монастыря, как и весь монастырский каменный комплекс, никогда не рассматривался историками архитектуры, потому что оказался в советское время на территории режимного объекта, куда нет свободного доступа и сейчас. Единственным известным памятником этого северного ансамбля стала деревянная воротная башня с прилегающими пряслами, перевезенная П.Д. Барановским в 1932 г. в Москву в музей-усадьбу «Коломенское». Вместе с другими памятниками башня составляет музей деревянного зодчества под открытым небом и вошла в историю русской деревянной архитектуры.

Каменный комплекс Николо-Корельского монастыря – церковь с трапезной, колокольной, собором и переходом между зданиями – представляет собой целостный монастырский ансамбль, сохранившийся до наших дней (рис. 1: а, б). Первое каменное здание – Успенская церковь с трапезной на погребках, было заложено здесь 29 мая 1664 г. Осенью 1667 г. церковь была освящена «при Новгородском митрополите Макарии и игумене Косьме»¹. В этом сообщении кроется ошибка: Новгородский

---

¹ Григорьевский М. Николаевский Корельский 3-классный монастырь // Архангельские епархиальные ведомости. 1898. № 16. В этом сообщении из АЕВ кроется ошибка: Новгородский митрополит Макарий умер в 1663 г., так что, либо церковь была освящена раньше, либо благословение на освящение было прислано раньше окончания строительства, либо церковь освящена при митрополите Питириме, ставшим новгородским владыкой в августе 1664 г. (См.: Макарий (Булгаков). История русской церкви. Кн. 7. М., 1996. С. 611). По данным П.М. Строева, игумен Косьма (Козьма) управлял монастырем с 1657 по 1674 гг., после чего был отрешен от игуменства, а в середине 1680-х гг. снова стал во главе обители (Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877. Репринт: Koln, 1990. Стлб. 824). Сведения о на-

Рис. 1. Николо-Корельский монастырь: а – вид с северо-востока; б – вид с юго-востока. Фото 2022 г.

митрополит Макарий умер в 1663 г., так что, либо церковь была освящена раньше, либо благословение на освящение было прислано раньше окончания строительства, либо церковь освящена при митрополите Питириме, ставшим новгородским владыкой в августе 1664 г. Эта церковь первоначально пятиглавое², бесстолпное сооружение с

стоятелях монастыря были дополнены в статье А.Б. Юдина (Юдин А.Б. Настоятели. Кто управлял монастырем в XVI–XX вв. // Духовная пристань поморов. Архангельск, 2003. С. 235–245).

² Верх Успенской церкви перестраивался дважды: в 1834 г. были разобраны первоначальные барабаны

Рис. 2. Общий вид Николо-Корельского монастыря с юго-востока.
Фото акад. В.В. Суслова. 1886 г. Фотоархив ИИМК РАН, негатив П-13979

прямоугольным алтарем, обширной одностолпной трапезной палатой и множеством подсобных помещений. Одновременно к северо-западу от него была сооружена каменная шатровая колокольня, верх которой не дошел до наших дней³. На фотографиях XIX в. можно видеть два ее нижних яруса, над которыми возвышался шатер со слухами. 3 июня 1670 г. в монастыре заложили Никольский собор, освященный 9 сентября 1673 г. «при Иоакиме, митрополите Новгородском, и при том же игумене Косме»⁴. В 1684 г. между Успенским храмом и Никольским собором соорудили

и главы и устроен двухъярусный деревянный барабан со сложной главой. В 1900 г. вместо одной вновь были устроены пять глав (Юдин А.Б. «Поставила есми храм...»). Устройство деревянных и каменных строений Николаевского Корельского монастыря // *Духовная пристань поморов*. Архангельск, 2003. С. 87. Прим. 59).

³ Главу над колокольней поставили лишь в 1700 г., поэтому этот год было принято считать датой ее постройки (см. Григоревский М. Николаевский Корельский третьеклассный монастырь... № 16; Заручевская Е.Б., Супрун М.Н. В строгом каменном убранстве // *Духовная пристань поморов*. Архангельск, 2003. С. 49).

⁴ Григоревский М. Николаевский Корельский третьеклассный монастырь... № 16. Дату освящения храма – 1673 г. – некоторые исследователи подвергают сомнению (Юдин А.Б. «Поставила есми храм...». С. 72). В архивных описях содержатся сведения о том, что храм не был достроен и не был освящен, как минимум, до середины 1677 г. (Там же). Судя по практике строительства подобных сооружений XVII в., на первом этапе строительства должны были быть сведены своды собора, а на втором этапе могли выполнять внутреннее обустройство храма. Я считаю, что датами строительства собора можно считать 1670–1673 гг.

переход, на возведении которого практически завершилось основное каменное строительство в обители⁵.

Таким образом, в короткий по средневековым меркам срок – 1664–1684 гг., Корельский монастырь получил представительный комплекс каменных сооружений, выполненный по единому композиционному замыслу и в общем стилистическом ключе (рис. 2). Архитектура монастырского ансамбля достойна отдельного исследования, но настоящая статья посвящена только монастырскому собору как самому характерному из частей этого комплекса; зданию, по архитектуре которого можно составить представление о круге памятников, послуживших образцами для монастырских построек, и об опыте мастеров-строителей, воплощавших идеи заказчиков. Архитектура Никольского собора дает ключ к пониманию происхождения архитектуры всего монастырского комплекса.

Исторические сведения о монастыре (и о его соборе) впервые были собраны Комитетом по составлению историко-статистического описания Архангельской епархии и опубликованы в «Архангельских губернских ведомостях» в 1852 г.⁶ Эти сведения были дополнены П.М. Строевым, много работавшим в архиве монастыря⁷. В 1879 г. собранные воедино архивные и уже опубликованные данные о монастыре были представлены в виде доклада «Историко-статистическое описание Николаевского Корельского третьеклассного монастыря» на заседании Общества истории и древностей Российских епископом Архангельским и Холмогорским Макарием (Миролюбовым), опубликовавшим впоследствии этот труд отдельным изданием⁸. В самом конце XIX в. к истории монастыря еще раз обратился М.С. Григоревский, церковный писатель, историк и преподаватель, опубликовавший свой труд в «Архангельских епархиальных ведомостях»⁹. Немногом ранее, в 1895 г. в Архангельске были изданы отдельные монастырские документы¹⁰.

Изобразительные материалы по монастырю были ограничены несколькими до-революционными фотографиями, представляющими ансамбль с разных ракурсов. Ни архитектурных чертежей, ни эскизов фасадов не было. В РГАДА сохранился замечательный чертёж Никольского монастыря XVIII в., который демонстрирует весь комплекс монастырских зданий с их названиями на время составления документа¹¹. Этот архивный документ дает исключительную информацию по всему ансамблю, но об архитектуре отдельных зданий по нему судить невозможно. В статье В.В. Суслова 1889 г. была опубликована схема плана собора, очень условно демонстрирующая его

⁵ Уместно вспомнить, что именно в это время (1683–1686) на игуменство был возвращен Козьма, ранее строивший собор и трапезную (Строев П. Списки иерархов... Стб. 824; Юдин А.Б. Настоятели... С. 238–239).

⁶ Архангельские губернские ведомости. 1852. № 10, 11.

⁷ Строев П. Списки иерархов... Стб. 824.

⁸ Макарий (Миролюбов), еп. Историко-статистическое описание Николаевского Корельского третьеклассного монастыря. М., 1879.

⁹ Григоревский М. Николаевский Корельский третьеклассный монастырь... № 16.

¹⁰ Старые синодики Николо-Корельского монастыря // Архангельские епархиальные ведомости. 1895. № 1, 2.

¹¹ Крашенинникова Н.Л. Чертеж Николо-Карельского монастыря Архангельской области // Архитектурное наследство. № 2. М., 1952. С. 232–235; Юдин А.Б. Во времена Елизаветы. Уникальный чертёж XVIII века // Духовная пристань поморов. Архангельск, 2003. С. 55–59.

двухстолпную конструкцию¹². По этим материалам¹³ автором настоящей статьи была опубликована работа¹⁴, посвященная архитектуре северных соборов, в которой монастырский собор был рассмотрен в качестве памятника, стоящего в самом начале, но на отдалении от епархиального архитектурного направления, сформировавшегося с открытием Холмогорской и Важской епархии в 1682 г. и начавшейся широкой художественной деятельности архиепископа Афанасия. В эти же годы в Архангельске был издан сборник по истории Корельского монастыря, в котором опубликованы материалы по хронологии монастырского строительства, основанные на архивных документах, а также сделаны некоторые наблюдения над архитектурой комплекса¹⁵.

Первые графические материалы по монастырю были сделаны в начале 1990-х гг., когда архитекторы-реставраторы института «Спецпроектреставрация» провели архитектурные обмеры и изготовили чертежи комплекса, в том числе собора¹⁶. Эти графические листы никогда не были опубликованы. Летом 2022 г. была совершена непродолжительная экспедиция ИА РАН, в результате которой были уточнены чертежи 1990-х гг. и сделаны инструментальные обмеры комплекса при помощи современного оборудования¹⁷. В настоящей статье архитектура монастырского собора анализируется с использованием недавно выявленных архивных¹⁸ и натурных фотографий и графических материалов, часть которых публикуется впервые.

Никольский собор – это крупный пятиглавый, трехабсидный храм (рис. 3: а, б) с двумя внутренними столбами и обширным подклетом, часть которого была отведена под усыпальницу, а часть – под погреба и кладовые¹⁹. Длина четверика храма (с запада на восток) составляет 22,9 м, ширина (с севера на юг) – 18,5 м²⁰. С севера и запада к собору примыкает двухэтажная сводчатая галерея, поднимающаяся до второго уровня окон (габариты собора с галереями – 28,2 × 23,8 м). На второй этаж галереи поднимаются две крытых лестницы (рис. 4), а из галереи в собор ведут два входа – западный и северный, украшенные перспективными порталами. Фасады храма разделены

¹² Суслов В.В. Очерки по истории древне-русского зодчества. СПб., 1889. С. 113–114.

¹³ А также имевшимся в распоряжении автора фотографиям из частной коллекции В.М. Рудченко и фотографии из издания 1991 г.: Памятники архангельского Севера. Архангельск, 1991. С. 134–144, фото Никольского собора между С. 192–193.

¹⁴ Вдовиченко М.В. Архитектура северных соборов XVII века // Памятники русской архитектуры и монументального искусства XVI–XX вв. Вып. 7. М., 2005. С. 27–62.

¹⁵ Духовная пристань поморов. История Николо-Корельского монастыря: статьи, очерки, исследования. Архангельск, 2003.

¹⁶ Проектный институт по реставрации памятников истории и культуры «Спецпроектреставрация». Научно-проектная документация. Раздел: Комплексные научные исследования. Обмерные чертежи. Главный архитектор института В.А. Виноградов, руководитель Архитектурно-реставрационной мастерской-3 Э.П. Гончаров, главный архитектор проекта, главный инженер проекта Э.Э. Наседкин. М., 1991.

¹⁷ Натурные исследования и обмеры были выполнены М.В. Вдовиченко, Е.Н. Пророковой и Ю.С. Фомичёвой.

¹⁸ Благодарю сотрудника Научного архива ИИМК РАН М.В. Медведеву за помощь в работе с этими документами.

¹⁹ Научный архив ИИМК РАН. Ф. Р–III. Д. 38. Метрика 1887 г.

²⁰ По обмеру шагами, сделанному П.Д. Барановским и приведенному в статье Н.Л. Крашенинниковой, размер собора составлял приблизительно 24 × 21 м (Крашенинникова Н.Л. Чертеж Николо-Карельского монастыря... С. 232–235). Эти данные были скорректированы инструментальными обмерами 2022 г.

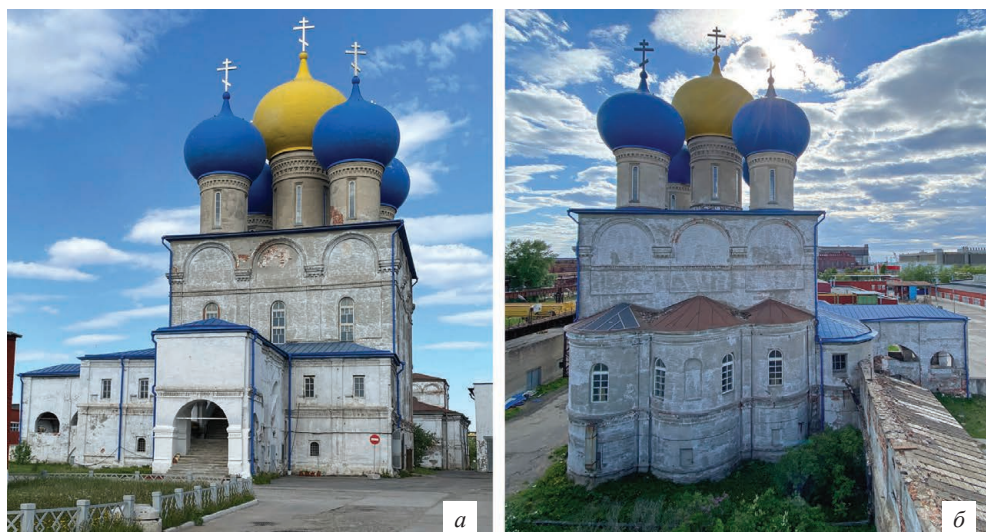

Рис. 3. Никольский собор: *а* – вид с запада; *б* – вид с востока. Фото 2022 г.

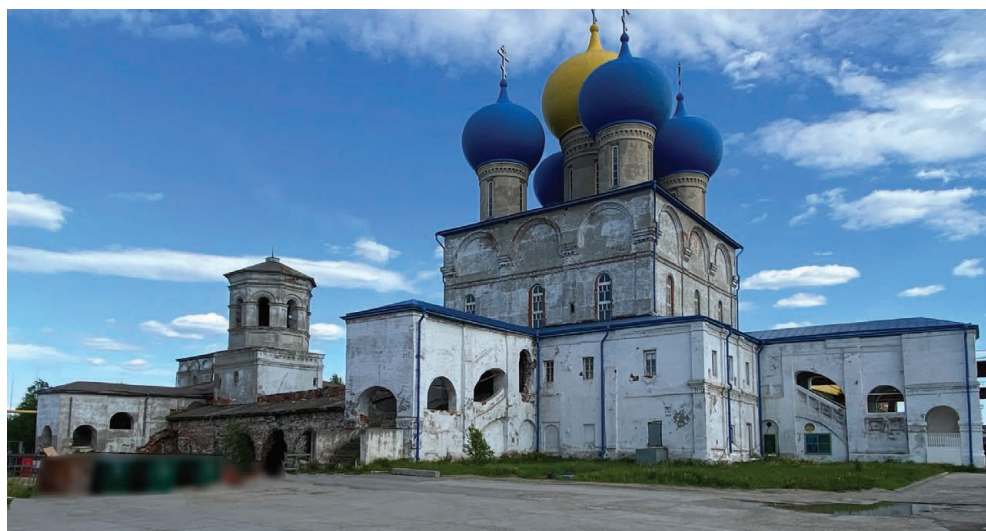

Рис. 4. Никольский собор. Вид с северо-запада. Фото 2022 г.

пилястрами на равные прясла и завершены ложными профилированными закомарами правильной полуциркульной формы. Поле закомар отрезано от стен тонким карнизом, проведенным ниже капителей пилястр. Промежутки между закомарами заложены и стены выведены на единую высоту для покрытия четырехскатной кровлей.

Яркой характеристикой архитектуры Никольского храма является его двустолпная конструкция, которая в соборном строительстве XVI–XVII вв. была широко

востребована. По сути она является редуцированным вариантом четырехстолпного собора, и ее происхождение связано с сокращением (но не упрощением) четырехстолпного храма посредством сближения и слияния, восточных столбов с восточной стеной четверика. Рождение двустолпия в русской архитектуре произошло на рубеже XV–XVI вв., когда, как предполагают исследователи²¹, в храмовой архитектуре утвердился высокий иконостас, возникший столетием ранее, и пространство за алтарной преградой перестало быть видимым из наоса собора. Одним из первых памятников, в структуре которого начался процесс «слияния» восточных опор со стеной четверика, был Успенский собор Кирилло-Белозерского монастыря (1496–1497)²². Первым же известным сейчас «чистым» двустолпием считается церковь Благовещенского погоста в Кольчугинском районе Владимирской области (1501)²³.

На протяжении XVI в. было сооружено около двух десятков известных сейчас двустолпных храмов, в XVII в. – более пяти десятков. Двустолпные храмы имеют неодинаковую внутреннюю структуру, различающуюся расположением центрального барабана: в некоторых из них средняя глава расположена непосредственно между опорами, в других – сдвинута относительно столбов к востоку (рис. 5: а, б). Второй вариант истории архитектуры условно называют «ложным» двустолпием²⁴, первый – «истинным» или развитым²⁵, поскольку внутренняя структура соборного сооружения при таком устройстве получает определенное развитие – она становится более продуманной и завершенной. Я придерживаюсь терминов «центричное» и «первичное двустолпие» для описанных вариантов, как это стало принятым в профессиональном общении в последнее время. Впервые, насколько мне известно, тип двустолпного древнерусского храма выделил В.В. Суслов²⁶, а затем к нему обращались замечательные историки архитектуры В.А. Богусевич²⁷, В.П. Выголов²⁸, Н.Н. Воронин²⁹. В последнее время несколько архитектуроведческих статей по двустолпию, в которых в научный

²¹ Выголов В.П. Архитектура Благовещенского собора в Сольвычегодске // Архив архитектуры. Вып. 1. М., 1992. С. 81.

²² Подъяпольский С.С. К характеристике кирилловского зодчества XV–XVI вв. // Советская археология. 1966. № 2. С. 75–95.

²³ Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Владимирская область. Ч. 1. М., 2004. С. 50–51.

²⁴ Термин используется специалистами, но, на мой взгляд, он не вполне корректен. Так, логичнее подобный вариант храма называть ложным четырехстолпием или, как предлагает Вл.В. Седов, первичным двустолпием (Седов Вл.В. Церковь Богоявления на Острове // Проект Россия. 2002. № 22). Впервые разделять двустолпные храмы по этому признаку с употреблением терминов «ложного», «истинного» (или развитого) двустолпия предложил В.П. Выголов (Выголов В.П. Архитектура Благовещенского собора... С. 82).

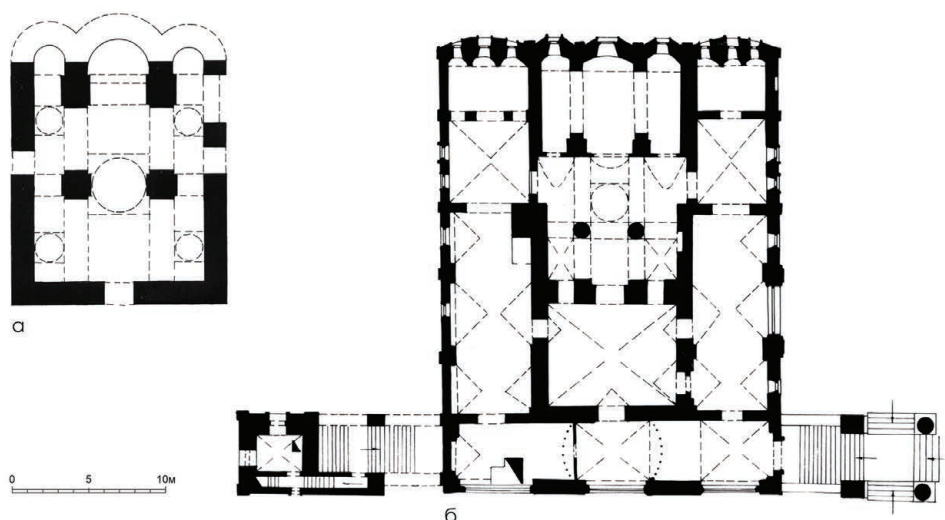
²⁵ Выголов В.П. Архитектура Благовещенского собора... С. 82–83. В последнее время историки архитектуры перешли на термин «центричное двустолпие» (Мерзлютина Н.А. Двустолпные церкви Ярославской области: к вопросу о развитии типа в Верхнем Поволжье в XVII–XVIII веках // Архитектурное наследие. Вып. 69. СПб., 2018. С. 18–30), что корректно отражает особенность этого варианта.

²⁶ Суслов В.В. Очерки... С. 113–114.

²⁷ Богусевич В.А. Новый архитектурный тип в русском зодчестве XVI-го и XVII-го столетий // Академия истории материальной культуры. Бюро по делам аспирантов. Сборник 1. Л., 1929. С. 93–101.

²⁸ Выголов В.П. Архитектура Благовещенского собора... С. 77–101; Бочаров Г.Н., Выголов В.П. Вологда. Кириллов. Ферапонтово. Белозерск. М., 1966. С. 98–101.

²⁹ Воронин Н.Н. К истории русского зодчества XVI века // Академия истории материальной культуры. Бюро по делам аспирантов. Сборник 1. С. 83–92.

Рис. 5. Планы двустолпных храмов с различным расположением центральной главы:
 а – собор Геннадиевой пустыни в Ярославской области (центричное двустолпие);
 б – Казанская церковь в Коломенском (первичное двустолпие)

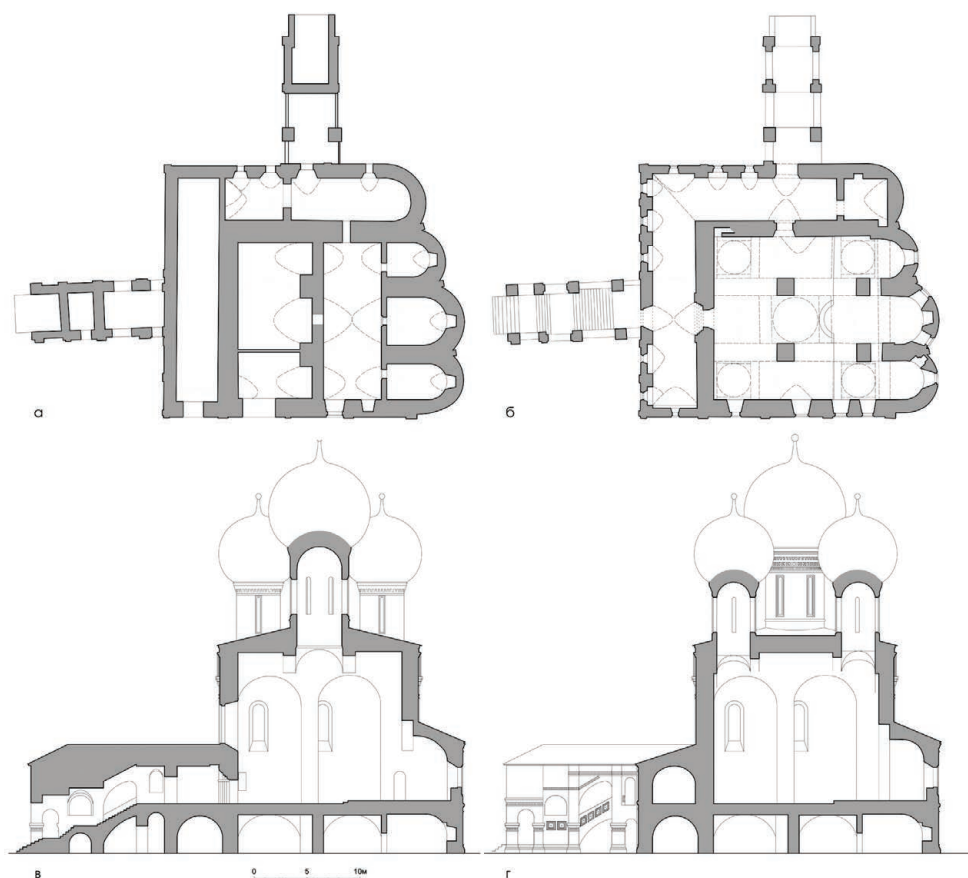
оборот вводились новые памятники, было издано Н.А. Мерзлютиной³⁰. Если наиболее ранним памятником с первичным двустолпием была церковь Благовещенского погоста, то в качестве первого храма с центричным двустолпием принято считать Благовещенский собор в Сольвычегодске, построенный в 1560 – начале 1570-х гг. по заказу семьи Строгановых в столице их северных вотчин³¹.

В силу своей недоступности собор Николо-Корельского монастыря не был включен ни в одну из перечисленных работ, кроме, как было сказано выше, краткого общего обзора В.В. Суслова, в котором была дана условная схема плана Никольского храма, правда, с некоторыми неточностями. В частности, на схеме восточная часть сооружения искажена по сравнению с реальностью. Особенностью ее устройства являются протяженные межабсидные стенки, имеющие в своей нижней части арки, из-за которых западный участок стенок на плане выглядит отдельными опорами (рис. 6). Этим приемом план Никольского храма схож с планом Успенского собора Кирилло-Белозерского

³⁰ Мерзлютина Н.А. О двустолпной церкви Спаса Нерукотворного в Соликамске 1689 г. // Филевские чтения. Тезисы восьмой научной конференции. М., 2003. С. 53–54; Мерзлютина Н.А. Архитектурные памятники села Фаустово // Христианское зодчество. Новые материалы и исследования. М., 2004. С. 301–316; Мерзлютина Н.А. Успенская церковь в Воронеже (к вопросу о двустолпных храмах XVII века) // Филевские чтения. Тезисы девятой конференции. М., 2006. С. 51–53; Мерзлютина Н.А. Одигитриевская церковь села Палец Нижегородской губернии. К вопросу о распространении двустолпного типа храма в Поволжье в последней четверти XVII века // Архитектурное наследство. Вып. 67. СПб., 2017. С. 85–94; Мерзлютина Н.А. Двустолпные церкви Ярославской области... С. 18–30.

³¹ Выголов В.П. Архитектура Благовещенского собора...; Седов Вл.В. Сольвычегодск: город и его искусство // Вклад. Художественное наследие Строгановых XVI–XVII веков в музеях Сольвычегодска и Пермского края. Пермь, 2017. С. 38–75.

Рис. 6. Никольский собор: *а* – план подклета; *б* – план основного этажа с конфигурацией сводов; *в* – продольный разрез по центральному нефу; *г* – продольный разрез по южному нефу. Чертежи Е.Н. Пророковой и Ю.С. Фомичёвой, 2022 г.

монастыря и может быть при беглом рассмотрении интерпретирован как план четырехстолпного собора. Но в реальном внутреннем пространстве эти опоры выше арок слиты с восточными частями, образуя единый кирпичный массив длинных межабсидных стенок, к западным границам которых примыкает иконостас.

Желание создателей храма представить Никольский собор четырехстолпным сооружением очевидно и во внешних членениях фасадов: все они разделены на три равных между собой прясла. Если бы внешние членения следовали внутренней конструкции сооружения, то в двухстолпном храме продольные северный и южный фасады должны были иметь двухчастную композицию. На три прясла делятся фасады четырехстолпных храмов, однако, в архитектуре XVII в. эти правила не соблюдались уже повсеместно, и внешние членения фасадов не отвечали внутренней конструкции намного чаще, чем это было ранее. Стремление к воплощению образа монументального

монастырского собора заметно и по габаритам четверика двустолпного Никольского храма, которые больше габаритов многих четырехстолпных храмов XVII в.

Центральная глава Корельского собора расположена не строго между столбами, а с небольшим сдвигом к востоку, однако, все еще таким образом, чтобы считать конструкцию храма центричным (развитым, «истинным») двустолпием. В ее постановке заметно стремление выполнить одновременно «правило» центричного двустолпия с главой между столбами и «правило» четырехстолпного собора (типа А – с иконостасом у восточной пары столбов), в котором центральный купол осеняет амвон и пространство перед ним. Выполнить одновременно оба «правила» в двустолпном сооружении невозможно, поэтому было найдено компромиссное решение, зрительно сближающее центральную главу и амвон храма.

Система сводов Николо-Корельского собора традиционна для двустолпной церкви центричного варианта, но имеет небольшие особенности, раскрывающие опыт зодчих и требуемые заказчиком образцы (рис. 7). Сводчатые перекрытия Никольского собора имеют в качестве основы четыре продольно ориентированные сильно пониженные подпружные арки, перекинутые от столбов как к западной стене, так и к восточным межабсидным выступам. Образовавшиеся таким образом три продольных нефа, средний из которых больше боковых, перекрываются коробовыми (почти полуциркульными) сводами, устроенными на одном уровне.

Малые боковые барабаны поднимаются на системе дополнительных тонких арок, уменьшающих их диаметр. Участки над столбами достраиваются до уровня шельги коробовых сводов, и на опорном кольце возводится центральный барабан. Обычно в двустолпных храмах арки устраиваются и в поперечном направлении – от столбов к южной и северной стенам. Однако в Никольском соборе этих арок нет, в боковых коробовых сводах устраивается только поперечная распалубка от внешней стены – отдаленный след поперечного коробового свода в крестово-купольных храмах, которому соответствует средняя закомара на фасадах. В двустолпных храмах XVII в., построенных до Никольского собора, арки существуют повсеместно, поэтому их отсутствие в Никольском соборе является «говорящей» деталью, помогающей понять образцы Корельского храма.

В прообразе северных двустолпных храмов XVII в. – Благовещенском соборе Сольвычегодска поперечные арки имеются, но в построенном следом за ним небольшом двустолпном надвратном храме Федора Стратилата (позднее Вознесения) Спасо-Прилуцкого монастыря под Вологдой (1590-е гг.) поперечные арки также отсутствуют. Если генеральным образцом для внутренней структуры первых северных двустолпных церквей XVII в. послужил Сольвычегодский собор XVI в., то один из конкретных конструктивных приемов строители монастырского собора позаимствовали из маленького монастырского же надвратного храма, посчитав его удобным, логичным и рациональным.

Николо-Корельский собор обладает наиболее развернутой композицией завершения – световым пятиглавием (рис. 8), при котором три главы должны освещать пространство для молящихся, и две – расположенные за иконостасом – восточные ячейки четверика³². Торжественное световое пятиглавие в завершении храма

³² В настоящий момент световые барабаны не выходят во внутреннее пространство храма, они закрыты деревянными щитами. В момент снятия обмеров с памятника в начале 1990-х гг. Никольский собор не

Рис. 7. Своды Никольского собора. Фото 2022 г.

имел боковых первоначальных барабанов, которые к настоящему времени восстановлены.

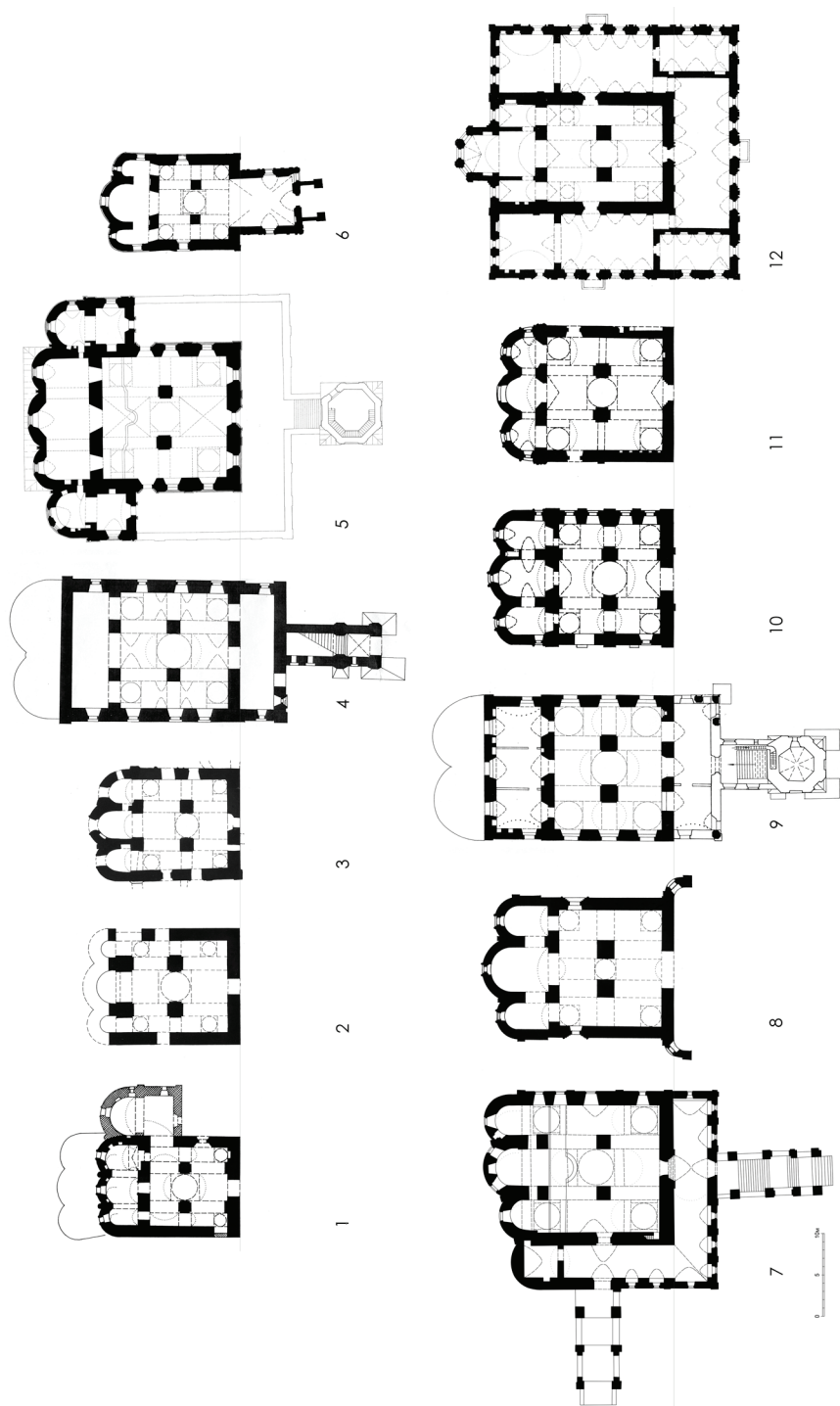

Рис. 8. Главы Никольского собора. Фото художника-архитектора Д.В. Милеева. 1906 г.
Фотоархив ИИМК РАН, шифр О.653.05

– знак непосредственной связи со столичной традицией, с соборными памятниками Московского Кремля и следовавших за ними большими соборами XVI–XVII вв., среди которых ближайший – один из лучших больших соборов XVI в. – Софийский в Вологде (1568–1570).

Двустолпных храмов со световым пятиглавием в XVII в. известно более десяти – их планы представлены на рис. 9. Самый ранний из них, переходный, с неполным световым пятиглавием (со световым трехглавием и восточными глухими барабанами) был построен в вотчине князя Д.И. Пожарского в с. Пурех – Спасо-Преображенский храм (закончен в 1647 г.). Следующий храм – с полным пятиглавием (первый из трех небольших по размерам храмов) – был сооружен в 1644–1647 гг. в Геннадиевой пустыни (Любимский район Ярославской области), затем еще два – монастырский в Костроме (около 1654 г.) и посадский в Суздале (1660-е гг.). С возведением в 1650-х гг. вологодских двустолпных церквей в Дюдиковой пустыни и Андрея Первозванного во Фрязинове³³, Троицкого собора Гledenского монастыря в Великом Устюге, а затем – в 1670-е гг. – Николо-Корельского собора и церкви Николы во Владычной слободе в Вологде размеры двустолпных храмов увеличиваются, и последующие монастырские и приходские церкви имеют габариты, вполне сопоставимые с габаритами четырехстолпных сооружений, а отдельные храмы по размерам даже превосходят их.

³³ Сейчас церковь сохранила только центральную главу из первоначальных пяти.

Рис. 9. Планы двустолпных церквей варианта центрального двустолпия со световым пятиглавием: 1 – Спасо-Преображенский храм в Пурехе (1647); 2 – Спасо-Преображенский собор Геннадиевой пустыни (1644–1647); 3 – церковь Вознесения на Дёбре в Костроме (около 1654); 4 – церковь Спасо-Преображения (Андрея Первозванного) во Фрязинове в Вологде (1655–1664); 5 – Троицкий собор Троице-Гледенского монастыря в Великом Устюге (1659); 6 – Церковь Лазаря в Суздале (1667); 7 – собор Николо-Корельского монастыря (1670–1673); 8 – церковь Макария Унженского Макарьева-Унженского монастыря (1670–1674); 9 – церковь Николы во Владычной слободе Вологды (1671–1688); 10 – Воздвиженский собор Тихонова Луховского монастыря (1679); 11 – церковь Воскресения в Лухе на посаде (1680); 12 – Воскресенский собор Деревяницкого монастыря в Новгороде (1698–1700)

Двустолпные храмы со световым пятиглавием образуют наиболее полный под-вариант двустолпия, в котором векторы развития этого типа хорошо прослеживаются. Для двустолпного строительства XVII в. важную роль сыграли два памятника предшествующего столетия: для поволжских храмов – Успенский собор середины XVI в. в Костроме (не сохр.), а для северных соборов, как уже было отмечено, Благовещенский собор Сольвычегодска. От Благовещенского собора с его системой характерных сводов и световым пятиглавием³⁴ развитие двустолпной конструкции перекинулось через маленькие надвратные храмы Спасо-Прилуцкого и Кирилло-Белозерского монастырей (1595) к двустолпным храмам Вологды 1650–1670-х гг. Конструкция Николо-Корельского собора получена из Вологды – возможно, вместе с мастерами-строителями, или из-за желания заказчика, который мог указать монастырским зодчим на конкретные образцы.

Сложившаяся к 1660-м – 1670-м гг. вологодская региональная архитектурная школа³⁵ экспортирует свои приемы в сопредельные земли – и не только в Николо-Корельский монастырь. Другим памятником вологодской школы за пределами Вологодчины был не дошедший до наших дней Спасский собор Ново-Прилуцкого монастыря «на Козьем ручье» (1670–1674), четырехстолпный храм, сооруженный в те же годы, что и наш монастырский собор. Эти два памятника стали зачинателями каменного строительства XVII в. в архангелогородских землях, которое с открытием новой Холмогорской и Важской епархии в 1682 г. и с началом строительной деятельности архиепископа Афанасия приобрело статус отдельного архитектурного направления³⁶.

Никольский собор связан с вологодской архитектурой и общим художественным образом, точнее – с образом вологодского Софийского собора и теми памятниками XVII в., которые ориентировались на него. Казалось бы, трехчастная иерархичная композиция объемов монастырского храма: паперти с крыльцами – четверик – пятиглавие, существенно отличается от монолитного объема кафедрального собора, но исключительно точная пропорциональная система Никольского храма сближает его с ними (рис. 10). Созданный системой стройных плоских пилястр и правильных полуциркульных закомар, общий образ вертикальной композиции собора только подчеркивается основанием в виде галерей и динамичных высоких крылец – все объемы слиты в единый пирамидальный образ. Завершающим акцентом служит крупное пятиглавие, барабаны и луковичные главы³⁷ которого гармонично соотносены с

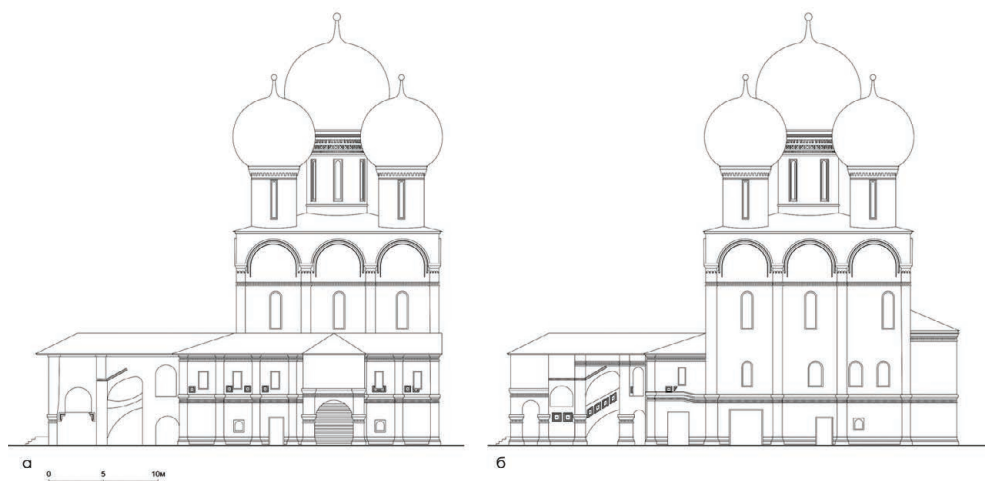
³⁴ Современные восьмигранные барабаны появились на Благовещенском соборе в XVIII в.

³⁵ В статье 2019 г. Л.К. Масиель Санчес сделал вывод об отсутствии в Вологде XVII в. местной региональной архитектурной школы. На мой взгляд, вологодская архитектурная школа существовала и была одной из самых ярких и по количеству, и по своим характерным особенностям среди школ XVII в. В частности, двустолпные конструкции вологодских церквей являются одной из ее визитных карточек. Они продолжают местную традицию, сложившуюся в XVI в. в кирилло-белозерском зодчестве и в Сольвычегодске. Устройство собора Паисиево-Галичского монастыря (четырёхстолпного храма ярославского типа), на мой взгляд, не сыграло существенной роли в формировании структуры вологодских двустолпных сооружений (Масиель Санчес Л.К. Архитектура Вологды середины XVII – начала XVIII века // Архитектурное наследство. Вып. 70. СПб., 2019. С. 59–71).

³⁶ См.: Вдовиченко М.В. Архитектура северных соборов XVII века... С. 27–62.

³⁷ Современные главы не первоначальные, они восстановлены, как и боковые барабаны, в процессе реставрации 1990-х гг. От первоначального пятиглавия сохранился только центральный барабан, но вся перво-

Рис. 10. Никольский собор: *а* – западный фасад; *б* – южный фасад.
Чертежи Е.Н. Пророковой и Ю.С. Фомичёвой, 2022 г.

крупным четвериком. Храм увенчан монументальными главами, в правильных пропорциях которых видны умение и выучка зодчих создавать крупные соборные сооружения.

Пропорциональное четверику мощное купольное завершение – знак прямого обращения к композиции кафедрального собора – отличает вологодскую архитектуру XVII в.: одним из первых в середине 1650-х гг. был сооружен храм Георгия на Наволоке (не сохр.)³⁸, в котором пропорциональное четверику соборное пятиглавие соединено с двумя «говорящими» приемами – четырехчастным делением продольных прясел и отсутствием фасадного карниза в уровне основания закомар. Эти приемы свидетельствуют о том, что четырехстолпная Георгиевская церковь была последовательно ориентирована на шестистолпный Софийский собор, и зодчие аккуратно и умело воплотили их в меньшем по размеру сооружении.

Крупное пятиглавие и правильная полуциркулярная форма закомар сохранятся в последующем вологодском строительстве, но прием «слитных прясел», объединенных с закомарами в одну плоскость – свойство строгой, холодной, лишенной сильных декоративных акцентов архитектуры грозненского времени – не будет воспринят зодчими XVII столетия. На фасадах вологодских церквей появится развитый многообломный карниз, свидетельствующий также о последовательном обращении к архитектуре вологодского собора, но с дальнейшим развитием. Капители софийских пилястр в виде профилированных элементов на фасадах храмов XVII в. соединяются между собой в единый карниз. Такие многообломные карнизы из классической

начальная композиция с главами хорошо была запечатлена на фотографиях XIX в.

³⁸ Сведения об освящении храма относятся уже к 1681 г., но его архитектурная композиция, исходя из практики строительства подобных сооружений, была завершена в 1650-х гг. (История православных храмов и монастырей. Вологда, 2022. С. 65).

архитектурной традиции отличают в XVII в. вологодскую от других региональных школ, в которых подобные карнизы набраны из отдельных декоративных поясков.

В архитектуре Николо-Корельского собора расположение и состав существующих карнизов нельзя назвать традиционным. Верх всех пяти барабанов украшен поясами из фигурного кирпича. Наиболее полный состав декоративных поясков представлен на центральном барабане – в нем, помимо прочих элементов, добавлен пояс из каплевидных ниш. Этот элемент, как и подобные декоративные пояса в целом, совершенно не представлены на фасадах вологодских церквей, они составляют основной фасадный декор московских храмов, начиная с появления пояса каплевидных нишек в архитектуре 1630–1640 гг.: церкви Троицы в Никитниках и разошедшуюся схему ее декорации в храмы Муром и Великого Устюга. В 1650–1670 гг. эти элементы уже представлены на фасадах поволжских сооружений: Ярославля, Углича, Костромы, однако в Вологде кирпичных фигурных поясов нет.

На барабанах же Никольского храма они присутствуют, более того, они присутствуют и на фасадах – поребриками в обрамлении валиков отделены закомары от прясел, подклетный этаж от основного, он украшает верх абсид и галерей (рис. 11). На всех четырех фасадах между поребриком и капителями пилястр существует пустое поле, которое, по всей видимости, предназначалось для других фигурных поясков, не размещенных на положенном месте по каким-то причинам. По габаритам в это поле идеально вписывается пояс каплевидных ниш в обрамлении валиков. Поясок каплевидных нишек никогда не был размещен на фасадах Никольского храма, однако, множество декоративных элементов существовало на фасадах, но исчезло в процессе ремонтов из его архитектурного облика.

Так, вереница уступчатых ширинок с фигурными кирпичными сердцевинами украшала фасады папертей, а многообломный пояс из крупного полувала в обрамлении мелких профилей отмечал основание стен. Большинство первоначальных, замечательных по качеству, декоративных элементов скрыто сейчас под «шубой» поздних растворов, но, как видно по существующим зондажам, они сохранены на стенах и как будто ждут реставрационных работ. С раскрытием декоративных деталей памятник обретет собственный художественный язык, который сейчас мы можем реконструировать только умозрительно.

Первоначальный декор придаст образу монастырского собора совершенно иной регистр звучания: в современном состоянии мы видим сглаженные, лишённые акцентов, стены строгого здания, однако, они в XVII в. были исключительно богато украшены. Главными декоративными акцентами были два перспективных портала, сейчас видимые как наросты цемента вокруг входов в храм, но сохранившиеся, по-видимому, на своих местах в первоначальном виде, их облик запечатлен на архивных фотографиях из коллекции ИИМК (рис. 12: а, б).

Северный и западный входы оформляли многоуступчатые порталы, редко где сохранившиеся в храмах до наших дней. Храмовые порталы столетия узорочья замечательны своими наборными элементами, конфигурация и состав которых варьировались от памятника к памятнику. В далекой перспективе эти композиции суть декоративные схемы западноевропейского Ренессанса и североевропейского маньеризма XVI–XVII вв. В России они были существенно переработаны для адаптации

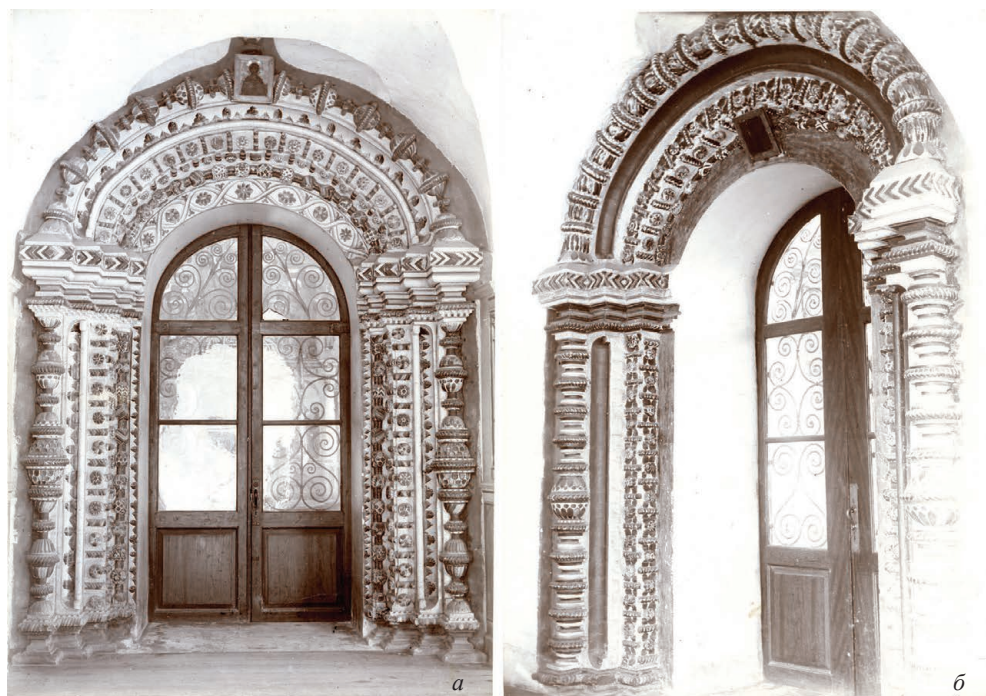
Рис. 11. Никольский собор. Вид с юго-востока.
Фото 2022 г.

к местным архитектурным формам и умениям, поэтому в разных памятниках имеют порой полярные по качеству воплощения.

В Николо-Корельском соборе отдельные элементы и их соединение в цельные композиции были выполнены высококласными мастерами по замечательным образцам. Аналоги отдельным элементам порталов можно найти в столичной московской архитектуре и в отдельных храмах Поволжья, тогда как композиция декоративных форм в целом – уникальное творение зодчих Николо-Корельского собора. Образцы для отдельных деталей наборных архитравов и колонок можно обнаружить в исключительных по художественному и ремесленному качеству порталах московских церквей 1660–1670 гг.: Григория Неокессарийского, Знамения за Петровскими воротами и Николая в Пыжах, выполненных из резного белого камня, в отличие от портала север-

ного собора. Отдельные элементы повторяются на узорочных фасадах ярославских церквей, в частности церкви Иоанна Предтечи в Толчкове, где вся декорация сделана из фигурного кирпича. Полихромные драгоценные декоративные акценты Николо-Корельского собора, остававшиеся совсем не известными исследователям, выводят храм в круг немногочисленных памятников XVII в., обладавших декорацией исключительно высокого качества и составивших архитектурный «золотой запас» Позднего Средневековья России.

Соборы Николо-Корельского и Ново-Прилуцкого монастырей, как уже говорилось, стали первыми в XVII в. сооружениями с внутренними опорами на Холмогорско-Архангельском Севере. С их возведения началось каменное строительство в регионе, который только через десять лет выделился в качестве Холмогорской и Важеской епархии. Епархиальное каменное зодчество, инициированное архиепископом Афанасием, имело другие образцы, диктовавшиеся личными пристрастиями архиерея. Это очевидно и в декоративных формах – элементы порталов, наличников и карнизов храмов времени архиепископа Афанасия отличны от порталов Никольского собора и знаменуют начало новой архитектурно-декоративной традиции на Русском Севере. Но, в целом, опыт строительства на этой земле собора – сложного сооружения с внутренними опорами и с оригинальной системой сводчатых перекрытий – не мог не быть учтен мастерами архиепископа Афанасия, воздвигнувшими в процессе своей деятельности самое развернутое по композиции соборное сооружение, шестистолпный храм – Преображенский собор в Холмогорах (1685–1691).

Рис. 12. Порталы Никольского собора: *а* – западный, *б* – северный, фото художника-архитектора Д.В. Милеева. 1906 г. Фотоархив ИИМК РАН, шифры О.653.09, О.653.08

Таким образом, архитектура Николо-Корельского собора оказалась своеобразным мостиком, связующим звеном, между региональными школами зодчества XVII в. Она тесно связана с конструктивными схемами вологодских мастеров, декоративными особенностями московской и поволжской архитектуры, и стоит у начала широкого и долгого северного епархиального строительства XVII–XVIII вв. Она вобрала в себя лучшие художественные образы всех питавших ее архитектурных направлений.

Монастырский собор был создан по заказу человека, имевшего волю и возможности к воплощению всех лучших архитектурных тенденций XVII в., сумевшего собрать артель строителей, обладавших опытом для их воплощения. Таким человеком должен был быть упоминавшийся в летописях игумен Косьма (Козьма), управлявший обителью с 1657 г. по 1674 г. (начало строительства монастырского комплекса), а затем, после ссылки в Соловецкий монастырь, вновь вернувшийся на игуменство в середине 1680-х гг. (второй этап и завершение строительства ансамбля). Об этом человеке из документов известно только то, что пострижение он получил в Кирилло-Белозерском монастыре, а занимал должность строителя (настоятеля) Николо-Корельского монастыря после возвращения из Соловков до 3 октября 1686 г.³⁹ Возможно, появятся и другие письменные свидетельства деятельности

³⁹ Юдин А.Б. Настоятели... С. 238–239.

игумена Косьмы, но существующий монастырский комплекс уже говорит о характере и вкусах этого церковного деятеля XVII в. очень многое.

Игумену северного монастыря было важно звучание в архитектуре комплекса мотивов строгой, освященной временем архитектуры предшествующего столетия – кирилло-белозерской школы и вологодского Софийского собора, но в зданиях Корельского монастыря, особенно в соборе, присутствует и другой художественный язык, свидетельствующий об иных образах, менее суровых и лаконичных, более поэтичных и праздничных, принадлежащих более свободному в обращении с образцами XVII веку.

Центричное двустолпие Никольского собора – с главой между столбами – демонстрирует причастность общей архитектурной тенденции XVII в., развивающей принципы художественного рационализма: центричность, симметрию, соподчиненность частей. Аналогичный процесс трансформации внутреннего устройства наблюдается в четырехстолпных храмах в последней четверти XVII в. В интерьерах четырехстолпных соборов идут поиски симметрии, организованной относительно центрального барабана. Эти соборы формируют отдельную группу, связанную с композицией Покровского собора в Измайлово (1671–1679)⁴⁰. Развитие рациональных свойств в русской архитектуре XVII в. предвосхищает появление классических европейских художественных стилей, распространившихся с наступлением Нового времени. Рациональные приемы свидетельствуют о творческом потенциале наиболее традиционных сооружений – соборов с внутренними столбами, шестистолпных, четырехстолпных, двустолпных сооружений, по своему типу восходящих к византийскому архитектурному типу вписанного креста.

Список литературы

Архангельские губернские ведомости. 1852. № 10, 11.

Богусевич В.А. Новый архитектурный тип в русском зодчестве XVI-го и XVII-го столетий // Академия истории материальной культуры. Бюро по делам аспирантов. Сборник 1. Л.: Б/и, 1929. С. 93–101.

Бочаров Г.Н., Выголов В.П. Вологда. Кириллов. Ферапонтово. Белозерск. М.: Искусство, 1966. 295 с. с илл.

Вдовиченко М.В. Архитектура северных соборов XVII века // Памятники русской архитектуры и монументального искусства XVI–XX вв. Вып. 7. М.: Наука, 2005. С. 27–62.

Вдовиченко М.В. Покровский собор в Измайлово: рождение нового образца // Архитектурное наследство. Вып. 68. СПб.: Коло, 2018. С. 55–70.

Воронин Н.Н. К истории русского зодчества XVI века // Академия истории материальной культуры. Бюро по делам аспирантов. Сборник 1. Л.: Б/и, 1929. С. 83–92.

Выголов В.П. Архитектура Благовещенского собора в Сольвычегодске // Архив архитектуры. Вып. 1. М.: Общество историков архитектуры, 1992. С. 77–101.

Григорьевский М. Николаевский Корельский 3-классный монастырь // Архангельские епархиальные ведомости. 1898. Ч. неоф. № 13. С. 327–338; № 14. С. 363–371; № 15. С. 397–403; № 16. С. 420–429; № 17. С. 460–465.

Духовная пристань поморов. История Николо-Корельского монастыря: статьи, очерки, исследования. Архангельск: Правда Севера, 2003. 300 с.

⁴⁰ Вдовиченко М.В. Покровский собор в Измайлово: рождение нового образца // Архитектурное наследство. Вып. 68. СПб., 2018. С. 55–70.

- Заручевская Е.Б., Супрун М.Н.* В строгом каменном убранстве // Духовная пристань поморов. Архангельск: Правда Севера, 2003. С. 48–54.
- История православных храмов и монастырей Вологды / [М.В. Васильева, Е.А. Виноградова, А.В. Камкин, Ф.Я. Коновалов, А.И. Меньшиков, И.В. Спасенкова, А.В. Суворов; главный редактор А.В. Камкин]. 2-е издание, исправленное и дополненное. Вологда: Древности Севера, 2022. 208 с.
- Крашенинникова Н.* Чертёж Николо-Карельского монастыря Архангельской области // Архитектурное наследство. № 2. М.: Гос. изд-во литературы по строительству и архитектуре, 1952. С. 232–235.
- Макарий (Булгаков), митр.* История русской церкви. Кн. 7. М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. 672 с.
- Макарий (Миролюбов), еп.* Историко-статистическое описание Николаевского Корельского третьеклассного монастыря. М.: Общество истории и древностей российских при Московском университете, 1879. 49 с.
- Масиель Санчес Л.К.* Архитектура Вологды середины XVII – начала XVIII века // Архитектурное наследство. Вып. 70. СПб.: Коло, 2019. С. 59–71.
- Мерзлютина Н.А.* Архитектурные памятники села Фаустово // Христианское зодчество. Новые материалы и исследования. М.: Эдиториал УРСС, 2004. С. 301–316.
- Мерзлютина Н.А.* Двустолпные церкви Ярославской области: к вопросу о развитии типа в Верхнем Поволжье в XVII–XVIII веках // Архитектурное наследство. Вып. 69. СПб.: Коло, 2018. С. 18–30.
- Мерзлютина Н.А.* О двустолпной церкви Спаса Нерукотворного в Соликамске 1689 г. // Филевские чтения. Тезисы восьмой научной конференции. М.: Макс-пресс, 2003. С. 53–54.
- Мерзлютина Н.А.* Одигитриевская церковь села Палец Нижегородской губернии. К вопросу о распространении двустолпного типа храма в Поволжье в последней четверти XVII века // Архитектурное наследство. Вып. 67. СПб.: Коло, 2017. С. 85–94.
- Мерзлютина Н.А.* Успенская церковь в Воронеже (к вопросу о двустолпных храмах XVII века) // Филевские чтения. Тезисы девятой конференции. М.: Б/и, 2006. С. 51–53.
- Научный архив ИИМК РАН. Ф. Р–III. Д. 38. Метрика 1887 г.
- Памятники архангельского Севера. Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1991. 284 с.
- Подъяпольский С.С.* К характеристике кирилловского зодчества XV–XVI вв. // Советская археология. 1966. № 2. С. 75–95.
- Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Владимирская область. Ч. 1. М.: Наука, 2004. 752 с.
- Седов Вл.В.* Сольвычегодск: город и его искусство // Вклад. Художественное наследие Строгановых XVI–XVII веков в музеях Сольвычегодска и Пермского края. Пермь: Пермская государственная художественная галерея, 2017. С. 38–75.
- Седов Вл.В.* Церковь Богоявления на Острове // Проект Россия. 2002. № 22. С. 54.
- Старые синодики Николо-Корельского монастыря // Архангельские епархиальные ведомости. 1895. Ч. неоф. № 1. С. 6–14; № 2. С. 60–69.
- Строев П.* Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1877. X с., 1064, 68 стб. Репринт: Köln, 1990.
- Суслов В.В.* Очерки по истории древне-русского зодчества. СПб.: Тип. А.Ф. Маркса, 1889. 124 с. с илл.

**THE CATHEDRAL OF THE NIKOLO-KORELSKY MONASTERY IN THE CONTEXT
OF RUSSIAN ARCHITECTURE OF THE 17TH CENTURY**

Abstract: The Cathedral of the Nikolo-Korelsky Monastery, in terms of its structure and decoration, is one of the most striking, still practically unknown, architectural monuments of the 17th century. In its appearance, the techniques of the Vologda, Moscow and Volga region art and construction schools were intertwined. With the erection of the Nikolsky Monastery Cathedral, the stone temple architectural tradition was resumed in the Kholmogoro-Arkhangelsk North in the 17th century. The article is devoted to the analysis of its architecture.

Keywords: russian architecture of the 17th century, cathedrals, two-pillar churches, Vologda architecture, carved decorations, Moscow and Volga schools.

ПРАВОСЛАВНЫЕ ХРАМОВЫЕ КОМПЛЕКСЫ В ТАРЕ: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация: Православные храмовые комплексы играли ключевую роль в формировании планиграфии русских сибирских городов в конце XVI – XVIII в. Проведенные археологические исследования в 2007–2022 гг. в Таре показывают переход от деревянных церквей к каменным соборам и изменения в планиграфии прихрамовых кладбищ. Полученные материалы позволяют воссоздать облик сибирского города и его жителей.

Ключевые слова: церковная археология, сибирский город, планиграфия, погребальные комплексы.

Значимость культовых зданий в развитии планиграфии русского сибирского города трудно недооценить. В Таре сначала деревянные, а затем поставленные на их месте или в непосредственной близости каменные храмы определяли (как и сейчас) уличную застройку – как общее направление улиц, так и положение близлежащих зданий. На настоящий момент все каменные храмы Тары и места расположения деревянных церквей в историческом центре города археологически обследованы – результаты будут изложены в этой работе.

Археологические исследования в одном из первых русских городов в Сибири начались в 2007 г. с поиска, по просьбе местных краеведов, фундамента Никольского собора, построенного в 1783 г. и разрушенного в 1939 г. Фундамент был найден – это стало началом многолетних работ ИАЭТ СО РАН в Таре. В этом году был проведен пятнадцатый сезон работы археологической экспедиции под руководством С.Ф. Татаурова. На настоящий момент исследовано несколько тысяч квадратных метров в историческом центре, зафиксировано семь строительных горизонтов конца XVI – XIX вв., изучено двадцать архитектурных сооружений. И практически в каждом сезоне археологические работы, так или иначе, касались храмов. Параллельно шел сбор исторической информации по культовым комплексам. Результатом этих исследований стала публикация в 2014 г. монографии¹, в которой были собраны материалы по истории православных храмов, мечети и синагоги. Описания церквей в статье приведены из этого издания, поэтому для каждого храма я не делаю отдельные ссылки. В эту книгу не вошли материалы по католическому костелу, но позднее материалы по нему были опубликованы в отдельной статье².

¹ Храмы в крепостных стенах: конфессиональная история города Тары. Монография / С.А. Алферов, О.Ю. Алферова, Е.И. Кудряшова, С.Ф. Татауров. Омск, 2014. 230 с.

² Татауров С.Ф., Тихонов С.С. «Польско-литовские» археологические материалы из раскопок города

В планиграфии есть базовые здания, которые являются реперами для всей истории Тары, и есть постройки, существовавшие в отдельные эпизоды жизни города. Первоочередной задачей археологического изучения города является поиск и исследование таких архитектурных объектов, которые позволяют создавать точные планы для разных этапов его истории.

Материалы и методы исследования

Всего в Таре, сравнительно небольшом городе, было значительное количество деревянных церквей. На рисунке С.У. Ремезова, относящемся к 1700–1701 гг., (рис. 1: 1) указано пять церквей³. Отсутствует острожная церковь Бориса и Глеба, сгоревшая в 1629 г. – место ее определено по находке слюдяного витража⁴. Зато указана церковь Прокопия Праведного в Бухарской слободе, сгоревшая в 1709 г. По разным причинам тарчане их не восстановили.

К середине XVIII в., согласно «Ведомости, учиненной в Тарском приказном духовном правлении, за 1752 г. о наличных Тарского заказу священнослужителях»⁵, в городе было 5 деревянных церквей: Спасская, Успенская соборная, Николаевская, Пятницкая (Параскиевская) и строящаяся Казанская. На кладбищах города, рядом с крепостными и острожными воротами и в других значимых местах было отстроено полтора десятка часовен – сначала деревянных, а впоследствии каменных, например, часовня Креста Животворящего близ храмового кладбища у Пятницкой церкви.

Во второй половине XVIII в. возросшее благосостояние населения с одной стороны и постоянные пожары с другой привели к замене деревянных храмов каменными. Тарское купечество построило красивейшие, в стиле «сибирского барокко», многоэтажные здания, которые стали украшением улиц и площадей. Для строительства приглашались зодчие, строившие церкви в Тобольске, Тюмени, Ишиме и в других городах Сибири. Рядом ставились избы для служек и хозяйственных нужд. Прилегающая к храму территория обносилась каменной оградой с кованым железным декором. Близ церкви хоронили настоятелей и почетных горожан, принимавших участие в строительстве храма. Старые деревянные церкви разбирали и использовали на различные нужды. Такая ситуация была с Никольской церковью. «Что касается ветхой деревянной церкви, в которой еще оставались престолы, в то время как в алтаре мог обрушиться потолок, было велено оную церковь за опасностью разобрать, престолы старые ежели не гнилы, сделать из под них под престолы светлые кресты, а ветхое строение употребить на топление церковных печей или на обжиг кирпича вновь строящейся каменной церкви»⁶.

В 30–50-х годах XX в. все каменные церкви и часовни, за исключением Спасской, были разрушены и на их месте построены различные здания – жилые дома, мастерские и пр. На городских картах значки расположения церквей убраны, а исто-

Тары // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 2 (53). С. 83–90.

³ Ремезов С.У. Служебная чертежная книга. Верона, 2006. Л. 58.

⁴ Татауров С.Ф. Слюдяное окно из Тары. Опыт реконструкции // Декабрьские диалоги. Вып. 14: Материалы Всероссийской (с международным участием) науч. конф. памяти Ф.В. Мелехина, 16–17 декабря 2010 г. Омск, 2012. С. 94–96.

⁵ Храмы в крепостных стенах... С. 45.

⁶ Храмы в крепостных стенах... С. 60–61.

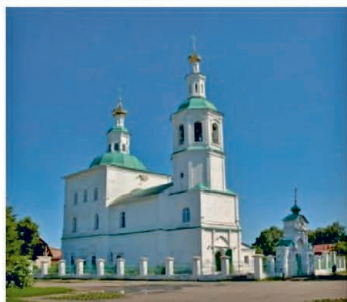
1

2

3

4

Рис. 1. 1 – Рисунок Тары С.У. Ремезова с изображением церквей. 2 – Никольская церковь, раскоп западной части притвора. 3 – Успенская церковь, раскоп ограды и кладбища. 4 – Спасская церковь, колоды прихрамовового кладбища

рическая память жителей об этих комплексах спустя 90 лет почти не сохранилась. К настоящему времени на месте их расположения культурный слой XX в. достигает одного метра, поэтому для поиска их фундаментов пришлось проводить полноценные археологические раскопки. Если каменные фундаменты нам удалось найти и зафиксировать почти для всех церквей, то деревянные основания на настоящий момент мы можем соотносить с раскопанными конструкциями только предположительно, так как точность имеющихся карт и схем города для начала XVIII в. не позволяет это сделать.

Успенская церковь (рис. 1: 3)

Была срублена в год основания города и была освящена 15 августа 1595 г. В 1774 г., 15 августа был заложен каменный храм и освящен в 1792 г. Долгое время церковь была соборной. Здание было одноэтажным с приделом, в форме «корабля». К высокой четырехсветной храмовой части с пятигранной апсидой примыкала трапезная, к ней – притвор с двухъярусной восьмигранной шатровой колокольной. Церковь венчало пятиглавие на высоких световых барабанах, круглые главки также были над алтарем, трапезной и колокольной.

Археологические исследования в 2021–2022 гг. позволили сделать предварительное заключение о местоположении Успенской церкви. До этого года считалось, что разрушенный в 1928 г. каменный храм находится под построенным во второй половине XX в. зданием «Северных энергетических сетей». В коммунальном колодце близ постройки одна из его стенок проходит через кладку церкви. Проведенные раскопки вышли на каменную ограду, окружавшую храм. После анализа имеющихся фотографий конца XIX – начала XX в. стало возможным определить, что современное здание только частично перекрывает церковь – алтарная часть и притвор находятся за его пределами.

Зафиксированная в ходе раскопок каменная ограда собора, поставленная в конце XVIII в., сама по себе представляет интересный архитектурный объект. Центр города стоит на земле с очень высоким уровнем грунтовых вод, вследствие чего почвы пластичны и подвижны. Для устойчивости тяжелой ограды был сделан сложный фундамент. В траншее глубиной 0,5 м и шириной около метра были уложены плахи размерами: длиной чуть больше 2 метров (1 сажень), шириной 0,4–0,5 м и толщиной около 0,1 м. На плахи сверху сделана забутовка из битого кирпича с раствором на основе известки мощностью 0,3 м, затем на это основание поставлена кирпичная ограда.

Работы в районе Успенской церкви позволили сделать первые шаги в изучении одного из первых в Таре кладбищ. До 2021 г. археологические исследования не касались тарских некрополей. За два года было открыто 97 погребений, датирующихся концом XVI – началом XVII в. Захоронения были совершены в условиях крайне ограниченной территории. Показательным фактом служит ярусное групповое погребение, когда на четыре могилы, ориентированные по линии запад–восток были перпендикулярно сделаны еще четыре могилы по линии север–юг. Для погребального обряда характерно отсутствие инвентаря, даже нательных крестиков. Только в одном женском погребении был зафиксирован бронзовый крест и золотая серьга в виде колечка диаметром 0,7 см с изображением змеи, кусающей себя за хвост.

В процессе раскопок кладбища выяснилось, что каменное здание было построено именно на месте деревянной храмовой постройки, так как могилы, намного более

ранние, чем каменный храм, своим массивом образуют полукруг вокруг этого комплекса. А ограда является внутренней границей погребального массива, находившегося за ее пределами.

Спасская церковь (рис. 1: 4)

Единственный сохранившийся в Таре каменный храм. Он строился тобольскими мастерами с 1753 по 1776 гг. Имеет трехчастную «трапезную» схему композиции кораблем, состоящую из здания, трапезной и притвора, на котором возведена колокольня. Здание двухэтажное. Церковь сложена из большемерного кирпича на известковом растворе. Толщина стен первого этажа – 165 см, второго – 133 см. Общая высота – более 40 метров.

24 июня 1938 г. храм был передан «на культурные нужды». В 1990 г. его передали верующим. С 6 июня 2012 г. – кафедральный собор Тарской и Тюкалинской епархии.

В 2015 г. проведено археологическое обследование примыкающей к храму территории. С северной стороны зафиксированы фрагменты деревянной конструкции, возможно, деревянной Спасской церкви. Первые свидетельства о Спасской церкви относятся к 1616 г., в связи с основанием в Таре мужского монастыря. В пользу этого свидетельствуют захоронения прихрамового кладбища, изученные в ходе археологических работ. Всего зафиксировано пять захоронений – два в долбленых колодах и три в дощатых гробах. Ранние могилы с колодами тяготеют к северной части – к выявленной деревянной конструкции, а более поздние – в гробах – к алтарной части каменной церкви.

Пятницкая Церковь (рис. 2: 3)

Деревянная церковь срублена во второй половине XVII в. К концу XVIII в. она обветшала и была разобрана. Это связано с тем, что в 1771 г. кладбище закрыли. Каменный двухэтажный храм Параскевы Пятницы строился с 1791 по 1825 гг. Высота храма составляла 51 аршин, длина – 40, ширина – 13. Храм был трехчастным – алтарь, трапезная, колокольня, – имел ярко выраженную ярусную композицию, над двухэтажной основной частью возвышался огромный купол с перехватом, почти закрываемый огромными щипцовыми фронтонами, высокий восьмигранный барабан с окнами нес «главы в виде дули и вверх с яблочками». Пятиярусная колокольня имела подобное завершение. При строительстве каменной церкви Параскевы ее отнесли на двести сажен к югу–юго-востоку от ее предшественницы – деревянной, – что было связано с перепланированием в данной части центра города.

Храм был взорван в 1951 г., рядом с этим местом построен автовокзал, а позднее, к 400-летию города, была устроена Юбилейная площадь и в ознаменование этого события поставлена памятная стела.

В 2020 г. был найден фундамент каменной церкви и установлено ее точное положение. По свидетельствам жителей города и архивным данным, церковь была взорвана. Фундамент представлен каменной забутовкой шириной около метра и глубиной более полутора метров.

На месте деревянной церкви в настоящий момент находится районный дом культуры «Север», при строительстве к нему водопровода зафиксированы три могилы прихрамового кладбища. Захоронения в колодах датируются XVII в.

Тихвинская церковь (рис. 2: 1)

Каменная церковь была построена на новом городском кладбище после закрытия Пятницкого некрополя по указу Сената от 1771 г. и освящена в 1788 г. Кирпичная, двухэтажная, в форме «корабля». Над храмом – четырехгранный купол, над полукруглым алтарем – конха, над трапезной – двухскатная кровля. Фонарь над куполом восьмигранный с арочными окнами, такой же фонарь на колокольне. По имеющимся фотографиям и описаниям, вблизи церкви хоронили «отцов города» – надмогильные памятники были выполнены из белого и розового мрамора и украшены чугуном каслинским литьем. Захоронения проводились до 1940 г. В 1951 г. была снесена, последней из разрушенных церквей города. В 1963–64 гг. на месте кладбища разбили городской парк – Комсомольский. Были проложены аллеи и высажено несколько тысяч деревьев. В центре был сделан памятник погибшим в Гражданскую войну комсомольцам (также не доживший до наших дней). Территорию освободили от надмогильных сооружений, сбросив их в окружающий кладбище овраг, а поверхность выравнивали бульдозерами.

В 2020 г. полностью раскопан фундамент церкви. Выяснилось, что она была не взорвана, а разобрана. Поэтому сохранились нижние слои кирпичной кладки, которые уложены на уплотненный глиняный фундамент с забутовкой из битого кирпича. Раствор на основе извести. Ширина фундамента – 1 м, глубина – 1,2–1,4 м. По программе благоустройства создан мемориальный комплекс с поклонным крестом.

Никольская церковь (собор) (рис. 1: 2)

Никольская деревянная церковь есть на рисунке С.У. Ремезова. Она относится к первым храмам города и построена в начале XVII в. на выходе дороги на Тобольск: «Во остроге же против проезжей городской большой башни в торгу часовня во имя Преподобного Сергия Радонежского Чюдотворца да церковь кличатая во имя Всемиловейшаго Спаса в пределе Святителя Николая Чюдотворца со всякою церковново утварью, а кругом той церкви ограда забрана в столбы и с воротаы»⁷.

Каменный храм был заложен 14 августа 1771 г. и освящен в 1774 г. Здание в форме «корабля» состояло из храма с апсидой, трапезной и притвора с восьмигранной колокольней. Храм завершался восьмигранным барочным куполом, увенчанным фонариком с куполочком и круглой главкой на высокой шее. Высота церкви – 12 саженей, длина – 18, ширина – 5 саженей 2 аршина; высота колокольни – 15 саженей.

В двадцатых числах марта 1938 года собор был разобран.

В 2010 г. на месте храма были проведены археологические раскопки. В ходе работ был зафиксирован глиняный фундамент церкви шириной около 1,2 метра. С северной стороны сохранилась часть кладки стены, а в западной – кирпичная вымостка притвора. Выяснилось, что каменное здание было поставлено на месте погребений кладбища деревянной церкви, которая располагалась в непосредственной близости от его южной стены. Могилы были перезахоронены при строительстве рядом со стенами храма. Всего было исследовано 14 захоронений в колодах, на глубине не более 0,5 м и без крестов.

На месте бывшего собора в этом же году был установлен поклонный крест.

⁷ Тарская роспись 1701 г. // РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1182. Л. 1.

Рис. 2. 1 – Тихвинская церковь, остатки кирпичной кладки; 2 – Казанская церковь, дом на месте храма; 3 – Пятницкая церковь, фундамент

Казанская церковь (рис. 2: 2)

Построена в Таре в 50-х годах XVIII в. в подгородной части города. В 1777 г. на месте обветшавшего деревянного здания поставлена кирпичная церковь – одноэтажная, в форме «корабля». Над храмом – восьмигранный купол, над алтарем – пятигранная конха, над трапезной – двухскатная кровля. Фонарь над куполом восьмигранный с окнами, пилястрами на углах, такой же фонарь на колокольне, с пояском или перехватом вверху. Главы – на куполе, алтаре, приделе и колокольне; кресты восьмиконечные. Колокольня трехъярусная, оконные проемы арочные, ярус звона восьми-

гранный с арочными проемами. Высота 7 сажень – до купола, 8 сажень – по купол колокольни, в длину – 12 сажень, в ширину – 5 сажень.

В 2009 г. место расположения церкви было обследовано. Сейчас на этом месте находится деревянный жилой дом. Фундамент храма находится на глубине одного метра. Кладбища около храма не было.

Выводы

Археологические исследования каменных и деревянных православных храмов Тары и их прихрамовых кладбищ имеют пока только предварительный характер – установлено их местоположение, зафиксировано и изучено некоторое количество погребений. Тем не менее, полученные материалы позволяют сделать предварительные выводы.

Церкви стояли на больших, для крепости и острога не застроенных жилыми и производственными объектами площадках. Это было связано с проведением церковных служб – молебнов, крестных ходов и пр. – и как мера противопожарной безопасности. Хотя следует заметить, что церкви горели не хуже других деревянных построек⁸.

Для XVII в. подходы к храмам были в виде бревенчатых мостовых, к концу XVIII в. появляются кирпичные вымостки. Тара поставлена на местности с высоким уровнем грунтовых вод, что приводило к постоянному заболачиванию города, поэтому практически по всем основным улицам города были проложены деревянные мостовые и устроены водоотводные желоба.

Для всех зданий характерна ориентация восток–запад, за исключением Спасской церкви, которая поставлена с сильным отклонением к северу. Спасская церковь – первое каменное здание в городе и, возможно, это просто ошибка каменщиков, которые сделали ориентацию не по сторонам света, а по направлениям улиц, проложенных в начале XVIII в.

Все церкви имеют каменные ограды с коваными железными пролетами и калитками. Для Успенского собора было построено ограждение в виде сплошной стены высотой до 1 метра с верхней железной частью. Для Никольского собора и Тихвинской церкви были поставлены железные заборы с кирпичным основанием для столбиков.

У всех церквей, за исключением Казанской, зафиксированы прихрамовые кладбища. На всех погребальных объектах отмечена плотность захоронений, ярусность, причем для Успенского кладбища отмечены погребения, ориентированные по линии север–юг. С появлением каменных храмов происходит переход от захоронений в колодах к погребениям в гробах. Этому есть производственное объяснение: каменное строительство потребовало большого количества пиломатериала (досок), что привело к появлению в Таре лесопилок и распространению лучковых пил. Естественно, что затраты на производство гробов были в разы меньше, чем на изготовление колод. Но следует отметить, что традиция хоронить в колодах сохраняется еще длительный период времени, хотя это уже не более 10% всех погребений.

⁸ Строгова Е.А., Татауров С.Ф. История одного пожара // Социально-экономическое развитие и историко-культурное наследие Тарского Прииртышья: Материалы VI региональной научно-практической конференции, посвященной 120-летию со дня рождения А.В. Ваганова (г. Тара, 1–2 марта 2012 г.). Омск, 2012. С. 72–77.

Изучение храмовых комплексов в Таре находится на начальном этапе, но уже сейчас очевидно, что дальнейшие археологические исследования города будут концентрироваться вокруг этих храмовых комплексов.

Список литературы

- Лебедева Н.И.* История храмов и молитвенных домов Омского Прииртышья. Омск: Изд-во Омского гос. пед. ун-та: Издатель-Полиграфист, 2005. 302 с.
- Ремезов С.У.* Служебная чертежная книга. Верона: График, 2006. 170 с.
- Строгова Е.А., Татауров С.Ф.* История одного пожара // Социально-экономическое развитие и историко-культурное наследие Тарского Прииртышья: Материалы VI региональной научно-практической конференции, посвященной 120-летию со дня рождения А.В. Ваганова (г. Тара, 1–2 марта 2012 г.). Омск: Амфора, 2012. С. 72–77.
- Татауров С.Ф.* Слюдяное окно из Тары. Опыт реконструкции // Декабрьские диалоги. Вып. 14: Материалы Всероссийской (с международным участием) науч. конф. памяти Ф.В. Мелехина, 16–17 декабря 2010 г. Омск: Издательский дом «Наука», 2012. С. 94–96.
- Татауров С.Ф., Тихонов С.С.* «Польско-литовские» археологические материалы из раскопок города Тары // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 2 (53). С. 83–90.
- Храмы в крепостных стенах: конфессиональная история города Тары. Монография / С.А. Алферов, О.Ю. Алферова, Е.И. Кудряшова, С.Ф. Татауров. Омск: Издательский дом «Наука», 2014. 230 с.

S.F. Tataurov

ORTHODOX TEMPLE COMPLEXES IN TARA: ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

Abstract: Orthodox temple complexes played a key role in shaping of the planigraphy of Russian Siberian cities at the end of the 16th–18th centuries. Conducted archaeological research in 2007–2022 in Tara shows the transition from wooden churches to stone cathedrals, the location of the temple cemeteries. Collected materials allow us to recreate the appearance of the Siberian city and its inhabitants.

Keywords: orthodox temple complex, Siberian city, Tara, 16th–17th centuries.

Е.И. Рузаева, А.В. Яганов

КОЛЛЕКЦИЯ СТРОИТЕЛЬНОЙ КЕРАМИКИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVI в. ИЗ РАСКОПОК 1955–1958 гг. В ЗВЕНИГОРОДСКОМ САВВИНО-СТОРОЖЕВСКОМ МОНАСТЫРЕ

Аннотация: Комплекс элементов керамического фасадного декора, хранящийся в Звенигородском музее, интересен не только принадлежностью к утраченному зданию XVI в., но и нестандартными архитектурно-художественными решениями. В статье мы продолжаем анализировать вопросы эволюции рисунка терракот в разные периоды их бытования, рассматриваем их местоположение в пределах здания, прослеживаем вероятные аналоги.

Ключевые слова: архитектурно-археологические исследования, Саввино-Сторожевский монастырь в Звенигороде, памятники архитектуры XVI в., трапезная палата с церковью и Святыми воротами, керамический декор фасадов, терракотовые рельефы, керамическая памятная надпись.

Коллекция архитектурной фасадной керамики Звенигородского историко-Архитектурного и художественного музея-заповедника сформировалась в результате охранных археологических раскопок в центральной части территории Саввино-Сторожевского монастыря. В ходе планировочных работ, сопровождавших реставрацию памятников, к северо-западу от Рождественского собора начала XV в. были обнаружены развалины каменного здания, относящегося к малоизвестному периоду истории обители.

В 1955 г. большая часть руин исследована и зафиксирована А.В. Успенской (рис. 1), а в 1958 г. их изучение продолжено Н.С. Шеляпиной. Раскопки вскрыли нижние части стен и фрагменты сводов подклета сооружения, сложенные из белого камня и большемерного кирпича. Как выяснилось, это был комплекс построек, включавший Святые ворота, совмещенные с надвратной церковью, и расположенную к западу одностолпную трапезную палату с примыкавшей к ней южной папертью. Именно так его атрибутировала Н.С. Шеляпина, датируя по строительному материалу рубежом XV–XVI вв.¹

¹ Успенская А.В. Отчет об археологических раскопках в Саввино-Сторожевском монастыре п. Звенигорода. 1955 г. // Архив ИА РАН. Р-И. № 1423. Альбом к отчету: Р-И. № 1424. Шеляпина Н.С. Отчет об археологических разведках на территории Саввино-Сторожевского монастыря в г. Звенигороде. 1959 г. // Архив ИА РАН. Р-И. № 1846. Шеляпина Н.С. Археологическое изучение памятников архитектуры начала XVI в. в Саввино-Сторожевском монастыре // Средневековая Русь. М., 1976. С. 303–306.

Рис. 1. Общий вид раскопа в Саввино-Сторожевском монастыре 1955 г. с северо-запада.
Фото А.И. Петухова

Подобное архитектурно-пространственное решение получило широкое распространение во второй половине XVII в., когда в небольших монастырях стали возводить двухэтажные компактные каменные здания, совмещавшие в себе несколько функций. Но среди известных нам сооружений этого типа сторожевскую трапезную надлежит считать первенствующей. Возможно, такая типологическая схема являлась одной из разработанных итальянскими зодчими на рубеже XV–XVI вв. применительно к российским условиям, но по непонятным причинам не была востребована.

О существовании этой постройки имеются только косвенные свидетельства, как и в целом по истории монастыря в XVI – первой половине XVII в. Наиболее надежным источником является датированная мартом 1521 г. грамота дмитровского князя Юрия Ивановича, в состав удела которого входил Звенигород в 1503–1533 гг. В ней сторожевскому игумену Паисию разрешалось приискивать, добывать и обрабатывать белый камень, жечь известь для возведения монастырской трапезы во всех звенигородских станах и волостях². Очевидно, что инициатива строительства принадлежала монастырской братии, а со стороны дмитровского князя данная прерогатива играла роль вклада в это предприятие, но мы допускаем, что его участие единовременной льготой не ограничивалось³.

² РИБ. Т. 32. Пг., 1915. № 101. Стб. 169.

³ Яганов А.В., Рузаева Е.И. Успенский собор в Дмитрове. М., 2003. С. 49.

Позже упоминание трапезы находим в полемическом сочинении Ивана IV – Послании в Кирилло-Белозерский монастырь 1573 г. Сетуя на оскудение духовной жизни в монастыре, царь замечает: «а на Сторожех до чего допили? – тово и затвори-ти монастыря некому, по трапезе трава растет»⁴.

Сведений о топографии Саввино-Сторожевского монастыря в XV–XVI вв. не находится, неизвестны имена престолов его храмов в это время. Актовый материал дает только наименование главного храма – Рождества Богородицы и, вероятно, придельного при нем – Николая чудотворца. Нам достоверно неизвестно даже посвящение престола каменной церкви, которая на протяжении более чем ста лет играла роль теплой при трапезной палате. Основываясь на синодальных документах 1757 г., Н.С. Шеляпина отождествляет упоминаемую в них ветхую надвратную Сергиевскую церковь, которая тогда предполагалась к сносу, с ныне существующим храмом 1652 г.⁵, который в 1825 г. был переименован в Троицкий. Автор не исключает, что престол упраздненной при строительстве середины XVII в. более древней церкви был «перенесен в соименный шатровый храм»⁶.

С другой стороны, появление в монастыре Сергиевского престола можно рассматривать как результат прочтения Жития Саввы Сторожевского, составленного при митрополите Макарии во второй половине XVI в. и указывавшего на связь основателя с Троице-Сергиевым монастырем⁷. Его не следует рассматривать как исторический источник, а скорее как попытку агиографа XVI в. составить каноническое жизнеописание преподобного, не имея никаких достоверных сведений о нем. Было бы наиболее вероятным отнести появление престола преподобного Сергия ко времени реконструкции монастыря при царе Алексее Михайловиче. Поэтому вполне логичное мнение Н.С. Шеляпиной о преемственности посвящений может быть оспорено.

Наибольшее количество фрагментов керамического фасадного декора обнаружено в сезон 1955 г.; коллекция была дополнена в ходе раскопок 1958 г., а впоследствии отдельные экземпляры собраны при археологических наблюдениях, производимых в монастыре.

Большую часть коллекции составляют орнаментированные керамические плиты, которые, вероятнее всего, происходят с фасадов несохранившегося комплекса зданий первой половины XVI в. и найдены в слоях его разрушения в середине – второй половине XVII в.

Тесто хорошо промешанное, с небольшим количеством мелкого песка и единичными включениями гальки (0,2–0,4 см). Черепок изделий алый, хорошо обожженный, без следов слоистости и недожога внутри. Оттиск рельефа на лицевой стороне четкий, без расплывчатости и замятостей деталей.

Формовка происходила в два этапа: сначала на дно неразъемной рамки укладывался тонкий слой глины с целью максимально заполнить все углубления штампа.

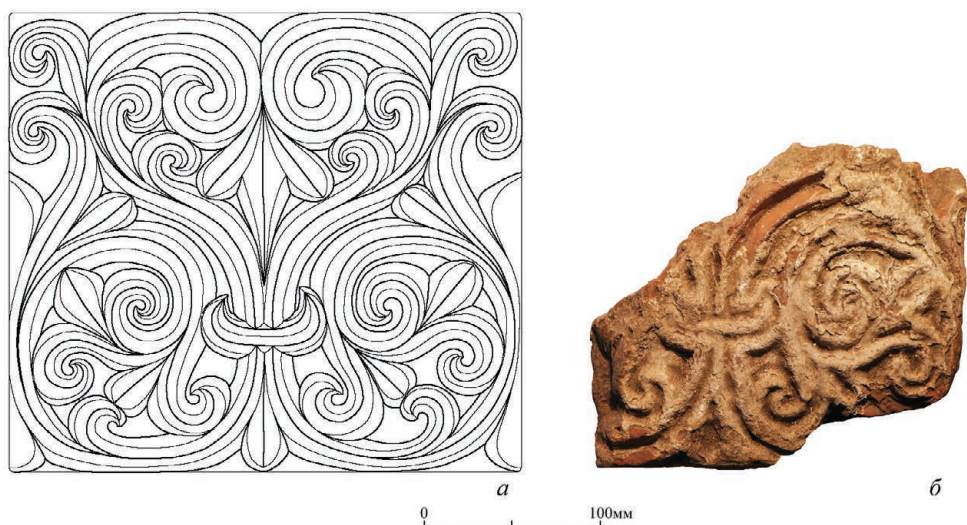
⁴ Послания Ивана Грозного. М.-Л., 1951. С. 180–181.

⁵ Шеляпина Н.С. Археологическое изучение... С. 306–307.

⁶ Смирнов С.К. Историческое описание Саввина Сторожевского монастыря. М., 1877. Изд. 3. С. 51. Шеляпина Н.С. Археологическое изучение... С. 306–307.

⁷ Великие Миние Четии. М., 1901. Декабрь. Дни 1–5. Стб. 67–84. Например, перепутаны князя Юрий Дмитриевич Звенигородский и Юрий Иванович Дмитровский. Последний, несомненно, был ближе по времени составителю Жития.

Рис. 2. Терракотовая фасадная плита. Тип 1:
а – графическая реконструкция; *б* – фото фрагмента

Затем докомпоновывалось само тело изделия, глина утрамбовывалась и заглаживалась правилом, следы которого видны на тыльной поверхности. Характерные черты этого процесса были наблюдаемы при осмотре лицевых отщепов, на которых хорошо заметны границы двух технологических слоев. Боковые поверхности ровные, четкие, несколько скруглены и приматы на гранях. Имеются следы выемки изделия из формовочной рамки.

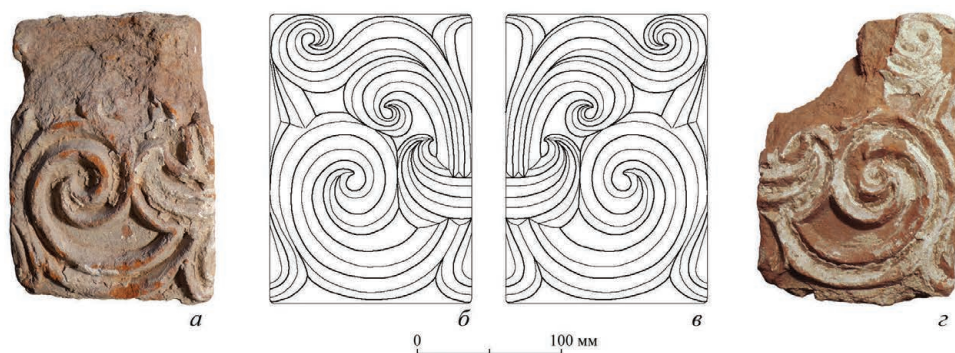
На поверхностях фрагментов сохранились следы известково-песчаного раствора, на котором велась стеновая кладка. Он содержит вяжущее белого цвета, наполнитель – мелкий песок (речной) с небольшими включениями окатанной светлой гальки (диаметром до 0,2 см).

На лицевой стороне практически всех терракот имеются следы побелки, под которой прослежены остатки первоначального красного колера, положенного непосредственно по черепку. Следы выветривания рельефа незначительны, видимо, он был побелен при одном из первых ремонтов фасадов. Большинство сколов заизвесткованы, что может свидетельствовать о повреждении изделий в процессе демонтажа здания и последующем долговременном пребывании в массиве щебня, содержащем в большом количестве счищенный раствор.

При описании комплекса в 2018–2019 гг. появилась возможность классифицировать представленные в нем архитектурные материалы. Терракотовые фасадные элементы разделены нами на пять типов; на четырех полностью или частично реконструирована орнаментация.

Тун 1. Восстанавливаемые габаритные размеры в среднем: 28,5 (ширина) × 26 (высота) × 6,5 (толщина) см, то есть пропорции изделия близки к квадрату (рис. 2: *а, б*). Орнамент, симметричный относительно вертикальной оси, представляет собой

Рис. 3. Терракотовые фасадные плиты.

Тип 2: *а* – фото фрагмента; *б* – графическая реконструкция.

Тип 3: *в* – графическая реконструкция; *г* – фото фрагмента

два зеркальных S-образно изогнутых стебля, соединенных в нижней трети перехватом в виде полумесяца. Верхние завитки стеблей соединяются, образуя перевернутую пальметту, нижние, более крупные, разделяются на многочисленные побеги, закрученные по спирали, с произрастающими из них листьями. Такие же побеги отходят и от верхней части стеблей, по сторонам пальметты. Композиция из растительного орнамента не составляет чередующегося рисунка, каждая плита является изображением полного раппорта.

Рельефный рисунок на большинстве плит выполнен четко и аккуратно, не наблюдается грубых следов чистки форм в процессе их использования, трещин на формах, плохо пропечатанных участков и глиняных окатышей на поверхности. Это свидетельствует о качественной подготовке глины для формовки плит, а также о прочности и износоустойчивости материала самих форм – не исключено, что формы применялись керамические, которые служат дольше и легко промываются водой, в отличие от деревянных, подверженных деформациям и требующих разрушающей механической чистки.

Тун 2–3. Реконструируемые габаритные размеры в среднем: 14 (ширина) × 20 (высота) × 5–6 (толщина) с учетом высоты рельефа (рис. 3: *а*, *г*). Рельеф – раппорт, симметричный относительно вертикальной оси, составляется из двух вытянутых по высоте плит с зеркальным рисунком и представляет собой крин, состоящий из побегов, закрученных на концах по спирали, с двумя большими завитками в нижней части. Побеги соединены крупным перехватом в форме полумесяца, касающимся нижних завитков. На каждой плите помещена половина крина и перехвата, а также один завиток с примыкающими к нему половинами двух вертикальных лепестков.

Плиты типа 2–3 имели прямоугольную вертикальную форму, а составленный из них раппорт был вытянут по горизонтали. Исполнение рисунка отличается от типа 1 более крупно проработанными деталями и несколько смягченными линиями; он более привязан к масштабу и пропорциям плиты. Технология формовки аналогична вышеописанной.

Рельеф повторяет стилизованный мотив крина, обычный для фасадного декора памятников древнерусской архитектуры второй половины XV в. Но «криновидная тема» в звенигородских фризах несколько отлична от бытовавших тогда схем – она богаче и насыщеннее в деталях. Видоизменения рисунка выразились здесь в резких и графичных линиях, довольно условно отображающих известный сюжет. Наверное, исходная проработка рельефа по виду более близка среднеазиатской резьбе по камню и штуку, распространенной на Востоке в течение долгого времени, хотя прямых аналогий среди подобных мотивов не находится.

Отсылка А.В. Успенской к орнаментальному фризу Рождественского собора начала XV в. как возможному источнику криновидной темы терракот⁸ недостаточно обоснована, так как белокаменные пояса этого памятника составлены не из отдельных законченных раппортов, а представляют непрерывную плетенку, состоящую, может быть, из близких мотивов.

Выделение элементов этих поясов в отдельные композиции происходит, видимо, во второй половине XV в., когда на смену резному белому камню приходит керамика. По мнению Л.А. Беляева, «отобрав простые и ритмически повторяющиеся из этих мотивов, московские мастера будут воспроизводить их на фасадах храмов вплоть до начала XVI в., в конце концов «переведа» с белого камня на терракотовые плиты»⁹. Композиционные особенности тиражирования рисунка были подсказаны техническими возможностями нового материала, разительно отличавшегося от белого камня, где декор нарезался непосредственно на фасаде.

Позднее, на рубеже XV–XVI вв., на эту перемену существенно повлияла деятельность итальянских архитекторов, обладавших более совершенными технологиями в области строительной керамики. Наиболее показательным в этом смысле является фриз Михайловской церкви Чудова монастыря. Он представлял собой известный еще с античных времен зеркально повторяющийся мотив, состоящий из пальметт и дельфиноподобных существ, плавники, хвосты и жаберы которых уподоблены листьям аканта. Его последующее переосмысление на русской почве не оставляет камня на камне от ренессансной темы, преобразуя ее в «странного вида орнаментальную кашу, испещренную примитивными плоскостными графичными порезками»¹⁰.

В нашем случае присутствуют как зеркально повторяющиеся составные композиции (тип 2–3), так и цельные раппорты, помещенные на одной плите (тип 1). Мотив крина также подвергся стилистическому преобразованию, но, в отличие от конечного результата эволюции дельфинов, здесь рисунок получает особенную переработку, превратившую графичные, хотя худосочные варианты второй половины XV в. в несколько гипертрофированные формы, заполняющие практически все поле детали¹¹.

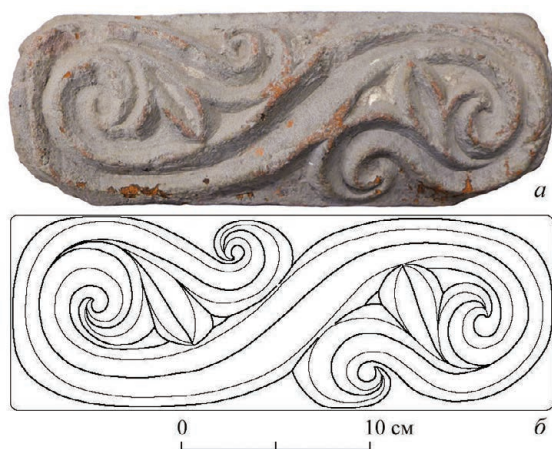
---

⁸ Успенская А.В. Отчет. Л. 27.

⁹ Беляев Л.А. Исламский Восток и формирование материальной культуры Московской Руси: о методических подходах к оценке // Поволжская археология. 2016. № 2 (16). С. 22.

¹⁰ Яганов А.В. Об одной группе фасадного керамического декора XVI века // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Тверь, 2017. Вып. 10. С. 178; 180.

¹¹ Такую же обобщенную, но, в целом, художественную обработку претерпели и терракоты из церкви в с. Чашниково (Московская обл.), превратившись из килькообразных мутантов в композицию из пышных головастых рыб и развитых пальметт, также заполняющих все свободное поле.

Рис. 4. Орнаментированная фасадная деталь – вал.
Тип 4: *а* – фото фрагмента;
б – графическая реконструкция

же S-образно изогнутый стебель, с обеих сторон заканчивающийся завитком с двумя листочками (рис. 4: *а, б*). Как и плиты, рисунок является самостоятельной темой и не рассчитан на композиционное продолжение ряда, хотя его первоисточник может восходить как к античным, так и к среднеазиатским мотивам или быть почерпнутым из северогерманской кирпичной готики. Особенности формовки и состав теста сходны с экземплярами типа 1–3. Деталь уникальна для керамических декораций фасадов первой половины XVI в. Несомненно, она являлась элементом горизонтальной тяги, обрамлявшей сверху и снизу ряд орнаментальных плит, образуя ленту, огибающую стены по периметру.

Заметим, что в памятниках второй половины XV в. с их плоскими антаблементами керамические плиты никак не выделяли из плоскости стены. Исключениями являются соборы Спасо-Каменного монастыря и Воскресенский в Волоколамске. В последнем при стандартном наборе элементов плоскостного архаического пояса XV в. введены перебивающие развитые горизонтальные тяги, причем терракотовый фриз помещен между двух валиков.

На памятниках рубежа XV–XVI вв., таких как Великокняжеский дворец в Московском Кремле (1499–1508 гг.), храмы Михаила Архангела Чудова монастыря (1501–1503 гг.) и Рождества Христова в Юркино (1510-е гг.), элементом, сопровождающим керамический рельефный фриз, являлся киматий (ионики). Но в перечисленных случаях ионики применены в составе ренессансных ордерных композиций, использованных во всех этих зданиях итальянскими мастерами. Они не прижились

В одной из работ мы высказывали мнение, что «кринь в древнерусском зодчестве появляются значительно раньше, во второй половине XV века, но с течением времени рисунок также радикально видоизменяется, постепенно деградирует и, в конце концов, исчезает... в первой половине XVI века»¹². Однако, судя по звенигородским терракотам, случаи применения своеобразно переосмысленной на русской почве криньковидной декорации отмечаются и в 20-х гг. XVI в.

Тун 4. Габаритные размеры в среднем: 29 (длина) × 10 (высота) × 8,5–9 см (толщина с учетом выступающего рельефа). На поверхности ложкового вала изобра-

¹² Яганов А.В. Новые данные о керамическом фасадном декоре в древнерусском зодчестве второй половины XV – начала XVI века // КСИА. Вып. 249. Ч. 2. М., 2017. С. 214. Еще один обобщенный сюжет на «криньковидную» тему – терракоты из Переславского музея, принадлежавшие одному из памятников Горицкого монастыря, датируемые довольно широко – в пределах конца 10–40-х XVI в.

в русской архитектуре первой половины XVI в., и впоследствии антаблементы превратились в весьма условно трактуемую схему, напоминая первоисточник только похожестью отдельных порезок. Подобное использование иоников мы видим на фасадах Никольской церкви и трапезной палаты Николо-Песношского монастыря, где они сверху и снизу окаймляют керамический рельефный фриз¹³.

Замена распространенных для итальянского периода киматиев на более упрощенную орнаментику знаменует отказ от малопонятных классических форм, которые, как видим, не получают распространения в русской фасадистике после 1510-х гг. Следующим этапом, вероятно, воспоследовала замена рельефных тяг на простые валы, как например, в церквях Воскресения в Коломне и Троицы села Чашникова, а позднее выступающая горизонтальная тяга снова исчезает (например, Рождественская церковь в Медведевой пустыни и Введенская в Подольном монастыре близ Троице-Сергиева монастыря). То есть мы видим определенное возвращение к истокам – от неприжившегося ордера обратно к формам XV в. Поэтому появление (возможно, уникальное) валов с растительными побегами можно рассматривать как некий переходный этап между декорированными и недекорированными бордюрами¹⁴.

Процентное соотношение деталей позволяет сделать некоторые предварительные выводы о расположении терракот на фасадах здания. Большая часть (55%) представлена типом 1: крупными плитами с объединенным раппортом, то есть из них составлялся наиболее протяженный декоративный пояс, вероятно, проходивший по стенам трапезной палаты, четверику и граненым апсидам церкви. Наличие плит с составным раппортом (29 %), где высота детали больше её ширины, могло быть связано с необходимостью их применения на округлой в плане форме, например, шее главы, где такое соотношение сторон вполне логично. Исходя из процентного соотношения материалов, можно было бы отнести к декорации антаблемента барабана и детали типа 4 (16 %), но имеющаяся на одном из экземпляров затеска под углом 45° показывает на его использование в прямоугольном элементе (на углу здания или на раскреповке лопатки). Такое несоответствие статистическим расчетам может быть разрешимо предположением об изъятии этих элементов при разборке здания в середине XVII в. как близких по характеристикам к большемерным кирпичам и их применение как вторичного материала в постройках времени царя Алексея Михайловича.

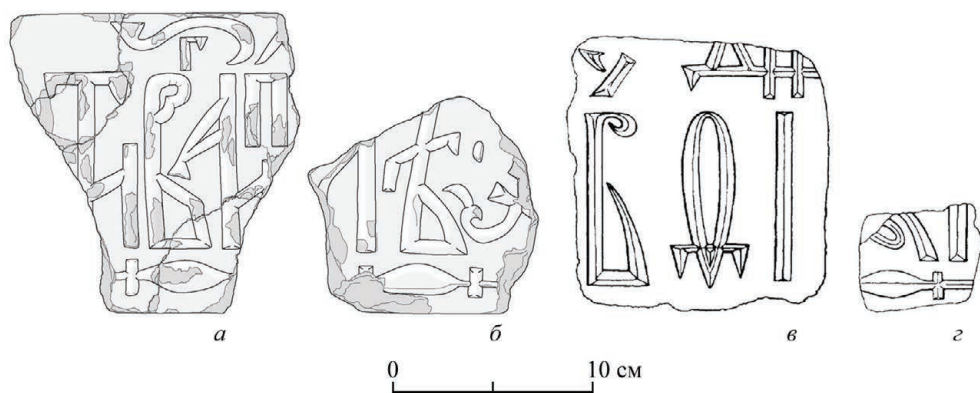
Тип 5. Наиболее любопытными оказались находки керамических фрагментов с отрывками рельефной надписи вязью¹⁵ (рис. 5: а, з). В статье Н.С. Шеляпиной опубликовано четыре фрагмента, еще один описан в отчете А.В. Успенской как «обломок хорошо обожженного красного кирпича с частью отформованной на нем буквы С»¹⁶, но

¹³ На фасадах Сретенской церкви Николо-Песношского монастыря недостаток иоников восполнен обычными подтесанными на угол кирпичами.

¹⁴ Во второй половине XVI в. происходит кратковременное возвращение элементов ренессанской орнаментики. Из построек этого времени назовем Столовую и Ответную палаты Кремлевского дворца, соборы Троицкий (Покровский) в Александровской слободе и Борисоглебский в Старице, где ионики также присутствовали в составе ордерного белокаменного или керамического поливного оформления фасадов.

¹⁵ Схематические прориси с лицевых сторон четырех фрагментов опубликованы в статье Н.С. Шеляпиной (*Шеляпина Н.С.* Археологическое изучение... С. 307), но они имеют неточности в деталях и не соответствуют помещенному на чертеже масштабу. Два фрагмента находятся в экспозиции ГИМ, поэтому прориси с них удалось скорректировать, уточнить композицию и габаритные размеры.

¹⁶ *Успенская А.В.* Отчет. Л. 11.

Рис. 5. Керамические фрагменты с рельефной надписью.

Тип 5: а, б – прорисы Е.И. Рузаевой; в, з – прорисы из статьи Н.С. Шеляпиной

его изображением мы не располагаем. Отмечено, что эти детали обнаружены в горизонте строительства здания и не имеют следов раствора, то есть не были использованы в кладке. К тому же обращено внимание на различное качество обжига – один из артефактов «плохо обожжен и имеет темную поверхность»; напротив, другой отличается прочным алым черепком. Поэтому А.В. Успенская осторожно предположила, что части надписи были отбракованы в процессе возведения комплекса в первой половине XVI в.

Наиболее крупный фрагмент сохранил два габаритных размера – высоту (15 см) и толщину (5 см), по длине он уцелел на 14,5 см, расколот на три неравные части по диагонали¹⁷. В центре помещена надпись, выполненная вязью с высотой строки 8,8 см в рельефе, выступающем из плоскости плиты на 5–6 мм, причем буквам, при стремлении резчика формы к художественности, свойственны округлость и отсутствие четкости в объемном исполнении. Вероятно, предложенный ему рисунок был повторен только в общих чертах и к тому же наложился не на самый лучший материал для воспроизведения такой утонченной каллиграфической композиции.

Сверху и снизу на полях располагаются, соответственно, выносные лигатуры и «орнаментальный мотив, напоминающий короткий меч с овальным лезвием и прямым перекрестием»¹⁸. Под этим описанием А.В. Успенская имела в виду бусины, или жемчужник, в его классическом виде использовавшийся только в памятниках начала XVI в., построенных итальянцами. Но здесь мы видим упрощенное и огрубленное подражание этой детали, помещенное вне контекста ордера, в качестве орнаментального подстрочия.

Буквы читаются как «...ТИВА(ГО) И П...», и, по мнению А.В. Успенской, «относились к слову “милостиваго” или “благочестиваго”»¹⁹. Вероятно, слово принадлежит храмовой или памятной надписи, которую предполагалось установить на стене

¹⁷ ГИМ 104297/2.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

здания, а, судя по компоновке текста, она должна была быть частью фриза одного из элементов комплекса – возможно, церкви.

Небольшой осколок надписи, из которой уверенно прочитывается «Лѣ...» и знак тысячи, имеет размеры $10,8 \times 11,5$ см²⁰. Другой фрагмент с габаритами по лицевой поверхности $15 \times 15,5$ см²¹ и схожими характеристиками дает чтение «...У В Ѡ [19] (ДЕНЬ)...» сохранил лишь только часть лигатур, причем нижнее поле утрачено. Четвертый артефакт (7×6 см) с нижними фрагментами букв (на обоих – части жемчужника) немного добавляет к тексту.

Планируемое местоположение можно только предполагать. Возможная причина неиспользования надписи – ее малый масштаб, очевидно несовместимый с площадями фасадов постройки, но нельзя исключать и другие причины, например, отбраковку некачественных элементов надписи, которые впоследствии оказались в прослойке строительного горизонта. С другой стороны, отсутствие среди находок при довольно масштабных археологических исследованиях 1955–1958 гг. деталей со следами использования, наверное, свидетельствует в пользу первого предположения.

В коллекцию строительной керамики, происходящей из раскопок, включена красноглиняная ангобированная плитка пола размером $18\text{--}18,2 \times 18,4\text{--}18,6 \times 4,5\text{--}5$ см без скоса боковых поверхностей вовнутрь; с прямоугольным углублением-ковчегом на тыльной стороне $10,7 \times 12,2$ см, глубиной 0,5 см. Она имеет следы выхоженности, сколы, но следов скрепляющего раствора на нижней и боковых поверхностях нет, то есть укладка производилась по песчаной подготовке; скорее всего, поверх черного пола из кирпича на плашку.

Изделия подобной формы использовались в полах дмитровского Успенского собора 1510-х гг.²² и близкой к нему по времени Никольской церкви Николо-Песношского монастыря²³. Но на этих памятниках плитки пола уникальны – это набор из белоглиняных и чернолощеных элементов, положенных по известково-песчаной стяжке по диагонали к стенам. В Звенигороде применен более дешевый вариант – для цветового разнообразия вместо белой глины использован ангоб, а лощение заменено на обыкновенные красные плитки, которые чередовались в покрытии пола.

В составе собрания присутствует фрагмент кирпича (высота 8,2 см), вероятно, происходящего из свода постройки, о чем свидетельствует характерная подтеска. На его поверхности сохранилась известковая штукатурка, окраска, растворный шов 2,0 см.

Фасадный декор в коллекции представлен лишь частью кирпича, имеющего профиль в виде четвертного вала с полкой на тычке. Но судя по общим фотографиям находок из отчета А.В. Успенской, кирпичные детали постройки отличались разнообразием. Кроме вышеописанного профиля, найдены валики, выкружки, астрагалы, валики с двумя полками, среди которых много угловых элементов, а также угловых подтесок, причем все обломы отличались довольно грубой выделкой. В горизонтальных

---

²⁰ ГИМ 104297/3.

²¹ И здесь, и ниже размеры даны по масштабу прориси из статьи Н.С. Шеляпиной.

²² Яганов А.В., Рузаева Е.И. Успенский собор в Дмитрове... С. 101.

²³ Яганов А.В., Рузаева Е.И. Новые данные о Никольском соборе Николо-Песношского монастыря // Образ христианского храма. Сборник статей по древнерусскому искусству. К 60-летию А.Л. Баталова. М., 2015. С. 366. В дмитровском Успенском соборе средний размер $19 \times 19,5 \times 4$ см, глубина ковчега – 0,4–0,5 см; в Песноше – $20 \times 20,5 \times 4$ см.

тягах здания использовались и белокаменные валы, также изображенные на снимках протокольной фотофиксации.

Главным результатом изучения архитектурной коллекции стали разбор и анализ керамических изделий – элементов фасадной отделки комплекса зданий первой половины XVI в., состоящего из трапезной палаты со Святыми воротами и надвратной церковью. До сих пор этой теме была посвящена часть абзаца в статье Н.С. Шеляпиной, где автор, сосредоточившись на археологической стороне вопроса, вскользь упоминает этот сюжет²⁴. Материал определенно относится к одному сооружению рубежа XV–XVI вв., а конкретнее – ко времени после 1521 г., то есть после выдачи грамоты князя Юрия Ивановича на поиск и разработку камня для строительства трапезной в монастыре.

Обратим внимание на художественные особенности декоративных элементов этой постройки, отмеченные чертами своеобразного переосмысления ренессансного декора, привнесенного итальянскими мастерами во второй половине XV в. Оригинальность рисунка здесь подчеркивается индивидуальным подходом к классической трактовке строгого, засушенного крина, превращающегося в пышные объемные растения, без остатка заполняющие фон, объединение раппорта, в одном из вариантов, в законченную композицию. К ранее неизвестным решениям в фасадной керамике относится появление в ее рисунке горизонтальных тяг с растительными побегами, вероятно, пришедшими на смену не получившему развития на местной почве киматию.

Из технологических моментов отметим качественную резьбу штампа терракот, тщательную проработанность мельчайших деталей изображений, чего нельзя сказать об огрубленном или даже неряшливом подходе к объемной профилировке фасадов. Обращает внимание тщательный подбор и подготовка глины для формовки орнаментальных плит, двухслойность уплотнения массы в формах. Этот прием не встречается в процессе изготовления поздних (1530–40-х гг.) терракот, где глина однослойно набивалась в форму без учета особенностей проработки рельефа, как и в случае с кирпичом²⁵.

Уникальны фрагменты, несомненно, принадлежащие храмовой надписи. Если они также относятся к 1520-м гг., то являются одним из первых примеров использования рельефного изображения литер и еще более новаторским опытом их применения в керамике (как видим, не слишком удачным). Наиболее ранний памятник белокаменной оброчной резьбы датирован 1532 г.²⁶, а в поливной керамике подобная объемная проработка элементов появляется не ранее 1558 г.²⁷ в надписи, помещенной на шатре (или шатрах) Борисоглебской церкви в Старице²⁸.

²⁴ Шеляпина Н.С. Археологическое изучение... С. 306.

²⁵ Как мы уже отмечали, поздние рельефы имеют бугристую поверхность, а мелкие детали рельефа нанесены после формовки, по-сырому, примитивными графичными порезками (Яганов А.В. Об одной группе... С. 181).

²⁶ Авдеев А.Г., Яганов А.В. Храмовая надпись 1532 года в селе Серединском Боровского района Калужской области // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 7. М., 2011. С. 271–277.

²⁷ Эта дата вызывает сомнения, но сам факт наличия керамической поливной надписи с объемными буквами доказан археологически. Отметим, однако, возможность несоответствия датировки церкви и времени помещения на ней фасадной поливной керамики.

²⁸ Яганов А.В. К вопросу о керамической храмовой надписи Старицкого Борисоглебского собора XVI века // ВЭ. Вып. IV. М., 2010. С. 288–303.

Выдающееся сооружение первой половины XVI в. в Саввино-Сторожевском монастыре, изученное раскопками 1955–1958 гг., но не получившее после них архитектурно-археологического комментария, несомненно, заслуживает специальной публикации.

Список литературы

- Авдеев А.Г., Яганов А.В.* Храмовая надпись 1532 года в селе Серединском Боровского района Калужской области // Археология Подмосквья. Материалы научного семинара. Вып. 7. М.: ИА РАН, 2011. С. 271–277.
- Беляев Л.А.* Исламский Восток и формирование материальной культуры Московской Руси: о методических подходах к оценке // Поволжская археология. 2016. № 2 (16). С. 18–43.
- Великие Минеи Чети. М.: Синодальная типография, 1901. Декабрь. Дни 1–5. 580 стб.
- Послания Ивана Грозного / Подготовка текста Д.С. Лихачева и Я.С. Лурье. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1951. 715 с.
- Русская историческая библиотека. Пг.: типография Главного управления уделов, 1915. Т. 32. Архив П.М. Строева. Т. 1. 896 стб.
- Смирнов С.К.* Историческое описание Саввина Сторожевского монастыря. М.: типография А. Гатцука, 1877. Изд. 3. 166 с.
- Успенская А.В.* Отчет об археологических раскопках в Саввино-Сторожевском монастыре п. Звенигорода. 1955 г. // Архив ИА РАН. Р-И. № 1423. Альбом к отчету: Архив ИА РАН. Р-И. № 1424.
- Шеляпина Н.С.* Археологическое изучение памятников архитектуры начала XVI в. в Саввино-Сторожевском монастыре // Средневековая Русь. М.: Наука, 1976. С. 303–309.
- Шеляпина Н.С.* Отчет об археологических разведках на территории Саввино-Сторожевского монастыря в г. Звенигороде. 1959 г. // Архив ИА РАН. Р-И. № 1846.
- Яганов А.В.* К вопросу о керамической храмовой надписи Старицкого Борисоглебского собора XVI века // ВЭ. Вып. IV. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2010. С. 288–303.
- Яганов А.В.* Новые данные о керамическом фасадном декоре в древнерусском зодчестве второй половины XV – начала XVI века // КСИА. Вып. 249. Ч. 2. М.: ИА РАН, 2017. С. 209–217.
- Яганов А.В.* Об одной группе фасадного керамического декора XVI века // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Вып. 10. Тверь: ТНИИР, 2017. С. 177–187.
- Яганов А.В., Рузаева Е.И.* Новые данные о Никольском соборе Николо-Песношского монастыря // Образ христианского храма. Сборник статей по древнерусскому искусству. К 60-летию А.Л. Баталова. М.: Арткитчен, 2015. С. 347–380.
- Яганов А.В., Рузаева Е.И.* Успенский собор в Дмитрове. М.: Северный паломник, 2003. 301 с.

**COLLECTION OF BUILDING CERAMICS OF THE FIRST HALF
OF THE XVI CENTURY FROM THE EXCAVATIONS OF 1955–1958
IN ZVENIGOROD SAVVINO-STOROZHEVSKY MONASTERY**

Abstract: The complex of elements of ceramic facade decoration stored in the Zvenigorod museum is interesting not only for belonging to the lost building of the XVI century, but also for non-standard architectural and artistic solutions. In the article, we continue to analyze the issues of the evolution of the terracotta pattern in different periods of the existence of these products, taking into account their location within the building, tracing possible analogues.

Keywords: architectural and archaeological research, Savvino-Storozhevsky Monastery in Zvenigorod, architectural monuments of the XVI century, refectory with church and Holy Gate, ceramic facade decoration, terracotta reliefs, ceramic commemorative inscription.

ПАМЯТНАЯ НАХОДКА: РАННИЕ ЭМАЛЕВЫЕ ИЗРАЗЦЫ В МОСКОВСКОМ КРЕМЛЕ

Аннотация: Статья посвящена выделению новой группы рельефных полихромных изразцов, появившихся в Москве в середине – второй половине 1650-х гг. Один из них несет дату от Сотворения мира, написанную буквенной цифирью. Она служит маркером времени и места, соединяя их со строительством в Кремле патриарха Никона. Выделение группы существенно дополняет картину усвоения новых видов изразцов в Москве, позволяя обозначить новый этап, предвещающий и, отчасти, соседствующий с процессом создания в Ново-Иерусалимском монастыре крупнейшего центра по производству изразцов нового типа в конце 1650-х – середине 1660-х гг.

Ключевые слова: археология Нового времени, Московское царство, история технологий, декоративное искусство, изразцы печные, архитектура, западные контакты, художественные связи Москвы.

Среди многочисленных изразцов, найденных в Московском Кремле примерно за полтора столетия, рельефные рамочные изразцы с полихромной непрозрачной (эмалевой) поливой до сих пор не рассматривались как особая группа. Правда, при появлении (а первый найден еще в 1910-х гг.) их отметили как необычные, и в дальнейшем в Москве таких почти не находили. Между тем они были доступны для обзора в декоре церквей Троицы в Никитниках (1631–1653) и Николы на Берсеневке (1656–1657)¹. Но только накопление материала позволило выделить их как хронологически обособленную типо-технологическую группу, связанную с конкретными эпизодами истории России и усвоения ею западной культуры.

Найденные первыми в 1915 г. два фрагмента от одного изразца Исторический музей высоко оценил, тут же опубликовав нижний фрагмент с описанием: «...один из обломков представляет выдающийся интерес: на темно-синем поле, в середине, находился щиток с надписью, от которой сохранились части букв одной строки и нижняя строка с 4 буквами, фон щитка – зеленоватый, буквы желтые, под щитком дата, вероятно, изготовления изразца: 716 (последней не сохранилось), соответствующая 1653–1661 гг. от Р. Хр.; цифра покрыта белой глазурью. Это первый случай находки кафля, вероятно, московского, изделия с изображением такого раннего года»². Отметим тут же, что дата нуждается в уточнении: 1651/52–1660/61 гг.

¹ С.А. Маслих, публикуя один из изразцов из декора церкви Троицы в Никитниках (1631–1653), писал: «Производство многоцветных изразцов в эти годы не обнаружено». См.: *Маслих С.А.* Русское изразцовое искусство XV–XIX веков. М., 1983. Илл. 108.

² Отчет Императорского Российского Исторического Музея имени Императора Александра III в Москве за 1915 год. М., 1917. С. 5.

Запись дневника А.В. Орешникова за 19 мая 1915 г. уточнила обстоятельства находки: «Был в 4 ч. в Синодальной конторе на заседании по поводу описания Патриаршей ризницы... Я нашел замечательный обломок кафля, вырытого во дворе против входа в Синодальную контору, на нем ясно читается год 716... (= 1650-е годы)»³. Это делает понятными детали отчета Исторического музея: их внес, вероятно, сам автор находки («Найден А.В. Орешниковым в 1915 году в Москве на территории Московского Кремля во дворе б. Синодальной Конторы собора двенадцати Апостолов»)»⁴.

Вскоре (7 июля 1915 г.) находку записали в инвентарную книгу Исторического музея (инв. № 49456) в составе коллекции: «Предметы, найденные в Московском Кремле: 22 обломка печных кафлей с разноцветной глазурью; на одном сохранилась часть щитка с буквами ИОМР и с годом *ЗР-Ж* (716... = 165...)». Найден при земляных работах во дворе у входа в Синодальную библиотеку; против сев.-вост. угла Собора 12 Апостолов»⁵. В графе «От кого поступил» записано: «От высочайше утвержденной Исполнительной Комиссии по реставрации Б[ольшого] Успенского собора»⁶. Передача находки именно в Исторический музей объяснима не только тем, что А.В. Орешников был сотрудником этого музея, но и наличием в нем уже сложившейся к этому времени коллекции изразцов.

Тогда же фрагменты зарисовал крупнейший исследователь русской архитектурной керамики А.В. Филиппов⁷, но рисунок стал доступен только после электронной публикации второго выпуска его свода русских изразцов, где описание наиболее детально: «Два фрагмента многоцветного эмалированного рельефного изразца с надписью и датой (1652–1661), найденные в Московском Кремле. Оба фрагмента являются частью одного изразца с рельефным растительным орнаментом в рельефной плоской рамке. На меньшем (верхнем) фрагменте часть растительного орнамента и рамки. На большем нижнем кроме орнамента и рамки имеется часть обломанной картуши и надписи. Внизу, на поле изразца рельефные буквы *ЗР · Ж..* (1652–1661). Фрагменты из светлой песчанистой крупнозернистой глины. Изразец оттиснут в форме, расписан по рельефу эмалями: белой, желтой и глазурями синей и зеленоватой (по белой эмали). Глазури пузырчатые, частью матовые. На глазури цек и потеки, указывающие на вертикальное положение изразца в обжиге. Ширина изразца 228 мм. Румпа, отступающая от края изразца, точеная на круге, бунтик не двойной, отверстие для крепления проткнуто пальцем. Высота румпы 90 мм» (далее следует ссылка на обстоятельства находки и место хранения)⁸. Музейная жизнь фрагментов сложилась непросто. В 1955 г. они были списаны согласно ордеру Министерства культуры РСФСР (штамп о списании предмета имеется в учетной документации) (рис. 1).

³ Орешников А.В. Дневник. 1915–1933: в 2-х кн. Кн. 1: 1915–1924. М., 2010. С. 33.

⁴ Там же.

⁵ Запись в Главной инвентарной книге Государственного Исторического музея. 7 июня 1915 г.

⁶ Там же.

⁷ Подробнее о А.В. Филиппове см.: Керамическая установка: по материалам архива и коллекций А.В. Филиппова / Авт. коллектив: С.И. Баранова и др. М., 2017. 472 с.

⁸ Филиппов А.В. Древнерусские изразцы XV–XVII вв. Вып. 1. М., 1938. 92 с.

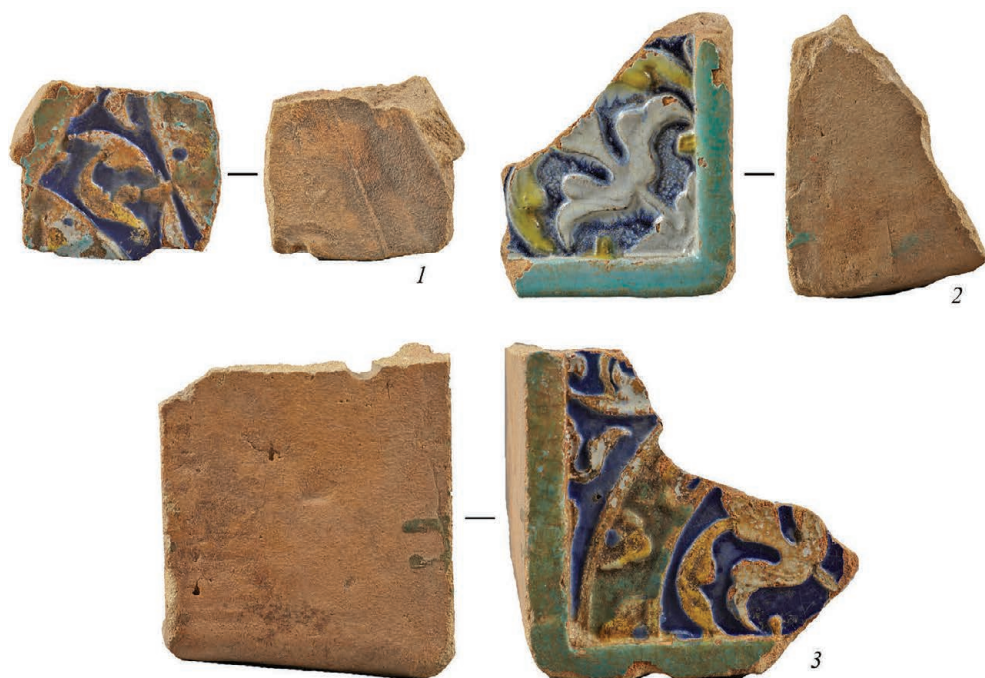

Рис. 1. 1, 2. А.В. Филиппов. Рисунок «Два фрагмента многоцветного эмалированного рельефного изразца с надписью и датой (1652–1661), найденные в Московском Кремле». 1915 г. Бумага, акварель. Архив С.И. Барановой. Подарен автору профессором М.Ф. Меняевым, унаследовавшим архив от ученицы А.В. Филиппова архитектора Т.М. Меняевой. 3. Изразец (фрагмент) рельефный полихромный. ГИМ. Инв. № 115961/56 5162. Фотография Г.Г. Сапожникова

Спустя много лет изразец (уже без верхнего фрагмента) обнаружили при проверке фонда и вернули на полку хранения Отдела керамики и стекла с новым инвентарным номером (ГИМ. Инв. № 115961/56 5162); артефакт получил регистрационный номер Госкаталога Музейного фонда РФ № 2739706. Нижний фрагмент сохранился полностью. Его размеры – 12 × 15,5 × 9,5 см (включая лицевую пластину толщиной 1,5 см и румпу, сохранившую фрагмент венчика высотой 2,3 см). В стенке румпы – круглое отверстие неровной формы 2 × 2 см. Ширина изразца, по Филиппову, 228 мм (22,8 см). Она рассчитывается благодаря тому, что центр картуша обозначен (кружок между двумя буквами) на расстоянии 11,4 см от края. Можно предположить, что изразец квадратный⁹.

Спустя много лет были найдены следующие фрагменты рельефных полихромных изразцов из светложгущейся глины. В 1995–1998 гг. их обнаружили при за-

⁹ Приношу глубокую благодарность главному хранителю ГИМ М.В. Чистяковой, сотрудникам музея Е.П. Смирновой, И.И. Сергиенко, Н.И. Иорданской за предоставленную возможность работы с памятником.

Рис. 2. Изразцы (фрагменты) рельефные полихромные, найденные в Московском Кремле. Работы по обследованию Большого Кремлевского дворца под руководством Б.Л. Альтшуллера и С.С. Подъяпольского. 1995–1998 гг. Фотография автора

мене инженерных коммуникаций, когда специалисты ЦНРПМ под руководством Б.Л. Альтшуллера и С.С. Подъяпольского обследовали часть великокняжеского дворца конца XV – начала XVI в. (в составе Большого Кремлевского дворца)¹⁰. Эти находки не привлекли особого внимания, поскольку в ходе работ было обнаружено значительное количество редких изразцов из беложгущейся глины, с прозрачной глазурью зеленого и желтого цветов (оттенки от ярко-желтого до темно-коричневого), относившихся, по мнению исследователей, к печам, сложенным после Смутного времени и переделки дворца для семьи царя Михаила Федоровича¹¹. Информация о полихромных фрагментах, которые посчитали более поздними, не была опубликована (рис. 2).

Они собраны в шурфе № 1, в восточной части северного коридора, против палаты № 8, где под слоями поздних бетонных полов лежал кирпичный пол «в елку» середины XIX в. Находившийся ниже слой строительного мусора включал фарфор

¹⁰ Подробнее см.: Подъяпольский С.С., Евдокимов Г.С., Рузаева Е.И., Яганов А.В., Яковлев Д.Е. Новые данные о Кремлевском дворце рубежа XV–XVI вв. // Древнерусское искусство. Русское искусство Позднего Средневековья: XVI век. СПб., 2003. С. 51–98.

¹¹ Евдокимов Г.С., Рузаева Е.И., Яганов А.В. Комплекс печных изразцов, обнаруженный при исследованиях великокняжеского дворца в Московском Кремле в 1997 году // Керамические строительные материалы в России: технология и искусство Позднего Средневековья. М., 2016. С. 88–91. В настоящее время изразцы хранятся в собраниях ГИКМЗ «Московский Кремль» и МГОМЗ.

и бытовую керамику вплоть до начала XIX в. Еще ниже проходила верхняя граница слоя (мощность 20–35 см) с массой проливов извести, бытовой керамики, фрагментов большемерного кирпича (14–15 × 7,5–8 см), а также муравленных и полихромных изразцов середины – второй половины XVII в.¹² Среди них пять фрагментов относятся к интересующему нас технологическому типу. Они выполнены из светлой глины, дающей при обжиге черепок бежевого цвета, в нашем случае неоднородно окрашенный, слоистой структуры с включениями песка. На внутренней стороне видны следы инструмента в виде гребенки. Декорированы эмалями четырех цветов: темно-синей, бирюзовой, желтой и белой.

Третья группа фрагментов собрана в ходе широких исследований в Кремле экспедиции ИА РАН под руководством вице-президента РАН, академика Н.А. Макарова¹³, на раскопе 2021 г. около Боровицкой башни. Среди многочисленных фрагментов изразцов оказалось четыре технологически близких, но явно принадлежавших двум разным печным наборам. Два из них от стенового изразца и пояска (возможно, с утраченной полочкой с одной стороны) из светложгущейся глины (черепок бежевого цвета с включением песка), с мелким тонко проработанным полихромным растительным орнаментом на синем фоне (6,5 × 6,5 см, 3,3 × 13 см). Первый фрагмент сохранил коробчатую румпу высотой 6,4 см при толщине черепка 1,4 см, в которой ясно видна часть круглого ровного отверстия с гладкими стенками, выполненного инструментом (рис. 3).

Два другие – из беложгущейся глины с примесями шамота с полихромным растительным орнаментом, выполненным в более высоком рельефе на почти черном (смесь кобальтовой и медной глазури?) с зеленоватым оттенком (по замыслу мастера – синем) фоне, представляют собой фрагменты стенового изразца и пояска (9,5 × 7,5 × 1,3 и 8,9 × 7,7 × 1,4 см). Композиция на пояске представляет в белом рельефе «лик» с крыльями и популярна на изразцах Иверского Валдайского¹⁴ и Ново-Иерусалимского монастырей (рис. 4).

Все находки в Кремле относятся к виду рельефных полихромных (эмалевых) изразцов (по определению XVII в. «ценинных») и выполнены из светложгущихся глин. Все рамочные, хотя рамки разной ширины. Первая и третья группы – по 0,7 см; вторая (из великокняжеского дворца) – 1,3 см; у одного из изразцов рамка утрачена и судить о ней мы не можем. Объединяет их и палитра: у всех синий цвет фона, белый и желтый рельеф, зеленые и желтые рамки. Отличаются цвет черепка (вернее, оттенки) и вид румпы: у первой находки отступающая от краев румпа, у прочих коробчатая, два изразца из найденных в 2021 г. тип румпы не сохранили.

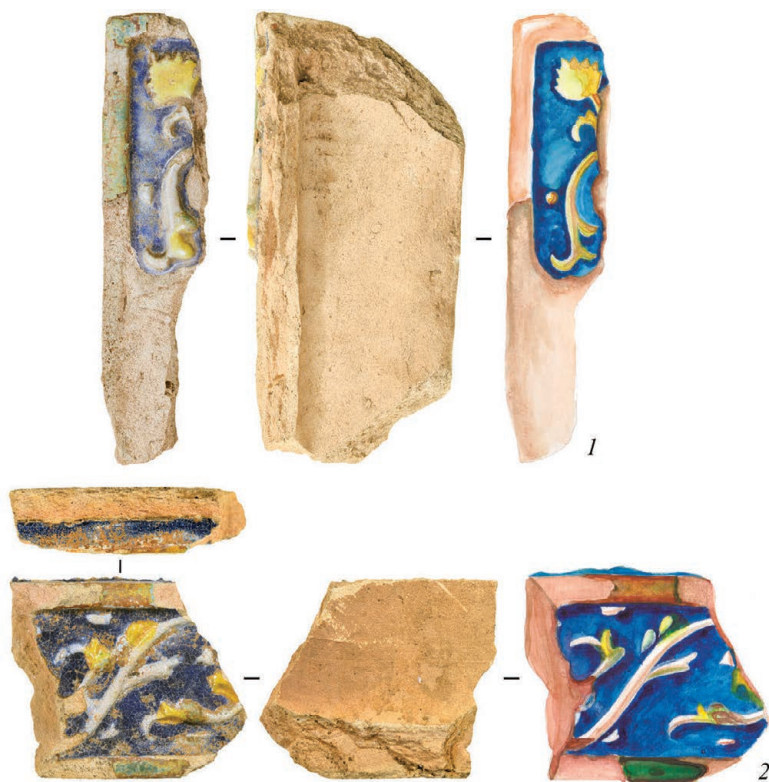
Орнаментальные растительные мотивы при всей их общности, очевидно, выполнены разными мастерами. Изображение на изразцах, найденных в 1990-х гг., сочетает растительный орнамент с геометрическим в виде довольно широкой дуги или полу-

¹² Благодарю Е.И. Рузаеву за консультацию по истории находки изразцов.

¹³ Приношу глубокую благодарность за предоставленную возможность использовать материалы из раскопок ИА РАН в Московском Кремле, проводившихся под руководством вице-президента РАН, академика РАН Н.А. Макарова. Искренняя благодарность заведующему отделом средневековой археологии ИА РАН В.Ю. Ковалю, научным сотрудникам ИА РАН О.Н. Глазуновой, И.Н. Кузиной за содействие в организации и консультации в ходе работы.

¹⁴ Яковлева Л.П., Жегурова О.В. Изразцы в собрании Новгородского музея. Великий Новгород, 2006. С. 58.

Рис. 3. Изразцы (фрагменты) рельефные полихромные, найденные в Московском Кремле. Экспедиция ИА РАН под руководством Н.А. Макарова. Рисунки Е.С. Мячина, фотографии Н.М. Замиралина

дуги, характерных для широкого круга изразцов западнее Московии¹⁵. Фрагменты других изразцов предполагают четырехчленную или сетчатую симметричную схему построения орнамента, в изобилии представленную на тех же территориях (из наиболее известных – изразцы Мирского замка с «четырёхчленной симметрией», которые датируются первой половиной XVII в.)¹⁶.

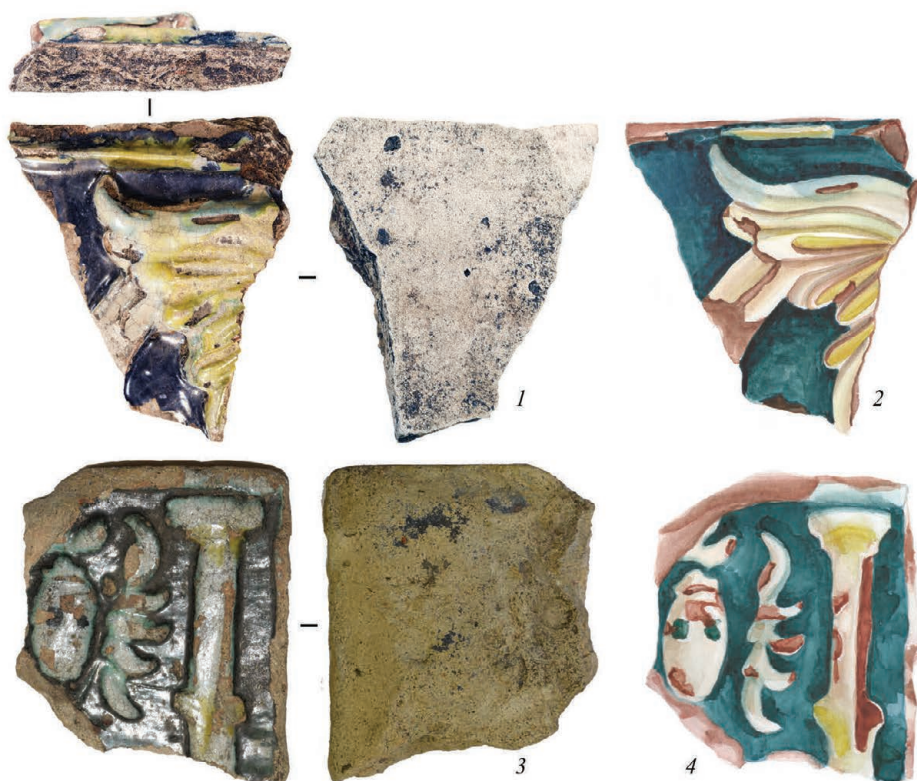
Такие изразцы мы видим в декоре церкви Троицы в Никитниках (1631–1653), построенной на средства купца Григория Никитникова во дворе его усадьбы. Ее изразцовые вставки явно входят в ту же группу, что изразцы Кремля, но это отдельный сюжет, который здесь не рассматривается¹⁷ (рис. 5).

¹⁵ Синчук И.И. Коллекция изразцов из г. Рославль Смоленской обл. сезона 2017 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.academia.edu/42815199/Sinchuk_I_Collection_of_tiles_from_the_city_of_Roslavl_Smolensk_region_season_2017 (дата обращения: 24.10. 2022).

¹⁶ Белорусские изразцы / Авт. текста и сост. В.Е. Соболев, М.А. Ткачев и др. Минск, 1989. С. 50; Археалогія Беларусі. Т. 4. Мінск, 2001. С. 447 и др.

¹⁷ Приношу глубокую благодарность директору ГНИМА им. А.В. Шусева Е.С. Лихачевой и хранителю Т.А. Дудиной за возможность работы с коллекцией С.А. Маслиха.

Рис. 4. Изразцы (фрагменты) рельефные полихромные, найденные в Московском Кремле. Экспедиция ИА РАН под руководством Н.А. Макарова. Рисунки Е.С. Мячина, фотографии А.Н. Ратушина

Дата на лицевой пластине находки 1915 г. с ее буквенным написанием служит, конечно, хронологическим маркером и свидетельствует о местном (московском, российском) происхождении: дата от Сотворения мира на изразце встречается, насколько известно, только при раскопках Ново-Иерусалимского монастыря¹⁸.

Зато даты на изразцах (в том числе геральдических) распространены на Западе, где они сочетаются с аббревиатурами и просто надписями. Геральдические изразцы входили в состав печного набора, соседствуя на печах с изразцами с традиционной для своего времени орнаментикой (как правило, в верхнем ярусе печи)¹⁹. Такие изразцы с датами «1614», «1635», «1645» есть в православных городах Белоруссии²⁰. В конце 1980-х гг. во время раскопок в г. Могилеве были найдены зеленые изразцы-коронки с датой «1690 KV 31 DN» (31 апреля 1690 г.) с сюжетом «букет в вазе», ко-

¹⁸ Беляев Л.А. Архитектурная керамика Нового Иерусалима: русский вклад в развитие художественных традиций Европы // Керамические строительные материалы в России: технология и искусство Позднего Средневековья. М., 2016. С. 25.

¹⁹ Археалогія Беларусі. Т. 4. Мінск, 2001. С. 454, 458, 459.

²⁰ Синчук И.И. О реконструкции печей Мирского замка // Архитектурная археология. 2021. № 3. С. 165.

Рис. 5. С.А. Маслих. Изразцы из декора церкви Троицы в Никитниках в Москве.
Рисунок. Бумага, акварель. ГНИМА. Р V 6268-1, Р V 6268-2, Р V 6268-3

торый встречается на изразцах первой половины XVII в.²¹ Автор находки не считает возможным, чтобы с точностью до дня отмечали производство партии изразцов²², или, что еще менее вероятно, начало эксплуатации печи²³.

С этим трудно не согласиться. В нашем случае речь должна идти о памятном, заметном событии, на которое может указывать хронологический интервал 1652–1661 гг. и место находки в Кремле против северо-восточного угла собора Двенадцати Апостолов.

Церковь была заложена в честь апостола Филиппа, но освящена заново в 1681 г., когда церковью Филиппа стал домовый храм патриархов на третьем этаже Патриарших палат. Заняв в 1652 г. патриарший престол, митрополит Новгородский Никон начал перестройку Патриаршего двора (1653–1655). Он увеличил его территорию и разобрал церковь преподобных Зосимы и Савватия Соловецких, построил трехэтажные каменные палаты и домовую церковь, освятив ее (1656) во имя апостола Филиппа. Первый этаж Патриаршего дворца заняли хозяйственные помещения, второй – парадные залы и пятиглавый собор Апостолов, третий – личные покои патриарха Никона (столовая, спальня, кабинет, казнохранилище). Уже в 1655 г., описывая интерьер Крестовой палаты Патриаршего дворца, Павел Алеппский сообщает: «...пол в ней вышел наподобие бассейна, которому не хватает только воды. Она выстлана чудесными разноцветными изразцами... В ней возле двери сделан огромный каптур (печь) из превосходных изразцов» (курсив мой. – С.Б.)²⁴.

Присутствие патриарха Никона определяет и время: придя в Кремль в 1652 г., он пробыл здесь до 1658 г., удалившись затем в Ново-Иерусалимский монастырь, строительство которого возглавил. Патриарх превратит монастырь в «разсадник изразцового дела», сыграв выдающуюся роль в развитии русского искусства.

Кремлевские изразцы, вероятно, изготовлены между 1652 и 1658 гг., до начала работ на Истре. Для подтверждения этого совершим экскурс в историю изразца

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архиереем Павлом Алеппским. Т. 4. М., 1898. С. 104.

1650-х гг. В это время группа мастеров, владевшая технологиями эмали, существовала, видимо, только в Иверском Валдайском монастыре (создан в 1653 г. патриархом Никоном). Как известно, сюда в составе «кутеинских старцев» приехали мастера из Орши, Копыси и Шклова. Они наладили производство полихромных изразцов, используя предшествующий опыт²⁵.

Печные изразцы из Иверского монастыря поставляли в Москву и Тверь по указам патриарха. Но все известные нам иверские изразцы сделаны из красных местных глин. Найденные же в Кремле изразцы изготовили мастера, владевшие искусством ценинного дела, но приехавшие в Москву, минуя Иверский монастырь. Они могли оказаться здесь в результате хорошо известного набора специалистов во время военной кампании или даже еще раньше (о чем, однако, у нас нет никаких свидетельств).

Среди них был Павел Буткеев, который не работал в Новом Иерусалиме и попал в Москву на 8–10 лет раньше перевода в Оружейную палату патриарших мастеров ценинных дел (1666), с чем обычно связывают расцвет в столице изразцового производства. Павел впервые упомянут в росписи 1658 г. как тяглец Гончарной слободы, и в тот год он делал ценинные изразцы для двух печей в церкви Апостола Филиппа. В дальнейшем он и его сын не раз выполняли заказы царя²⁶.

Мы видим в Гончарной слободе и других мастеров, попавших в Москву в 1655–1656 гг. непосредственно из завоеванных городов. Некоторые из них, вероятно, сразу начали искать заказы и работать.

А что же с нашей надписью? Под «щитом» стоят три первые знака даты 716..., что дает десятилетний интервал с 1651/52 по 1660/61 г. На самом щите есть еще одна надпись, от которой сохранилась нижняя строка и часть верхней. Всех строк, судя по остающемуся месту, могло быть две или три. Все буквы нижней строки есть и в кириллице, и в латинице. Первая буква – йота (i), за ней следует очевидный пробел, затем две или три буквы слитно (ОМР или ОМ Р). Вместе – I ОМР или I ОМ Р. Допустимо думать, что надпись сделана латиницей (известны случаи, когда изразечники в Москве подписывались латинскими буквами) или просто по-латыни, которая была распространена в Речи Посполитой, в том числе и в православных областях.

Учитывая, что в латинском языке огромное количество сокращений, можно предположить, что последние три буквы раскрываются как *Omni Potentis* («всемогущий»), и представить в полном виде фразу как «Волею Господа Всемогущего», «Благословением Господа Всемогущего», «Во славу Господа Всемогущего» и т. п. Датами на изразцах, видимо, отмечали начало или окончание строительства (закладка, освящение), исполнение обета и т. п. Такая посвятельная надпись была бы уместной. Возможно в этом случае и раскрытие йоты как сокращения слова «Иисус». Строкой выше мы видим несколько мачт подряд, которые также могут быть частью аббревиатуры.

²⁵ На территории Валдайского монастыря найден изразец с указанной арабскими цифрами датой от Рождества Христова, «1664», выполненной в европейской традиции. См.: *Околович М.Г.* Символика изображений в искусстве полихромного рельефного изразца Великого Новгорода и его окрестностей второй половины XVII в. // *Мир художественной культуры*. М., 2001. С. 173.

²⁶ Подробнее о династии Буткеевых см.: *Баранова С.И., Беляев Л.А., Топычканов А.В.* Резиденция Петра I в Коломенском: комплексное историко-археологическое исследование. М., 2022. С. 146, 236.

Вполне разумно было бы трактовать аббревиатуры как варианты голгофских надписей, число которых очень велико²⁷. В этом случае в верхней части щитка могла быть изображена Голгофа и, возможно, крест с тростью и копьем. Возможно, изображение на щите имело геральдическое значение: вспомним, что патриарх Никон был единственным патриархом, обладавшим собственным гербом.

Дата, проставленная буквами, отводит сравнительно узкий хронологический коридор, который соотносится с историей работ патриарха Никона в Кремле (перестройка палат и церкви Апостолов с 1652/53 г. по 1656 г.), а также с историей производства изразцов в России. Как известно, она тесно связана с началом войны с Польшей и переездом в Россию Кутейнских монастырей в 1655 г.

Это не значит, конечно, что изразцового производства в Москве не было раньше (более того, в Кремле известны находки изразцов конца XVI – начала XVII в.), но изразцы эти были иного типа, хотя, вероятно, тоже центральноевропейские по происхождению²⁸. Но только после 1655 г. начинают производить изразцы с эмалевой глазурью силами нескольких групп мастеров, из которых более известны «кутеинцы» Иверского монастыря, а затем и крупная группа мастеров Нового Иерусалима, работавшая с 1666 г. в Москве. Возможно, изразцы из Кремля были изготовлены в 1655–1658 гг., до начала благоустройства патриархом Ново-Иерусалимского монастыря.

Остается упомянуть, что остальные изразцы Москвы, как существовавшие до 1650-х гг. (красно-терракотовые или с прозрачной глазурью), так и более поздние, 1660–1680-х гг., которые формально относятся к тому же классу рельефных полихромных эмалевых, на выделяемую нами впервые группу изразцов из Кремля не похожи. Но все виды орнаментов находят массу аналогов на территории Белоруссии и еще западнее, в Литве, Польше, Германии и Прибалтике²⁹ (рис. 6). Важно, что 1650-е гг. отмечены появлением в Москве не только «польских», но и «киевских» печей.

Это один из тех коротких импульсов, которыми полна история русского изразца конца XV – XVI в., но которые, конечно, будут появляться и в XVII столетии. В пользу чего говорят и недавно опубликованные находки XVII в. из Новодевичьего монастыря, в том числе фрагмент стенового изразца из светложгущейся глины с зеленой рамкой и частью сохранившегося белого орнамента на синем фоне, а также коробчатой румпой³⁰. Как видим, эти находки заявляют о себе в самых центральных и важных точках Москвы.

²⁷ См.: Авдеев А.Г. Из истории древнерусской эпиграфики и ставрографии. 3. К вопросу о происхождении и развитии буквенных акронимов на Голгофских крестах в Древней Руси // Проблемы теологии: материалы 5-й Международной богословской научно-практической конференции, 16 мая 2008 г., г. Екатеринбург. Вып. 5. Екатеринбург, 2009. С. 103–162.

²⁸ Баранова С.И. Новые данные о ранних видах московского керамического декора // Московская Русь: проблемы археологии и истории архитектуры: к 60-летию Леонида Андреевича Беляева. М., 2008. С. 374–393.

²⁹ Список литературы обширен. Сошлемся лишь на некоторые из публикаций. См.: Пронин Г.Н., Соболев В.Е. Смоленские изразцы XVI–XIX веков. Смоленск, 2013; Археалогія Беларусі. Т. 4. Мінск, 2001; Klaipėdos miesto ir senamiesčio kokliai XIV–XIX a. Vidurys. Klaipėda, 2015; и др.

³⁰ Шиманова М.А., Лобзова Р.В. Технологическое исследование археологических фрагментов изразцов Новодевичьего монастыря в Москве // Архитектурная археология. 2021. № 3. С. 132–137.

Рис. 6. Фрагменты полихромных изразцов. XVII в. Мстиславль.

Из кн.: Белорусские изразцы / Авт. текста и сост. В.Е. Соболев и др. Минск, 1989. С. 60. Илл. 82.

Список литературы

- Авдеев А.Г.* Из истории древнерусской эпиграфики и ставрографии. 3. К вопросу о происхождении и развитии буквенных акронимов на Голгофских крестах в Древней Руси // Проблемы теологии: материалы 5-й Международной богословской научно-практической конференции, 16 мая 2008 г., г. Екатеринбург. Вып. 5. Екатеринбург, 2009. С. 103–162.
- Археалогія Беларусі. У 4 т. Т. 4. Помнікі XIV–XVIII стст. / В.М. Ляўко, М.Ф. Гурын, Ю.А. Заяц; пад рэд. В.М. Ляўко. Мінск: Беларуская навука, 2001. 597 с.
- Баранова С.И.* Новые данные о ранних видах московского керамического декора // Московская Русь: проблемы археологии и истории архитектуры: к 60-летию Леонида Андреевича Беляева. М.: ИА РАН, 2008. С. 374–393.
- Баранова С.И., Беляев Л.А., Топычанов А.В.* Резиденция Петра I в Коломенском: комплексное историко-археологическое исследование. М.: Индрик, 2022. 440 с.
- Белорусские изразцы / Авт. текста и сост. В.Е. Соболев, М.А. Ткачев и др. Минск: Беларусь, 1989. 160 с.
- Беляев Л.А.* Архитектурная керамика Нового Иерусалима: русский вклад в развитие художественных традиций Европы // Керамические строительные материалы в России: технология и искусство Позднего Средневековья. М.: Коллектор, 2016. С. 17–28.
- Евдокимов Г.С., Рузаева Е.И., Яганов А.В.* Комплекс печных изразцов, обнаруженный при исследованиях великокняжеского дворца в Московском Кремле в 1997 году // Керамические строительные материалы в России: технология и искусство Позднего Средневековья. М.: Коллектор, 2016. С. 88–91.
- Керамическая установка: по материалам архива и коллекций А.В. Филиппова / Авт. коллектив: С.И. Баранова и др.; рук. проекта и науч. ред.: С.И. Баранова. М.: Эксмо, 2017. 472 с.
- Околович М.Г.* Символика изображений в искусстве полихромного рельефного изразца Великого Новгорода и его окрестностей второй половины XVII в. // Мир художе-

- ственной культуры. М.: Православный Свято-Тихоновский богословский институт, 2001. С. 170–175.
- Орешиников А.В. Дневник. 1915–1933: в 2-х кн. / Сост. П.Г. Гайдуков, Н.Л. Зубова, М.В. Катагощина, Н.Б. Стрижова, А.Г. Юшко; отв. ред. П.Г. Гайдуков. Кн. 1. М.: Наука, 2010. 657 с.
- Отчет Императорского Российского Исторического Музея имени Императора Александра III в Москве за 1915 год. М.: Синодальная типогр., 1917. 144 с.
- Подъяпольский С.С., Евдокимов Г.С., Рузаева Е.И., Яганов А.В., Яковлев Д.Е. Новые данные о Кремлевском дворце рубежа XV–XVI вв. // Древнерусское искусство: Русское искусство Позднего Средневековья: XVI в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 51–98.
- Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским (По рукописи Моск. гл. арх. М-ва иностр. дел). Вып. 4. М.: Общество истории и древностей российских при Московском университете, 1898. 195 с.
- Синчук И.И. О реконструкции печей Мирского замка // Архитектурная археология. 2021. № 3. С. 161–177.
- Синчук И.И. Коллекция изразцов из г. Рославль Смоленской обл. сезона 2017 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.academia.edu/42815199/Sinchuk_I_Collection_of_tiles_from_the_city_of_Roslavl_Smolensk_region_season_2017 (дата обращения: 24.10. 2022).
- Филиппов А.В. Древнерусские изразцы XV–XVII вв. Вып. 1. М.: Изд. Всесоюз. акад. архитектуры, 1938. 92 с.
- Шиманова М.А., Лобзова Р.В. Технологическое исследование археологических фрагментов изразцов Новодевичьего монастыря в Москве // Архитектурная археология. 2021. № 3. С. 132–137.
- Klaipėdos miesto ir senamiesčio kokliai XIV–XIX a. Vidurys. Klaipėda, 2015.

S.I. Baranova

MEMORABLE FIND: EARLY ENAMEL TILES IN THE MOSCOW KREMLIN

Abstract: The article deals with the identification of a new group of relief polychrome tiles that appeared in Moscow in the middle – second half of the 1650s. One of them bears the date from the Creation, written in alphabetic numbers. It serves as a marker of time and place, connecting them with the construction in the Kremlin of Patriarch Nikon. The identification of the group significantly complements the picture of the assimilation of new types of tiles in Moscow, making it possible to single out a new stage that precedes and, in part, adjacent to the process of creating the largest center for the production of new types of tiles in the New Jerusalem Monastery in the late 1650s – mid 1660s.

Keywords: archeology of the Modern times, Moscow kingdom, history of technology, decorative arts, stove tiles, architecture, westernization, Moscow artistic contacts.

О НЕКОТОРЫХ РАННИХ ИЗРАЗЦАХ ИЗ РАСКОПОК В РОСТОВЕ¹

Аннотация: В статье рассмотрены фрагменты изразцов XV–XVI вв. европейского производства из археологических раскопок на территории центра ростовской епархии. Наиболее ранний экземпляр датируется рубежом XIV–XV вв. Обнаружены изделия с круглой румпой. В ряде случаев зафиксирована сборная конструкция изразцов, при которой в единый корпус собирались изготовленные порознь румпа и лицевая пластина.

Ключевые слова: Митрополичий двор, изразцы, лицевые пластины, формы румп, сборная конструкция, XV–XVI вв.

Изразцы, о которых пойдет речь, были найдены при исследованиях на территории Митрополичьего двора и происходят из отложений, предшествующих по времени строительству в 1660-х – 1710-х гг. существующего архитектурного ансамбля Ростовского кремля. Коллекцию составили находки из раскопок в так называемом «дворике у Часовзона»² и на территории Конюшенного двора.

В первом случае уровень поверхности к началу раскопок приходился на основание цоколей стены и надвратной Воскресенской церкви, то есть соответствовал горизонту кремлевского строительства (дата постройки северных ворот и Воскресенской церкви – 1670 г.). Изразцы находились на глубине 0,2–0,6 м ниже этого уровня в слое, который по своему стратиграфическому положению относился ко второй половине XVI – первой половине XVII в. Всего на ограниченном участке около 8 кв. м было найдено более 20 обломков изразцов, относившихся к разным печным наборам и частую покрытых слоем побелки.

Внимания заслуживает фрагмент, дающий представление о конструкции изделия. Изразец безрамочный, от изображения на внешней плоскости сохранились ренессансная по стилю угловая виньетка и часть фигурной рамки, ограничивавшей утраченное центральное поле пластины. Поверхность беленая, толщина сужающейся к краям лицевой пластины составляет 1,3–1,65 см (рис. 1: а). Обратная сторона заглажена, поверхность повышается к центру, формируя основание сужающейся на конус круглой румпы (рис. 1: б). Судя по одинаковому расстоянию от основания румпы до смежных краев пластины, лицевая поверхность изразца имела квадратную форму.

¹ Статья подготовлена в рамках НИР № 122011200266-3 «Города в культурном пространстве Северной Евразии в Средневековье».

² Дворик у Часовзона ограничен с запада церковью Воскресения, с севера – стеной до Северо-восточной башни, с юга – Часобитной башней и зданием Судного приказа.

Рис. 1. Фрагмент изразца с круглой румпой. *а* – лицевая сторона, *б* – оборотная сторона, *в* – вид сбоку, *г* – реконструкция внешней стороны

Реконструкция на основе особенностей сохранившегося изображения показывает, что лицевая пластина имела размеры 24×24 см (рис. 1: *г*).

Боковой скол показывает, что конструктивно изразец состоял из трех изготовленных порознь и собранных воедино частей (рис. 1: *в*). Круглая румпа крепилась (прессовалась) в отверстие по центру основной пластины с последующим формированием оборотной стороны корпуса. Затем после сушки или предварительного обжига в рамку корпуса изразца вставлялась лицевая пластина. После следовал окончательный обжиг. Цвет глины готового изделия можно определить как светло-коричневый (бежевый), в ее составе заметна незначительная примесь песка.

Круглое сечение румпы заставляет вспомнить горшковые (горшковидные) изразцы XIV – начала XVI вв., появление которых в Московской Руси в XV в. предполагается, но археологическими материалами достоверно не подтверждено³. Ростовский экземпляр можно рассматривать как позднюю версию горшкового изразца. Аналогичные выявленной сборные конструкции изразцов разных типов и форм из последовательно соединенных вместе румпы, пластины корпуса и лицевой пластины известны в продукции европейских мастерских с XV в., если не ранее⁴. Время изготовления найденного изразца требует уточнения, но в любом случае его датировка едва ли моложе XVI в.⁵

Остальные рассматриваемые изразцы происходят из раскопок Конюшенного двора. Существующее здание было построено в конце XVII в. и в составе резиден-

³ Баранова С.И. К вопросу о генезисе московского средневекового изразца // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 4 (42). С. 56.

⁴ Kaufmann E.R., Buschor R., Gutscher D. Spätmittelalterliche reliefierte Ofenkeramik in Bern. Herstellung und Motive. Bern: Staatlicher Lehrmittelverlag, 1994. S. 37, 38. Abb. 28, 29.

⁵ Помимо рассмотренного экземпляра, остатки круглой румпы зафиксированы на двух других изразцах с иным оформлением лицевых пластин.

ции ростовских митрополитов представляло ее хозяйственную часть. Каре кирпичных корпусов ограждало собственнo двор площадью около 1200 кв. м. Проходившие с перерывами раскопки 2001–2014 гг. показали, что его территория была связана с центром епархии со времени ее возникновения в середине XI в.

Изразцы в коллекции находок представлены более чем 150 фрагментами. Муравленные изразцы отсутствуют, есть поливные, преобладают же неполивные (терракотовые), в некоторых случаях с белым ангобом. По своему стратиграфическому положению они относятся к отложениям XVI в. Разновременные нарушения культурного слоя и недостаточное число имеющихся дендродат не дают возможности точно датировать находки, но имеющиеся данные показывают, что значительная их часть связана со слоем первой половины столетия.

Еще несколько образцов найдены по отдельности в слоях более раннего времени. По местоположению они находились ниже уровня построек, связанных с возведением ныне стоящего Успенского собора в 1506–1512 гг.⁶, на глубине, соотносимой с двумя постройками середины – второй половины XV в.⁷ Хронологию культурного слоя подтверждает отсутствие в нем обломков и крошки кирпича, а также чернolощеной керамики⁸. Можно допускать случайное попадание обломков изразцов в нижележащие отложения в силу разного рода обстоятельств средневековой жизни, но облик и, в ряде случаев, конструкция с разной степенью уверенности подтверждает вероятность их бытования в XV в. Ниже приводятся описания некоторых показательных находок.

Из слоя XVI в. происходит фрагмент поливного изразца, сохранивший части лицевой пластины, корпуса и румпы⁹ (рис. 2: а). Изготовлен из глины светло-коричневого (бежевого) цвета без заметных примесей. Толщина пластины корпуса по краю без верхней рельефной части составляет 0,5 см, полная толщина с бортиком по краю с рельефом – 2,8 см (рис. 2: в). Полива на сохранившемся участке лицевой пластины светло-зеленого цвета, местами белесая, сохранившийся орнаментальный завиток имеет коричневый оттенок. Заглаженная поверхность оборотной стороны имеет подъем к центру, откуда выступает сохранившаяся на высоту 2 см румпа, которую можно назвать трубчатой (рис. 2: б). При толщине стенок 0,8 см ее реконструируемая внутренняя прямоугольная полость имеет размер 4,8 × 2,8 см (рис. 2: г).

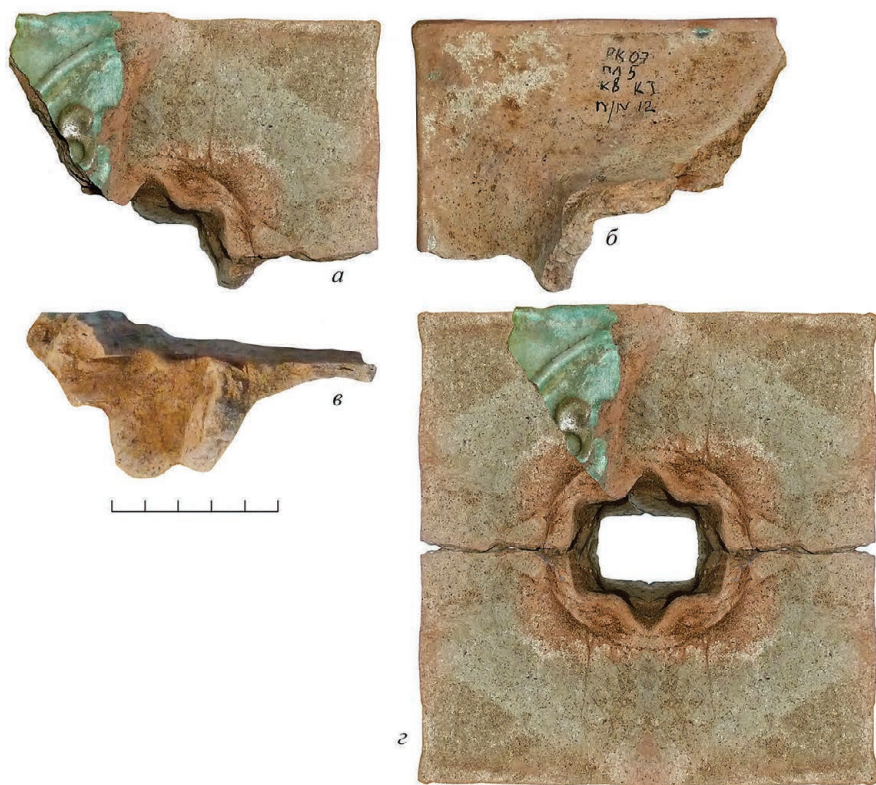
Видимые поверхности и сечение показывают, что конструкция и технология изготовления изразца – такие же, как у рассмотренного выше экземпляра из двorика у Часовзона: готовая трубчатая румпа вставлена в центр пластины корпуса и скреплена с ней (видны следы отгибания трубки), а затем перекрыта лицевой пластиной (рис. 2: а, б). Вероятная реконструкция общего вида изразца показывает, что его лицевая сто-

⁶ Самойлович Н.Г. Конюшенный раскоп в Ростове Великом. Результаты охранных археологических исследований 2001–2005 гг. 2001–2005 гг. М., 2007. (Материалы охранных археологических исследований. Т. 9). С. 28, 29. Рис. 52. Дендродаты постройка 1507, 1510 гг.

⁷ Самойлович Н.Г. Ук. соч. С. 22, 23. Рис. 40. Дендродаты постройка 1459–1472 гг.

⁸ Начало кирпичного строительства в Ростове связано с возведением нового здания Успенского собора в период 1506–1512 гг. По статистике керамики из раскопок примерно тогда же, в начале столетия, в быту появляется чернolощеная посуда.

⁹ ГМЗ РК, фонд археологии. Колл. 1045, № 12. Не столь показательный фрагмент еще одного изразца аналогичной конструкции был найден в слое второй половины XV в.

Рис. 2. Фрагмент изразца с прямоугольной румпой малого сечения (трубчатой).
а – лицевая сторона, *б* – оборотная сторона, *в* – вид сбоку, *г* – реконструкция внешней стороны

рона со слабо выступающим бортиком имела квадратную форму со стороной 13,5 см (рис. 2: *г*).

Полной аналогии конструкции ростовского изразца найти не удалось. В Швейцарии (Берн) немногочисленные случаи использования трубчатых, но толстостенных, круглого сечения соединений отмечены у некоторых изразцов второй половины XIV в., служивших для декорирования купольных печей¹⁰. Учитывая эти данные, изразец можно отнести к изделиям XV в. Квадратная форма и небольшие размеры лицевой стороны дают возможность говорить, скорее, о первой половине столетия¹¹.

Там же, в слое XVI в., сохранился продольный скол лицевой пластины изразца с изображением единорога¹². Рельеф изображения высокий, до 0,5 см, хорошо проработанный, с резким абрисом морды, шеи и зубцов гривы мифического животного (рис. 3: *а*, *б*). Глина изразца на поверхности и в изломе ровного темно-серого цве-

¹⁰ Kaufmann E.R., Buschor R., Gutscher D., Spätmittelalterliche reliefierte Ofenkeramik in Bern... S. 36. Abb. 25. S. 107. Abb. 15.

¹¹ Ibid. S. 29.

¹² ГМЗ РК, фонд археологии. Колл. 1045, № 150.

та¹³. В составе глины заметна небольшая примесь песка и известковой крошки (?). Единорог – не самый распространенный, но известный персонаж средневекового bestiария. Схожее по иконографии и рельефу изображение имеется на изразце второй половины XV в. из Берна (рис. 3: в).

Еще один единорог присутствует на фрагменте лицевой пластины из слоя второй половины XV в. (рис. 4: а)¹⁴. Глина изразца по цвету красно-коричневая, без заметных примесей. Поверхность покрыта ангобом или побелкой. Толщина пластины – менее 1 см, высота рельефа – 1 см. Заметная на виде сбоку (рис. 4: в) прерывистая узкая продольная выемка указывает на вероятный оттиск лицевой пластины поверх подготовленной поверхности корпуса.

Фоном для единорога служат выполненные в более низком рельефе изображения ветки с листьями и здания, построенного в технике фахверка (на фасаде видна характерная прямоугольная сетка выступающих брусьев конструкции), с окном под карнизом высокой крыши. Дома такой конструкции существовали в средневековой Германии и странах Центральной Европы.

В том же слое найден фрагмент изразца с неполной фигурой другого животного, в котором угадывается лев. На шее зверя – орнаментированный ошейник (рис. 5)¹⁵. Толщина пластины составляет 1,1 см, высота рельефа – до 1 см. Качество оттиска высокое. Обратная сторона гладкая¹⁶.

Изразец изготовлен из плотной глины ровного серого цвета. Поверхность покрыта белым ангобом, местами с налетом сажи. Особенностью является заметная, а в рельефной части насыщенная, примесь мелких светлых частиц в глине (рис. 5: б, в). Это не песок, не привычная дресва; по виду более похоже на толченый известняк. Рецептура необычная, поиск аналогий затруднен, поскольку в публикациях не всегда обращается внимание на состав формовочных масс. Но использование в качестве отошающих примесей в гончарной глине известковой крошки и кварцитового песка отмечено для найденных в Берне средневековых изразцов¹⁷.

Последний из рассматриваемых, самый ранний по стратиграфическому положению фрагмент изразца найден в отложениях второй половины XIV – первой половины XV в. Он представляет собой обломок средней части лицевой пластины размерами 9,5 × 6,8 см, толщиной 1,2–2,2 см, изготовленной из глины с незначительной примесью светлой дресвы (кварцит?). Цвет поверхности – светло-коричневый, в изломе – серый. Внешняя сторона слегка ошлакована из-за сильного нагрева. На обо-

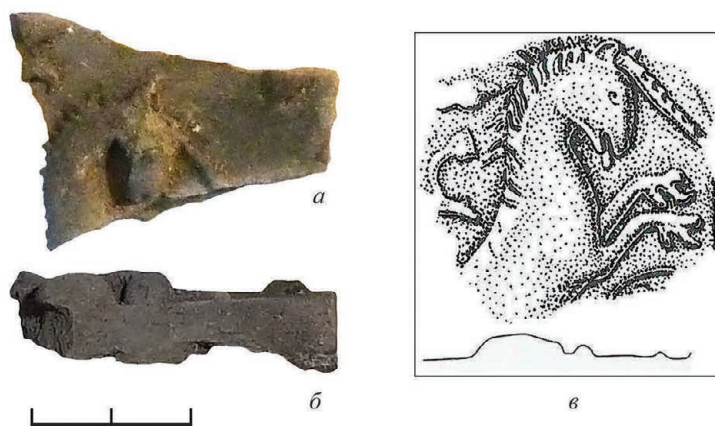
¹³ Серый цвет керамики свидетельствует о восстановительном обжиге изделия, что для изразцов не характерно.

¹⁴ ГМЗ РК, фонд археологии. Колл. 1045, № 142.

¹⁵ ГМЗ РК, фонд археологии. Колл. 1045, № 143.

¹⁶ Полное такое же изображение льва с показанной крупными приостренными прядями гривой, характерным положением ног и даже с каемкой ошейника имеется на московском рамочном красноглиняном изразце, датируемом авторами публикации началом XVI в. (Векслер А.Г., Патрик Г.К., Гусаков М.Г. Московские изразцы: возникновение и начальная история по материалам археологических изысканий // Археология Подмоскovie. Вып. 12. М., 2016. С. 566. Рис. 10: 3). Но в сравнении с ростовским экземпляром этот оттиск по тщательности проработки деталей выглядит репликой не первой руки.

¹⁷ Kaufmann E.R., Buschor R., Gutscher D., Spätmittelalterliche reliefierte Ofenkeramik in Bern... S. 25. В отсутствие других сопоставимых данных эти сведения никак не уточняют происхождение ростовского изразца.

Рис. 3. Фрагмент изразца с фигурой единорога. *а* – лицевая сторона, *б* – вид сбоку, *в* – аналогичное изображение на изразце второй половины XV в. из Берна (*Kaufmann E.R., Buschor R., Gutscher D. Spätmittelalterliche reliefierte Ofenkeramik in Bern... S. 188. Kat., 185*)

Рис. 4. Фрагмент изразца с изображением единорога и здания. *а* – лицевая сторона, *б* – оборотная сторона, *в* – вид сбоку

ротной стороне сохранились следы заглаживания тканью (рис. 6: 2)¹⁸. Отсутствие краевых частей не позволяет судить о форме румпы.

Найденный фрагмент сохранил изображение в высоком многоуровневом рельефе (рис. 6: 3, 4)¹⁹ нижней части фигуры сидящей вполоборота женщины (?) в длинном, по щиколотку, одеянии из ткани в складку (?) с рубчатой узорной каймой по поясу и спереди, с выделенной рельефом опушкой (?) по подолу. Под правой рукой на ко-

¹⁸ ГМЗ РК, фонд археологии. Колл. 1018, № 479.

¹⁹ Заметные выемки в основании отдельных уровней рельефа позволяют предполагать последовательное использование мастером нескольких штампов для создания полного изображения и, возможно, ручную сборку элементов изображения.

Рис. 5. Фрагмент изразца с фигурой льва (?) в ошейнике.
а – лицевая сторона, б – вид сбоку, в – оборотная сторона

леньях находится некий округлый предмет. Частично уцелевшее изображение левой (для сидящей) боковой спинки скамьи (кресла) дано в перспективе. Местоположение правой угадывается по утолщению сбитого рельефа слева от фигуры (рис. 6: 1). Фрагментарность изображения не дает возможности определить его сюжет. Но форма упомянутого «округлого предмета» с выделенной в рельефе жесткой границей (рис. 6: 3), а также слабо заметные на ошлакованной поверхности несколько идущих сверху вниз прямых штрихов позволяют полагать, что на коленях женщина держит лютню, а ее рука покоится на струнах. Изображения музыкантов с лютней известны на европейских изразцах XV в.²⁰

Уточнению хронологии ростовского изразца помогают обнаруженные поблизости в том же слое обломки обгорелых, частью ошлакованных поливных плиток пола. Следы сильного жара на глиняных предметах можно связать с летописным известием 1408 г. о пожаре, в котором сгорели 14 церквей и сильно пострадал Успенский собор²¹. Похожие обожженные плитки известны в материалах раскопок 1987 г. у западной паперти Успенского собора, где были встречены в слое, связанном с ремонтом после пожара²². Таким образом, попадание в землю обломка изразца допустимо

²⁰ Kaufmann E.R., Buschor R., Gutscher D., Spätmittelalterliche reliefierte Ofenkeramik in Bern... S. 134, 137. Kat. 83, 86; Loskotová I. Brněnské kamenné kachle období gotiky. (Disertační práce). Brno, 2011. S. 86, 87. Obr. 55, 4, 5.

²¹ ПСРЛ. Т. 15. М., 1965. Стб. 481, 482.

²² Леонтьев А.Е. Отчет о работе Волго-Окской экспедиции ИА АН СССР в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 15156. С. 7–9, 36. Конюшенный двор находится на расстоянии около 120 м южнее Успенского собора.

Рис. 6. Фрагмент изразца с изображением сидящего человека.
1 – лицевая сторона, 2 – оборотная сторона, 3 – вид сверху, 4 – вид сбоку

определить временем вскоре после 1408 г., а время его изготовления, соответственно, оказывается более ранним, не позднее рубежа XIV–XV столетий.

Представленные экземпляры составляют незначительную, но показательную часть археологической коллекции, и позволяют сделать некоторые общие выводы. Для территории Московской Руси ростовские изразцы принадлежат к числу самых ранних из известных. В самой Москве имеющиеся данные позволяют предполагать использование горшковых (горшковидных) изразцов с круглым устьем и первых архитектурных терракот начиная с середины XV в.; изделия с коробчатой румпой появляются в XVI в.²³, или, с возможным уточнением, на рубеже XV–XVI вв.²⁴

В Твери (до 1485 г. независимой от Москвы) фрагментами горшковых изразцов могут быть найденные в слое первой половины XV в. плоские обломки с рельефными «изображениями конька» (но с лапами вместо копыт – А.Л.) и покрытый зеленой глазурью фрагмент с выпуклым изображением человеческой фигуры (в публикации –

²³ Баранова С.И. Ук. соч. С. 53–56.

²⁴ Векслер А.Г., Патрик Г.К., Гусаков М.Г. Московские изразцы... С. 566–568; Векслер А.Г., Патрик Г.К., Гусаков М.Г. Некоторые аспекты истории изразцового дела Московской Руси в XV–XVII веках по данным археологии // Археология Подмосквья. Вып. 13. М., 2017. С. 387–389.

«архангела»)²⁵. Также в Твери при раскопках Владычного двора были найдены обломки светлоглиняных поливных изразцов с признаками крепления лицевой пластины на поверхность корпуса, которые авторы публикации предположительно датируют XVI в.²⁶ В Смоленске (до 1514 г. – в составе Великого княжества Литовского) горшко-видные изразцы найдены в отложениях конца XV–XVI в.²⁷

Ростовские изразцы по своей конструкции, технологии изготовления, сюжетам изображений выполнены в европейской традиции и, очевидно, как товар по заказу поступали в резиденцию ростовской епархии, начиная с рубежа XIV–XV вв. Для рассматриваемого времени вероятен путь их поступления из Великого княжества Литовского²⁸, где географически наиболее близкие из археологически изученных изразцовых печей XIV–XV вв. известны в Полоцке²⁹.

Список литературы

- Баранова С.И. К вопросу о генезисе московского средневекового изразца // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 4 (42). С. 53–60.
- Векслер А.Г., Патрик Г.К., Гусаков М.Г. Московские изразцы: возникновение и начальная история по материалам археологических изысканий // Археология Подмосковья. Вып. 12. М.: ИА РАН, 2016. С. 555–570.
- Векслер А.Г., Патрик Г.К., Гусаков М.Г. Некоторые аспекты истории изразцового дела Московской Руси в XV–XVII веках по данным археологии // Археология Подмосковья. Вып. 13. М.: ИА РАН, 2017. С. 387–405.
- Дук Д.В., Изразцы XIV – начала XIX в. // Древнейшие города Беларуси. Полоцк. Минск: «Беларуская навука», 2012. С. 370–373.
- Лапишин В.А. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. 540 с. (Серия «Archaeologica Varia»).
- Леонтьев А.Е. Отчет о работе Волго-Окской экспедиции ИА АН СССР в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 15156.
- Паничева Л.Г. Изразцы и изразцовые печи позднесредневекового Полоцка // Советская археология. 1981. № 3. С. 274–280.
- Пронин Г.Н., Соболев В.Е. Смоленские изразцы XVI–XIX веков. Смоленск: Свиток, 2013. 240 с.
- ПСРЛ. Т. 15. Полное собрание русских летописей. Тверская летопись. М.: Наука, 1965.
- Самойлович Н.Г. Конюшенный раскоп в Ростове Великом. Результаты охранных археологических исследований 2001–2005 гг. М.: ООО «Таус», 2007. 88 с. (Материалы охранных археологических исследований. Т. 9).

²⁵ Лапишин В.А. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб., 2009. С. 131. Рис. 142: 1–5.

²⁶ Хохлов А.Н., Мелькова В.Р. Архитектурная керамика XV – первой половины XVIII в. из раскопок владычного двора в Твери (по материалам археологических исследований 2012–2013 гг. на территории тверского императорского дворца) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 10. Тверь, 2017. С. 213. Рис. 9: 2–5.

²⁷ Пронин Г.Н., Соболев В.Е. Смоленские изразцы XVI–XIX веков. Смоленск, 2013. С. 15. Илл. 1, 2.

²⁸ Векслер А.Г., Патрик Г.К., Гусаков М.Г. Московские изразцы... С. 559–564. Рис. 2.

²⁹ Паничева Л.Г. Изразцы и изразцовые печи позднесредневекового Полоцка // Советская археология. 1981. № 3. С. 274–280; Дук Д.В. Изразцы XIV – начала XIX в. // Древнейшие города Беларуси. Полоцк. Минск, 2012. С. 370–372. Рис. 79–81.

Хохлов А.Н., Мелькова В.Р. Архитектурная керамика XV – первой половины XVIII в. из раскопок владычного двора в Твери (по материалам археологических исследований 2012–2013 гг. на территории тверского императорского дворца) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 10. Тверь: Тверской научно-исследовательский историко-археологический и реставрационный центр, 2017. С. 206–224.

Kaufmann E. R., Buschor R., Gutscher D. Spätmittelalterliche reliefierte Ofenkeramik in Bern. Herstellung und Motive. Bern: Staatlicher Lehrmittelverlag, 1994. 311 S.

Loskotová I. Brněnské kamnové kachle období gotiky. (Disertační práce). Brno, 2011. <https://is.muni.cz/th/dnj7u/disertace-kachle.pdf>.

А.Е. Leontyev

ABOUT SOME EARLY TILES FROM EXCAVATIONS IN ROSTOV

Abstract: The article deals with fragments of tiles of 15th–16th centuries of European production from archaeological excavations on the territory of the center of the Rostov diocese. The earliest copy dates back to the turn of the 14th–15th centuries. Items with a round tile chamber were found. In a number of cases, a prefabricated design of tiles was recorded, in which a separate tile chamber and front plate were assembled into a single body.

Keywords: Metropolitan court, tiles, front plates, tile chamber shapes, prefabricated structure, 15th–16th centuries.

КОЛЛЕКЦИЯ ИЗРАЗЦОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII В. БОЛЬШОГО УСПЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ В ТИХВИНЕ

Аннотация: Предлагаемая статья посвящена вводу в научный оборот коллекции изразцов, найденных во время археологических исследований на территории Большого Успенского монастыря в г. Тихвине Ленинградской области, относящихся ко второй половине XVII в. Представлено их краткое описание, топография распространения находок, некоторые аналогии, сведения о поставках изразцов в монастырь, а также появлении собственного производства.

Ключевые слова: Большой Успенский монастырь, г. Тихвин, Ленинградская область, изразец, аналогии, торговые связи, собственное производство.

Начиная с 1975 года в границах Большого Успенского монастыря в г. Тихвине Ленинградской области велись археологические исследования¹, связанные с реставрацией зданий, входящих в ансамбль этого памятника архитектуры, и с хозяйственной деятельностью, в том числе прокладкой подземных коммуникаций. За это время в общей сложности обследовано около 10% территории (из 7,9 га, занимаемых монастырем, общая площадь шурфов, траншей и раскопов составила порядка 770 кв. м) – таким образом, охвачена практически вся его территория, за исключением северо-западной и южной части. В результате полевых работ получены данные о методике строительства в XVI–XIX вв., о технологии устройства дренажных систем, которые играли одну из важнейших ролей, поскольку монастырь располагается на низком берегу р. Тихвинки. Исследования предоставили обширные материалы о постройках и иных, ныне утраченных, сооружениях и конструкциях монастыря. Исследования А.А. Никоновой позволили реконструировать горизонт территории обители на период конца XIV в. (освоение этого участка), середины XVI в. (учреждение монастыря), XVII в. (период интенсивного строительства после разорения монастыря и посадка войском Якова Делгагарди). Все обнаруженные археологические находки находятся на постоянном хранении в фондах ТИМАХМ. Одним из результатов изучения коллекции А.А. Никоновой является предложенная ею классификация керамического материала, которая сейчас постоянно используется в работе, кроме того, позднее эта тема была продолжена Ю.В. Катышевским и опубликована в материалах семинара им. академика В.В. Седова². Другие предметы еще ждут своего отдельного изучения.

¹ Работами руководили в 1975–1978 гг. Н.К. Стеценко, в 1981 г. – В.А. Булкин, в 1982–1991 гг. – А.А. Никонова, в 2004 г. – Л.В. Королькова, в 2008–2010 гг. – автор настоящей статьи.

² *Катышевский Ю.В., Шуньгина С.Е.* Археологические исследования на территории Большого

Рис. 1. Топография находок изразцов на территории Большого Успенского монастыря по материалам исследований 1975–2010 гг.

Среди различных категорий находок, хранящихся в фондах музея, традиционный интерес представляют 169 красноглиняных изразцов и их фрагментов. Большая их часть обнаружена в 1975–1976 гг. в результате архитектурно-археологических исследований крыльца на западном фасаде здания Трапезной, которая фактически соседствует с Архимандричьими кельями. Небольшое количество фрагментов найдено в шурфах у Казенных и Больничных келий, единичные экземпляры происходят из шурфов и раскопов на месте Северных келий, рядом с Житинными кельями (рис. 1). Анализом этих находок впервые занималась Н.К. Стеценко³. Один из муравленных изразцов с ковровым орнаментом опубликован Е.В. Кондратьевой еще в пору активных полевых археологических работ в монастыре⁴. В монографии Е.П. Варакина и Т.Н. Пятницкой, посвященной итогам реставрации монастырских памятников, опубликована рукопись Е.В. Кондратьевой 1990 г., посвященная вопросам поставок изразцов, а также их местного производства по данным письменных источников XVII в.⁵ Основной целью нынешней публикации является представление коллекции в целом с учетом ее, хоть и незначительного, пополнения за последние годы.

Первая печь с муравленными изразцами появилась в монастыре в Архимандричьих кельях. Об этом сохранилась единственная запись 1664 г. об оплате «каменщику Ивану Саму другу от дела, что делали в архимандричи кельи печь мурамленную денги семь рублей»⁶. Других сведений, в том числе, откуда в тот год были привезены изразцы, в нашем распоряжении нет.

Последующие документы более информативны. По архивным данным известно, что изразцовые печи были устроены в каменных Казенных кельях, возведенных в 1668 г. и надстроенных вторым этажом в 1676 г. В этом здании располагалась казенная палата, где велось монастырское делопроизводство. Они также служили кладовыми для хранения денежной казны и других материальных ценностей. Здесь же проживал и казначей⁷. Среди архивных документов 1668 г. сохранилось письмо архимандрита Тихвинского Успенского монастыря Ионы к архимандриту Иверского монастыря Филофею о заказе изразцов: «...Построены, господа, у нас ныне в монастыре вновь кельи каменные и в тех кельях хотелось построить печи израсцовые. И у нас, господа, таких мастеров нет. Умолюсь, господа, для дому пречистые богородицы чудотворные иконы Тихфинские для нашего прошения, учините, господа, ду-

---

Успенского монастыря в Тихвине в 2010 году // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В.В. Седова. Материалы 58 заседания (17–19 апреля 2012 г.). М.; Псков, 2013. С. 279–292.

³ *Стеценко Н.К.* Изразцы из Успенского монастыря г. Тихвина Ленинградской области (научный отчет об изучении изразцовой коллекции из археологических раскопок 1975–1976 гг. на территории Успенского монастыря). Л., 1979. Рукопись // Архив ОАО «НИИПИ Спецпроектреставрация». № 1285.

⁴ *Кондратьева Е.В.* Новые данные о деятельности керамической мастерской Валдайского Иверского монастыря // Памятники культуры. Новые открытия. 1980. Л., 1981. С. 473.

⁵ *Кондратьева Е.В.* Изразцовое дело в Тихвинском Успенском монастыре по документам XVII века // *Варакин Е.П., Пятницкая Т.Н.* Архитектурный ансамбль Успенского монастыря в Тихвине. Приложение 1. СПб., 2017. С. 257–265.

⁶ Там же. С. 257.

⁷ *Степанова Л.В.* Казенные кельи быв. Успенского монастыря в г. Тихвине Ленинградской области. Т. 1. Ч. 1. Историческая справка и материалы историко-архивных исследований. Ленинградская областная специальная научно-реставрационная производственная мастерская. Л., 1975 // Архив ОАО «НИИПИ Спецпроектреставрация». № 575.

ховную братскую любовь, извольте приказать мастером, чтоб нам зделали образцов на две печки к зимнему первому пути...»⁸. Об их изготовлении свидетельствует отписка архимандрита Филофея с сообщением, что подводы для перевозки печных изразцов для каменных палат в Иверский монастырь не прибыли: «В прошлом, государь во (176/1668) году августа в день писали вы к нам, что построены у вас в монастыре каменные кельи, и в тех кельях печей нет. И нам бы велеть приготовить вам печных мурамленных образцов на две печи к нанешнему зимнему первому пути... И от вашего преподобия подвод и по се число по те образцы к нам не бывало»⁹. Судя по находкам целых и фрагментированных муравленных изразцов, этот заказ был доставлен в монастырь. В последующие годы одна из покупок изразцов была сделана в Москве¹⁰.

В приходно-расходных книгах Тихвинского монастыря 1680-х годов часто встречается имя кирпичника Льва Ларионова, который занимался сборкой и перекладкой изразцовых печей в монастыре. Упоминается имя Ларки Федотова, который чинил печь изразцовую в Казенных кельях в 1682 году. Такая активная деятельность по устройству печей в монастыре, возможно, объясняется также и тем, что в 1681 году начала производство изразцов мастерская в Зеленецком монастыре¹¹, куда был направлен из Иверского монастыря старец Селивестр «ради печного дела», обучивший изразечному делу местных каменщиков¹². В этом монастыре полихромными изразцами был украшен собор, но ничего не известно о существовании в нем изразцовых печей¹³. К 1684 г. в письменных документах Тихвинского монастыря уже появляются записи о местном изготовлении изразцов, о чем подробно писала Е.В. Кондратьева¹⁴. Упоминания в документах Большого Успенского монастыря об изразцовых печах и их ремонтах встречаются вплоть до конца XIX в.¹⁵

Самое большое количество этих находок (110 целых форм и фрагментов) получено при исследовании крыльца Трапезной палаты в 1976 году. Здесь были найдены 36 муравленных изразцов, 39 рельефных полихромных и 35 гладких расписных с кобальтовой и цветной росписью. Все они содержались в слое строительного мусора, датируемом по находкам двух монет серединой XVIII в. В то время перестраивалось крыльцо и производились большие ремонтные работы на других монастырских зданиях, в том числе менялись интерьеры. Строительный мусор у Трапезной, скорее всего, был перенесен сюда как балласт для заполнения внутреннего пространства одного из рундуков. В шурфах 1975 г. у северного и южного фасадов Казенных келий обна-

⁸ СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Карт. 10. № 252.

⁹ Там же.

¹⁰ СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 247. Л. 83.

¹¹ Свято-Троицкий Зеленецкий монастырь находится примерно в 120 км от Тихвина (Ленинградская область, Волховский район, Усадищенская волость, станция Зеленец). Первое упоминание о нем в писцовой книге Обонежской пятины Заонежской половины относится к 1563–1566 гг.

¹² Сивак С.А. Изразцовая мастерская Иверского монастыря в XVII в. Историко-архивные и библиографические исследования по комплексу Иверского монастыря в г. Валдае. Кн. 2. Историческая справка. Гл. 1. Строительство XVII в. Л., 1989 // Архив УГК ОИПИК (г. Великий Новгород). Ш. 0095. Арх. № Р-2432.

¹³ Благодаря архитектора-реставратора Т.Н. Пятницкую за помощь и предоставленные материалы по исследованию и реставрации Зеленецкого монастыря.

¹⁴ Кондратьева Е.В. Изразцовое дело в Тихвинском Успенском монастыре... С. 260.

¹⁵ Стеценко Н.К. Изразцы из Успенского монастыря г. Тихвина Ленинградской области... Л. 5.

ружено 10 муравленых изразцов и 1 фрагмент полихромного изразца с изображением льва. В районе Больничных келий во время исследований 1986 и 2008 гг. коллекцию пополнили фрагменты 4 муравленых изразцов, 3 полихромных, 1 рельефного без поливы и 3 гладких белых, относящихся к XIX в. Из утрамбованного слоя с битым кирпичом, окружавшего Житенные кельи, происходят 3 небольших фрагмента муравленых изразцов (исследования 2010 г.). В шурфах 1991 г. у Северных братских келий найдены только гладкие белые изразцы с кобальтовой росписью первой половины XVIII в. В фондах музея также хранятся 26 фрагментов изразцов без определенного места их обнаружения, к ним относятся 3 муравленых, 18 полихромных, на части из которых цвет поливы плохо определяется из-за того, что эти предметы пострадали в огне, 2 белых гладких с кобальтовой росписью, 3 белых гладких XIX в. Кроме того, в музее имеется два набора белых гладких изразцов для печей XIX в., о которых в данной статье только упоминаю.

Коллекция находок разделена на две основные группы: рельефные (муравленые, полихромные, без поливы, датирующиеся второй половиной XVII в.) и гладкие расписные (с цветной и кобальтовой росписью по белому фону, первой половины XVIII в.). В количественном отношении они представлены таким образом:

Муравленые (вторая половина XVII в.):

плитка с розеткой в рамке – 17 ед.;

городок к ней (?) – 1 ед.;

валик с лепестками – 18 ед.;

ковровые с гвоздикой и вазой – 9 ед.;

ковровые с розеткой и тюльпанами – 6 ед.;

ковровые с рамкой – 3 ед.;

перемычки – 3 ед.

Полихромные (последняя четверть XVII в.):

с гвоздиками – 40 ед.;

с жемчужиной – 4 ед.;

херувим – 6 ед.;

звери, птицы – 2 ед.

Рельефный без поливы (терракотовый) – 2 ед. (вторая половина XVII в.)

Белые с зеленой росписью гладкие перемычки – 7 ед. (вторая половина XVIII в.)

Белые гладкие с кобальтом (первая четверть XVIII в.):

пластины – 17 ед.;

перемычки узкие – 6 ед.;

перемычки широкие – 4 ед.;

перемычки-валики – 4 ед.

Белые гладкие без росписи – 6 ед. + наборы 2 печей (XIX в.).

Подробнее остановимся на рельефных изразцах.

Муравленые изразцы

57 целых форм и фрагментов включают в себя стальные пластины прямоугольной и квадратной формы с изображениями в рамке и без нее (ковровые), городок и карнизные валики и перемычки. Все они украшены растительным орнаментом нескольких разновидностей, который Л.Г. Паничева в своей диссертации объединила в

Рис. 2. Муравленный изразец-валик: 1 – фрагмент портала Свято-Троицкого собора Зеленецкого монастыря, украшенный изразцами; 2 – муравленный изразец на стене портала; 3 – муравленный изразец из раскопок Большого Успенского монастыря в Тихвине, № ТМ КП-10727 (1, 2 – фото любезно предоставлены Т.Н. Пятницкой)

вид Б¹⁶. Интерес представляет находка валика с растительным орнаментом и жемчужной розеткой в центре, которая полностью повторяет изразец, сохранившийся в декоре под карнизным поясом Свято-Троицкого собора Зеленецкого монастыря (рис. 2). Таким образом, можно предположить, что эти изделия были выполнены под руководством старца Селивестра.

Один набор изразцов украшен четырехсимметричным растительным орнаментом с линиями, характерными для стиля барокко. По внешнему периметру имеется рельефная рамка шириной 5–6 мм, центром композиции является многолепестковая розетка, по сторонам которой расположены 4 пальметты. Изображение отличается красотой и лаконичностью. Таких изразцов в коллекции насчитывается 16 экземпляров: 14 стенных, 1 угловой стеной изразец с двумя лицевыми пластинами полного и половинного размеров, поставленными под прямым углом друг к другу, и 1 угловой изразец, у которого имеются две самостоятельные пластины половинного и полного размеров, напротив которого располагается румпа (рис. 3). Практически все находки имеют внутренний нагар. Отличаются друг от друга по сохранившейся поливе: одни – яркие, глянцевые, густого зеленого цвета, другие – матовые, более бледные. Кроме того, изразцы отличаются размерами (16 × 16 × 7 см, 16,3 × 17,5 × 7,5 см, 15,6 × 14 × 8,5 см, 15 × 15 × 9,5 см, 15,5 × 15,5 × 9,5 см). Н.К. Стеценко предполагала, что изразцы с пластинами 15 × 15 см отличаются от других более высоким качеством, и считала их продукцией Иверской мастерской, а изразцы чуть больших размеров – выполненными другими мастерами по вновь изготовленной форме¹⁷. Очередное обращение к этим находкам и коллекции в целом заставляет предположить, что, скорее всего, они были изготовлены в нескольких формах, вырезанных одним мастером в

¹⁶ Паничева Л.Г. Белорусские изразцы XIV–XVII вв. как исторический источник. Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук. Л., 1980. Рукопись // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. 2-д, № 279.

¹⁷ Стеценко Н.К. Изразцы из Успенского монастыря г. Тихвина Ленинградской области... Л. 9.

Рис. 3. Муравленый угловой изразец, № ТМ КП-8350

самом Иверском монастыре, что вполне объяснимо особенностями ручной работы (на всех этапах их изготовления), срочностью и объемом заказа. При этом следует отметить, что качество поливы в данном случае не зависит от размера изразцовой пластины. Прямых аналогий представленного украшения изразцов пока не обнаружено, но вырезанные пальметты и их размещение на пластине позволяют говорить о развитии темы изображения лилий-бантиков, известных на фрагментах изразцов, найденных в Иверском монастыре¹⁸. С другой стороны, аналогичная компоновка изображения и использование пальметт присутствует на терракотовых изразцах, найденных в Москве, опубликованных А.В. Филипповым и С.И. Барановой¹⁹.

Полихромные изразцы

Среди этих находок преобладают пластины с изображением растительного орнамента двух типов рисунков. Один из них представляет собой композицию из фигурной рамки, в центре которой находится ваза с пятью семилепестковыми цветками, другой вариант рисунка – лицевая пластина разделена фигурными скобками на 4 сектора.

¹⁸ Шуньгина С.Е. Изразцовое производство Иверского Валдайского монастыря по данным последних археологических исследований // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В.В. Седова. Материалы 54 заседания (15–17 апреля 2008 года). М.; Псков, 2009. С. 290, 293. Рис. 2: 1, 2.

¹⁹ Филиппов А.В. Древнерусские изразцы. М., 1938. С. 60, № 30, 31; таблицы № 30, 31; Баранова С.И. Русский изразец. Записки музейного хранителя. М., 2011. С. 77: верхний левый.

Рис. 4. Ковровые изразцы: 1 – ковровый полихромный изразец, фрагмент, № ТМ КП–7604; 2 – румпа изразца, № ТМ КП–7611; 3 – ковровый полихромный изразец, фрагмент, № ТМ КП–7602; 4 – ковровый муравленный изразец, № ТМ КП–8349

В двух симметричных секторах находится по одному семилепестковому цветку, в двух других – пятилепестковые (рис. 4: 1). Поскольку на этих изразцах отсутствует ограничительная рельефная рамка пластины, при сборке печи получается сплошной ковровый орнамент. Все находки представлены фрагментами, часть которых удалось собрать в целую форму размерами 31×29 см. Толщина пластины – 1,9–3,0 см, высота румпы с двойным валиком по внешнему краю – около 8 см (рис. 4: 2), цветовая гамма складывается из белой, светло-зеленой, желтой и синей поливы. Здесь следует отметить, что аналогичный сюжет присутствует и на муравленных изразцах, имеющих в коллекции, разница заключается в изображении цветов: на полихромных лепестки имеют овальные очертания, а на муравленных повторяют гвоздику (рис. 4: 3, 4). Одним из ярких аналогов применения подобных изразцов является убранство фасадов Вяжицкого монастыря (церковь Иоанна Богослова с трапезной и крыльцо перехода к собору Николая Чудотворца и Евфимия Вяжицкого). Кроме того, такой же сюжет присутствует на изразцах, изготовленных в Иверском монастыре и обнаруженных там во время археологических исследований начала 2000-х гг. В целом, мотив вазы с цветами является довольно распространенным в изразцовом искусстве второй половины XVII в.

К единичным находкам относятся изразцы с изображением херувима (6 ед., из них 1 целый), льва и птицы (рис. 5). Они выполнены из хорошо промешанного теста

Рис. 5. Полихромные изразцы: 1 – с изображением херувима, № ТМ КП–8354; 2 – с изображением льва, № ТМ КП–8367; 3 – с изображением птицы, № ТМ КП–8353

из глины светло-коричневого цвета без крупных включений. Румпа коробчатая, высотой около 9 см, с отверстиями для крепления диаметром около 1,5 см. Полива синего, белого, бирюзового и темно-желтого цвета. Общей чертой этих изделий является невысокое качество технического изготовления на этапе обжига: полива, которая покрывает отдельные детали рисунков, растеклась по основному фону, тем самым уменьшая четкость изображения.

Для изразца с изображением херувима (размер пластины изразца – 20,7 × 12,5 см) пока не встречено прямых аналогов. По мнению Н.К. Стеценко²⁰, судя по лепке лица херувима, по использованию коробчатой румпы, он может быть изготовлен в самом конце XVII – начале XVIII в. По характеру резьбы исполнение рисунка изразца близко деревянным скульптурам XVIII в. Другая черта, позволяющая так датировать этот изразец – использование поливы синего (кобальтового) цвета, которая в XVIII в. становится основной в изразечном деле в отличие от предыдущего столетия. По поводу происхождения изразцов можно предположить, учитывая данные архивных источников, что они могли быть изготовлены уже местными мастерами, воспринявшими накопленный опыт.

Характер изображения, профилировка, напоминающая скорее архитектурную деталь, отсутствие нагара на внутренней стороне румпы позволяют склониться к то-

²⁰ Стеценко Н.К. Изразцы из Успенского монастыря г. Тихвина Ленинградской области... Л. 15.

Рис. 6. Терракотовый изразец, № ТМ КП-11829

му факту, что изразцы должны были быть использованы как фасадные, а не печные. Но проблема заключается в том, что нет никаких сведений о подобном использовании изразцов на территории монастыря ни по архивным данным, ни по результатам натурного обследования памятников ансамбля.

Другой изразец, с изображением льва, – прямоугольный поясковый шириной 9,3 см – сохранился фрагментарно. На нем изображен лев с разинутой пастью и высунутым языком. Здесь использована бирюзовая полива в качестве фона, голова и тулово – белые, грива и лапы окрашены золотистой охрой. Подобный сюжет широко распространен на изразцах на протяжении XVII в. Наиболее близким аналогом для находки служат изразцы со львами из Зеленецкого монастыря²¹.

Еще один поясковый изразец, также сохранившийся фрагментарно, шириной 11,4 см, с коробчатой румпой, представляет собою изображение птицы, клюющей ягоды. Фон – бирюзовый, туловище птицы – синего цвета, лапки и крылья – белого и желтого цветов. В отличие от предыдущих экземпляров, аналогичный сюжет более традиционен для Москвы и ее окружи.

Терракотовые изразцы

Из двух фрагментированных терракотовых изразцов стоит остановиться на одном из них, наиболее информативном. Это фрагмент с сохранившимся углом почти в четверть пластины, размерами 18 × 13,8 см с румпой высотой 7 см. На изразце изображен крупный цветок в многослойной рамке (рис. 6). Полной аналогией этой находке являются полихромные изразцы, происходящие из Иверского монастыря и из церкви Николы в Столпах в Москве. Первый из них опубликован автором статьи²², другой – Е.В. Кондратьевой и Л.Г. Паничевой.²³ В полном размере это большие из-

²¹ Кондратьева Е.В. Керамическое убранство зданий бывшего Зеленецкого монастыря // Материалы VI конференции Ленинградского инженерно-строительного института. Л.: 1971. С. 17. Рис. 2.

²² Шуньгина С.Е. Изразцовое производство Иверского Валдайского монастыря... С. 295. Рис. 4: 2.

²³ Кондратьева Е.В., Паничева Л.Г. Русские изразцы с ковровым орнаментом // Памятники культуры. Новые открытия. 1986. Л., 1987. С. 370, изразец 4.

разцы (32 × 32 см) с четырехлепестковым цветком в восьмиконечной рамке-картуше, которые при выкладке образуют сплошной ковровый орнамент и использовались как для печей, так и для украшения фасадов. Вопрос происхождения этих изделий в Тихвине здесь больше приближает нас к Иверскому монастырю, учитывая тесные связи между двумя обителями и полное сходство изображения. Разница заключается лишь в том, что тихвинский изразец – неполивной, что вполне может быть, т.к. одну и ту же основу использовали как для поливных изразцов, так и для неполивных, или применяли поливы разных цветов для одного и того же рисунка, как это было прослежено опять же в Иверском монастыре²⁴.

Таким образом, завершая обзор находок, можно сделать несколько выводов.

Подавляющее большинство находок происходит из более поздних слоев (преимущественно XVIII в.), т.к. в это время в монастыре происходили довольно активные ремонтные работы.

В коллекции изразцов, относящихся ко второй половине XVII в., преобладают муравленые, по изображенным сюжетам относящиеся к нескольким печным наборам, что вполне соотносится с архивными сведениями.

Представленные предметы дополняют многочисленные коллекции, хранящиеся в музеях Москвы, Новгорода Великого, Валдая, позволяя проследить развитие изразечного искусства с одной стороны, и торговые и культурные связи, с другой стороны. Соединяя данные архивных источников Большого Успенского монастыря с самими находками, мы получаем яркую картину этих связей, рассматривая, в частности, вопрос происхождения изразцов. В этом случае очень ярко проявились отношения Иверского и Тихвинского монастырей (нет точных данных о поставках изразцов из Новгорода и Москвы, о конкретных мастерских и продавцах). Логичным продолжением является и появление в начале 1680-х гг. собственных мастеров, которые обучились изготовлению изразцов у старца Селивестра, присланного из Иверского монастыря в Зеленецкий.

Введение в научный оборот представленных находок позволит расширить наши представления об этих предметах с самых разных точек зрения.

Список литературы

- Баранова С.И. Русский изразец. Записки музейного хранителя. М.: МГОМЗ, 2011. 429 с.
- Катышевский Ю.В., Шуньгина С.Е. Археологические исследования на территории Большого Успенского монастыря в Тихвине 2010 году // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар им. академика В.В. Седова. Материалы 58 заседания (2012 г.). [Вып. 28]. М.; Псков: ИА РАН, 2013. С. 279–292.
- Кондратьева Е.В. Изразцовое дело в Тихвинском Успенском монастыре по документам XVII века // Варакин Е.П., Пятницкая Т.Н. Архитектурный ансамбль Успенского монастыря в Тихвине. Приложение 1. СПб.: Лики России, 2017. С. 257–265.
- Кондратьева Е.В. Керамическое убранство зданий бывшего Зеленецкого монастыря // Материалы VI конференции Ленинградского инженерно-строительного института. Л.: Б/и., 1971. С. 15–20.
- Кондратьева Е.В. Новые данные о деятельности керамической мастерской Валдайского

---

²⁴ Шуньгина С.Е. Изразцовое производство Иверского Валдайского монастыря... С. 296. Рис. 6, 7.

- Иверского монастыря // Памятники культуры. Новые открытия. 1980. Л.: Наука, 1981. С. 465–477.
- Кондратьева Е.В., Паничева Л.Г. Русские изразцы с ковровым орнаментом // Памятники культуры. Новые открытия. 1986. Л.: Наука, 1987. С. 369–384.
- Паничева Л.Г. Белорусские изразцы XIV–XVII вв. как исторический источник. Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук. Л., 1980. Рукопись // Архив ИИМК РАН. Ф. 35, 2-д, № 279.
- Сивак С.А. Изразцовая мастерская Иверского монастыря в XVII в. Историко-архивные и библиографические исследования по комплексу Иверского монастыря в г. Валдае. Кн. 2. Историческая справка. Гл. 1. Строительство XVII в. Л., 1989 // Архив УГК ОИПИК. Ш. 0095. Арх. № Р-2432.
- Степанова Л.В. Тихвин. Успенский монастырь. Казенные кельи. Историческая справка. Т. 1. Ч. 1. Историческая справка и материалы историко-архивных исследований. Ленинградская областная специальная научно-реставрационная производственная мастерская. Л., 1975. // Архив ОАО «НИИПИ Спецпроектреставрация». Арх. № 575.
- Стеценко Н.К. Изразцы из Успенского монастыря г. Тихвина Ленинградской области (научный отчет об изучении изразцовой коллекции из археологических раскопок 1975–1976 гг. на территории Успенского монастыря). Л., 1979. Рукопись // Архив ОАО «НИИПИ Спецпроектреставрация». № 1285.
- Филиппов А.В. Древнерусские изразцы. М.: Изд-во всесоюзн. Акад. архит. 1938. 90 с., 39 л. ил.
- Шуньгина С.Е. Изразцовое производство Иверского Валдайского монастыря по данным последних археологических исследований // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В.В. Седова. Материалы 54 заседания (15–17 апреля 2008 года). М.; Псков: ИА РАН, 2009. С. 285–302.

S.E. Shungina

COLLECTION OF TILES OF THE SECOND HALF OF THE 17TH CENTURY FROM BIG ASSUMPTION MONASTERY IN TIKHVIN

Abstract: The proposed article is devoted to the introduction for scientific use of a collection of tiles found during archaeological research on the territory of the Big Assumption Monastery in the city of Tikhvin, Leningrad Region, dating back to the second half of the 17th century. Their brief description, the topography of the distribution of the finds, some analogies, information about the supply of tiles to the monastery, as well as the emergence of their own production are presented.

Keywords: Big Assumption Monastery, Tikhvin, Leningrad region, tiles, analogies, trade relations, own production.

КРОВЕЛЬНАЯ ЧЕРЕПИЦА И КИРПИЧИ-ПАЛЬЧАТКИ ИЗ РАСКОПОК В СМОЛЕНСКЕ В 2022 г.

Аннотация: В статье представлены новые находки архитектурной керамики (лотковых и досковидных поливных кровельных черепиц) и кирпичей-пальчаток из шурфа на Соборной горе Смоленска. Лотковые муравленные кровельные черепицы с острым треугольным окончанием со сливом датированы по стратиграфическим данным XV–XVI вв. (анalogии им не найдены). Досковидные черепицы с полуциркульным завершением отнесены к XVII в. на основании аналогий из Белоруссии и Москвы. Кирпичи-пальчатки датированы концом XV–XVI вв., исходя из их размерных данных. Высказано предположение, что в центре Соборной горы Смоленска находилось большое церковное здание XV–XVI вв., которое, возможно, было затронуто раскопом 1966 г. Д.А. Авдусина, но ошибочно принято за постройку XVIII в.

Ключевые слова: кровельная поливная лотковая, досковидная черепица, кирпичи-пальчатки, Смоленск, Соборная гора.

Архитектурная археология Смоленска постдревнерусского времени фактически находится ещё в зародыше. Незначительные археолого-архитектурные работы предпринимались лишь в связи с реставрацией кирпичной оборонительной стены Федора Коня, а также изучался земляной оборонительный вал XVI в.¹ Можно еще отметить раскопки 1966 г. Д.А. Авдусина на Соборной горе, когда в раскопе Согор X (рис. 1: 4) были вскрыты остатки стен и фундаментов крупной постройки, которые, на наш взгляд, ошибочно были отнесены к XVIII в.² Каменные постройки литовского, московского и польского периодов истории Смоленска (XV–XVII вв.) практически не исследовались. Исключением являлись работы экспедиции Государственного Эрмитажа в Троицком монастыре на р. Кловке, где изучались памятники XVI в.³

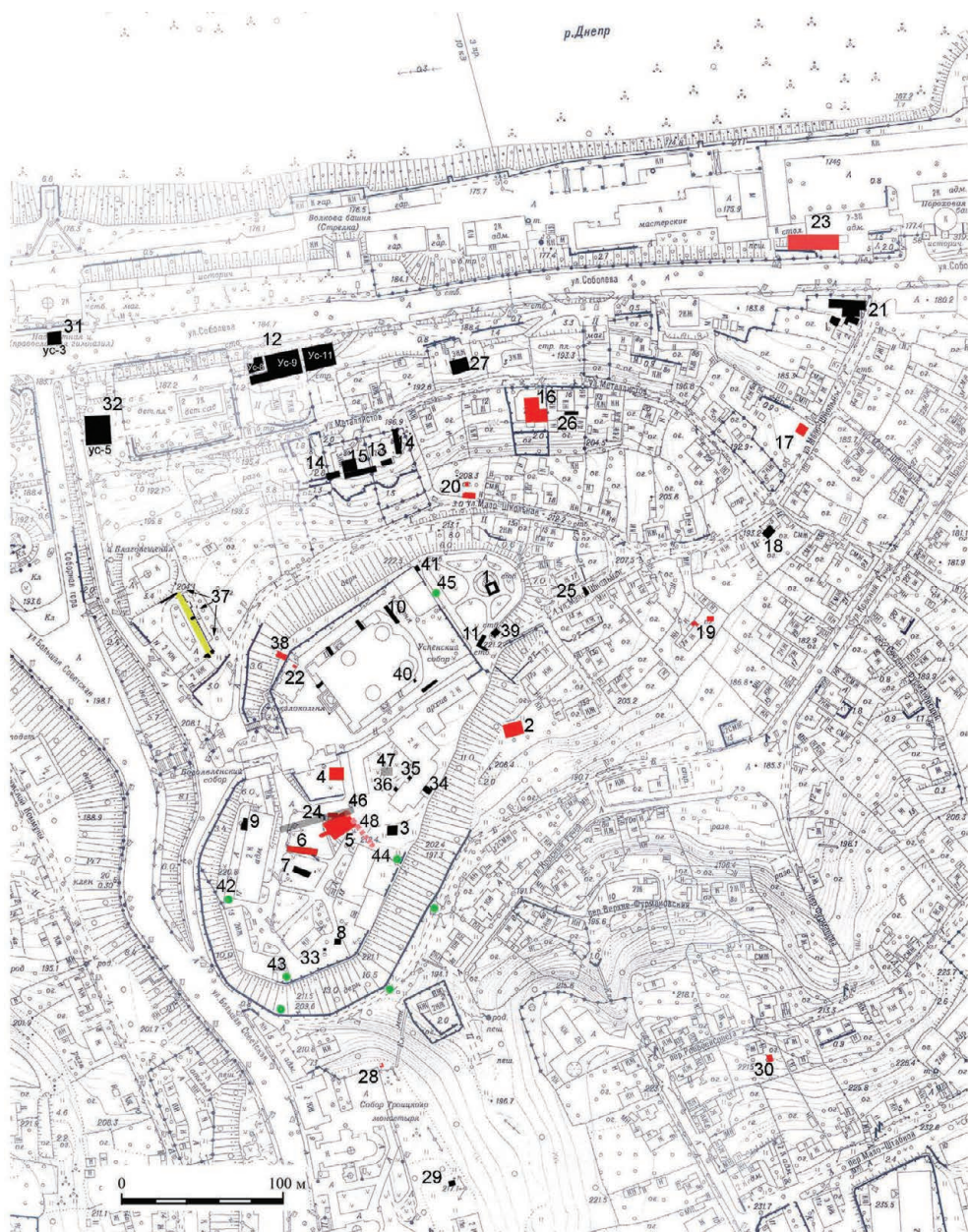
В 2021/2022 гг. на Соборной горе Смоленска с внешней стороны церковной ограды напротив колокольни был исследован шурф 1, давший исключительно цен-

¹ Сапожников Н.В. Историческая топография древнего Смоленска. Смоленск, 2016.

² Авдусин Д.А. Отчет о работе Смоленской археологической экспедиции 1966 года // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 3355.

³ Торишин Е.Н. Исследования на территории Троицкого монастыря на реке Кловка в Смоленске в 1997 г. СПб., 1997 // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 20912; Торишин Е.Н. Отчет об исследованиях на территории Троицкого монастыря на реке Кловке в Смоленске в 1999 г. СПб., 2000 // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 23490; Торишин Е.Н. Отчет о работах Смоленского отряда архитектурно-археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 2000 году. СПб., 2000 // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 24394.

Условные знаки:

— трасса мощеной камнем дороги XV в.

■ — археологические раскопы (красные - с лепной керамикой; черные - без лепной керамики)

● - инженерно-геологические шурфы 2021 г.

Рис. 1. Археологические раскопы на Соборной горе Смоленска: 1 – раскоп Согор 1 (Авдусин, 1951); 2 – раскоп Согор 2 (Авдусин, 1951); 3 – Согор 13 (Авдусин, 1974); 4 – Согор 10 (Авдусин, 1966); 5 – бесстолпный храм (Воронин, 1964, 1965); 6 – Согор 12 (Авдусин, 1974); 7 – Согор 17 (Сапожников, 1983–1985); 8 – шурф (Авдусин, 1966); 9 – Согор 14 (Авдусин, 1974); 10 – Успенский собор (Воронин, 1965); 11 – «Терем» (Воронин, 1965); 12 – ул. Соболева, 8 (Авдусин, 1964), 9 (Авдусин, 1966–1969), 11 (Авдусин, Асташова, 1971–1976); 13 – ул. Металлистов, 6–10 (Сапожников, 1992); 14 – ул. Металлистов, 6–10 (Сапожников, 1993); 15 – ул. Металлистов, 8 (Нигматулин, 1999); 16 – ул. Металлистов, 14 (Олейников, 2005); 17 – ул. Мало-Школьная, 6 (Асмокова, 2011); 18 – ул. Мало-Школьная, 5 (Ершов, 2014); 19 – ул. Мало-Школьная, 7а (Ершов, 2014); 20 – ул. Мало-Школьная, 20 (Кренке, 2015, 2016); 21 – ул. Мало-Школьная, 2 (Сапожников, 1989, Ершов, 2014); 22 – колокольня (Хозеров, Лявданский, 1925); 23 – электроподстанция (Неклюдов, Писарев, 1900); 24 – Соборный двор (Гараничев, 1994); 25 – ул. Мало-Школьная (Гараничев, 1994); 26 – ул. Металлистов, 16 (Модестов, 1999); 27 – ул. Металлистов, 3 (Модестов, 2002); 28 – ул. Б. Советская, 7 (Кренке, 2017, 2018); 29 – ул. Б. Советская, 9 (Кренке, 2017); 30 – пер. Реввоенсовета, 2 (Ершов, 2014); 31 – ул. Соболева раскоп 3 (Авдусин, 1951–1952); 32 – ул. Соболева раскоп 5 (Авдусин, 1955–1957); 33 – шурф 1924 г. Лявданского; 34 – шурф 1 у церкви Иоанна Предтечи (Сапожников, 1985); 35 – шурф 2 у церкви Иоанна Предтечи (Сапожников, 1987); 36 – шурф 3 у трапезной церкви Иоанна Предтечи (Сапожников, 1988); 37 – шурфы ул. Соборная гора, 11 (Раева, 2020); 38 – шурф 1 (Раева, 2021–2022); 39 – шурф 2 «княжеский терем» (Ганичев, 2021); 40 – шурф № 6 возле Успенского собора (Раева, 2021); 41 – шурф 2 (Ганичев, 2021); 42–45 – шурфы № 10, 9, 8, 4 геологов (Ганичев, 2021); 46 – траншея наблюдений (Писарев, 1892); 47 – примерное место раскопа (Лявданский, 1925); 48 – примерное место транши наблюдений (Милонов, 1939)

ные научные результаты (рис. 1: 38)⁴. В шурфе был зафиксирован слой древнейшего Смоленска VIII–IX вв. и предшествовавшего ему поселения V в. н.э., оборонительный вал IX в. (датированный по результатам радиоуглеродного анализа и находкам), а также культурные слои XVI–XX вв., содержавшие обломки строительных материалов от построек XV–XVII вв., стоявших на Соборном холме. Именно этой группе находок посвящена настоящая статья.

Вначале необходимо проанализировать стратиграфию шурфа (рис. 2) и распределение в его слоях кровельных черепиц и кирпичей-пальчаток. Всего в профиле западного борта шурфа было выделено 16 горизонтов, общая мощность культурного слоя достигала 3,2 м:

1) слой строительного мусора, содержащий известь, кирпичную крошку, обломки кирпичей (в том числе кирпичей-пальчаток), профильные кирпичи от церковной ограды XVIII в., обломки дощевидных разноцветных кровельных черепиц с полуциркульным окончанием и современный мусор конца XX в. (в том числе копейку 2002 г.). Мощность горизонта доходила до 50 см, в основании найдены монеты 1946 г.;

2) серо-бурая супесь со строительным мусором, известковой и кирпичной крошкой мощностью до 40 см;

3) серая супесь со следами почвообразования мощностью 10 см, в верхней части найдена монета 2 копейки 1905 г.;

4) серо-бурая супесь с мелким кирпичным боем, мощностью до 30 см;

⁴ Кренке Н., Волков В., Ершов И., Кованцев А., Лопатина О., Мельник К., Моисеенков Г., Раева В., Рыбаков С. Смоленская экспедиция ИА РАН в 2022 году // Край Смоленский. 2022. № 10. С. 3–8.

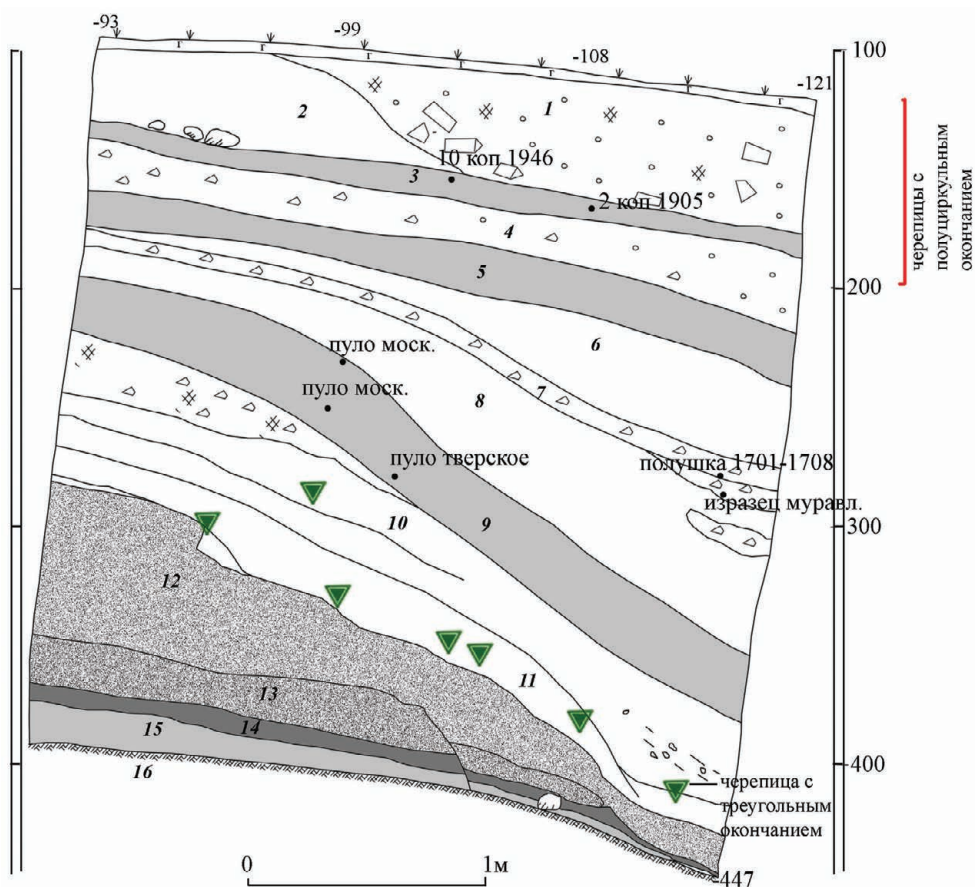

Рис. 2. Профиль западного борта шурфа 1 (описание слоев см. в тексте)

5) серая супесь со следами почвообразования толщиной до 20 см;

6) серо-бурая супесь с редкими камнями, круто понижающаяся в сторону Днепра (на север), мощность до 35 см;

7) серо-бурая супесь с известью мощностью до 10 см, круто понижающаяся вниз по склону, видимо, слой строительства церковной ограды конца XVIII в.⁵, содержит также бой кровельной черепицы; в основании слоя найдена медная полушка Петра I, датирующаяся в интервале 1701–1708 гг. (определение В.А. Волкова), и муравлений рельефный безрамочный печной изразец второй половины XVII в. – в центре ваза с цветами в кубчатых рамках (рис. 3), – а также неполивные изразцы той же серии⁶;

⁵ Ограда показана на планах Смоленска 1776–1778 гг. Т.Е. Каменева датировала её приблизительно этим временем (Каменева Т.Е. Историко-архитектурный опорный план ансамбля. Этапы формирования планировочной структуры. М., 1994 // Архив ЦНРПМ).

⁶ Аналогичные неполивные и муравленные изразцы были найдены в Трапезной палате Троицкого монастыря на р. Кловке (Торшин Е.Н. Отчет об исследованиях на территории Троицкого монастыря на реке

Рис. 3. Муравленый рельефный изразец (находка № 55, пласт 15, глубина -288)

8) однородная бурая супесь мощностью до 50 см с керамикой XVI–XVII вв.;

9) темно-серая супесь мощностью до 30 см, насыщенная керамикой XVI в., включающая находки медных маленьких московских пул и маленького тверского пула (определение В.А. Волкова);

10) серо-бурая супесь толщиной до 35 см с мелкой плинфяной крошкой, фрагментами использованной в строительстве плинфы толщиной 3–4 см со следами раствора, фрагментами кровельных черепиц с зеленой поливой, треугольным окончанием-сливом и крепежными шипами. Кроме того, в слое найдено два железных пушечных ядра диаметром 7 см;

11) бурый суглинок толщиной до 20 см;

12) желтый песок с галькой (насыпь вала) толщиной до 90 см с находками шнуровой керамики бронзового века, лепной керамики и бронзовыми

трапециевидными привесками VIII–IX вв., а также с углями от деревянного каркаса сооружения;

13) черный углистый суглинок толщиной до 10 см с находками керамики и вещей (бронзовые украшения, бусы и пр.) VIII–IX вв.;

14) серая супесь толщиной до 15 см с находками керамики типа городищ Колочин/Демидовка/Тушемля V в. н.э.;

15) материковая светло-бурая к желтому супесь/желтый песок.

Археологические наблюдения показывают, что верхние напластования (прослой 1 и 2), залегающие над погребенной почвой (прослой 3), сформировались в XX в. и являются выбросами из котлованов, откопанных в культурном слое, видимо, в центральной части Соборной горы. Таким образом, верхний метр напластований содержит разновременные находки – от VIII–IX вв. (лепная керамика) до субсовременного мусора. Именно из этой толщи (пласты 2–6 до глубины -200, см. табл. 1)

Кловке... Табл. 18, 20), на ул. Ногина (Николаевская) в раскопе 2010 г. Г.Н. Пронина (*Пронин Г.Н., Соболев В.Е.* Смоленские изразцы XVI–XIX вв. Смоленск, 2013. Рис. 12, 44), в раскопе 2018 г. на ул. Коненкова, 22 (*Кренке Н.А.* Отчет о раскопках в г. Смоленск по адресам: ул. Кашена, 15-Б; ул. Коненкова, 22; 1-й Краснофлотский пер., 15 в 2018 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 60434. Ил. 395, 402) в Смоленске. Вне Смоленска аналогичные изразцы описаны в Троицкой ц. в Костроме 1660 г., Никольской ц. в с. Урюпино 1665 г. (*Маслих С.А.* Русское изразцовое искусство XV–XIX веков. М., 1983. № 78), царском дворце в Коломенском в Москве (Керамическая установка. По материалам архива и коллекций А.В. Филиппова / Ред. С.И. Баранова. М., 2017. С. 290), предположительно московского производства второй половины XVII в. Г.Н. Пронин и В.Е. Соболев предлагают более позднюю датировку – начало XVIII в.

происходит большинство находок кирпичей-пальчаток и досковидных кровельных черепиц с полуциркульным окончанием.

Всего было найдено несколько десятков фрагментов кирпичей-пальчаток. Среди них лишь один целый. Формат кирпичей-пальчаток варьируется следующим образом: толщина 6,5–7,5 см (наиболее частый размер – 6,5–7 см), ширина 13,5–16 см. Целый кирпич имел размеры 26 × 14 × 6,5 см. Следы от пальцев – неглубокие параллельные борозды – наносились на одну сторону постели кирпича⁷, обычно они ориентированы вдоль длинной оси кирпича, но в некоторых случаях ориентация строго не выдерживалась (рис. 4). На кирпиче отпечатывались, как правило, бороздки глубиной в несколько миллиметров от четырех пальцев. Остатки известкового раствора часто маскируют следы пальцев, именно поэтому до сих пор пальчатки в Смоленске были обнаружены лишь один раз О.М. Олейниковым в 2006 г. при раскопках на ул. Коненкова.

Близ Смоленска на городище в Гнёздово также были обнаружены руины постройки из кирпичей-пальчаток «литовской эпохи», но детально они описаны не были⁸.

По размерам кирпичи-пальчатки с Соборной горы близки к кирпичам старого замка в Гродно второй половины XVI в., замка в Любече конца XVI в.⁹ Однако и более ранняя дата не может быть исключена. О.А. Трусов отмечал, что в XV в. кирпич на памятниках Белоруссии становился меньших размеров, толщиной около 7 см¹⁰. С другой стороны, пальчатки производились и во второй половине XVII в., например, в Могилеве, но, правда, толщина их была всего 5 см и менее¹¹. Поэтому данные аналогии могут рассматриваться лишь в качестве предположительных, требуется системное привлечение литовских материалов.

В одном слое с кирпичами-пальчатками залегали разноцветные поливные плоские (досковидные) кровельные черепицы с закругленным окончанием. Найдено почти 500 фрагментов подобных черепиц, при этом ни одной целой. Крепились эти черепицы на одном или двух гвоздях (подавляющее большинство). Верхняя часть черепицы – прямоугольная (рис. 5, 6). Длина черепиц – около 21 см, ширина – 13,5–14,2 см, толщина – в интервале 1,1–1,3 см. Полива черепиц весьма разнообразна, она имеет шесть цветовых разновидностей (бирюзовая, зеленая, зелено-бурая, желто-зеленая, коричневая, желто-коричневая – перечисление в порядке убывания частоты встречаемости). Скорее всего, кровли были разноцветными. Полуциркульное завершение че-

⁷ Этим они отличаются от тверских и старицких находок: Сафарова И.А. Строительная керамика из исследований Загородского посада г. Твери (по материалам раскопа № 119) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 6. Тверь, 2010. С. 140; Хворостова Е.Л., Сиволопова А.Б. Старицкая архитектурная керамика // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 14. Тверь, 2022. С. 242–259.

⁸ Бугославский Г.К. О результатах изысканий Гнёздовского могильника Смоленского уезда, произведенных 23 июня – 12 сентября 1899 г., и несколько слов о самом могильнике // Смоленская старина. Вып. 1. Ч. 1. Смоленск, 1909. С. 11.

⁹ Трусов О.А. Большемерный кирпич XIII–XVII вв. на территории Белоруссии // КСИА. Вып. 205. Славяно-русские древности. М., 1991. Табл. 1.

¹⁰ Трусов О.А. Памятники монументального зодчества Белоруссии XI–XVII вв. Архитектурно-археологический анализ. Минск, 1988. С. 105.

¹¹ Трусов О.А. Памятники монументального зодчества... С. 108.

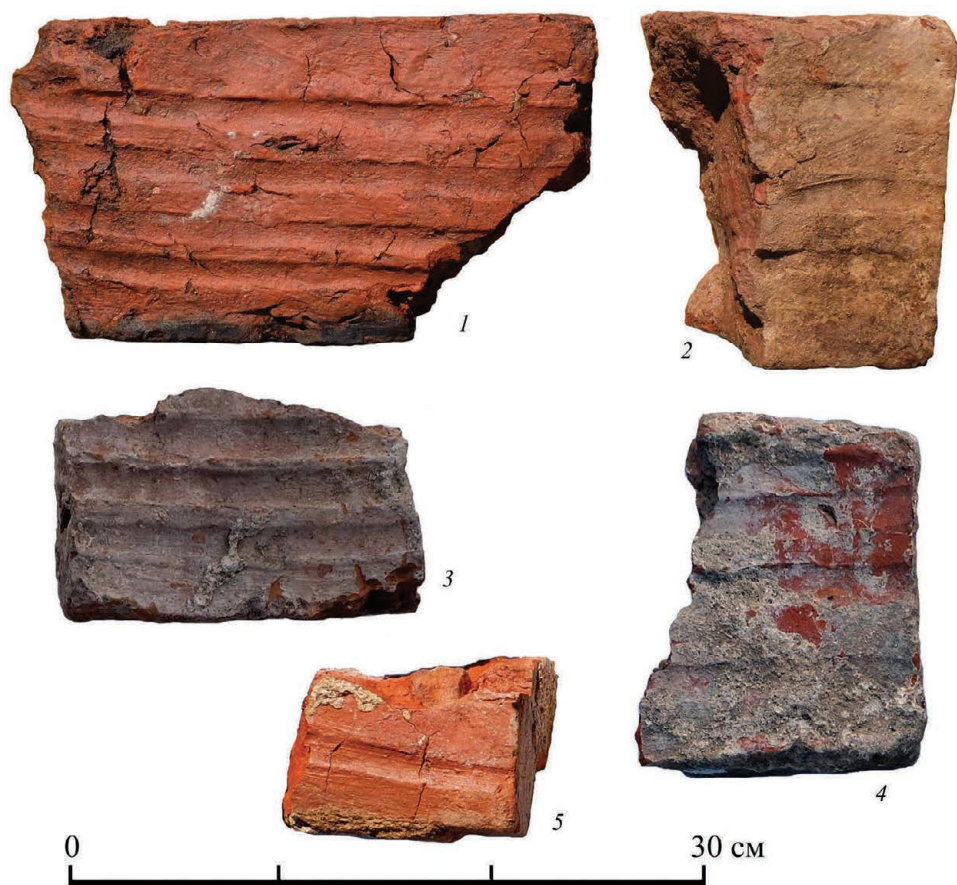

Рис. 4. Кирпичи-пальчатки из раскопок на Соборной горе 2022 г.

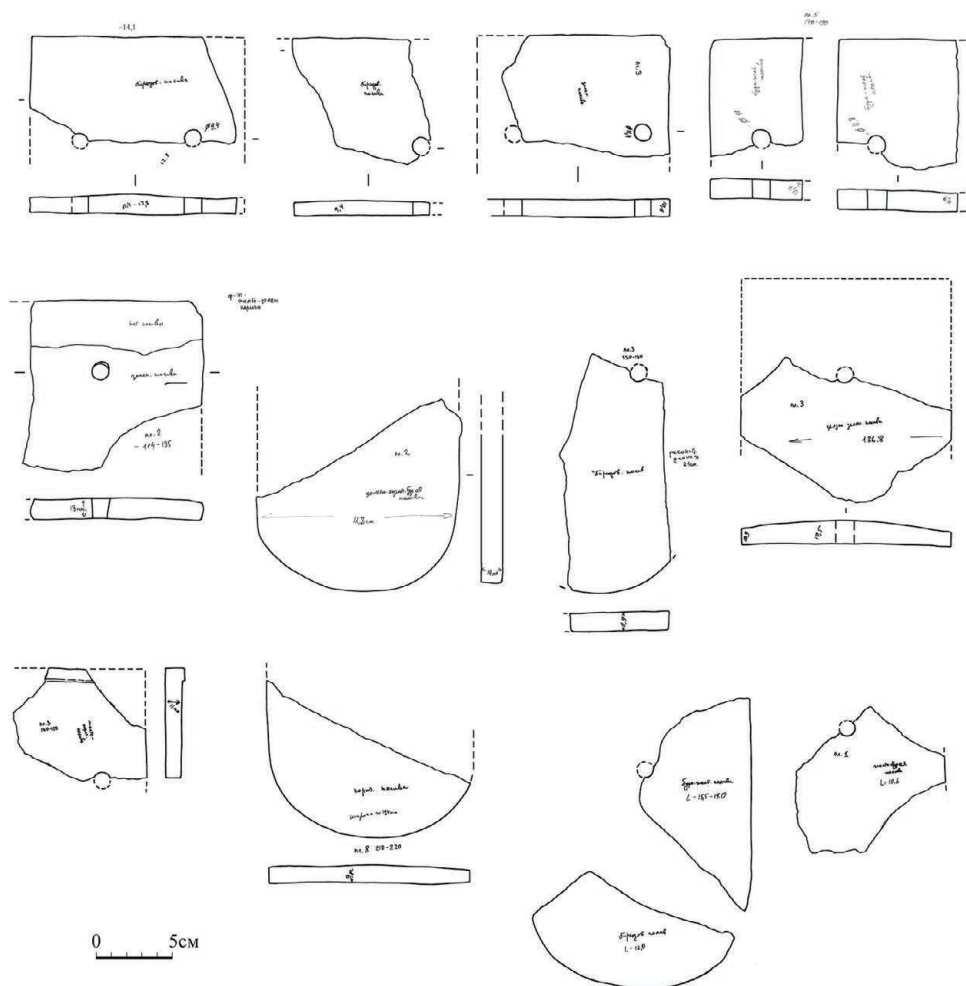
репицы типично для памятников Белоруссии. О.А. Трусов отмечает, что толщина её со временем уменьшалась – в XVII в. – до 1 см.¹² При этом важно отметить, что для исконной территории Московского царства кровельная черепица с полуциркульным окончанием нехарактерна¹³, однако встречается изредка. Так, очень близкая к смоленским находкам поливная черепица происходит с кровли церкви Введения в Барашах в Москве (1698–1701), она хранится в фондах Музея Москвы. Фрагмент аналогичной черепицы был найден во время раскопок в московском Кремле в 2007 г. в слое XVII в.¹⁴ Таким образом, приведенные аналогии дают основание для предположения, что черепица с Соборной горы Смоленска связана с постройкой второй половины

¹² Трусов О.А. Памятники монументального зодчества... С. 127.

¹³ Хворостова Е.Л. Керамические покрытия кровель XV–XVII вв. (Москва и Московская область) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 4. Тверь, 2002. С. 204–214.

¹⁴ Кренке Н.А., Глазунова О.Н., Еришов И.Н., Олейников О.М. Стратиграфический раскоп на подоле московского кремля // КСИА. Вып. 243. М., 2016. Рис. 2.

Рис. 5. Плоские кровельные черепицы с Соборной горы Смоленска (чертеж)

XVII в.¹⁵ Это ставит под некоторое сомнение возможность принадлежности кирпичей-пальчаток и кровельной досковидной черепицы к одной постройке. Для решения вопроса требуются новые раскопки.

Очень перспективным в этом плане представляется продолжение исследования постройки, вскрытой частично Д.А. Авдусиным в 1966 г. в центре Соборного холма. Эта задача представляется ещё более актуальной, так как на польской гравюре начала XVII в., изображающей штурм Смоленска в 1611 г., в центре Соборной горы южнее Успенского собора (т.е. именно там, где был раскоп Согор X 1966 г.) распо-

¹⁵ Нужно отметить, что данная форма очень распространена в Германии вплоть до современности. Её немецкое название – «бобровый хвост», буквально: «башенный бобровый хвост» (turmibiber). В русской архитектурно-археологической литературе термин «бобровый хвост» употребляется для черепицы иной формы.

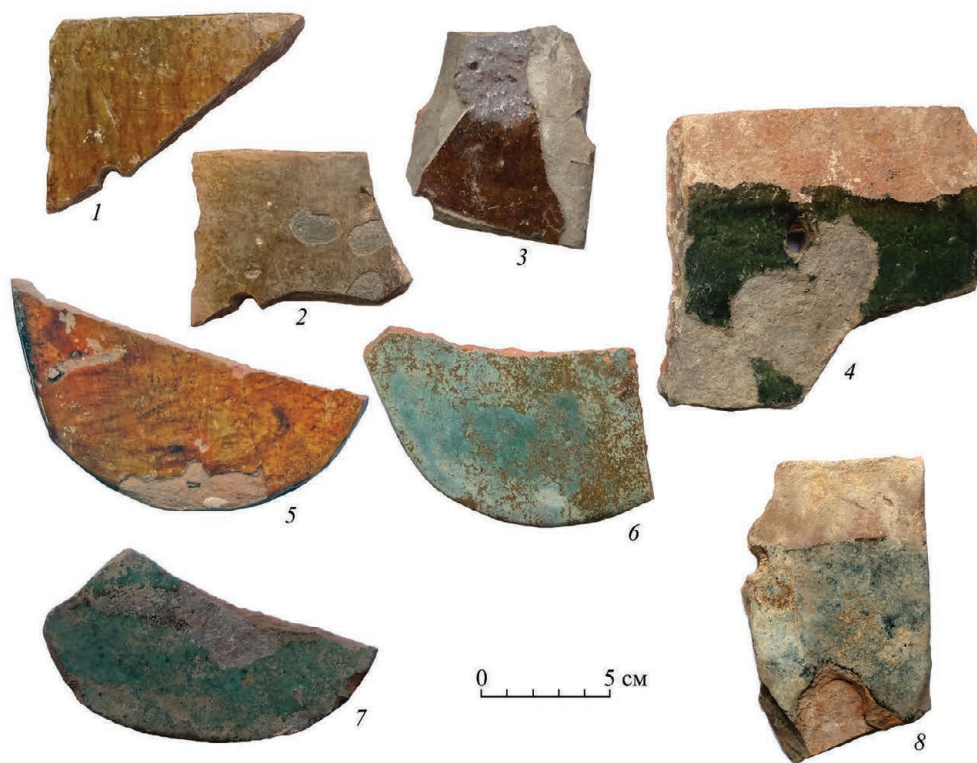

Рис. 6. Плоские кровельные черепицы с Соборной горы Смоленска (фото)

Рис. 7. Фрагмент гравюры со штурмом Смоленска 13 июня 1611 г. Мастерская Томаша Маковского по рис. Теофила Шемберга. 1611 г.

лагается крупное церковное здание европейской архитектуры (рис. 7). Эта гравюра важна также тем, что на ней изображена деревянная крепостная стена на валу по бровке Соборной горы. Очевидно, что данная стена вошла в наш шурф. Видимо, нарушения на гребне вала IX в. связаны именно с этим поздним сооружением, о возрасте которого можно лишь гадать. Конечно, наиболее вероятен XVI в., но нельзя исключить и XV в.

В слое строительного мусора, перекрывавшем песчаную насыпь вала (горизонты 10 и 11, рис. 2), найден совсем другой тип кровельной черепицы, покрытой зеленой поливой, – лотковой ромбовидной (листовидной) формы с крепежным шипом, треугольным окончанием со сливом (рис. 8, 9). Всего найдено 19 фрагментов. Длина – около 40 см,

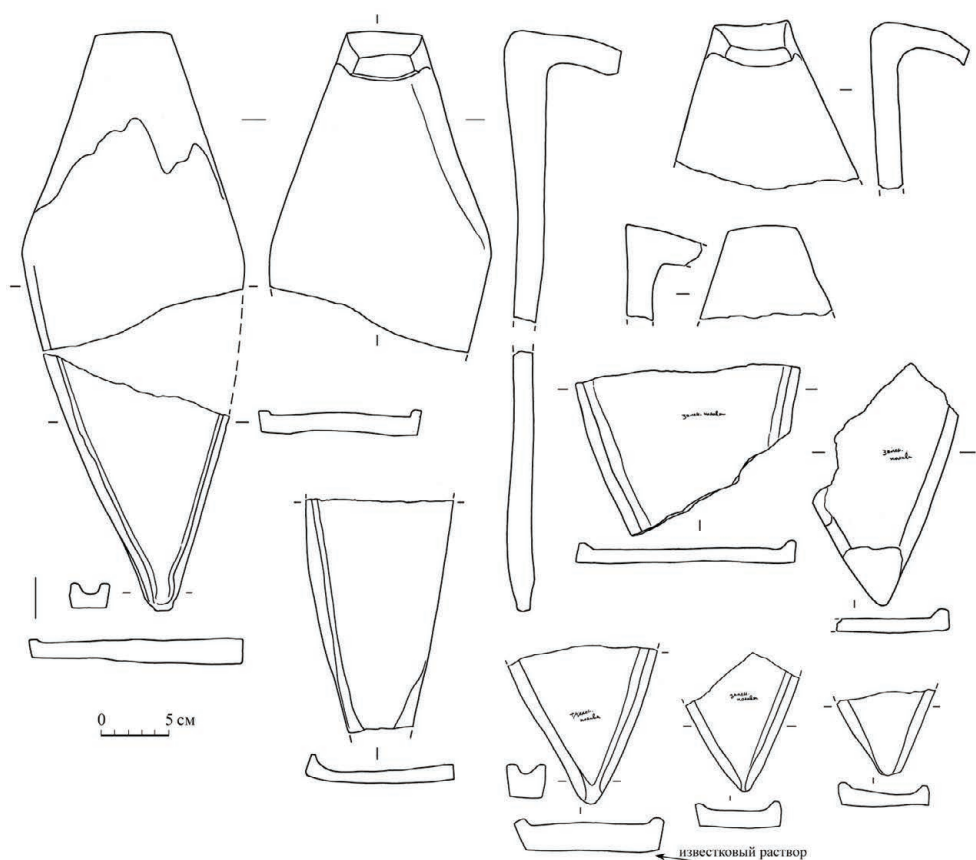

Рис. 8. Лотковая черепица с Соборной горы Смоленска (чертеж)

ширина – около 16 см, толщина – 1–2 см. Крепежный шип массивный. Нижняя поверхность обляпана известью, которая также крепила черепицу.

Точные аналогии подобной черепице нам неизвестны. В Троицком монастыре на р. Кловке была найдена черепица с зеленой поливой подромбической формы¹⁶ с отверстием для гвоздя в верхней части. Черепица с Соборной горы отличается креплением и формой (скругленные боковые грани). Можно предполагать у данной черепицы «германские корни». Вообще, строго говоря, «германские корни», видимо, имеют все польские и белорусские кровельные черепицы. Показательно, что немецкое слово, обозначающее кровельную черепицу (*dachziegel*), было заимствовано в польском (*dachowki*) и белорусском (дахавае чарапіца) языках. В данном случае важно то, что кровельные черепицы с невысоким бортиком или плоские кирпичи с остроугольным (треугольным) окончанием появились в Германии на рубеже XI–XII вв. и существова-

¹⁶ Торишин Е.Н. Отчет об исследованиях на территории Троицкого монастыря на реке Кловке... Табл. 21.

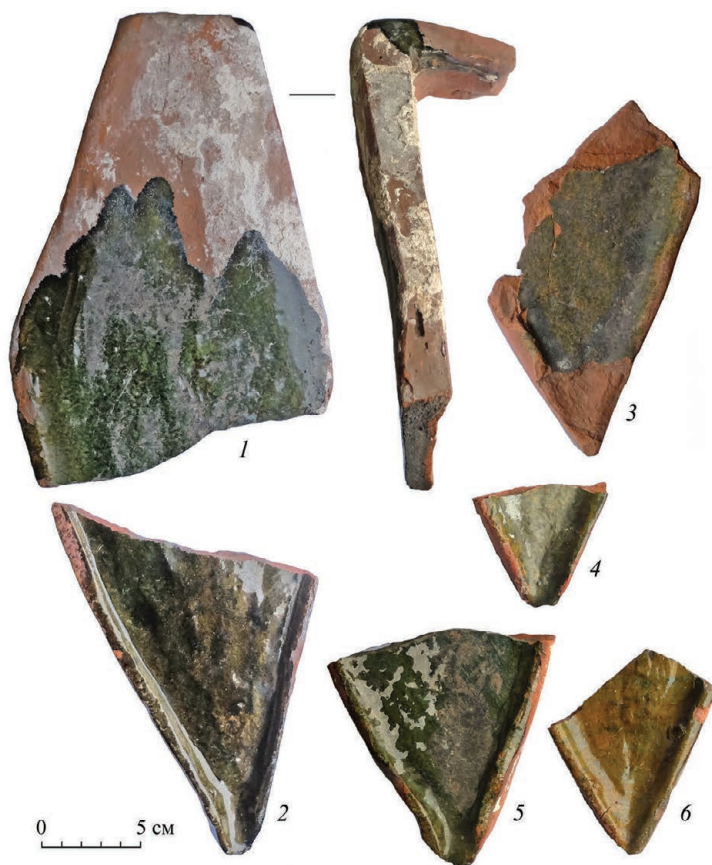

Рис. 9. Лотковая черепица с Соборной горы Смоленска (фото)

ли до XVI в.¹⁷ Стратиграфическое положение находок этой черепицы дает основание утверждать, что она не может датироваться позднее XVI в., так как вышележащий горизонт надежно датируется медными пулами XVI в. Более ранний возраст, например, XV в., вполне допустим. Какое здание на Соборной горе имело кровлю из черепицы этого типа – остается загадкой. Однако очень вероятно, что это не Успенский собор, вокруг которого такой черепицы найдено не было, несмотря на то, что исследования вокруг него проводились (рис. 1). То есть мы опять имеем косвенное указание на то, что на Соборной горе в XV–XVI вв. существовало несколько каменных построек. Это делает понятным, зачем и куда вела дорога, вымощенная камнем, построенная для въезда на Соборную гору в XV в.¹⁸

¹⁷ Ehrhardt D. Rinnen, Krempfer, Biberschwänze. Zur Geschichte der Dachziegel und Ziegelherstellung in Franken. Informationsblätter des Fränkischen Freilandmuseums in Bad Windsheim. Heft 5. 2016. S. 11.

¹⁸ Кренке Н., Волков В., Ершов И., Кованцев А., Лопатина О., Мельник К., Моисеенков Г., Раева В., Рыбаков С. Смоленская экспедиция...

Табл. 1. Статистика находок кровельной черепицы. Соборная гора шурф 1. 2022 г.

<div> <div>Цвет черепицы</div> <div>Номер пласта</div> </div>	Бирюзовая	Зеленая, зелено-бурая	Коричневая	Желто-зеленая	Желто-корич.	Неопр.	Датирующие находки
Плоская с полуциркульным (закругленным) окончанием							
1	10	12	5				
2 -114-135	27	12	10				
3 -130-150	28	63	8				10 коп. 1946 г.
4 -150-170	13		20	9			2 коп. 1905 г.
5 -170-190	56	4	14	30	4	23	
6 -190-200	49	25	5	25		8	
7 -200-210	8			5			
8 -210-220							
9	6	1				2	
10	1	1	1	1			
11	2	1	2				
18						1	
Всего 492	200	119	65	70	4	34	
Лотковая черепица с треугольным окончанием							
12		6					
13		2					
14		1					
15		1					
16		1				2	
18		1					
19		2				1	
21		2					
22		1					
24		1				1	
25		2					
Всего		19				4	
Дугообразная в сечении							
3	2		2				
4	1						
5	1			1			
6				1			
19						1	
Всего	4		2	2		2	

Список литературы

- Авдусин Д.А. Отчет о работе Смоленской археологической экспедиции 1966 года // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 3355.
- Бугославский Г.К. О результатах изысканий Гнёздовского могильника Смоленского уезда, произведенных 23 июня – 12 сентября 1899 г., и несколько слов о самом могильнике // Смоленская старина. Вып. 1. Ч. 1. Смоленск: Тип. П.А. Силина, 1909. С. 3–16.
- Каменева Т.Е. Историко-архитектурный опорный план ансамбля. Этапы формирования планировочной структуры. М., 1994 // Архив ЦНРПМ. АРМ № 3.
- Керамическая установка. По материалам архива и коллекций А.В. Филиппова / Ред. С.И. Баранова. М.: Эксмо, 2017. 471 с.
- Кренке Н.А. Отчет о раскопках в г. Смоленск по адресам: ул. Кашена, 15-Б; ул. Коненкова, 22; 1-й Краснофлотский пер., 15 в 2018 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 60434.
- Кренке Н., Волков В., Ершов И., Кованцев А., Лопатина О., Мельник К., Моисеенков Г., Раева В., Рыбаков С. Смоленская экспедиция ИА РАН в 2022 году // Край Смоленский. 2022. № 10. С. 3–8.
- Кренке Н.А., Глазунова О.Н., Ершов И.Н., Олейников О.М. Стратиграфический раскоп на подоле московского кремля //КСИА. Вып. 243. М., 2016. С. 95–114
- Кренке Н., Ершов И., Раева В., Ганичев К., Лавриков М., Чаукин С., Чаукина В., Волков В., Столярова Т., Бегунова В. По следам Е.А. Шмидта. Смоленская экспедиция ИА РАН в 2020 году // Край Смоленский. 2021. № 1. С. 7–18.
- Маслих С.А. Русское изразцовое искусство XV–XIX веков. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изобразительное искусство, 1983. 271 с.: ил.
- Пронин Г.Н., Соболев В.Е. Смоленские изразцы XVI–XIX вв. Смоленск: Свиток, 2013. 238 с.: ил.
- Сапожников Н.В. Историческая топография древнего Смоленска. Смоленск: Свиток, 2016. 192 с.: ил.
- Сафарова И.А. Строительная керамика из исследований Загородского посада г. Твери (по материалам раскопа № 119) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 6. Тверь: Старый город, 2010. С. 135–149.
- Торшин Е.Н. Исследования на территории Троицкого монастыря на реке Кловка в Смоленске в 1997 г. СПб., 1997 // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 20912.
- Торшин Е.Н. Отчет об исследованиях на территории Троицкого монастыря на реке Кловке в Смоленске в 1999 г. СПб., 2000 // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 23490.
- Торшин Е.Н. Отчет о работах Смоленского отряда архитектурно-археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 2000 году. СПб., 2000 // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 24394.
- Трусов О.А. Большешерный кирпич XIII–XVII вв. на территории Белоруссии // КСИА. Вып. 205. Славяно-русские древности. М.: Наука, 1991. С. 111–117.
- Трусов О.А. Памятники монументального зодчества Белоруссии XI–XVII вв. Архитектурно-археологический анализ. Минск: Наука и техника, 1988. 159 с.: ил.
- Хворостова Е.Л. Керамические покрытия кровель XV–XVII вв. (Москва и Московская область) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 4. Тверь: Старый город, 2002. С. 204–214.
- Хворостова Е.Л., Сиволопова А.Б. Старицкая архитектурная керамика // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 14. Тверь: Старый город, 2022. С. 242–259.
- Ehrhardt D. Rinnen, Kremper, Biberschwänze. Zur Geschichte der Dachziegel und Ziegelherstellung in Franken. Informationsblätter des Fränkischen Freilandmuseums in Bad Windsheim. Heft 5. 2016.

**ROOF TILES AND FINGER GROOVED BRICKS (PALCHATKA)
FROM EXCAVATIONS IN SMOLENSK IN 2022**

Abstract: The article presents new finds of architectural ceramics (imbrex and plank-shaped glazed roofing tiles) and finger grooved bricks (palchatka) from a pit on the Cathedral Hill of Smolensk. Glazed roofing imbrex with a sharp triangular end with a drain are dated according to the stratigraphic data to the 15th–16th centuries (an analogy was not found). Plank-shaped roof tiles with a semicircular top date back to the 17th century based on analogies from Belarus and Moscow. Finger grooved bricks (palchatka) are dated to the end of the 15th–16th centuries, based on their dimensional data. It has been suggested that in the center of the Cathedral Hill of Smolensk there was a large church building of the 15th–16th centuries, which, possibly, was affected by the excavation of 1966 by D.A. Avdusin, but was misinterpreted as the construction of the 18th century.

Keywords: roofing glazed imbrex, plank-shaped tiles, finger grooved bricks (palchatka), Smolensk, Cathedral Hill.

ГУРТОВАЯ ПОЛИВНАЯ ЧЕРЕПИЦА ИЗ РАСКОПОК НОВОДЕВИЧЬЕГО МОНАСТЫРЯ 2018 г.

Аннотация: Гуртовая (коньковая) поливная черепица из раскопок Новодевичьего монастыря 2018 года – одна из разновидностей такого типа черепицы, отличающаяся, в первую очередь, размерами пластины, количеством и формой поливных полос; отчасти – их цветом. Обнаруженные аналогии этой разновидности иллюстрируют культурные связи монастыря и общие истоки ремесленных традиций, берущие начало в Оршанских землях.

Ключевые слова: гуртовая (коньковая) черепица, шатровая кровля, разноцветные поливы, Новодевичий монастырь, Ново-Иерусалимский монастырь, Кутеинские монастыри, патриарх Никон.

При раскопках в Новодевичьем монастыре, проводившихся под руководством Л.А. Беляева, в 2018 году внутри Смоленского собора было найдено большое количество фрагментов красноглиняной желобчатой черепицы с разноцветной поливой. Это коньковая (гуртовая) черепица, которая применялась для покрытия рёбер шатровой кровли. Она представляет собой изогнутые (полукруглые, почти подковообразные в разрезе) пластины с двумя отверстиями для крепления и с закраинами-четвертями, покрытые разноцветными поливами с выпуклой стороны.

Такая черепица описана Е.Л. Хворостовой, рассматриваются две её разновидности, относящиеся к Собору Покрова, что на Рву: в одном случае разноцветные поливы чередуются на пластине косыми полосами, в другом они образуют полосы с направленными вниз углами по центральной оси. Применение такой черепицы в Москве Е.Л. Хворостова относит преимущественно к 80-м годам XVII века.¹ Именно тогда (вторая половина 1670-х – 1680-е годы) произошли кардинальные изменения во внешнем облике Покровского собора. В частности, над открытыми лестницами появились сводчатые навесы с шатрами (рис. 3: 1), а на месте трёхъярусной стены-звонницы построили шатровую колокольню: рёбра шатров крылец покрыла гуртовая черепица с косыми полосами, рёбра же колокольни – черепица с полосами-треугольниками². Эти образцы черепицы отличаются не только цветом, количеством и формой поливных полос, но и размером (так, например, длина чере-

¹ Хворостова Е.Л. Керамические покрытия кровель XV–XVII веков (Москва и Московская область) // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 4. Тверь, 2002. С. 210, 212, 214. Табл. 8. Рис. 6–7.

² Чернышева Л.М. Как изменился Покровский собор в XVII веке // Блог исторического музея, апрель 2021. URL: blog/mediashm.ru/?p=7158 (дата обращения 03.11.2022).

Рис. 1. Фрагменты гуртовой поливной черепицы из Новодевичьего монастыря:
1, 2 – условно целые формы, 3 – реконструкция

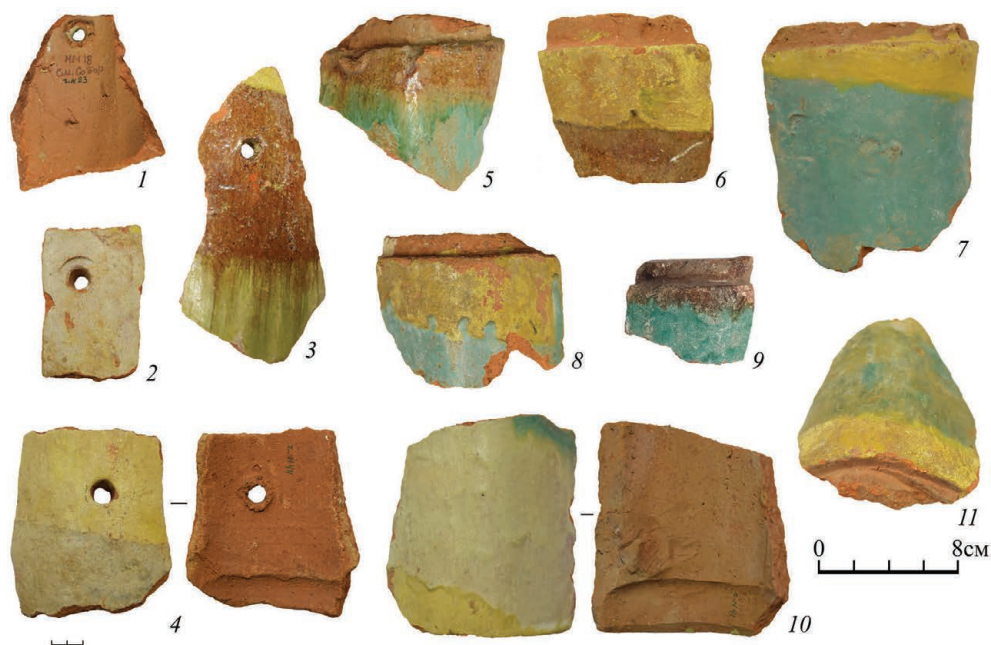
пицы с косыми полосами достигает 55,8 см, а черепицы с полосами-треугольниками – 36 см)³.

Другой яркий пример использования такой черепицы – колокольня храма Григория Неокесарийского (1668–1679). Чередование цветов поливы косыми полосами образует вьющиеся по спирали цветные ленты на рёбрах её шатра (рис. 3: 2). Эта черепица являет собой ещё одну разновидность, так как отличается количеством поливных полос, их цветом и размером пластин.

Фрагменты черепицы, найденные в Смоленском соборе Новодевичьего монастыря, однотипны. Вероятно, что все они относятся к одному набору: целые черепицы имели приблизительно один размер и по четыре косых полосы по длине. Цвета поливы: коричневый, бирюзовый/зелёный, желтый и белый. Однако порядок чередования цветов различен.

Количество исследованных фрагментов (после склейки) – 51. В материале присутствуют фрагменты, которые могут относиться к одной и той же черепице. Исходя из их числа, можно утверждать, что речь идёт о не менее чем 30 целых изделиях. В качестве конструктивных особенностей были выделены крепёжные отверстия и закраины-четверти, позволявшие соединять черепицы друг с другом без перепадов высоты. Каждая черепица имеет два типа закраин: выступающую, которая образует ступеньку в профиле примерно в полтолщины пластины (с одной стороны), и соот-

³ Хворостова Е.Л. Керамические покрытия кровель XV–XVII веков... С. 210, 212. Табл. 8. Рис. 6–7.

Рис. 2. Фрагменты гуртовой поливной черепицы из Новодевичьего монастыря: производственные и конструктивные особенности, брак

ветствующую ей – перекрывающую (с другой). Покрывая, как правило, рёбра шатра, такая черепица располагалась на кровле под углом, выступающей закраиной по направлению вверх, а перекрывающей вниз соответственно. Помимо двух условно целых форм (рис. 1: 1, 2), собранных в результате склейки, в которых представлены все выделенные конструктивные особенности, большинство фрагментов также имеют конструктивные элементы: 25 фрагментов с выступающей закраиной, причём 12 из них сохранили часть крепёжного отверстия или отверстие целиком; 10 фрагментов с перекрывающей закраиной, 5 из них с крепёжным отверстием; 6 фрагментов, где полностью или частично сохранилось только крепёжное отверстие.

Была выполнена реконструкция целой формы (рис. 1: 3). Длина черепицы – 30–30,5 см (обе условно целые формы имеют полную длину). Ширина и высота поддаются достоверной реконструкции по формам, где сочетается сохранность боковины и крепёжного отверстия, т.к. они располагаются по центральной оси. Реконструируемая ширина – 14 см, высота – 7,5–8,5 см. Тем не менее, они приблизительны. Толщина пластины варьируется от 2,3 см до 0,8 см, в зависимости от места фрагмента в составе целой пластины. Самым толстым местом является край с выступающей закраиной. Вероятно, это связано с тем, что выступающая закраина в виде перепада высоты поверхности уже была предусмотрена в форме, и при формовке мастер выкладывал с этой стороны более толстый слой глины для надёжности. Тоньше всего пластина на участках по центральной оси ниже первого крепёжного отверстия (до 0,8 см). Пластина плавно утолщается по направлению к боковинам. Длина выступающей за-

краины – 1,2–2,1 см. Длина перекрывающей закраины – 2,3–3,3 см. На фрагментах сохранились следы пробития крепёжных отверстий с выпуклой стороны черепицы, выплески глины от пробития с вогнутой стороны часто даже не заглажены, в отверстиях – затёки поливы (рис. 2: 1). Диаметр отверстий – 1,2–1,3 см. Расстояние до отверстий по центральной оси от верхнего и нижнего краёв черепицы – 5,5–8,0 см (с учётом закраин). На одном из фрагментов (рис. 2: 2) сохранился отпечаток, по-видимому, нерабочей части инструмента для пробития отверстий. Он представляет собой дугообразную вмятину толщиной ~4 мм на расстоянии ~3 мм от отверстия, повторяющую его контуры с соответствующим увеличением диаметра. Отверстие пробито слегка наискосок, что, вероятно, и вызвало такой брак.

Выпуклая поверхность черепицы относительно гладкая и ровная, как под поливой, так и на участке выступающей закраины, как правило, лишённом поливы. Присутствуют следы выемки из формы: вмятины, следы пальцев (рис. 2: 5, 7). На вогнутой поверхности – следы заглаживаний, зачастую неаккуратных, с комками и налёпами глины (рис. 2: 1, 10). Характер обработки поверхности указывает на формовку в желобчатых формах с уже предусмотренной выступающей закраиной. На одном фрагменте присутствует брак со сдвоенным отпечатком закраины (рис. 2: 11). Перекрывающая закраина выполнялась путём среза по сырой глине (рис. 2: 4, 10).

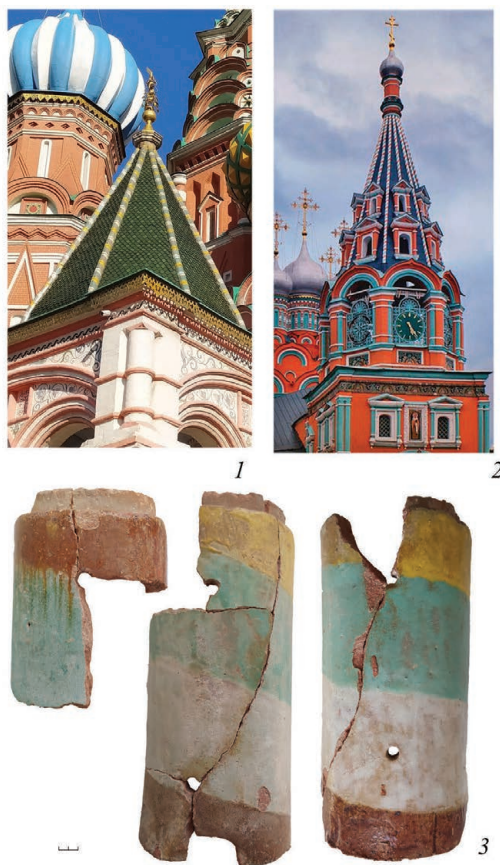
Порядок чередования полос на двух условно целых черепицах (сверху вниз по расположению на кровле) следующий: коричневый/ зелёный/ белый/ коричневый (рис. 1: 1) и коричневый/ зелёный/ белый/ жёлтый (рис. 1: 2). Отверстия для крепления попадают на две средние полосы. Две крайние полосы меньше других, две черепицы должны стыковаться полосами одного цвета, чтобы создать единую спираль с близкими по размеру полосами. Анализ остальных фрагментов выделяет коричневый как основной цвет соединения: большинство фрагментов имеют коричневую полосу по верхнему или нижнему краю (16 коричневых по верхнему краю и 6 – по нижнему). Втором «цветом соединения» в нашем комплексе является жёлтый (8 и 5 фрагментов соответственно). Представлен лишь один фрагмент с перекрывающей закраиной на полосе белого цвета (рис. 2: 4). Большинство фрагментов имеют белые и зелёные полосы по центру, однако есть отдельные фрагменты, где в качестве центральных полос – жёлтая (в 5 случаях) и коричневая (как минимум в 2 случаях) (рис. 2: 3, 4, 6). Вероятно, это позволяло создать различные комбинации разноцветных выходящих лент для декорирования шатра.

Тесто довольно грубое, с примесями песка и мелких камушков. Поливы на черепице неоднородны: качество поливы могло отличаться в зависимости от цвета, даже на одном изделии, а полива одного и того же цвета на разных изделиях могла иметь разное качество. Этим объясняются различия в сохранности поливы: порой затруднительно определить даже цвет. Присутствует отличие в оттенках; так, бирюзовый цвет на преобладающей части фрагментов на некоторых имеет травянистый оттенок. В подавляющем большинстве случаев присутствуют однонаправленные потёки одного цвета на другой (рис. 2: 3, 8). Закраины лишены поливы, если не считать случайных капель и затёков, которые имеются и на боковинах. Исключение представляет единственный фрагмент, где выступающая закраина плотно покрыта коричневым цветом (рис. 2: 9). Следы извести присутствуют в небольшом количестве с тыльной стороны лишь на некоторых фрагментах.

Наиболее близкая аналогия черепицам Новодевичьего монастыря была обнаружена среди черепиц, найденных на территории Ново-Иерусалимского монастыря при раскопках Гефсиманской башни в 2012 г. Она имеет аналогичные размеры, количество и расположение полос, близкую палитру цветов. Удивление вызывает даже сходный порядок расположения полос по цвету (рис. 3: 3).

Такое сходство может быть связано с культурной общностью этих монастырей, истоки которой – в переезде в Россию насельников двух знаменитых в Белоруссии Оршанских Кутеинских монастырей: мужского Богоявленского и женского Успенского. Этот переезд был вызван как бедами военного времени и, возможно, притеснениями, которым монахи подвергались у себя на родине, так и желанием российских властей, заинтересованных в культурном обогащении России.

В 1655 году Патриарх Никон перевёз братию Кутеинского Богоявленского монастыря в составе 70 человек во главе с игуменом в строившийся им Иверский монастырь на Валдае. «Вместе с кутеинскими иноками на Валдай из Орши, Мстиславля, Копоса (Копыси) и др. переехало множество мастеровых людей, которые в 1655 г. начали производить для Валдайского монастыря из местной глины цветные изразцы»⁴. В 1658 г., при перенесении изразцового дела в Новый Иерусалим, были переведены туда же из Иверского монастыря и первые мастера⁵. Богатый изразцовый декор Ново-Иерусалимского монастыря, а соответственно, и разноцветная поливная черепица – результат работы переехавших из Белоруссии мастеров и их учеников.

Рис. 3. Примеры использования гуртовой поливной черепицы и аналоги: 1 – собор Покрова Пресвятой Богородицы, что на Рву, 2 – колокольня храма Святителя Григория Неокессарийского в Дербицах, 3 – черепица, найденная при раскопках Ново-Иерусалимского монастыря в 2012 г. (Гефсиманская башня, ШН 33)

⁴ Валдайский Святоозерский в честь Иверской кони Божией Матери мужской монастырь. XVII в. // Православная энциклопедия под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла [Электронная версия] // ERL: pravenc.ru/text/153903.html (дата обращения: 03.11.2022).

⁵ Султанов Н.В. Изразцы в древнерусском искусстве // Материалы по истории русских одежд и обстановки жизни народной. Т. 4. СПб., 1885. С. 16.

Переезд сестёр Успенского Кутейнского монастыря и обустройство их жизни на новом месте описаны М.В. Чистяковой⁶. Сёстры во главе с игуменьей Меланией в 1654 году приехали сразу в Новодевичий монастырь, и уже с 1656 года Мелания становится игуменьей Новодевичьего монастыря. Белорусские монахини начали играть главенствующую роль в монастыре, а многие из живших здесь ранее «московских» монахинь были переведены в другие монастыри, о чем свидетельствует Павел Алеппский. Известно, что монастырь поддерживал прочные связи как с расположенными на западнорусских землях монастырями, так и с российскими, братия которых в большинстве своём состояла из украинских и белорусских поселенцев (в том числе с Иверским на Валдае).

Прямая поддержка царя сделала Новодевичий монастырь одним из крупнейших центров западнорусской ориентации, способствующим распространению и влиянию в российском обществе лучших образцов западнорусской культуры. Это влияние сказалось во всём, начиная от облика самих монахинь в западнорусских облачениях, вплоть до отстроенного заново архитектурного ансамбля. В Новодевичьем монастыре работали лучшие художественные мастера эпохи, среди которых было множество украинцев и белорусов⁷.

Хотя черепица была найдена внутри Смоленского собора, применение её на кровлях самого собора вызывает сомнение. Собор – древнейшая каменная постройка монастыря, его облик выделяется на фоне поздней застройки конца XVII века своей строгостью, скупостью декоративного убранства. Грандиозное каменное строительство в Новодевичьем монастыре, сформировавшее его нынешний облик, пришлось на 80-е годы XVII века⁸ – это пик распространения гуртовой поливной черепицы в Москве. Но её нарядный стиль контрастирует со сдержанностью собора. Кроме того, в архитектуре собора нет шатровых крыш. Этот вопрос требует дополнительных изысканий. Возможно, сообразно духу времени собор в ту эпоху был наряднее, что вполне сообразуется с многоцветностью гуртовой черепицы. Можно допустить, что шатровые крыши присутствовали на крыльцах Смоленского собора, которые покрывала эта черепица на манер Покровского собора. Возможно, черепица использовалась на кровлях других зданий монастыря.

Список литературы

Валдайский Святоозерский в честь Иверской коны Божией Матери мужской монастырь. XVII в. / Православная энциклопедия под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла [Электронная версия] // ERL: pravenc.ru/text/153903.html (дата обращения 03.11.2022).

Домилак М.И., Мехова Г.И. Новодевичий монастырь // Московский Новодевичий монастырь: к 500-летию основания. Антология / Сост. А.Л. Баталов, Л.А. Беляев. М.: Арткитчен, 2012. С. 201–257.

⁶ Чистякова М.В. Монахини с «Белой Роси» в Новодевичьем монастыре // Московский Новодевичий монастырь: к 500-летию основания. Антология / Сост. А.Л. Баталов, Л.А. Беляев. М., 2012. С. 161–166.

⁷ Чистякова М.В. Московский Новодевичий монастырь в истории культуры России второй половины XVII в.: К вопросу об истории русско-белорусских связей: Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1999. С. 29–30.

⁸ Домилак М.И., Мехова Г.И. Новодевичий монастырь // Московский Новодевичий монастырь: к 500-летию основания... С. 201–202.

- Султанов Н.В.* Изразцы в древнерусском искусстве // Материалы по истории русских одежд и обстановки жизни народной. Т. 4. СПб.: [Изд. А. Прохоровым], 1885. 63, II с., 28 л. ил.
- Хворостова Е.Л.* Керамические покрытия кровель XV–XVII веков (Москва и Московская область) // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 4. Тверь: Тверской науч.-исслед. историко-археологический и реставрационный центр, 2002. С. 204–214.
- Чернышева Л.М.* Как изменился Покровский собор в XVII веке // Блог исторического музея, апрель 2021. URL: blog/mediashm.ru/?p=7158 (дата обращения 03.11.2022).
- Чистякова М.В.* Монахини с «Белой Роси» в Новодевичьем монастыре // Московский Новодевичий монастырь: к 500-летию основания. Антология / Сост. А.Л. Баталов, Л.А. Беляев. М.: Арткитчен, 2012. С. 161–167.
- Чистякова М.В.* Московский Новодевичий монастырь в истории культуры России второй половины XVII в.: К вопросу об истории русско-белорусских связей: Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1999. 30 с.

A.A. Miryasova

HIP GLAZED ROOFTILES FROM THE EXCAVATIONS OF THE NOVODEVICHY CONVENT IN 2018

Abstract: Hip (ridge) glazed rooftiles from the excavations of the Novodevichy Convent in 2018 are one of the varieties of this type of rooftiles, differing, first of all, in the size of the plate, the number and shape of the glazed strips; partly - their color. The found analogies of this variety illustrate the cultural ties of the monastery and the common roots of handicraft traditions originating in the Orsha lands.

Keywords: hip (ridge) rooftiles, hipped roof, multi-colored glazes, Novodevichy Convent, New Jerusalem Monastery, Kuteinskie Monasteries, Patriarch Nikon.

КИРПИЧЕОБЖИГАТЕЛЬНЫЕ ПЕЧИ ПЕРЕЯСЛАВЛЯ РЯЗАНСКОГО И СТАРОЙ РЯЗАНИ XVIII ВЕКА¹

Аннотация: В статье публикуются находки двух производственных комплексов – обжигательных печей для производства кирпича XVIII в. Сравнительный анализ конструкций и размеров сооружений, контекста истории кирпичного производства в Переяславле Рязанском и провинции в XVII–XVIII вв. позволяет расширить представления об этом ремесле и тенденциях его развития в указанный период.

Ключевые слова: Переяславль Рязанский, кирпичное производство, XVIII век.

Кирпичное производство в России становится заметным явлением в XVI–XVIII столетиях. Как отражение этого факта, в первую очередь, в сфере фортификационного строительства, ок. 1580 г. в Москве был создан Приказ каменных дел. По словам Григория Котошихина, писавшего свои записки в середине XVII столетия, «ведомо в том Приказе всего Московского государства каменное дело, и мастеры; и для какого царского строения понадобятся те мастера, и их собирают из всех городов, и дают им ис царские казны на поденной корм денги, чем им сытим быть мочно. Да на Москве ж ведомы в том Приказе известные и кирпичные дворы и заводы; а где белой камень родится и делают известь, и те города податми и доходы ведомы в том Приказе»².

Этот период ознаменовался активным каменным церковным и гражданским строительством, первыми попытками стандартизации кирпича, но это относится, прежде всего, к столицам – Москве XVII века и Санкт-Петербургу начала следующего столетия. Эта отрасль в указанный период оставалась в зачаточном, кустарном состоянии и еще не была способна сколько-нибудь существенно изменить облик русского города. Показателен в этом отношении Указ Петра Великого о запрещении каменного строительства по всей России, кроме Санкт-Петербурга, от 20 октября 1714 года как попытка обеспечить строительство новой столицы концентрацией специалистов-кирпичников в одном месте. Попытка, надо сказать, не решившая проблемы, поскольку через десять лет, в 1724 году Петр вынужден был издать специальный указ «О заведении новых кирпичных заводов вокруг Санкт-Петербурга».

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения плановой темы «Переяславль Рязанский и его округа в XII–XVII вв.» в рамках коллективной плановой темы «Города в культурном пространстве Северной Евразии в средневековье». Руководитель: Коваль В.Ю. (№ НИОКТР 122011200266-3).

² Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. М., 2000. С. 87.

Лишь после отмены запретительного указа в 1741 году кирпичное производство вновь вошло в привычное русло, и к 70-м годам XVIII века в одной лишь Москве действовало 72 завода, которые производили 30 млн. штук кирпичей в год.

Но в российской провинции, за исключением короткого периода действия петровского указа, кирпичное дело, несомненно, также развивалось. Уже упомянутые цитата из Григория Котошихина и указ 1714 года отсылают нас именно к провинции – ко «всего Московского государства каменному делу и мастерам», которых собирают «ис всех городов». Однако данные о развитии кирпичного производства в России в указанный период отрывочны и косвенны. В этой связи археологические находки свидетельств кирпичного производства представляют исключительную ценность.

В статье речь пойдет именно о таких находках – двух кирпичеобжигательных печах XVIII века, открытых в Переяславле Рязанском, современной Рязани, и в Переяславль-Рязанской провинции, на территории села Старая Рязань около Преображенской (ранее – Благовещенской) церкви 1735 г. постройки.

Следует отметить, что письменные и архитектурные источники позволяют в общих чертах охарактеризовать историю кирпичного производства в этом регионе в XVII–XVIII столетиях³.

До середины XVII в. примеры кирпичного строительства в Рязанской земле единичны. Не считая четырех древнерусских храмов Старой Рязани и Нового Ольгова городка, построенных в конце XII – начале XIII века, здесь известны две церковные постройки XV – начала XVI века (Архангельский и старый Успенский (Христорождественский) соборы в «городе» Переяславле). Еще несколько сооружений связывают со строительной деятельностью преимущественно рязанских владык уже в период Московского государства в XVI столетии (церковные и гражданские постройки владычного двора в рязанском кремле и два храма во Владычной же слободе за пределами города). В первой половине XVII в. после некоторого застоя в Смутное время каменное строительство не изменило своего масштаба, но получило новый импульс в расширении заказчиков. В этот период появляются первые монастырские кирпичные церкви в кремле Переяславля (Святого Духа 1642 г. и Богоявленская в Спасском монастыре 1647 г.), а также первые каменные постройки в вотчинах и поместьях, в частности, Воскресенская церковь 1635–1636 гг. в с. Исады в поместье Ляпуновых, на р. Оке.

Все приведенные примеры вряд ли позволяют нам говорить о самостоятельном характере этого строительства в Переяславле и его округе в указанный период. Показательна в этом отношении ситуация с перестройкой белокаменного Успенского собора на рубеже XVI–XVII вв.: эта работа была начата при Федоре Иоанновиче, но затянулась, и уже при Василии Шуйском в 1606 году в Переяславль Рязанский был послан каменных дел подмастерье Сергейка Абрамов и вологодские и старицкие каменщики⁴.

Новым этапом в каменном строительстве Рязанского края стал период середины XVII – начала XVIII в.

---

³ Подробнее об этом см.: Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Рязанская область. Ч. 1. М., 2012.

⁴ Свод... С. 21.

Самыми грандиозными стройками стали проекты рязанских владык: возведение Архиерейских палат и других сооружений владычного двора в кремле «подмастерьем каменных дел» московским зодчим Юрием Ярушевым в 1653–58 гг., комплекса построек Иоанно-Богословского монастыря в с. Пошупопове под городом в 1652 г., созданного тем же зодчим, наконец, постройка нового Успенского собора на месте разобранной зелейной палаты, построенной, в свою очередь, в 1668 г. Строительство собора было начато в 1684 г. записными каменщиками Приказа каменных дел Емельяном Калининым и Федором Шарыпиным, а также костромским каменщиком Григорием Сусаниным, а позже – записным каменщиком Кондратием Алферьевым «со товарищи». Однако в 1692 г. собор, возведенный до главок, рухнул, а его восстановлением и достройкой с 1693 г. занимался Яков Бухвостов с товарищами – Никитой Устиновым, Герасимом Ивановым и Иваном Парфеновым, завершившими строительство в 1699 году⁵. С именем Бухвостова связывают и возведение ряда каменных построек и стен Солотчинского монастыря в 1680–90-е гг. Во Владычной слободе в эти годы был перестроен в камне Борисоглебский собор (1680), построена каменная Владимирская церковь на месте деревянной Анастасьинской (1695).

Начиная с 70-х гг. XVII в. при участии богатых горожан в Переяславле начали сооружаться каменные приходские храмы. В числе первых на средства торгового человека гостиной сотни З.С. Колмакова была выстроена каменная пятиглавая церковь Николы Мокрого в Выползовой слободе. В Посадской слободе вместо старых деревянных храмов были возведены каменные церкви – Благовещенская (1673), Входа Господня в Иерусалим (1679/80), Воскресения Згонного (1683), Симеона Столпника на Торгу (1698/99). Сведения о строителях этих церквей не сохранились, но, по мнению исследователей, к возведению двух первых могли быть причастны купцы суконной, а позже гостиной сотни Немчиновы и Невежины, проживавшие в этих приходах, а к строительству Воскресенского храма – кто-либо из Нарышкиных, дворы которых располагались в непосредственной близости от него⁶. На территории Острога на средства стольника И.И. Вердеревского была выстроена каменная церковь Спаса на Яру (1695), а из кирпича, оставшегося после обрушения первого Успенского собора – Ильинская церковь (1699–1700)⁷. Наконец, последней храмовой постройкой до петровского указа о запрете каменного строительства стал Спасо-Преображенский собор на территории Спасского монастыря в «городе», построенный в 1702 г. на средства купца гостиной сотни М.Ф. Немчинова⁸. Этот же Михайла Немчинов был владельцем и первых каменных «палат» в Посадской слободе, построенных в конце XVII в. (упомянуты в Писцовой книге 1696 г.).

Как видим, на протяжении полу столетия каменное строительство в Переяславле и его округе велось почти непрерывно. Имена зодчих указывают на их неместное (преимущественно московское) происхождение. Возможно, также приезжими, в составе артелей строителей, были и кирпичники (по крайней мере, на эту мысль наво-

⁵ Свод... С. 620–621.

⁶ Кусова И.Г., Филиппов Д.Ю. Переяславль Рязанский XVII–XVIII вв.: планировочная структура, застройка, социальная топография // Материалы по археологии Переяславля Рязанского. Вып. 1. Рязань, 2011. С. 29–30.

⁷ Кусова И.Г., Филиппов Д.Ю. Переяславль Рязанский XVII–XVIII вв... С. 32.

⁸ Кусова И.Г., Филиппов Д.Ю. Переяславль Рязанский XVII–XVIII вв... С. 29–30.

дит нежелание Якова Бухвостова достраивать Успенский собор из кирпича рухнувшего собора, использованного позднее для строительства Ильинской церкви). Однако такая активность вряд ли могла полностью обойтись без местных мастеров-кирпичников.

Присутствие представителей этой профессии среди жителей Переяславля фиксируется документами писцового делопроизводства в последней трети XVII столетия, но косвенные свидетельства позволяют предположить их появление в более раннее время.

Впервые «каменщики» упоминаются в Переписной книге Переяславля Рязанского 1677 года. Здесь, однако, они не выделены в особую категорию тяглых посадских людей, а упомянуты лишь к случаю: один раз – в списке живущих «во дворничестве» в осадных дворах – переяславский (Переяславля Залесского – *И.С.*) каменщик Кирюшка Иванов во дворе «резанца Василья Асеева»⁹ и еще раз – при перечислении (с указанием занятий) «домовых митрополичьих всяких чинов жалованных людей», где названы восемь каменщиков¹⁰.

В Сметной росписи 1679 г. мы видим уже довольно обширный список посадских «кирпичников» и «кирпичниковых детей»¹¹ – 44 имени. При этом почти половина из них (21 человек) – явно владели профессией не в первом поколении: по совпадению фамилий они образуют 10 родственных групп¹². В Сметном списке 1690 г. названы 33 кирпичника (без кирпичниковых детей), в том числе 14 – представители нескольких уже известных из предшествующих описей династий – Шульгины, Ненашевы, Плаксины, Дмитриевы, Толмачевы¹³. Наконец, в следующем по времени документе – Писцовой книге 1696 г. – кирпичники специально упомянуты по своей профессии в отличие от большинства других посадских людей. Здесь мы встречаем имена почти всех тех, кто назван в списках 1679 и 1690 годов. Их дворы располагались в разных частях Посадской слободы Переяславля, и были среди них довольно зажиточные люди, владевшие несколькими городскими дворами и огородными местами¹⁴.

В Переписной книге 1718 года в горшечном ряду переяславского Торга «за городом» перечислены 24 амбара. По крайней мере 21 из них до переписи принадлежал переяславским кирпичникам, в том числе как минимум десяти представителям фамилий, известных по Росписи 1679 года¹⁵. Примечательно, что в описаниях Торга и, в частности, горшечного ряда в более ранних документах – Платежной книге 1595–1597 гг. и Писцовой книге 1626 года – кирпичники не упомянуты вовсе. В первом документе здесь названы «лавки, торгуют в них горшки» люди разных сословий¹⁶,

⁹ Рязань. Материалы для истории города XVI–XVIII столетий. М., 1884. С. 31.

¹⁰ Рязань. Материалы... С. 39.

¹¹ Насколько термины «каменщик» и «кирпичник» тождественны, сказать трудно; возможно, каменщики занимались не только производством кирпича, но и самой кладкой. Однако, с появлением в Росписи 1679 г. термина «кирпичник» в позднейших документах исчезают «каменщики».

¹² Рязань. Материалы... С. 116.

¹³ Сметный список Переяславля Рязанского 1690 г. // Труды Рязанской ученой архивной комиссии. Т. 10. Вып. 2. Рязань, 1895. С. 194.

¹⁴ Рязань. Материалы... С. 56–111.

¹⁵ Рязань. Материалы... С. 141–142.

¹⁶ Рязань. Материалы... С. 3.

во втором перечислены 18 «онбаров» без указания торгуемой продукции. Однако по прозвищам некоторых владельцев этих торговых мест уже можно предположить их связь с производством кирпича. В частности, в Писцовой книге 1626 г. упомянуты посадские люди Васка Ненашев и Васка Шульга, а в Росписи 1679 г. среди кирпичников названы трое Ненашевых и трое Шульгиных¹⁷. Возможно, в такой преемственности и существовании в последней трети XVII века разросшихся династий переяславских кирпичников отразилось появление местного кирпичного производства уже в первой половине XVII в., т.е. еще до начала упомянутого «строительного бума» середины – второй половины XVII столетия.

Здесь уместно упомянуть, что это ремесло поставляло продукцию не только для каменного зодчества, но и для более востребованного печного строительства. Печной кирпич всегда выступал побочной продукцией кирпичного производства. На него шел особый сорт выделанного товара (так называемый алый кирпич – результат недожога)¹⁸. Да и сам факт наличия кирпичных амбаров на Торгу свидетельствует скорее о продаже кирпича на печи, чем для крупных строительных проектов. Вероятно, местные кирпичники поставляли продукцию в первую очередь для этой цели. Тем не менее, рост каменного строительства в Переяславле с середины XVII в., несомненно, стал ускорителем процесса развития местного кирпичного производства и способствовал проявлению особого внимания государства к кирпичникам, составившим в конце XVII – начале XVIII в. довольно заметную долю среди посадских тягловцев Переяславля Рязанского.

О кирпичном производстве в Переяславле в первой половине XVIII века, в период действия запретительного указа 1714 года, документы не содержат данных. В уже упомянутой Переписной книге 1718 г. в списке посадских людей нет ни одного из кирпичников или их потомков, которые упомянуты в списках 1679 и 1690 гг. или Писцовой книге 1696 г. В горшечном ряду к 1718 г. почти у всех (у 19 из 21) кирпичных амбаров сменились владельцы. При этом из записи не ясно, продолжали ли они торговать кирпичом или использовали амбары для других целей. В Актах третьей ревизии, проведенной в 1762 году, названы лишь три кирпичника, родственные связи которых с прежними представителями этой профессии по именам установить невозможно¹⁹. Вполне вероятно, что потребности строительства новой столицы в первой половине XVIII в. привели к переселению значительной части переяславских кирпичников на берега Невы. Тем не менее, в какой-то, вероятно, усеченной форме кирпичное производство в Переяславле и его округе продолжало существовать. Подтверждением этого служат находки двух кирпичеобжигательных печей XVIII столетия, о которых и пойдет речь ниже.

В 2010 году при строительных работах около Спасо-Преображенской (ранее – Благовещенской) церкви в с. Старая Рязань был случайно открыт один такой комплекс (рис. 1, 2). Первоначально на участке площадью около 9 кв. м в 20 м к югу от церкви была исследована часть большой прямоугольной ямы со следами сильного

¹⁷ Рязань. Материалы... С. 19.

¹⁸ Инчик В.В., Царенко А.А. Особенности ручного производства кирпича в Санкт-Петербургской губернии в XVIII веке // Вестник гражданских инженеров. Строительные материалы и изделия. 2019. № 4 (75). С. 93.

¹⁹ Рязань. Материалы... С. 148–149.

Рис. 2. Вид на Спасо-Преображенскую церковь и раскоп на месте печи с востока

прокала стенок и заполнением из сплошного кирпичного боя, перекрытого перемешанным слоем. Уровень материка зафиксирован на глубине 0,8–1 м, а сама яма углублена в материк еще более чем на метр. Под завалом сохранились остатки кирпичных конструкций нижней камеры печи. Исследованный участок был разделен на 4 части, где работы были доведены до разной стадии расчистки сооружения с учетом ее возможной дальнейшей музеефикации.

Юго-восточная часть была сохранена на уровне очищенного от грунта развала битого кирпича. Северо-восточная и юго-западная части расчищены до уровня перемычки-«пода» между верхней и нижней камерами, где ее сохранность было довольно хорошей. Этот уровень располагался на глубине от -145 см до -179 см от дневной поверхности. На разных участках перемычка сохранилась на 1–3 кирпича кладки. В северо-западной части, где перекрытие между камерами было разрушено, расчистка была произведена до уровня пола нижней камеры и остатков опорных фундаментов перемычки («бычков»). Глиняный обожженный пол камеры расположен на уровне -230 см. Материковые стенки ямы в процессе работы сооружения прокалены на толщину до 15 см (рис. 3, 4).

Позднее вокруг исследованного участка гумусный горизонт был снят до материка на площади 64 кв. м (8 × 8 м), что позволило открыть весь контур ямы сооружения, углубленного в материк. Ниже работы не проводились с целью последующей консервации всего сооружения (рис. 5).

Рис. 3. Общий вид с севера расчищенных конструкций печи в Старой Рязани

Общий размер котлована, в котором располагалось отопительное устройство, заглубленное от уровня материка на 1–1,3 м, составлял 4×4 м (внутренний котлован). Кроме того, вокруг ямы был вырыт дополнительный (внешний) котлован размерами $6,5 \times 6$ м, образующий площадку, опущенную в материк на 0,4 м. В стенках этого котлована также прослежены следы прокала, но менее мощного – на 5–7 см вглубь стенок.

В северной стенке котлована, которая представляла собой прокаленный на 10–15 см вглубь материковый суглинок, на участке расчищенного пола нижней камеры был выявлен арочный канал, уходящий на север за пределы котлована. Стенки его также сильно прокалены. Свод частично рухнул. Вероятно, этот канал использовался для загрузки камеры и подачи воздуха. К сожалению, северная часть внешнего котлована практически полностью разрушена поздними погребениями кладбища, окружавшего церковь, и ее конструктивные особенности восстановить невозможно.

Таким образом, к югу от существующей церкви были открыты остатки кирпичеобжигательной печи с разной сохранностью ее элементов, которые, тем не менее, позволяют реконструировать общий облик сооружения (рис. 6).

Кирпичеобжигательная печь представляла собой сооружение, частично заглубленное в грунт. Углубленная часть состояла из двух котлованов. Внешний котлован размерами $6 \times 6,5$ м использовался для укладки кирпича-сырца над нижней камерой и устройства деревянного шатра над печью. Внутренний котлован размерами около

Рис. 4. Исследованный участок старорязанской печи. План и разрезы

Рис. 5. Котлован печи на уровне поверхности материка. Вид с юга. Контуром показаны границы ямы топочной камеры

4 × 4 м представлял собой камеру, от которой частично сохранились «очелки» – проходы, идущие вдоль пола с севера на юг, «бычки» – основания арочной перемычки («пода»), разделяющие очелки, и сам «под», а также воздухопроводный канал с северной стороны сооружения.

Под располагался на глубине около 150–170 см от современной дневной поверхности на высоте около 50 см от пола камеры. Он представлял собой решетчатую перегородку арочного типа, лежащую над нижней камерой, состоящей из двух опорных конструкций («бычков») и расположенных между ними трех каналов-«очелков». Напротив центрального очелка в северной стенке котлована располагался воздухопроводный канал шириной около 80 см и высотой 40 см.

Опорные бычки, протянувшиеся с севера на юг через весь котлован, имели форму полуцилиндров, лежащих на боку, и сложены аркой из кирпича, поставленного на торец. Высота этих опор составляла около 40–50 см при ширине 60–80 см. Бычки лежали на расстоянии около 1 м друг от друга и были соединены арочными перекрытиями, на которых лежала перемишка-под.

Арки перекрывали очелки и были сложены в кирпич (шириной 30 см). Ряды кирпичей арочных перекрытий лежали сплошными линиями от западной до восточной стенки котлована, опираясь на стены и бычки. Между ними были оставлены проемы шириной 15–18 см. На арках лежал под печи из кирпичей, уложенных поперек арок, по линии север–юг. В перекрытии были оставлены проемы («прогары») шириной в полкирпича, образующие решетку с проходами. Толщина пода составляла около 10 см (по толщине кирпича).

По массовому материалу (керамике) в перекрывающем печь слое и медной монете – полушке 1730 г. – из слоя развала кирпичного боя исследуемое производственное сооружение может быть датировано второй четвертью – серединой XVIII столетия.

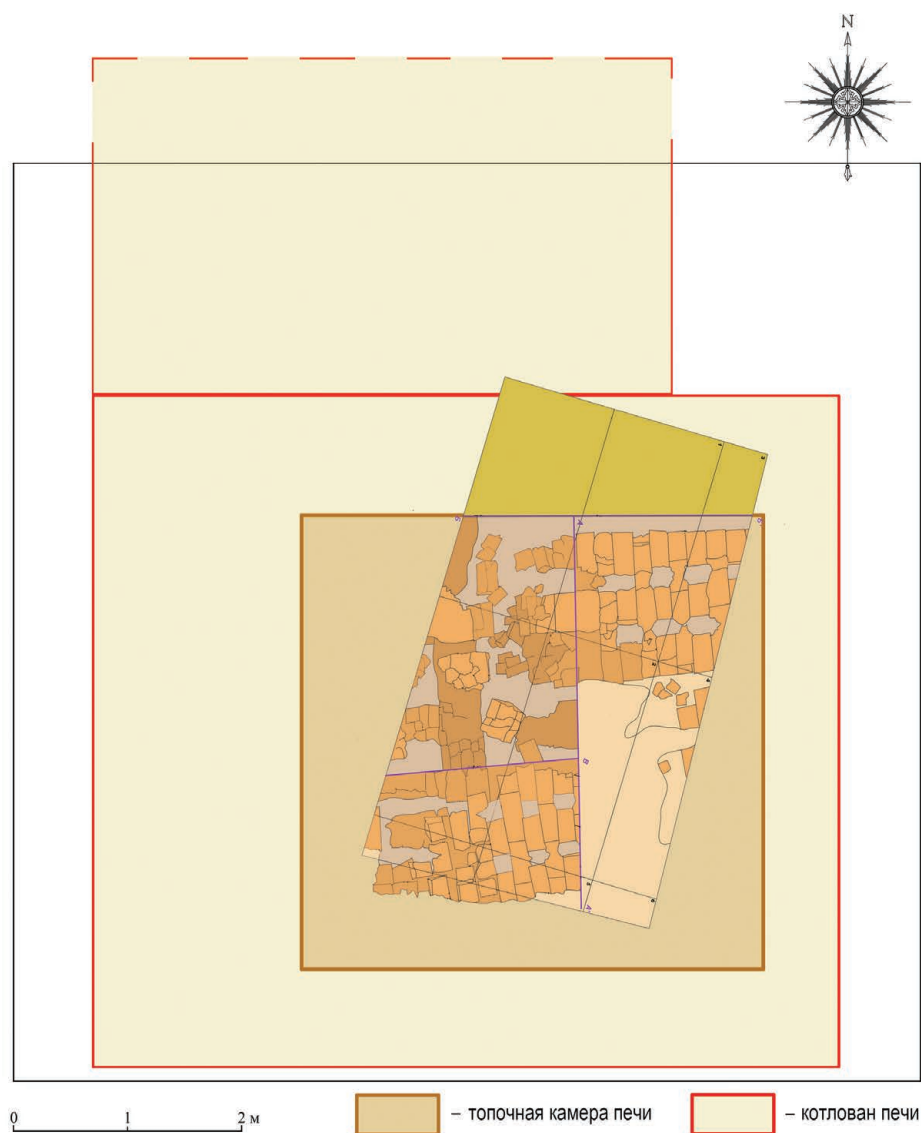

Рис. 6. Общая схема котлована старорязанской печи

Оно было связано со строительством Благовещенской церкви, которое датируется 1735 годом²⁰. Сравнительный анализ размеров и состава материала большемерного кирпича из печи и стен храма ($30\text{--}32 \times 14\text{--}15 \times 7,5\text{--}8$ см) подтверждает это предположение.

²⁰ Свод... С. 32.

Рис. 7. Местоположение обжигательной печи на плане Переяславля Рязанского 1772 г. РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 4959

Рис. 8. Местоположение обжигательной печи на плане Новой Чернопосадской слободы 1772 г. ГАРО. Ф. 892. Оп. 1. Д. 3788

Рис. 9. Горшок из слоя кирпичного боя заполнения переяславской печи

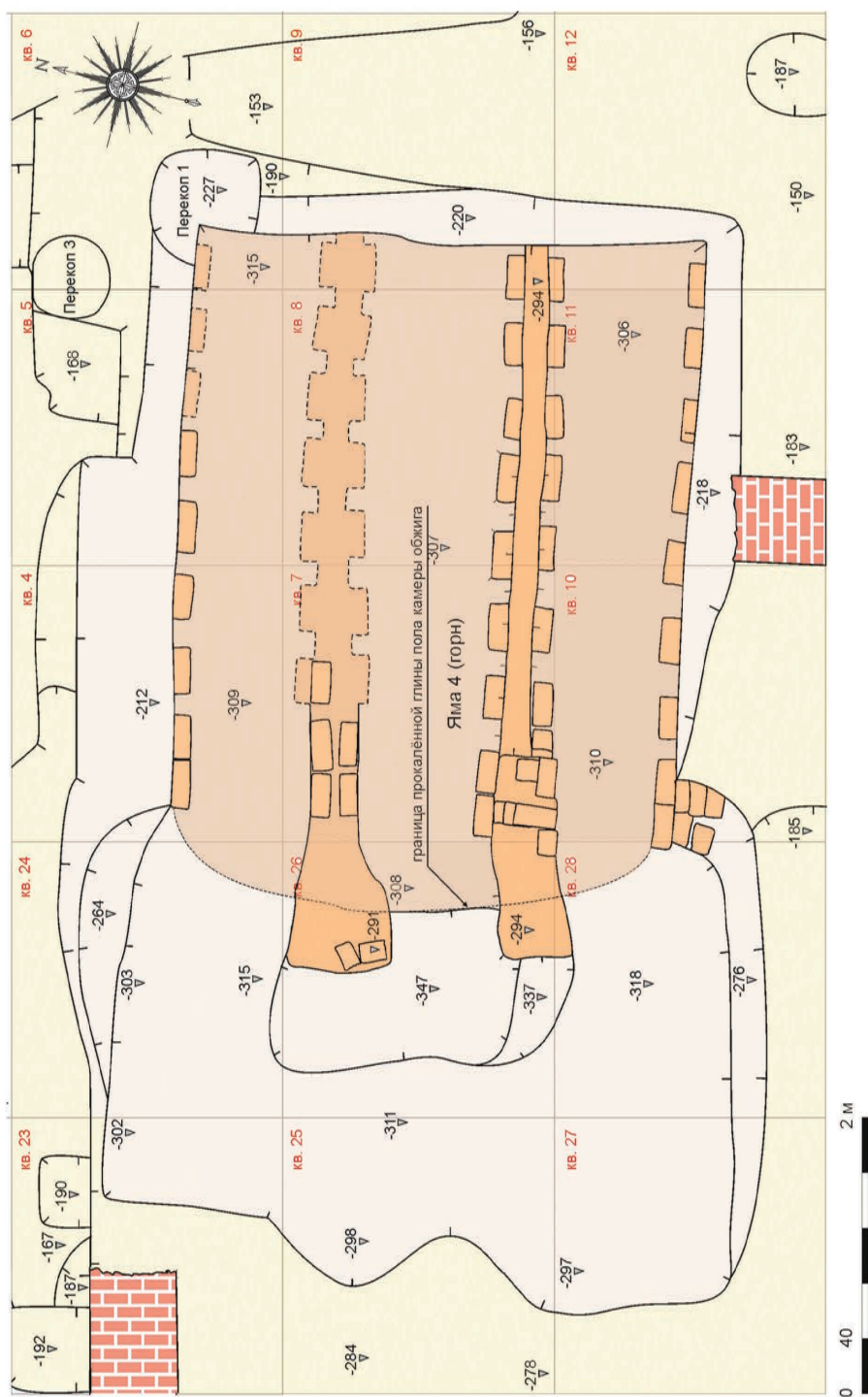
Вторая исследованная печь открыта в 2021 году при спасательных раскопках на южной окраине Новой Чернопосадской слободы Переяславля Рязанского, существовавшей с середины XVII в. по конец XVIII столетия, на северном берегу отвершка оврага систем левого (северного) берега р. Лыбедь (рис. 7, 8). Слобода возникла после 1649 г., когда по указу Алексея Михайловича в состав тягловцев чёрной слободы Переяславля Рязанского были переведены «лутчие по их торгам и промыслам» архиерейские крестьяне²¹. Позднее этот участок вошел в квартал регулярного города, ограниченный Хлебной площадью на севере (пл. Ленина), Хлебной улицей на западе (ул. Маяковского),

Малой Мещанской улицей на юге (ул. Кудрявцева) и Мясницкой улицей на востоке (ул. Горького). Участок печи был перекрыт мощными напластованиями периода XIX–XX вв., частично разрушен фундаментами кирпичного здания XIX века, но в нижней части полностью сохранился.

Помимо стратиграфических наблюдений, ограничивающих верхнюю дату сооружения периодом регулярной перепланировки города в конце XVIII столетия, уточнить время постройки печи позволяет единственная находка из горизонта кирпичного боя – развал кухонного горшка, типичного для XVIII в. (рис. 9). В засыпке котлована найдены, кроме того, красноглиняная курительная трубка, медный крестик, полушка Петра I и медная денга 1753 г., керамика и фаянс XVIII–XIX вв.

Сохранившаяся часть представляет собой прямоугольный двухчастный котлован. Внутренний котлован (нижняя камера) имел размеры $4,3 \times 3,8$ м и был углублен в материк на 1,5–1,6 м. Вокруг него располагался внешний котлован 5×5 м с горизонтальной площадкой с северной, восточной и южной сторон шириной до 40 см. С западной стороны сохранилась более обширная площадка размерами 3×5 м с приямком для воздуховодного канала. Дно площадки располагалось на уровне дна топочной камеры и было отделено от нее кирпичной перемычкой. У входа в топочную камеру располагалось углубление-приямок размерами $2 \times 1,5$ м, дно которого было расположено на 40 см ниже рабочей площадки и обложено по стенкам деревянными досками. Из камеры в эту яму были выведены концы (длиной около 1 м) двух бычков (рис. 10). Приямок располагался напротив центрального очелка нижней камеры и, вероятно, использовался для загрузки дров или нагнетания воздуха, как и арочный воздуховодный канал старорязанской печи. Под этого сооружения сохранился хуже,

²¹ Рязань. Материалы... С. 36.

Рис. 10. План котлована переяславской печи на уровне дна

Рис. 11. Котлован топочной камеры переяславской печи в процессе расчистки очелков.
Вид с востока

Рис. 12. Топочная камера переяславской печи с остатками конструкций бычков и арочных сводов пода. Вид с севера

Рис. 13. Котлован переяславской печи. Вид с запада

чем в Старой Рязани: прослежены только бычки и основания арочных перекрытий, но по сохранившимся вдоль стенок частям арок установлена их высота. Она составляла 0,9 м. Судя по мощному равномерному прокалу стенок камеры между арочными основаниями, высота нижней камеры (до пода) составляла около 1 м (рис. 11–13).

В кирпичном бое и самой конструкции представлены кирпичи двух стандартов: $32\text{--}33 \times 14$ см и $25\text{--}26 \times 14$ см при толщине 7–7,5 см.

Исследованное сооружение почти идентично старорязанской печи. В обоих случаях открыты конструкции так называемого переходного типа: с углубленной постоянной (многоразового использования) топочной камерой и напольной (временной) камерой для обжига. Совпадают как размеры нижней камеры ($4,3 \times 3,8$ м и 4×4 м при глубине котлована около 1–1,2 м от уровня пола внешней камеры и высоте арочных сводов очелков 0,8–0,9 м), так и ее внутреннее устройство: в переяславской печи также прослежены два бычка с тремя очелками шириной около 1 м, арочные перекрытия очелков и решетчатый под с продухами в полкирпича. Напротив центрального очелка в обоих случаях располагалась дополнительная конструкция для нагнетания воздуха или закладки дров. Здесь надо заметить, что в обеих печах доступ снаружи (через канал) мог быть осуществлен только к центральному очелку, поэтому остается неясным, как закладывались дрова в боковые каналы. Возможно, вся конструкция являлась не топочной камерой, а пепельником, через который в печь нагнетался воздух, дрова закладывались выше, на уровне пода.

Отличия между двумя сооружениями незначительны. Немного различны конструкции бычков: в переяславской печи они сложены из сырца в полкирпича, который при функционировании печи спекся в единую массу, в старорязанской – сложены

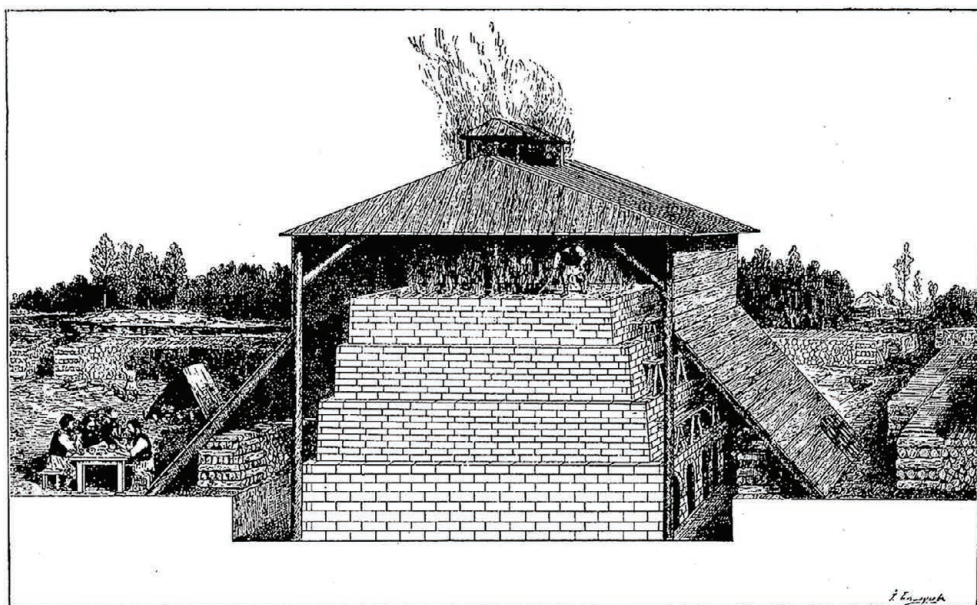

Рис. 14. Общий вид напольной печи с шатром (Белавенец М.И. Глиноведение. Кирпичное производство. Обжигание... С. 11. Рис. 1)

из кирпича аркой (по мнению Н.И. де-Рошефора, это отличает постоянные печи от напольных, временных)²². В переяславской печи, в отличие от старорязанского сооружения, сырцом в полкирпича были обложены также и стенки котлована. Кроме того, вся печь в Переяславле, вероятно, сложена из сырца, обожженного уже в процессе ее функционирования, тогда как в Старой Рязани для кладки нижней камеры использовался обожженный кирпич.

Описанные сооружения по своим конструктивным особенностям и размерам соответствуют известным еще в XIX столетии малым напольным (хозяйственным) печам одностороннего типа с длиной очелков в 2 сажени, устраиваемым в выемке глубиной в 2 аршина (рис.14)²³.

Вероятно, такое сходство двух сооружений может быть объяснено как функциональными требованиями, так и единством традиции.

О назначении переяславской печи можно высказать только предположения. Исследованное сооружение располагалось на окраине Новой Чернопосадской слободы, за пределами дворов и огородов. Сохранившиеся в материалах ГАРО копии планов, составленные майором Николаем Норштейном по итогам генерального межевания, проведенного в Переяславле Рязанском в марте–июне 1772 г. командой межевщиков под руководством премьер-майора А. Языкова²⁴, в том числе и Новой

²² Рошефор Н.И. Иллюстрированное урочное положение. Пг., 1916. С. 298.

²³ Рошефор Н.И. Иллюстрированное урочное положение... С. 298–299; Белавенец М.И. Глиноведение. Кирпичное производство. Обжигание сырца-кирпича дровами в напольных печах. СПб., 1905. С. 11.

²⁴ Кусова И.Г., Филиппов Д.Ю. Переяславль Рязанский XVII–XVIII вв... С. 34.

Черноposedской слободы²⁵, позволяют довольно точно локализовать место расположения сооружения на территории Переяславского посада. Сопоставление данных Писцовой книги 1696 г. с этими планами приводит к выводу, что планировка и даже размеры дворов и огородов переяславцев за 70 лет между их описью и генеральным межеванием не изменились. На тех участках, где показаны границы дворовладений, они точно соответствуют описаниям 1696 года. Судя по книге 1696 г., участок, где локализована кирпичеобжигательная печь, располагался на выгонах за огородами Новочерной слободы на неразмежеванной территории. Строительство этого производственного комплекса никак не отразилось в документах. По крайней мере, ни в Писцовой книге, ни на планах о нем нет упоминаний. Из сооружений кирпичного дела в Писцовой книге 1696 г. назван только «двор кирпичной и сарай гостиной сотни Зиновья Колмакова», расположенный на улице в Навилках – Новинской слободе на восточной окраине Посадской слободы²⁶. Устройство обжигательных печей за пределами жилой застройки и огородов Посадской слободы, вероятно, не требовало специального согласования. При этом исследованная печь располагалась довольно выгодно: на открытом пространстве выгона, позволяющем разместить вокруг печи все необходимые подсобные сооружения, около отвершка сырого оврага, близ дороги, идущей вдоль городской застройки в направлении торгового проезда, позволяющей, с одной стороны, доставлять сырье и топливо, с другой – перевозить готовый товар к месту его продажи.

Мы вряд ли узнаем, кто из известных по документам конца XVII – начала XVIII в. кирпичников или их потомков мог иметь отношение к исследованному сооружению. В конце XVII столетия участками в Новой Черноposedской слободе владели двое кирпичников. В Писцовой книге 1696 г. упомянуты огород кирпичника Филки Плаксина, который располагался в начале улицы, шедшей от Большой Московской дороги в направлении острога и торгового проезда²⁷, и двор кирпичника Микитки Печатина по другой стороне этой улицы (поблизости от участка расположения печи)²⁸. Однако, как сказано выше, события первой половины XVIII столетия сильно изменили состав этой корпорации переяславских тяглецов. Довольно уверенно можно лишь говорить, что этот производственный комплекс имел отношение к местным мастерам, а не пришедшим строительным артелям, нанимаемым для сооружения больших построек.

Учитывая небольшие размеры, постоянный характер сооружения, его местоположение и два стандарта выпускаемой продукции, которая не соответствовала строительным требованиям той эпохи, можно предположить, что в этой печи обжигался кирпич, поставляемый на рынок, т.е. преимущественно печной кирпич. Производительность такой печи, исходя из ее размеров, составляла не более 5–10 тыс. штук за один обжиг²⁹. Даже при ее полном сезонном использовании (стандартная печь давала за сезон 5 оборотов, а период полного обжига с просушкой и остывани-

²⁵ ГАРО. Ф. 892. Оп. 1. Д. 3788. План Новой Черноposedской слободы. Планы слобод Переяславля 1772 года подготовлены к публикации Д.Ю. Филипповым. Выражаю благодарность автору за возможность использовать их в данной работе.

²⁶ Рязань. Материалы... С. 74.

²⁷ Рязань. Материалы... С. 108.

²⁸ Рязань. Материалы... С. 111.

²⁹ Рошефор Н.И. Иллюстрированное урочное положение... С. 298.

ем занимал 2–3 недели)³⁰, такая печь не могла обеспечить потребности капитального строительства.

Такой вывод плохо согласуется с назначением второго исследованного сооружения, старорязанской печи, почти идентичной переяславской находке по своим размерам и конструкции. Несомненно, она была предназначена для обжига кирпича под строительство расположенной рядом Благовещенской церкви. Однако небольшие размеры печи и малая ее производительность вряд ли могли обеспечить потребности строительства. Судя по сохранившимся данным, при подобном строительстве обычно возводили временную напольную печь существенно больших размеров, рассчитанную на обжиг материала в количестве от 50 до 100 тыс. шт.³¹ Скорее всего, это сооружение было не единственным, построенным для этой цели, а представляло собой лишь одну из печей более крупного производственного комплекса, оставшегося за пределами зоны исследований. О наличии другого подобного устройства свидетельствует факт использования в конструкции исследованной печи обожженного кирпича: должно было быть другое сооружение, где была изготовлена первоначальная партия, часть которой пошла на строительство печи.

Использование малогабаритных обжигательных печей, удобных для производства печного товара, но недостаточных для производства кирпича под цели крупного строительства можно объяснить лишь спецификой кирпичного производства российской провинции первой половины XVIII века.

Местные мастера в этот период обеспечивали преимущественно потребности населения в печном строительстве. Для этих целей исследованные печи вполне подходили как по своей конструкции (с постоянной нижней камерой и временной верхней), так и по производительности. Но в сфере строительства провинция не слишком следовала и директивам о запретах и стандартах, идущим из столиц. По крайней мере, нам известны каменные постройки, возведенные в период действия запретительного петровского указа 1714 года. Помимо Благовещенской церкви в Старой Рязани, построенной в 1730-е годы, в это же время (в 1720-е гг.) в с. Исады, в 6 км от Старой Рязани, был сооружен усадебный дом кн. И.И. Долгорукова, получившего это имение как приданое жены Агафьи Лукиничны, урожденной Ляпуновой³². Известны и другие примеры каменного строительства периода 1714–1741 гг.³³ Можно предположить, что такое строительство и необходимое для него кирпичное производство в обход запретов проводилось именно местными мастерами.

Если нарисованная картина состояния местного кирпичного производства в XVIII веке такова, то она вполне объясняет сходство двух описанных сооружений, предназначенных для разных целей. Полулегальное кирпичное строительство первой половины XVIII столетия велось силами местных мастеров-кирпичников, традиционно работавших с небольшими партиями продукции, на что указывает характер открытой в Переяславле печи. Малогабаритная печь не только соответствовала низ-

³⁰ Инчик В.В., Царенко А.А. Особенности ручного производства... С. 91; Рошефор Н.И. Иллюстрированное урочное положение... С. 298.

³¹ Инчик В.В., Царенко А.А. Особенности ручного производства... С. 90.

³² Свод... С. 32.

³³ Свод... С. 32–35.

кому спросу (только для печного дела), но была легче в обслуживании, в управлении температурным режимом обжига, в оперативности выпуска продукции. Вероятно, местные мастера использовали свой опыт такого производства и для крупных проектов, подобных Благовещенской церкви в Старой Рязани, идя по пути увеличения числа малых обжигательных устройств, а не укрупнения самого производственного сооружения. Новая форма кирпичного производства, известная по описаниям конца XVIII – XIX вв. – с крупными постоянными печами разных типов, способными производить не менее 1 млн. штук кирпичей в год, – стала ответом на резко возросший спрос последней четверти XVIII столетия и оказалась способной изменить облик русского города.

Список литературы

- Белавенец М.И.* Глиноведение. Кирпичное производство. Обжигание сырца-кирпича дровами в напольных печах. СПб.: Изд-во книжного склада «Глиноведение», 1905. 18 с.
- Инчик В.В., Царенко А.А.* Особенности ручного производства кирпича в Санкт-Петербургской губернии в XVIII веке // Вестник гражданских инженеров. Строительные материалы и изделия. 2019. № 4 (75). С. 88–94.
- Котошихин Г.К.* О России в царствование Алексея Михайловича / Подг., комм. и указ. проф. Г.А. Леонтьевой. М.: РОССПЭН, 2000. 272 с.
- Кусова И.Г., Филиппов Д.Ю.* Переяславль Рязанский XVII–XVIII вв.: планировочная структура, застройка, социальная топография // Материалы по археологии Переяславля Рязанского. Вып. 1. Рязань: Изд-во РИАМЗ, 2011. С. 14–52.
- Рошефор Н.И.* Иллюстрированное урочное положение. Пг.: Риккер, 1916. 694 с.
- Рязань. Материалы для истории города XVI–XVIII столетий. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1884. 158 с.
- Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Рязанская область. Ч. 1 / Отв. ред. В.И. Колесникова. М.: Индрик, 2012. 880 с.
- Сметный список Переяславля Рязанского 1690 г. // Труды Рязанской ученой архивной комиссии. Т. 10. Вып. 2. Рязань: Типо-литография Н.Д. Малашкина, 1895. С. 182–206.

I.Yu. Strikalov

BRICK KILNS OF PEREYASLAVL RYAZANSKY AND OLD RYAZAN IN THE 18TH CENTURY

Abstract: The article publishes the finds of two manufacturing complexes - kilns for the production of bricks of the 18th century. Comparative analysis of design and sizes of the structures, the context of the history of brick production in Pereyaslavl Ryzansky and the province in the 17th–18th centuries allows us to expand understanding of this craft and its development trends in the specified period.

Keywords: Pereyaslavl Ryzansky, brick production, 18th century.

КЕРАМИЧЕСКИЕ ТРУБЫ ТЕПЛОВОГО ОТОПЛЕНИЯ СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА: У ИСТОКОВ ГОНЧАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА ОБИТЕЛИ¹

Аннотация: Керамические трубы теплового отопления – неизученная категория архитектурной керамики Соловецкого монастыря XIX столетия. Статья вводит в научный оборот 17 находок монастырского производства из Святительского корпуса. Автор датирует их 1847 г. на основании документа о реконструкции здания в это время.

Ключевые слова: гончарная мастерская, калориферная печь, керамические трубы, Святительский корпус, Соловецкий монастырь.

Красноглиняные керамические трубы теплового отопления – неизученная категория архитектурной керамики Соловецкого монастыря XIX столетия. Найти сведения о них в соловецких письменных источниках пока не удалось. Поэтому большой интерес вызвала коллекция данных труб, собранная в ходе ремонтно-реставрационных работ в Святительском корпусе.

В мае 2011 г. в южном подвале здания напротив древней передней кельи № 49 в слое засыпки конца XIX – XX вв. рабочими ООО «Палата» были обнаружены остатки калориферной печи². В ее разрезе наблюдалось не менее трех ярусов горизонтальных кирпичных топочных каналов, по пять каналов в каждом ярусе (рис. 1). Боковые стенки каналов состояли из кирпичей, поставленных ложком на края постели нижнего кирпича и накрытых зеркально верхним кирпичом. Сечение каналов было квадратное размером в полкирпича. В узких промежутках шириной менее 15 см между горизонтальными топочными каналами в слое светлой глины были вмонтированы вертикально поставленные удлиненные керамические трубы – поставщики гретого воздуха. Они были насажены друг на друга и являлись коленами больших каналов. Руководитель ремонтно-реставрационных работ архитектор-реставратор В.В. Сошин отложил семь труб хорошей сохранности отдельно для передачи в Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник³ (рис. 2).

¹ Работа выполнена в рамках плановой темы НИОТКР 122011200385-1.

² О топографии и нумерации древних келий см.: Буров В.А. История келейной застройки Соловецкого монастыря XV–XIX веков. Архангельск, 2011.

³ Судьба прочих малых труб неизвестна. В июле того же 2011 года печь была разобрана полностью, т.к. по проекту подвал предназначался для нужд монастыря.

Рис. 1. Остатки калориферной печи воздушного отопления в подвале южного помещения Святительского корпуса напротив бывшей кельи № 49. Обнаружены рабочими ООО «Палата» в мае 2011 г. Глиняные трубы установлены вертикально между пятью горизонтальными каналами, сложенными из кирпича. Фото В.А. Букова. 18 июня 2011 г.

В том же году выяснилось, как гретый воздух поступал в бывшую келью № 49. В ее южной стене со стороны коридора был выявлен вырубленный канал, в котором в слое глины размещались поставленные друг на друга красноглиняные четыре трубы большого диаметра. Они частично заняли древний оконный проем и подходили к специальному верхнему отверстию-душнику, обращенному внутрь кельи (рис. 3). Другой внутрстенный канал с вмонтированными в глину аналогичными шестью трубами годом раньше архитектор-реставратор А.Е. Жданов раскрыл в южной стене соседней кельи № 50. По нему гретый воздух подавался на второй этаж.

Данная конструкция типична для того времени: «Для проведения нагретого в камне воздуха в отопляемые пространства оставляются в стенах, во время кладки их, каналы или борозды, в которые вставляются гончарные, внутри глазурованные, трубы и заделываются с лица кирпичом»⁴.

Оба набора больших труб в количестве 10 экз., частично покрытых слоем глины, поступили в музей (рис. 4). Обработку всей коллекции из 17 труб теплового отопления с целью подготовки их для передачи в фонды главный хранитель Н.В. Веселовская поручила мне. Согласно составленной описи-каталогу⁵, трубы из

⁴ *Связев И.И.* Теоретические основания печного искусства в применении к устройству разных нагревателей: к отоплению и вентиляции зданий. СПб., 1867. С. 174.

⁵ *Буров В.А.* Коллекции Соловецкой средневековой археологической экспедиции: сборы 2010–2011 гг. // Соловецкий сборник. Вып. 8. Архангельск, 2012. С. 191–192.

Рис. 2. Семь образцов красноглиняных печных труб калориферного отопления от печи в подвале Святительского корпуса

печи получили № 1–7, внутристенным трубам из кельи № 49 были сообщены № 8–11, из кельи № 50 – № 12–17.

Как печные, так и внутристенные трубы красноглиняные, выполнены в жгутовой технике с вытягиванием формы и заглаживанием поверхности на гончарном круге. На внутренней поверхности имеются рифления (рис. 5). Обжиг равномерный. Тесто труб № 1–7 без видимых примесей, глина труб № 8–17 содержит добавление песчинок кварцевого песка. Внутристенные трубы № 8–17 изнутри покрыты темно-коричневой глазурью. Их наружная поверхность слегка бугристая. Печные и внутристенные изделия отличаются по форме. Первые – вытянутые цилиндры, вторые – бочонковидные.

Все трубы кустарного производства, нестандартные, неровные (рис. 6). Не выдерживается круг в сечении. Нет ни одного одинакового параметра (табл. 1). Гончар выдерживал только общие, близкие размеры. Высота труб в печи и внутри стен при-

Рис. 3. Соловецкий монастырь, Святительский корпус. Южная стена помещения больничной палаты с калориферным отоплением. Перестроена в 1847 г. из передней братской кельи № 49 начала XVII в. Вид с севера на раскрытое архитектором-реставратором В.В. Сошиным (ООО «Палата») древнее окно и внутристенный вертикальный канал, сложенный из красноглиняных труб. Гретье́й воздух подавался в помеще́ние через специальное верхнее отверстие-душник в стене. Фото В.А. Бу́рова. 18 июня 2011 г. Компьютерная склейка панорамы Н.Н. Скворцова

мерно одинаковая. Она колеблется для труб № 1–7 в пределах 32,9–42,4 см, для труб № 8–17 – в пределах 35,0–41,8 см. Трубы № 1–7 заметно тоньше (0,6–1,9 см), № 8–17 толще (1,0–3,6 см), что связано с массой и диаметром. Внешний нижний диаметр труб в печах – в пределах 9,7–12,9 см, внутристенных труб – 30,8–34,0 см. Внешний верхний диаметр печных труб – 9,1–10,6 см, внутристенных труб – 28,0–34,5 см. Трубы имеют стыковочные узлы.

При насадке труб друг на друга их специально подбирали. Наличие щелей на стыках не имело особого значения, поскольку снаружи их плотно закрывали глиной. Глиной замуровывали и сами каналы, составленные из труб.

Очистка внутристенных труб от глины привела к неожиданному открытию: данные трубы оказались изготовлены гончаром в монастыре. На внешней поверхности основания двух предметов были выявлены клейма невысокого рельефа (трубы № 8 и № 17). Внутри прямоугольных рамок 1,6 × 3,7 см и 1,9 × 3,6 см размещены заглавные буквы «СМ» (рис. 7).

Рис. 4. Коллекция красноглиняных внутристенных труб калориферного отопления из Святительского корпуса. Трубы № 8–17. Экспресс-выставка в отделе археологических исследований Соловецкого музея-заповедника перед их сдачей в фонды. Ноябрь 2011 г.

Рис. 5. Вид трубы № 8 внутри. Стенки неровные (техника спиральной лепки из жгутов с подправкой на гончарном круге), заглажены и покрыты тонким слоем бежевой поливы

Возведение специальной духовой печи в подвале здания, прокладка в старых келейных стенах специальных каналов под трубы – такое могло состояться при капитальном ремонте. По документам он должен быть отнесен к 1847 г., чему не противоречит тип конструкции калориферного отопления, описанный И.И. Свиязовым в работе 1867 г. (Цитата из его труда приведена выше.)

Важно отметить, что тепловой обогрев предназначался только для келий № 49 и № 50. В других помещениях труб не оказалось, что указывает на особое назначение

Таблица 1. Параметры красноглиняных керамических труб от калориферных печей и внутристенных каналов-воздуховодов Соловецкого монастыря

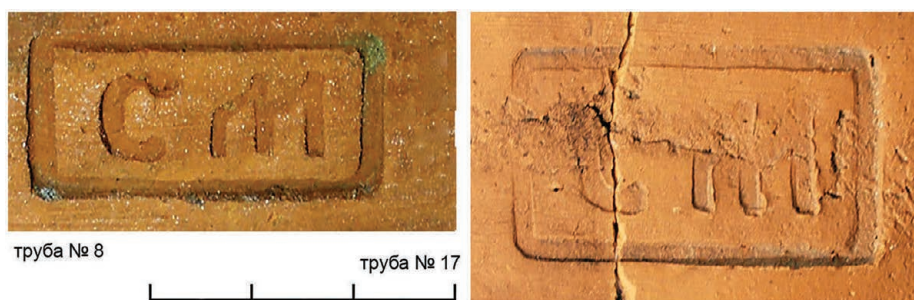
№ по каталогу	Высота, см	Толщина, см	Нижний диаметр, см		Верхний диаметр, см	
			Внешний	Внутренний	Внешний	Внутренний
Трубы печные						
1	42,4	0,6–1,5	10,5–11,7	8,8–9,2	9,1–9,5	7,9–8,2
2	36,8	0,8–1,5	11,7–12,3	9,0–10,0	10,5	8,9
3	32,9	0,8–1,1	12,1–12,9	10,0–11,2	10,6	9,6–9,8
4	37,8	0,7–1,3	10,6–11,2	8,2–9,4	10,0	9,0
5	35,2	0,7–1,8	9,7–10,9	6,6–8,0	8,8	6,6–6,8
6	40,1	0,9–1,9	10,7–11,6	7,2–9,8	10,0–10,2	9,0–9,4
7	39,8	0,9–1,6	10,3–11,7	8,3–9,0	9,8	7,7
Трубы внутристенные						
8	39	1,1–3,0	32,3–32,5	29,3–29,4	28,5–29,5	26,4–26,5
9	41,7	1,3–3,0	33,6–34,0	30,6–31,0	28,0–28,5	26,5–27
10	41,3–41,8	1,3–3,6	34,0	31,4–31,8	28,3–29,0	26,8
11	37,5–37,8	1,1–3,0	32,4–32,8	29,4–29,8	29,5–29,8	26,5–27,0
12	37,0	1,0–3,0	30,8–32,4	28,3–29,4	28–29,5	25,3–26,4
13	38,2–38,5	1,1–3,0	36,5–37,0	33,5–34,0	33–34,5	30,5–31,6
14	38,5	1,0–3,0	36,0–36,8	33,0–33,8	[35,0]	29,5–30,7
15	38,1	1,1–2,5	36,0	33,5	33,7	30,8
16	35,0	1,1–3,2	33,0	29,8	29,5	26,2
17	39,2	1,0–3,0	[32,0]	–	[30,0]	–

этих двух помещений Святительского корпуса. Ситуацию проясняет письмо архимандрита Димитрия в Синод от 2 ноября 1847 г., в котором он сообщал о постройке двух корпусов в южной линии келейной застройки. Архимандрит Димитрий сослался на гнилость крыши и необходимость расширения прежней больницы, что была при Филипповской церкви: «В сих новых корпусах расположено 18 келий да больница в одной общей зале на 10 кроватей, для престарелой и немощной братии, требующей бдительного присмотра и обихода, а при больнице особая для них трапеза. Над этой больницей во 2-м этаже расположена ризничья швальня, против которой три покоя для житья ризничьему. В нижнем этаже напротив помянутой больницы келии для двух духовников. Все сие означено на плане, которой честь имею представить при сем Святейшему Синоду в благоусмотрение, и донести, что оное строение произведено с соблюдением хозяйства, из своего кирпича, выделяваемого на кирпичном заводе; бутовой камень свой же, имеющийся в избытке, равной и необходимой лес и прочия материалы из имеющегося запаса, ежегодно заготавливаемого»⁶. Вместе с этим письмом в Синод были направлены план здания и ведомость обо всех работах, проведенных на Соловках. В ведомости говорилось: «Выстроен вновь на монастыре

⁶ Дело о предоставлении в Синод плана двух новых каменных корпусов. 1847 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 128. Д. 1826.

Рис. 6. Трубы калориферного отопления № 8–17 из Святительского корпуса Соловецкого монастыря, выявленные при ремонтно-реставрационных работах архитекторами-реставраторами В.В. Сошиным и А.Е. Ждановым в 2010 г. (№ 12–17) и 2011 г. (№ 8–11).
Трубы были вмурованы в южные стены бывших келий № 50 и № 49

Рис. 7. Клеймо «СМ» – Соловецкого монастыря в нижней части труб.
Размеры рамок: 1,6 × 3,7 см (труба № 8) и 1,9 × 3,6 см (труба № 17). Увеличено

каменный трехэтажный корпус с 22 кельями для помещения братии, где также особо будут помещаться труднобольные из братии с прислугою к ним, длиною 24 сажени, а шириною 4 сажени»⁷. Таким образом, бывшие передние кельи № 49 и № 50 были дополнительно отведены при расширении больницы, находившейся к западу от церкви Святителя Филиппа Митрополита постройки 1799–1800 гг.

Значение данных находок 1847 г. несомненно. Мы становимся обладателями первого материального свидетельства начала функционирования на Соловках гончарного мастера, а, возможно, и самой мастерской. О точном времени основания соловецкого гончарного промысла, выпускавшего массово посуду, данных нет⁸. Обобщенно называется вторая половина XIX столетия⁹. Если это так, то появление на Соловках одного из первых гончаров было вызвано вовсе не потребностью в посуде, а в изготовлении труб теплового отопления.

Время упразднения калорифера в указанных помещениях неизвестно. Не поможет нам и план Святительского корпуса 1880-х гг.¹⁰ На первом этаже в помещениях больницы, примыкающей непосредственно к Филипповской церкви, обычные печи не показаны, что соответствует сообщению о том, что храм «отапливается одною духовою печью вместе с кельями престарелых старцев обеих этажах, устроенною в 1880 году»¹¹. Однако в западном отделении больницы на месте древних келий № 49 и № 50, перестроенных в 1847 г., печи стоят во всех комнатах. Но противоречия здесь нет. В середине XIX в. калориферное отопление применяли в сочетании с обычны-

⁷ Дело о починках и постройках в Соловецком монастыре. 1847 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 128. Д. 1835. Л. 2.

⁸ В беглом обзоре соловецких промыслов и производств Ю.М. Критский без каких-либо ссылок на архивные источники написал, что «до конца XVIII в. монастырские гончары не имели специального помещения, оно выстроено в 1799 г. на берегу Святого озера» (*Критский Ю.М.* Промыслы и ремесла северного крестьянства и Соловецкого монастыря XV–XX вв. // *Соловецкий сборник*. Вып. 3. Архангельск, 2006. С. 232).

⁹ Волкова Е.В. Соловецкий гончарный промысел // *Наследие Соловецкого монастыря в музеях Архангельской области: Каталог* / Сост. Т.М. Кольцова. М., 2006. С. 213–232.

¹⁰ Буров В.А. История келейной застройки... С. 211. Илл. 5.

¹¹ Мелетий, архим. Историческое описание первоклассного ставропигиального Соловецкого монастыря. М., 1881. С. 65.

ми печами, особенно зимой в старых зданиях, «употребив дымовые трубы для вентиляции. Когда нужно было ее усилить или в большие морозы помочь калориферам и поддерживать температуру комнат в потребной степени, тогда печи протапливали по мере надобности»¹².

Список литературы

- Буров В.А.* История келейной застройки Соловецкого монастыря XV–XIX веков. Архангельск: ИА РАН, Соловецкий гос. ист.-архит. музей-заповедник, 2011. 490 с.
- Буров В.А.* Коллекции Соловецкой средневековой археологической экспедиции: сборы 2010–2011 гг. // Соловецкий сборник. Вып. 8. Архангельск: Правда Севера, 2012. С. 185–192.
- Волкова Е.В.* Соловецкий гончарный промысел // Наследие Соловецкого монастыря в музеях Архангельской области: Каталог. М.: СканРус, 2006. С. 213–232.
- Критский Ю.М.* Промыслы и ремесла северного крестьянства и Соловецкого монастыря XV–XX вв. // Соловецкий сборник. Вып. 3. Архангельск: Правда Севера, 2006. С. 218–255.
- Мелетий, архим.* Историческое описание первоклассного ставропигиального Соловецкого монастыря. М.: Тип. Н.М. Лаврова и К., 1881. [4], 312 с.; 24.
- Свиязев И.И.* Теоретические основания печного искусства в применении к устройству разных нагревателей: к отоплению и вентиляции зданий. СПб.: Тип. В. Безобразова и Ко., 1867. [2], IV, VIII, 235 с.; 4 л. черт.

V.A. Burov

CERAMIC PIPES OF HEATING SYSTEM IN THE SOLOVETSKY MONASTERY IN THE MIDDLE OF THE 19TH CENTURY: AT THE ORIGINS OF THE POTTERY PRODUCTION IN THE MONASTERY

Abstract: Ceramic heating pipes are an unexplored category of architectural ceramics of the Solovetsky Monastery of the 19th century. The article introduces 17 finds from the Saints' building into scientific discourse. The author dates them to 1847 on the basis of a document on the reconstruction of the building at that time.

Keywords: Pottery workshop, calorific stove, ceramic pipes, the Saints' building, the Solovetsky Monastery.

---

¹² *Свиязев И.И.* Теоретические основания печного искусства... С. 197.

**ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ВАЛУННЫЕ КЕНОТАФЫ:
К ВОПРОСУ О РАЗНОВИДНОСТЯХ
ПРАВОСЛАВНОГО ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА
В ВОСТОЧНОЙ ФЕННОСКАНДИИ¹**

«... да наглая смерть не похитит мя неготоваго...»

Аннотация: Статья посвящена малоизученной погребальной практике православных общин Беломорья и Русской Лапландии при ситуации отсутствия тела. Изучение валунных сооружений Русского Севера находится на начальном этапе. Археологи, как правило, осуществляют только первичную фиксацию объектов, но и проведение раскопок не всегда позволяет четко определить назначение каменных куч. На основе опыта работы с такими объектами в Карелии и на Кольском п-ве можно утверждать, что они не предназначались для хозяйственных целей. Ряд общих признаков позволяет отнести данные сооружения к группе памятников, связанных с православной погребальной традицией. Предположительно они были наземными кенотафами для утонувших – «домиком» для души при отсутствии тела. Распространение традиции их создания можно ограничить ареалом культуры русских и карел Поморья европейского Севера.

Ключевые слова: Русская Лапландия, Западное Беломорье, православный погребальный обряд, валунные кенотафы, «нечистые» покойники, позднее Средневековье.

Территория нашего исследования – это Восточная Фенноскандия, включающая Русскую Лапландию, Северную Карелию и Западное Беломорье, зона исторического проживания саами, карелов и поморов. При значительных отличиях в менталитетах, способах хозяйствования и жизненных укладах эти этносы объединяет многовековая принадлежность к Православию.

Погребальный обряд как отражение основополагающих мировоззренческих положений формирует наше представление о духовной жизни народа. На первый взгляд, православная погребальная традиция «проста и консервативна». Но это формальное восприятие важной области культуры, где смыкаются интересы истории, археологии и этнографии.

Данная работа посвящена малоизученной православной погребальной практике – способу «проводов» умершего человека в потусторонний мир при отсутствии тела. Источниковая база для исследования – это экспедиционные работы автора в Северной

---

¹ Исследование выполнено в рамках госзадания по теме НИР FMEZ-2022-0028 «Социокультурное и научно-техническое развитие северо-западной части Арктической зоны РФ в XIX–XXI вв.: исторический и антропологический ракурсы».

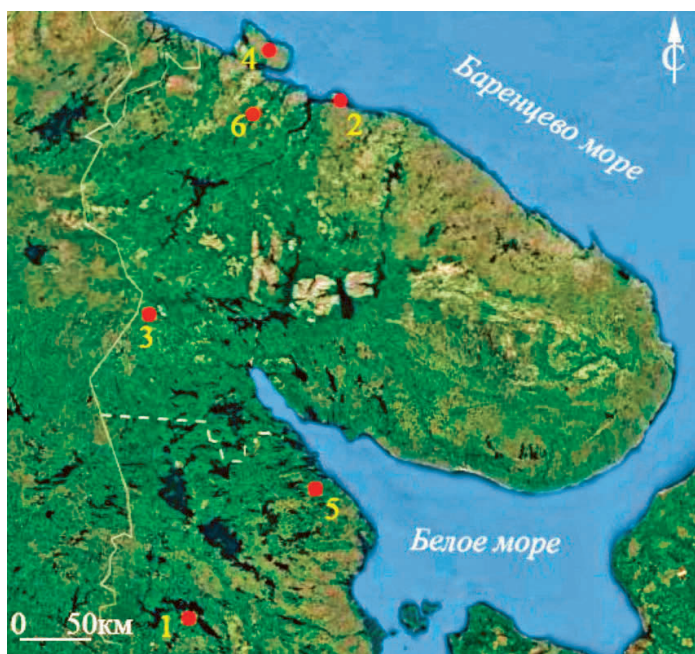

Рис. 1. Местонахождение валунных объектов. 1 – Каклолакши I; 2 – Чёрный I; 3 – озеро Окунёвое; 4 – река Майка; 5 – озеро Боярское; 6 – река Ура

Карелии и Русской Лапландии в последние два десятилетия. В процессе полевого сбора информации по теме «Валунные объекты Восточной Финноскандии» были зафиксированы три интересных, морфологически сходных памятника – группы «каменных сложений неизвестного назначения». Неординарность и дискуссионность этих объектов требует планомерного и подробного их изучения, введения в научный оборот и расширенной интерпретации, что и стало целью данной публикации (рис. 1).

Описание объектов

1. В 2019 г. на южном берегу озера Среднее Куйто (Калевальский р-н Республики Карелия), на оконечности восточного мыса, при входе в залив Каклолакши обследован комплекс из девяти валунных «куч» Каклолакши I. На противоположном западном берегу ранее располагалась одноимённая деревня. Мыс широкий, ощутимо повышающийся к востоку, где начинается каменистый, поросший сосняком ледниковый оз. Уровень воды в системе озёр Куйто во второй половине XX в. был поднят на 1,5–2 м, что привело к сильному размыву песчаных участков береговой линии. Валунные сложения располагаются компактной группой (20×10 м) на западном склоне окончания каменистого оза, на высоте 8–10 м над современным уровнем озера, и одна каменная «куча» находится в 13 м к западу, на нижней песчаной площадке, на краю крутого обрыва (рис. 2).

«Кучи» сложены аккуратно из среднего размера окатанных камней с пляжа, преимущественно диаметром 0,25–0,3 м и более. Камни покрыты лишайниками, сложе-

Рис. 2. Озеро Среднее Куйто. Каклолакши I. Валунное сложение 6

ния не задернованы. В плане они вытянутой подпрямоугольной или овальной формы, размерами $2-1,3 \times 2,2-1,7$ м (5 шт.) и $1,3-1 \times 1,5-1,2$ м (4 шт.), высотой 0,7–0,9 м, с ориентацией по длинной оси запад – восток. Нижний ряд выложен из более крупных камней, с помещением меньших в центре сложения. В четырёх случаях боковые стенки вертикальные, у двух – верхняя поверхность плоская, два – пирамидальной формы. Выемки в верхней части для установки чего-либо и следы от воздействия огня на камнях отсутствуют. Возможно, сложения имитируют двускатный надмогильный холмик. В 0,1 км к юго-востоку, на песчаной террасе мыса, находится заброшенное деревенское кладбище с несохранившимися деревянными конструкциями.

2. В 2017 г. на южном берегу острова Кильдин (Кольский р-н Мурманской обл.), в 2,5 км к северо-западу от поселка Восточный Кильдин, в прибрежной зоне найдена группа валунных сложений – Чёрный I. Остров Кильдин располагается в 17 км к востоку от входа в Кольский залив Баренцева моря. От материка его отделяет пролив шириной в самом узком месте 0,8 км. В настоящее время на острове и прилегающем участке материкового побережья известно более 70 разновременных памятников археологии. Они находятся на первой и второй морских террасах, на высоте от 4–5 до 20 м над уровнем моря.

Залив Могильный в юго-восточной части острова перспективен для поиска существовавших здесь саамских и поморских поселений XVI–XIX вв. Голландские путешественники в конце XVI в. описывают находившееся здесь большое промысловое сезонное становище «московитов и лопарей», которое в XVII–XVIII вв. сменили фактории Печенгского и Соловецкого монастырей. Около ручья Чёрный на исторических картах никакие объекты не отмечены.

Рис. 3. Остров Кильдин. Чёрный I. Валунное сложение 14

Пятнадцать найденных в 2017 г. сложений располагаются компактной группой (100 × 30 м) на прибрежном участке южного берега острова, в 0,2 км к западу от ручья. Поверхность берега около моря имеет ощутимый наклон в сторону моря, частично поросла кустарником, задернована, есть небольшие скальные выходы. Грунт – крупнозернистый песок (рис. 3).

Валунные сложения находятся недалеко от воды – в 7–15 м, на высоте 2–4 м над уровнем моря в период прилива, недалеко друг от друга (расстояние между кладками – 5–12 м). Для строительства использовались необработанные валуны среднего размера (0,25–0,4 м), взятые с каменистого пляжа. Небольшое число сооружений частично заросло дерном, камни покрыты лишайниками. У самого нижнего сложения растительность на камнях отсутствует, что можно объяснить близостью к морю.

Перечислим основные конструкционные признаки сложений. Окружный в плане контур имеют только три объекта, у остальных – прямоугольная форма. Строители выкладывали прямые углы, оформляя их крупными камнями (до 0,45 м), выдерживали вертикальность внешних стенок, высотой до 0,4–0,45 м, складывая их из более крупных валунов, уложенных в два – три ряда. В центр конструкции помещались более мелкие камни (0,25–0,3 м). У шести сложений верхняя плоскость аккуратно сделана ровной. Пять кладок «пристроены» с востока к большим, вросшим в землю валунам. Направление длинной оси объектов – параллельно берегу моря – запад – восток. В одном случае на верхней плоскости объекта сложена кучка небольших камней, высотой 0,3 м.

В 2,7 км к востоку от места наших работ, в юго-восточной части острова, на оз. Могильное, в 2005 г. зафиксированы три выкладки из крупных валунов (Могильное 1). Они находятся на удалении друг от друга на морской террасе, на высоте 10–13 м над уровнем моря. Одна кладка имеет прямоугольную форму (8 × 2,5 м),

две – округлой формы (диаметром 2,5 и 3 м), с провалами в центре (основания крестов?). Также три больших округлых каменных выкладки (диаметр 8–9 м, высота 1,2 м) найдены в 2005 г. на мысу в 0,5 км к западу от ручья Гусиный на противоположном, южном берегу Кильдинского пролива².

3. В пограничной полосе Ковдорского р-на Мурманской обл., в 10 км к востоку от государственной границы, на высоком северо-восточном берегу небольшого верхового озера Окунёвое в 1990-е гг. местными жителями открыта интересная группа валунных сложений, получившая у краеведов название «кладки шаманского комплекса». В 2012 г. памятник обследовался комплексной экспедицией Национального музея Республики Карелия³.

Комплекс состоит из трех обособленных групп валунных сложений.

Группа 1 – это девять каменных сооружений, разбросанных на площади 50 × 40 м, в 70 м от озера, на высоте 2–6 м над уровнем воды. Кладки имеют разную величину (самая большая – 2,3 × 1,8 × 0,9 м), все в плане четкой прямоугольной формы. Собранные поблизости камни укладывались в два ряда, с помещением вниз более крупных валунов (max 0,35 × 0,3 × 0,3 м). У четырех объектов углы «оформлены» установкой «угловых» камней и укладкой в центре плоских плит.

Группа 2 занимает поросшую редким мелким сосняком ровную площадку на вершине холма, в 390 м от озера. Семь единообразных валунных сложений ориентированы приблизительно одинаково – север – юг. Они стоят на удалении в 6–7 м друг от друга, занимая участок 35 × 20 м. В северной части группы между сложениями находится крупный валун с ровной верхней плоскостью (1 × 1 × 0,75 м) (рис. 4).

Все сложения в плане имеют четкую прямоугольную форму с прямыми, вертикальными стенками и плоским верхом. Усреднённая высота сооружений – 0,9 м. Укладка камней произведена тщательно, с «выведением» ровных углов у конструкции. По углам установлены камни – «декоративные навершия», которые придают сложениям законченный вид. Размеры использованных камней – max 0,65 × 0,25 × 0,3 м и min 0,2 × 0,1 × 0,13 м. Следы воздействия огня на них отсутствуют. Центральное заполнение «ящиков» – бессистемно наваленные камни. Размеры «внутренних камер» различаются: от 0,6 × 0,4 до 1,2 × 0,6 м. Нижний ряд камней («основание») состоит из крупных валунов, положенных на грунт без древесных подкладок. Материал для постройки брался из-под мха, рядом с конструкциями. По окружности, на удалении в 2–7 м от кладок, хорошо заметны задернованные лунки от извлечённых камней.

Группа 3 – два «каменных ящика» (1,4 × 1,3 × 0,8 и 2,2 × 1,5 × 0,45 м), в плане также прямоугольной формы, и одно разрушенное сложение – находится в 70 м к юго-востоку ниже по склону от группы 2.

Несмотря на «хрупкость» конструкций, сохранность большинства объектов хорошая. Из девятнадцати кладок одна в «нижнем» скоплении и одна в «верхнем» были разобраны в 1990-е гг. «любопытными кладоискателями», но другие остались в

² Шумкин В.Я., Мурашкин А.И., Колпаков Е.М. Археологические памятники о. Кильдин и прилегающего побережья Кольского п-ова // Первобытная и средневековая культура Европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции. Соловки, 2006. С. 109.

³ Шахнович М.М., Кулёкова М.А. Опыт археологического изучения валунных сложений Восточной Фенноскандии: «Ковдорские платформы» // Тверской археологический сборник. Вып. 10. Т. II. Тверь, 2015. С. 245–255.

Рис. 4. Озеро Окунёвое. Группа 2. Валунное сложение 2

неприкосновенности. Три сложения в «верхних» группах частично осыпались, скорее всего, вследствие естественных процессов.

При наличии общих сходных черт – правильная прямоугольная в плане форма, «выведение» стен и углов, использование крупных валунов в основании, «засыпка» центральной части более мелкими и плоскими камнями – нельзя утверждать, что все каменные сложения на озере Окунёвое идентичны. Конструкции групп 2 и 3 отличаются от валунных сооружений на нижних уровнях склона более значительной высотой, достигающей до 0,9 м и делающей их сходными с «каменными ящиками».

При отсутствии находок подробное описание наземной конструкции становится основным источником для поиска аналогий. С этой целью в группе 1 частично (без снятия внешнего контура сооружения), в границах небольшого раскопа (5 м²), была разобрана одна из кладок. Она располагается на ровной, с небольшим наклоном к западу, каменистой площадке, поросшей мелким сосняком. Рядом с ней, на удалении в 4–5 м, находятся ещё два сложения поменьше. Вскрытая кладка четырехугольной формы, с небольшим сужением к западу, размерами 1,8–1,6 × 2,2 м ориентирована длинной осью по линии запад – восток, т.е. по направлению к озеру. Из двух рядов крупных валунов (0,5–0,7 × 0,35–0,45 м) сложены небольшие «стенки» высотой 0,35–0,52 м. Целенаправленно «подчёркнуты» прямые углы конструкции. Западная стенка ниже «верхней», восточной, на 0,14–0,15 м. В центре в два ряда уложены плашмя плоские и мелкие камни. Нижние из них уходят в естественный слой почвы на 0,05–0,07 м. Размеры внутреннего пространства – 1,5–1,6 × 0,98–1,2 м. На камнях следы обработки отсутствуют (рис. 5).

После удаления в центре конструкции камней и верхнего слоя почвы на глубину 0,2 м прослежена следующая стратиграфия: погребённый под камнями дёрн – 0,01 м,

Рис. 5. Озеро Окунёвое. Группа 1. Валунное сложение 4

тёмно-серый подзол – 0,03–0,04 м, тёмно-жёлтый песок – 0,13 м, жёлтый песок, что идентично стратиграфической колонке за пределами кладки.

Раскопки позволили восстановить конструктивные особенности кладки и процесс её строительства. Она делалась в бесснежный период несколькими людьми. Сначала создавались стенки конструкции – два ряда камней на высоту до 0,5 м. Затем центральная часть заполнялась каменной «засыпкой». Следы углубления в почву и остатки деревянных конструкций отсутствуют.

На участке раскопанной кладки были проведены геохимические исследования⁴. Образцы отбирались из верхнего слоя почвы внутри и снаружи каменного сложения. Химический состав отложений определялся методом рентгено-спектрального флуоресцентного анализа. Полученные данные проанализированы методами математической статистики. Факторный анализ позволил обнаружить группу элементов – индикаторов антропогенной деятельности на памятнике, что дало возможность выявить соотношение между компонентами, связанными с человеческой активностью, и остальными элементами.

Сравнение концентраций набора геохимических индикаторов антропогенной деятельности (фосфор, кальций, рубидий, стронций, калий) в образцах внутри сложения со значениями содержаний в фоновых образцах показывает, что они практически одинаковы. Это свидетельствует о том, что под камнями отсутствовало погребение и сооружение не имело хозяйственного назначения.

⁴ Обработка анализов проведена в лаборатории Геохимии окружающей среды Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена к.г.-м.н. М.А. Кульковой.

Обсуждение

Перечень памятников в Восточной Финноскандии, подобных вышеописанным, можно расширить. Например, включить в него группу каменных сложений на реке Ура около п. Килпъявр (Кольский р-н Мурманской обл.). Семь каменных кладок ($1 \times 1,7 \times 0,6$ – $1,2$ м) располагаются двумя рядами по линии запад – восток на удалении 3–14 м друг от друга и, вероятно, представляют собой единый комплекс. Они в плане квадратной, треугольной, трапецевидной формы, сделаны из крупных валунов с укладкой более мелких камней в центре конструкций. Одно сооружение увенчано вертикально установленным камнем. При их осмотре находки не найдены. Памятник предположительно определен как погребальный или культовый⁵. Раскопки подобного сооружения в бассейне р. Дроздовка на восточном побережье Кольского п-ова в 1985 г. не дали дополнительной информации.

В 2020 г. на северном берегу реки Западная Майка (Печенгский р-н Мурманской обл.), в 2,5 км от моря открыта группа из 25 каменных сложений, идентичных «верхним» выкладкам около г. Ковдор⁶. В 2019 г. огромный комплекс из двухсот кладок предварительно обследовался М.М. Шахновичем около озера Боярское в Лоухском р-не Республики Карелия (рис. 6). При раскопках в 2007 г. сельского могильника XVII–XVIII вв. в д. Алозеро (Калевальский р-н Республики Карелия) на его территории были отмечены три небольшие каменные кучи, топографически не соотносившиеся с конкретными могилами⁷.

Тема «валунных сложений неясного назначения» на Северо-Западе России с некоторой периодичностью поднимается среди российских специалистов. При отсутствии находок их обычно интерпретируют как разновременные надмогильные, жертвенные, обрядово-магические и культовые объекты⁸. Для одиночных сложений предлагаются и более прозаичные версии. Например, базовая часть деревянной конструкции памятного или определительного характера («навигационные», «имущественно межевые» знаки, «обетные» и «поклонные» кресты и т. п.), место ритуального или утилитарного помещения частей убитых животных (хранение в холодное время), печки-«каменки» или остатки домниц, места складирования строительного камня и т. п.⁹

Изучение валунных сложений находится на начальном этапе. Археологи, как правило, занимаются только первичной полевой фиксацией объектов. Вместе с тем и проведение раскопок не всегда позволяет четко определить назначение каменных куч. На основе собственного опыта работы с рассмотренными объектами в Карелии и на Кольском п-ве можно утверждать, что они не предназначались для хозяйственных

---

⁵ Кирпичников А.Н., Назаренко В.А., Сакса А.И., Шумкин В.Я. Каменные выкладки Европейского Севера и их истолкование // Древности славян и финно-угров. СПб., 1992. С. 64.

⁶ Информация Анатолия Ерохина (Поисковое Объединение «Север», г. Мурманск).

⁷ Хартанович В.И., Шахнович М.М. Материалы к изучению погребального обряда и краниологии населения Северной Карелии (могильник Алозеро) // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2008 году. СПб., 2009. С. 104–108.

⁸ Кирпичников А.Н., Назаренко В.А., Сакса А.И., Шумкин В.Я. Каменные выкладки Европейского Севера... С. 70–73.

⁹ Шахнович М.М. Валунные насыпи на территории Карелии // Кижский вестник. Вып. 10. Петрозаводск, 2005. С. 272–274.

Рис. 6. Озеро Боярское. Валунное сложение 68

задач. Ряд общих признаков позволяет отнести рассматриваемые нами сооружения к группе памятников, связанных с православной погребальной традицией. Это широтная ориентированность каменных сложений (Каклолакши, Кильдин), общее расположение «за водой», на периферии «освященной земли» кладбищ (Каклолакши), визуальное сходство с надгробными земляными холмиками или деревянными «домиками мертвых»¹⁰. Предположительно, мы рассматриваем их как наземные кенотафы для утонувших – местами упокоения души при отсутствии тела.

По материалам трех представленных в публикации памятников можно предварительно наметить типологическое разделение валунных кенотафов по внешним морфологическим признакам на три условные группы: «могильные холмики», «платформы» и «блоки». Каждая из этих групп имеет свои конструктивные особенности и создавалась по конкретному плану. Разновидовые конструкции располагаются вместе, как, например, на озерах Окунёвое и Боярское. При этом формы, которые можно было бы определить как переходные, гибридные, отсутствуют.

Все же объективно наши знания о валунных сложениях остаются минимальными. Раскопки сооружения озера Окунёвое не выявили следов от тела под кам-

¹⁰ Медведев П.П. Некрокультовые сооружения Беломорского Поморья // Выговская поморская пустынь и её значение в истории России. СПб., 2003. С. 195–210.

нями. Хотя встречается и противоположная ситуация, как, например, на комплексе Ниэмеленхови I в Северном Приладожье, где удалось с помощью геохимического анализа проследить остатки погребения под кучей¹¹. Также нельзя установить и другую информацию: дополняли ли каменные сооружения конструкции из дерева (перекрытия, столбы, «домики мёртвых», ограда и т. п.), проводились ли какие-то ритуальные действия, маркировался ли специальными знаками-символами на деревьях (карсикко) участок их местонахождения¹². Мы не имеем находок, которые позволили бы ответить на вопросы их датирования и культурной принадлежности. Но разбираться с такого рода сооружениями надо, и мы предлагаем рассмотреть нашу гипотезу: «некоторые валунные сложения – это определенный тип православных погребений».

«Заложные покойники»

В основе православного погребального обряда в Средневековье находилось общее представление о разделении усопших на тех, кто умер «своей» или «не своей» смертью, соответственно, на «предков» и «заложных», «чистых» и «нечистых»¹³. Первые закончили земной путь «благой» кончиной, «по-людски», избежав предначертанный век до конца. Они хоронились в соответствии с общей христианской традицией и получали упокоевание в загробном мире. Вторые встретили внезапную, «нужную» смерть «до часу» (скоропостижную или насильственную, не зависящую от воли человека) или наоборот, «после часу», «заеда чужой век», а также «напрасную», связанную с грехом. Для «заложных покойников» существовали ограничения по христианскому погребению и церковному поминовению.

В народных представлениях список «нечистых» покойников, «не изживших своего века», значителен. К ним относились самоубийцы, утонувшие, «опойцы», замёрзшие, заблудившиеся в лесу, умершие при несчастном случае, от ран, от удара молнии, во время эпидемий или от голода, угоревшие, при пожаре, погибшие на войне или от рук разбойников, контактировавшие с «нечистой силой», пьяницы, большие грешники – развратники и убийцы, умершие «в темноте» или без покаяния и соборования, не успевшие завершить важное жизненное дело или скреплённые сильными эмоциональными связями, прерванными смертью (жених – невеста, умершие в период между помолвкой и свадьбой, должники, кормящая мать, любимые супруги или дети). Дополняют перечень дети некрещёные, мёртворождённые, загубленные своими матерями случайно («заспанные») или умышленно, выкидыши, проклятые родителями, женщины, умершие беременными, при родах или в течение сорока дней после них («неочистившиеся»), зачатые, рождённые или умершие во время Святочной или Троицной недели.

---

¹¹ Шахнович М.М., Кулькова М.А., Сони́на А.В. К вопросу о валунных насыпях в Северном Приладожье: опыт комплексного исследования // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Вып. 12. Тверь, 2019. С. 496–509.

¹² Конкка А.П. Карсикко. Деревья-знаки в обрядах и верованиях прибалтийско-финских народов. Петрозаводск, 2013.

¹³ Литературу по теме см., например: Седакова О.А. Материалы к описанию полесского погребального обряда // Полесский этнолингвистический сборник. Л., 1983. С. 247; Толстая С.М. Полесские поверья о ходячих покойниках // Восточнославянский этнолингвистический сборник. Исследования и материалы. М., 2001. С. 151–205; Бон Т.М. Ходячие покойники в жизни восточных славян: «*Magia posthuma*» в Древней Руси и вампиризм в дореволюционной России // Вестник Пермского университета. 2020. Вып. 4 (51). С. 64–77.

В 1548 году принимается постановление о введении общей памяти умершим, которое закрепило поминовение погибших¹⁴. Со временем список «нечистых» покойников постепенно сокращался, и в XVII–XVIII вв. большую часть умерших «неестественной смертью» уже разрешали хоронить на общих кладбищах¹⁵. С XVIII в. Церковь лишала христианского погребения только самоубийц.

«Заложный покойник» может быть не окончательно «чужим», но его неупокоение – присутствие в мире живых – однозначно нежелательно. Умершие посещают живых во сне или наяву, что приводит к смерти или предвещает важные события различного характера. Посмертный срок «хождения» покойника ограничивался «часовой смертью», т.е. временем, когда скоропостижно умерший должен был принять естественную смерть, или прекращается проведением определённых обрядовых действий.

Заложные покойники – это не проявление «народных верований», «языческих представлений», как считают некоторые исследователи. Данная традиция существовала в христианстве Византии, откуда она распространилась, вместе со «столичным вероучением», на земли, заселенные славянскими племенами. Насколько привнесенные постулаты совпадали с существующими языческими воззрениями в загробной сфере, кроме отмеченной этнографами связи «заложных» с бестиарием, – мы не знаем. В России, в ходе изменения официальных церковных правил в XVII–XVIII вв., строгая практика «заложных покойников», которая соблюдалась повсеместно еще в I половине XVII в., была «оттеснена» в сферу «сельской народной культуры».

По народным представлениям, тела «нечистых» остаются нетленными «до времени», земля их не принимает – гроб или тело выходят на поверхность потому, что душа оставалась рядом с телом. Они не отпевались, не поминались в церкви, на могиле не устанавливался крест или голубец, снимался при захоронении и нательный крест¹⁶. «Заложные», однако, не были полностью отторгнуты: они получали пожертвования через общую милостыню и поминались на могиле на неделе перед Троицей или в день Сорока мучеников¹⁷.

Отметим, что понятие «ходячий покойник» нельзя считать оригинальным явлением Русского Севера или ареала долговременного оседлого проживания православных общин. Идентичные представления («walking dead») в различных вариациях существовали повсеместно во всём христианском мире Европы.

¹⁴ «От иноплеменных на бранех и на всех побоищах избиенных, и в плен сведенных, и голодом, и жаждою, и мором, и наготою, и мразом, и всякими нужными смертьми умерших, и во всяких пожарах убиенных и сожженных, скончавшихся и в водах утопших, и всех православных христиан всячески умерших». Цит. по: Дергачёва И.В. Посмертная судьба и «иной мир» в древнерусской книжности. М., 2004. С. 159–160.

¹⁵ «Буде он не убит, не зарезан и не удавлен и не обвесился... утонул купаючись, а не играя и не хваляся, или с дерева убьется или скоропостижною смертью, без отца духовного умер, а не от чужих рук... Кто обесится или зарежется или купаясь и похваляся и играя утонет или вина опыется, или с качели убьется или иную какую смерть сам над собою своими руками учинит или на разбое или на воровстве каком убит будет, и тех умерших тел у церкви Божии не погребать и над ними отпевать не велеть, а велеть их класть в лесу или на поле, кроме кладбища и убогих домов». Правило патриарха Московского Андриана 26 декабря 1697 года. Цит. по: Борисов В.Е. Отношение к людям, умершим неестественной смертью, в XVII–XVIII вв. // Жизнь и смерть в Российской империи: новые источники в области археологии и истории XVIII века. М., 2018. С. 26.

¹⁶ Зеленин Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: умершие неестественной смертью и русалки. М., 1995. С. 91–92.

¹⁷ Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 4. М., 2009. С. 119.

Мировоззренческие установки определяли вид погребального обряда. Погребение «заложных», полностью отличаясь от похорон «дедов», состояло из комплекса превентивных мер по их «обезвреживанию» и должно было препятствовать их возвращению в мир живых¹⁸. В ареале позднеславянского расселения захоронения «нечистых» производились не в узаконенном пространстве освященной земли «родительских» кладбищ около церкви или часовни, а в одиночных или коллективных захоронениях¹⁹: на полях, перекрестках, болотах, оврагах, около дорог, в удаленных лесах, на границе полей и сел, за рвом, под порогом или в подклети домов, на гумне.

Почитание земли как божественной стихии – важная часть мировоззрения славянского и финно-угорского населения Восточной Европы²⁰. Считалось, что ее нельзя осквернять погребением «нечистых» покойников. Нарушение запрета приводило к «гневу земли», т.е. к стихийным бедствиям, таким как «бездожие и студёные ветра» и неурожай, поэтому их захоронения были поверхностными²¹. По археологическим и письменным данным, вокруг тела делались ограда из кольев или бревенчатый сруб в два венца.

Уже в XV в. Церковь считала суеверием такое отношение к погребению умерших «неестественной» смертью, с которым необходимо бороться как с «языческой прелестью»²². Но на Русском Севере еще в начале XX века прослеживались остатки данной традиции: «отсроченные похороны» на общем кладбище, временное хранение тела в не соприкасающемся с землёй «подвешенном» гробе «на кострах» или в открытой неглубокой яме, охранное бдение около временного захоронения, незанесение тела в дом²³.

Несмотря на обширную этнографическую и историческую литературу XIX–XX вв. по погребальной православной обрядности европейской части России, а также подробно зафиксированную и проанализированную похоронную традицию, фактологические сведения об особенностях захоронений «нечистых» покойников до сих пор фрагментарны. В историографии сохраняется восприятие этого «демонологического» раздела славянской и финно-угорской мифологии как легендарного и предметно неуловимого.

---

¹⁸ Зеленин Д.К. Русская этнография. М., 2013. С. 499–503.

¹⁹ Сорокин А.Н. Скудельницы древнего Новгорода (к вопросу об особенностях древнерусского погребального обряда в чрезвычайных ситуациях) // Исторические исследования. 2015. № 3. С. 236–262.

²⁰ Макаров А.И., Мильков В.В. Культ земли в древней Руси (по данным этнографии) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Вып. 1. Псков, 1988. С. 29–30.

²¹ «Телеса утопленных или убиенных и поверженных не сподобляющее я погребанию, но на поле извлеки их, оттыняем колием, и еже беззаконейше и богомерзко есть, яко аще случится в весне студёным ветром вейти... аще увемы некоего утопленого или убитаго неиздавна погребена... раскопаем окаянного и извержем его негде далее и непогребена покинем». Цит. по: Соболев А.Н. Загробный мир по древнерусским представлениям. Сергиев Посад, 1913. С. 142; «Утопленников и удавленников не хоронили на кладбищах. Было убеждение, что если где-нибудь похоронить утопленника или удавленника, то за это весь край постигает бедствие; на этом основании, в старину, народ, приведенный в волнение несчастьем, как например: неурожаем, мором, эпидемией, выгребал мертвецов из могилы». См.: Забылин М.И. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 1990. С. 364.

²² Максим Грек, преподобный. Против безумной и богомерзкой прелести тех, которые утверждают, что по причине погребения утопленника или убитаго бывают вредные для роста земных произведений холода // Сочинения преподобного Максима Грека в русском переводе. Ч. 3. Сергиев Посад, 1910. С. 111–119.

²³ Крашенинникова Ю.А. Похороны «по-репному» (О некоторых фактах похоронно-поминальной обрядности северных русских) // Антропологический форум. № 10. СПб., 2009. С. 299–310.

Все же при археологических работах встречаются одиночные поверхностные погребения «в поле», вне сельских некрополей, могилы без останков или с «оригинальным» положением тела и «нестандартными» сопутствующими предметами, «своеобразные» захоронения младенцев «не по канону». В XX в. в рамках парадигмы «противостояния официального христианства и народного язычества» это объяснялось спецификой местных «языческих» пережитков и локальными особенностями, так называемым «народным православием». Под этим термином понимается некий «симбиоз древних языческих традиций и поверхностных крестьянских представлений о христианском вероучении – «неофициальная» интерпретация ритуалов, священных текстов и персонажей библейской истории. К сожалению, ранее этот вид православной погребальной обрядности редко становился объектом специального археологического исследования, как и весь спектр «демонологических» вопросов, связанных с «потусторонней» областью славянской и финно-угорской мифологий.

При археологических раскопках сельских средневековых могильников фиксируются признаки, которые могут, по нашему мнению, рассматриваться как предупредительные меры против «посмертной активности», совершенные при захоронении очевидного «опасного» умершего или «на всякий случай». Это связанные или посмертно сломанные руки или ноги, перевернутое тело, камни на груди, помещенные в гробовину предметы (железные вещи замыкающего, острого или колющего характера, монеты, хлеб, соль, свечи, специальная освященная одежда, стружки от гроба и т. п.), специальная, непригодная к использованию обувь, уголь и деготь в могильной засыпке, забитые в тело осиновые колышки²⁴. Существовали и археологически не фиксируемые свидетельства «запечатывания» могилы: поливание её водой, осыпание маком и солью, укладка специальных трав, отнесение земли с могилы в церковь и т. д. Если эти действия были нерезультативны и «нечистый» активно мешал, то проводилось ритуальное осквернение могилы, гроба и останков (сжигание, расчленение, выбрасывание в болото)²⁵.

Отметим, что в позднем Средневековье меры по обезвреживанию «мертвецов» с незначительными вариациями были единообразны на огромной территории проживания различных этнических групп Восточной Европы, объединённых единством вероисповедания и торговыми контактами.

«Заливная смерть»

По своим характеристикам православный обряд захоронения «заложных» отличается значительной вариабельностью. Во время наших археологических работ в Восточной Финноскандии удалось проследить несколько различных способов захоронений отдельных групп «нечистых мертвецов». Это некрещёные новорожденные, хо-

²⁴ Толстой Н.И. Перевоорачивание предметов в славянском погребальном обряде // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М., 1990. С. 100–128; Травкин П.Н. Обряд «запирания» в Верхнем Поволжье по археологическим и этнографическим данным // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Вып. 2. Тверь, 1997. С. 59–63; Толстая С.М. Полесские поверья о ходячих покойниках // Восточнославянский этнолингвистический сборник. Исследования и материалы. М., 2001. С. 151–205.

²⁵ Гайдучик В.Н. О чрезвычайных народных средствах «борьбы» с эпидемиями // Таинственная Беларусь III. Минск, 2017. С. 55–75.

ронившиеся вдоль стен и в подклетьях церквей и часовен, а также выкидыши последних сроков беременности, «дозревшие» в специальных местах и уложенные в специальных «пакетиках» из бересты в могилу при погребении матери²⁶. В данной статье остановимся ещё на одной группе «нечистых» – это люди, принявшие смерть в водной стихии.

Утонувший или утопившийся человек однозначно причислялся к «заложным» покойникам. «Нужная кончина» в воде воспринималась мирянами и священнослужителями среди внезапных, «наглых» смертей более «лояльно», как несчастный случай, но с оговоркой, если это не произошло «по озорству». На территории Карелии и Лапландии гибель «мокрою бедою» для мужчин была обыденным явлением, особенно для жителей Поморья – морских зверопромышленников и рыбаков, часто тонущих при кораблекрушении или «относе морском» на льдине.

Место, где произошла трагедия или куда прибывало мертвое тело, считалось в православной традиции сакрально значимым. Там устанавливался памятный крест²⁷ или строилась часовня²⁸, возникал новый характерный антропоним по имени погибшего, если оно было известно, например, «Андропова», или топоним, определяющий статус погибшего анонима («Солдатова губа» и т. п.). В отличие от утонувших на внутренних водоёмах, «взятых морем» находили редко или далеко от места гибели, так как сильные морские течения могли унести их за 150–200 км. В Беломорье труп преимущественно захоранивали на берегу²⁹, где он был обнаружен³⁰. В советский период «своих» утонувших хоронили на обособленном участке, на границе сельского кладбища³¹.

Кенотафы

В настоящее время термин «кенотаф» используется для обозначения разнообразных символических памятных сооружений или знаков без захоронения, созданных с целью мемориализации знаменитых персон, героев, частных лиц – жертв трагиче-

---

²⁶ Хартанович В.И., Шахнович М.М. Материалы к изучению погребального обряда и краниологии населения Северной Карелии (могильник Алозеро) // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2008 году. СПб., 2009. С. 104–108; Шахнович М.М., Ширококов И.Г. Позднесредневековый могильник с. Варзуга: итоги работ 2011–2012 гг. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 27. В. Новгород, 2013. С. 97–114.

²⁷ Соболев А.Н. Загробный мир по древнерусским представлениям. Сергиев Посад, 1913. С. 135–136.

²⁸ «Пристали к острову Полта Корга, который кругом до десяти верст; на берегу сего острова есть деревянная маленькая часовенка; в ней, как сказывают тамошние жители, погребено какой-то утопшей женщины или девицы тело, и над могилой ее поставлена гробница и покрыта тремя шелковыми пеленами, с нашитыми на них серебряными большими крестами». См.: Челищев П.И. Путешествие по Северу России в 1791 году. Дневник П.И. Челищева, изданный под наблюдением Л.Н. Майкова. СПб., 1886. С. 37.

²⁹ В Западном Беломорье, на островах Бережные Лехлуды, Соностров, мысах Кирбей и Пурнаволок, недалеко от поморских тоней в 2003–2004 гг. открыты пять одиночных погребений в «каменных ящиках», ориентированных запад – восток, под невысокими валунными кучами. См.: Косменко М.Г. Принадлежность и функции каменных сооружений в Карельском Поморье // Поволжская археология. 2013. № 1 (3). С. 147.

³⁰ «В становище Титовке Мурманского берега утонули на рыбном промысле вместе с елою четыре монастырских молодых трудников рыбаков. Тело одного из них, Ивана Елисеева, было найдено и погребено монастырскими людьми на морском берегу на месте нахождения его». См.: Ануфриев Д.А. Записки очевидца Д.А. Ануфриева о возобновлении Трифоно-Печенгского монастыря за время с 1890 по 1916 год. Архангельск, 1916. С. 78.

³¹ Конкка А.П. Кладбище в Гридине как выдающийся объект сакральной географии Карельского Поморья // Археология русской смерти. 2016. № 3. С. 68.

ских событий, мест смертельных природных и техногенных катастроф, во многом дублируя понятия «памятник», «мемориал»³². «Размытость» смыслового восприятия термина создает сложность при специализированной работе с данным типом погребальных объектов.

Создание валунных кенотафов – это часть комплекса правил православного погребального обряда в ситуации, когда отсутствует тело для захоронения. Данная традиция связана с заботой о загробном существовании душ умерших, об облегчении их посмертной участи.

Душа – своеобразный двойник человека-христианина, бессмертная субстанция жизни, заключенная в теле («телесная»), навсегда покидающая его в момент смерти и после этого ведущая независимое существование («свободная»). Душа «нечистого» умершего, не получившая пристанища, остаётся между мирами. Особенно опасным считалось, если она задержится и вернется в мертвое тело. Из душ преждевременно умерших, «которых некому помянуть или умерли неизвестно где», возникали демонические существа низшего ранга.

Душам свойственны человеческие потребности, например, в еде, питье, пристанище, и посмертное ее бытование связывалось с местом погребения³³. После посмертных скитаний «неприкаянной» души в течение первых сорока дней после смерти она должна обрести «вечный дом», иначе не попадет «на тот свет»³⁴. Могила, даже символичная, служит укрытием для души, которая может оставлять его, но вынуждена возвращаться обратно. Создание «пристанища» для посмертного пребывания «души непохороненных костей» должно полностью исключить исходящую угрозу от покойного или хотя бы частично купировать его негативное воздействие на «мир живых». При неимении останков отпадает необходимость в создании могильной ямы и гроба – «вечного дома»³⁵.

Кенотаф может с разной степенью точности воспроизводить традиционное захоронение (с отсутствием останков) или только визуально символизировать погребальное сооружение, имитируя набор узнаваемых наземных черт реальных могил. В первом случае точное определение функционального назначения погребения более дискуссионно, т.к. «пустые» захоронения могли образоваться в процессе преднамеренного удаления останков в ходе действий ритуального или вынужденного характера, что практиковалось на «временных» семейных кладбищах в Приграничной Карелии, или при несохранении останков в неблагоприятной среде грунта.

При антропологических раскопках в Беломорской Карелии и на Кольском п-ве встречались «пустые» могилы. Например, Т.В. Лукьянченко описывает, что у саамов реки Поной существовал обычай захоронения гроба без покойника в том случае, когда тела нет (утонул, задран зверем). При этом вся процедура погребения воспроизводилась полностью. Также при раскопках кладбища XIX–XX вв. в Чальмны-Варрэ

³² Соколова А.Д., Юдкина А.Б. Памятные знаки на местах автомобильных аварий // Этнографическое обозрение. 2012. № 2. С. 150–164.

³³ Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 2. М., 1999. С. 162; Русская мифология. Энциклопедия. М., 2005.

³⁴ Соболев А.Н. Загробный мир по древнерусским представлениям... С. 417.

³⁵ Виноградова Л.Н. Метаморфозы души: от телесной субстанции к материальным формам // Обратни и оборотничество: стратегия описания и интерпретации. М., 2015. С. 33–38.

зафиксировано «пустое» погребение: в гробе несколько меньших размеров, с небольшим фрагментом плечевой кости и несколькими кальцинированными косточками³⁶. Возможно, человек без остатка сгорел или был съеден зверем. В данном случае описан не «классический кенотаф», т.к. в нем останки все же присутствуют. В более древнее время кенотафы не делались на общих кладбищах.

Территория мертвых отделяется искусственными (ограда, ров) и природными физическими границами от мира живых. Открытая вода и камни – это невидимые и непроходимые для нечистой силы рубежи³⁷. Возможно, поэтому неслучайно для создания кенотафов выбраны камни, а не обычный грунт.

Частичное или полное сооружение и оформление могильных конструкций с использованием камней (плиты, валуны, булыжники) – распространённая, разновременная традиция. Камень не только удобен для строительства и долговечен, в погребальном ритуале ему отводилось особое смысловое значение, чаще всего – «запирание» покойника. В Средневековье и Новом времени встречаются разные способы «запечатывания мертвого» с помощью камней. Наиболее распространенные – это укладка камня на тело (грудь, руку или ногу), обкладка (полная или частичная) камнями земляного могильного холмика по периметру и по всей поверхности³⁸. В рассмотренных в работе валунных объектах реализовывалась, вероятно, именно особая «защитная», «замыкающая» функция камней.

В то же время обкладка камнями могил не встречается на родовых карельских кладбищах Северной Карелии³⁹, но, по этнографическим и археологическим данным, в зонах исторического расселения карел в Западном Прибеломорье и Западном Приладжье данная традиция существует⁴⁰. Чем это обусловлено, неясно, но в обрядовых действиях случайности редки.

В контексте темы приведем интересные этнографические наблюдения. Например, в центральных областях России и в Карелии именно камень использовался во время похорон как место для обитания души в сорокодневный период после смерти⁴¹. А в Каргополье в XIX в. «скрытников», членов одного из радикальных старообрядческих толков, погребали тайно под каменными кучами в лесу: «... хоронили своих покойников в камеленках в лесу, то есть заваливали тела камнями, причем

³⁶ Гохман И.И., Лукьянченко Т.В., Хартанович В.И. О погребальном обряде и краниологии лопарей // Полевые исследования Института этнографии 1976 г. Л., 1978. С. 59.

³⁷ Рассел Д. Сатана. Восприятие зла в ранней христианской традиции. СПб., 2001. С. 176.

³⁸ «Хоронят они в лесах и полях, где укрепляют могильные холмы принесёнными камнями, а сверху ставят крест. Места для погребения они не освящают: они говорят, что телами крещёнными и освящёнными Христовым таинством освящается земля, а не тела землёй». См.: Гваньини А. Описание Московии. М., 1997. С. 63.

³⁹ Хартанович В.И., Шахнович М.М. Материалы к изучению погребального обряда... С. 104–108.

⁴⁰ Бельский С.В. Могильник Кюлялахти Калмистомяки в Северо-Западном Приладжье // Свод археологических источников Кунсткамеры. Вып. 3. СПб., 2012. С. 222; Конкка А.П. Кладбище в Гридине... С. 67–79.

⁴¹ «В Калужской губ. на сорок дней после смерти кладут под образа прикрытый полотном камень; в Новгородской губ. до похорон кладут под образа березовое полено. Не исключена возможность, что камень считается вместилищем души умершего, которая, покинув тело, ищет себе место, как птица гнездо. В Олонецкой губ. камень лежит на лавке, иногда в головах умершего; перед выносом тела хозяйка дома с камнем в руках обходит вокруг гроба, после чего кладет этот камень в угол под образа, а в некоторых районах выбрасывает его на улицу». См.: Зеленин Д.К. Русская этнография... С. 495.

старались делать это ночью, чтоб никто не видел»⁴². Возможно, в последнем случае прослеживается продолжение раннехристианской традиции уничтожительного отношения к своему греховному телу после смерти⁴³.

Выводы

Тема создания кенотафов как разновидности православной погребальной практики, связанной с умершими «до срока», недостаточно освещена в отечественной историографии. Предложенная интерпретация исследованных валунных сложений в Восточной Фенноскандии – это предварительная, рабочая гипотеза, которая должна активизировать научную дискуссию. Полное понимание смысла и назначения этих объектов нам, скорее всего, недоступно, но работа по их обследованию в приполярных регионах должна продолжаться.

На имеющихся в нашем распоряжении материалах можно ограничить распространение традиции создания каменных кенотафов ареалом культуры русских и карел Поморья европейского Севера. Вероятно, исторически она была гораздо шире, и при целенаправленном изучении сходные объекты будут выявлены по всему Русскому Северу.

Традиция создания кенотафов идейно основывалась на существующей в Православии концепции смерти. Но как разновидность погребальной деятельности она противоречила официальным церковным установлениям и может восприниматься как «внецерковная похоронная практика».

В российской историографии данная традиция рассматривается как архаичный пережиток дохристианских верований славянского населения, постепенно вошедшая в православный погребальный обряд. Однако объективные данные о датировании и культурной принадлежности валунных кенотафов Русской Лапландии отсутствуют. Сегодня мы можем предварительно отнести их к периоду позднего Средневековья – Нового времени и определить их частью православной культуры населения Восточной Фенноскандии.

Список литературы

- Ануфриев Д.А.* Записки очевидца Д.А. Ануфриева о возобновлении Трифоно-Печенгского монастыря за время с 1890 по 1916 год. Архангельск: Губернская типография, 1916. 136 с.
- Бельский С.В.* Могильник Кюлялахти Калмистомяки в Северо-Западном Приладжье // Свод археологических источников Кунсткамеры. Вып. 3. СПб.: МАЭ РАН, 2012. 222 с.
- Бон Т.М.* Ходячие покойники в жизни восточных славян: «*Magia posthuma*» в Древней Руси и вампиризм в дореволюционной России // Вестник Пермского университета. 2020. Вып. 4 (51). С. 64–77.

⁴² Мороз А.Б. Молитвенные пещеры в Каргополье. История и нарративы // Каргополье с древнейших времен: история и культура. Архангельск, 2020. С. 140.

⁴³ Герд Л.А. Визуальная оценка останков человека в византийском и поствизантийском каноническом праве // III Международный Византийский семинар ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Севастополь, 2011. С. 11–13.

- Борисов В.Е.* Отношение к людям, умершим неестественной смертью, в XVII–XVIII вв. // Жизнь и смерть в Российской империи: новые источники в области археологии и истории XVIII века / Отв. ред. Л.А. Беляев. М.: ИА РАН, 2018. С. 25–27.
- Виноградова Л.Н.* Метаморфозы души: от телесной субстанции к материальным формам // Обратни и оборотничество: стратегия описания и интерпретации. М.: Дело, 2015. С. 33–38.
- Гайдучик В.Н.* О чрезвычайных народных средствах «борьбы» с эпидемиями // Таинственная Беларусь III. Минск: Регистр, 2017. С. 55–75.
- Герд Л.А.* Визуальная оценка останков человека в византийском и поствизантийском каноническом праве // III Международный Византийский семинар ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Севастополь: «ЭКОСИ Гидрофизика», 2011. С. 11–13.
- Гваньини А.* Описание Московии. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1997. 136 с.
- Гохман И.И., Лукьянченко Т.В., Хартанович В.И.* О погребальном обряде и краниологии лопарей // Полевые исследования Института этнографии 1976 г. Л.: Наука, 1978. С. 51–67.
- Дергачёва И.В.* Посмертная судьба и «иной мир» в древнерусской книжности. М.: Кругъ, 2004. 352 с.
- Забылин М.И.* Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М.: Книга-Принтшоп, 1990. 616 с.
- Зеленин Д.К.* Избранные труды. Очерки русской мифологии: умершие неестественной смертью и русалки. М.: Индрик, 1995. 432 с.
- Зеленин Д.К.* Русская этнография. М.: Институт русской цивилизации, 2013. 672 с.
- Кирпичников А.Н., Назаренко В.А., Сакса А.И., Шумкин В.Я.* Каменные выкладки Европейского Севера и их истолкование // Древности славян и финно-угров. СПб.: Наука, 1992. С. 64–74.
- Конкка А.П.* Карсикко. Деревья-знаки в обрядах и верованиях прибалтийско-финских народов. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. 286 с.
- Конкка А.П.* Кладбище в Гридине как выдающийся объект сакральной географии Карельского Поморья // Археология русской смерти. 2016. № 3. С. 67–79.
- Косменко М.Г.* Принадлежность и функции каменных сооружений в Карельском Поморье // Поволжская археология. 2013. № 1 (3). С. 126–152.
- Крашенинникова Ю.А.* Похороны «по-репному» (О некоторых фактах похоронно-поминальной обрядности северных русских) // Антропологический форум. № 10. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 299–310.
- Максим Грек, преподобный.* Против безумной и богомерзкой прелести тех, которые утверждают, что по причине погребения утопленника или убитого бывают вредные для роста земных произведений холода // Сочинения преподобного Максима Грека в русском переводе. Ч. 3. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1910. С. 111–119.
- Макаров А.И., Мильков В.В.* Культ земли в древней Руси (по данным этнографии) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Вып. 1. Псков: Политпрос, 1988. С. 29–30.
- Медведев П.П.* Некрокультовые сооружения Беломорского Поморья // Выговская поморская пустынь и её значение в истории России. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 195–210.

- Мороз А.Б. Молитвенные пещеры в Каргополье. История и нарративы // Каргополье с древнейших времен: история и культура. Архангельск: КИРА, 2020. С. 137–148.
- Рассел Д. Сатана. Восприятие зла в ранней христианской традиции. СПб.: Евразия, 2001. 320 с.
- Русская мифология. Энциклопедия / Отв. ред. Е.Л. Мадлевская. М.: Мидгард, 2005. 784 с.
- Седакова О.А. Материалы к описанию полесского погребального обряда // Полесский этнолингвистический сборник. Л.: Наука, 1983. С. 246–262.
- Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 2 / Отв. ред. Н.И. Толстой. М.: Международные отношения, 1999. 680 с.
- Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 4 / Отв. ред. Н.И. Толстой. М.: Международные отношения, 2009. 656 с.
- Соболев А.Н. Загробный мир по древнерусским представлениям. Сергиев Посад: Изд. М.С. Елова, 1913. 208 с.
- Соколова А.Д., Юдкина А.Б. Памятные знаки на местах автомобильных аварий // Этнографическое обозрение. 2012. № 2. С. 150–164.
- Сорокин А.Н. Скудельницы древнего Новгорода (к вопросу об особенностях древнерусского погребального обряда в чрезвычайных ситуациях) // Исторические исследования. 2015. № 3. С. 236–262.
- Толстая С.М. Полесские поверья о ходячих покойниках // Восточнославянский этнолингвистический сборник. Исследования и материалы. М.: Индрик, 2001. С. 151–205.
- Толстой Н.И. Перевоорачивание предметов в славянском погребальном обряде // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М.: Наука, 1990. С. 100–128.
- Травкин П.Н. Обряд «запираания» в Верхнем Поволжье по археологическим и этнографическим данным // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Вып. 2. Тверь: ИПК Парето-Принт, 1997. С. 59–63.
- Хартанович В.И., Шахнович М.М. Материалы к изучению погребального обряда и краниологии населения Северной Карелии (могилиник Алозеро) // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2008 году. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 104–108.
- Челищев П.И. Путешествие по Северу России в 1791 году. Дневник П.И. Челищева, изданный под наблюдением Л.Н. Майкова. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1886. 428 с.
- Шахнович М.М. Валунные насыпи на территории Карелии // Кижский вестник. Вып. 10. Петрозаводск: КарНЦ, 2005. С. 260–277.
- Шахнович М.М., Кулькова М.А. Опыт археологического изучения валунных сложений Восточной Фенноскандии: «Ковдорские платформы» // Тверской археологический сборник. Вып. 10. Т. 2. Тверь: ИПК Парето-Принт, 2015. С. 245–255.
- Шахнович М.М., Кулькова М.А., Сониная А.В. К вопросу о валунных насыпях в Северном Приладожье: опыт комплексного исследования // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Вып. 12. Тверь: ИПК Парето-Принт, 2019. С. 496–509.
- Шахнович М.М., Ширококов И.Г. Позднесредневековый могильник с. Варзуга: итоги работ 2011–2012 гг. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 27. В. Новгород: НГОМЗ, 2013. С. 97–114.

**Позднесредневековые валунные кенотафы: к вопросу о разновидностях
православного погребального обряда в Восточной Фенноскандии**

Шумкин В.Я., Мурашкин А.И., Колпаков Е.М. Археологические памятники о. Кильдин и прилегающего побережья Кольского п-ова // Первобытная и средневековая культура Европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции. Соловки: СОЛТИ, 2006. С. 107–109.

M.M. Shakhnovitch

**BOULDER CENOTAPHS OF EASTERN FENNOSCANDIA:
ON THE QUESTION OF VARIETIES
OF THE ORTHODOX FUNERAL RITE IN THE LATE MIDDLE AGES**

Abstract: The article is devoted to the little-studied funeral practice of the Orthodox communities of the White Sea region and Russian Lapland in the absence of a body. The study of boulder constructions of the Russian North is at the initial stage. Archaeologists, as a rule, carry out only the primary fixation of objects, but excavations do not always allow to determine clearly the purpose of stone piles. Based on the experience of working with such facilities in Karelia and on the Kola Peninsula, it can be argued that they were not intended for economic purposes. A number of common features make it possible to attribute these structures to a group of monuments associated with the Orthodox funeral tradition. Presumably they were ground cenotaphs for the drowned – a “house” for the soul in the absence of a body. The spread of the tradition of their creation can be limited to the area of culture of the Russians and Karelians of the Pomerania of the European North.

Keywords: Russian Lapland, West White Sea region, Orthodox funeral rite, boulder cenotaphs, “unclean” dead, the late Middle Ages.

ДВА БЕЛОКАМЕННЫХ ПОДПИСНЫХ НАДГРОБИЯ НАЧАЛА 1540-х ГОДОВ ИЗ Г. КОЛОМНЫ И ЕЕ ОКРУГИ

Аннотация: В научный оборот вводятся два памятника старорусской эпиграфики из г. Коломны и ее округи, возраст которых приближается к полутысячелетию: надгробия 1541 г., Пимена Кононова с кладбища церкви Рождества Богородицы с. Ратмирово, и 1543 г., схимника Мисаила из Брусенского Успенского монастыря г. Коломны. Дается характеристика орнаментации и надписей, антропонимики и святцев, анализируется топографический и социальный контекст. Упомянутые артефакты свидетельствуют о высоком источниковедческом потенциале белокаменных подписных надгробий.

Ключевые слова: Россия в середине XVI в., Коломна и Коломенский уезд, старорусская эпиграфика, русское средневековое белокаменное подписное надгробие, с. Ратмирово, Успенский Брусенский монастырь.

Одна из заметных тем в многогранном научном творчестве Леонида Андреевича Беляева – русское средневековое надгробие. Об этих артефактах писали уже в XIX столетии, накопление и первичное осмысление материала активно шло и во второй половине века XX. Однако именно монография Л.А. Беляева 1996 года¹ и продолжающий ее очерк 2006 года² ознаменовали коренное изменение подхода к пониманию важных для уяснения культурной специфики Московского государства находок. Они же дали новый импульс к введению в научный оборот нового материала.

Как убедительно показал Л.А. Беляев, белокаменная надгробная плита со своеобразной антропоморфной схемой орнамента, развивавшаяся в течение XIV–XV вв. и окончательно устоявшаяся в XVI столетии, – характерная черта именно московской культуры³. Особое место среди плит занимают подписные экземпляры последней трети XV–XVII вв., отдельные из которых дают редкую, а подчас и уникальную в самых разных аспектах информацию⁴. Источниковедческая значимость подобных памятни-

---

¹ Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие: Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М., 1996.

² Беляев Л.А. Новое в изучении надгробных памятников Средневековья // Русское средневековое надгробие XIII–XVII вв: материалы к своду. М., 2006. С. 7–30.

³ Беляев Л.А. Московские типы: к истокам традиций // Русь в XIII–XV веках. Новые открытия в области археологии и истории. М., 2021. С. 167.

⁴ См., например, надгробие 1522 г. из с. Чаплыгино Коломенского уезда, в котором зафиксирован аналогичный синхронный актам Московской Руси способ написания даты через комбинацию буквенной цифири и цифровой лексики: Мазуров А.Б. Подписное белокаменное надгробие 1522 г. из с. Чаплыгино древнего Коломенского уезда // Российская археология. 2021. № 2. С. 217–224.

ков вполне осознана. В настоящей статье публикуются два памятника, изучение которых имеет не только конкретно-историческое, но и методическое значение.

1. В с. Ратмирово Воскресенского района Московской области (ныне городского округа, ранее входило в состав Коломенского уезда) на уничтоженном старом кладбище при церкви Рождества Богородицы⁵ когда-то находилось белокаменное орнаментированное подписное надгробие (рис. 1). Это фрагмент головной части большой плиты. Размеры: ширина – 57 см, толщина – 11 см, боковые стороны – (37–55) см. Орнамент – узкий «волчий зуб» в две полосы вершинами друг к другу и полоса противоположащих «косынок», играющих роль рамки для текста. Особенность надгробия – отсутствие верхнего полуклейма, почти обязательного в антропоморфной схеме орнаментации. Сам текст профессионально вырезан резчиком. Он такой:

- [1] $\overline{\text{ЛѢ}}$ (та) Ѹ ЗМЯ $\overline{\text{ЗІ}}$ $\overline{\text{Д(е)НН}}$ $\overline{\text{М(еся)ЦА}}$
 [2] $\text{АПРѢ}^{\text{А}}(\text{Я})$ $\text{ПАМЯ}^{\text{Т}}(\text{Ь})$ $\text{ПР(ЕПО)}^{\text{А}}$ $\text{ОБН}^{\text{А}}(\text{О})$ СНМНО
 [3] $\text{НА ПРѢСТАВ(ИЯ)РА(Б)БОЖИ(Й) ПѢМІ}^{\text{А}}$ КОНА
 [4] $\text{НО}^{\text{А}}$

Надпись читается полностью: «Лета 7049 (1541) 17 день месяца апреля (на) память преподобного Семиона преставился раб Божий Пимен Конанов». Шрифт (бытовой полуустав) нарезан в технике прямой резьбы. Пропорции букв (ширина к высоте) колеблются от 1:2 до 1:4 (в основном). Лигатуры: ПР, МА, ИМИ, АП, ІК, НА.

Для интерпретации надписи ценной оказывается топография находки. Село Ратмирово впервые упоминается в письменных источниках в Писцовой книге 1577/78 гг. в Большом Микулином стане Коломенского уезда⁶. Топонимика, однако, свидетельствует о большой древности поселения. Название производно от древнерусского имени Ратмир. С.Б. Веселовский считал, что это, наряду с формой Ратибор, – просторечная форма имени Ратша (Ратишка)⁷. Все перечисленные антропонимы выходят из употребления уже в XIV столетии. Существенным в этой связи представляется то обстоятельство, что недалеко (в 3 км по прямой) расположено село Ратчино (также производное от Ратша). Таким образом, намечается крупная вотчина неизвестного по письменным источникам коломенского землевладельца XIII–XIV вв. В последующем Ратмирово перешло в государственный фонд. В середине XVI в. селением владел как поместьем боярин кн. Федор Куракин, умерший в 1567 г. После него крупным селом был поверстан служилый татарин Улан Уланович Епанчин, что и зафиксировано писцовым описанием позднегрозненского времени. Упомянутая впервые в описании 1577/78 гг. церковь Рождества Богородицы, как и подавляющее большинство храмов того времени, была построена как «древена, клетчки». Еще в XIX веке на храмовой колокольне был обнаружен отлитый в Новгороде псковским мастером Юрием Ульяновым в 1557 г. колокол, ныне находящийся в собрании музея-

⁵ Погост посещался нами в 1990–2000-х годах, когда надгробие находилось уже не *in situ*, и просто валялось на территории заброшенного кладбища. Использовалось оно как подставка для сиденья или мини-столик для пикников. Существенным обстоятельством является наличие на кладбище валунных надгробий, предположительно относимых к XIV–XV вв. Местонахождение надгробия в настоящий момент неизвестно.

⁶ Писцовые книги Московского государства. Ч. 1. Отд. 1. СПб., 1872. С. 361.

⁷ Веселовский С.Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища, фамилии. М., 1974. С. 267.

заповедника «Коломенское»⁸. Есть основания думать, что его привез после Новгородского похода 1570–71 гг. У.У. Епанчин⁹.

Согласно местному преданию, зафиксированному еще в XIX в., село и храм ранее (когда – непонятно) существовали на другом месте – на берегу впадающего в р. Москву крупного оврага. Церковь якобы провалилась под землю, где благочестивые люди могли слышать звон колоколов. Потом она была перенесена на уступ террасы близ самой р. Москва. Очевидно, это местная вариация легенды о граде Китеже. Во времена Н.Д. Иванчина-Писарева в 1830–40-е гг. на этом месте существовало болото (?), называвшееся Церковище (Церковичи). Сейчас это ровное поле на берегу балки. Не вдаваясь в обсуждение изложенного предания, отметим, что находка надгробия начала 1540-х гг. говорит о расположении церкви там, где она зафиксирована источниками и просуществовала до середины XX в.¹⁰ Сохранилось изображение храма на чертеже второй половины XVII в., где он показан находящимся на прибрежной террасе р. Москва (рис. 2). Сведения по истории храма дают основание предполагать, что Пимен Кононов захоронен на кладбище церкви, входившей в состав довольно крупного поместья.

Перейдем теперь к анализу самой эпитафии. Лапидарные надгробные надписи являются ценным источником по реконструкции актуальных для средневековой эпохи памятных дат, входивших в святцы. Кто же такой Семион, на память которого преставился Пимен Кононов? Это довольно редкий святой – епископ IV в. Семион Ктезифонский (Селевкийский, или, иначе, Персидский), погибший и почитаемый как священикомученик (вместо этого в эпитафии он именуется преподобным)¹¹. Все существенные характеристики, ожидаемые в надписи (священикомученик, определение по стране – Персидский), опущены, хотя и подразумевались. Заказчики эпитафии, как видно, были хорошо осведомлены в тонкостях церковного месяцеслова, хотя почитался он на Руси в очень ограниченных масштабах. Из более чем 150 рукописей,

Рис. 1. Белокаменное надгробие 1541 г. Пимена Кононова с кладбища при церкви с. Ратмирово

⁸ Гордеев В.А. Два новгородских колокола XVI в. из собрания музея-заповедника «Коломенское» // Искусство христианского мира. Сборник статей. Вып. 5. М., 2001. С. 239–246.

⁹ Такое предположение (без привязки к имени владельца села) высказал еще Н.Д. Иванчин-Писарев (*Иванчин-Писарев Н.Д.* Прогулка по древнему Коломенскому уезду. М., 1843. С. 41–42).

¹⁰ Обстоятельный очерк истории с. Ратмирово с привлечением неопубликованных писцовых материалов, других архивных данных и опросов старожилов см.: *Фролов А.Н.* История села Сабурово [Воскресенского р-на Московской обл.]. М., 2018. С. 211–216.

¹¹ Одно из значений слова преподобный – монашествующий (Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 19 (Пренебесный – Пресвѣдѣтельствовати). М., 1994. С. 24). Епископы на Руси поставлялись исключительно из иноков, что и может объяснить именование преподобным епископа-священикомученика.

Рис. 2. Фрагмент чертежа «Село Новлянское на Москве реке» (РГАДА, ок. 1669–1672 гг.) с изображением церкви с. Ратмирово (по: *Фролов А.Н. История села Сабурово...*)

содержащих древнерусские месяцесловы XI–XIV вв., память свщмчн. Семиона, еп. Персидского под 17 апреля зафиксирована лишь в трех. Причем на эту дату она падает в соответствии с Иерусалимским Уставом (по Уставу Великой церкви, т.е. Софийского собора в Константинополе, она отмечается 14 апреля), распространившимся на Руси со времени митрополита Киприана¹². В основном 17 апреля в XI–XIV вв. праздновали память св. Агапита, папы Римского, и прп. Акакия, еп. Мелитинского. Редкость упоминания этого святого и в более позднее время подчеркивается тем обстоятельством, что в народе день 17 апреля более почитался как память свт. Космы-исповедника¹³. Ранее для данной даты была отмечена фиксация памяти «преподобного отца нашего Иоанна Ветхопещерника» (1677 г., Псково-Печерский монастырь)¹⁴.

Можно выдвинуть предположение о причастности погребенного к околоцерковным кругам. Оно получит дополнительное обоснование, если мы обратим внимание на его имя и отчество.

Специалистами по антропонимике подсчитано, что в официальном православном именослове имеется примерно 1150 мужских и женских имен. Имя Пимен (к тому же не для монашествующего) является исключительно редким в светском ономастике. Дело в том, что так называли в основном в память Пимена Великого (вторая половина IV – первая половина V в.), одного из столпов раннего египетского монашества¹⁵. Среди более чем 8,5 тысяч персон из русского служилого сословия XIV–XVII вв., упомянутых в родословной книге и государственных поминальных записях, имя Пимен не встречено ни разу¹⁶. Специальное исследование личных имен крестьян Коломенского уезда XVII–XVIII вв. не выявило носителей этого имени во-

¹² *Лосева О.В. Русские месяцесловы XI–XIV веков.* М., 2001. С. 319.

¹³ Народный месяцеслов // Библиотека русского фольклора. Т. 3. Обрядовая поэзия. Кн. 1. Календарный фольклор. М., 1997. С. 78; *Даль В.И. Пословицы русского народа.* Т. 3. М., 1993. С. 487.

¹⁴ *Авдеев А.Г. Древнерусские святцы по лапидарным надгробным надписям конца XV – начала XVIII века* // ВЭ. Вып. III. М., 2009. С. 380.

¹⁵ Пимен Великий // Православная энциклопедия. Т. 54. М., 2019. С. 492–495.

¹⁶ Памятники истории русского служилого сословия / Сост. А.В. Антонов. М., 2011, по указателю, С. 423. В родословную книгу и синодик опальных Ивана Грозного 1583 г. попали два Пимена – архиеп. новгородский (С. 125) и инок Нередицкого монастыря (С. 220). Эти исключения лишь подтверждают предельную редкость имени у светских лиц.

обще¹⁷. В средневековом некрополе Троице-Сергиева монастыря оно зафиксировано лишь единожды из 164 определенных мужских имен¹⁸. В монашеской же среде (что хорошо объяснимо) это имя в XV–XVII вв. обладало средней (ближе к редкой) распространенностью¹⁹. Очевидно, что имя Пимену Кононову дано было не по родовому принципу, а по святцам, что добавляет уверенности в принадлежности семьи усопшего к церковной среде. Однако, быть может, при крещении нашего персонажа оно было предложено образованным священником случайно и родители приняли его для своего сына? Такое предположение придется отвергнуть ввиду того, что мы знаем отчество Пимена. Пимен Кононов означает сын Конона. Имя Конон – еще более редкое, если не сказать редчайшее, в практике именаречения в средневековой Руси. Из известных поименно более чем 1100 монашествующих Троице-Сергиева монастыря за XV–XVII вв. единственный инок Конон зафиксирован для XVI столетия²⁰. Нам известен боярин князя Владимира Андреевича Храброго – Константин Кононович, принимавший участие в Куликовской битве²¹. Возможно, его отец, некий Конон, служил еще князю Андрею Ивановичу в 1340 – начале 1350-х гг. Имя Конон в монашестве, судя по синодичным записям, получил князь Константин Васильевич (поминается в рубрике ярославских князей XIV–XV вв.)²². Наш уважаемый юбиляр, Л.А. Беляев, обнаружил в некрополе московского Высоко-Петровского монастыря надгробие инока-схимника Конона Клементьева сына ножевника (дата кончины 24.10.1562 г.)²³. Перечисленными примерами и исчерпываются наши сведения по средневековому бытованию на Руси имени Конон.

Кто же такой святой Конон? Можно выбирать из одинаково редких святых: Конон Огородник (Градарь), Конон Исаурийский и Конон Иконийский. Среди них самый известный – первый в списке. Поэтому почти наверняка можно говорить о том, что отец Пимена был назван в память о Кононе Огороднике²⁴, мученике IV в. (память 5 марта). Будучи при жизни простым земледельцем, он почитался и почитается как покровитель и защитник огородников, овощеводов, охранитель посевов и урожая²⁵.

¹⁷ Желтов М.Б. Личные имена крестьян Коломенского уезда XVII–XVIII вв.: географический и временной факторы изменения частотности // Юго-Восточное Подмосковье: история, культура, люди... По мат-лам II межрегион. научн-практ. конференции, посвященной 150-летию со дня рождения основателя музея в Егорьевске М.Н. Бардыгина (1864–1933), 24 ноября 2014 года. Егорьевск, 2015. С. 68–69.

¹⁸ Вишневский В.И. Ономастикон средневекового некрополя Троице-Сергиева монастыря // ВЭ. Вып. IX. М., 2016. С. 529.

¹⁹ Черкасова М.С. К изучению монашеской антропоники русского средневековья (по материалам Троице-Сергиева монастыря XV–XVII вв.) // Ферапонтовский сборник. Вып. 5. Москва-Ферапонтово, 1999. С. 40.

²⁰ Там же.

²¹ Мазуров А.Б., Никандров А.Ю. Русский удел периода образования единого русского государства: Серпуховское княжество в XIV – первой половине XV в. М., 2008. С. 91. Нет уверенности, что это не описка – переделка отчества Иванович в Кононович. Константин Иванович позднее упоминается как участник обороны Москвы в 1408 г. от Едигея и глава удельной думы в завещании Владимира Андреевича Храброго. (Там же. С. 32, 116, 133–134).

²² Конев С.В. Синодиология. Часть 2: Ростовский соборный синодик // Историческая генеалогия. Екатеринбург; Нью-Йорк, 1995. С. 101–102.

²³ Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие... Каталог, ВП № 11/ С. 324–325. Фото 56–60.

²⁴ См. о нем: Конон Градарь // <https://www.pravenc.ru/text/1841974.html> (дата обращения: 06.09.2022).

²⁵ Калинин И.П. Церковно-народный месяцеслов на Руси. М., 1990. С. 101.

Рис. 3. Белокаменное надгробие 1543 г. схимника Мисаила с кладбища Успенской церкви Брусенского монастыря Коломны (сразу после обнаружения)

Известны надгробия из Псково-Печерского монастыря 1576 г. и Москвы 1636 г., где имеется ссылка на кончину погребенного в день памяти Конона Градаря 5 марта²⁶. Не исключено, что имя для отца Пимена было выбрано с учетом сельскохозяйственных занятий семьи его обладателя.

Таким образом, указание на память редкого святого (в день которого умер погребенный под плитой), малочастотное имя и еще менее распространенное отчество указывают на опосредованную принадлежность умершего к ортодоксальной церковной среде. На основании вышеизложенного можно предполагать, что заказчики надписи и сам погребенный, не относясь ни к монашествующим, ни к священно- и церковнослужителям, были как-то причастны (видимо, по родственным связям) к церковному клиру.

2. Фрагмент плиты (оголовье – верхняя часть с надписью и боковыми тягами, чуть не доходящими до центрального клейма; центральная и нижняя части утрачены) находится в фондах музея-заповедника «Коломенский кремль» (бывший Коломенский краеведческий музей) (рис. 4). Обнаружен в закладке карнизов XVII в. шатрового храма Успения (1552) Брусенского монастыря в кремле г. Коломны²⁷, передан в музей мастерской № 2 треста Мособлстройреставрация в 1977 г. Размеры: ширина – 59 см, боковые стороны – (52–66 см); толщина – 12 см. Имеет следы вторичного использования (следы известкового раствора в углублениях на орнаментальных зонах). Расколота на три части, хотя в момент находки была целой, что зафиксировано на фото (рис. 3), опубликованном архитектором-реставратором С.П. Орловским (без полного прочтения и даты)²⁸.

Орнамент: противостоящие ленты «волчьего зуба» (мелких высоких треугольников), с дополнительной лентой в оголовье П-образной формы и графьей в каче-

²⁶ Авдеев А.Г. Указ. соч. С. 369.

²⁷ См. о нем: Мазуров А.Б. Брусенский в честь Успения Божией Матери женский монастырь // Православная энциклопедия. Т. 6. М., 2003. С. 276–279. Ранее, в 1880-х гг., при пристройке теплого храма, келий и покойницкой было найдено надгробие со следующей надписью: «Лета 7062 (1554) месяца марта положена доска на могиле схимника Антония на Тимофееве сыне Арсениеве». (Впервые опубликовано: Булич О.П. Коломна. Пути исторического развития города. Общий очерк. М., 1928 (репринтное издание: Коломна: Инлайт, 2012). С. 32).

²⁸ Орловский С.П. Памятник шатрового зодчества – церковь Успения в Коломенском кремле // Коломна и Коломенская земля: история и культура. Сб. статей. Коломна, 2009. С.186–187. Ил. 27 на С. 187.

стве внутренней рамки. В средней части оголовья – полуклеймо из узких длинных треугольников, обращенных вершиной к центру, обозначенному точкой, дополнительно обрамленное полосой мелких узких треугольников вершинами к центру. Ниже тяг по внутреннему краю также идет графья. Сохранившаяся полностью надпись следующая:

Перевод: «Лета 7051 (1543)-го преставися раб Божий Мисаила скимник месяца июля 24 дни Олександров человек псковского дьяка». Шрифт: профессионально ис-

- [1] ЛѢТ(а) ꙗз (клеимо) НѦ Го
- [2] ПРЕСТАВНѢ(я) РѦ Б(о)ЖН(й) МИСАИЛА
- [3] СКИМНИКА М(еся)ЦѦ НЮѦ ВѦ ДНН
- [4] ѠЛЕКСѦ, РОСѦ Ч(е)Л(ове)К ПСКО
- [5] ВѢСКОГО ДѦДѦ

полненный в технике прямой резьбы бытовой полуустав высоких пропорций (ширина к высоте – от 1:1 до 1:5, преобладает 1:3). Лигатуры: ЛЕТ, АВ, АИ, НИ, ДНѦ.

Исторический комментарий к эпитафии довольно интересен. Монашеское имя Мисаил относится к средне распространенным. Оно более частотно, например, чем Михаил или Пимен. Среди братии Троице-Сергиева монастыря XV–XVII вв. отмечено 14 его носителей из более чем 1000 известных поименно персонажей²⁹. Однако, в надписи нет указания на память святого, когда Мисаил преставился (зато есть характеристика социального происхождения). Между тем на 24 июля по старому стилю приходится память довольно широко почитавшихся (в том числе и в Коломне, где с XIV в. существовал Борисоглебский храм) первых русских святых Бориса и Глеба³⁰, но память страстотерпцев никак не обозначена. Это подтверждает вывод А.Г. Авдеева о том, что «дни памяти русских святых на надгробиях... помещались крайне редко, скорее как исключение, нежели правило». Почти полное их отсутствие он объясняет «консервативностью богослужебной практики и связанным с этим отношением к старым византийским святым как к основным, а к новым русским – как к менее значимым»³¹.

Более значимым, чем святые Борис и Глеб, для заказчика эпитафии оказалась социальная идентификация умершего. Что же кроется за определением «Олександров человек псковского дьяка»? Во-первых, сочетание «человек того-то» означало в XV–XVII вв. зависимое положение. Так обычно выражались о холопе³². М.С. Черкасова отметила, что во вкладной книге Троице-Сергиева монастыря XVII в. важным дополнительным признаком называемого лица было указание на его прежнее социальное положение³³. То же самое можно отметить и для многочисленных синодиков русских

²⁹ Черкасова М.С. Указ. соч. С. 40.

³⁰ В значительном количестве русских месяцесловов XI–XIV вв. под 24.07 также отмечена память мученицы Христины. См.: Лосева О.В. Указ. соч. С. 391.

³¹ Авдеев А.Г. Указ. соч. С. 329, 332.

³² Кобрин В.Б. Опричнина. Генеалогия. Антропонимика: избранные труды. М., 2008. С. 203.

³³ Черкасова М.С. Указ. соч. С. 37.

Рис. 4. Современное состояние белокаменного надгробия 1543 г. схимника Мисаила (фонды МБУК «Музей-заповедник “Коломенский кремль”»)

монастырей и храмов XVI–XVII вв. Следовательно, инок Мисаил в своей мирской биографии был холопом псковского дьяка Александра. С уверенностью реконструируются основные вехи биографии Мисаила. Впоследствии он получил свободу (может быть, по завещанию дьяка в связи с его смертью, как это часто бывало; хотя не исключен и просто отпуск на волю для пострижения). Внимание привлекает важная информация не только о социальной, но и о географической мобильности. Псков и Коломну отделяет по прямой чуть более 700 км. Для средневековой Руси это огромное расстояние, которое, тем не менее, не было препятствием для поиска обители и принятия монашества.

Известно ли что-либо о псковском дьяке³⁴ Александре? Имеется обстоятельная статья А.Ю. Савосичева о дьяках псковской приказной избы XVI века³⁵. По заключению исследователя, ее история (а значит, и история псковских дьяков вообще) начинается с 1510 г., с присоединения Пскова к Московскому государству. Изначально тогда в

³⁴ Здесь стоит уточнить, что дьяк – достаточно крупное должностное лицо приказного центрального или местного управления. Нельзя его путать с дьяконом (низший сан священнослужителя) и дьячком (в XIX – начале XX в. они именовались псаломщиками, а в последующем – чтецами, что сохраняется до наших дней).

³⁵ Савосичев А.Ю. Дьяки псковской приказной избы в XVI в. // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2003. № 19. С. 27–40.

городе была сформирована новая московская администрация в составе 2 наместников, 2 дьяков и по 12 городничих и старост московских. В конце 1532 г. число дьяков увеличилось до пяти. Между тем, среди известных имен псковских дьяков 1510–30-х годов нет ни одного Александра, что можно объяснить фрагментарностью дошедших до нас данных. Ясно лишь, что он занимал должность в указанном хронологическом отрезке.

По нашей просьбе А.Ю. Савосичев³⁶ любезно составил выборку дьяков по имени Александр, зафиксированных в русских источниках конца XV – первой трети XVI в. Это Александр (Алеша) Безобразов (даты упоминания: 1489/90 г. – 1504 г., действовал в Москве); Александр Васильевич Карамышев (1467–1474 гг., дьяк кн. Андрея Васильевича Углицкого); Александр Иванович Хлуденев (1470–1488 гг., ямской дьяк в Москве); Александр Иванович Обрезок Никитин (1504/05–1509/10 гг., дозировал поместье в Шелонской пятине и давал на оброк земли в Водской пятине Новгородской земли). Можно осторожно выдвинуть гипотезу, исходя из хронологических и географических рамок активной деятельности в должности, что дьяк А.И. Обрезок Никитин из Новгородской земли был после 1510 г. переведен в Псков, а инок Мисаил в миру был именно его холопом.

Парадоксально, но надгробная плита из Коломны дополняет перечень псковских администраторов в первые десятилетия после присоединения к Москве новым именем, что иллюстрирует возможности подписных белокаменных надгробий как ценных исторических источников.

Невозможно не обратить внимания на еще один важный момент. Общепринятая дата основания Успенского Брусенского мужского (после Смутного времени возобновлен как женский) монастыря – 1552 г.³⁷ За дату основания принималась дата постройки шатрового Успенского храма в 1552 г., известная по резной закладной (ныне утраченной) доске. Вводимое в научный оборот надгробие заставляет скорректировать это мнение. Инок-схимник Мисаил, умерший в 1543 г., был похоронен на монастырском некрополе. В XVII в. его надгробие было снято с могилы и использовано в закладке карнизов монастырского храма Успения. Предположение о том, что оно было перемещено с какого-то иного некрополя, совершенно невероятно. Поэтому можно почти не сомневаться, что на указанную дату обитель уже существовала. С территории некрополя при Успенской церкви происходят также найденные при раскопках в начале 1990-х гг. два замечательных белокаменных резных надгробия конца XV – начала XVI в.³⁸ К сожалению, они не имеют надписей. Тем не менее, достоверно устанавливается, что по меньшей мере десятилетием ранее постройки каменной Успенской церкви (1552), в начале 1540-х гг., монастырь уже существовал (с деревянным храмом и строениями). Что касается более раннего времени, вы-

³⁶ Сердечно благодарю д. и. н. Андрея Юрьевича Савосичева (Орловский госуниверситет) – автора фундаментальных монографий о дьячестве (Дьяки и подьячие XIV – первой трети XVI в.: происхождение и социальные связи. Опыт просопографического исследования. Орел, 2013; Новые верники грозного царя. Орел, 2015), за предоставленные данные и возможность обсуждения идентификаций.

³⁷ Мазуров А.Б. Брусенский в честь Успения Божией Матери женский монастырь... С. 276–279.

³⁸ Самошин С.И. Археологические исследования в Брусенском монастыре г. Коломны // Материалы для энциклопедии «Коломенский край». Вып. 3. Ч. 1. Коломна, 1997. С. 31–32 и рис. 3 на С. 35. Автор несколько сбивчиво датирует их то концом XV, то рубежом XV–XVI, то концом XV – первой половиной XVI в. Предпочтительней датировка рубежом XV–XVI вв.

двинуть гипотезу о его существовании при Василии III и возникновении не позднее конца правления Ивана III вполне допустимо. Однако, хотелось бы дожидаться новых находок подписных надгробий (которые, конечно, будут впоследствии обнаружены) и подтвердить обозначенные предположения документально. Таким образом, публикуемое надгробие 1543 г. позволяет твердо удревить историю обители до начала 1540-х годов.

Итак, два публикуемых коломенских надгробия существенно расширяют наши представления об источниковедческом потенциале подписных белокаменных надгробий. Даже сравнительно простые, на первый взгляд, надписи могут быть важным историческим источником.

Список литературы

- Авдеев А.Г. Древнерусские святцы по лапидарным надгробным надписям конца XV – начала XVIII века // ВЭ. Вып. III. М.: Русский фонд содействия образованию и науке. 2009. С. 322–415.
- Беляев Л.А. Московские типы: к истокам традиций // Русь в XIII–XV веках. Новые открытия в области археологии и истории. М.: Индрик, 2021. С. 166–167.
- Беляев Л.А. Новое в изучении надгробных памятников Средневековья // Русское средневековое надгробие XIII–XVII вв.: материалы к своду. М.: Наука, 2006. С. 7–31.
- Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие: Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М.: Модус-граффити, 1996. 563 [4] с.
- Булич О.П. Коломна. Пути исторического развития города. Коломна: Инлайт, 2012. 94, 3 с.
- Веселовский С.Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища, фамилии. М.: Наука, 1974. 382 с.
- Вишневский В.И. Ономастикон средневекового некрополя Троице-Сергиева монастыря // ВЭ. Вып. IX. М.: Изд-во университета Дмитрия Пожарского, 2016. С. 521–542.
- Гордеев В.А. Два новгородских колокола XVI в. из собрания музея-заповедника «Коломенское» // Искусство христианского мира. Сборник статей. Вып. 5. М.: ПСТБИ. 2001. С. 239–246.
- Даль В.И. Пословицы русского народа. Т. 3. М.: Русская книга, 1993. 814, [1] с.
- Желтов М.Б. Личные имена крестьян Коломенского уезда XVII–XVIII вв.: географический и временной факторы изменения частотности // Юго-Восточное Подмосковье: история, культура, люди... По мат-лам II межрегион. научн-практ. конференции, посвященной 150-летию со дня рождения основателя музея в Егорьевске М.Н. Бардыгина (1864–1933), 24 ноября 2014 года. Егорьевск: МУК «Егорьевский ист.-худ. музей», 2015. С. 67–71.
- Иванчин-Писарев Н.Д. Прогулка по древнему Коломенскому уезду. М.: В тип. А. Семена, 1843. 166 с.
- Калинский И.П. Церковно-народный месяцеслов на Руси. М.: Худож. лит., 1990. 237 с.
- Кобрин В.Б. Опричина. Генеалогия. Антропонимика. Избранные труды. М.: РГГУ, 2008. 369 с.
- Конев С.В. Синодология. Часть 2: Ростовский соборный синодик // Историческая генеалогия. Вып. 6. Екатеринбург; Нью-Йорк, 1995. С. 95–106.
- Конон Градарь // <https://www.pravenc.ru/text/1841974.html> (дата обращения: 06.09.2022).
- Лосева О.В. Русские месяцесловы XI–XIV веков. М.: Памятники ист. мысли, 2001. 419 с.
- Мазуров А.Б. Брусенский в честь Успения Божией Матери женский монастырь // Православная энциклопедия. Т. 6. М.: Церковно-науч. центр «Православная энциклопедия», 2003. С. 276–279.

- Мазуров А.Б. Подписное белокаменное надгробие 1522 г. из с. Чаплыгино древнего Коломенского уезда // Российская археология. 2021. № 2. С. 217–224.
- Мазуров А.Б., Никандров А.Ю. Русский удел периода образования единого русского государства: Серпуховское княжество в XIV – первой половине XV в. М.: Инлайт, 2008. 275 с.
- Народный месяцеслов // Библиотека русского фольклора. Т. 3. Обрядовая поэзия. Кн. 1. Календарный фольклор. М.: Русская книга, 1997. С. 56–151.
- Орловский С.П. Памятник шатрового зодчества – церковь Успения в Коломенском кремле // Коломна и Коломенская земля: история и культура. Сб. статей. Коломна: Лига, 2009. С. 178–189.
- Памятники истории русского служилого сословия / Сост. А.В. Антонов. М.: Древлехранилище, 2011. 554 с.
- Пимен Великий // Православная энциклопедия. Т. 54. М.: Церковно-науч. центр «Православная энциклопедия», 2019. С. 492–495.
- Писцовые книги Московского государства. Ч. 1. Отд. 1. СПб.: Издание русского геогр. общества, 1872. 924 с.
- Савосичев А.Ю. Дьяки и подьячие XIV – первой трети XVI в.: происхождение и социальные связи. Опыт просопографического исследования. Орел: ОГУ, 2013. 519 с.
- Савосичев А.Ю. Дьяки псковской приказной избы в XVI в. // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2003. № 19. С. 27–40.
- Савосичев А.Ю. Новые верники грозного царя. Орел: ОГУ, 2015. 478 с.
- Самошин С.И. Археологические исследования в Брусенском монастыре г. Коломны // Материалы для энциклопедии «Коломенский край». Вып. 3. Ч. 1. Коломна: Коломенский госпединститут, 1997. С. 28–35.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 19 (Пренебесный – Пресвѣдѣтельстввати). М.: Наука, 1994. 272 с.
- Фролов А.Н. История села Сабурово [Воскресенского р-на Московской обл.]. М.: Перо, 2018. 287 с.
- Черкасова М.С. К изучению монашеской антропонимики русского средневековья (по материалам Троице-Сергиева монастыря XV–XVII вв.) // Ферапонтовский сборник. Вып. 5. Москва-Ферапонтово, 1999. С. 32–41.

А.Б. Mazurov

TWO WHITE-STONE SIGNED TOMBSTONES OF THE EARLY 1540s FROM THE CITY OF KOLOMNA AND ITS DISTRICT

Abstract: Two monuments of Old Russian epigraphy from the city of Kolomna and its district, whose age is approaching half a millennium, are introduced into scientific discourse: the tombstone of 1541 of Pimen Kononov from the cemetery of the Church of the Nativity of the Virgin in village Ratmirovo and the tombstone of 1543 of the schema-monk Misail from the Brusensky Dormition Monastery in Kolomna. The characteristic of ornamentation and inscriptions, anthroponymy and church calendars is given, the topographical and social context is analyzed. The mentioned artifacts testify to the high source potential of white-stone signed tombstones.

Keywords: Russia in the middle of the 16th century, Kolomna and Kolomna district, old Russian epigraphy, Russian medieval white-stone signed tombstone, village Ratmirovo, Brusensky Dormition Monastery.

БЕЛОКАМЕННЫЕ НАДГРОБИЯ МОСКОВСКОЙ ТРАДИЦИИ ИЗ СМОЛЕНСКОЙ ЗЕМЛИ (КРАТКИЙ ОБЗОР)¹

Аннотация: Статья содержит краткий обзор белокаменных надгробий московской традиции XVI – начала XVIII вв., обнаруженных в ходе археологических исследований 50-х – 90-х гг. XX в. в городах Смоленской земли – Смоленске и Дорогобуже.

Ключевые слова: Смоленск, Дорогобуж, Москва, белокаменные надгробия, XVI в.

Территориальная экспансия Московской Руси в XV–XVI вв. привела к проникновению специфических элементов московской культуры в новые регионы. Одним из таких элементов явилась особенность московской погребальной обрядности – белокаменные надгробия с характерным оформлением. Основная часть Смоленской земли входит в состав Московского государства в течение последнего десятилетия XV – первой четверти XVI в. В 1494 г. к Московскому великому княжеству присоединяется Вязьма, в 1503 г. – Дорогобуж, в 1514 г. – Смоленск. Окончательно принадлежность Смоленска Москве закрепляется перемирием 1522 г. В ходе событий осады и обороны Смоленска 1609–1611 гг., в июне 1611 г. город захватывается войсками Речи Посполитой, а по итогам Деулинского перемирия Смоленск, Дорогобуж, Белый и Рославль официально входят в ее состав. В 1654 г. Смоленск занимают войска царя Алексея Михайловича, а в 1668 г., по условиям Андрусовского перемирия, смоленские земли окончательно уступаются Русскому государству. Настоящая заметка ставит своей целью ввод в научный оборот серии белокаменных надгробий XVI–XVIII вв., обнаруженных при археологических исследованиях в городах Смоленской земли – Смоленске и Дорогобуже. Публикуемая сводка надгробий и их фрагментов не претендует на полноту, и список подобных предметов, происходящих со смоленских территорий, несомненно, будет продолжен.

На данный момент удалось выявить информацию о не менее чем 7 плитах (в основном, фрагментированных) из Смоленска и 5 фрагментах, принадлежащих минимум двум надгробиям из Дорогобужа². Смоленские надгробия упоминаются в отчетах о работах Д.А. Авдусина 1954 г. и Н.Н. Воронина 1964, 1965 и 1966 гг. Надгробия из Дорогобужа были обнаружены при работах Т.В. Сергиной 1999 г.

Надгробия из Смоленска представлены фрагментом, найденным при раскопках собора Спасского монастыря; фрагментом из Троицкого монастыря (оба – из

¹ Данная статья подготовлена в порядке разработки плановой темы НИОКТР № 122011200266-3 «Города в культурном пространстве Северной Евразии в средневековье».

² Автор приносит глубокую благодарность к.и.н. Т.В. Сергиной за разрешение публикации материалов.

раскопок Н.Н. Воронина 1964 г.)³; тремя фрагментами надгробий из церкви Петра и Павла (раскопки Н.Н. Воронина 1965–1966 гг.)⁴, предположительно целым надгробием из Воскресенской церкви (раскопки Н.Н. Воронина 1965 г.)⁵. В отчете Д.А. Авдусина 1954 г. упоминаются обломки надгробий, обнаруженные в раскопе на ул. Студенческая, количество которых не указано. Из описания в тексте отчета можно сделать вывод о принадлежности фрагментов минимум двум надгробиям⁶. К сожалению, изображения смоленских надгробий в отчетах отсутствуют. Из текстовых описаний следует, что большинство надгробий имели орнамент в виде «волчьего зуба» (треугольчатый) – он отмечен на фрагментах из Спасского и Троицкого монастырей, а также на двух фрагментах из церкви Петра и Павла. О композиции орнамента известно следующее: на образце из Спасского монастыря он описан как «орнаментальная рамка», на экземпляре из Троицкого монастыря отмечен «зубчатый орнамент обрамления», на двух фрагментах из церкви Петра и Павла орнамент описан как «бортовой». Наиболее логичной представляется датировка данных надгробий XVI в., что соответствует основному периоду пребывания Смоленска в составе Московского государства. К XVI в. относится и третья плита из Петропавловской церкви, на которой сохранился фрагмент надписи с датой: «Лѣта 7070 (1561/1562) мѣсяца...». Надпись описывается как «незаконченная», «небрежно и наискось грубо прочерченная». Размеры плиты составляли 115 × 60 см. Предположительно, таким образом, плита имела полную ширину. Орнамент на ней при этом не упоминается. Плита в тексте называется «грубо обработанной»⁷. Не исключено, что данное изделие могло представлять собой заготовку либо вообще не являлось надгробием.

Надгробия из раскопок Д.А. Авдусина 1954 г. имели жгутовой орнамент, что дало основание автору раскопок датировать их XVII в. В тексте отчета упоминаются фрагменты надгробий двух разновидностей: с орнаментом по краям и без такового, с круглым орнаментальным клеймом в центре⁸. Наиболее ранние образцы надгробий со жгутовым орнаментом относятся к 60-м гг. XVI в.⁹, наибольшее распространение они получают в конце XVI – первой половине XVII в. Аналогий надгробиям с центральным клеймом без бордюра на данный момент найти не удалось. Надписи на плитах, по-видимому, отсутствовали. К сожалению, в тексте отсутствуют данные о характере оформления боковых граней плит. Учитывая небольшую вероятность использования подобных надгробий в период пребывания Смоленска под владычеством Речи

³ Воронин Н.Н. Отчет Смоленской экспедиции 1964 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Оп. Р-1. Ед. хр. 2972. Л. 35, 47.

⁴ Воронин Н.Н. Отчет о работе Смоленской экспедиции в 1965 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Оп. Р-1. Ед. хр. 3064. Л. 34–35; Воронин Н.Н. Отчет о работе Смоленской экспедиции в 1966 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Оп. Р-1. Ед. хр. 3329. Л. 6, 17.

⁵ Воронин Н.Н. Отчет о работе Смоленской экспедиции в 1965 г... Л. 18.

⁶ Авдусин Д.А. Отчет о работе Смоленской археологической экспедиции в 1954 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Оп. Р-1. Ед. хр. 1027. Л. 1.

⁷ Воронин Н.Н. Отчет о работе Смоленской экспедиции в 1965 г.... Л. 34–35; Воронин Н.Н. Отчет о работе Смоленской экспедиции в 1966 г.... Л. 17.

⁸ Авдусин Д.А. Отчет о работе Смоленской археологической экспедиции в 1954 г. Л. 1.

⁹ Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие: Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М., 1996. Фото 57–59.

Рис. 1. Дорогобуж. Дмитриевский монастырь. Раскопки 1999 г. Надгробие ДДм № 1
(по Т.В. Сергиной)

Посполитой, наиболее вероятным представляется датировать их концом XVI – началом XVII в. и связать с некрополем существовавшего в этом районе Пятницкого монастыря.

Надгробие из Воскресенской церкви относилось к началу XVIII в. Оно представляло собой плоскую трапециевидную белокаменную плиту длиной 110, шириной в изголовье 50 и в изножье 40 см, толщиной 20 см. На внешней поверхности плиты помещалась надпись: «1709 году януариа в третие число преставися раба Божия воскресенская поподия Пелагея...». Конец надписи был сильно поврежден. Плита была обнаружена *in situ* – под ней располагалось погребение¹⁰. Надгробие, очевидно, представляло собой индивидуальную форму, которую с синхронными московскими надгробиями объединял почти исключительно материал – белый камень. В Москве данного периода были распространены массивные надгробия с надписями на торцевой стороне либо стенные плиты-таблицы.

Фрагменты надгробий из Дорогобужа были обнаружены в переотложенном виде в забутовке фундамента церкви Сошествия Святого Духа постройки 1703 г. Дмитриевского женского монастыря. Все фрагменты имели орнамент «волчий зуб»¹¹. На иллюстрациях к отчету представлены два фрагмента надгробий. Первый фрагмент (предлагаемое обозначение ДДм № 1) представляет собой угловую часть плоской

¹⁰ Воронин Н.Н. Отчет о работе Смоленской экспедиции в 1965 г. ...Л. 18.

¹¹ Сергина Т.В. Отчет о работах в г. Дорогобуже в 1999 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Оп. Р-1. Ед. хр. 22797. Л. 3.

Рис. 2. Дорогобуж. Дмитриевский монастырь. Раскопки 1999 г. Надгробие ДДм № 2 (по Т.В. Сергиной)

плиты с бордюром из двух рядов противоположащих узких треугольников, внутри которого по обеим сторонам плиты расположен орнамент из двух рядов противоположащих вытянутых прямоугольных треугольников («косынка»)¹² (рис. 1). В качестве аналогий можно назвать надгробие Сергея Абрамова 1498 или 1508 г. из Высоко-Петровского монастыря (ВПм № 4)¹³; фрагмент надгробия Дм № 5 из Данилова монастыря с датой 1559/1560 г.¹⁴, надгробие Ивана (Ионы) Капустина 1545 г. из Спасо-Преображенского «на усть-Угры» монастыря¹⁵, Каспара Эльферфельдта 1570-х гг. с кладбища Наливки на Мытной улице в Москве¹⁶, Василия Глебовича Салтыкова 1570-х гг. из Чудова монастыря¹⁷. Второй фрагмент, представленный на иллюстрации (предлагаемое обозначение ДДм № 2), принадлежит средней левой части плоской плиты с орнаментом

¹² Сергина Т.В. Отчет о работах... Рис. 9.

¹³ Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие... Фото 47, 49.

¹⁴ Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие... Фото 6.

¹⁵ Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие... Фото 139.

¹⁶ Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие... Фото 145.

¹⁷ Макаров Н.А., Беляев Л.А., Курмановский В.С. Белокаменные саркофаги и надгробия некрополя Чудова монастыря из раскопок в Московском Кремле 2015–2017 гг. // Российская археология. 2019. № 2. Рис. 6.

устойчивой антропоморфной схемы. Фиксируется бордюр вдоль левого края и фрагменты двух тяг, оформленные в виде поясов из двух рядов противоположащих умеренно вытянутых треугольников, разделенных рельефной «змейкой»¹⁸. Находит многочисленные аналогии среди надгробий конца XV – XVI в. (рис. 2).

Подводя итоги настоящему небольшому обзору, следует отметить факт бытования в городах Смоленской земли (Смоленск, Дорогобуж) белокаменных надгробий московской традиции. Выявленные надгробия в основном принадлежат периоду первого пребывания Смоленска в составе Московского государства (1514–1611). Преобладающими среди них являются надгробия с треугольчатым орнаментом («волчьим зубом»), сходные с московскими аналогами XVI в., присутствуют также надгробия со жгутовым орнаментом, вероятно, датирующиеся концом XVI – началом XVII в. Имеются также белокаменные надгробия нетипичных форм (неорнаментированные, имеющие центральное орнаментальное клеймо без бордюра и др.), в том числе принадлежащие к более позднему периоду – началу XVIII в. Заслуживает внимания также тот факт, что большинство предметов происходят с монастырских некрополей (смоленские Троицкий, Спасский, Петровский, Пятницкий, дорогобужский Дмитриевский монастыри). Несомненно, смоленские белокаменные надгробия нуждаются в дальнейшей каталогизации и изучении.

Список литературы

- Авдусин Д.А. Отчет о работе Смоленской археологической экспедиции в 1954 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Оп. Р-1. Ед. хр. 1027.
- Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие: Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М.: Модус-Граффити, 1996. 563, [4] с.
- Воронин Н.Н. Отчет Смоленской экспедиции 1964 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Оп. Р-1. Ед. хр. 2972.
- Воронин Н.Н. Отчет о работе Смоленской экспедиции в 1965 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Оп. Р-1. Ед. хр. 3064.
- Воронин Н.Н. Отчет о работе Смоленской экспедиции в 1966 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Оп. Р-1. Ед. хр. 3329.
- Макаров Н.А., Беляев Л.А., Курмановский В.С. Белокаменные саркофаги и надгробия некрополя Чудова монастыря из раскопок в Московском Кремле 2015–2017 гг. // Российская археология. 2019. № 2. С. 117–133.
- Сергина Т.В. Отчет о работах в г. Дорогобуже в 1999 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Оп. Р-1. Ед. хр. 22797.

V.S. Kurmanovskiy

WHITE-STONE GRAVESTONES OF THE MOSCOW TRADITION FROM THE SMOLENSK REGION (BRIEF REVIEW)

Abstract: The article contains a brief overview of the white-stone gravestones of the Moscow tradition of the 16th – early 18th centuries, discovered during archaeological research in the 50s – 90s of the 20th century in the cities of Smolensk land – Smolensk and Dorogobuzh.

Keywords: Smolensk, Dorogobuzh, Moscow, white stone tombstones, 16th century.

¹⁸ Сергина Т.В. Отчет о работах... Рис. 10.

ДВЕ ПЛИТЫ XVIII ВЕКА НА НЕКРОПОЛЕ НОВОДЕВИЧЬЕГО МОНАСТЫРЯ¹

Аннотация: В статье анализируются два надгробия середины и конца XVIII в., обнаруженные при раскопках на территории Новодевичьего монастыря в Москве. Кладбище в монастыре представлено в основном участками с могильными плитами XVI и XVII в., а также стоящими до сих пор на земле памятниками XIX–XX вв. Часть этих памятников перемещена, но на поверхности остается около 150 монументов новейшего времени, а также несколько десятков надгробий эпохи Московского царства (в основном в составе собора Смоленского Образа Богоматери). В то же время, кладбище XVIII в. целиком уничтожено в XIX–XX вв., когда в монастыре хоронили особенно активно, и пришлось прибавить землю к югу от обители, чтобы расширить кладбище. Два найденных надгробия удачно демонстрируют сохранение ранней московской традиции до середины XVIII в. (намогильная плита священника Лихачева, 1752 г.), а также ее полную смену западной моделью классического надгробия в форме саркофага к концу столетия (надгробие офицера Татаринова, 1790 г.).

Ключевые слова: археология монастырей, археология Нового времени, некрополь, надгробная скульптура, лапидарная эпиграфика, история Москвы, генеалогия.

В археологии погребальных памятников Новодевичьего монастыря явно различимы два хронологических пласта: старомосковский XVI–XVII вв. и позднейший XIX–XX вв. Оба представлены десятками памятников, их не раз изучали, и сейчас они сравнительно хорошо известны. Чего нельзя сказать о плитах, появившихся в промежутке, куда помещается практически весь XVIII век. Слой его памятников выявился только при охранных исследовательских работах Новодевичьей экспедиции под руководством Л.А. Беляева (2017–2022 гг.) и представлен, к сожалению, в основном подземными частями сооружений: склепами и помещавшимися над ними платформами для памятников. Типы этих сооружений требуют специального разбора, но в целом можно сказать, что уровень кладбища XVIII века разрушен в ходе активной погребальной деятельности следующих столетий. В раскрытом виде слои кладбища в верхней части, вблизи храмов образуют сплошное поле взаимно наслаивающихся и часто перебивающих друг друга кладок, крупных камней оснований, сводов кирпичных склепов и т. п. Сами памятники сохраняются в крайне редких случаях. В этой заметке будут представлены два почти целых надгробия, относящихся к «интерстадиалу» XVIII столетия.

¹ Работа выполнена в рамках плановой темы НИОТКР 122011200385-1.

Рис. 1. Надгробие иерея Дмитрия Федоровича Лихачева. 1752 г.

Первое из них обнаружено к востоку от апсид Смоленского собора и относится к типу, который восходит к XVII в. (рис. 1). Это простой высокий камень в форме трапецоида. Надпись помещена на торце в изголовье плиты и генетически близка поздней вязи. В ней шесть строк, очень профессионально выполненных по графье. Состояние плиты не позволяет прочесть все буквы, но утраты восстанавливаются. В центре верхней строки помещен разрывающий ее равноконечный крест с аббревиатурами:

[Иисус] X[ристо]С НІ КА.

Читается:

1752 г(оду) октября [крест] месяца в 25... день//

преставися раб Божий Іерей Дмитрей Θεодо//

ровъ рода Лихачевых. Тѣло его чesъ//

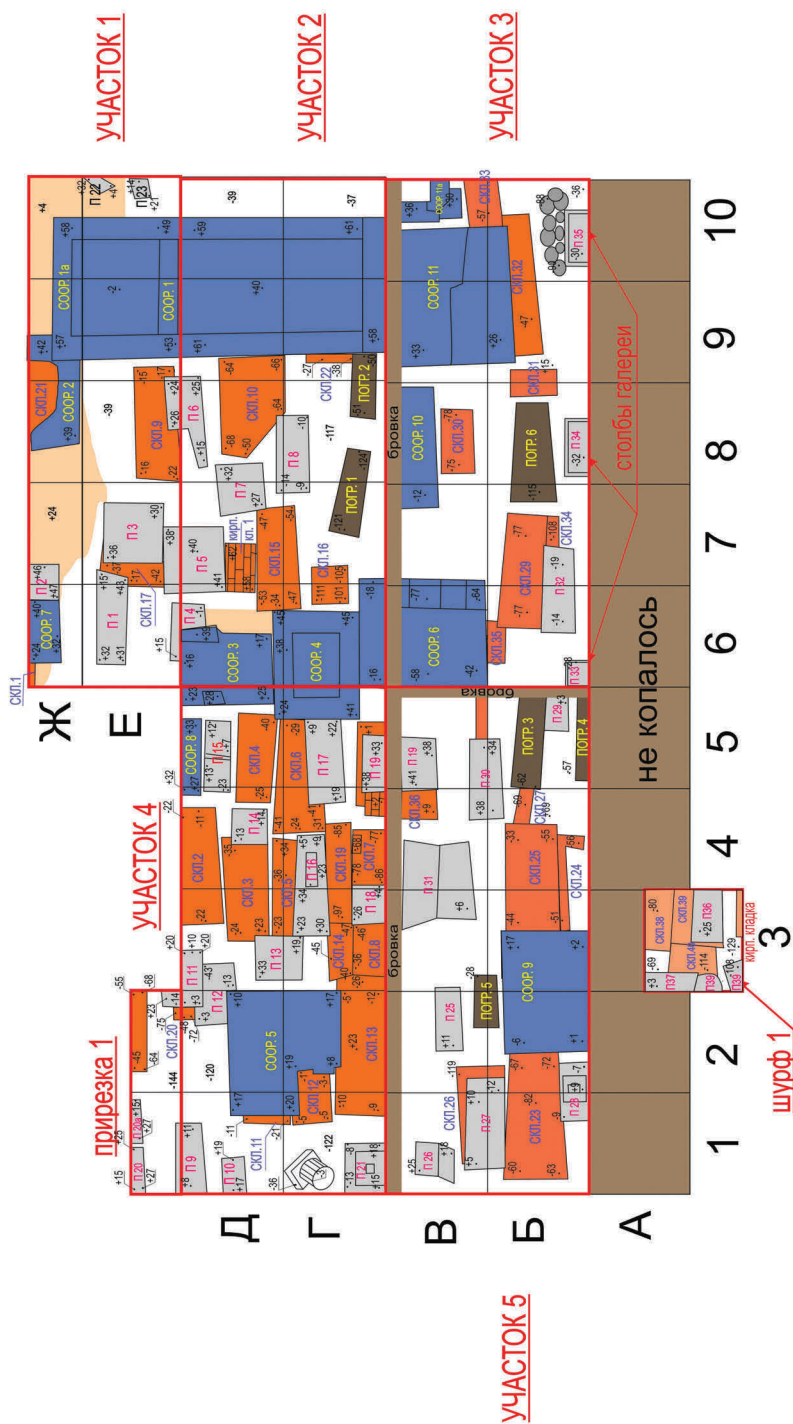
тное положено в семь мѣстѣ. Боже//

упокой душу его со всѣми святыми Твоими//

в безконечные вѣки

Род Лихачевых известен по документам обители: среди рядовых старцев обители под 1604 г. названа Марья Лихачова², а в Синодике Новодевичьего монастыря (1705 г.) записан род Алексея Тимофеевича Лихачева. Уже в 1636 г. А.Т. Лихачев унаследовал отцовское поместье на Белом озере. Он прожил долгую жизнь (умер

² Источники по социально-экономической истории России XVI–XVIII вв. М. 1985. С. 93.

Рис. 2. Общий план погребальных сооружений на раскопе 23, 2018 г. Составлен М.А. Батановой и И.И. Елкиной.
Под № 14 – погребение прапорщика Матвея Яковлевича Татагарина. 1790 г.

только в 1729 г.), преданно служил царю Алексею Михайловичу (упомянут в 1648 г. как чарочник), затем его сыну Федору Алексеевичу и оставался у дел вплоть до начала XVIII в. Известен также как писатель, входивший в кружок ревнителей благочестия. Во время бунта стрельцов 1682 г. пострадал. Словом, был частью своего времени. Однако в браке с Марией Андреевной (род неизвестен) у него не было детей³, так что иерей Дмитрий Федоров Лихачев не может быть его прямым потомком. Также без наследников умер и младший брат Алексея Михаил Тимофеевич (ок. 1640–1706; дослужившись до чина окольничего, он управлял Оружейной палатой).

Имущество братьев поделили дальние родственники, упомянутые в завещании М.Т. Лихачева: Дорофей и Любим Афанасьевичи, Иван и Никита Ивановичи, Иван Иванович, Иван Евстигнеевич, Логин Васильевич и Степан Самсонович Лихачев. Укажем, что в одном из источников отмечен Прохор (Федор), сын Михаила Тимофеевича. По возрасту он мог быть отцом усопшего⁴. Но следует учесть, что семьи иереев и дворянские роды соединялись редко⁵. Чтобы установить место иерея Дмитрия Лихачева, потребуется дальнейшая работа. Возможно, какие-то сведения даст сплошной просмотр переписных книг Москвы XVIII в., где есть данные по первой половине столетия.

Второе надгробие обнаружено *in situ* на участке к северу от Успенского собора (раскоп 23, 2018 г., погребение 14) (рис. 2). Камень установлен ногами к востоку и, видимо, не сдвигался с места после погребения. Сам камень очень изящен, имеет вид сужающегося к ногам и приподнятого в изголовье гроба, увенчанного более узким гребнем (сохранилась только часть) и богато украшенного рельефной резьбой. В торце изголовья изображен овальный лавровый венок со свисающими концами, перевитый плетеными лентами, закинутыми на верхнюю грань. Венок фланкируют пальметты. В венке – вензель, отвечающий инициалам имени и фамилии погребенного: МТ. На торце в ногах – Адамова голова со скрещенными костями на Голгофе (традиционный символ смерти и воскресения). Боковые грани украшают свисающие с колышков полотнища, в середине грани – простые рамки для надписи (рис. 3, 4).

Надпись короткая, на каждой грани по две строки, так что остается много свободного места. Буквы гражданского шрифта, выполнены в высоком рельефе. Читается вполне четко.

Справа (с севера): Погребен здесь прапорщик Матвей //
Яковлевич Татаринков

Слева (с юга): Преставился в 1790 году 18 генваря в 3 //
часа по полуночи от рождения //
на 43^м году

³ Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах, хранящихся в I-ом отделении Московского архива Министерства юстиции, с обозначением служебной деятельности каждого лица и годов состояния в занимаемых должностях. М., 1853. Лихачёвы. С. 232–233.

⁴ См.: Лихачев Н.П. Вкладная запись выдающегося генеалогического интереса // Известия Русского генеалогического общества. Вып. 2. СПб., 1903. С. 158.

http://elibrary.ru/nodes/18026-rushpl00001385_izvestiya-russkogo-genealog-ob-va-vyp-2#mode/inspect/page/174/zoom/5

⁵ Обзор списков родословных росписей Лихачевых см.: Антонов А.В. Родословные росписи конца XVII в. М., 1996. С. 218–219.

Рис. 3. Надгробие прапорщика Матвея Яковлевича Татаринова:

а – вид изголовья с вензелем в венке; *б* – изножье с Адамовой головой на Голгофе; *в* – вид сверху; *г* – южная грань с окончанием надписи; *д* – северная грань с началом надписи

В отношении тройного повтора слога «та» в начале фамилии трудно принять однозначное решение. С одной стороны, среди русских фамилий такие как будто встречаются – во всяком случае, на сайте «Память народа» они есть⁶. Однако среди проходивших военную службу в информационной базе РГВИА «Персоналии XVIII в.» мы такой фамилии не нашли⁷.

В то же время, хорошо известная фамилия «Татаринов» в сочетании с тем же именем в базе XVIII в. отражена дважды. Матвей Татаринов (отчество не указано) был произведен в корнеты 01.10.1763 г. из предыдущего чина вахмистра, а начал службу 01.05.1752 г. в Сибирском карабинерном полку⁸. Хронологически сложно допустить, что это один и тот же человек: он родился около 1743 г., и в 1763 г. ему было 20 лет или около того. Для корнета это нормально. Но представить вступление в полк в 9 лет можно только как заочную запись. Кроме того, хотя прапорщик и вахмистр близки по рангу, они различаются по родам войск – вероятнее всего, погребенный служил в пехоте или артиллерии. В базе учтен еще Матвей Татаринов, отца которого звали Федором; если это тот же человек, служивший в Сибирском полку, то вопрос решится окончательно – отца погребенного в Новодевичьем монастыре прапорщика звали Яков. Так что даже предположение ошибки в надгробной надписи дела не решает, пространство для исследования сохраняется.

Вне зависимости от идентификации погребенных, интересно сопоставить памятники по оформлению. Надгробие Лихачева – один из позднейших примеров традиционного старомосковского надгробия, особенно популярного с середины XVII в. Подобные встречаются в ту эпоху столь часто, что приводить примеры нет смысла. Кроме формы и места размещения надписи, интересен шрифт – поздняя версия вязи. Эпитафия в первой половине следует формуляру XVI–XVII вв., с эпохой нового времени его объединяет дата от Рождества Христова и арабские цифры, а также, конечно, добавленная благопожелательная молитвенная формула.

Появившееся примерно через полвека надгробие прапорщика Матвея уже иное: в его оформлении очевидны классические коннотации, оно очень изящно и может быть охарактеризовано как памятник рококо. По сути дела, сравнение этих двух камней обозначает период, в который совершился окончательный переход от старомосковской традиции к западным формам нового времени: 1750-е – 1780-е годы.

⁶ https://pamyat-naroda.ru/heroes/?adv_search=y&last_name=Татаринов&first_name=&middle_name=&date_birth_from=&static_hash=265f662658f0020f1ddb48e3c1210688v7&data_vibitiya_period=on&group=all&types=pamyat_commander:nagrad_y_nagrad_doc:nagrad_y_uchet_kartoteka:nagrad_y_ubilein_kartoteka:pdv_kart_in:pdv_kart_in_inostranec:pamyat_voenkomat:potery_vpp:pamyat_zsp_parts:kld_ran:kld_bolezn:kld_polit:kld_upk:kld_vmf:potery_doneseniya_o_poteryah:potery_gospitali:potery_utochenie_potery:potery_spiski_zahoroneni:potery_voennoplen:potery_iskluchenie_iz_spiskov:potery_kartoteki:potery_rvk_extra:potery_isp_extra:same_doroga&page=1&grouppersons=1.

⁷ Просмотр базы архива 02.11.2022. Выражаю Д.Г. Давиденко искреннюю признательность за помощь в поиске сведений о погребенных.

⁸ Послужной список. 23.03.1764 г. – РГВИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 28. Л. 16 об. – 17.

Послужной список. 05.04.1764 г. – РГВИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 28. Л. 172 об. – 173. Само дело из хранения не востребовалось.

Список литературы

- Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах, хранящихся в 1-ом отделении Московского архива Министерства юстиции, с обозначением служебной деятельности каждого лица и годов состояния в занимаемых должностях. М.: Типогр. С. Селивановского, 1853. [4], VI, 498, [3] с., [3] л. С. 232, 233.
- Антонов А.В. Родословные росписи конца XVII в. М.: Археографический центр, 1996. 414 с. (Исследования по русской истории; Вып. 6.).
- Источники по социально-экономической истории России XVI–XVIII вв. Из архива Московского Новодевичьего монастыря. М.: Институт истории СССР АН СССР, 1985. 364 с.
- Лихачев Н.П. Вкладная запись выдающегося генеалогического интереса // Известия Русского генеалогического общества. Вып. 2. СПб.: Тип. А. Бенке, 1903. С. 149–164. http://elib.shpl.ru/ru/nodes/18026-rushpl00001385_izvestiya-russkogo-genealog-ob-va-vyp-2#mode/inspect/page/174/zoom/5.

S.B. Grigorian

TWO TOMBSTONES OF THE 18TH CENTURY AT THE NECROPOLIS OF THE NOVODEVICHY CONVENT

Abstract: The article analyzes two tombstones of the middle and the end of the 18th century, discovered during excavations on the territory of the Novodevichy Convent in Moscow. The cemetery in the monastery is represented mainly by sections with gravestones of the 16th and 17th centuries, as well as monuments of the 19th and 20th centuries still standing on the ground. Some of these monuments have been moved, but about 150 monuments of Modern times remain on the surface, as well as several dozen tombstones from the era of the Moscow kingdom (mainly as part of the Cathedral of Our Lady of Smolensk). At the same time, the 18th century cemetery was completely destroyed in the 19th and 20th centuries, when burials were especially active in the monastery, and lands had to be added to the south of the monastery in order to expand the cemetery. Two found tombstones successfully demonstrate the preservation of the early Moscow tradition until the middle of the 18th century (the tombstone of priest Likhachev, 1752), as well as its complete replacement by the Western model of the classical tombstone in the form of a sarcophagus by the end of the century (tombstone of officer Tatatarinov, 1790).

Keywords: monastic archeology, archeology of Modern times, necropolis, tomb sculpture, lapidary epigraphy, history of Moscow, genealogy.

АДАПТИВНЫЕ ТРЕНДЫ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ В ЭПОХУ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ – НОВОГО ВРЕМЕНИ ПО МАТЕРИАЛАМ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА¹

Аннотация: Урбанизированная среда представляет собой особую, крайне сложную для изучения миграционную модель, интегрирующую людей разного происхождения и социального статуса. К тому же сосредоточение торговли создает условия для появления разнообразных, в том числе и нетипичных для местности, пищевых товаров, что могло оказывать влияние на горожан всех социальных слоев. Показатели, используемые для оценки степени благосостояния в экономических исследованиях (уровень травматизма, характер физических нагрузок, параметры соматического развития – длина тела взрослых и особенности процесса роста детей), определяются путем изучения человеческих останков, извлеченных из археологических раскопок. Предлагаемая публикация посвящена критическому обзору использования некоторых таких показателей. Например, показано, что направление, изучающее темпы развития детей прошлого, традиционно сталкивается с комплексом методических препятствий, среди которых сложности унифицированного определения биологического возраста ювенильных индивидов, разнообразие исследовательских подходов и недостаток репрезентативных антропологических материалов из археологических раскопок. Изучение адаптивных трендов по материалам антропологического источника сталкивается с объективными методическими сложностями. Но накопление репрезентативных материалов из раскопок городских и сельских комплексов позднего средневековья – Нового времени и внимание к историческому контексту могут способствовать решению многих проблем.

Ключевые слова: антропологические материалы из археологических раскопок, хронологическая изменчивость биологических показателей, травмы черепа, длина тела, рост детей.

Полевые исследования последних лет, проводимые ИА РАН, открыли сотни городских погребений, охватывающих хронологический диапазон позднего средневековья – Нового времени. Помимо непосредственных историко-культурных аспектов изучения этих репрезентативных материалов, они могут послужить для оценки биологических изменений населения в контексте социокультурной адаптации по данным антропологии. Это даст возможность, опираясь на независимый источник, уточнить представления о динамике качества жизни населения русских городов. Предлагаемая публикация фокусирует внимание на перспективах и методических сложностях, с которыми может столкнуться работа в рамках данного научного направления.

---

¹ Исследование выполнено в рамках госзадания: «Междисциплинарный подход в изучении становления и развития древних и средневековых антропогенных экосистем», № НИОКТР 122011200264-9.

Урбанизированная среда представляет собой особую, крайне сложную для изучения миграционную модель, интегрирующую людей разного происхождения и социального статуса. К тому же, как отмечал в одной из программных статей по вопросам урбозологии академик В.П. Алексеев², «даже незначительный город в процессе сосредоточения торговли создает условия для появления разнообразных, в том числе и нетипичных для местности, пищевых товаров», что могло оказывать влияние на горожан всех социальных слоев.

Много информации о здоровье и степени благополучия людей прошлого можно получить благодаря изучению человеческих останков, извлеченных из археологических раскопок – это, в первую очередь, данные об уровне травматизма, характере физических нагрузок, уровне соматического развития (о длине тела взрослых и об особенностях процесса роста детей). Примечательно, что эти показатели используются для оценки уровня жизни в экономических исследованиях³.

Уровень травматизма как мерило социальной агрессии в городской и сельской среде

Истории «насилия в Европе» посвятили свое масштабное и обобщающее исследование Й. Батен и Р. Штекель⁴. Они использовали данные из раскопок свыше 100 европейских памятников разной хронологии: «до-средневекового периода» (с рубежа н.э. до IV в.), раннего (V–X вв.), высокого (XI–XIII вв.) и позднего средневековья (XIV–XV вв.), раннего современного (XVI–XVIII вв.) и индустриального периодов (XIX–XX вв.). Были обследованы 4738 черепов, из которых у 4726 сохранилось не менее 50 процентов (и более 75 процентов у 4696 человек). В рамках этого проекта были принципиально рассмотрены только материалы из обычных некрополей, о которых было известно, что они не являются местами массовых захоронений участников битв.

Травмы черепа, фиксируемые при осмотре останков людей из археологических раскопок, преимущественно интерпретируются специалистами как следствие межличностного насилия, особенно, когда есть возможность установить боевой характер повреждений. Этот тезис хорошо иллюстрирует сравнение данных антропологии и письменных источников. Например, сопоставление найденных краниальных дефектов с отчетами коронеров средневекового лондонского Сити обнаружило, что высокий уровень всех убийств напрямую связан с травмой черепа, причиненной посохом в качестве оружия⁵. При анализе конкретной выборки частота встречаемости травм черепа выступает мерилom социальной агрессии.

Исследователи стремились проверить ранее высказанные предположения, что «цивилизационный процесс» ведет к снижению уровня убийств и агрессии в целом.

---

² Алексеев В.П. Об исторической урбозологии // Урбозология. М., 1990. С. 73.

³ Steckel R.H. Stature and the Standard of Living // Journal of Economic Literature. 1995. Vol. 33. P. 1913.

⁴ Baten J., Steckel R.H. The History of Violence in Europe: Evidence from Cranial and Postcranial Bone Traumata // Steckel R.H. et al. eds. The Backbone of Europe: Health, Diet, Work and Violence over Two Millennia. Cambridge et al.: Cambridge Univer, 2019. P. 300–324.

⁵ Krakowka L. Patterns and prevalence of violence-related skull trauma in medieval London // American Journal of Physical Anthropology. 2017. P. 1–17.

Так, М. Айснер⁶ доказывал, что европейское население «заменяло мечи на слова» благодаря увеличению количества книг, выпущенных со времен средневековья. Рост грамотности и благосостояния, по его мнению, привели к снижению склонности к насилию в Европе, начиная с раннего Нового времени, а в Англии и Германии – с конца четырнадцатого века.

Но Й. Батен и Р. Штекель не нашли резкого снижения межличностного насилия между первым и пятнадцатым веками нашей эры. Напротив, фактически насилие даже увеличилось в период позднего средневековья. В целом более низкий уровень насилия и травматизма был характерен для северо-западной части Европы с минимальным значением на континентальном побережье Северного моря (сегодняшние Нидерланды и отчасти северо-западная Германия – место торгового доминирования фризов). А в Средиземноморье, а также в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе уровень насилия был выше.

Вопреки ожиданиям, частота боевых травм черепа для молодых (в возрасте 18–40 лет) и пожилых людей (в возрасте 40 лет и старше) была одинаковой и составила 5,4% и 5,3%, соответственно.

Важный результат был получен при сопоставлении сельского и городского населения. Так называемый «городской коэффициент» был статистически значимым и отрицательным в регрессионной модели. Авторы логично предположили, что было безопаснее жить в пределах стен европейских городов. Даже более высокая плотность населения, в среднем, не приводила к большей агрессии, что выражалось в пониженной частоте травм у горожан по сравнению с жителями сельской местности.

Рост уровня агрессивности в периоды высокого и позднего средневековья был в основном среди населения, захороненного на сельских кладбищах. Однако распространенность черепно-мозговых травм и боевых ранений среди населения, в котором преобладали ремесленники, не увеличивалась от античности до развитого средневековья. Эта группа продемонстрировала значительное снижение последствий насилия в ранний современный и индустриальный периоды, тогда как «группа земледельцев шла по этой траектории очень медленно»⁷. Примечательно, что в урбанизированных условиях раннего средневековья коллапс, сопровождавший крушение Римской империи, привел к очень незначительному числу травм (всего 36), а в развитом средневековье горожане-европейцы жили в еще более безопасном мире, в отличие от селян, все чаще становившимися жертвами агрессии.

Й. Батен и Р. Штекель предлагают комплексный ответ на вопрос, почему четырнадцатый и пятнадцатый века, по данным антропологического и письменного источников, были столь жестокими. Они считают, что население Европы резко возросло, намного превысив плотность до этого наиболее многочисленной популяции Римской империи. Параллельно ухудшился климат, и «малый ледниковый период» не способствовал увеличению пищевых ресурсов. Многочисленные войны, религиозная нетерпимость, последствия чумы, резко сократившей численность европейцев

---

⁶ *Eisner M.* From swords to words: does macro-level change in self-control predict long-term variation in levels of homicide? // *Crime and Justice*. 2014. 43 (1). P. 65–134.

⁷ *Baten J., Steckel R.H.* The History of Violence in Europe... P. 11.

в середине XIV в. не способствовали снижению агрессии и распространению толерантности.

Отдавая должное масштабной попытке авторов этой публикации описать генерализованную тенденцию флуктуаций степени агрессивности европейского населения на протяжении двух тысяч лет (то есть, де факто посчитать «среднюю температуру по больнице»), нельзя не отметить, как выбиваются из этой конструкции примеры, связанные с определенными историческими или политическими событиями.

Так, по результатам раскопок экспедицией ИА РАН слоев средневекового Ярославля, благодаря присутствию многочисленных повреждений свода черепа, впервые выявленных А.П. Бужиловой, стало ясно, что именно горожане разных возрастов стали жертвами трагических событий 1238 г. и сотнями погибли от нападения войска Батия⁸.

Другим «выбивающимся» из усредненной схемы ярким примером служит исследование останков английского короля Ричарда III⁹. У него были встречены многочисленные следы предсмертных ранений, а также следы давно заживших ран, очевидно, полученных в других битвах, например, при Барнете в 1471 году. Для сравнения были использованы результаты обследования останков нескольких десятков человек, погибших в 1461 г. в битве при Таутоне, преимущественно от меча. Даже это частное исследование позволяет поставить вопрос об эволюции оружия, о надежности защитного доспеха и – наконец, об избирательной смертности представителей дворянского сословия, даже королей, в боевых столкновениях. Очевидно, только максимально более подробное контекстуальное рассмотрение наполнит смыслом суммарные наблюдения, получаемые при экспертизе останков погибших людей прошлого.

Актуальные вопросы изучения особенностей процессов роста у детей прошлого

Ауксология человека (от «αἰχμα» – «расти») – раздел возрастной антропологии, изучающий закономерности роста и развития в норме и при различных патологических состояниях. Это чрезвычайно популярное научное направление в биологической антропологии, нацеленное на изучение современных детей в разных странах мира, опирается на многолетние наблюдения и, в последнее время, оперирует метаданными¹⁰.

Самые ранние научные наблюдения процесса роста ребенка от рождения до 18 лет принадлежат графу Филиберу де Монбейяру, ежегодно измерявшему длину тела своего сына с 1759 по 1777 г. Два графика, построенные этим французским аристократом, отражали абсолютные изменения продольных размеров и величину

---

⁸ Buzhilova A., Goncharova N., Engovatova A. Mass graves from Medieval Russian town: bio-cultural context of remains. Abstracts of 17th Paleopathological Association Meeting “Diseases in the Past”, Copenhagen, Denmark, 25–27th August, 2008. P. 27.

⁹ *The bones of a king*. Richard III rediscovered. The Greyfriars research team with Maev Kennedy and Lin Foxhall. Malden-Oxford-Chichester: Wiley Blackwell, 2015. 219 p.

¹⁰ Година Е.З. Некоторые проблемы современной ауксологии и пути их решения (по материалам исследований НИИ и Музея антропологии МГУ) // Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология. 2010. № 3. С. 4–15.

прибавок и были опубликованы на страницах «Естественной истории» его другом Ж. Бюффоном¹¹. Комментируя эти данные, крупнейший авторитет в области ауксологии XX в. Дж. Таннер писал, что так впервые была охарактеризована динамика скорости роста в постнатальном онтогенезе с максимальными темпами на первом году жизни ребенка, выходом на плато скорости роста в 3–8 лет и пубертатным ростовым скачком, начиная с 11 лет. Такая траектория темпов роста могла считаться универсальной. Но позднее на примере современных популяций были выявлены существенные различия в скорости развития и размерах тела детей¹². Некоторые из них обусловлены влиянием генетических факторов, но так же несомненны различия между представителями богатых и бедных, городских и сельских групп, между детьми, страдающими от хронического недоедания и регулярно получающими полноценное высокопротеиновое питание. Заметное влияние внешних факторов на интенсивность ростовых процессов служит обоснованием актуальности ауксологических исследований, в которых мониторинг этих показателей является важным мерилем качества жизни популяции в целом.

Работы отечественных антропологов внесли существенный вклад в развитие этого научного направления. Так, лабораторией ауксологии НИИ и Музея антропологии МГУ были изучены свыше 70 этно-территориальных групп детей, подростков и юношей в возрасте от 3 до 17 лет¹³. При анализе географической изменчивости было показано наличие западно-восточного градиента в распределении длины тела у детей разных групп и отсутствие этого градиента у русских детей, проживающих на тех же территориях, что было интерпретировано в контексте этногенетических различий между популяциями. Вместе с тем, было показано, что социально-экономические факторы оказывают модифицирующее влияние на ход ростовых процессов, а показатели роста детей и подростков, отражая социальную стратификацию, подтверждают тезис Дж. Таннера о том, что рост – зеркало происходящих в обществе процессов¹⁴. В этой связи необходимым является и привлечение такого понятия как «секулярный тренд», часто рассматриваемого как синоним процесса акцелерации, описанного на примере современных популяций, начиная с середины XX в. В понимании этого явления Е.З. Година близка к определению, предложенному авторитетным антропологом Б. Богиним: «секулярный тренд – это процесс изменения средних размеров или формы тела индивидов в популяции от поколения к поколению. Такие изменения могут быть положительными (когда размеры тела увеличиваются), или отрицательными (когда они уменьшаются)»¹⁵.

Неудивительно, что по мере развития палеоэкологических подходов в изучении антропологических материалов из археологических раскопок, возникла и тема палеоауксологии. Параллельно собственно биологическим аспектам исследования возникает интерес к контекстуальному изучению детских погребений и останков де-

---

¹¹ *Tanner J. Human growth and development // The Cambridge encyclopedia of human evolution. 9th edition. Eds. Jones S., Martin R., Pilbeam D. Cambridge: Cambridge University Press. 2005. P. 98.*

¹² Там же. P. 105.

¹³ *Година Е.З. Некоторые проблемы современной ауксологии...*

¹⁴ Там же. С. 6.

¹⁵ Там же. С. 7; *Bogin B. Evolutionary hypothesis for human childhood // Yearbook of physical anthropology. 1997. Vol. 40. P. 63–89.*

тей из археологических раскопок в рамках так называемой биоархеологии детства¹⁶. Последняя рассматривает широкий комплекс проблем, включая особенности погребальных обрядов, применявшихся к детям разных возрастных категорий, т. е. опосредованно – вопросами обретения идентичности и социальной стратификации; вопросами ювенильной смертности и болезней, некоторые из них у детей имели свою отчетливую специфику.

В этом перечне изучение параметров развития детей прошлого столкнулось с комплексом объективных методических препятствий. Первая проблема – недостаток ювенильных палеоантропологических коллекций, связанный с фрагментарным характером детских скелетов и существовавшей практикой сбора в процессе раскопок останков взрослых индивидов, – в последние годы во многом преодолена благодаря разработке более детальных протоколов полевых исследований.

Другая, объективная проблема сопряжена с трудностями определения индивидуального биологического возраста (*developmental age*), отражающего определенное состояние организма человека. Как и при идентификации останков взрослого человека, биологический возраст ребенка может быть определен по совокупности характеристик зубной и скелетной системы, которые далеко не всегда могут совпадать между собой. Специфика изучения ювенильных останков в том, что зубная система может быть представлена зубами двух генераций – молочными и постоянными, а размеры костей скелета еще не достигли дефинитивных размеров. Показатели биологического возраста, определенные по различным костям и степени прорезывания зубов, можно сравнивать с референсными значениями, полученными при обследовании современных детей известного пола и возраста. Но измерения длины тела детей с фиксированной датой рождения показывают, что в каждой группе и каждой возрастной категории есть быстрорастущие и быстро достигающие зрелости индивиды, а есть «отстающие». Это создает дополнительные сложности для определения биологического возраста по ювенильным останкам из археологических раскопок, если использовать современные стандарты роста детей, к тому же отличающиеся между собой благодаря разным проявлениям секулярного тренда. Именно множество методических сложностей изучения «кривых роста» в палеопопуляциях привело к тому, что это направление исследований, активно стартовавшее в 70-е и 80-е гг. XX в. впоследствии во многом сошло на нет.

Приоритет в измерениях костей младенцев и маленьких детей из археологических раскопок принадлежит американскому антропологу Ф. Джонстону, исследовавшему продольный рост в группе индейцев Кнолл III тыс. до н.э.¹⁷ В этой работе впервые палеоантропологическая детская выборка сопоставлялась с результатами прижизненного рентгеновского обследования «современных» детей – американцев середины XX в. Сравнение показало сходство кривых роста при более низких продольных размерах доисторических индейцев и статистическую значимость различий, начиная с 2 лет.

¹⁶ *Lewis M.* The Bioarchaeology of Children: Perspectives from Biological and Forensic Anthropology. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 465 p.

¹⁷ *Johnston F.E.* Growth of the long bones of infants and young children at Indian Knoll // *American Journal of Physical Anthropology*. 1962. Vol. 20. P. 249–254.

Ранний этап развития палеоауксологии также включает исследование репрезентативной древнеславянской выборки из раскопок в Микульнице, Новом Замке и Вирте¹⁸. Исследователи этих материалов из Южной Моравии помимо непосредственных измерений трубчатых костей у раннесредневековых детей использовали один из методов для реконструкции длины тела. Сравнение с чешскими детьми 1961 года показало неожиданные отличия темпов роста: при сходных размерах новорожденных, раннеславянские дети были намного выше современных в 4–5 лет, но после 10 лет резко от них отставали.

В 1980-е гг. была предложена концепция, обосновывавшая возможность изучения последствий физиологического стресса при анализе останков древнего населения¹⁹. В рамках ее парадигмы длина тела представителей палеопопуляций, наряду с палеодемографическими характеристиками, рассматривалась как индикатор генерализованного кумулятивного стресса, отражавшего неспецифический ответ организма на неблагоприятное воздействие, т.е. сумму стрессов, продолжавшихся длительное время. В свете этой концепции данные палеоауксологии теоретически позволяли более дифференцированно описать уязвимые периоды процесса роста, когда формирующийся организм испытывал особо неблагоприятные воздействия.

Первым российским исследователем, проявившим интерес к данной проблематике, была В.Н. Федосова. В рукописи, написанной в начале 1990-х гг., но, к сожалению, опубликованной много позже, она представила исчерпывающий на тот момент обзор зарубежных публикаций, охватывавших разные эпохи и регионы мира²⁰. Кроме того, в этой работе были воспроизведены фактические данные, полученные М. Марешем при обследовании американских детей Денвера в 1943 г., в том числе, пересчитанные автором обзора без учета половой принадлежности. Широкий сравнительный фон позволил В.Н. Федосовой высказать важное предположение: «Таким образом, во всех популяциях до XIX в. ростовые кривые, как правило, не соответствуют современным стандартам. Однако возможно выделить период, когда эти несоответствия сведены к минимуму, это период от рождения до 2–3 лет. Суть феномена, скорее всего, не только в оптимальном для данного возраста питании, а и в устойчивой генетической детерминации роста в этот период. Генетическая детерминированность роста на протяжении периода младенчества свидетельствует о первостепенной важности (может быть, ранга видовой характеристики) данного периода для всего развития ребенка»²¹.

С начала 1990-х гг. авторами концептуальной статьи «Остеологический парадокс: проблемы оценки доисторического здоровья в скелетных группах»²² была открыта многолетняя дискуссия об интерпретациях результатов палеоэкологических и

---

¹⁸ *Stloukal M., Hanakova H.* Die Lange der Langenknöchen altslawischer Bevölkerungen – Unter besonderer Berücksichtigung von Wachstumsfragen // *Homo*. 1978. Vol. 29. P. 53–69.

¹⁹ *Goodman A.Y., Martin D.L., Armelagos G.J.* Indications of stress from bone and teeth // *Paleopathology at the origin of agriculture*. M.N. Cohen, G.S. Armelagos (eds.). London: Orlando, 1984. P. 13–44.

²⁰ *Федосова В.Н.* Анализ процессов роста и развития в палеопопуляциях // *Горизонты антропологии*. М., 2003. С. 521–530.

²¹ Там же. С. 529.

²² *Wood J.W., Milner G.R., Harpending H.C., Weiss K.M.* The Osteological Paradox: Problems of inferring prehistoric health from skeletal samples // *Current Anthropology*. 1992. Vol. 33. P. 343–370.

биоархеологических исследований. Критика антропологического источника включала такие объективные сложности, как скрытая гетерогенность популяций (люди обладают разной устойчивостью и способностью переносить стрессы и болезни, в том числе, ведущие к смерти); избирательная смертность (эксперты никогда не имеют дело с анализом всех индивидов такого возраста, которые *могли* скончаться от этой болезни, а лишь с теми, кто точно умер от нее); демографическая не-стационарность (изучаемая палеопопуляция могла испытывать приток мигрантов или находиться под влиянием эпохальных демографических изменений). Конкретный пример рассматривал анализ ростовых процессов в древних группах²³. Критике подверглась буквальная трактовка малых размеров детских костей как индикатора стресса. Обсуждая зависимость между длиной тела и смертностью (другим генерализованным индикатором стресса), авторы статьи обнаружили, что, если смертность в группе высока, она затрагивает все категории распределения размеров тела. Многолетняя дискуссия на эту тему показывает важность взвешенного рассмотрения полученных данных и всестороннего учета многообразных факторов, прежде всего, археологического контекста.

В 1990-е и 2000-е годы продолжал пополняться корпус фактических сведений о размерах тела детей прошлого. Здесь хотелось бы отметить результаты исследования некоторых уникальных палеолитических находок, показывающие неоднозначность картины роста.

Например, для эпохи верхнего палеолита исследование продольных размеров сунгирских индивидов 10 и 13 лет на широком сравнительном фоне показало, что, в отличие от подавляющего числа детей, известных благодаря археологическим раскопкам более поздних, в том числе, средневековых памятников, они сближались со своими крупными акцелерированными ровесниками XX в.²⁴

Парадоксальные результаты, полученные при рассмотрении останков неандертальца Ле Мустье, вскрыли сложности определения биологического возраста по разным системам признаков²⁵. Так, рост головного мозга у этого юного неандертальца был на момент смерти уже закончен, как и дифференцировка зубов (соответствие юношескому или подростковому периоду современного человека); ростовой пубертатный скачок еще не начат (соответствие ювенильной или, судя по дифференцировке скелета, даже детской стадии современного человека); гипертрофия костно-мышечного рельефа и «изношенность» скелета, выявленная гистологическим методом, свидетельствуют о том, что индивид сам себе добывал пропитание (отличие от «современного» детства, ювенильная или подростковая характеристика); интенсивность биомеханических нагрузок могла способствовать преждевременному развитию процессов старения костной ткани (формальная картина дает возраст свыше 40 лет – отличие от современного периода детства?).

Методическим аспектам современного палеоантропологического исследования посвящена статья М.К. Карапетян и В.В. Куфтерина (2020). Авторы этой публикации

²³ Там же. С. 351.

²⁴ Медникова М.Б. Сравнительный анализ рентгеноструктурных особенностей сунгирцев: палеоэкологические аспекты // *Homo sungirensis*. Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследования. М., 2000. С. 359–386.

²⁵ Медникова М.Б. К вопросу об особенностях юношеской стадии онтогенеза у европейских неандертальцев // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2007. № 3. С. 145–153.

предложили критический обзор методов определения биологического возраста у ребенка из археологических раскопок и собственную программу для описания ювенильных материалов²⁶.

В рамках биоархеологического подхода контекстуальное изучение антропологических материалов из отдельно взятого погребения не уступает по информативной ценности анализу групповых характеристик, поскольку позволяет на индивидуальном уровне предложить историю повседневной жизни конкретного человека. Наряду с другими наблюдениями, палеоантропологические данные были рассмотрены при анализе необычного по археологическому контексту детского погребения середины VII в. из раскопок Бесланского курганного катакомбного могильника²⁷. Установлено, что длина тела этого 4–5-летнего ребенка, хотя и соответствовала параметрам современных двухлетних детей, превышала размеры детей из баварской группы Альтенэрдинга эпохи миграций или юных англо-саксов из Британии, и напротив, уступала значениям у аланских детей из раскопок элитного комплекса Клин Яр²⁸.

Избирательность детских погребений в разные эпохи под влиянием религиозных и других культурных традиций влияет на репрезентативность выборки и ставит под сомнение достоверность выводов с позиции общепалеоантропологических закономерностей. Ярким примером такой избирательности служат сообщества земледельцев на территориях Балкан, Кавказа, Средиземноморья, Ближнего Востока, Средней Азии в эпохи энеолита-бронзы, когда практика интрамуральных захоронений или погребений в сосудах маленьких детей до определенного возраста способствует лучшей сохранности их скелетных останков по сравнению с взрослыми. При раскопках других археологических культур останки младенцев могут быть вовсе не встречены из-за принятых в отношении этой возрастной категории культурных норм. Именно для древних земледельческих сообществ многочисленность детских захоронений позволила осуществить палеоантропологические исследования²⁹.

Так, при изучении скелетных размеров детей из раскопок Телля Хазны в Северной Месопотамии было выявлено резкое отставание индивидов эпохи бронзы от современных стандартов физического развития³⁰. Причем оно затрагивало именно период от рождения до 3 лет, который, по цитированному выше мнению

---

²⁶ Карапетян М.К., Куфтерин В.В. К разработке программы палеоантропологического исследования // Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология. 2020. № 1. С. 72–86.

²⁷ Коробов Д.С., Четчикова О.Ю., Медникова М.Б. Детское погребение VII в. из раскопок Бесланского могильника в фокусе комплексного междисциплинарного исследования // Российская археология. 2021. № 4. С. 53–69.

²⁸ Buzhilova A.P., Dobrovolskaya M.V., Mednikova M.B., Bogatenkov D.V., Lebedinskaya G.V. The human bones from Klin-Yar III and IV // *Ritual, society and population at Klin-Yar (North Caucasus) Excavations 1994–1996 in the Iron Age to early medieval cemetery*. A.B. Belinskij and H. Härke (eds.). Berlin: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2018. P. 134–183.

²⁹ Бужилова А.П. Антропология раннего бронзового века телля Юнаците // Телль Юнаците. Т. 2.: эпоха бронзы. Ч. 1. М., 2007. С. 215–216; Медникова М.Б. Биоархеология детства в контексте раннеземледельческих культур Балкан, Кавказа и Ближнего Востока. М., 2017; Куфтерин В.В. Атлас абрисов костей конечностей детей и подростков для возрастной экспресс-диагностики (по материалам Гонур-депе). М., 2017; Куфтерин В.В. Население юго-восточного Туркменистана в эпоху бронзы (методологические аспекты исследования). Автореферат дис. ... доктора биол. наук. М., 2022.

³⁰ Медникова М.Б. Биоархеология детства...

В.Н. Федосовой, неизменен у всего человечества: самая быстрая скорость роста ребенка характерна для первых месяцев его жизни, до трех лет она постепенно снижается. Напротив, младенцы Телль Хазны, очень медленно росли в возрасте до года и практически не росли до 2 лет. Заметный ростовой скачок имел место лишь в 3–4 года, очевидно, при окончательном переходе на взрослый тип питания. Сходные тенденции резкого отставания роста в раннем детстве были обнаружены и у детей лейлатепинской культуры начала IV тыс. до н.э. Такая картина отражает крайне неблагоприятное воздействие на детей Месопотамии и Кавказа. Эпизоды аридизации климата способствовали упадку земледельческого населения, хроническому голоду и болезням. Устойчивые традиции, среди которых долгое хранение продуктов питания, их вываривание до разрушения витаминов, ношение плотной одежды и, соответственно, отсутствие необходимой инсоляции, кормление младенцев до трех лет материнским молоком без добавления других продуктов часто слишком юными и истощенными матерями – эти факторы формировали крайне неблагоприятную среду обитания.

Другие результаты были получены В.В. Куфтериним (2017) на материалах 130 детских захоронений Гонура (Туркмения). В этой работе диафизарные длины костей гонурских детей соотносились со средними значениями из публикации М. Мареша 1955 г., пересчитанными В.Н. Федосовой без учета половой принадлежности современных детей³¹. Сравнение ростовых кривых гонурских младенцев со стандартами XX века показывало совпадение в возрасте до 3 лет³². Это могло означать, что уровень жизни в Гонуре был выше, чем в лейлатепинском Галаери или на Телле Хазне. Применение математических методов (например, вычисление кривых скоростей роста как производных первого порядка от процентных отношений длин костей к дефинитивным размерам) позволило все же сделать вывод о запаздывании роста в течение первого года жизни и далее, вплоть до 3,5–4,5 лет³³. К сожалению, в этой обстоятельной работе исследована объединенная выборка, не учитывающая хронологическую дифференциацию и охватывающая хронологический отрезок более 1000 лет, с сер. III тыс. до н.э. по сер. II тыс. до н.э. (свыше 30 поколений), поэтому для исторических реконструкций эти данные использованы быть не могут.

Именно раскопки узко датированных некрополей позднего средневековья и Нового времени способны предоставить наиболее репрезентативный остеологический материал для изучения ростовых процессов в городских и сельских группах населения.

Р. Янкаускас изучал рост детей XIV–XVII вв. по материалам из раскопок литовского г. Алитус³⁴. В возрасте около года их размеры соответствовали современным стандартам, но, начиная с 2 лет, от них отставали. В четырех средневековых и пост-средневековых польских группах дети были намного ниже современных в тех же возрастах³⁵. Именно в этом материале можно видеть отличие городских детей от

³¹ Федосова В.Н. Анализ процессов роста и развития в палеопопуляциях...

³² Куфтерин В.В. Атлас абрисов костей конечностей детей и подростков... С. 26–27.

³³ Куфтерин В.В. Население юго-восточного Туркменистана в эпоху бронзы...

³⁴ Jankauskas R. Osteometry of the 14th–17th cc. children's skeletons in Lithuanian paleosteological materials // Papers on Anthropology. 1992. Vol. V. P. 36–46.

³⁵ Krenz-Niedbala M. Growth and health status of children and adolescents in medieval Central Europe // Anthropological Review. 2017. Vol. 80 (1). P. 11.

сельских – после 12 лет последние были заметно ниже. Об отставании сельских английских детей и подростков от современных темпов говорят результаты раскопок кладбища в Воррэм Перси в Йоркшире³⁶. В XVI в. 14-летние дети соответствовали по размерам 10-летним американцам середины XX в.

Длина тела взрослого населения в прошлом

Процесс роста человека в длину, который, как выяснилось выше, не так просто изучать, хотя и можно получить ценные данные, заканчивается прирастанием эпифизов, с этого момента (примерно после 18 лет) высота человека не меняется. Параметры тела соотносятся с элементами материальной культуры в нашей повседневной жизни – и не только от моды или традиции зависит длина одежды, размер обуви, а в прошлом, например – высота и объем рыцарских лат.

Изменчивости признака реконструированной длины тела у средневекового и более позднего населения русских городов по материалам из археологических раскопок была посвящена недавняя обзорная публикация³⁷. В ней помимо оригинальных данных и данных наших коллег³⁸, изучавших более раннее средневековое сельское и городское население, обсуждались и данные по Европе³⁹.

Н. Коепке и Й. Батен группировали средние величины по археологическим выборкам. Они обнаружили, что длина тела в течение первых четырех столетий нашей эры была не столь высока, как можно было бы ожидать, исходя из оценок относительно высокого уровня потребления. В пятом и шестом веках длина тела была самой высокой за последние два тысячелетия до 1800 года. Похоже, что раннесредневековый период характеризовался во многих европейских регионах лучшим статусом питания по сравнению с другими периодами.

Проанализированные нами данные пока уступают по репрезентативности западноевропейским. Но они наряду с большим локальным разнообразием выявляют относительную высокорослость домонгольского и позднесредневекового мужского населения городов и некоторых сельских групп, например, московских вятичей.

Изучение адаптивных трендов в городской среде в эпоху позднего средневековья – нового времени по материалам антропологического источника сталкивается с объективными методическими сложностями. Но накопление материалов из раскопок и внимание к археологическому контексту может способствовать решению многих проблем.

---

³⁶ *Mays S.* Linear and appositional long bone growth in earlier human populations: a case study of Mediaeval England // Hoppa R., FitzGerald C., Eds. *Human Growth in the Past: Studies From Bones and Teeth*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 290–312.

³⁷ *Медникова М.Б., Тарасова А.А.* Население русских городов Нового времени по данным антропологического источника: особенности процессов роста и секулярный тренд // В поисках бояр Романовых: междисциплинарное исследование усыпальницы XVI–XVIII вв. в Знаменской церкви Новоспасского монастыря в Москве. Вып. 2. М., 2022. С. 67–87.

³⁸ *Бужилова А.П.* Биологическая и социальная адаптация населения Русского Севера (по антропологическим материалам Белозерья и Поонежья) // *Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П.* Средневековое расселение на Белом озере. М., 2001. С. 227–275.

³⁹ *Koepke N., Baten J.* The biological standard of living in Europe during the last two millennia // *European Review of Economic History*. 2005. Vol. 9 (1). P. 61–95.

Список литературы

- Алексеев В.П. Об исторической урбозоологии // Урбозоология. М.: Наука, 1990. С. 70–76.
- Бужилова А.П. Антропология раннего бронзового века телля Юнаците // Телль Юнаците. Т. 2.: эпоха бронзы. Ч. 1. М.: Восточная литература РАН, 2007. С. 215–216.
- Бужилова А.П. Биологическая и социальная адаптация населения Русского Севера (по антропологическим материалам Белозерья и Поонежья) // Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П. Средневековое расселение на Белом озере. М.: Языки русской культуры, 2001. С. 227–275.
- Година Е.З. Некоторые проблемы современной аукологии и пути их решения (по материалам исследований НИИ и Музея антропологии МГУ) // Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология. 2010. № 3. С. 4–15.
- Карапетян М.К., Куфтерин В.В. К разработке программы палеоаукологического исследования // Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология. 2020. № 1. С. 72–86.
- Коробов Д.С., Четкина О.Ю., Медникова М.Б. Детское погребение VII в. из раскопок Бесланского могильника в фокусе комплексного междисциплинарного исследования // Российская археология. 2021. № 4. С. 53–69.
- Куфтерин В.В. Атлас абрисов костей конечностей детей и подростков для возрастной экспресс-диагностики (по материалам Гонур-депе). М.: Старый Сад, 2017. 154 с.
- Куфтерин В.В. Население юго-восточного Туркменистана в эпоху бронзы (методологические аспекты исследования). Автореферат дис. ... доктора биол. наук. М.: МГУ, 2022. 48 с.
- Медникова М.Б. Биоархеология детства в контексте раннеземледельческих культур Балкан, Кавказа и Ближнего Востока. ИА РАН; М.: Club Print, 2017. 223 с.
- Медникова М.Б. К вопросу об особенностях юношеской стадии онтогенеза у европейских неандертальцев // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 3. С. 145–153.
- Медникова М.Б. Сравнительный анализ рентгеноструктурных особенностей сунгирцев: палеоэкологические аспекты // Homo sungirensis. Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследования / Отв. ред. Т.И. Алексеева, Н.О. Бадер. М.: Научный Мир, 2000. С. 359–386.
- Медникова М.Б., Тарасова А.А. Население русских городов Нового времени по данным антропологического источника: особенности процессов роста и секулярный тренд // В поисках бояр Романовых: междисциплинарное исследование усыпальницы XVI–XVIII вв. в Знаменской церкви Новоспасского монастыря в Москве / В 2-х вып. / Отв. ред. Н.А. Макаров / Ин-т археологии РАН. Вып. 2. М.: Club Print, 2022. С. 67–87. <https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-370-1.67-87>
- Тарасова А.А. Население Ярославля по материалам раскопок массовых захоронений времени Батыева нашествия. Автореферат дис. ... кандидата исторических наук. М.: ИА РАН, 2019. 35 с.
- Федосова В.Н. Анализ процессов роста и развития в палеопопуляциях // Горизонты антропологии / Отв. ред. Т.И. Алексеева. М.: Наука, 2003. С. 521–530.
- Baten J., Steckel R.H. The History of Violence in Europe: Evidence from Cranial and Postcranial Bone Traumatism // Steckel R.H. et al. eds. The Backbone of Europe: Health, Diet, Work and Violence over Two Millennia. Cambridge et al.: Cambridge University Press, 2019. P. 300–324.
- Bogin B. Evolutionary hypothesis for human childhood // Yearbook of physical anthropology. 1997. Vol. 40. P. 63–89.

- Buzhilova A.P., Dobrovolskaya M.V., Mednikova M.B., Bogatenkov D.V., Lebedinskaya G.V.* The human bones from Klin-Yar III and IV // *Ritual, society and population at Klin-Yar (North Caucasus) Excavations 1994–1996 in the Iron Age to early medieval cemetery.* A.B. Belinskij and H. Härke (eds.). Berlin: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2018. P. 134–183.
- Buzhilova A., Goncharova N., Engovatova A.* Mass graves from Medieval Russian town: bio-cultural context of remains. Abstracts of 17th Paleopathological Association Meeting “Diseases in the Past”, Copenhagen, Denmark, 25–27th August, 2008. P. 27.
- Eisner M.* From swords to words: does macro-level change in self-control predict long-term variation in levels of homicide? // *Crime and Justice.* 2014. 43 (1). P. 65–134.
- Goodman A.Y., Martin D.L., Armelagos G.J.* Indications of stress from bone and teeth // *Paleopathology at the origin of agriculture.* M.N. Cohen, G.S. Armelagos (eds.). London: Orlando, 1984. P. 13–44.
- Hoppa R.* Evaluating human skeletal growth: an Anglo-Saxon example // *International Journal of Osteoarchaeology.* 1992. Vol. 2. P. 275–288.
- Jankauskas R.* Osteometry of the 14th–17th cc. children’s skeletons in Lithuanian paleosteological materials // *Papers on Anthropology.* 1992. Vol. V. P. 36–46.
- Johnston F.E.* Growth of the long bones of infants and young children at Indian Knoll // *American Journal of Physical Anthropology.* 1962. Vol. 20. P. 249–254.
- Koepke N., Baten J.* The biological standard of living in Europe during the last two millennia // *European Review of Economic History.* 2005. Vol. 9 (1). P. 61–95.
- Krakowka L.* Patterns and prevalence of violence-related skull trauma in medieval London // *American Journal of Physical Anthropology.* 2017. P. 1–17.
- Krenz-Niedbala M.* Growth and health status of children and adolescents in medieval Central Europe // *Anthropological Review.* 2017. Vol. 80 (1). P. 1–36.
- Lewis M.* Urbanisation and Child Health in Medieval and Post-medieval England: An Assessment of the Morbidity and Mortality of Non-adult Skeletons From the Cemeteries of Two Urban and Two Rural Sites in England (AD 850–1859). Oxford: Archaeopress, 2002. P. 211–222.
- Lewis M.* The Bioarchaeology of Children: Perspectives from Biological and Forensic Anthropology. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 465 p.
- Mareš M.M.* Measurements from roentgenograms // *Human growth and development.* Springfield, IL: C.C. Thomas, 1970. P. 157–200.
- Mays S.* Linear and appositional long bone growth in earlier human populations: a case study of Mediaeval England // *Hoppa R., FitzGerald C., Eds. Human Growth in the Past: Studies From Bones and Teeth.* Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 290–312.
- Meinzer N.J., Steckel R.H., Baten J.* Agricultural Specialization, Urbanization, Workload and Stature // *Steckel R.H. et al. eds. The Backbone of Europe: Health, Diet, Work and Violence over Two Millennia.* Cambridge et al.: Cambridge University Press, 2019. P. 231–252.
- Steckel R.H.* Stature and the Standard of Living // *Journal of Economic Literature.* 1995. Vol. 33. P. 1913.
- Stloukal M., Hanakova H.* Die Länge der Langenknöchen altslawischer Bevölkerungen – Unter besonderer Berücksichtigung von Wachstumsfragen // *Homo.* 1978. Vol. 29. P. 53–69.
- Sundick R.I.* Human skeletal growth and determination // *Homo.* 1978. Vol. 29. P. 228–249.
- Tanner J.* Human growth and development // *The Cambridge encyclopedia of human evolution.* 9th edition. Eds. Jones S., Martin R., Pilbeam D. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 98–105.
- The bones of a king.* Richard III rediscovered. The Greyfriars research team with Maev Kennedy and Lin Foxhall. Malden-Oxford-Chichester: Wiley Blackwell, 2015. 219 p.

Ubelaker D.H. Human skeletal remains: excavation, analysis and interpretation. Washington: Smithsonian Institute Press, 1979. 205 p.

Wood J.W., Milner G.R., Harpending H.C., Weiss K.M. The Osteological Paradox: Problems of inferring prehistoric health from skeletal samples // *Current Anthropology*. 1992. Vol. 33. P. 343–370.

М.Б. Медникова

**ADAPTIVE TRENDS IN THE URBAN ENVIRONMENT
IN THE LATE MIDDLE AGES – MODERN TIMES BASED ON
THE MATERIALS OF AN ANTHROPOLOGICAL SOURCE**

Abstract: The urbanized environment is a special migration model that is extremely difficult to study, integrating people of different origins and social status. In addition, the concentration of trade creates conditions for the emergence of a variety of food products, including those atypical for the area, which could have an impact on the citizens of all social strata. The indicators used to assess the degree of well-being in economic studies (the level of injuries, the nature of physical activity, the parameters of somatic development – the body length of adults and the characteristics of the growth process of children) are determined by studying human remains recovered from archaeological excavations. The proposed publication is devoted to a critical review of the use of some of these indicators. For example, it is shown that the direction that studies the rates of development of children of the past traditionally faces a set of methodological obstacles, including the difficulties of a unified determination of the biological age of juvenile individuals, a variety of research approaches, and a lack of representative anthropological materials from archaeological excavations. The study of adaptive trends based on the materials of an anthropological source faces objective methodological difficulties. But the accumulation of representative materials from the excavations of urban and rural complexes of the late Middle Ages – Modern times and attention to the historical context can contribute to the solution of many problems.

Keywords: anthropological materials from archaeological excavations, chronological variability of biological parameters, skull injuries, body length, growth of children.

А.В. Энговатова, М.А. Курицын, Е.П. Зоц, И.Е. Зайцева

МАТРИЦА ДЛЯ ТИСНЕНИЯ НА КОЖАНЫХ ЭЛЕМЕНТАХ МОНАШЕСКОГО ОБЛАЧЕНИЯ ИЗ РАСКОПОК 2022 ГОДА В ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВОЙ ЛАВРЕ

Аннотация: В статье рассматривается относительно редко встречающийся археологический материал – матрицы для тиснения на коже. Кроме того, приводится обзор изделий для монашеского облачения, изготовленных с помощью этих приспособлений, определяются хронологические рамки их появления и бытования в Русской церкви.

Ключевые слова: археологическое исследование монастырей, Троице-Сергиева лавра, матрицы для тиснения на коже, обзор их находок, элементы монашеского облачения из кожи – пояса и параманы, сведения о них в письменных источниках.

В ходе спасательных раскопок 2022 г. в Троице-Сергиевой лавре, ведущихся Подмосковной экспедицией ИА РАН под руководством А.В. Энговатовой, была обнаружена прямоугольная пластина цветного металла размерами 24,8 × 20,5 × 4,3 мм. На внешней ее стороне вырезана углубленным рельефом (около 1,5 мм) обведенная по периметру рамкой зеркальная трехстрочная надпись уставом: ВСТР / ЪТНЬ / Х(РИСТО)ВО (Сретение Христово). Буквы имеют четкие контуры, на поверхности и части рамки – следы коррозии. Обратная сторона пластины ровная и гладкая. Этот предмет можно идентифицировать как матрицу, которая использовалась для тиснения (рис. 1).

Находка была сделана в 44 м к северу от Троицкого собора в центральной части монастыря в нижнем заполнении небольшого подпола или подрезки слоя под наземное сооружение. Культурный слой с материалом конца XV – начала XVI вв. был прорезан на глубину около 17 см, подрезка имела отвесную северную и пологую восточную стенки, с юга была уничтожена перекопом, уходила в западный профиль раскопа (рис. 2, 3).

Пластина матрицы изготовлена из оловянной латуни с содержанием меди в пределах 81,86–84,87%, олова в пределах 9,6–10,68%, цинка в пределах 3,35–4,14%, мышьяка в концентрации 0,14–0,4%¹ (рис. 4). Изделие отлито по резной восковой

¹ Анализы выполнены И.Е. Зайцевой в Центре коллективного пользования (ЦКП) ИА РАН методом растровой электронной микроскопии в сочетании с энергодисперсионным рентгеновским микроанализом на сканирующем электронном микроскопе TESCAN VEGA Compact LMN с системой элементного микроанализа AZtecOne с энергодисперсионным детектором Xplore 15 при ускоряющем напряжении 20 кВ в режиме высокого вакуума 10⁻³ Па.

Рис. 1. Матрица для тиснения на коже:

а – лицевая сторона; б – то же в зеркальном отображении; в – оборотная сторона

модели. Наличие дендритной игольчатой структуры латунного сплава и отсутствие в ней маркеров деформации (рис. 5), вероятно, свидетельствуют о небольшом нагреве матрицы перед использованием². Применение ударных инструментов не отразилось на структуре металла, видимо, воздействие было незначительным по силе.

Ближайшие стилистические аналоги надписи на пластине находятся среди клейм на кожаных поясах и параманах (парамандах, парамантах)³ – предметах иноческого облачения, не используемых в одежде мирян. Предписания о монашеской одежде содержатся в дисциплинарных разделах церковных уставов (типиконов), из которых в Древней Руси универсальным стал Алексеевский Студийский, позаимствованный с Афона в X веке. Он возбраняет инокам носить льняную, меховую и кожаную одежду, за исключением кожаного пояса, напоминающего об Иоанне Крестителе, «иже убо мнишескаго жития яве древний бысть образ»⁴.

В притче Кирилла Туровского «Сказание о черноризском чине» (XII в.), вошедшей в состав русских Кормчих, автор предостерегает монахов от ношения мирской одежды и символически истолковывает каждый предмет облачения, связывая его с ветхозаветной и новозаветной историей. Кожаный пояс («пояс же усьян»)⁵ символизирует и смертность Адама⁶, и осуждение Христа на крестную смерть; «поясан правдою и истиною, обит в ребра своя; по сему образу скимный с праздникий пояс, от Адама и до Арона, и обою закону Христом съвършен»⁷.

² Курбатов А.В. «Монашеские пояса» и параманды в связи с техническими традициями древнерусского кожевенного ремесла // Записки ИИМК РАН. № 4. СПб., 2009. С. 206.

³ Православная энциклопедия. Т. 54. М., 2019. С. 573–574.

⁴ Феодосий (Коротков), архим. Первоначальный общежительный Устав русских монастырей. М., 2017. С. 156, 418. Во второй половине XIV – начале XV в. получает распространение русский перевод Иерусалимского устава, который в дальнейшем стал общепринятым.

⁵ Макеева И.И. «Сказание о черноризском чине» Кирилла Туровского в русских Кормчих // Лингвистическое источниковедение и история русского языка, 2006–2009. М., 2010. С. 377.

⁶ Калайдович К.Ф. Памятники российской словесности XII века. М., 1821. С. 109.

⁷ Калайдович К.Ф. Памятники российской словесности... С. 111–112.

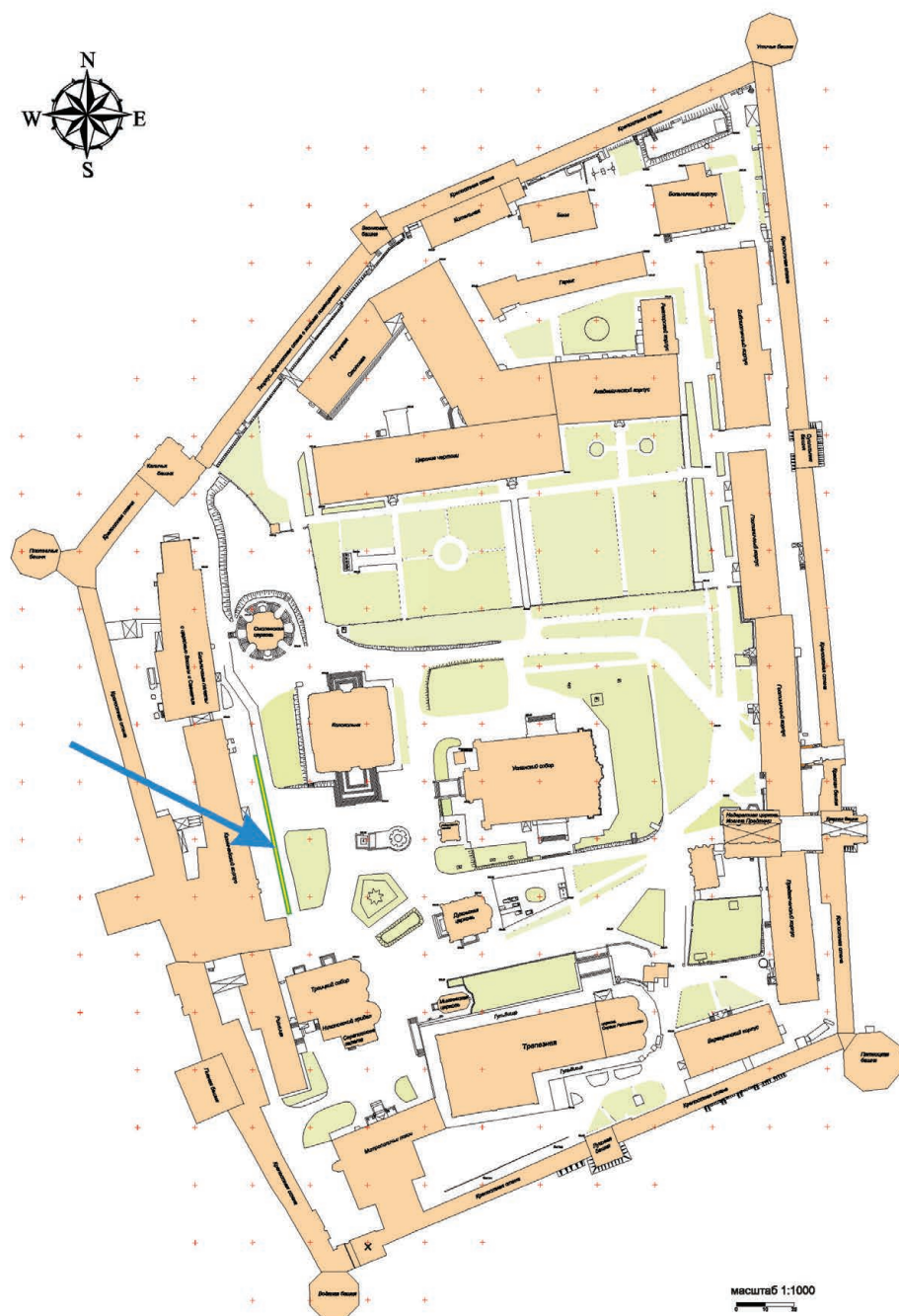
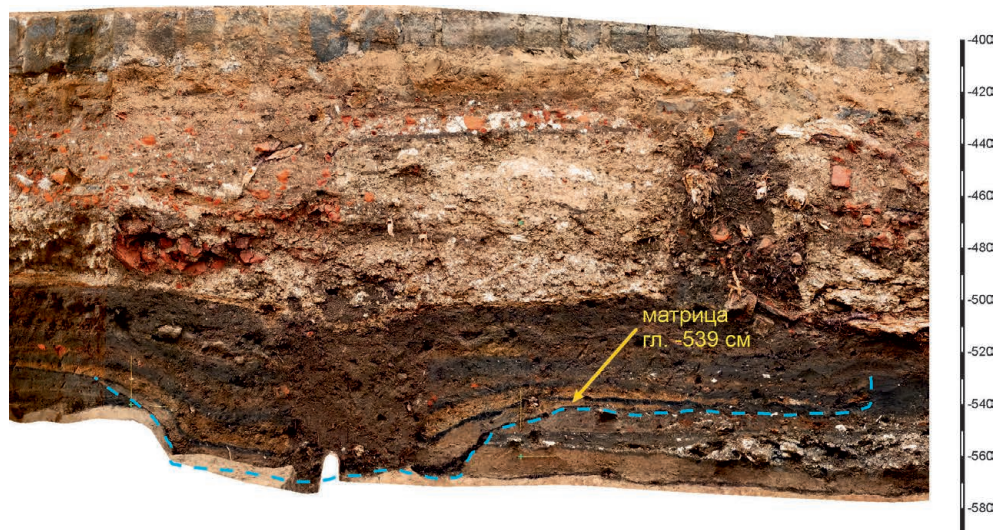

Рис. 2. Место находки матрицы: на плане Троице-Сергиевой лавры

Рис. 3. Место находки матрицы: в западном профиле раскопа

Средневековые инокские пояса сохранились преимущественно в захоронениях; известны лишь единичные случаи находок их фрагментов в слое древнерусских городов. Их ширина не превышает 2–3 см; все они украшены тисненными клеймами с изображениями двенадцатых праздников (обычно чередующимися с подписями к ним)⁸ или клеймами с крестами, херувимами и архангелами⁹. Традиция такого оформления поясов прослеживается до рубежа XVI–XVII вв.¹⁰; видимо, в старообрядческой среде она продержалась дольше.

В инвентарь некоторых монашеских погребений входят и другие атрибуты из кожи – кресты, плетенные из тонких ремешков, а также параманы, прямоугольные пластины-нагрудники, которые крепились на шнурах и украшались такими же клеймами додекаортон – двенадцатых праздников, как и пояса. Среди известных нам предметов, при изготовлении которых применялись матрицы, схожие с найденной в Троице-Сергиевом монастыре, ближайшие географически и стилистически аналоги были найдены в Москве.

Кожаный пояс с оттисками, близкими по исполнению и сюжетам, выявлен в саркофаге из погребения супруги великого князя Дмитрия Ивановича Евдокии (†1407) в соборе Вознесенского монастыря¹¹. Фрагменты кожаного плетеного креста и пояса

⁸ Яковлева А.И. Византийский додекаортон и русские праздничные чины рублевской эпохи // Искусство христианского мира. Сборник статей. Вып. 9. М., 2005. С. 78–80. Набор клейм обычно соответствует не современному перечню двенадцатых праздников, а более архаичному.

⁹ Панова Т.Д. Данные археологии об атрибутике русского монашества периода Средневековья (XI–XVI века) // Искусство христианского мира. Сборник статей. Вып. 3. М., 1999. С. 145–146.

¹⁰ Панова Т.Д. Данные археологии об атрибутике русского монашества... С. 150.

¹¹ Панова Т.Д. Данные археологии об атрибутике русского монашества... С. 146; Панова Т.Д. Царство смерти. Погребальный обряд Средневековой Руси XI–XVI веков М., 2004. С. 165, 167; Яковлева А.И. Византийский додекаортон... С. 78–79; Курбатов А.В. «Монашеские пояса»... С. 199.

Матрица для тиснения на кожаных элементах монашеского облачения из раскопок 2022 года в Троице-Сергиевой лавре

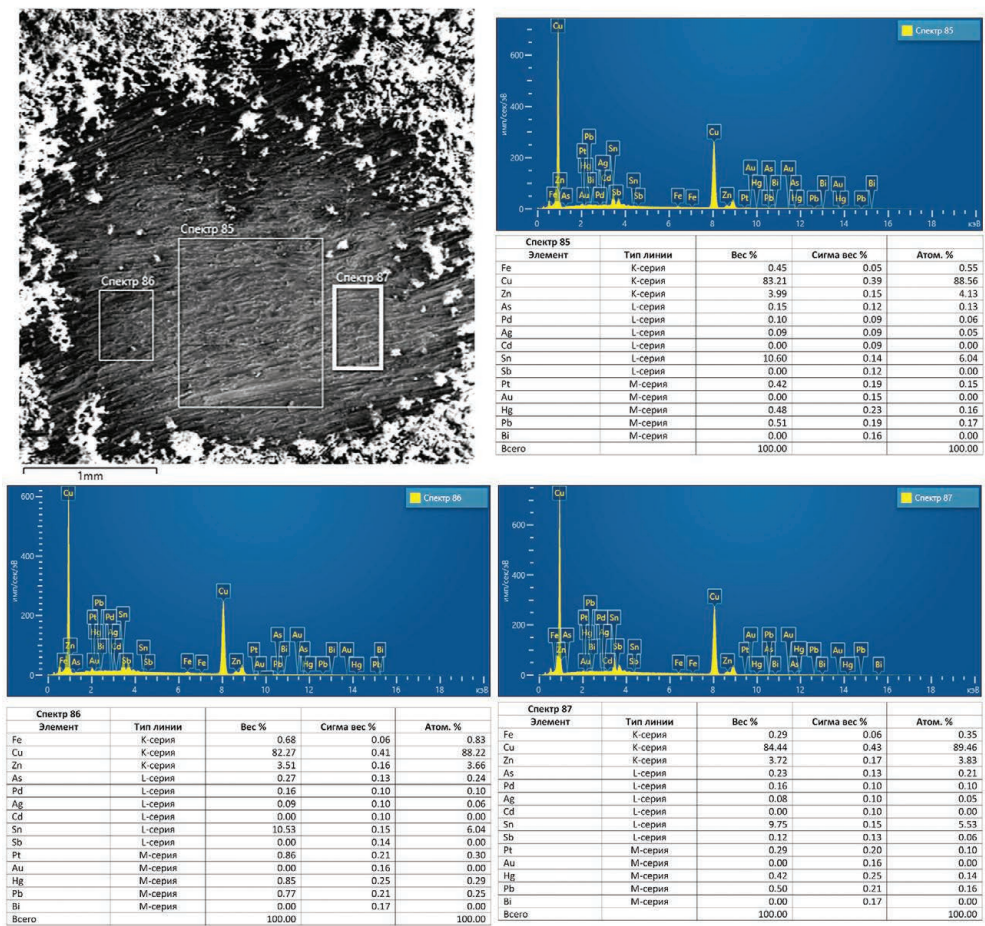

Рис. 4. Определение состава сплава матрицы методом РЭМ/ЭРМ

с тисненными изображениями двенадцатых праздников обнаружены при исследовании в 1998 г. безымянного захоронения в белокаменном саркофаге из фондов Музеев Московского Кремля¹².

В 2020 г. в одном из погребений на Подоле Московского Кремля, на территории нынешнего Тайницкого сада найден кожаный пояс (длина 139 см, ширина 2,3 см)¹³, предположительно датированный XVI веком. Из-за сильной деформации и загрязне-

¹² Панова Т.Д. Данные археологии об атрибутике русского монашества... С. 147; Курбатов А.В. «Монашеские пояса»... С. 199.

¹³ Раскоп 2. Погребение 2, № 4. Археологические исследования проводились ИА РАН под руководством Н.А. Макарова.

Рис. 5. Макрофото участка матрицы с видимой структурой металла

ний тиснение почти не читалось. На отреставрированном поясе¹⁴ были выявлены надписи и изображения одиннадцати праздников и Распятия: Благовещение, Рождество Христово, Сретение Господне (рис. 6), Крещение Христово, Воскрешение Лазаря, Вход Господень в Иерусалим, Преображение Господне, Распятие, Воскрешение Христово, Вознесение Господне, Сошествие Святого Духа, Успение Богоматери.

Иноческий параман в виде кожаной четырехугольной пластины, всю поверхность которой равномерно заполняют аналогичные клейма, расположенные попарно: название праздника рядом с его символическим изображением – происходит из погребения в притворе церкви Спаса на Бору и хранится ныне в Музеях Московского Кремля¹⁵. Погребение совершено в белокаменном саркофаге антропоморфного типа, который был обнаружен при ремонте церкви в 1836 г. Саркофаг и вещи из него были зарисованы Ф.Г. Солнцевым¹⁶ (рис. 7).

По сообщению И.М. Снегирева, параман положен на женском костяке, который он отождествил с супругой великого князя Симеона Ивановича – Марией, скончавшейся инокиней в 1399 г.¹⁷ Ее погребение вскрывалось в 1472 г., причем покойная была найдена «в теле неврежену нисим же», поэтому великий князь Иван III «повеле ея облещи во все новые ризы мнишеские, и облече ея»¹⁸. На рисунке Ф.Г. Солнцева видно, что под головой погребенной положены два кирпича, которые получили распро-

¹⁴ Реставрация пояса проведена специалистами ЗАО «Феномен» – художниками-реставраторами Н.П. Синицыной и Р.Ш. Тагировой в 2020–21 гг. Готовится научная публикация памятника.

¹⁵ Панова Т.Д. Данные археологии об атрибутике русского монашества... С. 147–148; Панова Т.Д. Царство смерти... С. 165–168; Яковлева А.И. Византийский додекаортон... С. 78–79; Курбатов А.В. «Монашеские пояса»... С. 200–201.

¹⁶ Снегирев И.М. Параманд, пояс и чашечки, найденные в гробе в церкви Спаса на Бору // Древности Российского государства. Отд. 1. М., 1849. Рис. № 107.

¹⁷ Параман носили на спине, но, как видим в случае с данным погребением, при облачении тела поместили на грудь покойной.

¹⁸ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. М., 2001. С. 216.

Рис. 6. Фрагмент кожаного монашеского пояса из раскопок
Н.А. Макарова на Подоле в 2020 г. – клейма «Сретение Христово»

странение в Москве во второй половине XV в., что косвенно подтверждает осторожную версию И.М. Снегирева о появлении парамана при переоблачении¹⁹. По крайней мере, монашеские погребения могли совершаться в церкви Спаса на Бору до 1490 г. – времени переноса Спасо-Преображенского монастыря из Кремля.

Церковные историки, касавшиеся проблем генезиса и символического значения такого предмета монашеского одеяния, как параман, отмечали скудость источников и приходили к выводу, что «параманд почти то же, что и аналав»²⁰, и происхождение его связано с разделением малосхимников (чьим атрибутом был параман) и велико-схимников. Само это слово употребляется в греческих источниках крайне редко, не ранее XII в.²¹, а в русском чинопоследовании – начиная с XV в.²² И параман, и аналав со временем потеряли исконное практическое назначение – перевязь, стягивающая монашеский хитон на время работы; в ранних письменных источниках нет данных о внешнем облике парамана. Считается, что он из накидки, покрывающей плечи (и именуемой «малой мантией») ²³, постепенно превратился в четырехугольный плат. В XVII в. для параманов стало характерным изображение Голгофского креста; о более ранних традициях сложно судить из-за редкости сохранившихся примеров.

В Пахомиевской редакции Жития преподобного Сергия Радонежского параман упоминается дважды: когда посланцы константинопольского патриарха Филофея привезли в Троицкий монастырь грамоту, дающую благословение на устройство общего жития, они вручили Сергию «поминки от патриарха» – крест, параман и схиму, которые он принял, посоветовавшись с митрополитом Алексием²⁴. Каких-либо подробностей об этих вещах источник не сообщает. Позже митрополит Алексей, желая

¹⁹ Снегирев И.М. Параманд, пояс и чашечки... С. 162–163.

²⁰ Иннокентий, архим. Пострижение в монашество: Опыт историко-литургического исследования обрядов и чинопоследований пострижения в монашество в греческой и русской церквях до XVII века включительно. Вильна, 1899. С. 224; Православная энциклопедия. Т. 2. М., 2001. С. 211–213; Т. 54. М., 2019. С. 573–574.

²¹ Православная энциклопедия. Т. 54. С. 573.

²² Иннокентий, архим. Пострижение в монашество... С. 224.

²³ Макеева И.И. «Сказание о черноризском чине» Кирилла Туровского... С. 360, 368.

²⁴ ОР РГБ. Ф. 304/1. № 746. Л. 234–234 об.

Рис. 7. Предметы монашеского облачения с тиснением на коже, найденные в Московском Кремле: кожаный монашеский пояс и параман из погребения в церкви Спаса на Бору (Древности Российского государства. Отд. 1. М., 1849. Рис. № 107)

сделать игумена Сергия своим преемником, призвал его к себе для беседы. «Повеле же митрополит изнести крестъ зело красен, златом и каменiem украшен, и парамандъ честен, възем же единъ от боляръ и, въставъ, дасть святому Сергиу, рек: «О честный отче, отецъ твой Алексие митрополитъ благословляетъ тя и даруетъ ти крестъ и с парамандомъ, иже достоить святому ти преподобию». Онъ же сътвори поклонение, глаголя: «прости ми, владыко, ми бо от юности моя не быхъ златоносець, ныне же на старость паче хотель быхъ в нищете пребывати...»²⁵. Затем Сергий приводит еще один аргумент для вежливого отказа: «рече: «владыко, имею на себе крестъ и парамантъ». Ты же повеле сняти с него, сего же своею рукою възложи на нь»²⁶. В сокращенном виде этот эпизод включен в Львовскую летопись под 6884 (1376/77) г. Здесь «повеле митрополитъ Олексей изнести крестъ с парамандомъ, златомъ же и бисеромъ украшенъ, даруетъ святому»²⁷. В житийном тексте упоминание о золоте и драгоценных камнях явно относится к кресту, что же представлял собой «парамандъ честен», неясно; с ним можно связать летописное «бисеромъ украшенъ», но поскольку между самим событием и составлением летописного свода прошло более ста лет и источник подвергался неоднократному редактированию, достоверность этой информации сомнительна. По-видимому, митрополит благословил преподобного Сергия особым, архиерейским параманом, в русской традиции отличавшимся от простого монашеского²⁸.

Весьма интересные для нашей темы подробности есть в описании обретения мощей Стефана Махрищского, включенном в Житие преподобного. Гроб был найден в конце 1550-х годов, когда начали копать рвы для строительства каменной Троицкой церкви²⁹. «И обретоша верху мощей его на персехъ святаго положено, яко же поясъ, тонка кожица волуя, на ней же хитро некако воображено обанадесять великихъ владычныхъ праздникъ Господа нашего Исуса Христа и Пречистыя Богородица. Игумен же сие сказа святейшему митрополиту Макарию. Он же повеле сотворити крестъ серебрянъ и позлатити, и положити в него праздники оны владычныя, иже обреты быша верху мощей святаго. Сим же крестомъ елицы знаменающеся и пиюще от него воду, с верою приходяще, здравие почерпають...»³⁰.

Описанный предмет сходен с кожаным иноческим поясом, но его положение поверх тела, на груди позволяет трактовать его как параман либо аналав. Подобная находка была сделана в конце XIX в. при строительных работах в Смоленске, где в одном из погребений обнаружили параман, состоящий «из двух кожаных лент, из коих одна, с раздвоенным верхним концом, завязывалась вокруг шеи на затылке и спускалась по груди до пояса, а другая заменяла собою пояс»³¹. Ни этот параман, ни крест, в который были помещены кожаные фрагменты из погребения Стефана Махрищского, не сохранились.

²⁵ ОР РГБ. Ф. 304/1. № 746. Л. 241 об.

²⁶ Там же.

²⁷ ПСРЛ. Т. 20. М., 2005. С. 197.

²⁸ Православная энциклопедия. Т. 54. С. 574.

²⁹ Крупный вклад царя Ивана VI (200 рублей) на строительство каменной церкви датируется 1557 годом. *Леонид, архим.* Махрищский монастырь. Синодик и Вкладная книга // ЧОИДР. 1878. Кн. 3. С. 5.

³⁰ ОР РГБ. Ф. 304/1. № 692. Л. 728.

³¹ Известия археологической комиссии. Прибавления к вып. 3. СПб., 1902. С. 62–63.

Таким образом, пластину, найденную в Троице-Сергиевой лавре, можно идентифицировать как матрицу, которая использовалась для тиснения на коже при изготовлении иноческих поясов или параманов. Бытование кожаных изделий с клеймами такого типа в Москве определяется довольно широкими временными рамками – от конца XIV до второй половины XVI в. По данным А.В. Курбатова³², реконструировавшего технологические процессы обработки кожи в Древней Руси, подобные штампы известны среди археологических находок в Минске и в Новгороде, но в обоих случаях они не металлические, а костяные; в первом это кубик 30 × 30 мм с нанесенными на гранях углубленными рельефами двенадцатых праздников, во втором – пластина 45 × 38 × 5 мм с изображением Входа в Иерусалим, определенная как «штамп для басмы», датируемая XV в. Бронзовая древнерусская матрица размером 22 × 25,5 мм с изображением Успения Богоматери происходит из города Гродека (Польша)³³. В коллекции Каргопольского историко-архитектурного и художественного музея находится двусторонняя матрица размером 27×25×6 мм из свинцово-оловянного сплава, датируемая XIV–XVI вв. На одной ее стороне изображен сюжет «Успение Богоматери», на другой – «Благовещение»³⁴. Сохранились упоминания о находках ещё нескольких подобных предметов, места хранения которых неизвестны³⁵. В 2022 г. металлическая матрица с изображением Вознесения Господня, приблизительно датируемая XIII–XIV вв., обнаружена на городище Старая Рязань³⁶.

А.В. Курбатов предполагал, что «способы качественных тиснений на коже были известны и сохраняемы только в узком кругу ремесленников, работающих при отдельных монастырях, где делали монашеские пояса, параманды и книжные переплеты»³⁷. Центром их производства в XI–XIII вв. мог быть один из монастырей Киева, а с XIV в. технику тиснения на коже металлическими матрицами с использованием горячего масла или воска начинают осваивать в Северной Руси. На основании распределения находок предполагалось два центра изготовления монашеских кожаных поясов – Киев и Новгород. Открытия последних лет позволяют несколько скорректировать этот вывод: количество и места находок как самих изделий, так и, что более важно, инструментов для их изготовления, к которым относятся матрицы, свидетельствуют о большем числе и более широкой географии центров производства в XIV–XVI вв. Одним из них, по-видимому, была Москва, а близкое сходство троичкой матрицы и оттисков на поясах и парамане из Московского Кремля позволяет предположить существование этого производства непосредственно в Троицком монастыре.

³² Курбатов А.В. «Монашеские пояса»... С. 195–211. Курбатов А.В. Монашеские пояса с клеймами и матрицы для их тиснения в средневековой Руси // В камне и бронзе. Сборник статей в честь Анны Песковой. СПб., 2017. С. 265–282.

³³ Курбатов А.В. «Монашеские пояса»... С. 201–203.

³⁴ КГИАХМ КП № 19498. Государственный каталог Музейного фонда РФ, № 18219074.

³⁵ В 2021 г. А.Н. Спасеных опубликовал информацию о двух комплектах матриц, найденных в Ярославской области, вне археологического контекста. Один комплект датируется им концом XIV–XV вв., второй (без надписей, только с изображениями) – XVIII в., последний связывается со старообрядческим ремеслом (Спасеных А.Н. Русское узорочье. Матрицы ремесленников Средневековой Руси. Новосибирск, 2021. С. 346–371).

³⁶ Археологические исследования городища в 2022 г. проводила Старорязанская археологическая экспедиция ИА РАН, руководитель И.Ю. Стрикалов.

³⁷ Курбатов А.В. «Монашеские пояса»... С. 208.

Список литературы

- Известия археологической комиссии. Прибавления к вып. 3. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1902. 130 с.
- Иннокентий, архим.* Пострижение в монашество: Опыт историко-литургического исследования обрядов и чинопоследований пострижения в монашество в греческой и русской церквях до XVII века включительно. Вильна: Типография А.Г. Сыркина, 1899. 381 с.
- Калайдович К.Ф.* Памятники российской словесности XII века. М.: В типографии Семена Селивановского, 1821. 258 с.
- Курбатов А.В.* «Монашеские пояса» и параманды в связи с техническими традициями древнерусского кожевенного ремесла // Записки ИИМК РАН. № 4. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. С. 195–211.
- Курбатов А.В.* Монашеские пояса с клеймами и матрицы для их тиснения в средневековой Руси // В камне и бронзе. Сборник статей в честь Анны Песковой. СПб.: ИИМК РАН, ООО «Невская Книжная Типография», 2017. С. 265–282.
- Леонид, архим.* Махрицкий монастырь. Синодик и Вкладная книга // ЧОИДР. М., 1878. Кн. 3. С. 1–38.
- Макеева И.И.* «Сказание о черноризском чине» Кирилла Туровского в русских Кормчих // Лингвистическое источниковедение и история русского языка, 2006–2009. М.: Древлехранилище, 2010. С. 355–381.
- Панова Т.Д.* Данные археологии об атрибутике русского монашества периода Средневековья (XI–XVI века) // Искусство христианского мира. Сборник статей. Вып. 3. М.: Издательство ПСТГУ, 1999. С. 144–151.
- Панова Т.Д.* Царство смерти. Погребальный обряд Средневековой Руси XI–XVI веков. М.: Радуница, 2004. 181 с.
- Православная энциклопедия. Т. 2. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2001. 752 с.
- Православная энциклопедия. Т. 54. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2019. 751 с.
- ПСРЛ. Т. 6. Софийская вторая летопись. М.: Языки русской культуры, 2001. 240 с.
- ПСРЛ. Т. 20. Львовская летопись М.: Языки славянских культур, 2005. 704 с.
- Снегирев И.М.* Параманд, пояс и чашечки, найденные в гробе в церкви Спаса на Бору // Древности Российского государства. М.: В типографии А. Семена, 1849. Отд. 1. С. 162–166, илл. № 107.
- Спасеных А.Н.* Русское узорочье. Матрицы ремесленников Средневековой Руси. Новосибирск: Академиздат, 2021. 380 с.
- Феодосий (Коротков), архим.* Первоначальный общежительный Устав русских монастырей. М.: Абрис, 2017. 688 с.
- Яковлева А.И.* Византийский додекаортон и русские праздничные чины рублевской эпохи // Искусство христианского мира. Сборник статей. Вып. 9. М.: Издательство ПСТГУ, 2005. С. 74–87.

**MATRIX FOR EMBOSsing ON LEATHER ELEMENTS OF MONASTIC VESTMENTS
FROM THE EXCAVATIONS OF 2022 IN THE TRINITY-SERGIUS LAVRA**

Abstract: The article considers a relatively rare archaeological material – matrices for embossing on leather. In addition, an overview of products for monastic vestments made with the help of these devices is given, the chronological framework is determined of their appearance and existence in the Russian Church is determined.

Keywords: archaeological research of monasteries, the Trinity-Sergius Lavra, matrices for stamping on leather, a review of their finds, elements of monastic vestments made of leather – belts and paramanas, information about them in written sources.

**НАХОДКИ КРЕСТОВ-ЭНКОЛПИОНОВ НА СЕЛИЩАХ
СУЗДАЛЬСКОГО ОПОЛЬЯ
ИЗ РАБОТ СУЗДАЛЬСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
ИА РАН В 2001–2020 гг.¹**

Аннотация. В статье рассматриваются находки 44 металлических крестов-энколпионов и 12 оглавий от них, обнаруженные в ходе разведочных работ Института археологии в 2001–2020 гг. на средневековых селищах Суздальского Ополя. Серийные небольшие реликварии, украшенные черневыми изображениями Распятия и Богоматери Оранты без предстоящих, начинают поступать в регион в конце XI в. одновременно с началом их выпуска в Киеве (?). В XII в. наряду с ними становится популярной другая большая серия реликвариев с центральными рисунками простых черневых крестов на обеих створках. Во второй половине XII в. в Северо-Восточной Руси изготавливаются рельефные энколпионы с Распятием и фигурой Святого в рост. Наряду с серийными экземплярами на сельских поселениях Суздальского Ополя обнаружены единичные импортные кресты южнорусского производства.

Ключевые слова: Древняя Русь, Суздальское Ополье, селища, кресты-энколпионы.

В результате двадцатилетних полевых работ по поиску и обследованию сельских поселений ближней и дальней округ Суздаля и Юрьева-Польского (около 400 памятников) коллективом Суздальской археологической экспедиции Института археологии РАН под руководством акад. РАН Н.А. Макарова собрана огромная коллекция индивидуальных находок эпохи средневековья, насчитывающая более 13 тыс. предметов. Они получены из верхнего переотложенного распахиваемого слоя при помощи металлодетектора и имеют точные географические координаты. 4353 экземпляра (33,45%) сделаны из цветных металлов и серебра. Среди них в количественном отношении наиболее представительны категории металлических деталей поясной и уздечной гарнитуры (накладки и пряжки), шумящие украшения и их фрагменты, а также предметы личного благочестия: кресты-тельники, кресты-энколпионы и подвески-образки. Эти группы насчитывают порядка 350 находок каждая².

В числе предметов христианского культа найдено 56 крестов-энколпионов конца XI – XIV вв.: 21 целый (кресты, у которых сохранились обе створки), 23 фрагментированных (преимущественно, одиночные створки) и 12 отдельных оглавий. Находки происходят из культурного слоя 24 поселений, расположенных в разных

¹ Работа выполнена в рамках плановой темы НИОТКР 122011200266-3.

² Макаров Н.А., Зайцева И.Е. Кресты на селищах: репрезентация христианства в Суздальской земле в XI–XV в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 3. С. 52–67.

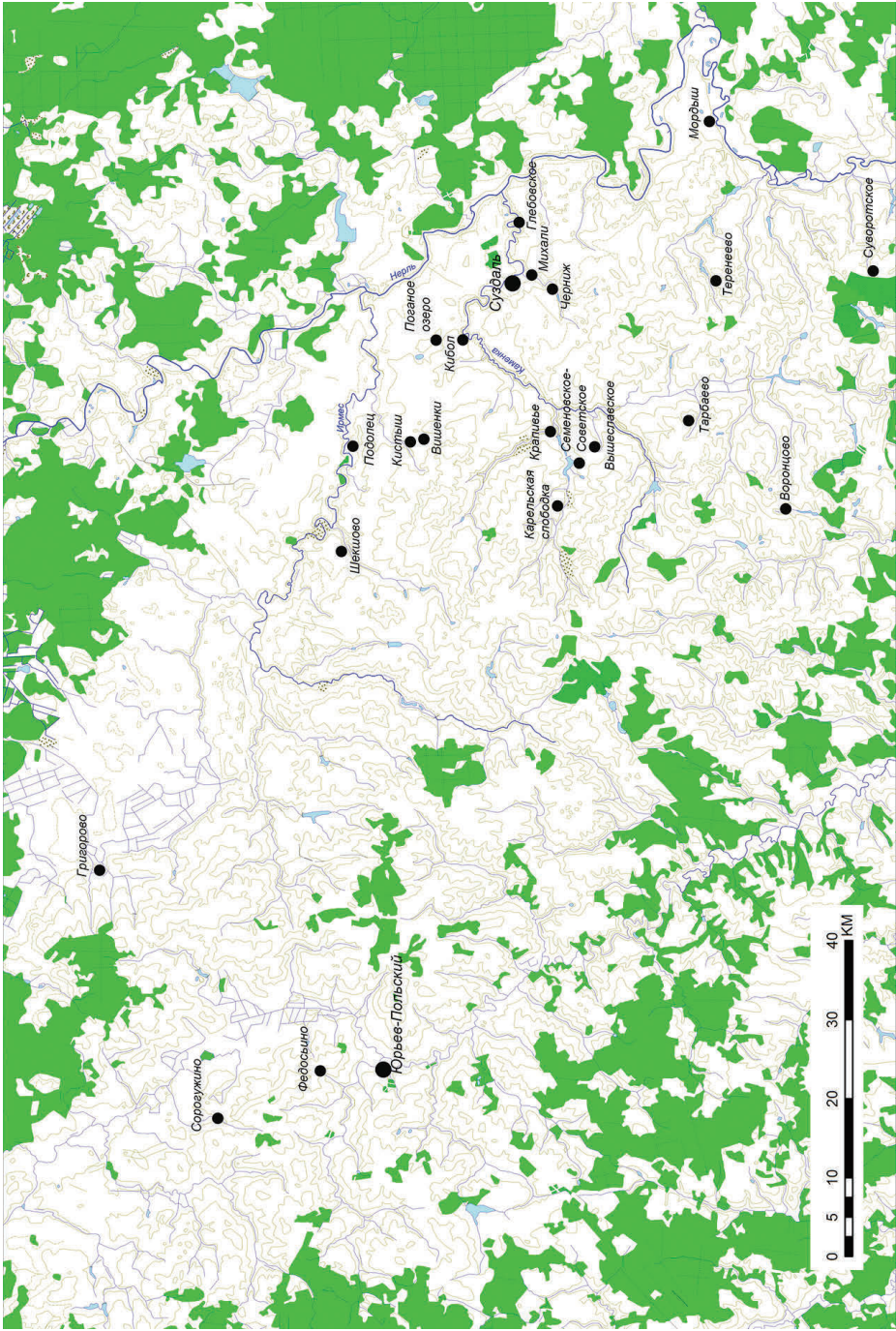

Рис. 1. Находки энколипонов на селищах Суздальского Ополя

частях региона (рис. 1). Наиболее многочисленная серия – 6 энколпионов и 2 оглавия – обнаружена на селище Суворотское 8 в южной части Ополя³, 5 предметов собрано на селище Кибол 11 в близкой округе Суздаля. На остальных памятниках найдено по 1–3 экз. Несмотря на довольно небольшой процент поселений с находками энколпионов среди общего их обследованного количества (6,25%), полученная коллекция является в настоящее время первым и крупнейшим региональным собранием древнерусских энколпионов, происходящих с сельских памятников⁴. До настоящего времени реликварии продолжают считаться предметами, более характерными для городских древностей.

В литературе хорошо известны большие сводные каталоги древнерусских крестов-энколпионов XI–XIII вв. А.А. Песковой из собраний более 50 музеев (около 1600 предметов)⁵; и X–XVII вв. Н.И. Асташовой, Л.А. Петровой и Т.Г. Сарачевой из фондов Государственного исторического музея (286 предметов)⁶. Часть этих объектов представляет собой беспаспортные экземпляры. Опубликованы археологические коллекции энколпионов, собранных на некоторых памятниках, в том числе находки последних десятилетий, не вошедшие в каталоги. Крестам-энколпионам из Пскова и Изборска посвящены статьи Ю.В. Колпаковой⁷ (всего 24 экз. XI–XVI вв.), находкам из Новгорода – О.М. Олейникова⁸ (Всего 16 экз. XI–XIII вв. и 5 экз. второй половины XIII–XV вв.). Энколпионы из Рязанской земли собраны в диссертации А.А. Остапенко⁹ (всего 52 экз. XI–XIII вв.). 20 энколпионов из Владимирской области (находки прежних лет и новые) из Владимира, Ярополча, Суздаля и округи, хранящиеся во Владимиро-Суздальском музее, опубликованы Н.А. Кокориной¹⁰. В 2009 г. издано 244 беспаспортных предмета из частных собраний, полученных путем нелегального поиска. Находки происходят преимущественно с южнорусских территорий¹¹.

---

³ Федорина А.Н., Морозов А.С., Угулава Н.Д. Находки предметов I тыс. н.э. на селище Суворотское 8: состав коллекции и исторический контекст // КСИА. Вып. 261. М., 2020. С. 231–251.

⁴ Опубликованы еще 4 энколпиона из Суздальского Ополя (Макаров Н.А., Зайцева И.Е., Грешиников Э.А. Черневые кресты-энколпионы в Суздальском Ополе // Археологические вести. Вып. 23. СПб., 2017. С. 291–310.; Кокорина Н.А. Нагрудные кресты древнерусского времени из археологических коллекций Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Каталог. Владимир, 2013). Таким образом, общее их количество достигает 60 экз.

⁵ Корзухина Г.Ф., Пескова А.А. Древнерусские кресты-энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии XI–XIII вв. СПб., 2003.

⁶ Асташова Н.И., Петрова Л.А., Сарачева Т.Г. Кресты-энколпионы из собрания Государственного исторического музея. М., 2013.

⁷ Колпакова Ю.В. Энколпионы из Пскова и Изборска // Древности Пскова. Археология. История. Архитектура: к юбилею И.К. Лабутиной. Вып. 2. Псков, 2011. С. 141–156.

⁸ Олейников О.М. Новые находки энколпионов второй половины XII–XV вв. в Великом Новгороде // КСИА. Вып. 251. М., 2018. С. 278–290; Олейников О.М. Новые находки энколпионов XI – первой четверти XIII в. в Великом Новгороде // Российская археология. 2019. № 1. С. 161–176.

⁹ Остапенко А.А. Христианские древности Рязанской земли XI–XVI вв. (мелкая пластика). Дис. ... канд. ист. наук. М. 2015. Рукопись.

¹⁰ Кокорина Н.А. Нагрудные кресты древнерусского времени...

¹¹ Нечитайло В.В., Нечитайло А.В. Каталог энколпионов Древней Руси XI–XIV ст. Киев, 2009.

Кресты-энколпионы, обнаруженные Суздальской экспедицией, частично уже введены в научный оборот¹². Гладкие кресты, украшенные чернью, и целые закрытые экземпляры рассматривались в ходе совместных проектов по изучению технологии черни, внутреннего строения энколпионов и священных вложений в них, проводившихся специалистами ИА РАН и НИЦ «Курчатовский институт»¹³. Задачей настоящей работы является типологический и хронологический анализ коллекции энколпионов и выявление региональной специфики распространения этой категории предметов личного благочестия в Суздальском Ополе – одном из центральных районов Северо-Восточной Руси.

Гладкие энколпионы

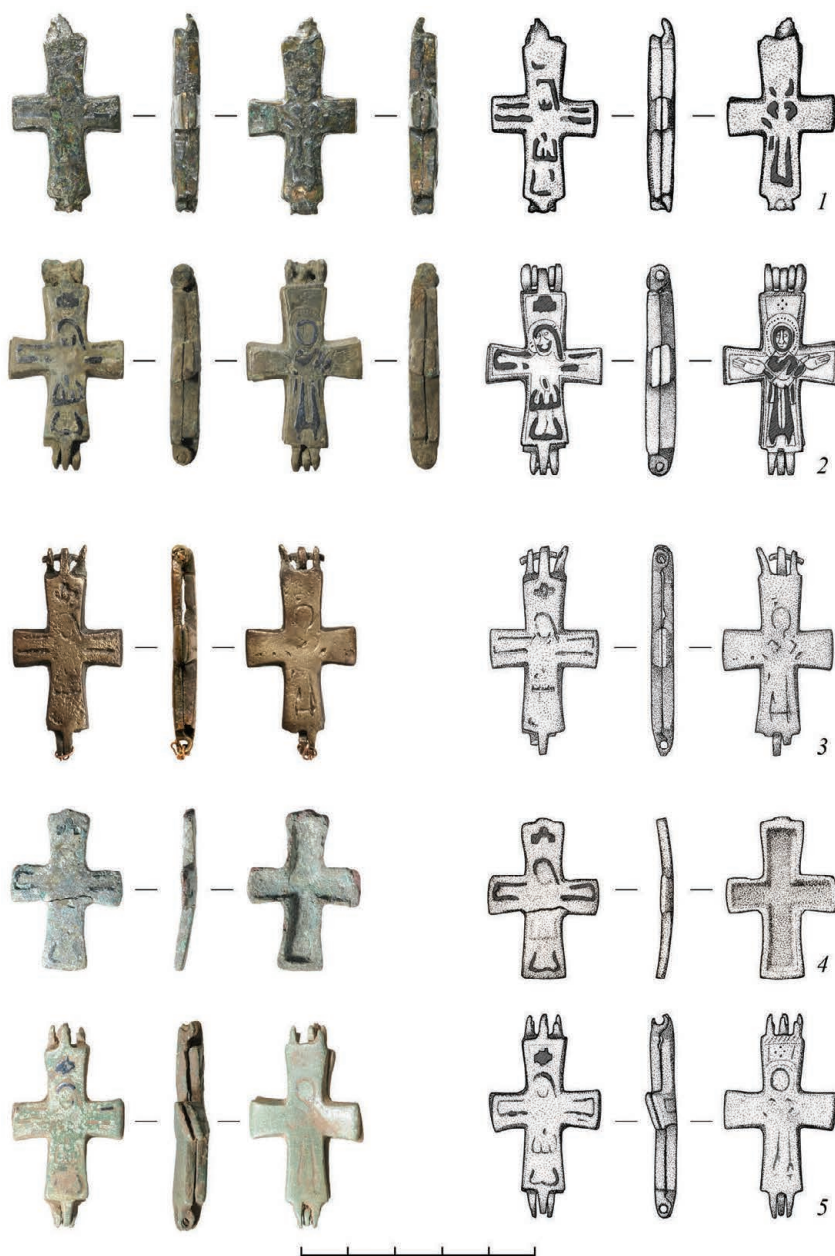
Подавляющее большинство (33 экз., 75%) собрания энколпионов из сельских поселений Суздальского Ополя составляют экземпляры с гладкой поверхностью без рельефа (гладкие). Все створки имеют глубокие полости для вложения реликвий.

Миниатюрные прямоконечные кресты с прямыми, чуть расширяющимися к концам, ветвями, на лицевой створке которых достаточно небрежно изображено Распятие без предстоящих, а на оборотной – Богоматерь Оранта без предстоящих, обнаружены в количестве 7 экз. на 6 поселениях (рис. 2, 3: 1–2). Найдено 4 закрытых реликвария без оглавий на селищах Кибол 11, Федосьино 1, Вишенки3, Мордыш 1. Одиночные створки – две лицевые и оборотная, обнаружены на селищах Карельская слободка 5 и Суворотское 8. Высота створок без петель составляет 33–35 мм, ширина – 24 мм. Все створки отлиты по моделям из многокомпонентного сплава на основе меди с добавками олова, свинца и цинка¹⁴. Линейный декор прочерчен на моделях без последующей доработки на изделиях и дополнен уже на отливках черневыми полоса-

¹² Макаров Н.А., Красникова А.М. Христианские древности Суздальских селищ: новые находки // КСИА. Вып. 221. М., 2007. С. 95–105; Макаров Н.А., Федорина А.Н. О находках энколпионов на суздальских селищах // Археология Владимир-Суздальской земли: Материалы науч. семинара. Вып. 2. М., 2008. С. 137–146.; Макаров Н.А., Зайцева И.Е., Грешиников Э.А. Черневые кресты-энколпионы в Суздальском Ополе... С. 291–310; Зайцева И.Е., Грешиников Э.А., Велигжанин А.А., Пахунов А.А., Дороватовский П.В., Колобылина Н.Н., Подурец К.М., Коваленко Е.С., Мурашев М.М., Глазков В.П., Яцишина Е.Б. О «зеленой черни» в декоре древнерусских крестов-энколпионов из находок в Суздальском Ополе // Российская археология. 2019. № 3. С. 50–61.

¹³ Kolobyлина N.N., Greshnikov E.A., Vasiliev A.L., Tereschenko E.Yu., Zaytseva I.E., Makarov N.A., Kashkarov P.K., Yatsishina E.B., Kovalchuk M.V. Electron Microscopy Study of an Old Russian (XII Century) Encolpion Cross with Black Inlay // Crystallography Reports, 2017. Vol. 62. No. 4. Pp. 529–536; Макаров Н.А., Грешиников Э.А., Зайцева И.Е., Подурец К.М., Коваленко Е.С., Мурашев М.М. Невидимые святыни. Вложения в средневековых крестах-энколпионах по данным комплексных аналитических исследований // КСИА. Вып. 258. М., 2020. С. 25–45; Говор Л.И., Грешиников Э.А., Зайцева И.Е., Коваленко Е.С., Куркин В.А., Мурашев М.М., Подурец К.М., Соменков В.А., Глазков В.П., Благов А.Е., Яцишина Е.Б. Исследование закрытых древнерусских крестов-энколпионов с применением ядерно-физических методов // КСИА. Вып. 249 (II). М., 2017. С. 348–365; Зайцева И.Е., Коваленко Е.С., Подурец К.М., Мурашев М.М. Древнерусские кресты-энколпионы: опыт нейтронной и синхротронной визуализации // «На одно крыло – серебряная, На другое – золотая...» Сборник статей памяти Светланы Рябцевой. Библиотека Stratum Plus. Кишинев, 2020. С. 353–362.

¹⁴ Исследование выполнялось с использованием приборной базы Центра коллективного пользования научным оборудованием для археометрических исследований при ИА РАН (г. Москва). РФЛА и РЭМ/ЭРМ анализы состава металла осуществлены автором на анализаторах Bruker Tracer 5i и TESCAN VEGA Compact LMN. В НИЦ «Курчатовский институт» анализы проведены Н.Н. Пресняковой на растровом электронном микроскопе Versa 3D (Thermo Fisher Scientific).

Рис. 2. Энколпионы. 1 – Кибол 11, 2019, № 179/2; 2 – Федосьино 1, 2018, № 867/6; 3 – Вишенки 3, 2004, № 53; 4 – Карельская слободка 5, 2011, № 14/12; 5 – Мордыш 1, 2012, № 270/14. Подписи даны в формате: памятник, год исследований, номер по базе Суздальской экспедиции. Фотографии предметов сделаны сотрудниками Суздальской экспедиции.

Рисунки всех предметов выполнены А.С. Дементьевой

ми. Христос изображен с прямой головой, обращенной влево, с длинными волосами, показанными чернью, препоясанным. Г.Ф. Корзухина обратила внимание, что повязка на всех экземплярах таких крестов имеет одинаковую куполообразную форму (в виде перевернутого тюльпана)¹⁵. Энколпионы относятся к типу IV.6.1 по А.А. Песковой¹⁶.

Кресты с Распятием и Богоматерью Орантой без предстоящих в последнее время оказались в центре внимания исследователей в связи с появлением их находок в стратифицированных культурных слоях и комплексах в Старой Руссе, Изборске, Новгороде¹⁷, а также публикацией новых реликвариев из Суздальского Ополя¹⁸. Все исследователи сходятся во мнении, что это один из древнейших типов собственно русских крестов-энколпионов. Несмотря на многочисленность и обширную географию распространения таких изделий от Готланда и Полоцка до Рязанского княжества и от Старой Ладogi и Белоозера до Саркела, все они обладают высокой степенью стандартизации как по форме и размерам, так и по схематичности и конкретике рисунков изображаемых фигур. Вариантов изображений всего два: с проработанными деталями рисунка (см., например, рис. 2: 2) составляют меньшинство, без детализации – большинство экземпляров. Тиражированных многократных оттисков в этой группе не наблюдается.

Вполне логично предположить массовое серийное производство таких крестов в крупном многопрофильном центре с дальнейшим их распространением по всей Древней Руси¹⁹. А.А. Пескова считает местом изготовления миниатюрных крестов так называемую «большую мастерскую» в Киеве, где их выпуск был налажен не позднее второй половины XI в.²⁰ Аргументов против в настоящее время не существует кроме отсутствия находок подобных экземпляров в культурном слое самого Киева²¹. Рассматриваемые энколпионы встречены и в комплексах второй половины XII – начала XIII в.²², что определяет достаточно долгое их производство без изменения морфологии и технологии, но все же основным временем их бытования можно считать конец XI – XII вв. Суздальское Ополе на общем фоне выступает как один из районов концентрации предметов этой ранней группы (9 экз. из 75 с учетом экземпляров из Романово и Суздаля), причем, именно на сельских поселениях. Находки крестов-эн-

¹⁵ Корзухина Г.Ф., Пескова А.А. Древнерусские кресты-энколпионы... С. 21.

¹⁶ Корзухина Г.Ф., Пескова А.А. Древнерусские кресты-энколпионы... С. 165–170.

¹⁷ Колпакова Ю.В. Энколпионы из Пскова и Изборска... С. 141–156; Григорьева О.В. Кресты-реликварии из княжеской резиденции на Рюриковом городище // Археологические вести. Вып. 21. СПб., 2015. С. 246–260; Пескова А.А. Древнейшие древнерусские нагрудные кресты-реликварии в свете новых исследований // Археологические вести. Вып. 26. СПб., 2020. С. 177, 180–182; Олейников О.М. Новые находки энколпионов XI – первой четверти XIII в. С. 161–176.

¹⁸ Макаров Н.А., Зайцева И.Е., Грешиников Э.А. Черневые кресты-энколпионы в Суздальском Ополе... С. 291–310.

¹⁹ Корзухина Г.Ф., Пескова А.А. Древнерусские кресты-энколпионы... С. 236; Григорьева О.В. Кресты-реликварии из княжеской резиденции на Рюриковом городище... С. 251; Макаров Н.А., Зайцева И.Е., Грешиников Э.А. Черневые кресты-энколпионы в Суздальском Ополе... С. 305.

²⁰ Пескова А.А. Древнейшие древнерусские нагрудные кресты-реликварии... С. 187–188, 190.

²¹ В каталоге В.В. и А.В. Нечитайло представлены 4 экземпляра из Южной Руси (Нечитайло В.В., Нечитайло А.В. Каталог энколпионов Древней Руси... № 52, 53, 55, 56).

²² Олейников О.М. Новые находки энколпионов XI – первой четверти XIII в. в Великом Новгороде... С. 165.

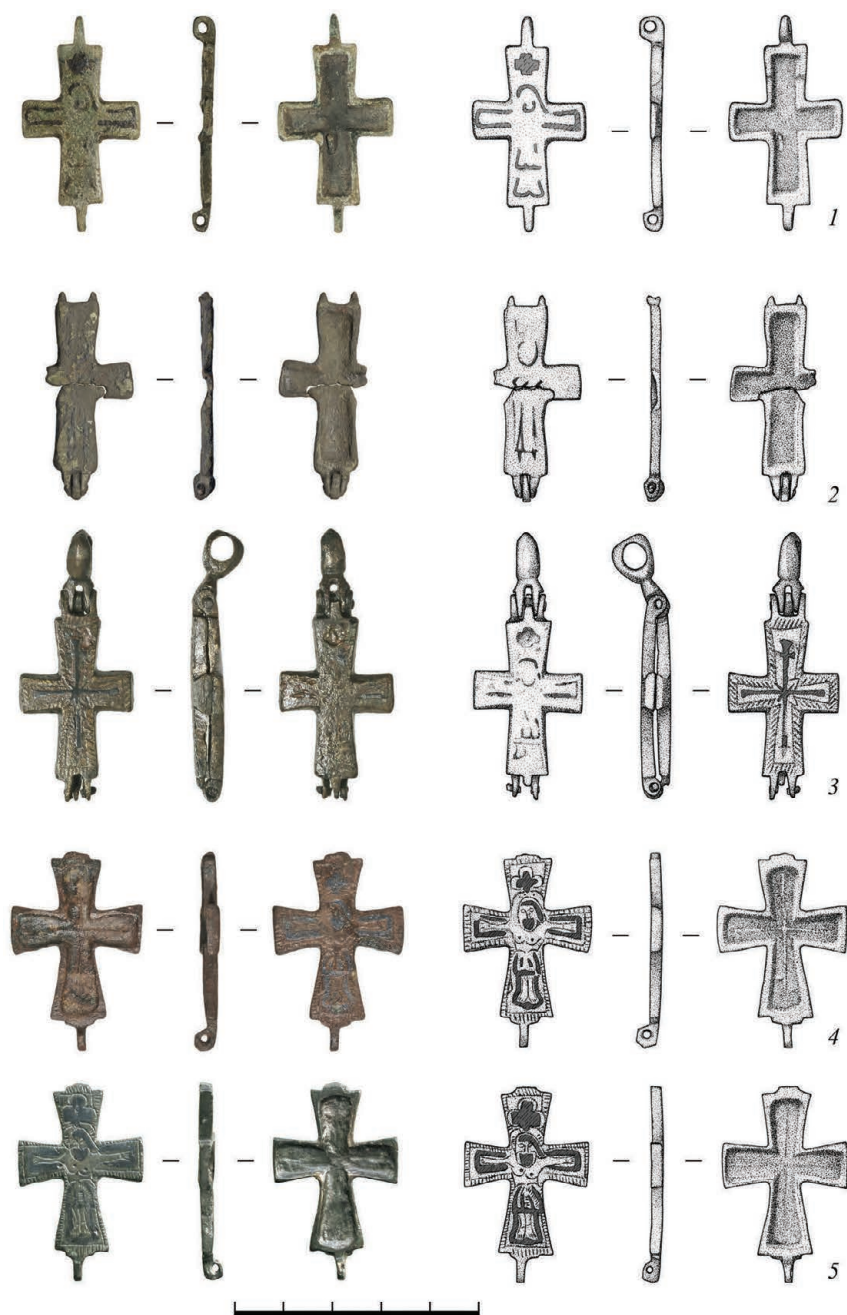

Рис. 3. Энколпионы. 1 – Суворотское 8, 2015, № 491/10; 2 – Суворотское 8, 2014, № 693/97;
3 – Вишенки 3, 2006, № 4; 4 – Суворотское 8, 2013, № 451/15;
5 – Поганое озеро 1, 2006, № 260

колпионов типа IV.6.1 по А.А. Песковой в разных регионах Руси можно рассматривать в качестве маркеров их культурных контактов с Киевом в конце XI–XII в.²³

К этой группе крестов примыкает находка из Вишенки 3 (рис. 3: 3). Энколпион сохранил обе створки и бусинное оглавие: лицевая створка полностью идентична описанным выше, а на обороте вместо Богоматери помещено черное изображение прямоконечного креста в сиянии (тип IV.6.2 по А.А. Песковой). По периметру оборотная створка украшена рубчатым орнаментом. Обе створки покрыты золочением, которое было сделано до нанесения черни. И створки креста, и оглавие выполнены из многокомпонентной бронзы, в составе которой присутствует цинк в средней концентрации (8%). А.А. Песковой учтено 6 таких крестов, только один из которых из Вышгорода имеет археологическую датировку XII – первой половины XIII вв.²⁴

Двумя экземплярами представлены практически идентичные лицевые створки с Распятием от миниатюрных прямоконечных крестов с расширяющимися к концам ветвями. Они происходят из Поганого озера 1 и Суворотского 8 (рис. 3: 4, 5). Размеры створок без петель составляют 33 × 26 и 34 × 27 мм. Изделия отлиты из близкого по составу многокомпонентного сплава со средним содержанием цинка (10–12%). Иконография Христа в повязке похожа на тип IV.6.1, но отличается детализацией проработки рисунка и площадной заливкой черни²⁵. А.А. Пескова отнесла такие кресты к типу IV.5.5, назвав их в отличие от типа IV.6.1 «нестандартными» из-за малого количества известных экземпляров. Всего вместе с нашими находками исследовательница насчитывает 16 таких крестов на всей древнерусской территории²⁶. Они, как и кресты типа IV.6.1, отличаются высокой степенью стандартизации, но концентрируются преимущественно в Новгороде и в Суздальском Ополе²⁷. Возможно, это продукция альтернативной мастерской. Как и в первом случае, мы не видим попыток копирования и тиражирования таких крестов на местах.

Обнаружено 5 фрагментов энколпионов более крупных размеров с расширяющимися к концам прямыми ветвями (рис. 4). На створке прямоконечного креста из Сорогужино 2 размерами 45 × 31 (без петель) виден прочерченный по модели достаточно небрежный рисунок Богоматери без черни (рис. 4: 1). Это изделие можно было бы считать подражательным и в своем роде уникальным, если бы не находка аналогичного креста на о. Сааремаа в Эстонии²⁸.

На селище Кибол 11 найдены две створки (лицевая и оборотная) от треугольно-конечных крестов типа IV.5.3 по А.А. Песковой (рис. 4: 2, 3). Размеры створок без петель равны 48 × 41 мм. Створки сделаны по восковым моделям тщательно, на лицевой створке прочерчено (по модели) детальное изображение распятого препоясанного Христа с предстоящими. Над его головой помещен крест, под ногами – голова Адама.

²³ А.А. Пескова полагает, что некоторые экземпляры являются подражательными (*Пескова А.А. Древнейшие древнерусские нагрудные кресты-реликвии...* С. 183).

²⁴ Корзухина Г.Ф., Пескова А.А. Древнерусские кресты-энколпионы... С. 170–171.

²⁵ Тип подробно описан в работе (*Макаров Н.А., Зайцева И.Е., Грешиников Э.А. Черневые кресты-энколпионы в Суздальском Ополе...*).

²⁶ Еще два экземпляра из Южной Руси опубликованы В.В. и А.В. Нечитайло (*Нечитайло В.В., Нечитайло А.В. Каталог энколпионов Древней Руси...* № 46, 48).

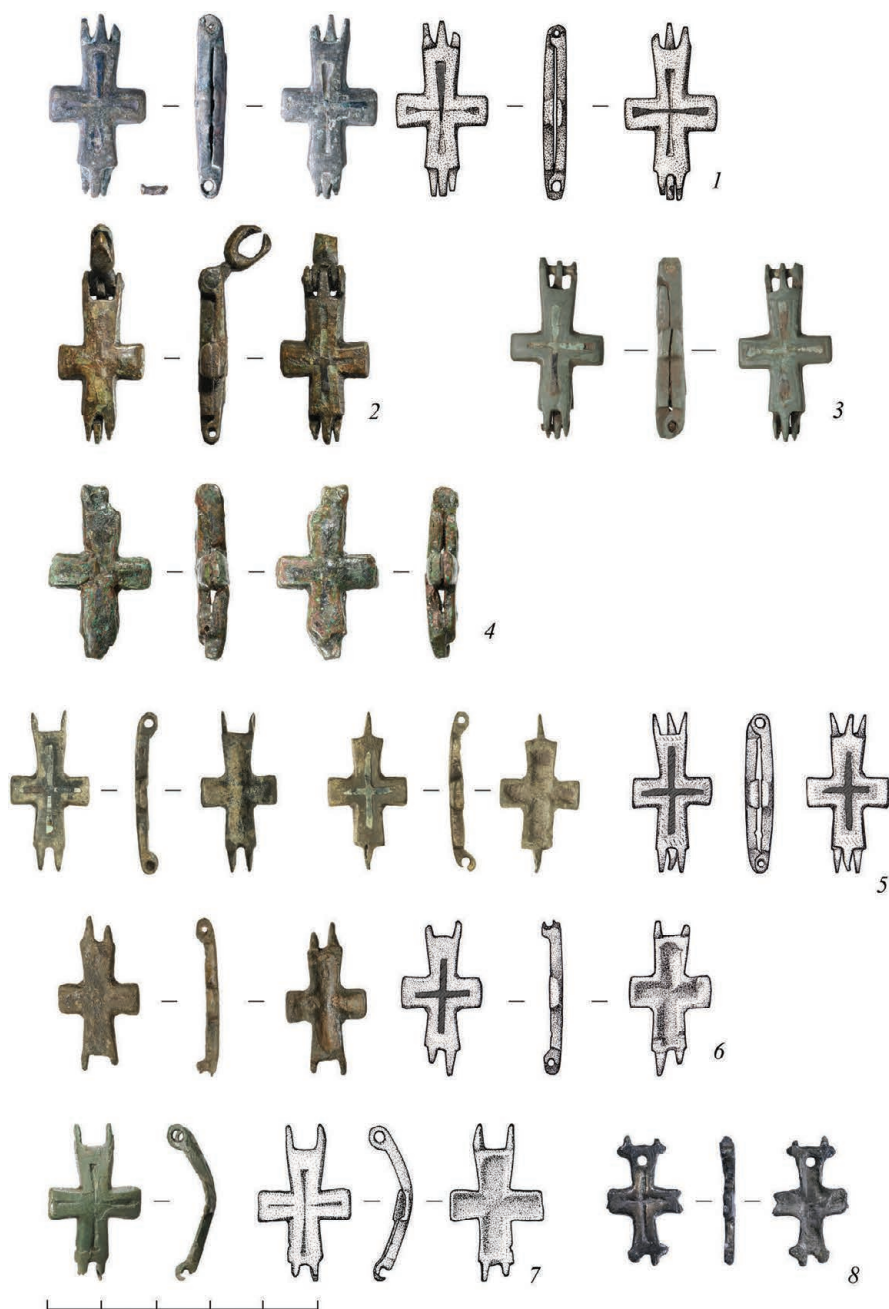
²⁷ Пескова А.А. Древнейшие древнерусские нагрудные кресты-реликвии... С. 183–184.

²⁸ Пескова А.А. Древнейшие древнерусские нагрудные кресты-реликвии... С. 178.

Рис. 4. Энколпионы. 1 – Сорогузино 2, 2016, № 764/27; 2 – Кибол 11, 2019, № 188/11;
3 – Кибол 11, 2010, № 177; 4 – Суворотское 8, 2014, № 826/230;
5 – Шекшово 2, 2017, № 1041/172

Оборотная створка украшена центральным изображением креста и буквами в пятиугольных клеймах на концах ветвей (тип IV.5.3 по А.А. Песковой). Поскольку у креста с лицевой створкой сохранился опиленный небольшой фрагмент оборотной створки, то, очевидно, что находки относятся к разным изделиям, хотя и принадлежат к одному типу.

Рис. 5. Энколпионы. 1 – Михали 4, 2016, № 679/100; 2 – Григорово 2, 2018, № 12/12;
3 – Суворотское 8, 2016, № 380/48; 4 – Кибол 11, 2019, № 213/36;
5 – Григорово 1, 2015, № 13/2, 74/63; 6 – Суворотское 8, 2015, № 582/101;
7 – Григорово 2, 2018, № 582/101; 8 – Теренеево 1, 2019, № 556/106

У А.А. Песковой учтено всего 5 экз. таких крестов, из которых 3 имеют паспорт. Два энколпиона обнаружены в Северной Руси и один на территории Украины²⁹. Вероятно, в Ополье эти реликварии были привезены.

Крест из Суворотского 8 типа IV.5.1 по А.А. Песковой (рис. 4: 4) детально уже рассмотрен ранее³⁰. Его вероятная датировка – конец XI–XII вв. Энколпион, скорее всего, также был привезен в Ополье.

Вторую представительную серию крестов-энколпионов, собранных на селищах Суздальского Ополя, составляют миниатюрные экземпляры с несколько расширяющимися к концам прямыми ветвями с центральными рисунками крестов на обеих створках, выложенными черневыми полосами³¹. Тип представлен в двух вариантах: прямоконечные без выступов в средокрестии с простыми черневыми крестами (8 экз., рис. 5; тип IV.6.3 по А.А. Песковой) и прямоконечные с четырьмя квадратными выступами в средокрестии с рисунками простых крестов или крестов в лучах сияния (7 экз.; рис. 6; тип IV.6.4 по А.А. Песковой). Находки происходят с селищ Михали 3, 4 (2 экз.), Григорово 1, 2 (2 экз.), Суворотское 8 (2 экз.), Кибол 11, Теренеево 1, Тарбаево, Тарбаево 5а, Мордыш 1, Семеновское-Советское 2, Вышеславское 2. Высота створок крестов без выступов (без петель) составляет 21–23 мм, ширина – 15 мм. Кресты с выступами несколько шире – 19 мм.

Все экземпляры, отлитые по восковым моделям, имеют глубокие полости для реликвий. Из 12 проанализированных изделий (19 створок) большинство отлиты из многокомпонентного сплава на основе меди, включающего цинк в количестве от 1 до 13%. Как правило, состав металла створок, соединенных в одно изделие, близок, что свидетельствует об их одновременной отливке. 5 створок от 3-х энколпионов (рис. 6: 1, 6, 7) не содержат цинк. Они отлиты из оловянно-свинцовой бронзы, из которой изготовлено большинство древнерусских рельефных энколпионов. В отличие от крестов с Распятием и Орантой, крестовидные полости для черни здесь глубокие практически на всех экземплярах³².

Миниатюрные энколпионы с центральным рисунком креста – одни из самых многочисленных среди древнерусских крестов-реликвариев. Если на 2003 год в каталоге А.А. Песковой учтены 26 экз. типа IV.6.3 и более 60 типа IV.6.4, большинство из которых обнаружено на южнорусских землях (с известным происхождением), то в последующие годы их количество возросло значительно. Наряду с Суздальским Опольем³³, находки происходят из разных регионов Древней Руси: территории современной Белоруссии, Пскова, Новгорода, Рюрикова городища, Белоозера, Усть-

---

²⁹ Корзухина Г.Ф., Пескова А.А. Древнерусские кресты-энколпионы... С. 160–161.

³⁰ Макаров Н.А., Зайцева И.Е., Грешников Э.А. Черневые кресты-энколпионы в Суздальском Ополье...

³¹ Макаров Н.А., Зайцева И.Е., Грешников Э.А. Черневые кресты-энколпионы в Суздальском Ополье...

³² Зайцева И.Е., Грешников Э.А., Велигжанин А.А., Пахунов А.А., Дороватовский П.В., Колобылина Н.Н., Подурец К.М., Коваленко Е.С., Мурашев М.М., Глазков В.П., Яцишина Е.Б. О «зеленой черни» в декоре древнерусских крестов-энколпионов... С. 50–61; Лобода А.Ю., Мандрыкина А.В., Зайцева И.Е., Терещенко Е.Ю., Яцишина Е.Б. Электронно-микроскопические исследования состава и микроструктуры черни предметов личного благочестия XI–XIII веков из Суздальского Ополя // Российские нанотехнологии. 2022. Т. 17. № 5. С. 647–657.

³³ Два креста обнаружены в последние годы в Суздале при археологических работах.

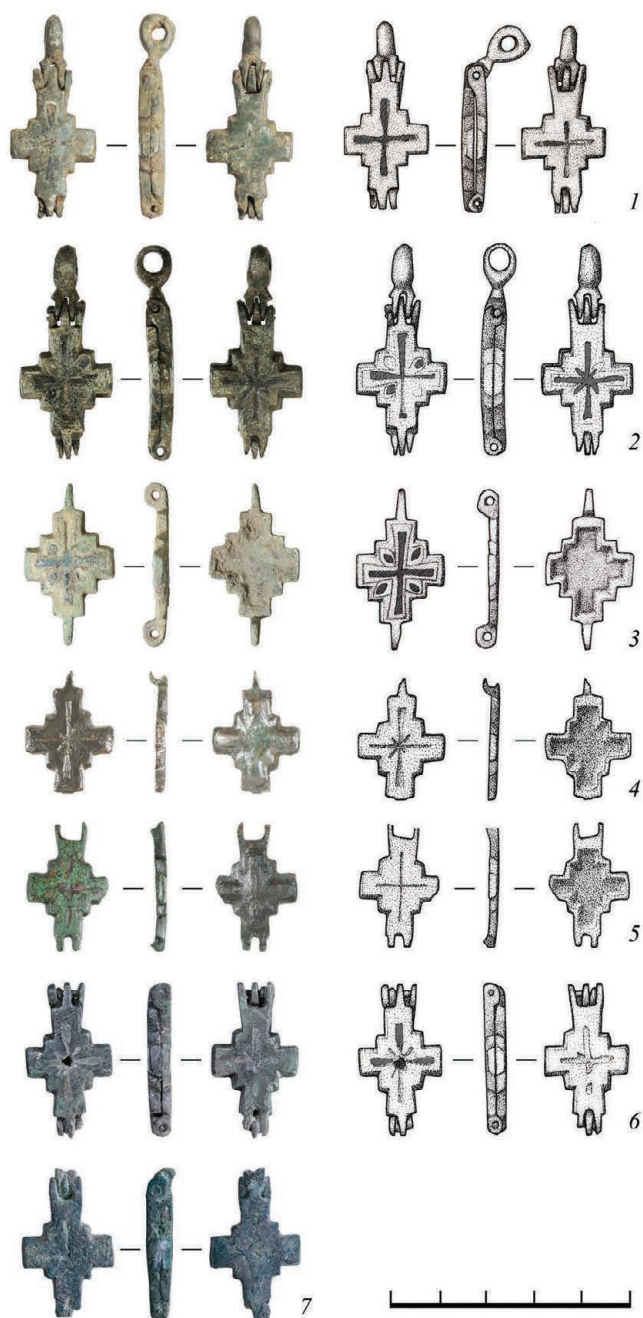

Рис. 6. Энколпионы. 1 – Михали 3, 2017, № 443/152; 2 – Тарбаево 5а, 2010, № 137/93; 3 – Мордыш 1, 2012, № 319/64; 4 – Семеновское-Советское 2, 2018, № 48/48; 5 – Вышеславское 2, 2018, № 168/2; 6 – Тарбаево, 2019; 7 – Михали 4, 2016, № 680/101

Шексны, Старой Рязани и др.³⁴ А.А. Пескова говорит о широком распространении этих «простейших» по иконографии энколпионов³⁵. Вероятно, их ареал охватывал всю Древнюю Русь. Большинство крестов можно считать продукцией небольшого круга мастеров: они имеют стандартные размеры и декор, сделаны по резным восковым моделям. В реликварии вкладывались кусочки тканей или нити, воскомастичная смесь³⁶. Тем не менее, в Суздальском Ополье имеются экземпляры, изготовленные по оттиску готовых изделий. Они получались в результате тиражирования на местах. Косвенно показателем «кустарного» изготовления крестов может служить их состав металла: все серийные кресты с чернью делались из сплава с добавкой цинка, в то время как отдельные редкие створки изготовлены из бронз без цинка. Известны кресты-тельники без внутренних полостей с такими же формами и рисунками с чернью и без, полученные по оттискам энколпионов.

Суздальские энколпионы типа IV.6.3 найдены как на поселениях X–XII вв. (Григорово 1, Суворотское 8), период наиболее интенсивной жизни которых определяется в рамках XI – начала XII в., так и на памятниках с культурным слоем XII–XIII вв., нижняя хронологическая граница которых не выходит за рамки рубежа XI–XII вв. (Михали 4, Кибол 11, Семеновское-Советское 2, Вышеславское 2). Энколпионы типа IV.6.4 происходят с селищ Мордыш 1 и Тарбаево 5, где они собраны на участках с преобладанием материалов XII – первой половины XIII в. Широкую датировку этих миниатюрных крестиков – XII – начало XIII в., сузить пока не предоставляется возможным ввиду небольшого количества их находок в датированных комплексах. В Новгороде крестик с выступами найден в слое первой половины XII в.³⁷

Тремя экземплярами представлены кресты с фигурными ветвями с округлыми концами и слезками (рис. 7). Два экземпляра имеют средние размеры. Это лицевая створка с Распятием и предстоящими и обломок оборотной створки с Богоматерью Орантой с предстоящими из Чернижа 2, возможно, составлявшие один предмет (рис. 7: 1; тип IV.2.1 или IV.2.2 по А.А. Песковой;), и оборотная створка с центральными рисунком креста буквами в клеймах из Карельской слободки 5 (рис. 7: 2). Высота створки с Распятием без петель из Чернижа составляет 55 мм. Створки отлиты из многокомпонентного сплава, содержащего цинк в средней концентрации (6,8–8%), и украшены полосами черни. Трилистники в основаниях обеих петель ха-

³⁴ Башков А.А. Христианские древности Беларуси конца X–XIV вв. (предметы христианского культа индивидуального использования. Минск, 2011. С. 163, Колпакова Ю.В. Энколпионы из Пскова и Изборска... С. 148); Григорьева О.В. Кресты-реликварии из княжеской резиденции на Рюриковом городище... С. 253; Захаров С.Д. Древнерусский город Белоозеро. М., 2004. Рис. 45; Рыкунова И.И., Рыкунов А.Н. Новые находки предметов христианского культа средневековой Усть-Шексны // Археология, история и перспективы: Девятая межрегиональная конференция: сб. статей. Ярославль, 2020. С. 165–167; Остапенко А.А. Христианские древности Рязанской земли XI–XVI вв.... № 402–406; Около 20 экземпляров с южнорусских территорий помещены в каталоге В.В. и А.В. Нечитайло (Нечитайло В.В., Нечитайло А.В. Каталог энколпионов Древней Руси.... № 80–100).

³⁵ Корзухина Г.Ф., Пескова А.А. Древнерусские кресты-энколпионы... С. 136.

³⁶ Макаров Н.А., Грешников Э.А., Зайцева И.Е., Подурец К.М., Коваленко Е.С., Мурашев М.М. Невидимые святыни...; Колпакова Ю.В. Энколпионы из Пскова и Изборска... С. 148.

³⁷ Олейников О.М. Новые находки энколпионов XI – первой четверти XIII в. в Великом Новгороде... С. 167.

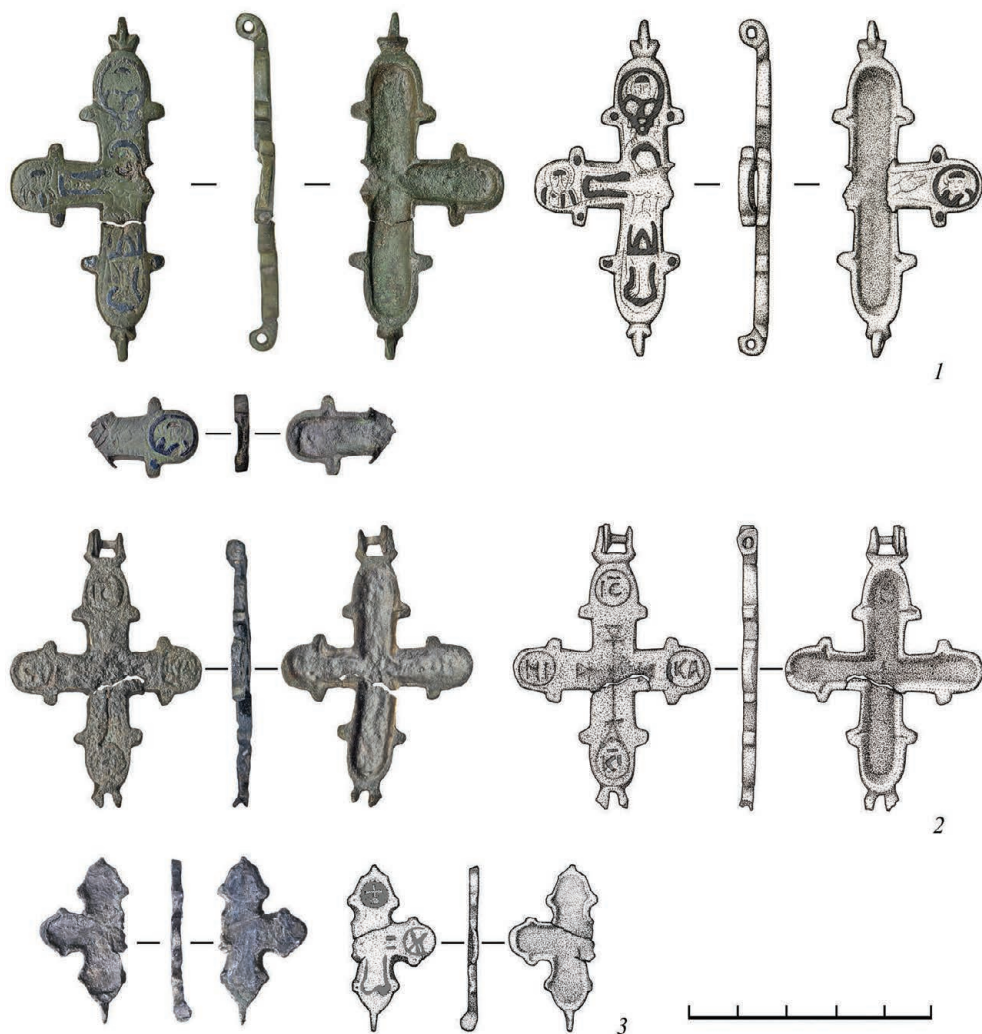

Рис. 7. Энколпионы. 1 – Черниж 2, 2014, № 7/6, 9/8, 12/11;
2 – Карельская слободка 5, 2008, № 235/74; 3 – Крапивье 12, 2020, № 198, 199 / 19, 20

рактены для энколпионов византийского производства. В каталоге А.А. Песковой среди крестов этих типов (15 изображений) нет ни одного с трилистниками. В небольшом количестве кресты с такими петлями представлены среди рельефно-черневых (тип III.2.3) и рельефных (тип II.3.2). А.А. Песковой учтено восемь адресных энколпионов с Распятием и Орантой этого типа, происходящих из южнорусских земель. Исследовательница датирует тип XII в., хотя археологическую дату имеет только один крест из культурного слоя XIV в. в Херсонесе³⁸.

³⁸ Корзухина Г.Ф., Пескова А.А. Древнерусские кресты-энколпионы... С. 142–143.

Размеры обгорелой створки из Карельской слободки равны 47 (без петель) × 40 мм (тип III.2.4 или IV.2.2 по А.А. Песковой; № 32). Энколпионов с лицевой створкой с Распятием и оборотной с крестом найдено больше – 20 экз. (15 адресных). Все они, за исключением креста из Минска, также происходят из Южной Руси. Только два креста найдены в датированном культурном слое, причем оба – в слое XIII в. (Минск, Херсонес). Рассматриваемые находки из Суздальского Ополя происходят с памятников, хронологические рамки которых находятся в пределах XII–XIII вв., при этом в коллекции, собранной на селище Черниж 2, преобладают украшения и керамические формы второй половины XII – первой половины XIII в. Кресты, вероятно, являются импортом из южнорусских земель.

Фрагмент сильно коррозированной створки миниатюрного черневого энколпиона с фигурными ветвями, овальными концами со слезками найден на селище Крапивье 12 (рис. 7: 3). Высота створки без петель равна 29,3 мм. Створка имеет мелкую внутреннюю полость. Рисунок на ее лицевой стороне практически не читаем. Аналогии данному экземпляру указать затруднительно.

Рельефные энколпионы

Рельефных крестов-энколпионов на селищах Суздальского Ополя обнаружено значительно меньше – 11 экз. или 25% коллекции. 7 находок (5 целых, одна лицевая и одна оборотная створки) представляют один тип, так называемые низкорельефные «поздние борисоглебские» энколпионы (тип VIII.3.1 по А.А. Песковой). Это округлоконечные кресты с фигурными ветвями с слезками. 6 экземпляров из Михалей 4, Кибола 11, Воронцово 1, Теренево 1, Поганого озера 1, Глебовского 1 имеют идентичные размеры створок – 43–45 × 36 мм (без петель) и одинаковые, совпадающие во всех деталях рисунки на их поверхностях (рис. 8: 2–4; 9). На лицевых створках, оконтуренных гладким бортиком, изображены выпуклые фигуры распятого Христа с прямой головой, чуть повернутой влево, с длинными волосами, показанными нарезкой, открытыми глазами, с сосцами, с прямыми руками с большими ладонями, пробитыми гвоздями, в складчатой набедренной повязке, с прямыми ногами, на которых выделены пальцы. Над головой Христа показан крест, солнце (кружок) и луна (круглая скобка). На оборотной створке помещен Святой в рост в ниспадающих одеждах, правая рука согнута в локте и прижата к груди (А.А. Пескова полагает, что в руке изображен крест³⁹). Над головой крест, в боковых ветвях надписи – NSH и БГЛ/ОБО. Створки имеют глубокие полости для святынь. На всех экземплярах оборотная створка сильно затерта от длительного ношения.

Мельчайшее совпадение прорисовок изображений, сделанных по восковой модели (правая ветвь креста над головой Христа длиннее левой, кривоватое солнце, широко расставленные глаза Христа, начертание букв и т. п.) и размеров створок позволяет предполагать их изготовление в одном центре по одной модели. Близок и состав металла изделий. Это оловянно-свинцовая бронза со средним и высоким содержанием олова (11–23%) и небольшим свинца (1,6–6%). Такой сплав характерен для большинства древнерусских энколпионов⁴⁰. Несколько отличается по размерам крест

---

³⁹ Корзухина Г.Ф., Пескова А.А. Древнерусские кресты-энколпионы... С. 225.

⁴⁰ Асташова Н.И., Петрова Л.А., Сарачева Т.Г. Кресты-энколпионы из собрания Государственного исторического музея... С. 60.

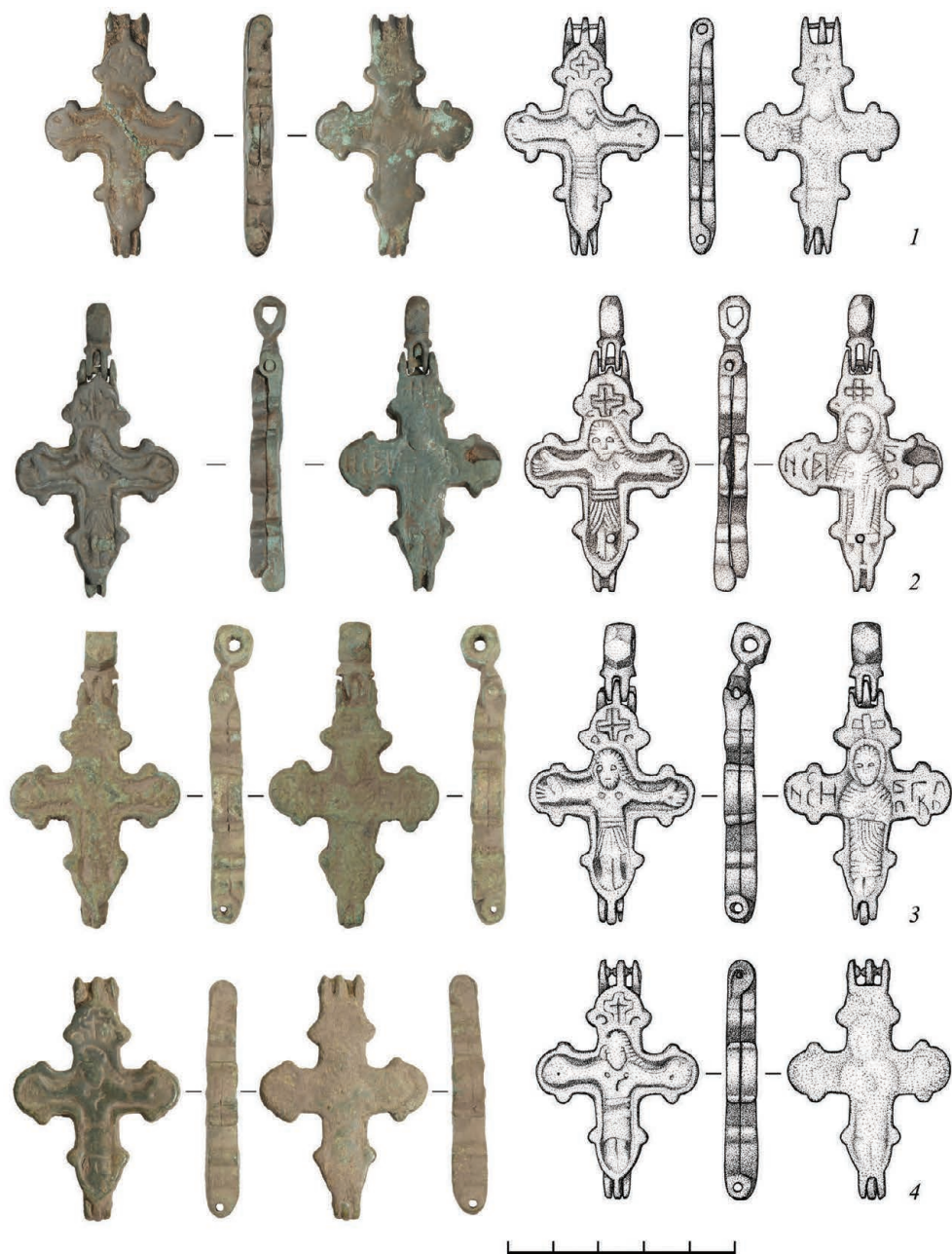

Рис. 8. Энколпионы. 1 – Григорово 2, 2016, № 488/110; 2 – Михали 4, 2016, № 595/16; 3 – Кибол 11, 2019, № 233/56; 4 – Теренево 1, 2019, № 457/7

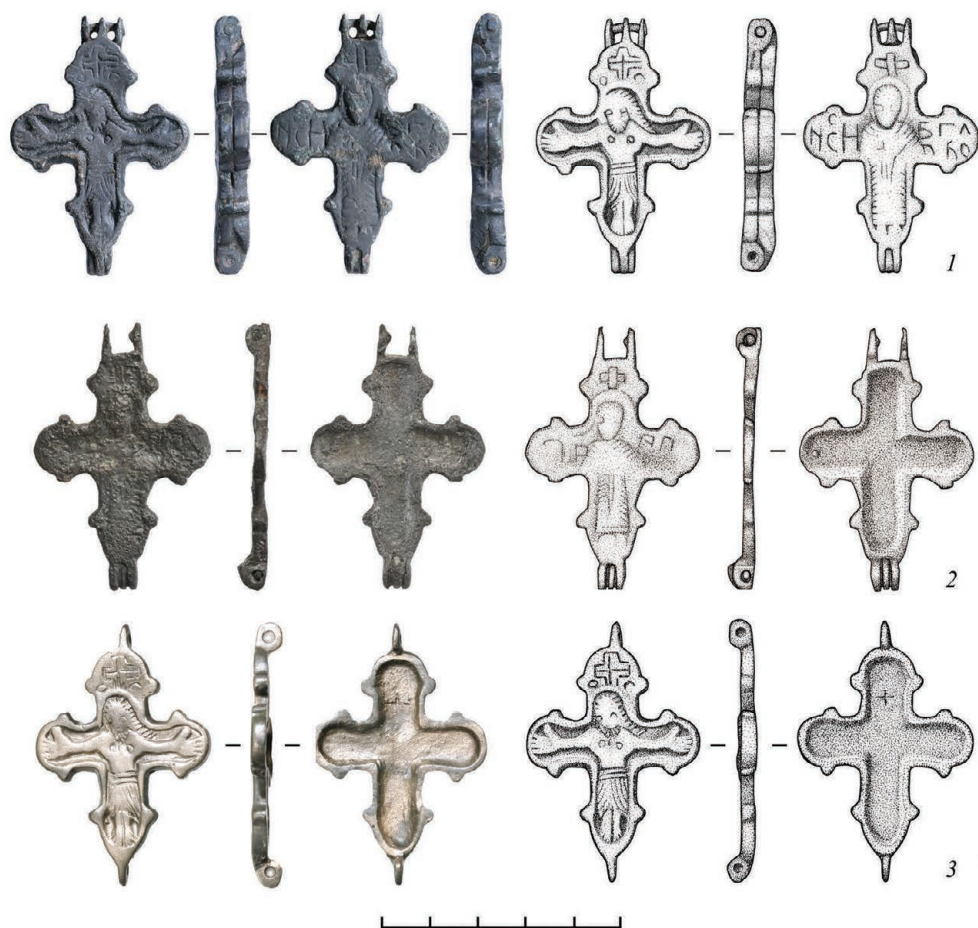

Рис. 9. Энколпионы. 1 – Воронцово 1, 2020, № 23/23; 2 – Глебовское 1, 2004, № 240/10; 3 – Поганое озеро 1, 2007, № 53/53

из Григорово 2 (рис. 8: 1). Он чуть меньше – 41×34 мм (без петель). Рисунок на его обеих створках идентичен предыдущей группе, но очень нечеток. Вероятно, этот экземпляр изготовлен по оттиску готового изделия.

Анализируя «поздние борисоглебские» кресты, А.А. Пескова отмечает, что из учтенных ей на 2003 год 37 экземпляров происхождения известно у 7 предметов. За исключением одного креста, найденного на территории Чечено-Ингушетии, все они обнаружены в Северо-Восточной Руси (Ярополч, Муром, Введенское (Ярославская обл.), Покровский уезд Владимирской губ., с. Пески Вологодской

обл.⁴¹). Исследовательница полагает их местное изготовление⁴². Новые находки подтверждают региональность типа, хотя в работе А.А. Остапенко опубликованы 3 оборотные створки таких крестов из Рязанской земли: Старой Рязани, селищ Льгово 1 и Истье 2⁴³. Еще два экземпляра хорошего качества из Южной Руси изданы В.В. и А.В. Нечитайло⁴⁴.

По мнению исследователей, на основании погребения с таким крестом, раскопанного у с. Пески Вологодской области, изделия этого типа появляются не ранее второй половины XII в.⁴⁵, однако, вещевой комплекс погребения не дает такой узкой даты. А.А. Пескова также считает временем возникновения типа конец XII в., а временем активного бытования – XIII в.⁴⁶, хотя, надо признать, что убедительных оснований для этого пока нет. Иконография Христа на предметах близка миниатюрным гладким экземплярам с чернью, что в будущем, возможно, даст возможность вновь обратиться к их хронологии. Находка энколпиона из Григорово 2 (рис. 8: 1) позволяет утверждать, что рельефные реликварии этого типа, хотя и в небольшом количестве, тиражировались в мелких мастерских. Тем не менее, наибольшее их число выглядит стандартной продукцией одной (?) мастерской. На большинстве экземпляров оборотные створки сильно затерты, что свидетельствует о длительном их ношении без футляров.

Остальные 4 находки коллекции относятся к разным типам. Три из них имеют округлые концы. Обломок оборотной створки крупного энколпиона с Богоматерью Одигитрией в рост из оловянно-свинцовой бронзы (селище Подолец 1), (рис. 10: 1)⁴⁷; принадлежит к многочисленному типу П.1 по А.А. Песковой (найдено более 200 экз.). На лицевых створках таких энколпионов изображено Распятие. В медальонах: верхнем и боковых, на обеих створках показаны предстоящие. Большие экземпляры с известным происхождением обнаружены преимущественно в Южной Руси. Исследовательница относит эти энколпионы к XI–XII вв.⁴⁸ Три целых креста этого типа, датированные временем пожара города 1238 года, найдены во Владимире: серебряный крест с позолотой обнаружен в составе клада⁴⁹, бронзовый реликварий найден в заполнении постройки. Ю.Э. Жарнов, вслед за утвердившимся в историографии

⁴¹ Корзухина Г.Ф., Пескова А.А. Древнерусские кресты-энколпионы... С. 225–226; Кокорина Н.А. Нагрудные кресты древнерусского времени из археологических коллекций Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника... С. 26–27. Асташова Н.И., Сарачева Т.Г. Древнерусские миниатюрные энколпионы // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 29. Великий Новгород: Новгородский музей заповедник. 2015. С. 196–197.

⁴² Корзухина Г.Ф., Пескова А.А. Древнерусские кресты-энколпионы... С. 25.

⁴³ Остапенко А.А. Христианские древности Рязанской земли XI–XVI вв. ... № 425–427.

⁴⁴ Нечитайло В.В., Нечитайло А.В. Каталог энколпионов Древней Руси... № 213, 214.

⁴⁵ Асташова Н.И., Петрова Л.А., Сарачева Т.Г. Кресты-энколпионы из собрания Государственного исторического музея... С. 22; Моришакоева Е.А. Древнерусская мелкая пластика. Наперсные кресты, иконы и пантегии XII–XIV веков. Каталог. М., 2013. С. 85–87.

⁴⁶ Корзухина Г.Ф., Пескова А.А. Древнерусские кресты-энколпионы... С. 225.

⁴⁷ Макаров Н.А., Федорина А.Н. О находках энколпионов на суздальских селищах // Археология Владимиро-Суздальской земли: Материалы науч. семинара. Вып. 2. М., 2008. С. 141.

⁴⁸ Корзухина Г.Ф., Пескова А.А. Древнерусские кресты-энколпионы... С. 61.

⁴⁹ Жарнов Ю.Э., Жарнова В.И. Произведения прикладного искусства из раскопок во Владимире // Древнерусское искусство. Византия и Древняя Русь. СПб., 1999. С. 458.

мнением, связывает их изготовление с Киевом⁵⁰. Еще один полностью сохранившийся бронзовый экземпляр происходит из Суздаля⁵¹. К этому же кругу древностей принадлежит и находка из Подольца 1.

Целый закрытый энколпион с оглавием найден на поселении Сорогужино 2 (рис. 10: 2). Размеры его створок без петель составляют $36 \times 25 \times 3$ мм. На лицевой створке помещено рельефное изображение Распятия (Христос препоясанный) с подножием и нечитаемыми рисунками в медальонах. На оборотной створке показана рельефная фигура Богоматери в мафории с ладонями, раскрытыми перед грудью (Ассунта) и также нечитаемые изображения (монограммы Богоматери) в медальонах⁵². Фигуры Христа и Богоматери нечеткие и затертые, края мафория Марии образуют в центре характерную глубокую западину. Створки отлиты из оловянно-свинцовой бронзы с высоким содержанием олова (21–22%). Внутри обнаружены остатки воскомастики, изготовленной из смеси пчелиного воска и ладана.

Крест относится к достаточно многочисленному типу III.3.1 по А.А. Песковой. В ее сводке учтено 76 экземпляров, известны места находок 52 из них. Много таких крестов происходит из памятников Южной Руси⁵³. Есть они и на севернорусской территории: в Новгороде (два) и в Твери, в Белоозере (три) в слое XII в., на селищах Воркоп и Потеряево на р. Шексне, в костромских курганах⁵⁴, в Суздале⁵⁵ и на селище Тарбаево в его округе⁵⁶.

Изображения на большинстве экземпляров идентичные и очень нечеткие. Исследователи отмечают значительное сходство рассматриваемых крестов с также многочисленными рельефно-черневыми энколпионами типа III.2.3 по А.А. Песковой, что позволило М.В. Седовой высказать справедливое суждение об их изготовлении по оттиску последних⁵⁷. А.А. Пескова полагает местом производства рельефно-черневых экземпляров так называемую «большую мастерскую» в Киеве⁵⁸. Низкое качество отливок и большое количество энколпионов типа III.3.1 дают возможность предполагать их массовое тиражирование на местах в ответ на невысокие запросы потребителей. Вероятно, на некоторой части таких крестов рисунок дорабатывался углубленными простыми линиями, он имеет четкую детализацию. Самая ранняя хронологически

⁵⁰ Жарнов Ю.Э. Художественное медное литье из раскопок Владимира-на-Клязьме // Российская археология. 2000. № 1. С. 183–185.

⁵¹ Седова М.В. Суздаль в X–XV веках. М., 1997. С. 202.

⁵² Коваленко Е.С., Подурец К.М., Грешиников Э.А., Зайцева И.Е., Агафонов С.С., Колобылина Н.Н., Калоян А.А., Говор Л.И., Куркин В.А., Яцишина Е.Б. Исследование древнерусского бронзового креста-энколпиона с помощью комплекса неразрушающих методов // Кристаллография. 2019. Т. 64, № 5. С. 826–831.

⁵³ Позже опубликованы 8 энколпионов из грабительских работ на южнорусской территории (Нечитайло В.В., Нечитайло А.В. Каталог энколпионов Древней Руси... № 184–191).

⁵⁴ Корзухина Г.Ф., Пескова А.А. Древнерусские кресты-энколпионы... С. 132–138; Захаров С.Д. Древнерусский город Белоозеро... Рис. 4.

⁵⁵ Макаров Н.А., Грешиников Э.А., Зайцева И.Е., Подурец К.М., Коваленко Е.С., Мурашев М.М. Невидимые святыни... С. 32.

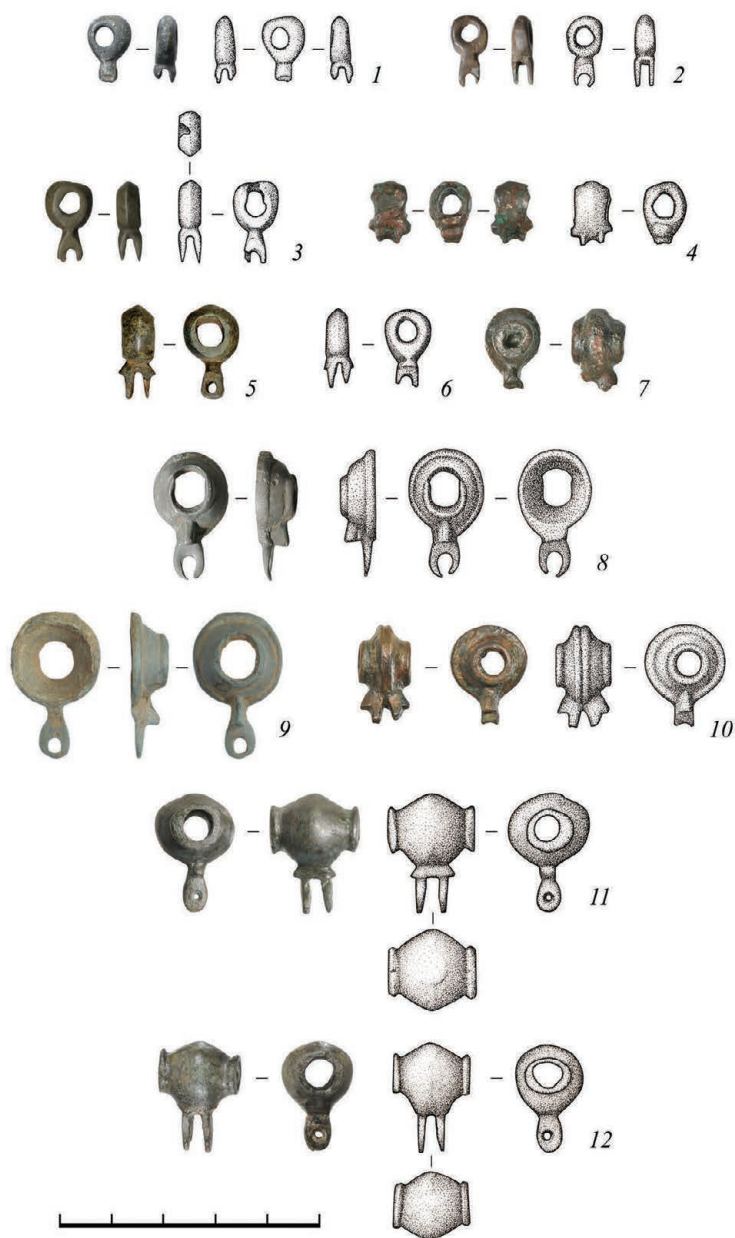
⁵⁶ Кокорина Н.А. Нагрудные кресты древнерусского времени из археологических коллекций Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника... С. 32.

⁵⁷ Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981. С. 61.

⁵⁸ Корзухина Г.Ф., Пескова А.А. Древнерусские кресты-энколпионы... С. 117.

Рис. 10. Энколпионы. 1 – Подолец 1, 2006, № 22; 2 – Сорогужино 2, 2015, № 443/17; 3 – Мордыш 1, 2012, № 328/73; 4 – Кистыш 3, 2006, № 182/1

Рис. 11. Оглавия энколпионов. 1 – Крапивье 6, 2019, № 297/52;
2 – Мордыш 1, 2012, № 315/60; 3 – Суворотское 8, 2015, № 566/85;
4 – Сорогужино 2, 2017, № 567/34; 5 – Суворотское 8, 2013, № 446/10;
6 – Крапивье 6, 2018, № 289/44; 7 – Вишенки 3, 2007, № 79;
8 – Поганое озеро 1, 2012, № 471/5; 9 – Михали, 2018; 10 – Подолец 1, 2009, № 380/38;
11 – Михали 3, 2017, № 323/32; 12 – Михали 3, 2017, № 427/136

достоверная находка происходит из новгородского слоя рубежа XI–XII вв.⁵⁹ Второй новгородский крест найден в слое XII–первой половины XIII вв., что и определяет хронологические рамки бытования типа.

Створки прямоконечного креста из Кистыша 3 с высокими гладкими бортиками покрыты полудой (рис. 10: 4). Их размеры без петель равны $40 \times 28 \times 3$ мм. В центре лицевой створки помещено рельефное изображение Распятия. Христос изображен в повязке, с большими руками, над его головой расположен крест. На оборотной створке находится рельефное изображение святого в рост в шапке и длинных одеждах с прижатой к груди правой рукой. Фигура святого близка изображениям на поздних борисоглебских энколпионах. В каталоге А.А. Песковой тип не представлен. Вероятная датировка по оглавию – XIII–XV вв.

Оглавия

До нас дошли 20 оглавий: 8 из них сохранились на энколпионах и 12 найдены без крестов. Большинство оглавий от миниатюрных энколпионов имеют вид небольших биконических зонных бусин высотой 8–10 мм без петель (рис. 11: 1–6). Они отлиты по резным восковым моделям из многокомпонентных сплавов с цинком, аналогичным сплавам створок. Этот факт свидетельствует о единовременном изготовлении оглавий и створок. Одно оглавие высотой 8 мм без петель имеет вид многогранной бусины (рис. 8: 3) и одно многогранной бусины с гладкими валиками около отверстия (рис. 10: 4).

6 оглавий имеют более крупные размеры: 4 оглавия высотой 12–18 мм без петель похожи на биконические фигуры с поперечными валиками в центре (рис. 11: 7–10). Они представлены двумя цельнолитыми и двумя двусоставными экземплярами. Найдены два оглавия в виде биконических гладких бусин размерами 13–16/17–18 мм с гладкими валиками около отверстия (рис. 11: 11, 12). Несмотря на то, что во всей рассматриваемой коллекции имеется только один фрагмент крупного энколпиона, наличие массивных оглавий маркирует присутствие реликвариев больших размеров на селищах, хотя и в ограниченном количестве. Оглавия, обнаруженные на суздальских селищах, имеют стандартный вид и многочисленные аналогии среди древнерусских энколпионов.

Заключение

Детальное рассмотрение собрания крестов-энколпионов, полученного в результате работ Суздальской археологической экспедиции на селищах Суздальского Ополья в 2001–2020 гг. показывает, что эти предметы личного благочестия были в обиходе не только у городских жителей Северо-Восточной Руси⁶⁰, но и имели, как

⁵⁹ Седова М.В. Ювелирные изделия... С. 57.

⁶⁰ М.В. Седовой опубликованы сведения о находках 5 энколпионов из Суздаля (Седова М.В. Суздаль в X–XV веках...). Еще одна створка миниатюрного креста с Орантой рассмотрена Н.А. Кокориной (Кокорина Н.А. Нагрудные кресты древнерусского времени из археологических коллекций Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника... С. 19). В последние годы в городе обнаружено не менее 4 энколпионов. 7 энколпионов происходит из Ярополча (Кокорина Н.А. Нагрудные кресты древнерусского времени из археологических коллекций Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника...).

и кресты-тельники⁶¹ достаточно широкое распространение в сельской среде: как на крупных поселениях, так и в небольших поселках. Ранние реликварии византийского производства представлены в Ополье единственным экземпляром из Владимирских курганов⁶².

Изделия древнерусских мастерских, которые в настоящее время связываются всеми исследователями с Киевом, появляются в регионе в конце XI в. сразу с началом их изготовления. Это и крупные партии предметов, как, например, миниатюрные прямоконечные черневые энколпионы с Распятием и Орантой без предстоящих, так и единичные экземпляры, например, с Распятием и Богоматерью Ассунтой. В XII в. продолжается поступление в Ополье крестов с Распятием и Орантой, популярной становится еще одна крупная серия миниатюрных реликвариев с квадратными выступами в средокрестии и без них с черневыми рисунками простых крестов. По-прежнему привозятся сюда и отдельные единичные экземпляры типов, находки которых известны по всей территории Древней Руси. Необходимо отметить, что если на южнорусской территории в равной степени были в ходу как кресты больших и средних размеров, так и миниатюрные, то на селищах Ополя представлены, преимущественно, последние. Такие энколпионы отливались из многокомпонентных сплавов с цинком и украшались черневым декором, что еще раз доказывает централизованный характер их производства, поскольку большинство рельефных древнерусских мощевиков цинка в своем составе не имеет. Все эти изделия являются маркерами активной включенности Суздальского Ополя в общедревнерусское экономико-культурное пространство.

Вероятно, во второй половине XII в. в Северо-Восточной Руси появляется местная серия рельефных энколпионов среднего размера с фигурными ветвями с Распятием и святым в рост (Глеб?). Практически полная идентичность опольских крестов по размерам и рисунку, а также близость химического состава металла (оловянно-свинцовая бронза) позволяют говорить о функционировании регионального специализированного центра по изготовлению святынь. На лицевых створках энколпионов помещалась фигура распятого Христа в иконографическом типе Христос торжествующий, распространенном в Западной Европе до XIII в. Для византийского искусства этого времени более характерен другой иконографический тип Христа – муж скорбей. В полости энколпионов вкладывались частицы дерева, отдельные нити, кусочки воскомастичной смеси с ладаном. Возможно, в этой же мастерской производились и образки с изображениями Успения Богоматери и Богоматери Одигитрии, также связываемых исследователями с Северо-Восточной Русью⁶³. При этом, эпизодическое поступление отдельных южнорусских экземпляров продолжается. Интересно, что на сегодняшний день найдена (в Суздале) только одна створка широко популярного в Киевской земле типа энколпионов с обратными надписями⁶⁴.

---

⁶¹ Макаров Н.А., Зайцева И.Е. Кресты на селищах... С. 52–67.

⁶² Седова М.В. Суздаль в X–XV веках... Рис. 72.

⁶³ Седова М.В. Суздаль в X–XV веках... С. 197–202; Мусин А.Е. Паломничество в Древней Руси: исторические концепции и археологические реалии // *Archeologia Abrahamica*. М., 2009. С. 264–266.

⁶⁴ Седова М.В. Суздаль в X–XV веках... С. 202.

Исследование энколпионов методом оптической микроскопии позволило выявить небольшое количество створок, изготовленных по оттиску готовых изделий. Этот факт свидетельствует об ограниченной практике тиражирования реликвариев со священными вложениями на местах. В результате длительного ношения реликвий их оборотные створки сильно истирались.

Выпуск энколпионов и их привоз прекращаются после разорения края. Со временем второй половины XIII–XV вв. может быть связана только одна находка из Кистыша III.

Список литературы

- Асташова Н.И., Петрова Л.А., Сарачева Т.Г.* Кресты-энколпионы из собрания Государственного исторического музея. М.: РИП-холдинг. 2013. 320 с.
- Асташова Н.И., Сарачева Т.Г.* Древнерусские миниатюрные энколпионы // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 29. Великий Новгород: Новгородский музей-заповедник. 2015. С. 195–202.
- Башков А.А.* Христианские древности Беларуси конца X–XIV вв. (предметы христианского культа индивидуального использования). Минск: издатель И.П. Логвинов. 2011. 194 с.
- Говор Л.И., Грешников Э.А., Зайцева И.Е., Коваленко Е.С., Куркин В.А., Мурашев М.М., Подурец К.М., Соменков В.А., Глазков В.П., Благов А.Е., Яцишина Е.Б.* Исследование закрытых древнерусских крестов-энколпионов с применением ядерно-физических методов // КСИА. Вып. 249 (II). М.: ИА РАН. 2017. С. 348–365.
- Григорьева О.В.* Кресты-реликварии из княжеской резиденции на Рюриковом городище // Археологические вести. Вып. 21. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. С. 246–260.
- Жарнов Ю.Э.* Художественное медное литье из раскопок Владимира-на-Клязьме // Российская археология. 2000. № 1. С. 183–194.
- Жарнов Ю.Э., Жарнова В.И.* Произведения прикладного искусства из раскопок во Владимире // Древнерусское искусство. Византия и Древняя Русь. СПб.: Дмитрий Буланин. 1999. С. 451–462.
- Зайцева И.Е., Грешников Э.А., Велигжанин А.А., Пахунов А.А., Дороватовский П.В., Колобылина Н.Н., Подурец К.М., Коваленко Е.С., Мурашев М.М., Глазков В.П., Яцишина Е.Б.* О «зеленой черни» в декоре древнерусских крестов-энколпионов из находок в Суздальском Ополье // Российская археология. 2019. № 3. С. 50–61.
- Зайцева И.Е., Коваленко Е.С., Подурец К.М., Мурашев М.М.* Древнерусские кресты-энколпионы: опыт нейтронной и синхротронной визуализации // «На одно крыло – серебряная, На другое – золотая...» Сборник статей памяти Светланы Рябцевой. Библиотека Stratum Plus, Кишинев: Высшая антропологическая школа, 2020. С. 353–362.
- Захаров С.Д.* Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик. 2004. 592 с.
- Коваленко Е.С., Подурец К.М., Грешников Э.А., Зайцева И.Е., Агафонов С.С., Колобылина Н.Н., Калоян А.А., Говор Л.И., Куркин В.А., Яцишина Е.Б.* Исследование древнерусского бронзового креста-энколпиона с помощью комплекса неразрушающих методов // Кристаллография. 2019. Т. 64. № 5. С. 826–831.
- Кокорина Н.А.* Нагрудные кресты древнерусского времени из археологических коллекций Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Каталог. Владимир: ВСМЗ. 2013. 76 с.
- Колпакова Ю.В.* Энколпионы из Пскова и Изборска // Древности Пскова. Археология. История. Архитектура: к юбилею И.К. Лабутиной. Вып. 2. Псков: Печатный двор Стерх, 2011. С. 141–156.

- Корзухина Г.Ф., Пескова А.А.* Древнерусские кресты-энколпионы. Нагрудные кресты-реликвии XI–XIII вв. СПб.: Петербургское Востоковедение. 2003. 432 с.
- Лобода А.Ю., Мандрыкина А.В., Зайцева И.Е., Терещенко Е.Ю., Яцишина Е.Б.* Электронно-микроскопические исследования состава и микроструктуры черни предметов личного благочестия XI–XIII веков из Суздальского Ополя // Российские нанотехнологии. 2022. Т. 17. № 5. С. 647–657.
- Макаров Н.А., Грешников Э.А., Зайцева И.Е., Подурец К.М., Коваленко Е.С., Мурашев М.М.* Невидимые святыни. Вложения в средневековых крестах-энколпионах по данным комплексных аналитических исследований // КСИА. Вып. 258. М.: ИА РАН. 2020. С. 25–45.
- Макаров Н.А., Зайцева И.Е.* Кресты на селищах: репрезентация христианства в Суздальской земле в XI–XV в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 3. С. 52–67.
- Макаров Н.А., Зайцева И.Е., Грешников Э.А.* Черневые кресты-энколпионы в Суздальском Ополе // Археологические вести. Вып. 23. СПб.: ИИМК РАН, 2017. С. 291–310.
- Макаров Н.А., Красникова А.М.* Христианские древности Суздальских селищ: новые находки // КСИА. Вып. 221. М.: Наука, 2007. С. 95–105.
- Макаров Н.А., Федорина А.Н.* О находках энколпионов на суздальских селищах // Археология Владимиро-Суздальской земли: Материалы науч. семинара. Вып. 2. М.: ИА РАН, 2008. Вып. 2. С. 137–146.
- Моршакова Е.А.* Древнерусская мелкая пластика. Наперсные кресты, иконы и панагии XII–XIV веков. Каталог. М.: Сканрус. 2013. 360 с.
- Мусин А.Е.* Паломничество в Древней Руси: исторические концепции и археологические реалии // *Archeologia Abrahamica*. М.: Индрик. 2009. С. 231–272.
- Нечитайло В.В., Нечитайло А.В.* Каталог энколпионов Древней Руси XI–XIV ст. Киев: VNA. 2009. 122 с.
- Олейников О.М.* Новые находки энколпионов второй половины XII–XV вв. в Великом Новгороде // КСИА. Вып. 251. М.: ИА РАН, 2018. С. 278–290.
- Олейников О.М.* Новые находки энколпионов XI – первой четверти XIII в. в Великом Новгороде // Российская археология. 2019. № 1. С. 161–176.
- Остапенко А.А.* Христианские древности Рязанской земли XI–XVI вв. (мелкая пластика). Дис. ... канд. ист. наук. М. 2015. 237+271 с. Рукопись.
- Пескова А.А.* Древнейшие древнерусские нагрудные кресты-реликвии в свете новых исследований // Археологические вести. Вып. 26. СПб.: ИИМК РАН. 2020. С. 175–193.
- Рыкунова И.И., Рыкунов А.Н.* Новые находки предметов христианского культа средневековой Усть-Шексны // Археология, история и перспективы: Девятая межрегиональная конференция: сб. статей / Под ред. А.Е. Леонтьева. Ярославль: ГАУК Ярославской области «Ярославский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник». 2020. С. 161–172.
- Седова М.В.* Суздаль в X–XV веках. М.: Русский мир. 1997. 320 с.
- Седова М.В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука. 1981. 195 с.
- Федорина А.Н., Морозов А.С., Угулава Н.Д.* Находки предметов I тыс. н.э. на селище Суворотское 8: состав коллекции и исторический контекст // КСИА. Вып. 261. М.: ИА РАН. 2020. С. 231–251.
- Kolobylnina N.N., Greshnikov E.A., Vasiliev A.L., Tereschenko E.Yu., Zaytseva I.E., Makarov N.A., Kashkarov P.K., Yatsishina E.B., Kovalchuk M.V.* Electron Microscopy Study of an Old Russian (XII Century) Encolpion Cross with Black Inlay // *Crystallography Reports*, 2017. Vol. 62. No. 4. Pp. 529–536.

**RELIQUARY-CROSSES FINDS IN THE SUZDAL OPOLE RURAL SITES
FROM THE FIELDWORKS WORKS OF THE IAS SUZDAL
ARCHAEOLOGICAL EXPEDITION IN 2001–2020**

Abstract: The article deals with the finds of 44 metal reliquary-crosses and 12 loops from them, discovered during the field work of the Institute of Archaeology in 2001–2020 in the medieval the Suzdal Opole rural settlements. Serial small reliquaries decorated with niello images of the Crucifixion and Our Lady of Oranta without upcoming, begin to arrive in the region at the end of the XI century together with the beginning of their production in Kiev (?). In the XII century at the same time, another large series of reliquaries with central drawings of simple niello crosses on both sashes became popular. In the second half of the XII century in Northeastern Russia, relief encolpions with a Crucifix and a full-length figure of a Saint are made. Along with serial copies, single imported crosses of South Russian production were found in rural settlements of the Suzdal Opole.

Keywords: Kievan' Rus, Suzdal Opole, rural settlements, reliquary-crosses.

Л.В. Татаурова, Ф.С. Татауров

У ГОСПОДА БОГА ВСЕ РАВНЫ: О КРЕСТАХ – МУЖСКИХ И ЖЕНСКИХ¹

Аннотация: В статье рассматривается правомерность отнесения некоторых типов крестов-тельников к мужским и женским. Проанализирован материал четырех погребальных комплексов в Западной и Восточной Сибири. По результатам сопоставления антропологических данных и типов крестов, сопровождавших умерших, выявлено, что типы крестов 1 и 5, относимые к старообрядческим и считающиеся мужскими и женскими, встречаются у всех категорий людей, независимо от пола и возраста. В православии все типы крестов считаются равнозначными, а значит, не могут иметь гендерных трактовок.

Ключевые слова: православие, крест, погребальные памятники, гендер.

Культовое медное литье, и прежде всего кресты-тельники, – наиболее распространенный тип артефактов в погребальных комплексах Нового времени. Их изучению посвящено большое количество работ, в которых даётся типология этих предметов, освещается их семантика и иконография, анализируется состав материала и технология изготовления. Эта литература всем известна.

Темой нашего исследования стал небольшой сюжет, связанный с гендерной трактовкой некоторых типов крестов. Речь пойдет, прежде всего, о широко распространенных типах 1 (подтип 1) (рис. 1: 1, 2) и 5 (рис. 1: 6, 7)², относимых в некоторых публикациях к мужским – тип 1 – и женским – тип 5³, и тип 4, подтип 6, вариант 1⁴ (рис. 1: 4, 5).

В рамках своих исследований авторы, к сожалению, не приводят объяснений, по каким приметам определяется принадлежность предметов личного благочестия муж-

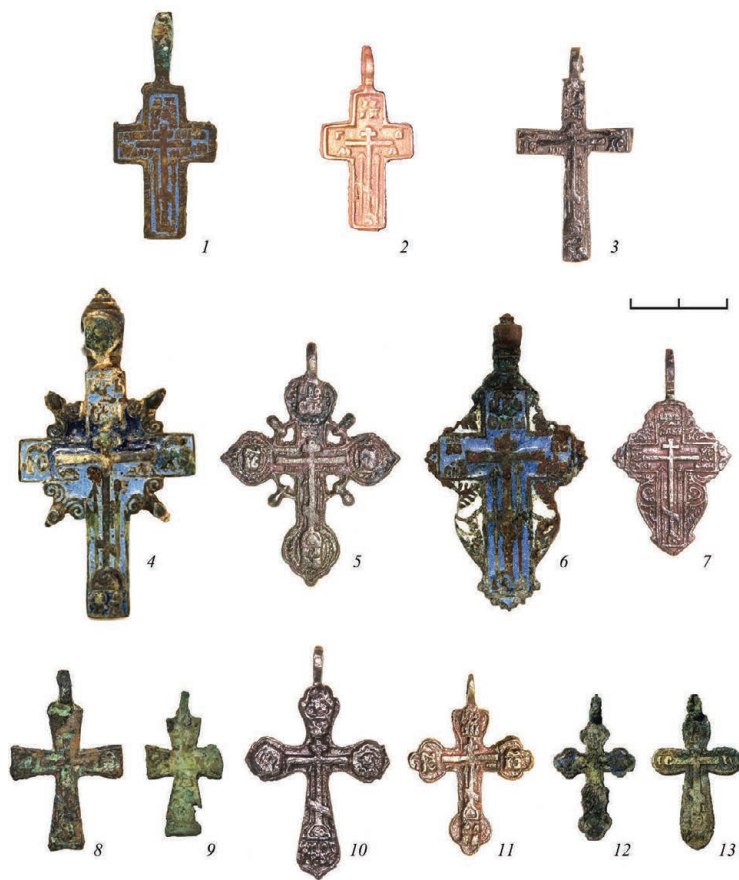
¹ Работа выполнена по теме Госзадания FWZG-2022-0005 «Исследования археологических и этнографических памятников в Сибири эпохи Российского государства».

² В нашем исследовании мы используем типологию крестов, предложенную В.И. Молодиным в монографии «Кресты-тельники Илимского острога» (Новосибирск, 2007).

³ См., например: *Колпакова Ю.В., Костючук Л.Я.* Псковские нательные кресты с надписями XIV–XVIII вв. (предварительные итоги наблюдений) // Вестник Псковского государственного педагогического университета. Серия «Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки». 2011. Вып. 13. С. 120, 131; *Векслер А.Г., Беркович В.А.* Материалы археологических исследований некрополя Моисеевского монастыря на Манежной площади в Москве // Культура средневековой Москвы: XVII век. М., 1999. С. 201; *Молодин В.И.* Старообрядческие нательные кресты из Илимской коллекции // Исторический ежегодник. Специальный выпуск. Посвящается 60-летию профессора Николая Аркадьевича Томилова. Омск, 2001. С. 26; *Станюкович А.К.* Произведения русской средневековой металлопластики из округа Звенигорода (новые открытия) // Вестник клуба «Раритет». 2000. С. 13 и др.

⁴ *Колпакова Ю.В., Костючук Л.Я.* Псковские нательные кресты... С. 127.

Рис. 1. Кресты-тельники из погребальных комплексов Омского Прииртышья.

1, 2 – кресты 1 типа, подтипа 1; 3 – крест 1 типа, подтипа 2; 4, 5 – кресты типа 4;
6, 7 – кресты типа 5; 8, 9 – кресты типа 6; 10 – крест типа 7; 11, 12 – кресты типа 8;

13 – крест типа 13. Фото Л.В. Татауровой, Ф.С. Татаурова.

1, 2, 4, 6, 8 – материалы памятника Изюк-I; 3, 5, 7, 10, 11 – материалы памятника Ананьино-I;
9, 12, 13 – материалы памятника Евгачино-IV

чинам или женщинам, а ссылаются на другие публикации. Только для типа 4 есть отсылка на этнографические материалы, дающие информацию о том, что такие кресты носили как нательные и как детали одежды⁵. Однако в описании русского костюма не уточняется, какие типы крестов в нем использовали. Судя по опубликованным праздничным девичьим нарядам Тамбовской, Тульской, Орловской, Калужской губерний второй половины XIX в., для этого годились любые типы⁶. Для такого применения

⁵ Там же. С. 127; Станюкович А.К. Произведения русской средневековой металлопластики... С. 11.

⁶ Русский народный костюм из собрания Государственного музея этнографии народов СССР. Л., 1984. С. 6, 33; Ил. 31, 33, 42, 46.

в приоритете, кроме 4 типа, скорее всего, были ажурные изделия, к которым, исходя из логики, можно отнести типы 4, 8–11 (рис. 1: 4, 5, 10, 11)⁷. Вместо крестов в праздничный костюм включали образки⁸. Кресты и образки крепились на «крестовку» – женское нагрудное украшение, широко известное в южных губерниях России в конце XIX – начале XX века⁹.

Но насколько это явление было известно в этнографии XVII–XVIII вв. и на какой территории, неясно. Кроме того, о проблеме сопряжения археологического и этнографического источника мы уже писали ранее¹⁰.

Обращаясь к типам 1 и 5, заметим, что их относят к старообрядческим, хотя такие кресты не воспрещалось носить и другим православным. Но именно их в настоящее время в сети Интернет априори считают мужскими и женскими¹¹.

Попробуем разобраться в этом вопросе, изучив материалы деревенских погребальных комплексов¹², исследованных на территории Омского Прииртышья (Западная Сибирь): Ананьино-I – начало XVII – XVIII в., Изюк-I – конец XVII – начало XIX в. – оба памятника исследованы Л.В. Татауровой; старая часть кладбища исчезнувшей деревни Красный Яр (памятник Евгачино-IV) – последняя треть XIX – первая четверть XX в., – раскопки Ф.С. Татаурова. Для сравнения привлечём материалы погребального комплекса Илимского острога – конец XVII – XIX в. (Восточная Сибирь), – раскопанного и опубликованного В.И. Молодиным¹³. Всего проанализировано 879 погребений и 529 крестов разных типов.

На получение объективных выводов будут работать четыре аргумента:

– результаты анализа размерных характеристик крестов. Эти параметры взяты за основу в связи с тем, что 1 (рис. 1: 1, 2) и 5 (рис. 1: 6, 7) типы относят к старообрядческим образцам литья. А согласно материалам мастера-литейщика П.Я. Серова, старовера, занимавшегося изготовлением медной пластики в конце XIX – начале XX века, «каждый сорт крестов имел название мужской и женский»¹⁴;

– имеющиеся для всех памятников половозрастные определения, позволяющие проследить типы крестов в соответствии с полом погребенных;

– репрезентативность выборок;

– привязка наших материалов, полученных археологическими методами, к реальным памятникам и, если можно так выразиться, к конкретным людям, в отличие от большинства каталожных и других публикаций, в которых использованы вещи, переданные в музеи таможней, а также из частных коллекций и сборов.

⁷ Молодин В.И. Кресты-тельники Илимского острога... С. 77–80.

⁸ Русский народный костюм... С. 33; Ил. 34–36, 40.

⁹ Русский традиционный костюм. Иллюстрированная энциклопедия. СПб., 2006. С. 338.

¹⁰ Татаурова Л.В. Проблемы в изучении археологического источника Нового времени: взгляд из Сибири // Мир Средневековья: проблемы вещевода. М., 2022 (в печати).

¹¹ URL: <https://ermogen.ru/stati/e/muzhskie-i-zhenskie-natelnye-kresty/>; <https://ezoteriker.ru/staroobryadcheskii-krest-otlichie-kakie-natelnye-kresty-staroobryadcy-schitayut-negodnymi-kakaya-u-staro/>; <https://starove.ru/obychai/krestik/>.

¹² Могила является закрытым комплексом, и кресты в них попали вместе с умершими.

¹³ Молодин В.И. Кресты-тельники Илимского острога...

¹⁴ «Об истории литейного дела икон и крестов меднолитейного заведения Серова Петра Яковлевича, с. Красное Костромской области» // Русское медное литье. Вып. 2. М., 1993. С. 157, 158.

Положительным будет и хронологическое соотношение памятников, и то, что это не городские кладбища.

Весь материал был разделен на половозрастные группы: мужчины, женщины, дети. Что касается детских выборок, которые по численности преобладают на всех памятниках, то в них анализировалась не половая принадлежность (как известно, ее почти невозможно определить), а размерные характеристики и разнообразие типов предметов личного благочестия.

Статистические данные всех памятников представлены в таблице 1.

Таблица 1. Соотношение общего числа погребенных с количеством крестов в мужских, женских и детских сериях

Памятник	Всего погребений	Муж., всего/ кол-во с крестами	Жен., всего/ кол-во с крестами	Дети, всего/ кол-во с крестами
Ананьино	83	16/10	16/9	51/19
Изюк	264	28/20	53/45	183/142
Илимский острог	336	78/50	56/33	202/132
Красный Яр	196	30/10	29/11	133/47

В границах каждой группы анализировались размерные характеристики и частота встречаемости типов. Учет размеров как раз и важен с точки зрения отнесения к мужским и женским изделиям. По информации П.Я. Серова, каждый сорт крестов имел названия мужской и женский:

«1 сорт. Самые малые назывались младенческие. Мужской крест имел в длину 25 мм, в ширину 7 мм, вес 2 гр. Цена 1 к. 1 шт.; женский в длину 25 мм, в ширину 8 мм.

2-ой сорт назывались детские. Мужской крест имел в длину 36 мм, в ширину 17 мм, вес – 4 гр. Цена 1 1/2 к. 1 шт. Женский крест детский имел в длину 36 мм, в ширину 18 мм, вес – 4 гр. Цена 1 1/2 к. 1 шт.

3-й сорт средние мужской: длина – 41 мм, ширина 19 мм, вес – 6 гр. Цена 2 1/2 к. 1 шт. Женский: длина – 43 мм, ширина 25 мм, вес 6 гр. Цена 2 1/2 к. 1 шт.

4-й сорт крупные мужской имел в длину 47 мм, в ширину 24 мм, вес 8 гр. Цена – 3 1/2 к. 1 шт. Женский имел длину 48 мм, ширину 26 мм, вес 8 гр. Цена – 3 1/2 к. 1 шт.

5-й сорт – самые крупные – назывались казацкие, мужской имел размер в длину 52 мм, ширину 48 мм, вес 12 гр. Цена 5 к. 1 шт. Женский имел длину 53 мм, ширину 50 мм, вес 12 гр. Цена 5 к. 1 шт.

6-ой сорт – цареградские по размеру весу и цене одинаковы, как крупные и казацкие только фасона и композиции другой»¹⁵.

Эти характеристики мы взяли за основу, но с поправками: во-первых, они позиционировались для одной мастерской в Костромской области в конце XIX – начале XX в.; во-вторых, исследованный нами материал погребальных комплексов (за исключением Евгацино-IV) относится к более раннему времени; в-третьих, к разным мастерским, и не только старообрядческим. Поэтому, без возможности бесспорно вы-

¹⁵ «Об истории литейного дела...». С. 157, 158.

делить «мужские», «женские» и другие размеры, мы распределили «сорта» в определенных параметрах с доминантой длины креста, так как ширина при одинаковой длине может существенно разниться. Весовая характеристика не учитывалась, потому что кресты имеют разную сохранность.

В результате у нас получилось четыре сорта:

1-й сорт – длиной до 30 мм, его можно отнести к детскому, *2-й сорт* – до 40 мм – к среднему, *3-й сорт* – до 50 мм – к крупному, *4-й сорт* – более 50 мм – самый крупный. В рамках каждого сорта рассматривались все зафиксированные типы крестов для каждого памятника в каждой половозрастной группе. Для первого типа рассмотрено два подтипа – первый, считающийся старообрядческой формой, и второй. Итоги представлены в таблицах 2–4.

Таблица 2. Сорта и типы крестов в детских погребальных комплексах

Погребальный комплекс деревни Ананьино (памятник Ананьино-I) ¹⁵							
	Тип 1 Подтип 1/2 Рис. 1, 2/3	Тип 2	Тип 4 Рис. 4, 5	Тип 5 Рис. 6, 7	Тип 6 Рис. 8, 9	Тип 7 Рис. 10	Тип 8 Рис. 11, 12
Сорт 1. Дл. до 30 мм	-/-	-	-	-	1	-	1
Сорт 2. Дл. до 40 мм	3/2	-	1	1	-	-	2
Сорт 3. Дл. до 50 мм	-/2	-	-	-	-	-	-
Погребальный комплекс деревни Изюк (памятник Изюк-I) ¹⁶							
	Тип 1 Подтип 1/2 Рис. 1, 2/3	Тип 2	Тип 4 Рис. 4, 5	Тип 5 Рис. 6, 7	Тип 6 Рис. 8, 9	Тип 7 Рис. 10	Тип 8 Рис. 11, 12
Сорт 1. Дл. до 30 мм	2/2	-	-	1	-	2	1
Сорт 2. Дл. до 40 мм	16/24	-	1	10	1	3	4
Сорт 3. Дл. до 50 мм	13/26	-	3	6	-	2	2
Сорт 4. Дл. более 50 мм	1/3	-	1	3	-	-	-
Погребальный комплекс Илимского острога ¹⁷							
	Тип 1 Подтип 1/2 Рис. 1, 2/3	Тип 2	Тип 4 Рис. 4, 5	Тип 5 Рис. 6, 7	Тип 6 Рис. 8, 9	Тип 7 Рис. 10	Тип 8 Рис. 11, 12
Сорт 1. Дл. до 30 мм	-/3	1	2	1	6	4	8
Сорт 2. Дл. до 40 мм	5/15	1	4	-	12	5	10
Сорт 3. Дл. до 50 мм	3/13	2	9	3	2	12	2
Сорт 4. Дл. более 50 мм	2/-	-	2	1	-	1	-

¹⁵ В таблице не учтены один крест плохой сохранности и три, относящиеся к типу 12, которого нет в коллекциях других памятников. См.: Крамм И.Д., Бердников И.М. Выявление возможности датирования ставрографической коллекции Омского Прииртышья методом сравнительного анализа с материалами из некрополей г. Иркутска // Вестник Омского университета. 2012. № 4. С. 225.

¹⁶ Не учтено 9 крестов, в том числе тип 12 и 1 католический.

¹⁷ Не учтены два креста без размеров.

Погребальный комплекс деревни Красный Яр (памятник Евгацино-IV) ¹⁸							
	Тип 1 Подтип 1/2 Рис. 1, 2/3	Тип 4 Рис. 4, 5	Тип 5 Рис. 6, 7	Тип 6 Рис. 8, 9	Тип 7 Рис. 10	Тип 8 Рис. 11, 12	Тип 13 Рис. 13
Сорт 1. Дл. до 30 мм	-	-	-	3	2	2	5
Сорт 2. Дл. до 40 мм	9/-	-	3	-	3	8	1
Сорт 3. Дл. до 50 мм	3/-	2	1	-	-	-	-
Сорт 4. Дл. более 50 мм	1/-	-	4	-	-	-	-

Таблица 3. Сорта и типы крестов в мужских погребальных комплексах

Погребальный комплекс деревни Ананьино (памятник Ананьино-I)							
	Тип 1 Подтип 1/2 Рис. 1, 2/3	Тип 2	Тип 4 Рис. 4, 5	Тип 5 Рис. 6, 7	Тип 6 Рис. 8, 9	Тип 7 Рис. 10	Тип 8 Рис. 11, 12
Сорт 2. Дл. до 40 мм	-/1	-	-	-	-	-	-
Сорт 3. Дл. до 50 мм	1/7	-	-	-	-	-	-
Сорт 4. Дл. более 50 мм	-/1	-	-	-	-	-	-
Погребальный комплекс деревни Изюк (памятник Изюк-I) ¹⁹							
	Тип 1 Подтип 1/2 Рис. 1, 2/3	Тип 2	Тип 4 Рис. 4, 5	Тип 5 Рис. 6, 7	Тип 6 Рис. 8, 9	Тип 7 Рис. 10	Тип 8 Рис. 11, 12
Сорт 1. Дл. до 30 мм	1/-	-	-	-	-	-	-
Сорт 2. Дл. до 40 мм	-/2	-	-	-	-	-	-
Сорт 3. Дл. до 50 мм	-/6	-	2	4	-	1	2
Сорт 4. Дл. более 50 мм	4/4	-	1	2	-	-	-
Погребальный комплекс Илимского острога ²⁰							
	Тип 1 Подтип 1/2 Рис. 1, 2/3	Тип 3	Тип 4 Рис. 4, 5	Тип 5 Рис. 6, 7	Тип 6 Рис. 8, 9	Тип 7 Рис. 10	Тип 8 Рис. 11, 12
Сорт 1. Дл. до 30 мм	-	-	-	-	-	1	1
Сорт 2. Дл. до 40 мм	4/4	1	3	2	4	-	1
Сорт 3. Дл. до 50 мм	3/3	-	3	2	1	8	2
Погребальный комплекс деревни Красный Яр (памятник Евгацино-IV) ²¹							
	Тип 1 Подтип 1/2 Рис. 1, 2/3	Тип 4 Рис. 4, 5	Тип 5 Рис. 6, 7	Тип 6 Рис. 8, 9	Тип 7 Рис. 10	Тип 8 Рис. 11, 12	Тип 13 Рис. 13
Сорт 1. Дл. до 30 мм	1/-	-	-	-	-	1	-
Сорт 2. Дл. до 40 мм	2/-	-	-	-	-	-	1
Сорт 3. Дл. до 50 мм	2/-	1	-	-	-	-	-
Сорт 4. Дл. более 50 мм	1/-	-	1	-	-	-	-

¹⁸ Набор типов крестов в погребениях комплекса Евгацино–IV отличается от более ранних памятников.¹⁹ Не учтены один неопределимый крест и крест наперсный.²⁰ Два мужских погребения содержали кресты 3 сорта 9 и 11 типов, в двух – кресты 1 типа 2 подтипа и 6 типа без размеров.²¹ Не учтён один католический крест.

Таблица 4. Сорта и типы крестов в женских погребальных комплексах

Погребальный комплекс деревни Ананьино (памятник Ананьино-I)							
	Тип 1 Подтип 1/2 Рис. 1, 2/3	Тип 2	Тип 4 Рис. 4, 5	Тип 5 Рис. 6, 7	Тип 6 Рис. 8, 9	Тип 7 Рис. 10	Тип 8 Рис. 11, 12
Сорт 2. Дл. до 40 мм	1/-	-	-	-	-	-	1
Сорт 3. Дл. до 50 мм	½	-	1	2	1	-	-
Погребальный комплекс деревни Изюк (памятник Изюк-I)							
	Тип 1 Подтип 1/2 Рис. 1, 2/3	Тип 2	Тип 4 Рис. 4, 5	Тип 5 Рис. 6, 7	Тип 6 Рис. 8, 9	Тип 7 Рис. 10	Тип 8 Рис. 11, 12
Сорт 2. Дл. до 40 мм	1/4	-	2	4	-	-	-
Сорт 3. Дл. до 50 мм	3/4	-	2	4	-	2	-
Сорт 4. Дл. более 50 мм	1/4	-	2	10	-	-	-
Погребальный комплекс Илимского острога ²²							
	Тип 1 Подтип 1/2 Рис. 1, 2/3	Тип 2	Тип 4 Рис. 4, 5	Тип 5 Рис. 6, 7	Тип 6 Рис. 8, 9	Тип 7 Рис. 10	Тип 8 Рис. 11, 12
Сорт 1. Дл. до 30 мм	-1	-	-	-	-	-	1
Сорт 2. Дл. до 40 мм	2/2	1	1	1	-	1	4
Сорт 3. Дл. до 50 мм	1/3	-	5	1	-	2	1
Сорт 4. Дл. более 50 мм	-1	-	2	-	-	-	-
Погребальный комплекс деревни Красный Яр (памятник Евгачино-IV) ²³							
	Тип 1 Подтип 1/2 Рис. 1, 2/3	Тип 4 Рис. 4, 5	Тип 5 Рис. 6, 7	Тип 6 Рис. 8, 9	Тип 7 Рис. 10	Тип 8 Рис. 11, 12	Тип 13 Рис. 13
Сорт 2. Дл. до 40 мм	2/-	-	1	-	-	-	1
Сорт 3. Дл. до 50 мм	-	-	-	-	1	-	-
Сорт 4. Дл. более 50 мм	2/-	-	5	-	-	-	-

Анализ полученной информации позволил сделать выводы о том, что в детских сериях присутствуют кресты 1–8 типов в разных объемах. Самым бедным на типовое разнообразие является Ананьино: в первом сорте – два креста 6 и 8 типов, возможно, из-за малочисленной коллекции. Самая богатая по ассортименту типов – коллекция Илимского острога, в ней же больше всего крестов детского сорта, где по числу преобладают типы 6–8 (18 экз. из 25). «Старообрядческий» – один, пятого типа. 12 предметов 1 сорта в погребениях могильника Евгачино–IV – 6, 8 и 13²⁴ типы (табл. 2).

Следом по разнообразию и количеству идет коллекция Изюка. В ней пять типов: два староверческих (тип 1 подт. 1 и тип 5 – всего три штуки), два экземпляра – тип 1 подт. 2 и 3 штуки, относящиеся к 7 и 8 типам (табл. 2).

²² Не учтены два экземпляра типа 1 подтипа 2 без размеров.

²³ В одной из могил два креста (1 и 5 типов) были вплетены в косу на уровне затылка.

По количеству экземпляров и типов в детской выборке преобладают предметы 2 и 3 сорта (табл. 2), как у младенцев, так и у более старших детей. Есть случаи присутствия в могилах крестов 4 сорта. Так, в младенческом погребении № 226 кладбища деревни Изюк крест 4 типа с эмалью был размером 57×32 мм²⁵. И если в Илимском остроге доминируют числом 6–8 типы, то в Изюке-1 и 5. Но старообрядческие численностью не выделяются, в совокупности их даже меньше, чем тип 1 подт. 2. В Евгацино-IV преобладают предметы 2 сорта, преимущественно 1 и 8 типа, среди крестиков 3 и 4 сорта представлены только староверческие, 1 и 5 типы. Надо отметить, что этот памятник – наиболее поздний в изученной выборке. В детских погребениях здесь представлены кресты семи типов – 1, 4–8 и 13 (табл. 2). 8 и 13 типы относятся ко второй половине XIX в.²⁶ и отличаются по технологии – изготовлены в технике штамповки, а не литья, поэтому их качество значительно хуже.

Взрослые серии еще интересней. У мужского населения Ананьино – аскетичный первый тип, второго–четвертого сорта (Табл. 3), старообрядческий – один, первого подтипа размером ок. $40 \times 23 \times 0,25$ мм, у мужчины 50–60 лет. У остальных размеры почти стандартны: длина – 41–43 мм, ширина – 22–23 мм, толщина – от 0,05 до 0,2 мм. Лишь один экземпляр у мужчины 45–55 лет относится к 4 сорту ($57 \times 33 \times 0,2$ мм). По классификации П.Я. Серова – больше казацкого и царегородского.

Мужчины из Изюка имели кресты самых разнообразных типов (табл. 3). Интересно, что в 29 могиле у мужчины возрастом около 55 лет был детский староверческий крестик 1 типа размером 30×14 мм²⁷. У остальных на этом памятнике преобладали кресты 3 и 4 сортов; из старообрядческих, кроме описанного – четыре первого подтипа 1 типа и шесть – 5 типа.

В мужских захоронениях Евгацино-IV доминирующим является 1 тип 1 подтип крестов (табл. 3), представлены все сорта. Как и на Изюке, только в двух могилах обнаружен детский сорт: у мужчины возрастом 30–35 лет – староверческий крестик 1 типа размером 28×16 мм; у мужчины 35–40 лет – крест 8 типа размером 28×16 мм. Кресты 4 и 5 типов – третьего и четвертого сортов (43×28 и 53×29 мм соответственно).

В материалах Илимского острога у двух мужчин, 40- и 50-летнего (могилы 223 и 297), были детские кресты типа 7 размером $28 \times 21 \times 0,15$ мм²⁸ и типа 8 – $27–30 \times 18–20 \times 0,05–0,1$ мм²⁹. У остальных – 2 и 3 сорта 1–11 типов, среди них 4 старообрядческих первого типа и 4 – пятого типа (табл. 3).

Женская серия (Табл. 4) отличается большим количеством старообрядческих 1 типа крестов, имеющих во всех, кроме 1 сорта, выборках, и 5 типа, которых, например, в Изюке 18 из 45. Причем 10 экземпляров очень большие – $51–60 \times 28–40$ мм³⁰. Другие типы – 4 и 7. Типовое разнообразие Ананьино и Илимской коллекции

²⁴ 13 тип отсутствует в типологии В.И. Молодина, он выделен И.Д. Кромм по материалам памятника Изюк-I, см.: Кромм И.Д. Кресты-тельники из археологических памятников как источник по изучению православия Западной Сибири. Дипломная работа. Омск, 2011. С. 126.

²⁵ Татаурова Л.В. Погребальный обряд русских Среднего Прииртышья XVII–XIX вв. по материалам комплекса Изюк-I. Омск, 2010. С. 217. Табл. 2.

²⁶ Кромм И.Д., Бердников И.М. Выявление возможности датирования... С. 224.

²⁷ Татаурова Л.В. Погребальный обряд... С. 232. Табл. 8.

²⁸ Молодин В.И. Кресты-тельники Илимского острога... С. 177.

²⁹ Там же. С. 77.

сходно с Изюком, правда, 5 типа в Ананьино значительно меньше, а в Илимской всего 2 экземпляра. И в ней же есть два детских: тип 8 в погребении 240 (25 лет), размером $29 \times 19 \times 0,05$ мм³¹, и тип 1, подт. 2 в могиле 300 (40 лет), $31,5 \times 2 \times 0,1$ мм³².

В некрополе Евгачино-IV (Красный Яр) преобладают староверческие кресты 5 и 1 типов, 2 и 4 сорта (табл. 4). Интересно погребение женщины возрастом 30–35 лет, возможно, приверженки староверия – в косу на уровне затылка были вплетены связанные веревочкой два креста второго сорта (5 типа и 1 типа, подт. 1) и копоушка. Такой комплекс предметов описан у старообрядцев Костромской области: «Отливают еще кое-что в этой же деревне Сопырево как ухвертка в виде маленькой ложечки, которую большинство женщин носило вместе с шейным крестом (на гайтане)»³³.

Возвращаясь к теме нашего исследования, можно сделать вывод о том, что староверческие типы 1 и 5 не были доминирующими у мужчин и женщин, более того, встречались и у тех и у других, собственно, как и другие типы. Хотя строгий и простой тип 1 в обоих вариантах у мужчин преобладал, причем в Омском Прииртышье. В Илимском остроге типовое разнообразие, как у мужчин, так и у женщин было более вариативно. А значит, мнение А.К. Жизневского о том, что кресты 5 типа, «известные под названием женских крестов, так как они возлагаются при крещении на младенцев женского пола»³⁴, не соответствует действительности. При высокой детской смертности младенцев старались крестить сразу при рождении, особенно в деревнях, поэтому возлагали любой имеющийся крест, как по форме, так и по размерам³⁵, что наблюдается, судя по материалам некрополя Евгачино-IV (Красный Яр), вплоть до XX в.

Соглашаясь с А.В. Жуком в том, что все кресты как символы веры равнозначны³⁶, вряд ли стоит транслировать заблуждение о крестах мужских и женских, ведь перед Господом Богом все равны.

Список литературы

- Векслер А.Г., Беркович В.А. Материалы археологических исследований некрополя Моисеевского монастыря на Манежной площади в Москве // Культура средневековой Москвы: XVII век. М.: Наука, 1999. С. 181–225.
- Жизневский А.К. Описание тверского музея. Археологический отдел. М.: В Синодальной типографии, 1888. 304 с.
- Жук А.В. Норматив православной церкви (комментарий для археологов) // Культура русских в археологических исследованиях. Т. 1. Омск–Тюмень: Магеллан, 2014. С. 154–157.
- Колпакова Ю.В., Костючук Л.Я. Псковские нательные кресты с надписями XIV–XVIII вв. (предварительные итоги наблюдений) // Вестник Псковского государственного педа-

³⁰ Татаурова Л.В. Погребальный обряд... С. 244–246. Табл. 10.

³¹ Молодин В.И. Кресты-тельники Илимского острога... С. 184.

³² Там же. С. 209.

³³ «Об истории литейного дела...». С. 155.

³⁴ Жизневский А.К. Описание тверского музея. Археологический отдел. М., 1888. С. 86.

³⁵ Татаурова Л.В. Этнокультурные аспекты погребального обряда русских Среднего Прииртышья в XVII–XVIII вв. по данным археологии // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2005. С. 233.

³⁶ Жук А.В. Норматив православной церкви (комментарий для археологов) // Культура русских в археологических исследованиях. Т. 1. Омск; Тюмень, 2014. С. 156.

- гогического университета. Серия «Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки». 2011. Вып. 13. С. 119–137.
- Кромм И.Д. Кресты-тельники из археологических памятников как источник по изучению православия Западной Сибири. Дипломная работа. Омск, 2011. 160 с.
- Кромм И.Д., Бердников И.М. Выявление возможности датирования ставрографической коллекции Омского Прииртышья методом сравнительного анализа с материалами из некрополей г. Иркутска // Вестник Омского университета. 2012. № 4. С. 222–226.
- Молодин В.И. Старообрядческие нательные кресты из Илимской коллекции // Исторический ежегодник. Специальный выпуск. Посвящается 60-летию профессора Николая Аркадьевича Томилова. Омск: Изд-во ОмГУ, 2001. С. 20–30.
- Молодин В.И. Кресты-тельники Илимского острога. Новосибирск: Инфолио, 2007. 248 с.
- «Об истории литейного дела икон и крестов меднолитейного заведения Серова Петра Яковлевича, с. Красное Костромской области» // Русское медное литье. Вып. 2. М.: Сол Систем, 1993. С. 155–160.
- Русский народный костюм из собрания Государственного музея этнографии народов СССР. Альбом / Сост. Л.Н. Молотова, Н.Н. Соснина. Л.: Художник РСФСР, 1984. 230 с.
- Русский традиционный костюм: Иллюстрированная энциклопедия. СПб.: Искусство, 2006. 400 с.
- Станюкович А.К. Произведения русской средневековой металлопластики из округа Звенигорода (новые открытия) // Вестник клуба «Раритет». 2000. С. 3–19.
- Татаурова Л.В. Этнокультурные аспекты погребального обряда русских Среднего Прииртышья в XVII–XVIII вв. по данным археологии // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 221–235.
- Татаурова Л.В. Погребальный обряд русских Среднего Прииртышья XVII–XIX вв. по материалам комплекса Изюк-I. Омск: Апельсин, 2010. 284 с.
- Татаурова Л.В. Проблемы в изучении археологического источника Нового времени: взгляд из Сибири // Мир Средневековья: проблемы вещеведения. М.: ИА РАН, 2022 (в печати).

L.V. Tataurova, F.S. Tataurov

WITH THE LORD GOD, EVERYONE IS EQUAL: ABOUT CROSSES – MALE AND FEMALE

Abstract: The article discusses the legitimacy of classifying some types of next-to-skin crosses as male and female. The material of four burial complexes in Western and Eastern Siberia was analyzed. Based on the results of a comparison of anthropological data and types of crosses that accompanied the dead, it was revealed that types of crosses 1 and 5, classified as Old Believers and considered male and female, are found in all categories of people, regardless of gender and age. In Orthodoxy, all types of crosses are considered equivalent, which means they cannot have gender interpretations.

Keywords: orthodoxy, cross, funerary monuments, gender.

ЧЁТКИ НА ДВОРЕ ТОМСКОГО ВОЕВОДЫ: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ НЕОБЫЧНОЙ НАХОДКИ¹

Аннотация: Статья посвящена историко-археологическому анализу редкой, особенно для поселенческого слоя, находки – чётков. Чётки, представлявшие набор из костяных бусин и стеклянных бусин-поклонов, найдены на территории воеводского двора в Томске и публикуются впервые. Рассмотрены виды чётков, принадлежавших разным конфессиям; предполагается, что найденные чётки являлись атрибутом католической веры.

Ключевые слова: чётки, Томск, воеводская усадьба, середина XVII – середина XVIII в., этнорелигиозная интерпретация.

Статью я хотела бы предварить небольшим эссе, посвященном глубокоуважаемому юбиляру – Леониду Андреевичу Беляеву. Наше личное знакомство состоялось в 2006 г. на Археологическом съезде в Новосибирске. С тех пор наше взаимодействие развивалось по восходящей и отмечено значимыми для меня вехами. Это поддержка положительной рецензией моей докторской диссертации, сопредседательство на секции Археологических съездов, участие Леонида Андреевича в Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции, его приезд в Томск, согласие сотрудничать в совместной лаборатории Томского государственного университета – Института археологии и этнографии СО РАН. Особо отмечу рецензию на мою монографию и его рекомендацию на участие в конкурсе памяти Митрополита Макария: высокий авторитет Леонида Андреевича, безусловно, сыграл роль в присуждении книге престижной премии. Надеюсь, наше сотрудничество взаимоплезно. Но главное – то, что деятельное участие Леонида Андреевича Беляева – ведущего ученого в области, называемой поздней, исторической, национальной археологией, – дало новый импульс и перспективы для развития русской археологии Сибири.

Выбор темы статьи опосредован еще и тем обстоятельством, что в ходе раскопок в Зачатьевском монастыре в Москве под руководством Л.А. Беляева были найдены стеклянные чётки².

Неожиданной находкой, обнаруженной при раскопках воеводского двора в Томске, стали чётки. В поселенческом слое вещь редкая, по меньшей мере, по двум

¹ Исследование выполнено по теме госзадания № FWZG-2022-0005 «Исследования археологических и этнографических памятников в Сибири эпохи Российского государства».

² Благодарю О.Н. Глазунову за предоставленную информацию.

причинам: 1 – случайный характер ее попадания в слой; 2 – большая сложность атрибуции чётков как археологической находки. Обе причины взаимосвязаны.

Случайность предполагает потерю, поскольку специально положить чётки могли только в погребение. Самым простым объяснением потери является обрыв нити, на которую нанизались бусины, вследствие чего чётки падают, а бусины раскатываются. В археологическом слое на расширение разброса бусин влияют естественные сдвиги грунта, перекопы, перестройки и т.п., что ещё более затрудняет их атрибуцию. Подобные находки заведомо относят к собственно бусам, к ожерельям, исходя из достаточно широкого бытования украшений в обиходе. Вопрос о возможной принадлежности бусин к чёткам, особенно из поселенческого слоя, в обычной археологической практике не ставится. Хотя на необходимость более дифференцированной атрибуции этой категории находок уже обращалось внимание³.

Сообщения о чётках или их деталях в археологической литературе чрезвычайно скудны. Даже среди погребального инвентаря чётки упоминаются нечасто, причем, как можно судить по публикациям, в монастырских некрополях, при раскопках которых обнаружено от единичной находки до 31 чётков⁴. Допускается и сомнение в атрибуции найденных бусин как части чётков⁵. Нахождение чётков в монастырских некрополях объясняется тем, что ношение этого атрибута благочестия – монашеский удел, а мирянам нужно получить на это благословение своего духовника⁶.

Находки чётков в поселенческом слое тем более редки. При раскопках в Зарядье обнаружена деталь лестовки – кожаная лопасть трапецевидной формы без следов расшивки, которая могла принадлежать простым чёткам, имевшим гладкую поверхность⁷. Лестовка (лестница, знаменующая духовное восхождение от земли на небо) представляла собой ленту, в основном из кожи, в месте соединения ее концов нашивались четыре лопасти-лапостки, означавшие четырех евангелистов⁸.

Неоднозначное определение получила находка из Пскова. В каталоге выставки по материалам раскопок города под № 47 указано: «ожерелье» из 26 бусин и янтарного крестика⁹. Ю.В. Колпакова не без основания переприписывает «ожерелье» в чётки

³ Колпакова Ю.В. К осмыслению роли крестиков из камня и янтаря в религиозной жизни средневековых псковичей // Археология и история Пскова и Псковской земли. М.; Псков, 2013. С. 59.

⁴ Мазуров А.Б., Алексеев А.В., Жданов А.Н. Раскопки в Коломне // АО. 2001 г. М., 2002. С. 170; Панова Т.Д. Царство Смерти: Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. М., 2004. С. 170; Салмин С.А., Салмина Е.В. Исследования Ильинского девичьего монастыря на Завеличье средневекового Пскова // Древности Пскова: Археология. История. Архитектура. Вып. 2. Псков, 2011. С. 78; Степанов С.В. Исследования на территории некрополя Спасо-Елеазаровского монастыря // Археология и история Пскова и Псковской земли. М.; Псков, 2011. С. 101; Шокарев С.Ю. Русский средневековый некрополь: обряды, представления, повседневность (на материалах Москвы XIV–XVII вв.) // Культура памяти. М., 2003. С. 141–187.

⁵ Рабинович М.Г. Раскопки 1946–1947 гг. в Москве на устье Яузы // МИА. № 12. Т. II. М.–Л., 1949. С. 13.

⁶ Серафим (Параманов), иером. О четках // Православие и мир. Электронная библиотека. Электронный ресурс. С. 3; Зачем нужны четки в православии и как правильно ими пользоваться – разбираемся в вопросе // Православные святыни. Электронный ресурс.

⁷ Осипов Д.О. Коллекция изделий из кожи из раскопок в Зарядье (предварительные итоги) // Археология Подмосковья. Вып. 13. М., 2017. С. 200, 209. Рис. 7/1.

⁸ Серафим (Параманов), иером. Указоч. С. 1, 2; Островский А.Б., Федорова М.В. Движение по молитвенному кругу // Восточная коллекция. 2005. № 1 (20). С. 128.

⁹ Белецкий В.Д. Древний Псков (по материалам раскопок экспедиции Эрмитажа). Каталог выставки. Л., 1991. С. 34, 45.

Рис. 1. Чётки из воеводской усадьбы Томского кремля. Вариант компоновки бусин

и логично заключает, что «в этом контексте сопутствующие находке креста бусы приобретают совершенно другое значение и могут трактоваться... как новый аспект личного благочестия в повседневной жизни»¹⁰.

Все известные автору археологические публикации, где упоминаются чётки, относятся к европейской части России. И лишь в единственной статье наряду с крестами чёткам уделено специальное внимание¹¹. В материалах русских памятников Сибири эта категория находок не отражена совсем.

Что касается чёток, обнаруженных на воеводском дворе в Томском кремле, то с их идентификацией не возникло проблем. Это счастливый частный случай, выпадающий из общей ситуации – когда нет оснований, да и не приходит в голову, интерпретировать бусины из поселенческого слоя иначе, как детали чёток. Узнаванию способствовало компактное расположение бусин, сделанных из кости. Разброс, конечно, был – в пределах одного квадрата, т.е. на площади около 4 кв. м, – но именно однородность материала помогла объединить их в целое. Рассыпавшиеся чётки располагались недалеко от руин трехчастного шестистенка – самого большого дома на усадьбе, построенного во второй половине XVII в. и просуществовавшего, видимо, до середины XVIII в.¹²

¹⁰ Колпакова Ю.В. Указ. соч. С. 51.

¹¹ Колпакова Ю.В. Указ. соч.

¹² Чёрная М.П. Воеводская усадьба в Томске. 1660–1760-е гг.: историко-археологическая реконструкция. Томск, 2015. С. 21, 33–43.

Было собрано 37 костяных бусин. Цвет бусин коричневатый, неоднородный. Поверхность гладкая, с глянцевым блеском, видимо, вследствие перебирания бусин пальцами. Ширина бусин – 0,8 см, толщина – 0,7 мм, две бусины отличаются в размерах: одна чуть больше других – $0,9 \times 0,8$ см, другая заметно меньше – $0,7 \times 0,3$ см. Диаметр отверстий костяных бусин – 0,3 см, края отверстий слегка сглажены. В комплект чётков входит 3 стеклянные пастовые бусины черного цвета, размеры двух из них – $0,9 \times 0,8$ и $0,9 \times 0,7$ см, диаметр отверстий – 0,2 см, размеры третьей – $1,4 \times 1,0$ см, диаметр отверстия – 0,3 см. Достаточно широкий диаметр отверстий позволял без труда сдвигать бусины при чтении молитв. Возможная компоновка зерен: каждый десяток костяных бусин отделялся черной стеклянной бусиной, а большая овальная бусина соединяла концы чётков (рис. 1).

Изначально в составе чётков бусин было больше, поскольку собранное количество не соответствует ни одному известному традиционному по числу бусин набору чётков. Предположение о том, сколько бусин могло быть в найденных чётках, упирается в вопрос: предметом какой конкретно религиозной практики они могли быть, ведь чётки служат атрибутом всех трёх наиболее крупных религиозных традиций – буддизма, ислама и христианства. В каждой мировой религии было свое канонизированное количество зерен и способ их разделения внутри молитвенного круга, каковой представляли собой чётки¹³.

Попытаемся определить принадлежность найденных в Томске чётков к конкретной конфессии, исходя из особенностей самой вещи и археологического контекста, т.е. обстоятельств залегания находки. Чётки обнаружены в городе, где, безусловно, доминировал русский этнокультурный контекст, в том числе православный. Вместе с тем, чётки находились на территории воеводского двора – резиденции главной фигуры местной администрации, представителя и исполнителя центральной власти. В его обширные обязанности входило установление и укрепление дипломатических отношений с ближними и дальними соседями, принятие посольств, в том числе и на своем подворье¹⁴. Среди посетителей были представители разных культур и вероисповеданий, кто-то из них мог быть обладателем утерянных чётков.

Не раскрывая здесь подробно символическое значение чётков как меча духовного для сражения с демонами и исцеления от страстей, символа утешения и смирения, сосредоточимся на чётках как инструменте для облегчения подсчета молитв и поклонов, средстве против рассеивания ума во время моления. Во всех этнорелигиозных, этнокультурных традициях чётки служат оригинальным психотехническим инструментом религиозной медитации, духовного очищения. Композиция чётков, замкнутых в круг как образ вечности, отражает сложившиеся традиции и порядок чтения молитв. Число бусин зависит также от места ношения чётков – на запястье, шее, поясе, пальце.

Итак, кто же?

¹³ Серафим (Параманов), иером. Указ. соч. С. 3–5; Островский А.Б., Федорова М.В. Указ. соч. С. 120; Трофимов С.А. Четки. М., 2001. С. 20–40.

¹⁴ Вершинин Е.В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998. С. 4–9, 65–137; Чёрная М.П. Указ. соч. С. 186–187.

Вариант первый – православный. В православии выделяют три вида чёток. *Лествица*, относящаяся к старообрядческой традиции, представляла полосу с нашитыми на нее жгутами. *Лестовка* – трансформация лествицы – имела круглую форму, поскольку концы полосы с нашитыми на нее валиками соединялись в кольцо. *Вервица*, которая после раскола вытеснила лестовку, – закольцованная веревка или шнур с завязанными на ней узелками или нанизанными бусинами.

Традиционно в православии количество «зерен» кратно десяти, монашеские содержат до 1000. Обычно в четках 30 или 100 бусин, бывает меньше или больше (10, 20, 50), главное, чтобы их число было кратно. В наборе могли быть более крупные бусинки или небольшой крестик, отделяющие каждый десяток бусин для облегчения счета. Бусины-поклоны соответствуют близкой человеку молитве, например, «Отче наш», «Богородице Дево, Радуйся», «Пресвятая Богородице, спаси всех нас и меня грешнаго» или другая молитва. Наличие бусин-разделителей, как и крестиков, не являлось непременным атрибутом набора.

Русские православные чётки, в том числе старообрядческие, изготавливали из наиболее распространенных в традиционной культуре материалов: пряжи, ткани, кожи, бисера. Бусины на вервице могли быть деревянными, стеклянными, из слоновой кости или природных камней¹⁵.

Обращает на себя внимание, что в известных автору публикациях чётки из кости упоминаются единожды: в погребении первой половины XVI в. на груди умершего найдены две костяные бусины, «очевидно, с чёток»¹⁶.

Вариант второй – буддийский

В буддизме число зерен в четках было различным, в зависимости от их назначения и местных традиций, но всегда подчинено канону. Самое распространенное число зерен в четках – 108, символизирующее всю полноту мироздания, но часто зерен вдвое, втрое, вчетверо меньше числа 108 (54, 36, 27).

Зерна буддийских чёток могли быть из самых разных материалов: дерева, косточек плодов, камней, железа, стекла, фарфора и др. Для защиты от вредоносной магии у тибетцев применялись чётки из кости либо железа. Известны костяные чётки, каждое зерно которых имитирует человеческий череп, такие чётки использовались для ритуалов поклонения божествам-защитникам¹⁷.

Ламаизм – одна из форм тибетского буддизма – начал проникать в среду сибирских аборигенов в XVII в.: к тувинцам – с начала века, к бурятам – с последней его четверти. Тибетские и монгольские ламы беспрепятственно проникали и проповедовали ламаизм. Только в 1712 г. в Бурятию прибыло 150 лам, и их расписали по бурятским родам. Ламы наряду с проповедованием занимались распространением предметов ламаистского культа, в том числе чёток, перебирание которых уже считалось богоугодным делом. В письменных источниках зафиксирован и томский след в истории знакомства с ламаизмом. Томский казак Иван Петлин, известный как первый русский

¹⁵ Зачем нужны четки в православии...; *Серафим (Параманов), иером.* Указ. соч. С. 1–5; *Островский А.Б., Федорова М.В.* Указ. соч. С. 128, 129.

¹⁶ *Рабинович М.Г.* Указ. соч. С. 13. Рис. 6.

¹⁷ *Островский А.Б., Федорова М.В.* Указ. соч. С. 121, 122, 124; *Трофимов С.А.* Указ. соч. С. 35, 36, 39.

посланник в Китай с официальной миссией 1618–1619 гг., побывал в ставке Алтын-хана, где стал очевидцем ламаистских богослужений и записал свои наблюдения¹⁸.

Вариант третий – мусульманский

Мусульманские чётки, используемые для отсчёта имён Аллаха, чаще всего состоят из 99 зёрен, в соответствии с числом имён и эпитетов, упомянутых в Коране. Допустимо и втрое меньшее число зёрен (тогда круг чёток проходит трижды). Полный круг обычно разделён на три равные части, по 33 зерна, причём разделители, как правило, сделаны из другого материала или имеют другую форму (овальное зерно, плоский кружок и т. п.). Композиция чётков соответствует одиннадцати частям, из которых состоит мусульманская молитва. На зернах исламских чётков могут быть надписи. Материал зерен в исламе не имеет столь большого значения, как у буддистов. Всеми конфессиональными группами мусульман признается дерево, глиняные чётки, нередко используются рог, коралл, жемчуг, малахит и др.¹⁹

Носителем мусульманских традиций являлась значительная часть тюркоязычного населения Сибири²⁰. Существенно дополняли мусульманское присутствие в крае бухарские купцы, важность которых в русской Сибири была велика. Бухарскую торговлю центральная и местная администрация всячески поощряла, предоставляя большие торговые льготы. Когда, вследствие противоборства Русского государства с Кучумом и Кучумовичами, регулярные торговые отношения со Средней Азией пришли в некоторое расстройство, московское правительство в самом конце XVI в. даже ассигновало из сибирской казны определенную сумму на расходы по приему среднеазиатских купцов. Сибирское бухарское купечество выполняло также ответственные поручения русской администрации не только торгового, но финансового и политического характера²¹.

Вариант четвертый – католический

Католические чётки *rosarium* («веночек из роз», бутон розы – символ девственной чистоты) включали 100 бусин (видимо, символизация десяти заповедей), 150 бусин или 15 десятков (по количеству псалмов в Псалтыри). В случае уменьшенного числа декад (50 зерен), молитву нужно было пройти трижды. Чётки с 33 или 63 бусинами соответствовали числу лет земной жизни Христа и Богородицы. На больших зернах-разделителях произносят *Pater noster*, на малых – *Ave Maria*. В месте соединения концов чётков могла быть подвеска из пяти зерен и Распятие. Среди используемых материалов по католической традиции преобладают дерево, косточки плодов, металл, янтарь, хрусталь, стекло²².

¹⁸ Дьяконова В.П. Ламаизм и его влияние на мировоззрение и религиозные культы тувинцев // Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.). Л., 1979. С. 151, 178; Михайлов Т.М. Влияние ламаизма и христианства на шаманизм бурят // Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.). Л., 1979. С. 128.

¹⁹ Зачем нужны четки в православии...; Островский А.Б., Федорова М.В. Указ. соч. С. 126; Трофимов С.А. Указ. соч. С. 29.

²⁰ Ислам на краю света. История ислама в Западной Сибири. Т. 2. М., 2019. С. 88–255.

²¹ Вилков О.Н. Очерки социально-политического развития Сибири конца XVI – начала XVIII в. Новосибирск, 1990. С. 173–223.

²² Зачем нужны четки в православии...; Островский А.Б., Федорова М.В. Указ. соч. С. 127, 128; Трофимов С.А. Указ. соч. С. 26, 27.

Однако у католиков бытовали и костяные чётки. Причем бытовали достаточно широко, судя по тому, что существовали цеха, специализирующиеся на изготовлении чётков из кости и рога. В частности, им посвящен особый раздел в «Регистрах ремёсел и торговли города Парижа» середины XIII в., регламентирующий работу мастеров: «... никто из изготовителей чётков из кости и рога не может работать ни в какие праздничные дни, когда весь город празднует, и не делать ночью никакой работы, относящейся к этому ремеслу. Никто из упомянутого цеха не может брать или иметь более одного ученика, которого он не может брать меньше, чем на шесть лет... Никто из этого цеха не может и не должен нанизывать чётки, если они не круглые и нехорошей формы, и каждый, кто поступит против какой-нибудь указанной статьи, уплатит королю 5 пар. су штрафа всякий раз, как будет уличен...»²³.

По всей видимости, костяные чётки второй половины XIII в. из собора Нотр-Дам в г. Юи (Бельгия, провинция Льеж), зерна которых выполнены в виде человеческих черепов, – это тоже продукт производства цехового ремесленника²⁴. В статье Ю.В. Колпаковой эти чётки опубликованы как аналог одной из деталей чётков, найденной при раскопках в Пскове, в контексте поступления европейских средневековых чётков в русские города. Опираясь на единичные археологические находки деталей чётков из русских городов, аналогичных европейским, а также на письменные данные о практике ввоза европейских чётков (из судебного немецкого двора св. Петра 1361 г. – о праве продажи в Новгороде чётков дюжинами), Ю.В. Колпакова делает вывод о том, что Псков наряду с Новгородом входил в европейский ареал чётков с бусинами²⁵.

В своем исследовании Ю.В. Колпакова отмечала, что в Европе подавляющее большинство средневековых бус, найденных при раскопках, атрибутируют как детали чётков, поскольку для европейского костюма после заката «эпохи викингов» женские бусы мало характерны. Практика ношения чётков на шее не меняла их сакрального значения, а случаи использования тщеславными горожанками чётков как простых украшений порицалось средневековой религиозной этикой²⁶.

Индустрия производства чётков была хорошо налажена не только собственно в Западной Европе, но и в ее более восточных, в частности, польских землях. Об этом свидетельствует и археологический материал.

Красноречивые данные получены в ходе раскопок кладбища при церкви св. Петра и Павла на Тумском острове во Вроцлаве, которое функционировало в 1621–1670 гг. Для нас этот материал важен потому, что в коллекции представлены именно костяные чётки. Все чётки находились в руках умерших. Восемь из девяти найденных чётков состояли из костяных бус, соединенных стеклянными бусинами, и лишь одни были полностью костяными. Исследователи отмечают похожее на современное, но неидентичное число и компоновку бусин. Большинство чётков-розариев состояло из 50 бусин Ave Maria, каждый десяток отделялся более крупной, специально профилированной или другого цвета бусиной Pater noster. Зафиксировано и отличное от стандартного

²³ Регистры ремёсел и торговли города Парижа / Пер. Л.И. Киселевой, под ред. и с предисловием А.Д. Люблинской // Средние века. Вып. X. М., 1957. С. 334–335.

²⁴ *Chapelet en os conservé dans le coffret à reliques* // Belgian Art Links and Tools. Электронный ресурс.

²⁵ Колпакова Ю.В. Указ. соч. С. 54, 55, 58.

²⁶ Колпакова Ю.В. Указ. соч. С. 59.

набора число бусин – меньшее или большее. В других некрополях XV и XVII вв. также встречены различные варианты чётков, как стандартных с 5 десятками, так и более сложных – из 60, 63, 70, 72–73 и даже 165 бусин. Все кресты, обнаруженные в погребениях кладбища при церкви св. Петра и Павла во Вроцлаве, были частью чётков. В состав розария могли входить медальоны и другие декоративные элементы²⁷. Важно, что производство чётков было местное. Обнаружены костяные пластины, из которых вырезали бусины²⁸.

Носители католической веры, представителями которых были «внешние иноземцы» – выходцы из Европы, – конечно, были в числе жителей Томска. По числу служилых внешних «иноземцев» Томск занимал второе место после Тобольска. Наиболее многочисленную группу составляли вольные и невольные переселенцы из Речи Посполитой, многие из них попадали в сословие служилых людей – в его рядовой и начальствующий состав, – входили в воеводский бюрократический аппарат. Известно немалое число имен поляков, осевших на Томской земле и сделавших здесь карьеру в XVII в.²⁹ Хотя принятие православия приветствовалось администрацией и способствовало, в некоторой мере, продвижению по службе, тем не менее, не было сугубо обязательным.

Утерянные на территории воеводского двора в Томском кремле чётки представляют явно не полный набор бусин. Наиболее вероятное их число могло составлять около 50 штук, вряд ли бусин было много больше, учитывая ограниченную площадь их раскатывания. Исходя из материала томских чётков и возможного количества бусин, допустима их интерпретация в качестве христианского атрибута благочестия и, скорее, католического. Единичная находка костяных бусин в православном погребении, к тому же с оговоркой отнесенная к чёткам, уступает репрезентативности несомненных по атрибуции чётков из кости в католических захоронениях. Следует учитывать налаженное в Европе изготовление чётков из кости и рога на уровне цехового производства и практику их продажи на Руси.

Наконец, еще одним аргументом можно считать мнение ксендза, признавшего в нашей находке католические чётки. Оценка, возможно, небесспорная, но и пренебрегать ею нельзя. Археологические чётки я показывала ксендзу во время полевого сезона, когда они были найдены. И только спустя годы, обратившись к интерпретации этой находки, я обнаружила, что католический храм XIX в., который, кстати, расположен рядом с археологическим памятником, относится к общине Покрова Пресвятой Богородицы Царицы Святого Розария. Неисповедимы пути твои, Господи... Видимо, неслучайно ксендз признал в показанном артефакте атрибут своей веры.

²⁷ Pankiewicz A., Witkowski J. Dewocjonalia barokowe odkryte na cmentarzysku przy kościele św. Piotra i Pawła na Ostrowie Tumskim we Wrocławiu // *Wratislavia antiqua*. T. 17. Wrocław, 2012. S. 49–52.

²⁸ Jaworski K. Obróbka surowca kościanego w średniowieczu i czasach nowożytnych w zachodniej części Ostrowa Tumskiego we Wrocławiu. Materiały z posesji przy ul. Katedralnej 4 // *Wratislavia antiqua*. T. 17. 2012. S. 172–176, рис. 5–9; Pankiewicz A., Witkowski J. Ibid. S. 49, 62.

²⁹ Чёрная М.П. Европейский компонент в этнокультурном диалоге сибирского сообщества: археолого-исторический контекст // *Вестн. Том. гос. ун-та. История*. 2016. № 4 (42). С. 46–52; Бардина П.Е., Чёрная М.П., Рыбаков Д.Ю. Поляки и их потомки на Томской земле // *Вестник Том. гос. ун-та. История*. 2018. № 56. С. 98–99.

Проведенный анализ необычной находки стал для автора увлекательным квестом. Выводы носят предварительный характер. Несомненно, необходимо расширение источниковой базы и более пристальное внимание как к самим бусинам как возможным элементам чёток, так и к деталям историко-археологического контекста.

Подобно движению по молитвенному кругу при перебирании чёток, служащему укреплению в душе религиозных истин, творческий процесс есть движение к открытию истин исторических. Дальнейшие исследования дадут более подробную и точную информацию о чётках как археологическом и историческом источнике.

Список литературы

- Бардина П.Е., Чёрная М.П., Рыбаков Д.Ю. Поляки и их потомки на Томской земле // Вестник Том. гос. ун-та. История. 2018. № 56. С. 98–102.
- Белецкий В.Д. Древний Псков (по материалам раскопок экспедиции Эрмитажа). Каталог выставки. Л.: Государственный Эрмитаж, 1991. 71 с.
- Вершинин Е.В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург: Развивающее обучение, 1998. 204 с.
- Вилков О.Н. Очерки социально-политического развития Сибири конца XVI – начала XVIII в. Новосибирск: Наука, 1990. 368 с.
- Дьяконова В.П. Ламаизм и его влияние на мировоззрение и религиозные культы тувинцев // Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.). Л.: Наука, 1979. С. 150–179.
- Зачем нужны четки в православии и как правильно ими пользоваться – разбираемся в вопросе // Православные святыни. Электронный ресурс: <https://svjatyni.ru/duhovnaya-zhizn/osobennosti-chetok-pravoslavnyh-kak-vybrat-i-pravil-no-pol-zovat-sya.html> (дата обращения: 20.09.2022).
- Ислам на краю света. История ислама в Западной Сибири: [в 3 т.]. Т. 2: Сибирский ислам в Средние века и Новое время [коллективная монография] / под ред. А.П. Ярков. М.: Б/и, 2019. С. 88–255.
- Колпакова Ю.В. К осмыслению роли крестиков из камня и янтаря в религиозной жизни средневековых псковичей // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В.В. Седова: Мат-лы 58-го заседания. М.; Псков: Б/и, 2013. С. 48–59.
- Мазуров А.Б., Алексеев А.В., Жданов А.Н. Раскопки в Коломне // АО. 2001 г. М.: Наука, 2002. С. 169–172.
- Михайлов Т.М. Влияние ламаизма и христианства на шаманизм бурят // Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.). Л.: Наука, 1979. С. 127–149.
- Осинов Д.О. Коллекция изделий из кожи из раскопок в Зарядье (предварительные итоги) // Археология Подмоскovie. Вып. 13. М.: ИА РАН, 2017. С. 199–228.
- Островский А.Б., Федорова М.В. Движение по молитвенному кругу // Восточная коллекция. 2005. № 1 (20). С. 118–129.
- Панова Т.Д. Царство Смерти: Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. М.: Радуница, 2004. 181 с.
- Рабинович М.Г. Раскопки 1946–1947 гг. в Москве на устье Яузы // МИА. № 12. Т. II: Материалы и исследования по археологии Москвы. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 5–56.
- Регистры ремёсел и торговли города Парижа / Пер. Л.И. Киселевой. Под ред. и с предисловием А.Д. Люблинской // Средние века. Вып. X. М., 1957. С. 306–362.

- Электронный ресурс: <https://www.srednieveka.ru/upload/journal/10.306-362.pdf> (дата обращения: 26.11.2022).
- Салмин С.А. Салмина Е.В. Исследования Ильинского девичьего монастыря на Завеличье средневекового Пскова // Древности Пскова: Археология. История. Архитектура. Вып. 2. Псков: Псков. гос. объедин. ист.-архитектур. и худож. музей-заповедник, 2011. С. 58–81.
- Серафим (Параманов), иеромонах. О четках // Православие и мир. Электронная библиотека. Электронный ресурс: <https://lib.pravmir.ru/library/ebook/2201/pdf> (дата обращения: 19.09.2022).
- Степанов С.В. Исследования на территории некрополя Спасо-Елеазаровского монастыря // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В.В. Седова: Мат-лы 56-го заседания. М.; Псков: Б/и, 2011. С. 95–105.
- Трофимов С.А. Четки. М.: Астрель, 2001. 176 с.
- Чёрная М.П. Воеводская усадьба в Томске. 1660–1760-е гг.: историко-археологическая реконструкция. Томск: ИД «Д'Принт», 2015. 276 с.
- Чёрная М.П. Европейский компонент в этнокультурном диалоге сибирского сообщества: археолого-исторический контекст // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2016. № 4 (42). С. 46–52.
- Шокарев С.Ю. Русский средневековый некрополь: обряды, представления, повседневность (на материалах Москвы XIV–XVII вв.) // Культура памяти: Сб. науч. ст. М.: Древлехранилище, 2003. С. 141–187.
- Chapelet en os conservé dans le coffret à reliques // Belgian Art Links and Tools. Электронный ресурс: <http://balat.kikirpa.be/photo.php?objnr=10116080>. Дата обращения 17.09.2022.
- Jaworski K. Obróbka surowca kościanego w średniowieczu i czasach nowożytnych w zachodniej części Ostrowa Tumskiego we Wrocławiu. Materiały z posesji przy ul. Katedralnej 4 // Wratislavia antiqua. T. 17. Wrocław: Wrocławska Drukarnia Naukowa PAN, 2012. S. 165–204. Электронный ресурс: <http://wratislavia.archeo.uni.wroc.pl/17-tom/10.pdf> (дата обращения: 10.09.2022).
- Pankiewicz A., Witkowski J. Dewocjonalia barokowe odkryte na cmentarzysku przy kościele św. Piotra i Pawła na Ostrowie Tumskim we Wrocławiu // Wratislavia antiqua. T. 17. Wrocław: Wrocławska Drukarnia Naukowa PAN, 2012. S. 49–68. Электронный ресурс: <http://wratislavia.archeo.uni.wroc.pl/17-tom/3.pdf> (дата обращения: 10.09.2022).

М.Р. Chernaya

ROSARY IN THE COURTYARD OF THE TOMSK VOIVODE: PROBLEMS OF INTERPRETATION OF AN UNUSUAL FIND

Abstract: The article is devoted to the historical and archaeological analysis of a rare find, especially for the settler layer, the rosary. The rosary, representing a set of bone beads and glass bow beads, was found on the territory of the voivodship mansion in Tomsk and is published for the first time. The types of rosaries belonging to different confessions are considered, it is assumed that the rosaries found were an attribute of the Catholic faith.

Keywords: rosary, Tomsk, voivodship manor, mid-17th – mid-18th centuries, ethno-religious interpretation.

ВИЗАНТИЙСКИЕ АМФОРЫ В ЛЕСНОЙ И ЛЕСОСТЕПНОЙ ЗОНАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В XIII–XIV вв.¹

Аннотация: После массового ввоза амфорной тары на Русь в домонгольское время, с 1237 г. произошел резкий спад импорта, вызванный уничтожением или обнищанием купцов, которые доставляли этот товар из Малой Азии. В эпоху Золотой Орды на Руси известно всего около 10 мест с находками амфор XIII–XIV вв., причем все они размещаются вдоль границы Руси с Ордой. При этом речные пути импорта амфор остались те же, что и в домонгольский период.

Ключевые слова: Средневековая Русь, торговля, импорт, Византия, Золотая Орда.

Амфоры составляли одну из самых массовых категорий импортных изделий, поступающих с X по первую треть XIII в. из Византии и стран Причерноморья и Восточного Средиземноморья в лесную/лесостепную зону Восточной Европы, которую тогда занимали русские княжества. Обломки амфор и целиком сохранившиеся сосуды найдены во всех крупных и многих мелких городах Руси домонгольской эпохи: сегодня они известны уже в почти 170 городах и 90 сельских поселениях². Объем импорта амфор на Русь в домонгольскую эпоху был очень велик. Ежегодно сюда привозилось от нескольких сотен до тысячи амфор. Массовость импорта объяснялась тем, что амфоры выступали тарой для виноградного вина, оливкового масла и пряностей, т.е. престижных продуктов питания, спрос на которые постоянно рос. Такое предназначение амфор подтверждается встречающимися на них надписями-граффити, в которых фигурируют слова «вино» и «масло».

Потребительская ценность амфор, после того как они освобождались от своего содержимого, складывалась из выполнения ими следующих функций:

1. Они служили контейнерами для долговременного хранения разных продовольственных продуктов местного производства (зерно, пиво, мед и др.), находясь в крупных погребках или в жилищах. Известны случаи, когда в погребках, принадлежавших, вероятно, князьям, обнаруживались следы от многих десятков закопанных в пол амфор³.

¹ Статья представляет собой расширенный вариант доклада, прочитанного на 24-м Международном конгрессе византийских исследований (Венеция, 2022). Исследование выполнено в рамках госзадания Института археологии РАН по теме «Города в культурном пространстве Северной Евразии в средневековье» (№ НИОКТР 122011200266-3).

² Коваль В.Ю. Керамика Востока на Руси. IX–XVII вв. М., 2010. Прил. 2.

³ Куза А.В., Коваленко В.П., Моця А.П. Новгород-Северский: некоторые итоги и перспективы исследований // На юго-востоке Древней Руси. Воронеж, 1996. С. 7. Рис. 3.

2. Амфоры могли использоваться в специальных хозяйственных целях, достоверно установить конкретику которых сейчас довольно сложно. Известны амфоры, в стенках которых просверлены круглые отверстия диаметром до 3,5 см⁴.

3. Амфоры использовались при строительстве храмов в качестве «голосников», т.е. сосудов, которые замуровывались в своды и создавали звуковой резонанс, а также уменьшали вес этих сводов (они известны в Киеве, Чернигове, Владимире, Переяславле, Смоленске, Пскове).

4. Даже после того, как амфора оказывалась разбитой, ее обломки продолжали использоваться в быту: из них изготавливались пряслица, игровые фишки, оселки и другие мелкие поделки.

Топография находок ясно показывает, что импорт продукции в амфорной таре в домонгольское время зависел не от географического размещения городов и сел на территории Руси, не от того, насколько далеко эти амфоры приходилось везти, а только от наличия потребителей основных продуктов, привозившихся в этой таре (вина и масла). Судя по тому, что основную массу амфор находят в городах, именно там проживали эти потребители. Для сельских поселений, вероятно, большую роль играл их статус. Амфорную тару находят, как правило, на крупных поселениях – остатках княжеских и боярских сел, погостов, на которых располагались усадьбы феодалов и стояли церкви. В мелких же деревнях (с 1–3 дворами) находки амфор или даже их обломков неизвестны.

Принято считать, что главными импортерами виноградного вина и оливкового масла (а значит – и амфорной тары) являлись князья, имевшие достаточно средств для потребления таких продуктов как в личном обиходе, так и для угощения дружины на пирах. Княжеские имена (Мстислав, Ярополк) упоминаются в граффити на амфорах. Покупателями вина и масла в амфорах могли быть также представители аристократии и богатые купцы (это видно по находкам амфор на их усадьбах). Но в домонгольское время амфор привозилось так много, что они попадали и в руки простых горожан (ремесленников, слуг и т. п.). Это известно по простонародным именам Сутша, Гаврила, Павел и Прокоп, встреченных среди граффити. Однако существовал еще один крупный импортер и потребитель амфор вместе с их содержимым – это христианская церковь. Церкви и монастыри закупали виноградное вино для исполнения обряда причастия в ходе литургии, а оливковое масло было нужно для церковных лампад и изготовления красок, необходимых для создания икон. Если для аристократии вино было предметом роскоши, то для церкви – *предметом первой необходимости*. Потребности церкви в вине и масле были постоянными, поэтому, хотя объем церковного импорта был небольшим, однако он был *неизменным и постоянно растущим*.

Главные пути, по которым амфоры с вином и маслом проникали на Русь, проходили по рекам. Важнейшим из них был путь по Днепру, по которому византийские импорты достигали Новгорода, крупнейшего торгового центра Северной Руси. Периодически возникающие сомнения в реальности этого торгового пути⁵ объясняются несомненными трудностями его организации, однако они лишены серьезных

⁴ Коваль В.Ю. Керамика Востока на Руси... С. 169. Ил. 66, 1.

⁵ Федотова П.И. «Идеальная» дорога: был ли возможен трансконтинентальный водный путь по рекам Восточной Европы? // Евразийский союз ученых. № 4 (23). СПб., 2020. С. 10–25.

оснований⁶. Столь же важны были пути по Днестру (он вел в Юго-Западную Русь) и Дону (в Юго-Восточную и Северо-Восточную Русь).

Монгольское нашествие 1237–1240 гг. резко изменило ситуацию. С середины XIII в. амфоры византийского круга практически перестают поступать на Русь. На сегодняшний день в лесной зоне Восточной Европы известно лишь несколько мест, где археологически зафиксированы амфоры, которые можно с разной степенью точности датировать в интервале от середины XIII до середины XIV в., причем все они размещались на пограничье Руси с Золотой Ордой. В глубинных районах Руси такие находки пока неизвестны (хотя их следует ожидать). Возможно, это связано с тем, что целые амфоры встречаются довольно редко, а по обломкам точная датировка сосуда не всегда достоверно определяется. Кроме того, обломки могли перемещаться в культурном слое по вертикали из-за перекопов, и поэтому отделить фрагменты, попавшие в слой второй половины XIII – XIV вв. из нижележащих слоев, возможно не во всех случаях. Между тем, во многих долго существовавших городах (Киев, Новгород, Москва, Тверь, Владимир, Старая Рязань и др.) обломки амфор встречены как в домонгольских слоях, так и в отложениях золотоордынской эпохи. Какую часть находок, зафиксированных в этих более поздних слоях, составляли обломки амфор, попавшие на Русь до 1237 г., но перемещенные в вышележащие слои, определить пока не удавалось.

Рассмотрим те находки целых амфор (и крупные их фрагменты), которые достоверно связаны с комплексами второй половины XIII – первой половины XIV в. на территории Руси. Они относились к разным группам, соответствующим различным центрам производства.

Группа I. К этой группе, составлявшей в домонгольское время 3/4 импорта византийских амфор, принадлежали сфероидальные амфоры с грушевидным туловом и дуговидными ручками (типы IV c–f по Н. Гюнсеню)⁷, которые по версии И.В. Волкова, в XII–XV вв. производились в Трапезунде⁸, являвшемся в этот период главным экспортером вина в бассейне Черного моря. Диагностирующей особенностью этих амфор является стыковочный шов от соединения верхней и нижней частей тулова ниже крепления ручек или на линии максимального диаметра сосуда. По остальным своим признакам (цвет, примеси к формовочной массе) амфоры этого времени не отличаются от предшествующих. Целые амфоры этой группы, датиру-

⁶ Разумеется, крупные (по меркам того времени) морские корабли не могли пройти по Днепровско-Волховскому или Днепровско-Двинскому путям, однако грузы могли перевозить на плоскодонных судах и челнах, а также по зимнему санному пути. Надо сознавать, что именно реки были главными транспортными артериями средневековой Руси, даже в том случае, если из-за климатических колебаний они оказывались практически несудоходными.

⁷ *Günsenin N.* La typologie des amphores Günsenin. Une mise au point nouvelle // *Anatolia Antiqua*. Vol. XXVI. 2018. P. 103, 104. Fig. 12–15. Надо пояснить, что типология Н. Гюнсеня является крайне примитивной, ее базовые принципы вообще не сформулированы. Разделение на типы и подтипы проведено исключительно на базе морфологических различий, причем в чем именно автор системы видит эти различия, не разясняется. Совершенно не учтены в этой системе различия в рецептуре формовочных масс, способы формовки сосудов. Зато даются сведения о размерах отдельных сосудов, которые для построения типологии излишни. Тем не менее, эта «типология» общепринята в Европе и ее использование пока остается неизбежным для достижения взаимопонимания с западными коллегами.

⁸ *Волков И.В.* О происхождении и эволюции некоторых типов средневековых амфор // *Донские древности*. Вып. 1. Азов, 1992. С. 143–157.

емые по контекстам находок второй половиной XIII в., известны в Старой Рязани⁹, Пронске¹⁰, Треполе близ Киева¹¹ и Лебедяни¹² (рис. 1; 2: 1). Возможно, что и часть многочисленных обломков амфор этого типа из Великого Новгорода также относится к сосудам, импортированным после 1237 г. К золотоордынскому времени (не позже середины XIV в.) принадлежали несколько обломков таких амфор с селища Ближнее Константиново, которое являлось остатками владельческой усадьбы нижегородских князей, размещавшейся неподалеку от города¹³. Наконец, обломки таких амфор найдены при раскопках в Болгаре, в контекстах 1340–1360-х гг., когда этот город находился на пике своего богатства и являлся одним из крупнейших торговых центров Поволжья (рис. 2: 2). Судя по массовости таких находок (общее число обломков исчисляется двумя сотнями только на одном участке города)¹⁴, можно говорить о привозе в этот город сопоставимого числа целых сосудов.

Группу II составляли небольшие по размеру амфоры с вытянутым туловом и высоко поднятыми ручками (тип XX по Н. Гюнсенину¹⁵), датирующиеся второй половиной XIII – XIV в. По составу формовочной массы тулова и ручек (последние – с примесью навоза) они почти не отличаются от амфор домонгольской эпохи, типов II и III по Н. Гюнсенину, местом производства которых в последнее время исследователи называют г. Халкида в Греции¹⁶. В отличие от домонгольских образцов, амфоры монгольской эпохи имели небольшие размеры (диаметр в среднем не более 20 см),

На Руси почти целые амфоры этого типа найдены в пяти местах: в кремле Нижнего Новгорода¹⁷, в Старой Рязани¹⁸, Переяславле Рязанском¹⁹, на поселении Ходоров к югу от Киева²⁰ (рис. 3: 1–4) и на сельском поселении Березовка 5 в

⁹ Коваль В.Ю. Восточные связи Рязанской земли по материалам импортной керамики // Великое княжество Рязанское. М., 2005. Рис. 4: 3; Коваль В.Ю. Керамика Востока на Руси... Ил. 65: 2.

¹⁰ Коваль В.Ю. Восточные связи Рязанской земли... Рис. 4: 4; Коваль В.Ю. Керамика Востока на Руси... Ил. 66, 1–3.

¹¹ Коваль В.Ю. Керамика Востока на Руси... Рис. 53: 4.

¹² Коваль В.Ю. Керамика Востока на Руси... С. 157. Рис. 55: 1.

¹³ Грибов Н.Н., Коваль В.Ю. Восточная керамика из окрестностей Нижнего Новгорода // КСИА. Вып. 221. М., 2007. С. 225.

¹⁴ Речь идет о раскопах CLXXIX и CXCH, исследовавшихся Институтом археологии РАН (руководители В.Ю. Коваль и Д.Ю. Бадеев) в 2012–2016 гг.

¹⁵ В своде Н. Гюнсенина была зафиксирована только одна такая амфора, найденная в Трабзоне: Günsenin N. La typologie des amphores Günsenin, 2018. P. 116. Fig. 31.

¹⁶ Waksman S.Y. Investigating the origins of two main types of Middle Byzantine amphorae // 13th European Meeting on Ancient Ceramics. Conference programme and abstracts. Athens, 2015. P. 205; Waksman S.Y. Defining the Main “Middle Byzantine Production” (MBP): Changing perspectives in Byzantine Pottery Studies // XIth Congress AIECM3 on Medieval and Modern period Mediterranean ceramics Proceedings. Vol. 2. Ankara, 2018. P. 409–420; Коваль В.Ю. Импортная амфорная тара // Комплексные археологические исследования Переяславля Рязанского (Материалы по археологии Переяславля Рязанского. Вып. 3). М., 2019. С. 208.

¹⁷ Еремин И.О., Муценцева Т.Ю. Амфора из раскопа на территории Нижегородского Кремля // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Вып. 12. Нижний Новгород, 2010. С. 29–31. Рис. 1. Авторы публикации верно определили групповую принадлежность этой амфоры, но не учли особенности профилировки сосуда. Поэтому они предполагали его домонгольскую датировку, что очевидно неверно.

¹⁸ Коваль В.Ю. Керамика Востока на Руси... Рис. 57: 2.

¹⁹ Коваль В.Ю. Импортная амфорная тара... Рис. 2: 1.

²⁰ Коваль В.Ю. Керамика Востока на Руси... Ил. 68: 4.

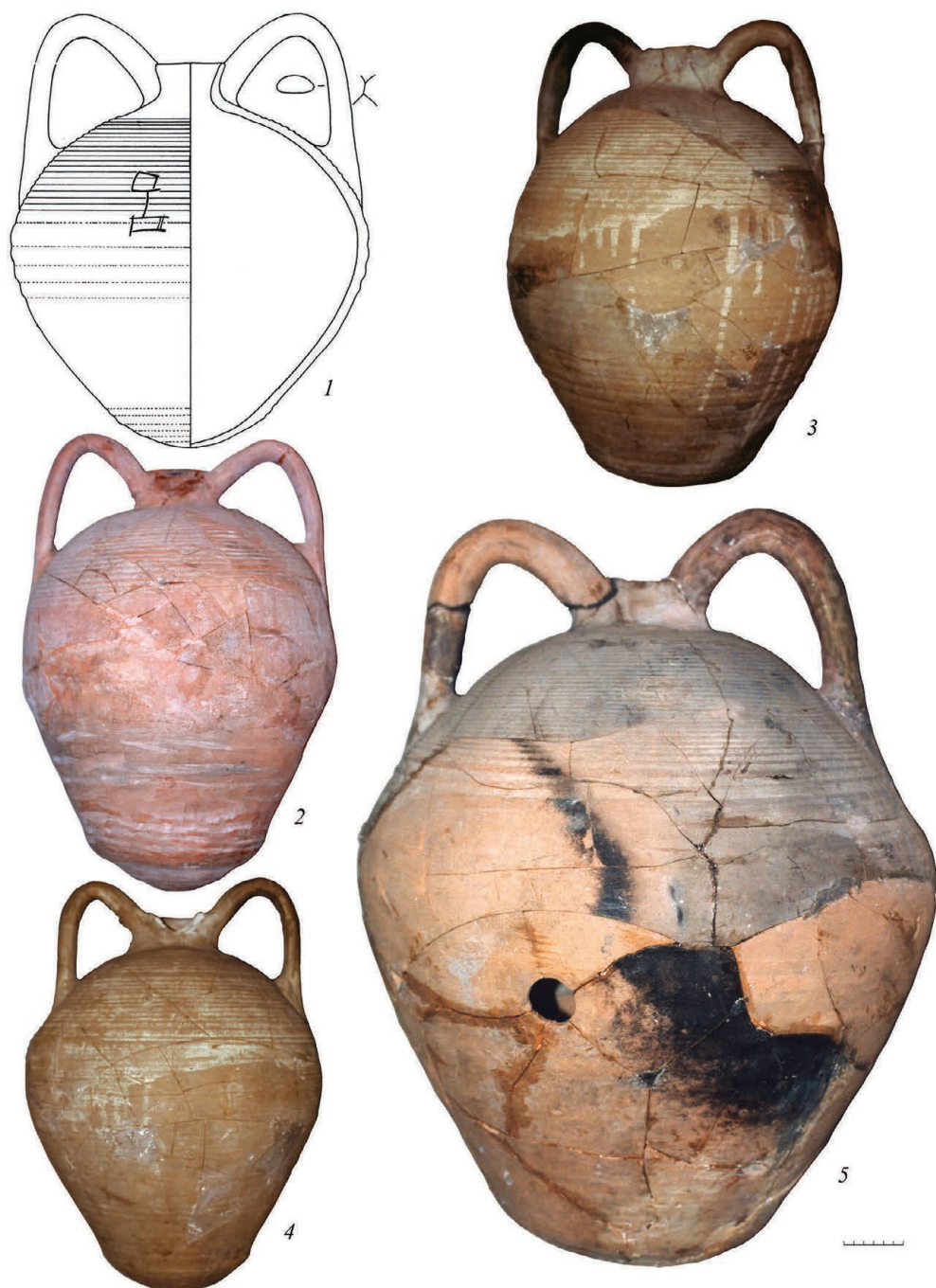

Рис. 1. Амфоры группы I из Треполя (1), Старой Рязани (2) и Пронска (3–5)

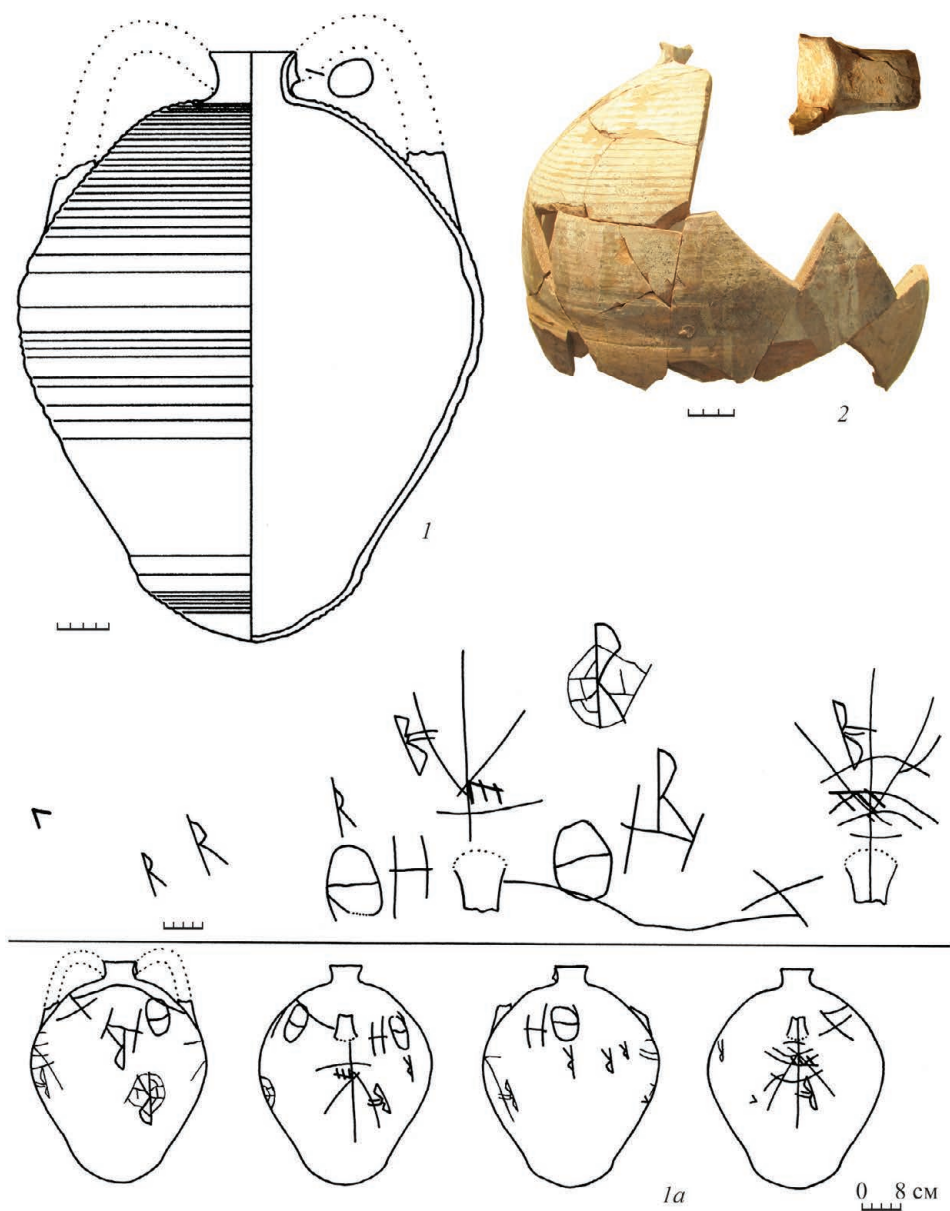

Рис. 2. Амфоры группы I из Лебедяни (1, прорисовка граффити на амфоре – 1a) и Болгара (2)

Тульской области²¹. Известны эти амфоры и в золотоордынских городах, в частности, в Болгаре.

К группе IV принадлежит плоскодонная амфора из Старой Рязани²² – она изготовлена из коричневой глины с крупными остроугольными примесями и отличается недостаточно продолжительным (трехслойным) обжигом (рис. 3: 5). В группировке Н. Гюнсенин такие амфоры выделены в тип V²³. Морфологически старорязанской амфоре в группировке Н. Гюнсенин более соответствует представленная одним экземпляром амфора из Синопа, выделенная в тип XXII²⁴, однако описание этой амфоры отсутствует, поэтому внешнее сходство в данном случае не может расцениваться как решающий аргумент. Происхождение амфор группы IV достоверно не установлено.

Единичной находкой представлена также амфора группы IX, найденная в Лебедяни²⁵ (рис. 3: 6) вместе с амфорой группы I, в комплексе (заполнении погребя), датированном XIII веком. По составу формовочной массы с крупными минеральными примесями и по самой своей форме эта амфора имеет сходство с пифосами второй половины XIII в.²⁶, встречающимися на поселениях Приазовья²⁷ и Крыма²⁸. Место производство такой керамики достоверно не установлено, но присутствие похожих пифосов в трюме пизанского корабля, затонувшего во второй половине XIII в. в бухте Судак-Лимен в Крыму²⁹, заполненном разнообразными импортами (из Константинополя, Малой Азии, Испании и т. д.), заставляет думать, что эти пифосы (а значит, и амфоры) изготавливались не в Северном Причерноморье, а в каком-то более отдаленном регионе.

На сегодня общее число целых амфор византийского культурного круга, изготовленных в золотоордынскую эпоху и зафиксированных на территории пограничных земель Руси, не превышает 10 экз. При этом все находки сосредоточены в узкой полосе пограничья Руси со степью и приурочены к торговым путям по Днепру и Дону (рис. 4). Отсутствие данных по обломочному материалу таких амфор объясняется сложностью его атрибуции из-за близкого сходства с более ранними изделиями. По сравнению с предшествующей эпохой, эти цифры демонстрируют, конечно, очень

²¹ Коваль В.Ю. Керамика Востока на Руси... Прил. 2. С. 229; Гоняный М.И., Гриценко В.П. Поселение 2-й пол. XIII – нач. XIV вв. Березовка-5 на Куликовом поле // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия. Тула, 2000. С. 152.

²² По опубликованной классификации амфор византийского круга на Руси (Коваль В.Ю. Керамика Востока на Руси... С. 150–169. Ил. 71, 6).

²³ Günsenin N. Les amphores Byzantines... P. 108, 109. Fig. 16. В схеме Н. Гюнсенин использована более ранняя амфора, форма которой заметно отличалась от старорязанской.

²⁴ Günsenin N. La typologie des amphores Günsenin, 2018. P. 116. Fig. 33.

²⁵ Коваль В.Ю. Керамика Востока на Руси... С. 168. Рис. 61: 4. Ил. 73: 1.

²⁶ Такой пифос был найден вместе с этой амфорой, в том же самом погребке: Коваль В.Ю. Керамика Востока на Руси... Рис. 63: 1.

²⁷ Масловский А.Н. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. Вып. 21. Азов, 2006. С. 390.

²⁸ Teslenko I. "Pithoi" in the medieval households of South Taurica // Jarres et grands contenants entre Moyen Age et Epoque Moderne (Actes du I Congres International Thematique de l'AIECM3 Conference). Aix-en-Provence: Aix Marseille Univ., CNRS, 2015. Fig. 6, type 1.

²⁹ Зеленко С.М. Итоги исследований подводно-археологической экспедиции Киевского университета имени Тараса Шевченко на Черном море в 1997–99 гг. // Vita Antiqua. № 2. Киев, 1999. С. 225. Рис. 3: 2, 3.

Рис. 3. Амфоры групп II (1–4), IV (5) и IX (6) из Нижнего Новгорода (1), Старой Рязани (2, 5), Ходорова (3), Переяславля-Рязанского (4) и Лебедяни (6)

Рис. 4. Места находок амфор золотоордынского времени на территории Руси

сильный спад импорта. Даже если к этому числу добавить неатрибутированные импорты, картина сильно не изменится.

Что могло привести к такому спаду? С одной стороны, разорение или даже полное уничтожение многих городов привело к экономическому упадку Руси и резкому сокращению любого импорта. Несомненно, Батыево нашествие привело к перерыву торговле с Византией и Причерноморьем примерно на 10–15 лет. Позже торговые связи с Причерноморьем неизбежно стали возобновляться, что известно по ряду письменных документов. Однако финансовые ресурсы для закупки вина у аристократии в этот период сократились очень сильно, а потребности в литургическом вине и лампадном масле никогда не были очень большими. Поэтому размеры закупок вина

и масла в амфорах неизбежно должны были сократиться в несколько десятков раз, а это делало импорт вина из Причерноморья невыгодным.

Но самая главная причина видится в физическом уничтожении или полном разорении купцов, осуществлявших дальнюю международную торговлю. Ведь купцы проживали именно в крупных городах, а они-то и были уничтожены нашествием. Города Юго-Западной Руси, не пострадавшие в 1240 г., попали под удар десятилетием позже, так что их купечество также было разорено. Сохранилась эта корпорация только в тех городах, которые не были разрушены монголами, но они и не вели прямой торговли с Причерноморьем (Великий Новгород, Смоленск, Полоцк).

Ясно, что возрождение торговли начиналось в разоренных частях Руси с оживления обмена товарами первой необходимости (продовольствие, железо, основные орудия труда, оружие и т. п.), и лишь со временем, по мере накопления капитала, купцы получили возможность выходить на внешний рынок. Связи с поставщиками в Причерноморье им приходилось восстанавливать фактически «с нуля», причем не ранее 1260-х гг. Но это как раз то время, когда после восстановления византийского правления в Константинополе генуэзцам была предоставлена свобода торговли в акватории Черного моря. Таким образом, русским купцам приходилось иметь дело уже не столько с греками, сколько с итальянцами.

Единственным крупным торговым центром в это время на северном побережье Черного моря была Сугдея (русские называли этот город Сурожем), находившаяся под властью Золотой Орды. Именно по этой причине новая купеческая корпорация, сформировавшаяся, например, в Москве, получила название «гости-сурожане». Впоследствии еще более тесные торговые связи завязались с генуэзской факторией Кафа (современная Феодосия). Но начинать торговлю с закупок партий вина, требовавшего особой бережности при перевозке, конечно, было неразумно. Поэтому «гости-сурожане» изначально ориентировались на импорт дорогостоящих и относительно компактных товаров (предметов ювелирного искусства и тканей), избегая громоздких партий вина и другого продовольствия. Вероятно, амфоры с вином и маслом все же закупались (см. свод находок выше), но в очень ограниченном количестве.

Поскольку главными контрагентами русских купцов стали итальянцы (генуэзцы, пизанцы, венецианцы и др.), которые привозили из Европы вино в бочках, именно они определяли, какое вино и в какой таре продавать на Русь. К сожалению, письменные источники не дают обширных данных об этой стороне торговли.

Таким образом, торговля вином с Причерноморьем пережила сильный упадок и могла начать медленно восстанавливаться лишь к концу XIII в. Между тем, потребность церкви в вине для литургии не пропала, аристократия также постепенно восстанавливала свое благосостояние и возможности для приобретения престижных продуктов питания. Образовавшийся дефицит мог быть восполнен торговлей с Европой по балтийскому коридору, который обслуживался купцами Новгорода и Пскова, сохранившими после 1237 г. свои жизни и богатства. Вероятно, в этих условиях они перехватили инициативу в торговле вином для нужд церкви и аристократии. Но в Северной и Западной Европе вино всегда транспортировалось не в амфорах, а в бочках. Видимо, именно сочетание всех перечисленных причин и обстоятельств и привело к тому, что ввоз амфор в русские земли к первой половине XIV в. практически полностью прекратился.

При этом на территорию Золотой Орды амфоры византийского (групп I и II) и испанского³⁰ производства продолжали поступать до середины XIV в., причем этот импорт переживал всплеск в связи с предпочтениями, которые предоставлялись итальянской торговле в 1330–1350-х гг. при ханах Узбеке и Джанибеке. Появление испанских импортов не должно удивлять, поскольку в сферу торговых интересов Генуи и Венеции входило все Средиземноморье. Необходимо также отметить появление в Орде византийских амфор чрезвычайно редкой группы – с вогнутым дном. Находка обломков такой амфоры из Укека (на территории современного г. Саратов) известна в комплексе из подвала христианской церкви³¹. Амфоры этого типа известны в уже упоминавшемся кораблекрушении второй половины XIII в. на дне бухты Судак-Лиман в Крыму³². В группировке Н. Гюнсенин эти амфоры относятся, вероятно, к типу VIII (они представлены в ее публикациях только верхними частями, без дна)³³.

Импорт амфор византийского и испанского производства в городах Золотой Орды в середине XIV в. может показаться неожиданным, поскольку в это же самое время происходило широкое распространение ислама суннитского толка в Джучидском государстве, а это направление в исламе весьма негативно относилось к употреблению вина, которое было основным продуктом, перевозившимся в амфорах. Однако, во-первых, в амфорах перевозилось отнюдь не только вино (испанские амфоры и кувшины предназначались, прежде всего, для перевозки оливкового масла); во-вторых, объем ввоза этой тары не был очень заметным; в-третьих, находки амфор известны исключительно в городах (Сарай, Укек, Болгар, Азак и др.) или на прибрежных причерноморских поселениях, а в городах и на побережье проживали не только мусульмане, но и христиане (русские, итальянцы, армяне, азиатские несториане), иудеи, язычники (монголы, кипчаки, мордва и др.), которые вино употребляли без всяких ограничений. Поэтому в городах Золотой Орды для вина потребителей-немусульман было предоставлено достаточно.

Финал поступления амфор на территорию лесной и степной зон Восточной Европы наступил с началом междоусобной войны в Золотой Орде (1361–1380), разорившей купцов этого государства и приведшей к деурбанизации значительных территорий на юге и юго-востоке Восточной Европы. Наиболее поздние образцы амфор тут относятся к 1360-м гг., после чего импорт товаров в такой таре полностью прекращается. Амфоры еще ввозились в некоторые города Северного Причерноморья, размещавшиеся на берегах Черного и Азовского морей, до конца XIV и даже в XV в., но они не выходили за пределы этого ареала. Так завершился импорт византийской амфорной тары на Русь и в целом в Восточную Европу.

³⁰ Коваль В.Ю. Испанская керамика в средневековом Болгаре // От Руси до Китая: из новых археологических исследований. Сборник статей к юбилею Ю.Ю. Моргунова. М., 2017. С. 74–92; Koval V.Yu. Spanish Ceramics in Medieval Bolgar // XIth Congress AIECM3 on Medieval and Modern period Mediterranean ceramics Proceedings. Vol. 2. Ankara, 2018. P. 185–196.

³¹ Неопубликованный образец из раскопок Д.А. Кубанкина, которому пользуюсь случаем выразить свою благодарность за возможность ознакомиться с коллекцией.

³² Зеленко С.М. Итоги исследований подводно-археологической экспедиции... Рис. 10.

³³ Günsenin N. La typologie des amphores Günsenin, 2018. P. 110. Fig. 19.

Список литературы

- Волков И.В. О происхождении и эволюции некоторых типов средневековых амфор // Донские древности. Вып. 1. Азов: Азовский краеведческий музей, 1992. С. 143–157.
- Волков И.В. Амфоры Новгорода Великого и некоторые заметки о византийско-русской торговле вином // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 10. Новгород: МГУ, 1996. С. 90–104.
- Волков И.В. Амфоры Новгорода: хронология и распределение в слое // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 19. Великий Новгород: МГУ, 2005. С. 145–163.
- Гоняный М.И., Гриценко В.П. Поселение 2-й пол. XIII – нач. XIV вв. Березовка–5 на Куликовом поле // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия. Тула: Тульский полиграфист, 2000. С. 144–165.
- Грибов Н.Н., Коваль В.Ю. Восточная керамика из окрестностей Нижнего Новгорода // КСИА. Вып. 221. М.: ИА РАН, 2007. С. 216–227.
- Еремин И.О., Муренцева Т.Ю. Амфора из раскопа на территории Нижегородского Кремля // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Вып. 12. Нижний Новгород: Нижегородский университет, 2010. С. 29–31.
- Зеленко С.М. Итоги исследований подводно-археологической экспедиции Киевского университета имени Тараса Шевченко на Черном море в 1997–99 гг. // Vita Antiqua. № 2. Киев: Киевский университет, 1999. С. 223–234.
- Коваль В.Ю. Восточные связи Рязанской земли по материалам импортной керамики // Великое княжество Рязанское. М.: Памятники исторической мысли, 2005. С. 480–520.
- Коваль В.Ю. Керамика Востока на Руси. IX–XVII вв. М.: Наука, 2010. 269 с.
- Коваль В.Ю. Испанская керамика в средневековом Болгаре // От Руси до Китая: из новых археологических исследований. Сборник статей к юбилею Ю.Ю. Моргунова. М.: ИА РАН, 2017. С. 74–92.
- Коваль В.Ю. Импортная амфорная тара // Комплексные археологические исследования Переяславля Рязанского (Материалы по археологии Переяславля Рязанского. Вып. 3). М.: Таус, 2019. С. 204–215.
- Куза А.В., Коваленко В.П., Моця А.П. Новгород-Северский: некоторые итоги и перспективы исследований // На юго-востоке Древней Руси. Воронеж: Воронежский университет, 1996. 120 с.
- Масловский А.Н. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. Вып. 21. Азов: Азовский музей, 2006. С. 309–472.
- Федотова П.И. «Идеальная» дорога: был ли возможен трансконтинентальный водный путь по рекам Восточной Европы? // Евразийский союз ученых. № 4 (23). СПб.: Логика+, 2020. С. 10–25.
- Günsenin N. Les amphores Byzantines (X–XIIIe siècles): typologie, production, circulation d'après les collections Turques. Vol. 1, 2. Paris: Université de Paris, 1990. 320 p.
- Günsenin N. La typologie des amphores Günsenin. Une mise au point nouvelle // Anatolia Antiqua. Vol. XXVI. 2018. P. 89–124.
- Koval V.Yu. Spanish Ceramics in Medieval Bolgar // XI Congress AIECM3 on Medieval and Modern period Mediterranean ceramics Proceedings. Vol. 2. Ankara: Koç Üniversitesi, 2018. P. 185–196.
- Teslenko I. “Pithoi” in the medieval households of South Taurica // Jarres et grands contenants entre Moyen Age et Epoque Moderne (Actes du I Congrès International Thematique de l’AIECM3 Conference). Aix-en-Provence: Aix Marseille Univ., CNRS, 2015. P. 319–324.

Waksman S.Y. Investigating the origins of two main types of Middle Byzantine amphorae // 13th European Meeting on Ancient Ceramics. Conference programme and abstracts. Athens, 2015. P. 205.

Waksman S.Y. Defining the Main “Middle Byzantine Production” (MBP): Changing perspectives in Byzantine Pottery Studies // XI Congress AIECM3 on Medieval and Modern period Mediterranean ceramics Proceedings. Vol. 2. Ankara: Koç Üniversitesi, 2018. P. 409–420.

V.Yu. Koval

**BYZANTINE AMPHORAE IN THE FOREST AND FOREST-STEPPE ZONES
OF EASTERN EUROPE IN THE 13TH–14TH CENTURIES**

Abstract: After the mass importation of amphora containers to Rus' in pre-Mongolian era, after 1237 there was a sharp decline in imports caused by the extermination or impoverishment of the merchants who delivered these goods from Asia Minor. In the epoch of the Golden Horde only about 10 places with finds of amphorae are known in Russia of the 13th–14th centuries, and all of them are located along the border of Rus' with the Horde. At the same time, the river routes for the import of amphorae remained the same as in the pre-Mongolian period.

Keywords: amphorae, Rus', Golden Horde, 13th–14th century.

ГЛИНЯНАЯ МОСКОВСКАЯ КАЦЕЯ¹

Аннотация: В статье представлены предметы средневековой церковной утвари – глиняные кацеи XVI в. из Зачатьевского монастыря.

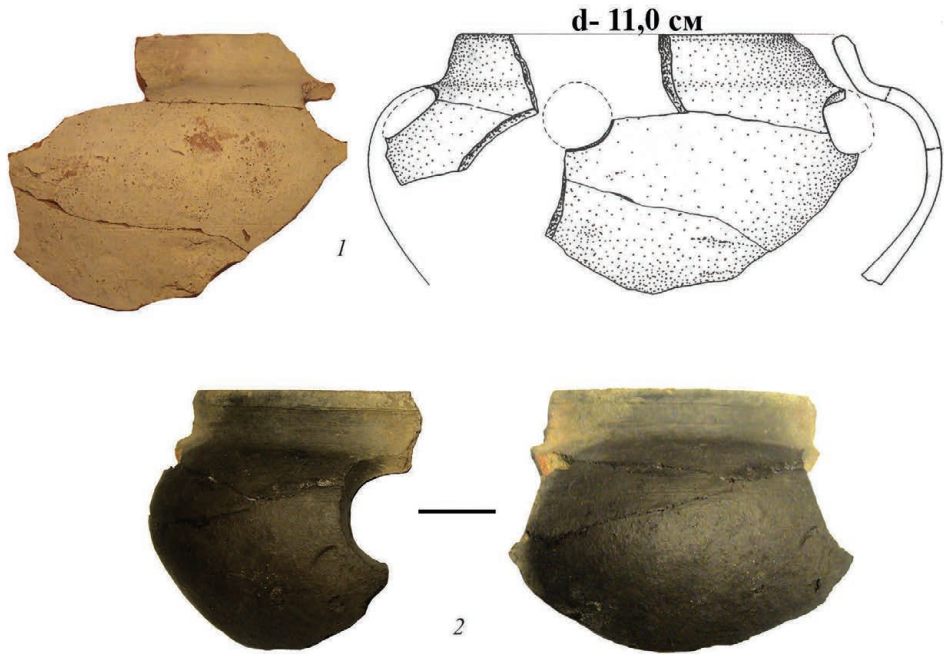
Ключевые слова: кацея, кадильница, церковная утварь, Зачатьевский монастырь, старообрядчество.

О средневековой московской керамике мы знаем одновременно и очень много, и очень мало. Много, потому что огромные массы этого материала практически ежедневно извлекаются из московской земли. Они уже сколько возможно упорядочены, описаны, зарисованы. Мы представляем себе, какие типы сосудов бытовали в Москве в тот или иной период времени. А мало, потому что чрезвычайно трудно соотнести сведения письменных источников об этой части городской жизни с тем, что мы находим в результате раскопок.

При этом существует тип вещей, предназначение и использование которых твердо регламентировано и хорошо описано. Это церковная утварь. Правда, в этой категории практически не встречаются предметы из глины, но, тем не менее, они есть. Понятно, что это не парадная утварь. Но скромные обломки керамических изделий, вполне возможно, помогут решить некоторые вопросы церковной истории.

Сначала о самих предметах. Найдены они при раскопках под руководством Л.А. Беляева на территории московского Зачатьевского женского (стародевичьего) монастыря. Всего несколько фрагментов от, в общей сложности, пяти примерно одинаковых небольших сосудиков. К сожалению, не удалось собрать ни одной даже условно целой формы. Понятно только, что они имели вид небольших горшочков с диаметром венчика около 11,0 см. Венчик округлый, горлышко слегка наклонено внутрь сосуда, плечико плавно переходит в округлое тулово. Изготовлены из красной глины с минимальным количеством мелкого песка в тесте. Три сосуда покрыты ангобом, два – без дополнительной обработки поверхности (рис. 1). Казалось бы, обычные изделия московской Гончарной слободы конца XV – первой половины XVI в., если бы не одно «но». Отличительной чертой найденных фрагментов является наличие сделанных до обжига аккуратных довольно крупных (диаметром 2,5 см) круглых отверстий в верхней части сосуда, в районе плечика (в самой широкой части). Расстояние между соседними отверстиями составляет около 5,0 см. Получается, что таких отверстий, скорее всего, не более четырех на одном сосудике. Ни у одного из фрагментов нет даже перехода к донцу. Можно только

¹ Работа выполнена в рамках плановой темы НИОТКР 122011200385-1.

Рис. 1. Фрагменты керамических кадильниц из Зачатьевского монастыря:
1 – ангобированная, 2 – красноглиняная

осторожно представить, опираясь на наклон стенок и аналогичные бытовые горшочки, изготовленные мастерами московской Гончарной слободы, что донце имело диаметр 6,0–7,0 см.

Ряд отверстий в верхней части сразу дал возможность определить, что это кадильница. Нашлись и аналогии в болгарской керамике. По крайней мере, керамические кадильницы в виде глиняных горшков с круглыми отверстиями по верху сосуда там известны² (рис. 2: 1). Болгарская кадильница – гораздо более поздняя, поливная, с ручкой, на ножке-поддоне и с более мелкими отверстиями. Найденные в Зачатьевском монастыре фрагменты не позволяют сказать, были ли у ее московских средневековых аналогов ручки и ножки-поддоны. Можно только осторожно предположить, опираясь на формы московской посуды конца XV – первой половины XVI в., что ручка, скорее всего, была, а вот ножка – вряд ли. Не делали таких сосудов московские гончары.

Все более поздние московские и подмосковные (а также других регионов России) глиняные кадильницы имеют совершенно иной вид. Они хорошо известны и по этнографическим коллекциям³ (рис. 3), и по материалам раскопок. Собственно, глиняные кадильницы такого типа изготавливают до сих пор. Это небольшие закры-

² Бакарджиев Г. Болгарская керамика. София, 1956. Табл. 122.

³ Калмыкова Л.Э. Народное гончарство Московской области XIX – начала XX века. Каталог. М., 1995. С. 21, 68, 91.

Рис. 2. Кацеи: 1 – болгарская XIX в.; 2–4 – старообрядческие;
5 – кадильница для окуривания домашнего скота

тые сосудики грушевидной формы с полукруглым отверстием в боковой части, начинающимся непосредственно от донца, мелкими круглыми отверстиями в верхней части сосуда и завершением в виде равноконечного крестика.

Надо сказать, что и в болгарском издании, и в этнографическом каталоге Л.Э. Калмыковой, и в современных торговых каталогах это изделие названо кадильницей. Однако если мы обратимся к церковным текстам, обнаруживается, что название не вполне верное. Подобные ручные кадильницы имеют свое особое наименование – кацея. Впервые оно упоминается в Ипатьевской летописи под 1146 годом при перечислении предметов, разграбленных в киевских храмах Ольговичами⁴. В настоя-

⁴ ПСРЛ. Т. 2. М., 1962. Стб. 334.

Рис. 3. Кацеи XIX–XX вв.: 1–3 – Московская область; 4 – верхняя Ока; 5 – Талдом; 6 – Ярославская область; 7–9 – изделия Федоровского народного промысла

шее время считается, что используют подобные ручные кадила при домашней молитве, а также в старообрядчестве. Причем кацеи – это неперенный атрибут старообрядческого молитвенного обихода. В литературе упоминаются преимущественно металлические старообрядческие кацеи⁵. Встречено лишь одно упоминание расписной керамической кадила XVIII в., вставленной, впрочем, в золоченую оправу⁶. И еще в Студийском уставе при освящении церковью прописано зажигать «тимьян в черепех»⁷. Однако среди лотов аукционов и в домашних коллекциях обнаруживаются керамические старообрядческие кацеи, поразительно похожие на те обломки, которые найдены в Зачатьевском монастыре (рис. 2: 2–5). Собственно, ничего удивительного в этом нет. В быту старообрядцев сохранилось большое количество предметов старинного, если так можно выразиться, «дониконовского» облика. А вот почему столь разительно изменился облик этого предмета после реформ Патриарха Никона, остается неясным. По крайней мере, на это нет прямых указаний. Возможно, это связано с некоторым переосмыслением значения вещи. В современном христианском по-

⁵ Игошев В.В. Древнерусские кацеи и ладанницы. К вопросу о назначении, типологии и атрибуции богослужебных предметов // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 1 (59). С. 110–127.

⁶ Покровский Н.В. Церковно-археологический музей С.-Петербургской Духовной Академии. СПб., 1909. С. 41.

⁷ Мансвентов И.Д. Церковный устав (типик). Его образование и судьба в греческой и русской церкви. М., 1885. С. 160.

нимании кадило символизирует вместилище Невместимого – Пресвятую Богородицу, от которой вознеслось миру Христово благоухание. Именно поэтому во многих молитвословиях Богоматерь именуют благоуханным кадилом: «*О, Пресвятая Госпоже Богородице, девственная похвало, цвете прекрасныи, благоуханное кадило, рождшая нам Христа Бога нашего, пресветлое Солнце...*» (из молитвы к Тихвинской иконе Пресвятой Богородицы).

В.В. Игошев замечает, что «в греческих и русских монастырских уставах нередко специально указывается на тип кадильницы, используемой в определенном месте богослужения, например: «в начале утрени великий архимандрит кадит с кацією», или, как переведено в славянском издании, – «кадит с ручкою»»⁸. Он упоминает также, ссылаясь на работу К.Т. Никольского, что кацея употреблялась в наиболее древних обителях⁹. Последнее особенно интересно для нас. Видимо, в этом случае имеет место сохранение использования древней формы кадила – кацеи – как некоего старого обычая или уклада монастырской жизни, что вполне соответствует истории самого первого на Москве девичьего монастыря, образованного, по преданию, в 1360 г. Митрополитом Алексием и сестрами-основательницами Юлианией и Евпраксией. Отметим, что практика каждения кацей сохранилась и на Афоне.

Впрочем, зачатьевские кадильницы все равно датируются временем до никоновских реформ.

Таким образом, в данном случае в научный оборот вводится совершенно новый, ранее не известный тип керамического церковного сосуда. Именно такие кадильницы применялись при богослужениях насельниками Зачатьевского монастыря в конце XV – первой половине XVI в. Можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что изготавливали их в московской Гончарной слободе. И вполне возможно, что изменение формы кацеи связано не с церковными канонами, а с упадком гончарного производства в Москве в принципе. Московские гончары перестали делать такую посуду, а новые формы пришли вместе с инородными гончарными традициями. И это объясняет тот факт, что старинные металлические кацеи продолжали использовать и после реформ Патриарха Никона¹⁰.

Список литературы

- Бакарджиев Г. Болгарская керамика. София: Болгарский художник, 1956. 42 с., 80 л. ил.
- Игошев В.В. Древнерусские кацеи и ладаницы. К вопросу о назначении, типологии и атрибуции богослужебных предметов // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 1 (59). С. 108–127.
- Калмыкова Л.Э. Народное гончарство Московской области XIX – начала XX века. Каталог. М.: РА «СОРЕК», 1995. 158 [2] с.
- Мансветов И.Д. Церковный устав (типик). Его образование и судьба в греческой и русской церкви. М.: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1885. IV, 449 с.
- Никольский К.Т., прот. Пособие к изучению устава богослужения. СПб.: Синод. тип., 1907. XVI, 878 с.

⁸ Игошев В.В. Древнерусские кацеи и ладаницы... С. 113.

⁹ Никольский К.Т., прот. Пособие к изучению устава богослужения. СПб., 1907. С.81–82.

¹⁰ Игошев В.В. Древнерусские кацеи и ладаницы... С.109.

ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. М.: Изд-во Восточной литературы, 1962. XVI с., 938 стб., 87 с.

Покровский Н.В. Церковно-археологический музей С.-Петербургской Духовной Академии 1879–1909. СПб.: Синод. тип., 1909. [4], IV, XXX, 151 с., 98 л. ил.

O.N. Glazunova

CLAY MOSCOW HAND-CENSER

Abstract: The article presents items of medieval church utensils - clay hand-censers of the 16th century from the Zachatievsky monastery.

Keywords: hand-censer, thurible, censer, church utensils, Zachatievsky monastery, Old Believers.

ОЧКИ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ XVI–XVII СТОЛЕТИЙ

Аннотация: Статья посвящена истории бытования очков в России XVI–XVII столетий. Установлено, что очки широко использовались с конца XVI века. До времени правления Петра I они оставались предметом импорта, однако благодаря низкой стоимости были доступны для всех слоев общества. Очки встречаются во всех регионах страны. В отдельных случаях их реэкспортировали или отправляли в качестве даров в страны Востока. О бытовании очков в России XVI–XVII веков можно судить, опираясь на широкий круг источников: документы и письма, книжную миниатюру, музейные предметы и отпечатки очков на листах рукописей. Со второй половины XVII столетия упоминания об очках встречаются в литературных текстах.

Ключевые слова: очки, история оптики, история повседневности.

Материальный мир и повседневная жизнь Московской Руси уже не одно столетие остаются предметом внимания исследователей. Тем не менее, представления о многих важных явлениях до сих пор далеки от реальности. В частности, мы зачастую не представляем себе, когда в обиходе русских людей появляются вещи, без которых невозможна жизнь современного человека. Одним из таких предметов являются очки, изобретенные в Европе в XIII столетии. Вопрос о том, когда этот прибор стал доступен русским людям, остается открытым. Авторы данной публикации также не готовы окончательно ответить на него. Наша задача – систематизировать сведения, которые имеются в распоряжении ученых на текущий момент.

Из истории изучения

Основная сложность изучения истории бытования очков в России состоит в том, что у нас нет документов, где эта тема освещалась бы сколько-нибудь подробно. Все данные крайне лапидарны и разбросаны по источникам разных видов. Отдельные открытия делаются исследователями, работающими в далеких друг от друга направлениях. В результате целостной историографии по проблеме не сложилось.

Между тем, факт присутствия очков в Московском государстве был зафиксирован еще учеными середины XIX столетия. Ярким объектом, при обращении к которому тема очков неизбежно становится актуальной, является портрет (парсуна) патриарха Никона с клиром, который приписывается кисти художника Д. Вухтерса (ок. 1662 г.)¹. Вопрос о присутствии очков на данном портрете впервые был поднят в

---

¹ См., напр.: Михайлова Н.М. Евфимий Чудовский и датировка парсуны «Патриарх Никон с клиром» // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология. 1993. М., 1994. С. 148–151.

ходе реализации большого проекта издания «Древности Российского государства», над которым под патронажем императора Николая I и руководством президента Академии художеств А.Н. Оленина трудился академик Ф.Г. Солнцев. Цель проекта состояла в том, чтобы скопировать и издать наиболее важные памятники российской истории и культуры. Портрет Никона, находившийся в то время в Воскресенском Ново-Иерусалимском монастыре, оказался в их числе. Описывая полотно, издатели альбома отметили, что один из персонажей портрета, подьяк Серафим, держит в руках патриаршие четки и очки, готовясь подать их Никону при начале богослужения² (рис. 1: 4).

Три года спустя во «Временнике Общества истории и древностей российских» издали переписную книгу домового казны патриарха Никона, где фигурировали его очки³. Обе эти публикации использовал И.М. Снегирев при анализе изображения футляра для очков, принадлежавших хиротонисанному в 1739 г. суздальскому епископу Симону⁴. Таким образом, информация об очках Никона вошла в историографию. В 1850-х гг. в научный оборот были также введены «пять пар очков в серебряных золоченых футлярах», которые сохранились от XVII столетия в Московской Патриаршей ризнице⁵. Доступные к тому времени сведения заставили связать их с именем Никона, хотя особых оснований для этого не имелось⁶. И.Е. Забелин дополнил накопленные в 1850-х гг. данные известиями о царских очках. Ученый отметил, что этот прибор имелся у Михаила Федоровича и Алексея Михайловича⁷.

В конце XIX – начале XX столетия в связи с возрастающим интересом к экономической истории постепенно начали накапливаться данные о торговле очками. Так, Н.Н. Оглоблин отметил факт торговли очками в Сибири⁸. М.В. Довнар-Запольский упомянул о факте продажи очков в Москве «походя» (т.е. вразнос)⁹. Кроме того, в дооктябрьский период был опубликован ряд документов, где упоминаются очки. Однако предметом специального исследования эти известия не стали.

Тема очков вновь привлекла внимание ученых уже в советский период. В классической статье Н.А. Баклановой, посвященной проблеме привозных товаров в Московском государстве во второй половине XVII века, имеется специальный раздел

² Древности Российского государства, изданные по высочайшему повелению. Отд. 1: Св. иконы, кресты, утварь храмовая и облачение сана духовного. М., 1849. С. 140–142.

³ Переписная книга домового казны патриарха Никона, составленная в 1716 году по повелению царя Алексея Михайловича / Сообщ. И.Д. Беляев // Временник Московского Общества истории и древностей российских. Кн. 15. М., 1852. С. 107, 110, 117.

⁴ Снегирев И.М. Памятники древнего искусства в России: собрание рисунков с церковных и домашних утварей, св. крестов, предметов иконописи, иконостасов; детальные изображения отдельных частей зданий; украшения, образцы мебели и других принадлежностей старинного русского быта. М., 1850–1854. С. 52.

⁵ Савва, архим. Указатель для обозрения Московской Патриаршей ризницы и библиотеки. М., 1883. С. 48.

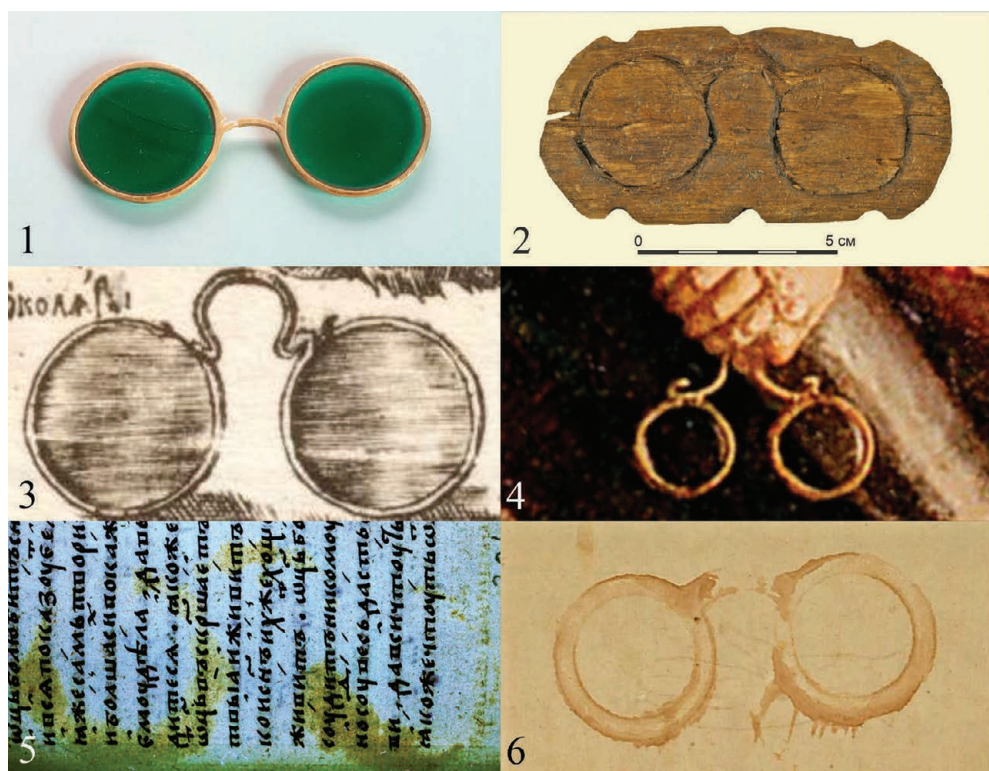
⁶ Соболев С.Л. Оптические инструменты и сведения о них в допетровской Руси // Труды Института истории естествознания АН СССР. Т. 3. М.-Л., 1949. С. 145.

⁷ Забелин И.Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. Т. 1: Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. Ч. 1. М., 1895. С. 240–241.

⁸ Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). Ч. 2: Документы таможенного управления. М., 1898. С. 122.

⁹ Довнар-Запольский М.В. Торговля и промышленность Москвы XVI–XVII вв. М., 1910. С. 65.

Рис. 1. 1 – «Очки патриарха Адриана» (кон. XVII в., ГИКМЗ «Московский Кремль», Ф-2135). 2 – Створка футляра для очков (Мангазея, 1630-е гг., Музейно-выставочный комплекс им. И.С. Шемановского (г. Салехард), инв. АР-18439. Выражаем благодарность Г.П. Визгалову и И.С. Чарусовой, предоставившим фотографию футляра). 3 – Изображение очков из Букваря Кариона Истомина (1694 г., Карион (Истомин). Лицевой букварь Кариона Истомина. М., 1916. Таб. XXXI). 4 – Изображение очков на портрете патриарха Никона с братией Воскресенского монастыря («Патриарх Никон с клиром») (1660-е гг., Русский исторический портрет. Эпоха парсуны. М., 2004. С. 159). 5 – След очков на листе книги (Четвероевангелие, XVI в., РНБ. Кир.-Бел. 58/63. Л. 384). 6 – След очков на листе книги (Апостол, XVI в., РГБ. Ф. 304.1. № 73. Л. III)

«Лекарства. Очки». Однако конкретно очкам в нем посвящено лишь два предложения. Н.А. Бакланова, опираясь на сочинение И.Ф. Кильбургера (1670-х гг.), привела данные о привозе очков в Архангельск, а также отметила вошедший уже в историографию факт наличия очков у патриарха Никона¹⁰.

С.В. Бахрушин так же, как и Н.А. Бакланова, писал об очках с точки зрения торговли различными товарами. Он отметил, что погибший в 1698 г. в застенках Преображенского приказа гость Гаврила Романович Никитин ввозил в Сибирь, сре-

¹⁰ Бакланова Н.А. Привозные товары в Московском государстве во второй половине XVII века // Очерки по истории торговли и промышленности в России в 17 и в начале 18 столетия. М., 1928. (Труды ГИМ. Вып. 4). С. 110–111.

ди прочих товаров, хрустальные очки¹¹. Специально темой очков С.В. Бахрушин не занимался. Однако этот вопрос явно интересовал ученого. При посмертном переиздании трудов С.В. Бахрушина по источниковедению публикаторы воспроизвели его рисунки. Автор предисловия, А.М. Дубровский, отмечал, что С.В. Бахрушин владел техникой рисунка профессионально и специально рисовал для экспозиции ГИМ. Он уделял огромное внимание бытовым деталям жизни героев своих исследований¹². На двух из шести изданных рисунков С.В. Бахрушина изображены подьячие. Оба раза на «портретах» присутствуют очки¹³. Эти рисунки позволяют сделать два наблюдения. Первое из них – ученый видел в очках широко распространенный прибор, а не дорогостоящий аксессуар, доступный лишь царям и патриархам. Второе – С.В. Бахрушин знал об очках по текстам, но не видел их ни на портрете патриарха Никона, ни в музейных коллекциях. О последнем свидетельствует тот факт, что на рисунках мы встречаем очки с дужками-заушниками, которые вошли в обиход существенно позднее времени жизни изображаемых С.В. Бахрушиным персонажей.

Новым этапом в изучении очков стали статьи С.Л. Соболя, вышедшие в 1949 г.¹⁴ Он систематизировал сведения, собранные И.Е. Забелиным, Н.А. Баклановой, С.В. Бахрушиным и др. С.Л. Соболев впервые исследовал сохранившиеся очки из Патриаршей ризницы. Четверо из них теперь хранились в Оружейной палате, а пять – в ГИМ. Оказалось, что они были созданы в разное время – от конца XVI или начала XVII до конца XVII столетия. При этом число диоптрий у разных очков различается. Работы С.Л. Соболя были использованы в популярной статье Е. Лагутиной. Материал в них был передан с искажением и без ссылок на источник¹⁵.

К большому сожалению, труды С.Л. Соболя выпали из поля зрения позднейших исследователей. Так, при публикации архива стольника А.И. Безобразова составители использовали в комментариях вторичную статью Е. Лагутиной¹⁶.

Во второй половине XX – начале XXI столетия ученые неоднократно фиксировали упоминание очков в различных источниках и старались так или иначе использовать эти данные. К примеру, И.А. Никулин, отмечая наличие очков у митрополита Сибирского и Тобольского Игнатия (Римского-Корсакова), указал, будто бы «косвенно это свидетельствует о том, что он много читал и писал»¹⁷. Н.В. Башнин, характеризуя личность архиепископа Вологодского и Белозерского Симона, рассматривал факт использования архиереем очков в качестве свидетельства о его спокойном ха-

¹¹ *Бахрушин С.В.* Торги гостя Никитина в Сибири и Китае // *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. 3: Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. Ч. 1: Вопросы русской колонизации Сибири в XVI–XVII вв. М., 1955. С. 244.

¹² *Дубровский А.М.* Предисловие // *Бахрушин С.В.* Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма: (Научное наследие). М., 1987. С. 13–14.

¹³ *Бахрушин С.В.* Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма. С. 119, 141.

¹⁴ *Соболь С.Л.* 1) Очки в России в XVII веке // Проблемы физиологической оптики. Т. 7. М.-Л., 1949. С. 111–128; 2) Оптические инструменты и сведения о них в допетровской Руси. С. 136–172.

¹⁵ *Лагутина Е.* Родословная очков // *Здоровье*. 1976. № 4 (256). С. 25–26.

¹⁶ Архив стольника Андрея Ильича Безобразова. Ч. 1 / Сост. Л.Ф. Кузьмина, И.С. Филиппова. М., 2012. С. 811–812.

¹⁷ *Никулин И.А.* Препосвященный Игнатий (Римский-Корсаков), митрополит Сибирский и Тобольский. Екатеринбург, 2015. С. 157.

рактере¹⁸. Иногда наличие очков просто приводится в качестве характеризующего личностный признак без конкретных пояснений¹⁹. В недавней работе украинский исследователь В.И. Ульяновский использовал вывод С.Л. Соболя о датировке наиболее ранних очков из Патриаршей ризницы началом XVII в. для того, чтобы атрибутировать их патриарху Иову и тем самым подтвердить данные о слабом здоровье архиепископа²⁰. Встречаются упоминания очков и в работах по археологии. При раскопках были найдены изделия, похожие на кожаные очки²¹ и фрагмент футляра от очков²². В первом случае предмет предположительно посчитали игрушкой, а во втором – формой для отливки колец.

Кто пользовался очками

Перейдем к вопросу о том, кто был потребителем очков в Московском государстве. Теоретически очки могли понадобиться представителям любых профессий, для работы которых требовалось постоянное напряжение зрения. В качестве примера можно привести портного Михаила Иванова, который в 1675 г. жаловался, что вынужден жить «в дворниках», поскольку «обнищал очми и портного мастерства делать ему стало не мочно»²³. Перечень подобных профессий легко расширить. Ожидаемо очки требовались тем, кто постоянно читал. Наиболее многочисленным «грамотным» сословием было духовенство. На этом сословии мы и сосредоточили основное внимание в нашей работе. Однако даже по разным группам духовенства качество имеющихся в нашем распоряжении источников сильно различается. Больше всего документов касается монашествующих, что связано с общностью монастырского имущества и необходимостью его фиксации в учетно-контрольных документах.

При поиске данных об очках мы в первую очередь сосредоточили внимание на крупных монастырях, накопивших значительные богатства и являвшихся важными книжными центрами. Один из таких монастырей – Соловецкий²⁴. Приходо-расходные книги фиксируют покупку дюжины очков в 1591 г.²⁵, двух дюжин – в 1609 г.²⁶; 7122-го

¹⁸ Башинин Н.В. Архиепископ Вологодский и Белозерский Симон: личность и карьера. Биография архиепископа // Средневековая личность в письменных и археологических источниках: Московская Русь, Российская Империя и их соседи: материалы науч. конф. М., 2016. С. 34.

¹⁹ Малинина Н.Н., Черкасова М.С. Торговые люди и православная церковь в XVII в. (по архиву вологодского гостя Г.М. Фетиева) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2016. Вып. 4 (16). С. 97.

²⁰ Ульяновский В.И. «Священство» и «царство» в начале Смуты: Московские Патриархи, российские монастыри, духовенство Востока. М.; СПб., 2021. С. 138.

²¹ Векслер А.Г., Осипов Д.О. Мастерская сапожника на улице Пречистенка в Москве // Российская археология. 1999. № 1. С. 142–151.

²² Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазея: усадьба заполярного города. Нефтеюганск; Екатеринбург, 2017. С. 255–256. Рис. 211: 2.

²³ Богоявленский С.К. Московский театр при царях Алексее и Петре. М., 1914. С. 47.

²⁴ Авторы сердечно благодарят О.В. Панченко, любезно поделившегося выписками из неизданных документов Соловецкой обители.

²⁵ Приходо-расходные книги Соловецкого монастыря 1571–1600 гг. / Сост. Е.Б. Французова. М.-СПб., 2013. С. 356.

²⁶ РГАДА. Ф. 1201 (Соловецкий монастырь). Оп. 1. Д. 217. Л. 143.

(1613/14) г. приобретена «коробка очков, в ней 2 дюжины стекол»²⁷; дюжина очков куплена летом 1640 г.²⁸, одни очки – в ноябре 1640 г.²⁹, дюжина – в 1645 г.³⁰ Крупные закупки очков видим в 1647 г.: «дюжина очков в кости, дано 15 алтын, да дюжина очков в меди, дано 18 алтын, да коробочку очков в коже, дано 5 алтын»³¹; «ноября в 9 день куплено в казну у слуги Ферапонта Иванова семнатцатеры очки в меди»³². Приобретались очки и в последующие годы. Так, в 1650 г. купили дюжину очков³³, в 1651 г. – полторы дюжины³⁴, в 1660 г. – дюжину³⁵. Судя по всему, наличие очков для соловецких монахов оставалось нормой и в конце XVII – начале XVIII столетия. В 1703 г. приобрели пять «коробков» очков и ещё десять штук в серебряной оправе³⁶. Так, в итоге, в «Описи Соловецкого монастыря и вотчин его», составленной в 1705 г. дяком Холмогорского архиерейского дома Карпом Андреевым, видим среди монастырского имущества значительное число различных очков: «двои очки в серебре и в серебряных влагиалищах, в том числе одне попорчены», «очки хрустальные в оправе стальной», «шесть коробок очков простых шестерных и осмерных в медной оправе»³⁷. Единожды отмечен факт продажи очков из монастырской казны одному из монашествующих – в ноябре 1640 г. очки продали старцу Иосифу³⁸.

В Кирилло-Белозерский монастырь в 1607 г. для нужд братии купили дюжину очков (вероятно, одну коробку) за 6 алтын³⁹. В 1610 г. – коробку за 5 алтын 2 денги⁴⁰. Через год – коробочку за 9 алтын⁴¹. В 1613 г. покупается уже две коробки за 10 алтын⁴². По всей видимости, размер партий постепенно возрастал. Далее следует большой перерыв, и только через 12 лет, в 1625 г., монастырю вновь требуется коробочка очков – 24 штуки за 9 алтын⁴³. Через четыре года, в 1629 г., покупают самую большую партию – уже 36 штук за 12 алтын⁴⁴.

²⁷ Там же. Д. 12. Л. 91.

²⁸ Там же. Д. 41. Л. 70 об.–72 об.

²⁹ Там же. Л. 30.

³⁰ Там же. Д. 242. Л. 40 об.

³¹ Там же. Д. 244. Л. 76–77.

³² Там же. Д. 247. Л. 85.

³³ Там же. Д. 51. Л. 150 об.

³⁴ Там же. Л. 191 об.

³⁵ Скопин В.В. Иконописцы на Соловках в XVI – середине XVIII в. // Древнерусское искусство. Художественные памятники русского Севера. М., 1989. С. 293.

³⁶ РГАДА. Ф. 1201 (Соловецкий монастырь). Оп. 1. Д. 728. Л. 147.

³⁷ ОРПГФ ГИМЗ «Московский Кремль». Кол. Соловецкой ризницы. Рук. 1404 (бывш. 1282). Л. 208.

³⁸ РГАДА. Ф. 1201 (Соловецкий монастырь). Оп. 1. Д. 41. Л. 30.

³⁹ Никольский Н.К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397–1625). Т. 1. Вып. 2: О средствах содержания монастыря. СПб., 1910. № XXXII. С. OCCLI.

⁴⁰ Приходные и расходные денежные книги Кирилло-Белозерского монастыря 1601–1637 гг. / Сост. З.В. Дмитриева. М.–СПб., 2010. С. 38.

⁴¹ Там же. С. 67.

⁴² Там же. С. 88.

⁴³ Там же. С. 246.

⁴⁴ Там же. С. 287.

В Воскресенском Ново-Иерусалимском монастыре, где находился упоминавшийся выше портрет патриарха Никона с клиром, на котором Никону поддают очки, изучаемый нами прибор, вероятнее всего, также широко использовали. Об этом свидетельствует составленная архимандритом Киприаном в 1726 г. роспись иеромонахов обители. В ней даны характеристики профессионализму, возрасту, моральному облику и здоровью ее насельников. К примеру, иеромонах Евстратий был «в священнослужении благопотребен, точию за старостию глазами худ, смотрит в очках». Всего в росписи упомянуты семь человек. Из них очки носили пятеро⁴⁵. Можно предположить, что благодаря портрету Никона для Воскресенского монастыря очки стали не только утилитарным прибором, но и частью культуры, вследствие чего на них было обращено внимание в документе. Характерно, что в это время в Синод подавались подобные характеристики из многих монастырей, но очки в качестве элемента такой характеристики упомянуты еще только в одном – Московском Знаменском. Здесь в числе четырех названных иеромонахов о Сергии сказано, что он «во очки смотрит и плохо видит», а об Иосифе – «скорбен руками, ногами и очима и поясницею, от работников бит и в очки смотрит»⁴⁶. К сожалению, о других обителях подобных данных не приведено, хотя вряд ли стоит сомневаться в том, что ситуация в Воскресенском и Знаменском монастырях не была уникальной.

Для 1665 г. зафиксирован случай покупки в Москве соборным иеромонахом Феодосием «хрустальных» очков, предназначавшихся для мастера книгопечатного дела Никифора Евдокимова, который перевозил в Воскресенский монастырь типографию Валдайского Иверского монастыря⁴⁷.

Наше представление о бытовании очков в монастырях может быть дополнено путём привлечения следов (отпечатков оправы) очков на листах рукописей⁴⁸. Ранее такие следы наблюдались в западноевропейских кодексах⁴⁹. Сейчас нам известно более десятка рукописей XVI в. из собрания Кирилло-Белозерского монастыря, на листах которых есть следы очков⁵⁰ (рис. 1: 5). Большинство этих рукописей – небольшого формата (4°, 8°). Как правило, это книги не богослужебные, а скорее предназначенные для келейного чтения. Следы очков распределяются по листам неравномерно и хаотично. Всего обычно можно наблюдать от одного до десяти отпечатков на рукопись. Этот следовой материал очевидно соответствует описанным выше закупкам очков в Кирилло-Белозерский монастырь в первые десятилетия XVII в.

⁴⁵ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего Синода. Т. 5. СПб., 1897. Прил. VI. Стб. LXVIII.

⁴⁶ Там же. Стб. LXIX.

⁴⁷ Буланин Д.М. Никифор Евдокимов // СККДР. Вып. 3. Ч. 2. СПб., 1993. С. 383–384.

⁴⁸ Белова А.Б. К вопросу о бытовании очков в Московской Руси // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXXIII Международной научной конференции. М., 2020. С. 73–74.

⁴⁹ Erwin M. Early Printed Book Contains Rare Evidence of Medieval Spectacles // Ransom Center Magazine. 2012, April 17 [Электронный ресурс]. URL: https://sites.utexas.edu/ransomcentermagazine/2012/04/17/medieval-spectacles_trashed/ (дата обращения: 02.10.2022).

⁵⁰ См., напр.: РНБ. Кир-Бел. № 58/63, 46/1123, 59/64, 63/68, 68/73, 62/67, 63/68, 41/1118, 68/73, 69/74, 97/102, 101/1178.

Единичные отпечатки очков были обнаружены на листах рукописей библиотеки Новгородского Софийского собора⁵¹, Троице-Сергиевой лавры⁵² (рис. 1: б) и Антониево-Сийского монастыря⁵³. Это может свидетельствовать о широком распространении очков в русских монастырях и существовании общей для монахов привычки хранить очки в рукописи или даже использовать их в качестве книжной закладки.

Еще одна группа духовенства, для изучения которой у нас есть значимое число источников – архиереи. Их имущество и расходы фиксировались в различных документах.

В описи Патриаршей ризницы 1631 г. мы находим «нагалище очковое (футляр для очков – *А.Б., С.Ш.*), с чернью, серебряное, Дионисия митрополита»⁵⁴. Очевидно, то же самое «нагалище» в описи 1720 г. охарактеризовано как «серебряное, резное, с чернью» и имеет надпись: «Зделано в лето 7089 [1580/81] году»⁵⁵. Дионисий Грамматик стал митрополитом 5 февраля 1581 г., и не исключено, что очки были подарком на его поставление. Таким образом, митрополит Дионисий, современник царя Ивана Грозного – самый ранний известный нам владелец очков в Московском государстве.

Если говорить о патриархах, то наиболее ранние сведения о наличии очков относятся к Филарету. Показания источника имеют ретроспективный характер. В описи 1642–1645 гг. упоминаются предметы из казны покойного патриарха. Среди них названы двое очков⁵⁶. Сведения об изготовлении очков для патриарха Иоасафа датированы 29 сентября 1640 г.⁵⁷ Больше всего данных имеем об очках патриарха Никона, имевшего комплект из шести приборов. Еще одни патриаршские очки хранились отдельно. Кроме того, собственные очки были у его келейника⁵⁸. Очки предшественников (Филарета Никитича и Никона) хранились в казне патриарха Иоакима⁵⁹, однако пользовался ли он ими лично, мы не знаем. Упоминаются очки и в описи имущества, составленной после смерти патриарха Адриана⁶⁰.

Очки, предположительно принадлежавшие патриарху Адриану, хранятся в Музеях Московского Кремля (№ Ф-2135). Их линзы сделаны из зеленого стекла, а оправа – из кости или рога (рис. 1: 1).

⁵¹ РНБ. Соф. 961, Соф. 1175.

⁵² РГБ. Ф. 304.1 (главн. собр. Троице-Сергиевой лавры). № 73.

⁵³ БАН. Ант.-Сийск. № 4.

⁵⁴ Описание патриаршей ризницы 1631 года / Подг. А.Е. Викторов. М., 1876. С. 17.

⁵⁵ Цит. по: Собрание памятников церковной старины в ознаменование трехсотлетия царствования Дома Романовых / Сост. А. Речменский, свящ. М., 1913. С. 65.

⁵⁶ Викторов А.Е. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. Вып. 1: 1584–1725 г. М., 1877. С. 198. В.И. Ульяновский предположил, что наиболее ранние очки из Патриаршей ризницы принадлежали патриарху Иову (Ульяновский В. И. «Священство» и «царство» в начале Смуты. С. 138). К сожалению, данную гипотезу нельзя считать доказанной, поскольку дорогие приборы могли использоваться длительное время.

⁵⁷ Устинова И.А. Делопроизводственные документы Патриарших приказов 1-й половины XVII века: Расходная книга 1640/41 года // Вестник церковной истории. 2013. № 1–2 (29–30). С. 43.

⁵⁸ Переписная книга домово́й казны патриарха Никона. С. 107, 110, 117.

⁵⁹ Викторов А.Е. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. Вып. 2: 1613–1725 г. М., 1883. С. 626.

⁶⁰ Там же. С. 634.

Четверо очков XVII в. из Московской Патриаршей ризницы хранятся в настоящее время в Оружейной палате⁶¹. Они традиционно приписывались патриарху Никону, но, как заметил С.Л. Соболев, без очевидных оснований. Двое очков имеют складное переносье. Складная оправа одних сделана из кости, других – из серебра. Ещё одни очки хранятся в Государственном историческом музее.

Линзы всех рассмотренных С.Л. Соболев очков – выпуклые и предназначены для дальновзорких людей. Количество их диоптрий – от 2,2 до 4,2. Двое очков, как и «очки патриарха Адриана», имеют линзы зеленоватого оттенка⁶². Стоит отметить, что в письменных источниках упоминаний очков с зелёными стёклами мы не встречаем.

Сведений об использовании очков архиереями более низких рангов заметно меньше, хотя таких владык было существенно больше. От XVII столетия сохранились известия об очках митрополита Сибирского и Тобольского Игнатия (Римского-Корсакова)⁶³, а также Симона, архиепископа Вологодского и Белозерского⁶⁴. И.А. Шляпкин утверждает, что в очках ходил свт. Димитрий Ростовский⁶⁵, хотя откуда взяты эти сведения, не указано. Вероятнее всего, источником для данного утверждения стало письмо владыки к Федору Поликарпову Орлову от 8 ноября 1708 г. В нем свт. Димитрий жаловался, что его глаза плохо видят, и очки мало помогают⁶⁶. Таким образом, данные относятся уже к XVIII в. Впрочем, не исключено, что в распоряжении И.А. Шляпкина имелись и более ранние материалы.

По нашему мнению, небольшое число данных об архиерейских очках связано с недостаточной изученностью соответствующих источников. Трудно представить, что для простых монахов и патриархов очки были делом обычным, а духовные лица, стоящие на ступенях церковной иерархии между ними, очков не имели. Материалы об очках, находившихся в распоряжении архиереев, сохранились от начала XVIII в. В описи имущества архиепископа Вологодского и Белозерского Павла от 11 октября 1725 г. значатся «двои очки с наочешниками медными резными»⁶⁷. 15 июня 1725 г. осматривалась присланная в Александровский монастырь ризница Новгородского архиерейского дома. Среди вещей отмечены «очки с очешником»⁶⁸. В описи имущества, оставшегося в 1721 г. после смерти смоленского митрополита Авраама, в спальней архиерейской келье переписали «очки в серебряной оправе»⁶⁹.

Данных об очках настоятелей монастырей вообще найти пока не удалось. Вероятно, это также объясняется состоянием источников. Уже к петровскому време-

⁶¹ Соболев С.Л. Оптические инструменты и сведения о них в допетровской Руси. С. 145.

⁶² Там же. С. 145–150.

⁶³ Никулин И.А. Преподобный Игнатий (Римский-Корсаков). С. 157.

⁶⁴ Башнин Н.В. Опись келейного имущества архиепископов Вологодских и Белозерских 1683 г. // Вестник церковной истории. 2016. № 1–2 (41–42). С. 27.

⁶⁵ Шляпкин И.А. Св. Димитрий Ростовский и его время (1651–1709). СПб., 1891. С. 355.

⁶⁶ Дневные записки святого чудотворца Димитрия митрополита Ростовского. 2-е изд. М., 1781. С. 102–103.

⁶⁷ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего Синода. Т. 5: 1725. Прил. XXI. Стб. DLXXXIII.

⁶⁸ Там же. Прил. X. Стб. CCCXL.

⁶⁹ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего Синода. Т. 1: 1542–1721. СПб. 1868. Прил. XXI. Стб. CXСIII.

ни относятся известия о наличии четырех пар очков у архимандрита Владимирского Рождественского монастыря Гедеона, имущество которого было конфисковано после того, как в 1721 г. он попал под следствие и был лишен сана⁷⁰.

Если же говорить о белом духовенстве, которое составляло абсолютное большинство людей духовного чина, а также являлось самой крупной социальной группой Московского государства, полностью владевшей грамотой и регулярно пользующейся книгами (и, соответственно, имеющей потребность в очках в силу профессиональной необходимости), то нами выявлен всего один случай владения данным прибором. Очки были подарены царем Михаилом Федоровичем его духовнику протопопу Никите, что отразилось в делопроизводстве⁷¹.

Приходные и расходные книги дворцовых приказов дают возможность составить представление о наличии очков у царской семьи и лиц из ее окружения. Наиболее ранняя запись, в которой речь однозначно идет о царских очках, относится к 28 ноября 1636 г.: «Принес от государя из хором стольник кн. Никита Иванович Адоевской двои очки во влогалищех в серебряных: на одном влогалище подписано: очки князь Олексея Васильевича Приимского-Ростовского. Да на стороне около клейма два льва, а на другой стороне инрог со змием деретца. У других очков, у влогалища, по сторонам резаны в травах птицы. И 145-го ж декабря в 1 день, одними очками государь пожаловал духовника своего, протопопу Никиту, а другие очки взял государь к себе в хоромы. Приказал записать Иван Михайлович Аничков»⁷². Трудно сказать, как попала к государю эта пара очков, одни из которых ранее принадлежали умершему в 1631 г. видному вельможе Алексею Васильевичу Приимкову-Ростовскому. В итоге одни очки государь оставил себе, а другие передал своему духовнику.

Следующая запись относится к 1 августа 1676 г. Боярин Б.М. Хитрово выдал «из хором очки большого стекла, оправлены золотом, а приказал в Серебряной полате сделать к тем очкам влогалище серебряное и позолотить местами. Дано делать мастеру Варфоломею Кузьмину»⁷³. Судя по всему, упомянутые в документе очки принадлежали умершему незадолго до того царю Алексею Михайловичу и предназначались для передачи кому-то из придворных (если не самому Б.М. Хитрово), поскольку пятнадцатилетний царь Федор Алексеевич вряд ли в них нуждался.

Петр Великий видел хорошо, однако он нашел очкам иное применение. Его очки (в металлической оправе с обвитой зеленым шелком дужкой) были очень прозрачными. Царь надевал их при работе за токарным станком для защиты глаз. Хранились они в деревянном футляре, который царь укладывал в красный суконный мешок и затягивал голубым шнурком⁷⁴. Царевич Алексей Петрович обзавелся очками в возрасте 24 лет во время поездки за границу (1714 г.). В приходе-расходной книге среди покупок, сделанных в Карлсбаде, читаем: «за очки полтора гульдена», «за футляр к очкам 13 крейцеров». Позднее, во время пребывания в Бамберге, видим еще одну

⁷⁰ Там же. Стб. 308.

⁷¹ Викторов А.Е. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. Вып. 1. С. 261.

⁷² Там же. С. 261.

⁷³ Викторов А.Е. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. Вып. 2. С. 518.

⁷⁴ Беляев О.П. Кабинет Петра Великого. Ч. 2. СПб., 1793. С. 58–59.

запись: «за очки гильден»⁷⁵. Предположим, что это имиджевая покупка, а не потребность улучшить зрение.

Встречаются также записи об очках, которые используются в качестве игрушки или забавы. В «Расходной книге денежной казне» Михаила Федоровича за 1614–1615 гг. видим запись о приобретении нескольких «куръезов», среди которых названы «очки хрустальные с одной сторону гранены, а з другую гладки, что, в них смотря, много кажетца»⁷⁶. Очевидно, что это не обычные очки, а именно игрушка в форме очков. Скорее всего, о них же идет речь в записи «верховому взносу» (т.е. о передаче государю) от 3 апреля 1615 г.: «к государю в хоромы отнес дьяк Шипов очки, что в них много видитца»⁷⁷. Вряд ли государю приходилось корректировать зрение в девятнадцатилетнем возрасте.

Вторая выявленная нами игровая покупка относится к 1 октября 1650 г.: «государыни царицы Марьи Ильичны сыну боярскому Ивану Волжинскому 10 коп. дано, а она те деньги купил пятеры очки; и те очки приняла боярыня княгиня Фетинья Сицкая, а сказала, что те очки на потеху царевне Евдокеи Алексеевне»⁷⁸. Евдокия стала первой девочкой в царской семье. На момент покупки ей исполнилось немногим больше семи месяцев. В это время дети с интересом хватают и рассматривают различные предметы. Очевидно, по распоряжению царицы купили пятеро самых простых очков и подвесили их в качестве своеобразной погремушки над колыбелькой девочки. Кто из жителей женского крыла дворца придумал такую игрушку, мы не знаем. Но появиться она могла только в обществе, для которого очки уже стали естественной частью повседневной жизни.

Данные о владении очками представителей других сословий имеют случайный характер. В 1676 г. в связи с арестом и заключении в Сыскном приказе в Москве вологодского купца Г.М. Фетиева появилась опись его имущества, где упомянуты «очки во влагалище»⁷⁹. В ноябре 1689 г. находившийся в ссылке стольник А.И. Безобразов написал своей жене письмо об изготовлении для него очков⁸⁰. Месяцем ранее в челобитной государям по поводу его отправки в Терки А.И. Безобразов сообщал о своем здоровье: «стал дряхл и глух и безпамятен, и в уме порушился и глазами худ да вижу»⁸¹. Позднее его архив конфисковали по делу Ф. Шакловитого. Так письмо А.И. Безобразова попало в руки исследователей.

Нижегородская книга поручных записей 1691/92 г. зафиксировала очки, принадлежавшие бывшему подъячему приказной палаты Якову Ординцову. Запись сделали в связи с избиением Ординцова двумя крестьянами. Нападавшие «сорвали крест се-

⁷⁵ Погодин М.П. Царевич Алексей Петрович, по свидетельствам вновь открытым // ЧОИДР. 1861. Кн. 3. С. 92, 96.

⁷⁶ Соболев С.Л. Оптические инструменты и сведения о них в допетровской Руси. С. 138.

⁷⁷ Забелин И.Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. Т. 2: Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст. М., 1901. С. 628.

⁷⁸ Забелин И.Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. Т. 1: Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. Ч. 2. М., 1915. С. 135.

⁷⁹ Московская деловая и бытовая письменность XVII века / Изд. подг. С.И. Котков, А.С. Орешников, И.С. Филиппова. М., 1968. С. 214.

⁸⁰ Архив стольника Андрея Ильича Безобразова. Ч. 1. С. 405–406.

⁸¹ Там же. С. 396.

ребряной, цена дватцать алтын, очки с нагалищем, цена пять алтын, чернилицу медную, цена восемь алтын, две денги, три рубли денег»⁸². О том, что очками пользовался Яков Алексеев, пятидесятник стрелецкого полка А.А. Чубарова, мы узнаем из следственного дела по стрелецкому восстанию 1698 г. Стрелец на допросе отпирался от знакомства с компрометирующим его письмом: «и того письма я не чел, потому что очков у меня не было»⁸³. Во всех случаях мы имеем дело с людьми, попавшими под следствие. Записи относятся к концу XVII столетия, но связано это, скорее всего, не с распространением очков, а с развитием делопроизводства.

Относящийся к 1630-м гг. фрагмент от футляра для очков нашли при раскопках в Мангазее (рис. 1: 2)⁸⁴. Место находки и характер вещевого материала исследованной археологами усадьбы заставляет предполагать, что очки с большой долей вероятности принадлежали кому-то из служилых людей. Предмет, похожий на кожаные очки, выявлен при раскопках в Москве на ул. Пречистенка, на усадьбе кожевника третьей четверти XVII в.⁸⁵ К сожалению, авторы данной статьи не смогли ознакомиться с находкой непосредственно. Опубликовавший сведения об этих «очках» Д.О. Осипов любезно сообщил нам в личном письме, что «“очки” выкроены из обрезка кожи толщиной не более 3–4 мм. Никаких следов креплений для стекол (или следов шва от крепления второго слоя) там не было. Думаю, что это не что иное, как имитация, вырезанная из кожи, по форме и размеру близкая к оригиналу. Использованная кожа никак не подходит в качестве материала для оправы. Можно лишь предположить, что изготовивший этот муляж человек вырезал из вторичного сырья заинтересовавший его предмет, несомненно, видимый им лично, поскольку форма изделия передана очень точно». Исходя из этих, не приведенных в первичной публикации, данных, можем предположить, что в мастерской кожевника обнаружен шаблон (лекало), по которому изготавливались кожаные оправы для линз.

Таким образом, в нашем распоряжении имеются данные о владении очками представителями самых разных сословий. Однако по социальным группам материалы распределены крайне неравномерно из-за особенностей исторических источников.

Торговля очками

Недостаток персональных сведений об использовавших очки людях в какой-то мере можно компенсировать, попытавшись определить масштабы торговли данным товаром. Поскольку сведений об изготовлении линз для очков в Московском государстве пока не зафиксировано, в первую очередь следует обратиться к импорту. В сочинении Рафаэля Барберини, итальянского аристократа, посетившего Московское государство в 1564 г., имеется «Записка о вещах, которые надобно послать в Москву».

⁸² Хачко А.Ю. Казанская коллекция нижегородских рукописей XVII века. Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2001. С. 130.

⁸³ Восстание московских стрельцов. 1698 год: (Материалы следственного дела) / Сост. А.Н. Казакевич. М., 1980. С. 244.

⁸⁴ Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазее: усадьба заполярного города. С. 255–256. Рис. 211: 2. Исследователи атрибутировали предмет как «деревянная створка литейной формы для отливки колец (?)».

⁸⁵ Векслер А.Г., Осипов Д.О. Мастерская сапожника на улице Пречистенка в Москве. С. 146. Исследователи посчитали данный предмет игрушкой.

Один из пунктов гласит: «хороших очков, в серебряной оправе»⁸⁶. Столкнулся ли он в Москве с фактом использования более простых очков и решил дополнить их престижным товаром, или же что-то заставило итальянца думать о том, что подобный товар окажется востребованным, мы не знаем. Как бы то ни было, уже три года спустя директора Московской торговой компании в письме из Лондона от 18 апреля 1567 г. извещали своих агентов в России: «мы должны понимать, <...> будем ли мы посылать еще очки и каких видов (what sortes)»⁸⁷. Это несомненное свидетельство начавшегося экспорта очков на территорию русских земель. Первый же реальный факт продажи очков зафиксирован в 1591 г., когда прибывший с Колы сумлянин Богдан Гуца продал партию очков монахам Соловецкого монастыря⁸⁸.

Более полные данные мы имеем уже от следующего столетия. Приезжавший в Москву в 1674 г. в составе шведского посольства И.Ф. Кильбургер привел в своем сочинении о России роспись немецких товаров, которые в 1671 г. были привезены морем в Архангельск. Кроме всего прочего, в ней отмечена «491 дюжина очков»⁸⁹. Цифра в 5 892 приборов даже сегодня выглядит впечатляющей. Впрочем, это не значит, что в Архангельск ежегодно поступало близкое число оптических изделий. Возможно, речь идет о крупной партии, которая на несколько лет закрыла потребность в массовом сегменте потребления. В начале XVIII столетия очки продолжали поступать через архангельскую таможню – «Список со счетных выписок архангелогородской таможни ярмарочного таможенного сбора» 1710 г. включает запись: «6-ры очки хрустальные в серебряных ободках в нагалищах хозовых черных, 9-ры очки хрустальные ободки серебряные нагалища черепаховые, 3 нагалища черепаховых очковых, 6 нагалищ на очки хозовых черных»⁹⁰. Соловецкие монахи, как было сказано выше, покупали очки в Архангельске в 1609, 1613/14, 1640, 1647, 1650, 1651 гг.

Из Архангельска (что прямо указывается в документах) очки вывозились небольшими партиями в другие города Русского Севера. Так, в сентябре – октябре 1676 г. в таможенной книге Великого Устюга фигурируют три партии очков от одной до трех дюжин каждая. В сентябре – ноябре 1679 г. видим четыре «явки» очков, объемом от одной до четырех коробок. В таможенной книге Соли Вычегодской 11 октября 1678 г. зафиксированы три с половиной дюжины очков, привезенные из Архангельска⁹¹. Эти данные заставляют думать, что на рынке Архангельска очки имелись всегда, даже если их привозили не в каждую навигацию.

⁸⁶ Сказания иностранцев о России, в XVI и XVII веках / Пер. В.И. Любавич-Романович. СПб., 1843. С. 51.

⁸⁷ Early Voyages and Travels to Russia and Persia by Anthony Jenkinson and Other Englishmen / Ed. by E.D. Morgan and C.H. Coote. Vol. 2. London, 1886. P. 210. §17.

⁸⁸ Приходо-расходные книги Соловецкого монастыря 1571–1600 гг. С. 356.

⁸⁹ Куриц Б.Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915. С. 125.

⁹⁰ Малышева И.А. «Досканы сахарные»: вопросы номинации в русском языке начала XVIII века // Академик А.А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие. Сборник статей к 150-летию со дня рождения ученого. СПб., 2015. С. 647.

⁹¹ Таможенные книги Московского государства XVII века. Т. 3: Северный речной путь: Устюг Великий, Сольвычегодск, Тотыма в 1675–1680 гг. / Под ред. А.И. Яковлева. Л., 1951. С. 64, 76, 77, 340, 353, 358, 359, 478. Благодарим Л.А. Тимошину, предоставившую нам эти материалы.

Какое-то число очков шло по каналам балтийской торговли. В 1611 г. карго-полец Тит Григорьев «явил» в Великом Новгороде две дюжины очков, а ивангородец Замятня Варламов – пять коробок очков⁹². В таможенных книгах Успенского Тихвинского монастыря зафиксированы в 1626 г. «4 очки с нагалищи», в 1664 г. – «8 коробочек очков»⁹³. Если предположить, что в коробочке хранилась дюжина очков, то в целом данная партия составляла 96 штук – цифра далекая от архангельских объемов, но все же значительная. Любопытно, что в таможенных книгах южнорусских и западнорусских городов, через которые шла торговля с Речью Посполитой и югом Европы, данных об импорте очков выявить не удалось.

В качестве распространенного товара очки присутствовали также и за Уралом. По крайней мере, в таможенных документах по Енисейску для них смогли определить среднюю стоимость. В ценовой росписи по Енисейску 1649 г. фигурирует запись: «дюжина очков и коробка тож – цена 40 алтын, очки простые цена гривна, <...> нагалище очковое цена 2 деньги»⁹⁴. В аналогичном документе 1687 г. указано, что дюжина очков стоит 12 алтын⁹⁵. Такую же цену, «дюжина очков 12 алтын», встречаем под 1624 г. в таможенной книге Томска⁹⁶. В конце XVII столетия ввозил в Сибирь (среди прочих товаров) «хрустальные» очки гость Гаврила Романович Никитин⁹⁷. Выше упоминался найденный в Мангазее футляр для очков – вещественное свидетельство бытования этого прибора на территории русской Сибири.

Через Москву очки вывозились в другие государства. Так, 30 мая 1684 г. армянский купец Якуб Григорьев отправился с казенными голландскими товарами из столичного приказа Большой казны в Персию. Среди прочего он вез четыре коробки очков⁹⁸. Через Москву армянские купцы возили очки в Астрахань⁹⁹ и, вероятно, дальше.

Очки могли выступать в качестве дипломатического подарка. Так, в 1663 г. из Томска отправлялось посольство «в Мугальскую землю к Алтынову сыну Лобжану-царевичю». В числе даров монгольскому правителю числилась дюжина очков¹⁰⁰. Возило с собой очки посольство подьячих Н.Д. Венюкова и И. Фаворова, ездившее в 1685–1687 гг. в Цинскую империю. Императору везли 6 очков «хрустальных»¹⁰¹.

Обращает на себя внимание тот факт, что очки зачастую продавались комплектами – дюжинами, коробками и т. д. Это вполне естественно, поскольку для разных людей

⁹² Таможенные книги Великого Новгорода 1610/11 и 1613/14 годов / Подг. В.А. Варенцов, Г.М. Коваленко. СПб., 1996. С. 116, 187.

⁹³ Цит. по: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 14 (Отрава – Персона). М., 1988. С. 103.

⁹⁴ Списки с товарных ценовых росписей и перечневая выписка по городу Енисейску XVII в. / Подг. А.Н. Зерцалов // ЧОИДР. 1900. Кн. 2. Отд. I. С. 84.

⁹⁵ Там же. С. 97, 128. В переизд.: *Городилова Л.М.* Список с заручной товарной ценовой росписи 1687 г. // *Palaeoslavica*. Vol. XVI, No 2. Cambridge (Massachusetts), 2008. P. 138.

⁹⁶ Таможенные книги сибирских городов XVII века. Вып. 2: Туринск. Кузнецк. Томск / Сост. З.В. Башкатова и др. Новосибирск, 1999. С. 93.

⁹⁷ *Бахрушин С.В.* Торги гостя Никитина в Сибири и Китае. С. 244.

⁹⁸ Армяно-русские отношения: Сб. документов. Т. 1: Армяно-русские отношения в XVII веке / Под ред. В.А. Парсамяна. Ереван, 1953. С. 171–172.

⁹⁹ Там же. С. 199–200, 231–232.

¹⁰⁰ Русско-монгольские отношения, 1654–1685: Сб. документов / Сост. Г.И. Слесарчук. М., 1996. С. 93, 101.

¹⁰¹ Русско-монгольские отношения, 1685–1691: Сб. документов / Сост. Г.И. Слесарчук. М., 2000. С. 56–57.

требовались очки с разными диоптриями, и дистанционно купить нужные очки было невозможно. С этой точки зрения монастыри были идеальным покупателем – приобретенная партия распределялась между монахами в зависимости от того, насколько у них упало зрение. Однако для других потребителей такой вариант не годился. Им требовались очки, которые бы подходили именно владельцу. Это подразумевало розничную продажу. Пока нам удалось выявить лишь одного такого торговца. В 1677 г. в описании столичной Мещанской слободы, где жили выходцы из восточных регионов Речи Посполитой, отмечен Трошка Антонов, который «торгует очками походя»¹⁰², т.е. вразнос.

Важным фактором для решения вопроса об уровне распространения очков в Московском государстве является их стоимость, т.е. доступность для широкого покупателя. Разумеется, цены отличались в зависимости от качества изделия и материалов. Линзы могли быть из обычного стекла или хрустальные. Оправу изготавливали из кожи, кости, меди, стали, серебра, золота. Одно это говорит о большом разбросе цен. Понятно, что стоимость роскошных аксессуаров, призванных подчеркнуть статус владельца, могла быть очень высокой. Для нас же важна стоимость обычных приборов. Имеющиеся сведения собраны в *Таблице 1*. Из нее видно, что в большей части случаев стоимость очков оказывается в весьма демократичном пределе от 1 до 5 копеек. До 35–36 копеек доходила цена «добрых» очков. Дороже стоила только игрушка для царского обихода.

Ремонт и изготовление очков

Проникновение какой-либо иноземной вещи в повседневную жизнь влечет за собой необходимость ее ремонта, а затем и самостоятельного изготовления. В Щукинском сборнике конца XVII – начала XVIII в. приведены рекомендации по уходу за очками: «Очи наемныя затускнут, березовая губа сожечь в пепел, да в платок положить. Да терти и зеркала тем пеплом»¹⁰³.

Наиболее ранние данные об изготовлении очков относятся к 1640 г., когда серебряник Василий Иванов делал очки для патриарха. К сожалению, перечень нужных для работы материалов говорит лишь об изготовлении оправы. Откуда мастер взял линзы, из документа не понятно¹⁰⁴. В 1689 г. стольник А.И. Безобразов писал своей жене об изготовлении очков. Но речь опять же идет об оправе. Стекла к очкам предстояло подбирать среди уже готовых линз¹⁰⁵. Выше уже говорилось о находке на территории мастерской кожевника предмета, который можно предположительно определить как шаблон (лекало) для изготовления кожаных очков. Таким образом, мы видим, что уже в XVII столетии очки в России изготавливались. Однако вопрос о производстве линз для таких изделий остается открытым.

Лишь применительно к петровскому времени появляются данные о том, что Россия может обойтись без ввоза очков. И.Т. Посошков в своем знаменитом сочи-

¹⁰² Материалы для истории московского купечества. Т. 1. Прил. 2: [Переписные книги Мещанской слободы 1676 и 1684 гг.]. М., 1886. С. 36–37.

¹⁰³ Гренберг Ю.И. Свод письменных источников по технике древнерусской живописи, книжного дела и художественного ремесла в списках XV–XIX вв. Т. 1. Кн. 1. СПб., 1998. С. 366.

¹⁰⁴ Устинова И.А. Делопроизводственные документы Патриарших приказов 1-й половины XVII века: Расходная книга 1640/41 года. С. 43.

¹⁰⁵ Архив стольника Андрея Ильича Безобразова. Ч. 1. С. 405–406.

нении о богатстве государства писал: «А кои у нас в Руси обретаются вещи, яко же соль, железо, иглы, стеклянная посуда, зеркала, очки, оконечные стекла, шляпы, скипидар, ребячьи игрушки, вохра, черлень, празелень пулемет, то всем тем надобно управляться нам своим, а у иноземцев отнюдь бы никаких тех вещей и на полцены не покупать»¹⁰⁶. Впрочем, известие И.Т. Посошкова о производстве очков в России нуждается в проверке. Б.Б. Кафенгауз писал о торговле «очками русскими» (размер партий доходит до 40 дюжин – 480 штук) в первой половине XVIII в.¹⁰⁷, что может служить подтверждением указанию И.Т. Посошкова.

Очки в пространстве культуры

В заключение остановимся на том, как образ очков постепенно проникал в русскую культуру. Мы уже неоднократно вспоминали очки с портрета патриарха Никона. Но этим присутствие очков в пространстве культуры не ограничивается. Сюжет, завязанный на очках, мы видим в переводной фации «О повельвшем двовидныя очки купити» (1679/80 г.). В ней купец выполнял заказ мошенника, который хотел купить очки, позволяющие различать добрых и злых людей. Раскусивший мошенника торговец купил ему обычные очки и особые, которые показывали бы отражение смотрящего. Первые он сдал заказчику как позволяющие видеть добрых людей, а вторые – в качестве прибора, показывающего злого человека¹⁰⁸.

Слово «околяры» (окуляры), вместе с изображением очков, попало в рукописный букварь Кариона Истомина 1691 г. как иллюстрация к букве «О»¹⁰⁹, а в 1694 г. из печати вышел гравированный вариант букваря¹¹⁰ (рис. 1: 3). Таким образом, уже на исходе XVII столетия очки относили к предметам, о которых должны иметь представление дети.

Упоминания очков вошли и в иностранные словари русского языка, составленные в допетровскую эпоху. В словаре Ричарда Джемса (1618/19), составленном по результатам пребывания автора в северных городах Холмогорах и Архангельске, зафиксировано слово «оцьки» (oateski)¹¹¹. Тонни Фенне (1607) приводит такую просьбу псковича, обращенную к собеседнику: «Наложи глазки (glaski) на нос да гледи фф глазки, без глазкофф тебе не видеть»¹¹².

Наконец, образ очков вошел в стихотворную редакцию популярного «Сказания о куре и лисице», известную по спискам первой четверти XVIII в., однако же, впол-

¹⁰⁶ Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения / Ред. Б.Б. Кафенгауз. М., 1951. С. 127.

¹⁰⁷ Кафенгауз Б.Б. Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII века: (По материалам внутренних таможен). М., 1958. С. 124, 175.

¹⁰⁸ Державина О.А. Фации. Переводная новелла в русской литературе XVII века. М., 1962. С. 126. Переизд.: Фации / Подг. и коммент. С.И. Николаев // БЛДР. Т. 16: XVII век. СПб., 2010. С. 210–211.

¹⁰⁹ См.: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 12 (О – Опарный). М., 1987. С. 352.

¹¹⁰ Карион Истомин. Букварь. М., 1694.

¹¹¹ Ларин Б.А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.). Л., 1959. С. 93.

¹¹² Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian (Pskov, 1607) / Ed. L. L. Hammerich, R. Jakobson, E. van Schooneveld, T. Starck and Ad. Stender-Petersen. Vol. 1. Facsimile Copy. Copenhagen, 1961. P. 231. Комментар.: Хорошкевич А.Л. Быт и культура русского города по словарю Тонни Фенне 1607 г. // Новое о прошлом нашей страны. Памяти акад. М.Н. Тихомирова. М., 1967. С. 212.

Таблица 1.

Место использования, время покупки	Описание товара и цена	Стоимость одних очков
1591, Соловецкий монастырь	дюжина «хрустальных» очков за 13 алтын 2 денги	3,3 коп.
1607, Кирилло-Белозерский монастырь	12 штук за 6 алтын	1,5 коп.
1609, Соловецкий монастырь	две дюжины очков за 8 алтын	1 коп.
1613/14, Соловецкий монастырь (Вологодская служба)	коробка очков, «в ней 2 дюжины стекол» за 6 алтын	1,5 коп.
1615, Москва	хрустальные граненые очки для царя (игрушка?), 16 алтын 4 денги	50 коп.
1624, Томск	дюжина очков за 12 алтын	3 коп.
1625, Кирилло-Белозерский монастырь	24 штуки за 9 алтын	1,1 коп.
1629, Кирилло-Белозерский монастырь	36 штук за 12 алтын	1 коп.
1640, Москва	расходные материалы (кроме линз) для изготовления серебряных келейных очков патриарха, 5 алтын	более 15 коп.
1640, Соловецкий монастырь	дюжина очков «немецких добрых» за 4 рубля 6 алтын 4 денги	35 коп.
1640, Соловецкий монастырь	дюжина очков простых за 40 алтын	10 коп.
1640, Соловецкий монастырь	проданы старцу Иосифу очки в кости з а 12 алтын	36 коп.
1645, Соловецкий монастырь	очков в стали дюжина за 26 алтын 4 денги	6,7 коп.
1647, Соловецкий монастырь	дюжина очков в кости за 15 алтын	3,8 коп.
1647, Соловецкий монастырь	дюжина очков в меди за 18 алтын	4,5 коп.
1647, Соловецкий монастырь	коробочка (дюжина?) очков в коже за 5 алтын	1,3 коп.?
1647, Соловецкий монастырь	куплено в казну у слуги Ферапонта Иванова «семнатцатеры очки в меди», по 2 алтына по 2 денги	7 коп.
1649, Енисейск	таможенная ценовая роспись, дюжина очков «и коробка тож» за 40 алтын	10 коп.
1650, Москва	покупка очков для игр царевны Евдокии, 5 штук за 10 копеек	2 коп.
1650, Соловецкий монастырь	дюжина очков за 20 алтын	5 коп.
1651, Соловецкий монастырь	полторы дюжины очков за 31 алтын 5 денег	5,3 коп.
1678, Москва	перечень вещей, которые пропали у шляхтича Яна Паска: очки хрустальные, цена алтын	3 коп.
1687, Енисейск	таможенная ценовая роспись, дюжина очков за 12 алтын	3 коп.

Рис. 2. Миниатюра «Иоанн Дамаскин, очиняющий перо» с изображением очков (Ирмологий, 2-я пол. XVII в., РГБ. Ф. 152. № 75. Л. 20 об.)

не возможно, появившуюся где-то на рубеже семнадцатого и «осьмнадцатого» столетий¹¹³. Лиса в этом произведении носила очки, очевидно, выдавая себя за представителя образованного духовенства¹¹⁴. При этом плутовка использовала прибор для самых обычных утилитарных целей: «И ходила я по лесу, збирала сморчки, да и то насилу видела и в очки»¹¹⁵.

Помимо упомянутого «Букваря» Кариона Истомина, изображение очков встречаем в рукописном Ирмологии, вложенном в 1660 г. в Успенский Ирдынский (Виноградский) монастырь, а именно на миниатюре с Иоанном Дамаскиным, очиняющим перо¹¹⁶ (рис. 2). По мнению авторов описания кодекса, это «вольная перерисовка гравюры из Львовского Октоиха 1630 года»¹¹⁷. Миниатюра действительно очень похожа на львовскую гравюру. Однако очков на гравюре нет¹¹⁸. Это позволяет предполагать, что очки были достаточно распространены в окружении миниатюриста для того, чтобы он пририсовал их к скопированному из Октоиха изображению.

Как видим, в Московском государстве очки были самой обычной вещью, вошедшей в обиход представителей разных слоев общества. К сожалению, мы практически не видим

их в археологических коллекциях. Обе выявленные нами в публикациях археологические находки исследователи не смогли точно атрибутировать. Возьмем на себя смелость предположить, что встречались и другие подобные предметы, но на них просто не обращали внимания, поскольку не ожидали их появления в культурном слое соответствующего периода. Кроме того, в разрушенном виде очки неприметны. Их линзы должны выделяться среди небольших фрагментов битого стекла округлым краем и разной толщиной, зависящей от диоптрий очков. Фрагменты оправы могут быть опознаны по месту крепления стекол. Хотя по письменным источникам очки в

¹¹³ Адрианова-Перетц В.П. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века. М.-Л., 1937. С. 165–166, 175, 180.

¹¹⁴ Кузнецова О.А. «Сказание о куле и лисице» и московская виршевая традиция XVII в. // Текстология и историко-литературный процесс. Вып. 5. М., 2017. С. 39.

¹¹⁵ Русская демократическая сатира XVII века / Подг. В.П. Адрианова-Перетц. М.-Л., 1954. С. 103.

¹¹⁶ РГБ. Ф. 152 (собр. И.Я. Лукашевича и Н.А. Маркевича). № 75. Л. 20 об.

¹¹⁷ Собрание И.Я. Лукашевича и Н.А. Маркевича: описание / Сост. Я.Н. Щапов; под ред. И.М. Кудрявцева. М., 1959. С. 64.

¹¹⁸ Благодарим за информацию о львовской гравюре Ю.Э. Шустову.

Московском государстве можно проследить в глубь прошлого лишь до конца XVI в., скорее всего, они добрались на восток Европы в более раннюю эпоху. Подтвердить это предположение может лишь археология.

Список литературы

- Адрианова-Перетц В.П.* Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1937. 261 с.
- Армяно-русские отношения: Сб. документов. Т. 1: Армяно-русские отношения в XVII веке / Под ред. В.А. Парсамяна. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1953. 288 с., 6 л. факс.
- Архив стольника Андрея Ильича Безобразова. Ч. 1 / Сост. Л.Ф. Кузьмина, И.С. Филиппова. М.: Памятники исторической мысли, 2012. 899 с.
- Бакланова Н.А.* Привозные товары в Московском государстве во второй половине XVII века // Очерки по истории торговли и промышленности в России в 17 и в начале 18 столетия М.: Б/и., 1928. (Труды ГИМ. Вып. 4). С. 5–118.
- Бахрушин С.В.* Торги гостя Никитина в Сибири и Китае // Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3: Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. Ч. 1: Вопросы русской колонизации Сибири в XVI–XVII вв. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. С. 226–251.
- Бахрушин С.В.* Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма. (Научное наследие). М.: Наука, 1987. 221 с.
- Башнин Н.В.* Архиепископ Вологодский и Белозерский Симон: личность и карьера. Биография архиепископа // Средневековая личность в письменных и археологических источниках: Московская Русь, Российская Империя и их соседи: материалы науч. конф. М.: РАН ИА РАН, ИРИ РАН, 2016. С. 34–39.
- Башнин Н.В.* Опись келейного имущества архиепископов Вологодских и Белозерских 1683 г. // Вестник церковной истории. 2016. № 1–2 (41–42). С. 5–29.
- Белова А.Б.* К вопросу о бытовании очков в Московской Руси // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXXIII Международной научной конференции. М.: Ин-т Всеобщей истории РАН, 2020. С. 72–74.
- Беляев О.П.* Кабинет Петра Великого. Ч. 2. СПб.: Императорская Академия наук, 1793. [2], 154, [4] с.
- Богоявленский С.К.* Московский театр при царях Алексее и Петре. М.: Общ-во истории и древностей при Моск. ун-те, 1914. XXII, 192 с.
- Буланин Д.М.* Никифор Евдокимов // СККДР. Вып. 3. Ч. 2. СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. С. 383–384.
- Векслер А.Г., Осипов Д.О.* Мастерская сапожника на улице Пречистенка в Москве // Российская археология. 1999. № 1. С. 142–151.
- Визгалов Г.П., Пархимович С.Г.* Мангазея: усадьба заполярного города. Нефтеюганск; Екатеринбург: Издательская группа «Караван», 2017. 360 с.
- Викторов А.Е.* Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. Вып. 1: 1584–1725 г. М.: Типо-лит. С.П. Архипова, 1877. 376 с.
- Викторов А.Е.* Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. Вып. 2: 1613–1725 г. М.: Тип. М.П. Щепкина, 1883. С. 377–660.
- Восстание московских стрельцов. 1698 год: (Материалы следственного дела) / Сост. А.Н. Казакевич. М.: Наука, 1980. 326 с.
- Городилова Л.М.* Список с заручной товарной ценовой росписи 1687 г. // *Palaeoslavica*. Vol. XVI, No 2. Cambridge (Massachusetts): *Palaeoslavica*, 2008. P. 129–154.

- Гренберг Ю.И. Свод письменных источников по технике древнерусской живописи, книжного дела и художественного ремесла в списках XV–XIX вв. Т. 1. Кн. 1. СПб.: Пушкинский фонд, 1998. 448 с.
- Державина О.А. Фацеции. Переводная новелла в русской литературе XVII века. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. 192 с.
- Дневные записки святого чудотворца Димитрия митрополита Ростовского. 2-е изд. М.: Университетская тип., 1781. 112 с.
- Довнар-Запольский М.В. Торговля и промышленность Москвы XVI–XVII вв. М.: Тип. Рус. т-ва, 1910. 95 с.
- Древности Российского государства, изданные по высочайшему повелению. Отд. 1: Св. иконы, кресты, утварь храмовая и облачение сана духовного. М.: Тип. А. Семена, 1849. VIII, IV, XLIII, 172 с.
- Дубровский А.М. Предисловие // Бахрушин С.В. Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма: (Научное наследие). М.: Наука, 1987. С. 3–14.
- Забелин И.Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. 3-е изд., с доп. Т. 1: Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. Ч. 1. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1895. XXIV, 759 с., 6 л. пл.; Ч. 2. М.: Синод. тип., 1915. XXIV, 900 с., [3] л. портр., пл. Т. 2: Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1901. VIII, 788 с.
- Карион Истомина. Букварь. М.: Печ. двор, 1694. 42 л.
- Кафенгауз Б.Б. Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII века: (По материалам внутренних таможен). М.: Изд-во Академии наук, 1958. 355 с., 2 л. карт.
- Кузнецова О.А. «Сказание о куле и лисице» и московская виршевая традиция XVII в. // Текстология и историко-литературный процесс. Вып. 5. М.: Буки Веди, 2017. С. 37–47.
- Куриц Б.Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев: Тип. И.И. Чоколова, 1915. [4], VIII, 607 с., 1 л. табл.
- Лагутина Е. Родословная очков // Здоровье. 1976. № 4 (256). С. 25–26.
- Ларин Б.А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1959. 423 с.
- Малинина Н.Н., Черкасова М.С. Торговые люди и православная церковь в XVII в. (по архиву вологодского гостя Г.М. Фетиева) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2016. Вып. 4 (16). С. 84–152.
- Малышева И.А. «Досканы сахарные»: вопросы номинации в русском языке начала XVIII века // Академик А.А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие. Сборник статей к 150-летию со дня рождения ученого. СПб.: Нестор-история, 2015. С. 642–654.
- Материалы для истории московского купечества. Т. 1. Прил. 2: [Переписные книги Мещанской слободы 1676 и 1684 гг.]. М.: Типо-лит. И.Н. Кушнерев и Ко, 1886. [6], 124 с.
- Михайлова Н.М. Евфимий Чудовский и датировка парсуны «Патриарх Никон с клиром» // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология. 1993. М.: Наука, 1994. С. 148–151.
- Московская деловая и бытовая письменность XVII века / Изд. подг. С.И. Котков, А.С. Орешников, И.С. Филиппова. М.: Наука, 1968. 338 с.
- Никольский Н.К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397–1625). Т. 1. Вып. 2: О средствах содержания монастыря. СПб.: Синодальная тип., 1910. 267, OCCCXX, VI с.
- Никулин И.А. Преосвященный Игнатий (Римский-Корсаков), митрополит Сибирский и Тобольский. Екатеринбург: Екатеринбургская духовная семинария, 2015. 314 с.
- Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). Ч. 2: Документы таможенного управления. М.: Университетская тип., 1898. 162 с.

- Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего Синода. Т. 1: 1542–1721. СПб.: Синод. тип., 1868. 103 с., 1252 стб.; Т. 5: 1725. СПб.: Синод. тип., 1897. 94 с., 1256 стб.
- Опись патриаршей ризницы 1631 года / Подг. А.Е. Виктор. М.: Общ-во древнерусского искусства, 1876. 123 с.
- Переписная книга домово́й казны патриарха Никона, составленная в 7166 году по повелению царя Алексея Михайловича / Сообщ. И.Д. Беляев // *Временник Московского Общества истории и древностей российских*. Кн. 15. М.: Университетская тип., 1852. С. 1–136.
- Погодин М.П.* Царевич Алексей Петрович, по свидетельствам вновь открытым // *ЧОИДР*. 1861. Кн. 3. Отд. II. С. 1–374.
- Посошков И.Т.* Книга о скудости и богатстве и другие сочинения / Ред. Б.Б. Кафенгауз. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1951. 410 с., 2 л. ил.
- Приходные и расходные денежные книги Кирилло-Белозерского монастыря 1601–1637 гг. / Сост. З.В. Дмитриева. М.-СПб.: Альянс-Архео, 2010. 756 с.
- Приходо-расходные книги Соловецкого монастыря 1571–1600 гг. / Сост. Е.Б. Французова. М.-СПб.: Альянс-Архео, 2013. 683 с.
- Русская демократическая сатира XVII века / Подг. В.П. Адрианова-Перетц. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. 292 с., [8] л. ил.
- Русско-монгольские отношения, 1654–1685: Сб. документов / Сост. Г.И. Слесарчук. М.: Изд. фирма «Вост. лит.», 1996. 559 с.
- Русско-монгольские отношения, 1685–1691: Сб. документов / Сост. Г.И. Слесарчук. М.: Изд. фирма «Вост. лит.», 2000. 487 с.
- Савва, архим.* Указатель для обозрения Московской Патриаршей ризницы и библиотеки. М.: Тип. Э. Лисснер и Ю. Роман, 1883. 87 с., 15 л. ил.
- Сказания иностранцев о России, в XVI и XVII веках / Пер. В.И. Любич-Романович. СПб.: Тип. Штаба военно-учеб. заведений, 1843. 101 с.
- Скопин В.В.* Иконописцы на Соловках в XVI – середине XVIII в. // *Древнерусское искусство. Художественные памятники русского Севера*. М.: Наука, 1989. С. 285–309.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 12 (О – Опарный). М.: Наука, 1987. 384 с.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 14 (Отрава – Персона). М.: Наука, 1988. 311 с.
- Снегирев И.М.* Памятники древнего художества в России: собрание рисунков с церковных и домашних утварей, св. крестов, предметов иконописи, иконостасов; детальные изображения отдельных частей зданий; украшения, образцы мебели и других принадлежностей старинного русского быта. М.: Изд. А.А. Мартынова, 1850–1854. 54 с., 32 л. ил.
- Соболь С.Л.* Оптические инструменты и сведения о них в допетровской Руси // *Труды Института истории естествознания АН СССР*. Т. 3. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. С. 136–172.
- Соболь С.Л.* Очки в России в XVII веке // *Проблемы физиологической оптики*. Т. 7. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. С. 111–128.
- Собрание И.Я. Лукашевича и Н.А. Маркевича: описание / Сост. Я.Н. Щапов; под ред. И.М. Кудрявцева. М.: б.и., 1959. 144 с.
- Собрание памятников церковной старины в ознаменование трехсотлетия царствования Дома Романовых / Сост. А. Речменский, свящ. М.: Церковная юбилейная комиссия, 1913. [2], 80, [2] с., [22] л. ил., цв. ил., портр.
- Списки с товарных ценовых росписей и перечневая выписка по городу Енисейску XVII в. / Подг. А.Н. Зерцалов // *ЧОИДР*. 1900. Кн. 2. Отд. I. С. 63–130.
- Таможенные книги Великого Новгорода 1610/11 и 1613/14 годов / Подг. В.А. Варенцов, Г.М. Коваленко. СПб.: ПиК, 1996. 285, [2] с.

- Таможенные книги Московского государства XVII века. Т. 3: Северный речной путь: Устюг Великий, Сольвычегодск, Тотьма в 1675–1680 гг. / Под ред. А.И. Яковлева. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1951. 886, [4] с.
- Таможенные книги сибирских городов XVII века. Вып. 2: Туринск. Кузнецк. Томск / Сост. З.В. Башкатова и др. Новосибирск: РИПЭЛ плюс, 1999. 123 [1] с.
- Ульяновский В.И. «Священство» и «царство» в начале Смуты: Московские Патриархи, российские монастыри, духовенство Востока. М.; СПб.: Нестор-история, 2021. 807 с.
- Устинова И.А. Делопроизводственные документы Патриарших приказов 1-й половины XVII века: Расходная книга 1640/41 года // Вестник церковной истории. 2013. № 1–2 (29–30). С. 5–97.
- Фацеции / Подг. и коммент. С.И. Николаев // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 16: XVII век. СПб.: Наука, 2010. С. 196–242.
- Хачко А.Ю. Казанская коллекция нижегородских рукописей XVII века. Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2001. 224 с.
- Хорошкевич А.Л. Быт и культура русского города по словарю Тонни Фенне 1607 г. // Новое о прошлом нашей страны. Памяти акад. М.Н. Тихомирова. М.: Наука, 1967. С. 200–217.
- Шляпкин И.А. Св. Димитрий Ростовский и его время (1651–1709). СПб.: Тип. и хромолит. А. Траншель, 1891. 581 с.
- Early Voyages and Travels to Russia and Persia by Anthony Jenkinson and Other Englishmen / Ed. by E.D. Morgan and C.H. Coote. Vol. 2. London: Hakluyt Society, 1886. 496 p.
- Erwin M. Early Printed Book Contains Rare Evidence of Medieval Spectacles // Ransom Center Magazine. 2012, April 17 [Электронный ресурс]. URL: https://sites.utexas.edu/ransomcentermagazine/2012/04/17/medieval-spectacles__trashed/ (дата обращения: 02.10.2022).
- Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian (Pskov, 1607) / Ed. L.L. Hammerich, R. Jakobson, E. van Schooneveld, T. Starck and Ad. Stender-Petersen. Vol. 1. Facsimile Copy. Copenhagen: Royal Danish Academy of Sciences and Letters, 1961. 31 p., 251 facs. p.

A.B. Belova, S.M. Shamin

GLASSES IN THE MOSCOW STATE OF THE 16–17 CENTURIES

Abstract: The article is devoted to the history of the existence of glasses in Russia of the 16–17 centuries. It is established that glasses have been widely used since the end of the 16 century. Until the reign of Peter I, they remained the subject of import, however, due to the low cost, they were available to all segments of society. Glasses are found in all regions of the country. In some cases, they were re-exported or sent as gifts to the countries of the East. The use of spectacles in 16th–17th century Russia can be judged from a wide range of sources: documents and letters, book miniatures, museum objects and prints of spectacles on sheets of manuscripts. Since the second half of the 17 century, references to glasses have been found in literary texts.

Keywords: glasses, history of optics, history of everyday life.

«ТУРЕЦКАЯ» КУРИТЕЛЬНАЯ ТРУБКА XIX ВЕКА С СЮРПРИЗОМ

Аннотация: Порой, случайно или умышленно, творцы художественных произведений оставляют в своих работах некие загадки, которые предстоит разгадывать будущим поколениям. Так произошло и с сероглиняной курительной трубкой «турецкого» типа, случайно найденной в 1990-х гг. на территории частного владения в Крыму. Автор изготовил ее в виде скульптурного портрета военачальника XIX в., оставив маленькую интригу в его необычном образе. Исследователям из России и Турции удалось выяснить, кого изобразил мастер-трубочник. По их мнению, это – полководец русско-турецкой войны 1877–1878 гг., герой Плевны, османский маршал Гази Осман-паша.

Ключевые слова: «турецкая» курительная трубка, русско-турецкая война 1877–1878 гг., Гази Осман-паша.

В частной коллекции одного из крымских антикваров хранится необычный экземпляр глиняной курительной трубки, которая, по его словам, является случайной находкой, сделанной местным жителем при возделывании своего приусадебного участка на территории Юго-Восточного Крыма. Трубка довольно крупная, изготовлена из пластичной глины без видимых примесей, получившей при обжиге неравномерный серо-коричневый цвет, способом формовки и ручной лепки с легким лощением поверхностей. Она относится к трехчастным трубкам так называемого «восточного» или «турецкого» типа и представляет собой довольно редкий экземпляр данного изделия мелкой художественной пластики.

Чашечка трубки – высокая, рельефная (скульптурная), антропоморфная, выполнена в виде погрудного изображения мужской фигуры в парадном военном мундире европейского образца XIX века (однобортный, с воротником-стойкой, украшенным вышивкой, и эполетами на плечах). На левой стороне груди – награда (орден). Черты лица хорошо проработаны, восточного типа (большие миндалевидные глаза, широкие, длинные, дуговидно изогнутые, сходящиеся у переносицы брови, довольно узкий, прямой, с горбинкой, слегка расширяющийся книзу нос) и имеют, по-видимому, портретное сходство с изображенным человеком, который носил короткую, густую бороду и пышные усы. На голове показана нижняя часть восточного головного убора в виде скрученной в валик длинной ткани, которая наматывалась на шапку-основу. Верхняя часть головного убора отсутствует (рис. 1).

Дно чашечки трубки – выпуклое, имеет форму уплощенной полусферы. Втулка – короткая, узкая, конусовидная, с широким, высоким, полуовальным в сечении валиком на конце. Дно чашечки и втулка – без декора, со следами заглаживания и лощения. Общие размеры трубки – 7,5 × 9,0 см, высота рельефной части чашечки (без

Рис. 1. Курительная трубка. Глина, кон. XIX в. (частная коллекция)

дна) – 6,0 см, диаметр венчика чашечки – 3,2 см, диаметр дна – 6,0 см, длина втулки – 3,0 см, диаметр втулки мин. – 1,7 см, макс. (с валиком) – 2,5 см, диаметр отверстия втулки макс. – 1,2 см¹.

Необычность данного глиняного изделия, на наш взгляд, заключается в том, что мастер-трубочник, создавая свое произведение, поставил перед собой весьма непростую задачу – изобразить очень известного человека высокого военного чина османской армии (судя по головному убору и эполетам с бахромой² на плечах мундира), для чего ему пришлось прибегнуть в своем творчестве к некоторым нестандартным решениям. Одна из основных сложностей заключалась в том, что изображение военного обмундирования не позволяло автору отразить принадлежность его героя к армии Османской Порты. Связано это было с тем, что военная форма европейского образца в XIX в. существовала в армиях многих государств, в том числе в Российской и Османской империях.

Как известно, русская армия перешла на европейское военное обмундирование, основным элементом которого был мундир, еще при Петре I в XVII веке. Официально европейский крой военного мундира был введен российским самодержцем в начале

¹ Морфологию османской трубки с названием ее составных частей см., например: *Robinson R.* Clay tobacco pipes from the Kerameikos // *Sonderdruck aus den Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts Athenische Abteilung*, BAND 98, 1983. P. 265, abb. 1; *Robinson R.* Tobacco pipes of Corinth and of the Athenian Agora // *Hesperia*. Vol. 54, no. 2. April – June 1985. American school of classical studies at Athens, 1985. P. 153–155, Fig. 1; *Khalil Walid Ali, Gusach I.R.* The Collection of Ottoman Tobacco Pipes from Azov Museum-Reserve in Russia // *Journal of the General Union of Arab Archaeologists (JGUAA)*. Vol. 3, Issue 3. Cairo, 2018. P. 232, 238–239, Pic. 2, 9; *Гусач И.Р.* Курительные трубки из раскопок османской крепости Азак // *Курительные трубки из раскопок османской крепости Азак* (по материалам фонда археологии Азовского музея-заповедника): каталог коллекции. Азов, 2016. С. 33–36.

² В османской армии XIX в., впрочем, так же, как и в российской, эполеты с бахромой по уставу положено было носить только высшим военным чинам (офицерам и генералам) на парадной форме (*Boynukalın H.* Osmanlı Askeri Teşkilâtı Üniformalarının Tezyînatı ve Mâliyeti Üzerine Bir İnceleme // *Arış, Haziran-Sayı: 16, 2020. S. 65; Шенелёв Л.Е.* Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. Л., 1991. С. 51).

1700-х гг. и просуществовал практически в неизменном виде вплоть до конца XIX в. Однако, каждый раз с воцарением нового императора в России, по его приказу фасон мундира несколько модернизировался (видоизменялся воротник, карманы, появлялись знаки отличия, менялось количество бортов, пуговиц и т. д.). Воротник-стойка появился в российской армии в 1802 г. Сначала (до 1810 г.) он был высоким (12 см), открытого типа спереди, но с 1812 г. стал ниже, с прямоугольными краями и наглухо застегивался «кольцом» на шее. В 1872 г. произошел переход от двубортных (с двумя рядами пуговиц) к однобортным (с одним рядом пуговиц) мундирам, которые в 1881–1882 гг. вовсе утратили пуговицы и застегивались отныне на крючки³.

У османов процесс европеизации военной формы начался с военных реформ 1826–1839 гг. султана Махмуда II, издавшего в мае 1826 г. указ о реформировании регулярного войска при помощи иностранных офицеров, который вызвал мятеж янычар с последовавшим их устранением. Формирование пехотных частей по европейскому образцу состоялось летом того же года. Махмуд II впервые ввел в османской армии новое, весьма оригинальное форменное обмундирование, сочетав европейский мундир с восточной феской⁴. После Крымской войны 1853–1856 гг., которая прошла во времена правления султана Абдул-Меджида I (1839–1861), возникла необходимость внести изменения в знаки различия на военной форме. Решением этого вопроса занялся турецкий султан Абдул-Азис I (1861–1876), активно интересовавшийся военным делом и одеждой. В ходе русско-турецкой войны 1877–1878 гг.,⁵ случившейся в годы правления султана Абдул-Хамида II (1876–1909), османская армия продолжала находиться под сильным влиянием европейских армий в плане званий, формы и знаков отличия и поэтому по-прежнему оставалась облаченной в мундиры европейского образца и восточные фески, что происходило вплоть до начала 1900-х годов⁶.

По сведениям, приведенным в вышедшей в 1909 г. книге «Османская военная организация и одежда» («*Osmanlı Askeri Teşkilatı ve Kıyafeti*»)⁷, автором которой являлся командующий Третьей османской армией, первый ферик (генерал) Махмут Шевкет-паша, мундиры высших военных чинов со времен реформ султана Махмуда II (1826–1839) до периода правления султана Абдул-Хамида II (1876–1909) сменились с

³ Мальшев В.Н. Общие принципы построения военного костюма XVIII–XIX веков // Сборник исследований и материалов Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Вып. 8. СПб., 2006. С. 232, 238; Шенелев Л.Е. Титулы, мундиры, ордена... С. 51–52; Глинка В.М. Русский военный костюм XVIII – начала XX века. Л., 1988. С. 41, 71–72.

⁴ Феска или фес (тур. «*fes*») – головной убор у мусульман Европейской и Азиатской Турции, стран Северной Африки и др. Она представляет собой шерстяной колпак красного цвета с голубой или черной шелковой перевитой кистью. Название происходит от города Феса, где изначально появились эти головные уборы. С 1826 г. феска была введена как форменный головной убор для турецких чиновников и солдат (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXXVA. СПб., 1902. С. 625).

⁵ Русско-турецкая война 1877–1878 гг. известна в Турции как Война 93-го года (тур. «*93 Harbi*»), т.к. велась в 1293 году от Хиджры.

⁶ Levy A. The Officer Corps in Sultan Mahmud II's New Ottoman Army, 1826–39 // International Journal of Middle East Studies. Vol. 2. No. 1 (Jan., 1971). Cambridge, 1971. P. 21–39; Nicolle D. Armies of the Ottoman Empire 1775–1820 // Men-at-Arms, 314. Oxford, 1998. P. 39; Boynukalın H. Osmanlı Askeri Teşkilâtı Üniformalarının Tezyinatı ve Mâliyeti Üzerine Bir İnceleme. S. 56–77.

⁷ В начале 80-х гг. XX века книга была переведена на современный турецкий язык и переиздана в Турции (Mahmut Şevket Paşa. Osmanlı Askerî Teşkilatı ve Kıyafeti (Osmanlı Ordusunun Kuruluşundan 1908 Yılına Kadar). K.K.K., Ankara, 1983).

двубортных на однобортные, сохранив при этом воротник-стойку. Причем, особенно активно эта смена происходила после Крымской войны 1853–1856 гг. при султанах Абдул-Азисе I и Абдул-Хамиде II, т.е. в 1860–1870-е гг.⁸

Эполеты как наплечные знаки различия военных чинов и воинского звания на военной форме получили распространение в армиях и флотах европейских государств в XVIII–XIX вв. (особенно в период наполеоновских войн), а к середине XX в. практически вышли из обращения. В русской армии замена офицерского погона на эполеты произошла в 1807 году. Эполеты представляли собой продолговатую пластину, завершающуюся к краю плеча круглым утолщенным полем, которое у генералов было обрамлено золотой или серебряной, «жирной» бахромой, изготовленной из толстого, крученого шнура, у штаб-офицеров – тонкой бахромой, у обер-офицеров бахрома отсутствовала. До 1854 г. эполеты были единственным видом наплечных знаков различия для офицеров и генералов (с введением в 1827 г. эполетных звёздочек по ним можно было определить чин их обладателя). С 1855–1856 г. они являлись принадлежностью исключительно парадной формы русских генералов и офицеров вплоть до начала Первой мировой войны (1914)⁹.

В османской армии эполеты появились на форменной одежде высших военных чинов благодаря реформам султана Махмуда II (1826–1839). Судя по информации, оставленной фери́ком Махмут Шевкет-пашой, они присутствовали на военных мундирах и во времена султанов Абдул-Азиса I и Абдул-Хамида II¹⁰. В период с 1876 по 1909 гг. (годы правления султана Абдул-Хамида II) генеральский состав османской армии, куда входили: мирлива (тур. «*mirliva*», соответствует бригадному генералу), фери́к («*ferik*», командующий дивизией или корпусом), 1-й фери́к («*1. ferik*», командующий армией) и мушир («*müşir*», маршал), носили эполеты с золотой бахромой из толстого, крученого шнура, получившего название «гусеница», и 1–3 звездочками на поле (1 звездочка – мирлива, 2 – фери́ки, 3 – мушир). Эполеты с золотой и серебряной, тонкой бахромой и звездочками имел высший офицерский состав: бинбаши (тур. «*binbaşı*», майор, 1 звездочка), каймакам («*kaymakam*», подполковник, 2 звездочки), миралай («*miralay*», полковник, 3 звездочки). Предназначались эполеты только для праздничных церемоний¹¹.

Кроме эполет, важным знаком отличия офицеров и генералов в XIX в. являлась золотая или серебряная вышивка на мундирах. В русской армии с 1808 г. на воротниках генеральских мундиров появилось особое шитье в виде золотых и серебряных дубовых листьев, которое в 1880-х гг. было заменено галуном, а в 1908 г. снова восстановлено. Вышивка имела на обшлагах и карманных клапанах мундиров. Объем шитья у генералов, штаб- и обер-офицеров был одинаков, различался только его цвет и рисунок, согласно роду войск¹².

⁸ Mahmut Şevket Paşa. Osmanlı Askerî Teşkilatı ve Kıyafeti... S. 79–82, 104–114. Tabl. 21–23, 26.

⁹ Шенелев Л.Е. Титулы, мундиры, ордена... С. 51–52; Глинка В.М. Русский военный костюм XVIII – начала XX века... С. 40, 226.

¹⁰ Mahmut Şevket Paşa. Osmanlı Askerî Teşkilatı ve Kıyafeti... Tabl. 21–23, 26–27.

¹¹ Osmanlı Ordusu Geç Dönem Üniforma, Rütbe ve İşaret Kılavuzu, 23 Şubat 2018; Boynukalın H. Osmanlı Askerî Teşkilâtı Üniformalarının Tezyînatı ve Mâliyeti Üzerine Bir İnceleme. S. 65. Fot. 10–11.

¹² Глинка В.М. Русский военный костюм XVIII – начала XX века... С. 55, 84; Шенелев Л.Е. Титулы, мундиры, ордена... С. 51.

У османов в XIX в. много внимания знакам различия на военной форме уделяли султаны Абдул-Азис I и Абдул-Хамид II, и прежде всего – вышивке золотой нитью на воротниках, рукавах и груди обмундирования высших военных чинов. Особого искусства требовала аппликация с золотой нитью на груди и рукавах генеральских мундиров. Воротники-стойки, также как и на русской форме, оформлялись растительно-геометрической вышивкой¹³.

Как видно из приведенного выше экскурса в историю военного мундира европейского образца в российской и османской армиях, благодаря воспроизведению на своем изделии данного фасона военной формы с вышивкой на воротнике и эполетах с толстой бахромой, мастер-трубочник смог отразить лишь время, к которому относился изображаемый им герой (60–70-е гг. XIX в.), а также показать его принадлежность к высшему военному чину – генеральскому (из-за малых размеров эполет звездочки на них изобразить, видимо, не удалось). Но как обозначить отношение генерала к армии Османской Порты? Борода тоже не подходила для данной идентификации, т.к. в русской армии после военных реформ 1862–1874 гг. императора Александра II, как и в османской армии, было разрешено носить бороду всем военнослужащим (кроме жандармов, Свиты, гренадерского корпуса и Гвардии).

Автор трубки нашел весьма неожиданное решение – помимо размещенной на левой стороне груди награды, очень похожей по своим очертаниям на османский орден Меджидие (тур. «*Mecidiye*»)¹⁴ (рис. 2), он изобразил на голове военного вместо положенной ему по дресс-коду XIX в. фески османский головной убор «кавук» (тур. «*kavuk*»), который носили в Османской империи чиновники и военные с XIV в. по начало XIX в.¹⁵, еще до военных реформ 1826–1839 гг. султана Махмуда II. На курительную трубку поместилась лишь нижняя часть этого головного убора – так называемый «сарык» (тур. «*sarik*»), больше известный как «тюрбан» (от перс. «*dulband*»).

Почему трубочник так поступил, соединив в своем изделии воедино две несочетаемые вещи, бытовавшие в разные эпохи существования османского государства – головной убор XIV – начала XIX в. и европейский мундир конца XIX века? Почему не изобразил в качестве головного убора феску? На наш взгляд, это может свидетельствовать, прежде всего, о том, что мастер, изготовивший данную трубку, не был жителем Османской империи и мусульманином, в результате чего имел весьма приблизительное представление как о самих османах и их быте, так и о военном

¹³ *Boynukalın H. Osmanlı Askeri Teşkilâtı Üniformalarının Tezyînatı ve Mâliyeti Üzerine Bir İnceleme...* S. 62–65, 71. Fot. 1–8, 13.

¹⁴ Орден Меджидие (тур. «*Mecidiye*») был учрежден в 1852 г. султаном Абдул-Меджидом I. Он стал одним из самых престижных орденов Османской империи. Имеет пять степеней. Знак ордена – семиконечная серебряная звезда, с золотым центральным медальоном с тугрой султана, обрамленным красным эмалевым кольцом, со словами «Рвение. Преданность. Лояльность» и датой «1268» по Хиджре (1852 год). Между лучами звезды – маленькие полумесяцы и звезды. Подвеска – в виде красного эмалевого полумесяца и звезды. Лента – красная с зелеными полосами по краям (*Tezer T. Medals, orders & Decorations of the Ottoman Empire, 2001. Internet Archive «Wayback Machine». Архивировано в 2012 г.; Tekin K.H. Osmanlı Devletinde Gelenekten Yeniliğe Geçisin Anlatılı Bir Sembolü: Mecidi Nişanları // The Journal of Academic Social Science Studies. International Journal of Social Science. Number 28, Autumn II, 2014. P. 393–411*).

¹⁵ Кавуков существовало большое количество разновидностей: муджевези, хорасани, селеми, кятиби и др. Классический кавук состоял из двух частей – красного бархатного колпака (тур. «*kalpak*») и намотанного на него длинного куска белой или зеленой ткани «сарык» (тур. «*sarik*») (Османская империя. Мода при дворе султанов // История моды. Вып. 57. М., 2017. С. 28).

Рис. 2. Османский орден Меджидие.
Металл, ткань, XIX в.
(частная коллекция)

обмундировании османской армии XIX века, считая, что воины-османы носят именно такие головные уборы. Вполне возможно также, что автор, по причине своей плохой осведомленности в данных вопросах, прибегнул к созданию так называемого «собирательного художественного образа» османского военачальника, показав его принадлежность к Оттоманской Порте и высокому военному чину при помощи головного убора «тюрбана-кавука» (однако, не исключена и шуточная подоплека этого случая).

Стоит отметить, что в войне 1877–1878 гг. между Османской империей и Российской империей и союзными ей балканскими государствами в рамках Восточного кризиса, которому предшествовал подъем национального самосознания на Балканах, принимало участие большое количество российских и европейских военных корреспондентов и художников, освещавших ход событий в своих литературных и художественных работах. Так, например, в России, в Санкт-Петербурге, в издательстве Г.Д. Гоппе, в эти годы в качестве приложения к отдельным номерам популярного еженедельного иллюстрированного журнала «Всемирная иллюстрация» выходило в свет печатное издание «Иллюстрированная хроника войны», где читатель мог не только узнать новости с театра военных действий, но и получить визуальный ряд происходящих событий. На его страницах, среди прочих иллюстраций,

часто размещались гравюры с портретами выдающихся русских и турецких военачальников, которые были выполнены художниками с фотографической точностью. Благодаря этому можно было получить полное представление как о самих изображенных личностях, так и об обмундировании, наградах и знаках отличия на военной форме в русской и османской армиях конца XIX века.¹⁶

Учитывая тот факт, что большая часть населения Европы и России, наблюдавшая, благодаря подобным публикациям, за событиями и последствиями русско-турецкой войны 1877–1878 гг., принесшей свободу христианам Балкан, находилась под большим впечатлением от всего происходящего, у многих творческих людей возникало вполне объяснимое желание выразить свои эмоции в художественных образах, прототипами для которых служили герои Балканской войны. В связи с этим, легко себе представить, что наш трубочник тоже решил воплотить в своем изделии образ одного из выдающихся ее полководцев. Но почему выбор мастера, который не имел,

¹⁶ Иллюстрированная хроника войны. 1877. Т. 1. СПб., 1877; Т. 2. СПб., 1878.

как мы выяснили, отношения к османам, пал на изображение одного из генералов Оттоманской Порты?

Чтобы найти ответ на этот вопрос, необходимо отталкиваться от того, с каким предметом мы имеем дело. Глиняные курительные трубки «восточного» или «турецкого» типа, как известно, вошли в широкий обиход с приходом в европейскую и российскую культуру во второй половине XVIII – середине XIX в. «темы ориентализма». В полной мере мода на все «турецкое» началась с наступлением так называемой «эпохи просвещенного туризма», когда все большее количество путешественников отправлялось на Восток (и прежде всего в Османскую империю) в поисках чудес, приключений и творческого вдохновения, а также чтобы привезти оттуда разные экзотические вещи (восточную одежду, украшения, ковры, оружие, турецкие курительные трубки, кофейные чашечки и др.). После серии удачных для России русско-турецких военных кампаний, турецкий стиль «тюнкери» (фр. «*turquerie*») весьма ярко стал проявляться в русском искусстве, архитектуре, быте. На рынке большим покупательским спросом (особенно после победоносной Балканской войны 1877–1878 гг.) пользовалась керамическая продукция и изделия мелкой художественной пластики с восточными мотивами и изображением османов (кружки, флаконы, табакерки, статуэтки, курительные трубки и т. д.) (рис. 3), что подхлестывало фантазию и изобретательность производителей подобных вещей¹⁷.

Стоит предполагать, что ремесленники, участвовавшие в процессе изготовления курительных трубок «турецкого» типа, тоже старались отличаться в оригинальности моделей своих изделий с целью привлечения к ним внимания продавцов и покупателей. Известны экземпляры глиняных и фарфоровых расписных трубок XIX в., изготовленных в виде мужских и женских голов в восточных головных уборах¹⁸. Не стал исключением в этом плане, по-видимому, и автор изучаемой нами трубки, запечатлевший в ней образ известного османского генерала – героя русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Кого же изобразил мастер-трубочник? На наш взгляд, для того, чтобы это понять, достаточно заглянуть в «Иллюстрированную хронику войны», где наибольшее количество статей и иллюстраций посвящено одному, самому популярному турецкому полководцу – Осману Нури-паше (1832–1900), известному более, как Гази Осман-паша (тур. *Gazi Osman Paşa*)¹⁹. Получив свой первый боевой опыт в чине капитана во времена Крымской войны 1853–1856 гг., он участвовал во многих военных кампаниях Османской империи и дослужился до чина маршала (тур. «*Müşir*», мюшир), был награжден многими турецкими наградами, среди которых – орден Меджидие (тур. «*Mecidiye*») (изображен на трубке из Крыма) высших степеней²⁰. В ходе русско-турецкой войны 1877–1878 гг. прославился как храбрый и мужественный защитник

¹⁷ Ориентализм. Турецкий стиль в России. 1760–1840-е. М., 2017. Илл. 58–60, 186, 190–194, 262–263; Русский фаянс и фарфор. Империя Кузнецовых и Конаково. Из частного собрания (Цуренко И.Г., Насонова И.С., Насонов С.М.). М., 2010. С. 143. Илл. 98.

¹⁸ Ориентализм. Турецкий стиль в России... Илл. 155, 188, 264; Федорова Л.И., Ткаченко В.А., Федоров В.В. Местные особенности бытования глиняных курительных трубок в Калуге и окрестностях // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 11. М., 2015. С. 543. Рис. 5 и др.

¹⁹ За выдающиеся боевые подвиги Осман-паша был удостоен почетного звания «Гази» (победоносный).

²⁰ Tekin K.H. Osmanlı Devletinde Gelenekten Yeniliğe Geçisin Anlamlı Bir Sembolü: Mecidi Nişanları... S. 396.

Рис. 3. Табачница «Осман-паша». Фабрика М.С. Кузнецова, Тверь. Фаянс, кон. XIX в. (частная коллекция)

Рис. 4. Осман Нури-паша. Фото А. Фреперс, около 1895 г. (<http://nek.istanbul.edu.tr:4444/ekos/FOTOGRAF/93877---0005.jpg>)

Плевны, за что турецкий султан назвал его «Львом Плевны». И, несмотря на то, что в итоге Плевну ему не удалось удержать и пришлось раненому сдаться в русский плен, заслуженная в боях слава сделала его поистине народным героем²¹.

Благодаря такой большой популярности Гази Османа-паши, сохранилось немало его фотографий²² и картин известных художников²³, глядя на которые улавливается определенное сходство черт лица и внешнего облика знаменитого турецкого маршала с персонажем, изображенным на курительной трубке. Поэтому рискнем предположить, что в процессе изготовления своего оригинального изделия мастер-трубочник имел перед глазами портрет именно этого человека (рис. 4). Где была сделана данная

²¹ Иллюстрированная хроника войны... Т. 2. № 54. С. 28–29. № 76. С. 1. № 78. С. 1. № 80. С. 1–2; *Yüksel A., Babacan H.* Plevne ve Gazi Osman Paşa'yı Dünya Gözüyle Görmek // History studies. International Journal of History. Vol. 10. Issue 6, September 2018. P. 245–268.

²² См., например: *Ibrahimzade K.* Gazi Osman Paşa. Bu güne kadar hiç bilinmeyen bir Gazi Osman Paşa Portresi // *Heeri Life*, sayı 10–11. Tokat, 2010. S. 89.

²³ Наиболее известные картины русских художников с изображением Гази Османа-паши: Н.Д. Дмитриев-Оренбургский «Представление пленного Османа-паши Александру II в Плевне» (1887 г.) и А.Д. Кившенко «Сдача Плевны (Раненый Осман-паша перед Александром II). 1878 год» (1880 г.).

трубка? Точно установить пока не представляется возможным. Место ее находки не обязательно свидетельствует о том, что она – крымского производства. Ее могли изготовить как в России, так и в Европе. Выяснение этого вопроса – задача будущего исследования.

Список литературы

- Глинка В.М. Русский военный костюм XVIII – начала XX века. Л.: Художник РСФСР, 1988. 239 с., 146 ил.
- Гусач И.Р. Курительные трубки из раскопок османской крепости Азак // Курительные трубки из раскопок османской крепости Азак (по материалам фонда археологии Азовского музея-заповедника): каталог коллекции. Азов: Изд-во «Голден-Би» (2015), Изд-во Азовского музея-заповедника, 2016. С. 18–359.
- Иллюстрированная хроника войны. 1877. Издание Г.Д. Гоппе в 2-х томах. Т. 1. №№ 1–50. СПб.: Типография Э. Гоппе, 1877. 400 с.
- Иллюстрированная хроника войны. 1878. Издание Г.Д. Гоппе в 2-х томах. Т. 2. №№ 51–105. СПб.: Типография Э. Гоппе, 1878. 440 с.
- Малышев В.Н. Общие принципы построения военного костюма XVIII–XIX веков // Сборник исследований и материалов Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Вып. VIII. СПб.: ВИМАИВиВС, 2006. С. 232–255.
- Ориентализм. Турецкий стиль в России. 1760–1840-е / Сост. О.А. Соснина, А.М. Валькович. М.: Кучково поле, 2017. 256 с.
- Османская империя. Мода при дворе султанов // История моды. Вып. 57. М.: Изд-во ООО «Де Агостини», 2017. 47 с.
- Русский фаянс и фарфор. Империя Кузнецовых и Конаково. Из частного собрания (Цуренко И.Г., Насонова И.С., Насонов С.М.). М.: Изд-во «Среди коллекционеров», 2010. 510 с.
- Федорова Л.И., Ткаченко В.А., Федоров В.В. Местные особенности бытования глиняных курительных трубок в Калуге и окрестностях // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 11. М.: ИА РАН, 2015. С. 539–546.
- Шепелёв Л.Е. Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. Страницы истории нашей Родины. Л.: Наука, 1991. 225 с.
- Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXXVA (70). Фенолы – Финляндия. СПб.: Типография Акц. Общ. Брокгауз-Ефрон, 1902. 502 с.
- Boynukalin H. Osmanlı Askeri Teşkilâtı Üniformalarının Tezyînatı ve Mâliyeti Üzerine Bir İnceleme // Arış, Haziran-Sayı: 16. 2020. S. 56–77.
- İbrahimzade K. Gazi Osman Paşa. Bu güne kadar hiç bilinmeyen bir Gazi Osman Paşa Portresi // Heeri Life, sayı 10-11. Tokat, 2010. S. 86–89.
- Levy A. The Officer Corps in Sultan Mahmud II's New Ottoman Army, 1826–39 // International Journal of Middle East Studies. Vol. 2. No. 1 (Jan., 1971). Published by: Cambridge University Press, 1971. P. 21–39.
- Mahmut Şevket Paşa. Osmanlı Askeri Teşkilatı ve Kıyafeti (Osmanlı Ordusunun kuruluşundan 1908 yılına kadar). K.K.K., Ankara Basımevi, 1983. 114 s.
- Nicolle D. Armies of the Ottoman Empire 1775–1820 // Men-at-Arms, 314. Osprey Publishing Ltd, Oxford, 1998. 48 p.
- Osmanlı Ordusu Geç Dönem Üniforma, Rütbe ve İşaret Kılavuzu, 23 Şubat 2018 (<https://seyler.eksizozluk.com/osmanli-ordusu-gec-donem-uniforma-rutbe-ve-isaret-kilavuzu>) (дата обращения: 15.10.2022).

- Robinson R.* Clay tobacco pipes from the Kerameikos // Sonderdruck aus den Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts Athenische Abteilung, BAND 98. GEBR, Mann Verlag, Berlin, 1983. P. 265–285, Taf. 52–56.
- Robinson R.* Tobacco pipes of Corinth and of the Athenian Agora // *Hesperia*. Vol. 54, no. 2. April – June 1985. American school of classical studies at Athens, 1985. P. 149–203, Pl. 33–64.
- Tekin K.H.* Osmanlı Devletinde Gelenekten Yeniliğe Geçisin Anlamlı Bir Sembolü: Mecidi Nişanları // *The Journal of Academic Social Science Studies. International Journal of Social Science*. Number 28, Autumn II, 2014. P. 393–411.
- Tezer T.* Medals, orders & Decorations of the Ottoman Empire, 2001. Internet Archive «Wayback Machine». Архивировано в 2012 г. (<http://www.turkishmedals.net> (дата обращения к архиву: 25.10.2022)).
- Khalil Walid Ali, Gusach I.* The Collection of Ottoman Tobacco Pipes from Azov Museum-Reserve in Russia // *Journal of the General Union of Arab Archaeologists (JGUAA)*. Vol. 3, Issue 3. Cairo, 2018. P. 227–261.
- Yüksel A., Babacan H.* Plevne ve Gazi Osman Paşa'yı Dünya Gözüyle Görmek // *History studies. International Journal of History*. Vol. 10. Issue 6. September 2018. P. 245–268.

I.R. Gusach, K. Ibrahimzade

“TURKISH” SMOKING PIPE OF THE 19TH CENTURY WITH A SURPRISE

Abstract: Sometimes, by accident or intentionally, the creators of artistic works leave some riddles in their works that future generations will have to solve. This happened with a gray-clay smoking pipe of the “Turkish” type, accidentally found in the 1990s on the territory of private ownership in the Crimea. The author made it in the form of a sculptural portrait of a 19th century military leader, leaving a little intrigue in his unusual image. Researchers from Russia and Turkey managed to find out who the pipe master portrayed. In their opinion, this is the commander of the Russian-Turkish war of 1877–1878, the hero of Plevna, the Ottoman Marshal Gazi Osman Pasha.

Keywords: “Turkish” smoking pipe, Russian-Turkish war of 1877–1878, Gazi Osman Pasha.

ДВАДЦАТЫЙ ВЕК В НОВОЙ ГОЛЛАНДИИ: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Аннотация: В статье рассматривается ряд находок и комплексов XX в., выявленных в ходе археологического изучения острова Новая Голландия в Петербурге и позволяющих реконструировать некоторые стороны повседневной жизни. По мнению автора, изучение поздних напластований представляет собой, среди прочего, удобный полигон для совершенствования методов фиксации и интерпретации археологического материала.

Ключевые слова: археология Петербурга, новейшее время, методика.

Археология нового и новейшего времени, безусловно, уже оформилась в самостоятельную дисциплину, изучающую материальную культуру совсем далеких эпох и постоянно увеличивающую наши знания о недавней повседневности. Не менее важным аспектом в археологическом изучении XVIII–XX вв. является возможность развития методики исторических реконструкций: раскрывая археологическими методами объекты, казалось бы, хорошо знакомых эпох, мы получаем прекрасный полигон для совершенствования методов фиксации и интерпретации материала. Другой интересной особенностью работ на «совсем поздних» памятниках является возможность открытия обстоятельств и событий, не отразившихся в документах.

В настоящей статье будут рассмотрены некоторые поздние находки, сделанные в ходе работ на петербургском острове Новая Голландия в 2006–2007 гг.

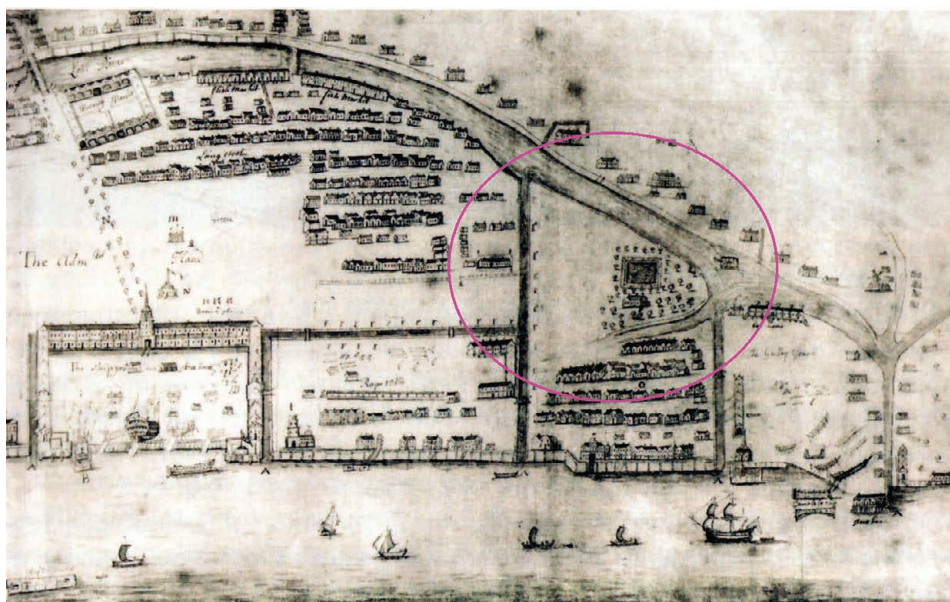
В своем нынешнем виде Новая Голландия – небольшой, треугольный в плане искусственный остров, ограниченный берегами р. Мойки, Крюкова и Адмиралтейского каналов. Его современный облик сложился далеко не сразу¹.

Первоначально будущая Новая Голландия представляла собой местность на Адмиралтейском острове, между нижним течением р. Мойки и отходящим от ее русла так называемым Глухим протоком – узкой ложбиной, оканчивавшейся в районе современной пл. Труда.

При Петре I здесь была построена усадьба с регулярным садом и небольшим прудом при ней. Предполагается, что царь бывал здесь при посещении Галерной верфи. Документы упоминают, что на острове находились «деревянные малые ветхие хоромы и один пруд и малая роща природных дерев». Изображение прямоугольного пруда и «хором», окруженных деревьями, сохранилось на карте 1720-х гг., хранящейся-

---

¹ Соловьева Т.А. Новая Голландия и ее окружение. СПб., 2010. С. 8–119; Михайлова Е.Р. Археологическое изучение острова Новая Голландия // Культурное наследие Российского государства. Вып. 6. Ч. 1. СПб., 2014. С. 324–337.

Рис. 1. Новая Голландия на карте 1720-х гг. из библиотеки Йельского университета. Карта ориентирована на юг (по: Соловьева Т.А. Новая Голландия... Рис. на С. 19)

ся в Кабинете картографии библиотеки Стерлинга (Йельский университет)². На противоположном, северном берегу Глухого протока на той же карте показаны многочисленные постройки Шневенской слободы, упраздненной в 1730-х гг. На той же карте показан Крюков канал, прорытый от р. Невы до р. Мойки к 1720 г. и оконтуривший восточный край будущего острова (рис. 1).

В 1730-х гг. территория в нижнем течении Мойки перешла в ведение Адмиралтейств-коллегии, которая и переустроила ее под свои нужды. По трассе Глухой протоки был прорыт Адмиралтейский канал, завершивший оформление острова. Сам остров был застроен под руководством архитектора Адмиралтейского ведомства И.К. Коробова: по берегам были построены семь деревянных сараев «для поклажи корабельных дубовых лесов», а на мысу у слияния Адмиралтейского канала с Мойкой – три деревянных сарая для хранения шлюпок.

В 1765–1788 гг. взамен обветшавших деревянных складов по южному и восточному берегам острова был возведен комплекс кирпичных лесных складов (арх. С.И. Чевакинский, И.К. Герард, Ж.-Б. Валлен-Деламот), стоящих поныне. Корабельный лес предполагалось хранить по новому способу, предложенному С.И. Чевакинским: складские помещения делились массивными внутренними кирпичными столбами на отдельные отсеки-«конусы». На столбы опирались деревянные решетки, к которым и прислонялись поставленные стоймя доски и брусья. В каждом «конусе» хранился сразу весь набор материала, необходимого для постройки кораб-

² Соловьева Т.А. Новая Голландия... Рис. на С. 19.

ля. Для загрузки леса в склады на месте старого петровского пруда на острове был устроен внутренний водоем (Ковш), соединенный узкими Южным и Восточным каналами с Мойкой и Крюковым каналом. Берега Ковша были устроены полого поднимаясь к зданиям лесных складов и замощены.

Однако новый метод хранения леса себя не оправдал: нижние части поставленных в «конусы» досок и бревен подгнивали. В 1805 г. А.Д. Захаров, занятый в то время строительством нового здания Адмиралтейства, предложил приспособить амбары Новой Голландии для хранения строительных материалов, а также различных флотских запасов. Предложение было принято, и в течение всего XIX века здания Новой Голландии постепенно приспособлялись под разнообразные складские нужды. В 1806 г. на берегу Адмиралтейского канала была построена «Экипажеская контора» – обширное деревянное строение для хранения морского обмундирования. Корпуса лесных складов также постепенно были надстроены и переоборудованы для хранения флотского имущества. В 1847–1850 гг. военный инженер М.А. Пасыпкин по сохранившемуся проекту С.И. Чевакинского выстроил у соединения Крюкова и Адмиралтейского каналов еще один складской корпус.

Одновременно в западной части Новой Голландии формировался комплекс тюремного замка. В 1828–1829 гг. здесь возведены кольцообразное трехэтажное здание тюрьмы – «Арестантская башня» (арх. А.Е. Штауберт) – и дом коменданта (неизв. арх.). К комплексу тюрьмы относились также здания кузницы, тюремных мастерских, кладовых, покойницкой и др. В 1863 г. территория тюремного замка была обнесена каменной оградой.

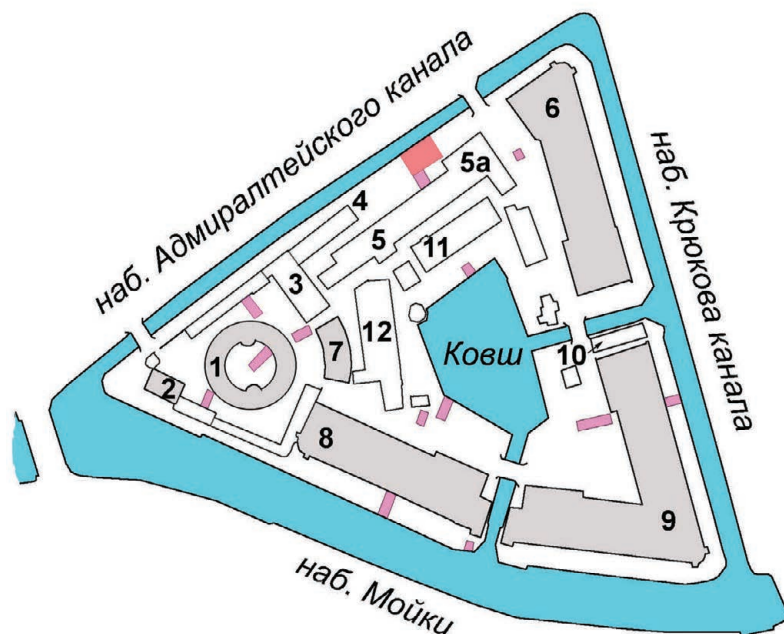
Последний по времени комплекс зданий Новой Голландии возник между Ковшом и берегом Адмиралтейского канала и связан с научно-техническими работами, проводившимися в Морском ведомстве под руководством выдающихся русских ученых Д.И. Менделеева и А.Н. Крылова.

В 1890–1891 гг. в бывшей тюремной мясосольне по проекту Д.И. Менделеева была оборудована Научно-техническая лаборатория Морского ведомства, предназначенная для опытов по созданию бездымных порохов. В центральной части здания по обе стороны от коридора располагались сами лаборатории, в восточной – вестибюль, библиотека и комната для заседаний. Западная часть здания, отделенная массивной каменной стеной, вместила помещение для динамо-машины и специальную комнату для взрывов. К восточной стене здания, у каменной ограды был пристроен кирпичный тир для испытания пороха.

В 1893 г. параллельно зданию бывшей мясосольни был возведен Опытный бассейн для испытания судовых моделей. Бассейн начал свою работу 8 марта 1894 г., и с этой даты отсчитывает свою историю Крыловский государственный научный центр.

В XX в. на острове были построены радиостанция Морского генерального штаба, здания мастерских Опытного бассейна, Испытательной станции и др.; позднее, уже в советский период – комплекс зданий и сооружений ЦНИИ кораблестроения имени А.Н. Крылова.

В советский период остров Новая Голландия был передан Управлению Ленинградского военного порта и вплоть до начала нынешнего века находился в распоряжении Министерства обороны и ЦНИИ кораблестроения им. А.Н. Крылова. В 1990-х гг. здания ЦНИИ им. А.Н. Крылова были переданы ОАО «Новая

Рис. 2. Схематический план застройки острова Новая Голландия. Цифрами на плане обозначены: 1 – тюрьма («Арестантская башня»); 2 – Комендантский дом; 3 – тюремные мастерские; 4 – лаборатория Д.И. Менделеева (быв. мясосольня); 5 – Опытный бассейн; 5a – мастерские Опытного бассейна; 6 – складской корпус (корпуса № 12 и 12a, постр. 1847–1850 гг.); 7 – кузница; 8 – складской корпус (корпус № 17, постр. 1765–1788 гг.); 9 – складской корпус (корпус № 16, постр. 1765–1788 гг.); 10 – радиостанция Морского Генерального штаба; 11 – административное здание ЦНИИ им. А.Н. Крылова; 12 – здание с теплотехническим стендом ЦНИИ им. А.Н. Крылова.

Серой заливкой выделены существующие здания, контурами обозначены здания и сооружения, снесенные в 2006–2007 гг. Малиновым цветом на плане обозначены основные разведочные траншеи 2006 г., красным – раскоп 2007 г.

Голландия», а в 2005 г. в ведение города Санкт-Петербурга перешли здания, занимаемые Ленинградской Военно-Морской базой.

Новый этап жизни острова предваралялся археологическими исследованиями, проведенными совместно Санкт-Петербургским государственным университетом и Государственным Эрмитажем. Осенью 2006 г. на острове было заложено 13 разведочных траншей, а летом 2007 г. – раскоп на берегу Адмиралтейского канала, в зоне планируемого нового строительства (рис. 2).

Верхнюю часть культурного слоя на острове повсеместно составляют рыхлые напластования, связанные с последовательными подсыпками его территории. Подсыпки были призваны в первую очередь поднять поверхность острова, обезопасив его от наводнений, но одновременно каждая из них увеличивала крутизну бере-

Рис. 3. Пузырьки из-под чертежной туши. Раскоп 2007 г., заполнение ямы 2

говых склонов, увеличивая тем самым «полезную площадь». Находки из этих поздних напластований отчетливо показывают военный и морской характер жизни Новой Голландии. Здесь были найдены многочисленные форменные пуговицы, кокарды, обрывки галунов, пломбы от ящиков с воинским имуществом, пули, гильзы и т. п.

При снятии верхних напластований удалось проследить своего рода генеральную уборку территории острова, случившуюся где-то в середине 1920-х гг. В различных местах острова были зафиксированы однотипные комплексы материала – ссыпанные в большие глубокие ямы беспорядочные кучи разнородных предметов. Ямы, вырытые для этих свалок, были впущены с верхних уровней культурного слоя, несколько ниже современной дневной поверхности, и впоследствии перекрыты прослойками строительного мусора, булыжным мощением или асфальтовым покрытием дорожек. Все ямы имели более или менее правильную форму: котлованы с почти отвесными стенками размером 2–2,6 × 2–2,6 м и глубиной более 2 м. Выброшенные в них предметы были изготовлены из металла, стекла, керамики и прочих материалов, но преобладали в каждом случае железные обломки, так что первое и самое верное впечатление, которое они производили, – ржавый хлам.

Так, в разведочной траншее к юго-востоку от Ковша такая яма была полностью заполнена ржавым железом, преимущественно токарной стружкой. В завале стружки были найдены отдельные железные обломки, в том числе чугунное пушечное ядро диаметром около 12 см. Известно, что пушечные ядра вышли из употребления после появления в середине XIX в. нарезной артиллерии.

В еще одной траншее, у самого берега Ковша, огромная куча хлама покоилась практически на булыжной мостовой XVIII в. Здесь были найдены явно разновременные предметы: осколки кузнецовского фаянса разных фабрик, позолоченная пуговица с гербом Российской империи, ружейный затвор, горлышко молочной бутыл-

ки с крышкой из фольги, целая серия лабораторных фарфоровых пестиков с маркой Императорского Фарфорового завода, жестяные кокарды нижних чинов образца 1907–1917 гг. Самая поздняя находка, датирующая формирование комплекса, – пивная бутылка с выпуклыми надписями завода-изготовителя. На стенках бутылки читается надпись «ПЕПО. Общество пивов. завод Петроград»; на донце «Секзав ПЕПО. ...вайжский стекзавод Октябрьской ж. д.». «Петроградское единое потребительское общество» (ПЕПО) было переименовано в «Ленинградское...» в 1924 г., а Николаевская железная дорога в Октябрьскую – в 1923 г.

Еще одна яма со сброшенным в нее мусором, вошедшая в пределы раскопа 2007 г., содержала, среди прочего, многочисленные осколки бытовой и химической посуды, в том числе флаконы из-под чертежной туши с сохранившимися на них этикетками 1920-х гг. (рис. 3).

На том же стратиграфическом уровне, зачастую рядом с ямами-свалками, были обнаружены плоские дощатые короба с остатками в них чистой извести. В целом весь реконструируемый «горизонт свалок» производит впечатление лихой флотской приборки, когда по всему острову единомоментно был вытащен из дальних углов и побросан в специально вырытые ямы всякий хлам, включая допотопные чугунные ядра, а сараи и складские помещения вновь побелены. Произошло это где-то в середине – второй половине 1920-х гг.

Неожиданным стало обнаружение еще одной ямы-свалки – с деталями огнестрельного оружия. Осенью 2006 г. рабочие, вскрывавшие бетонный пол в так называемом корпусе № 17 (здании лесного склада на берегу р. Мойки), обнаружили под полом несколько погнутых винтовочных стволов и принесли свою находку археологам (рис. 4). Место находки было осмотрено К.В. Шмелевым, который произвел и определение найденных предметов³.

Под бетонным полом здания была обнаружена обширная глубокая яма, заполненная рыхлым супесчаным грунтом со строительным мусором (рис. 5). На дне ямы были собраны многочисленные детали и обломки предметов вооружения. Здесь были найдены детали винтовок Бердана образца 1870 г. и 1891 г. (стволы со ствольными коробками и фрагментами затворов, затворы, шомполы, шпеньки погонных ремней), трехлинейных винтовок образца 1891 и 1891/1910 гг. (затворы, магазин, подаватель с фрагментом пружины, прицельные планки системы Коновалова образца 1910 г., ударники), а также Арисака тип 30 (1897 г.) и тип 38 (1905 г.) (предохранительная крышка, крышки магазинов, ударники, магазинная коробка, магазинные подаватели, затворы, курки).

Здесь же были собраны многочисленные пачки спекшихся коррозированных пружин к магазинным винтовкам, шомполы к револьверу Нагана образца 1895 г. и револьверу Смита и Вессона образца 1871, 1872 и 1880 г., рукоять наводки пулемета Максима образца 1910 г., деталь эфеса русского морского кортика образца 1803 г.

По заключению К.В. Шмелева, время сложения комплекса, включающего как предметы 1870–1880-х гг., так и начала XX в., может быть отнесено к периоду Первой мировой войны 1914–1918 гг. или раннему советскому времени: винтовки Арисака были приняты на вооружение Русского императорского флота взамен трехлиней-

³ Выражаю искреннюю признательность Кириллу Владимировичу Шмелеву за определение и подробное описание находок.

Рис. 4. Принесенные рабочими детали винтовок на полу камеральной лаборатории

Рис. 5. К.В. Шмелев собирает винтовочные детали в яме под полом корпуса № 17

ных винтовок в 1915 г. Набор вооружения, обнаруженный в корпусе № 17 Новой Голландии, может быть, таким образом, признан характерным для флотских или тыловых частей.

Общий характер находок в комплексе, в том числе находка большого количества спекшихся в брикеты боевых пружин, свидетельствует о длительном складском хранении указанных предметов. Сам их набор – остатки винтовок и большого количества запчастей к ним, намеренно согнутые винтовочные стволы – производит впечатление умышленного уничтожения неликвидного вооружения. По мнению К.В. Шмелева,

Рис. 6. Предметы XX века

1, 2 – лабораторные фарфоровые пестики, 3 – отстреленные свинцовые пули

это, скорее всего, случилось после Великой Отечественной войны. Можно предположить, однако, что неисправное оружие также было выброшено в 1920-х гг., но, в отличие от бытового мусора, детали оружия были надежно перекрыты вновь устроенным бетонным полом.

Еще один сюжет начала XX в., отразившийся в археологических материалах, – научно-технические исследования, проводившиеся в Новой Голландии в начале XX в. Повсеместно в верхней части культурного слоя, да и в описанных выше ямах-свалках, встречаются осколки лабораторной посуды из стекла и фарфора, металлические детали химического оборудования, вентили горелок. Отдельного упоминания заслуживают фарфоровые пестики для ступок, которых было найдено около двух десятков. Все они снабжены зеленой подглазурной маркой Императорского фарфорового завода⁴ – вензелем царствующего императора (в данном случае Николая II) под императорской короной, с размещенными под вензелем цифрами «916» и буквой «т» (рис. 6: 1).

В годы Первой мировой войны, в связи с прекращением импорта фарфора из Германии, Императорский фарфоровый завод освоил производство химического и

⁴ Марки русского фарфора и фаянса. 1750–1960 / Сост. Т.И. Дулькина. М., 2003. С. 132, 145.

технического фарфора, и естественно, что произведенная Императорским заводом лабораторная посуда поступала в Морское ведомство. Интересно, что найден и фарфоровый пестик с зеленым подглазурным клеймом с изображением серпа и молота – клеймом Государственного фарфорового завода, как стал называться ИФЗ после национализации (рис. 6: 2).

Еще один материальный след исследований, проводившихся на острове, – серия отстреленных смятых свинцовых пуль, найденная у восточной стены Научно-технической лаборатории для проведения опытов над бездымным порохом, именно там, где был устроен испытательный тир (рис. 6: 3).

Археологические находки из недавнего времени, зачастую лишь формально попадающие под определение археологических предметов, ярко и точно рисуют нам подробности сравнительно недавнего прошлого. Однако не менее важен и методический аспект их изучения: отталкиваясь от, казалось бы, простых и очевидных ситуаций, археология нарабатывает приемы исторических реконструкций и для более отдаленных эпох.

Список литературы

Марки российского фарфора и фаянса. 1750–1960 / Сост. Т.И. Дулькина. М.: Издательство Ирины Касаткиной, 2003. 421 с.

Михайлова Е.Р. Археологическое изучение острова Новая Голландия // Культурное наследие Российского государства. Выпуск VI. Часть 1 / Отв. ред. А.Н. Кирпичников. СПб.: ИПК «Вести», 2014. С. 324–337.

Соловьева Т.А. Новая Голландия и ее окружение. СПб.: Крига, 2010. 232 с.

E.R. Mikhaylova

TWENTIETH CENTURY IN NEW HOLLAND: ARCHAEOLOGICAL NOTES

Abstract The article discusses a number of finds and complexes of the 20th century, discovered during the archaeological study of the island New Holland in St. Petersburg and allowing to reconstruct some aspects of everyday life. According to the author, the study of late strata is, among other things, a convenient testing ground for improving the methods of fixing and interpreting of archaeological material.

Keywords: the island New Holland, 20th century, finds, archaeological material.

ДРАМА В ЗАЛИВЕ ИС-ФЬОРД

Аннотация: В 1872–1873 гг. на Шпицбергене в Ис-фьорде случилась жуткая трагедия, унесшая жизни 17 норвежских трапперов (охотников на тюленей). События произошли в так называемом «шведском доме», основанном А.С. Норденшельдом для добычи фосфоритов. Тогда же льдами залива были заблокированы несколько судов с норвежскими охотниками. В течение недели они на шлюпках добрались до мыса Тордсен, где решили обосноваться. Незадолго до этого его покинули норвежские шахтеры, оставившие мясные консервы, которыми на свою беду воспользовались трапперы. Когда весной 1873 г. туда пришло судно, все зверобой были мертвы. Сначала предполагали, что они погибли от цинги, но в 2008 г. норвежские ученые эксгумировали тела и пришли к выводу, что причиной их гибели стал свинец, которого много содержалось в костях жертв несчастной зимовки. Оказалось, что в припоях швов консервных банок было также много свинца. Когда охотники разогревали на плите консервы, то свинец плавился и оказывался в мясе. К весне 1873 г. все норвежцы скончались. Это и послужило причиной гибели трапперов.

Ключевые слова: Шпицберген, залив Ис-фьорд, мыс Тордсен, дом, норвежцы, свинец, трапперы, эксгумация.

На восточном берегу одного из крупнейших и красивых заливов Шпицбергена Ис-фьорда стоит деревянный дом на мысе Тордсен. Его координаты – 78° 28' 43,14" северной широты 15° 41' 47,3" восточной долготы. О нем можно найти информацию в сети Интернет¹.

Почти 150 лет «шведский дом», именно под таким названием он вошел в историю архипелага Шпицберген, скрывал тайну, которую сравнительно недавно разгадали норвежские ученые. Это здание было выстроено в два этапа. Первый вариант (строение не сохранилось) был создан А.С. Норденшельдом в 1872 г. и его горнодобывающей компанией «AB Ice Fjord» для промышленной добычи фосфоритов, необходимых для производства удобрений. Несколько позднее дом был перестроен и существенно расширен в целях работ научных экспедиций во время проведения Первого Международного полярного года 1882–1883 (рис. 1). Окончательный вариант «шведского дома» отстроен шведским инженером П. Эбергом (*P. Öberg*) на плато у основания горной гряды, обрывававшейся к воде в виде высокого и крутого склона. Здесь же был сооружен подъемник, а к морю подведена лестница. Однако в связи с отсутствием подходящей гавани и удобного порта шахтеры, которых завезли из Норвегии, покинули это место, так и не приступив к широкомасштабной добычи

¹ Svenskhuset.

Рис. 1. «Шведский дом». 1883. ([de.zxc.wiki/wiki/Svenskhuset](https://de.wikipedia.org/wiki/Svenskhuset))

минералов. Вместе с тем, их преждевременный уход, как показали последующие события, скорее всего, спас им жизни.

Осенью 1872 г. на севере Шпицбергена, недалеко от входа в залив Вуд-фьорд, льдами были затерты несколько судов с 59 норвежскими зверобоями – охотниками за тюленями. В это же самое время в соседней Моссельбухе предполагала остаться на зимовку научная экспедиция А.С. Норденшельда. Но поскольку на кораблях не было достаточного количества продовольствия, группу из 17 охотников по совету начальника шведской экспедиции отправили зимовать в дом на мыс Тордсен в заливе Ис-фиорд, где хранились провиант, уголь, а также иные необходимые для зимовки вещи, которыми так и не воспользовались покинувшие мыс шахтеры. Однако сложность предстоящего морского перехода, связанного с вынужденной и незапланированной зимовкой, была столь велика, что в отряд отбирали лишь крепких молодых и холостых мужчин. На весельных баркасах почти за неделю норвежцы преодолели около 350 км, прибыв на место к середине октября (рис. 2). В ближайшие несколько месяцев Норвегия предпринимала несколько попыток, чтобы пробиться к мысу Тордсен, но этому мешала сложная ледовая обстановка.

Только в июне 1873 года корабль норвежского промышленника Фрица Мака (*F. Mack*) из Тромсё смог, наконец, пробиться к «шведскому дому», где перед экипажем предстало ужасное зрелище. Возле постройки лежали пять завернутых в брезент

Рис. 2. Карта морского пути охотников к мысу Тордсен. (de.zxc.wiki>wiki/Svenskhuset)

тел, а в самом помещении (коридоре, на полу, кроватях и стульях) – останки еще десяти человек. Всего было обнаружено 15 погибших зверобоев, которых моряки похоронили в одной братской могиле недалеко от дома.

Несколько лет спустя примерно в 500 м от дома участники шведской экспедиции нашли захоронения еще двух норвежских зверобоев. Хронологию драматической зимовки удалось установить по дневнику одного из охотников, Карла Альбригстена, опубликованному в епархиальной газете².

До наступления полярной ночи (на широте мыса Тордсен это начало ноября) норвежцы занимались охотой на морских и наземных млекопитающих, а потом принялись за хранившиеся в доме мясные консервы, оставленными шахтерами. Перечень имеющегося в доме провианта позднее был также опубликован в епархиальной газете³. Трапперы (охотники) не испытывали нужду в продовольствии и не могли погибнуть от голода. Тем не менее, в декабре все участники зимовки были больны. Сам автор дневника, судя по его содержанию, скончался в апреле, став предпоследней жертвой необычной и мучительной болезни, которая к весне выкосила практически

² Albrigsten C. Diary 1872–1873 // Tromsø Stiftstidende. 1873. 4 July, 10 July.

³ Thieberg, J. A list of the food and provisions stored in Svenskhuset when the Norwegians arrived // Tromsø Stiftstidende. 1873. 9 January.

всех обитателей «шведского дома». Долгое время скандинавы считали, что норвежцы погибли в основном от цинги, всегда представлявшей опасность для полярников, причем по собственной беспечности. Однако трапперы вполне сознавали её угрозу и старались по возможности от этой напасти уберечься. К тому же цингой не могли заболеть сразу все зверобой одновременно. Также предполагали, что причина их смерти могла крыться в туберкулезе или ботулизме. Однако врач шведской экспедиции А.С. Норденшельда обстоятельно проинструктировал зверобоев перед морским переходом насчет «полярной чумы».

В 2008 г. норвежские ученые все же раскрыли тайну «шведского дома». Антрополог Ульф Асебё (Ulf Aasebø) и историк Кьелль Кьер (Kjell Kjær) с разрешения Департамента культурного наследия Норвегии произвели эксгумацию костных останков нескольких захороненных зимовщиков. В этих раскопках принимала участие и директор музея Лонгьербюена (административный центр архипелага) археолог Тура Хультгрэн (Tora Hultgreen) – известный специалист по китобойной и поморской тематикам архипелага. Проведенный анализ костных останков показал весьма высокую концентрацию свинца в них, но в то же время признаков цинги обнаружено не было. Помимо этого, валявшиеся неподалеку ржавые консервные банки также были взяты на экспертизу, которая зафиксировала большое количество свинца в припое их швов. Трапперы, видимо, разогревали консервы на плите, из-за чего металл плавился и попадал в мясо. Именно отравление свинцом, а не цинга, вне сомнения, и стало основной причиной гибели зимовавших норвежцев⁴. Вместе с тем, это не первый аналогичный случай в истории Арктики. В 40-х годах XIX в. многие участники экспедиции Джона Франклина, тщетно пытавшегося разыскать Северо-Западный морской проход, погибли от разных заболеваний (и даже был зафиксирован каннибализм), в том числе из-за употребления мясных консервов, в баночных швах которых также содержалось много свинца. Экспедиция Франклина завершилась полной катастрофой, а по числу человеческих жертв, принесенных Арктике, она не имеет равных. Погибли в общей сложности 129 ее участников⁵. Сегодня у жуткой трагедии в «шведском доме» не осталось секретов. Об этом трагическом происшествии 150-летней давности на мысе Тордсен напоминает только сам «шведский дом» и четырехконечный крест рядом с ним на братской могиле неудачно зимовавших норвежских охотников.

Список литературы

- Aasebø Ulf, Kjær Kjell G.* Lead poisoning as possible cause of deaths at the Swedish House at Kapp Thordsen, Spitsbergen, winter 1872–3. London: BMJ Group, 2009.
- Albrigsten C.* Diary 1872–1873 // *Tromsø Stiftstidende*. 1873. 4 July, 10 July.
- Beattie O., Geiger J.* Frozen in Time: Unlocking the Secrets of the Franklin Expedition. Saskatoon: Western Producer Prairie Books, 1988. P. 161–163.
- Thieberg, J.* A list of the food and provisions stored in Svenskhuset when the Norwegians arrived // *Tromsø Stiftstidende*. 1873. 9 January.

⁴ *Aasebø Ulf, Kjær Kjell G.* Lead poisoning as possible cause of deaths at the Swedish House at Kapp Thordsen, Spitsbergen, winter 1872–3. London: BMJ Group, 2009.

⁵ *Beattie O., Geiger J.* Frozen in Time: Unlocking the Secrets of the Franklin Expedition. Saskatoon: Western Producer Prairie Books, 1988. P. 161–163.

DRAMA IN ISFJORD

Abstract: In 1872–1873, a terrible tragedy occurred in Is-fjord (Svalbard), which claimed the lives of 17 Norwegian trappers (seal hunters). Events happened in the so-called “Swedish house”, founded by A.S. Nordenskiöld for the extraction of phosphorites. At the same time, several ships with hunters were blocked by the ice of the bay. Within a week, they reached Cape Thorsen on boats, where they decided to settle. Before that, Norwegian miners left it, leaving canned meat, which was used by trappers, to their misfortune. When the ship from Tromsø arrived there in the spring of 1873, all the trappers were dead. At first it was assumed that they died from scurvy, but in 2008 Norwegian scientists exhumed the bodies and came to the conclusion that lead, which was contained in the bones of the buried, became the cause of their death. It turned out that there was a lot of lead in the solder cans. When the hunters heated canned food on the oven, the lead melted and got into the meat. By the spring of 1873 all Norwegians had died. This was the reason for the death of the trappers.

Keywords: Spitsbergen, Is-fjord, A.S. Nordenskiöld, Norwegian trappers, lead.

О ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ ХУДОЖНИКА Д.В. ГОРЛОВА И НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИСТОРИИ ДМИТРОВСКОГО ФАРФОРОВОГО ЗАВОДА¹

Аннотация: В статье исследуется история создания двух работ в фарфоре на тему Севера скульптора-анималиста Дмитрия Горлова, выпущенных в 1956 и 1960 гг. Найдены его рисунки, сделанные во время зимней экспедиции 1929 г. по Кольскому полуострову и послужившие эскизами для более поздних скульптурных произведений. Ставится задача составления каталога работ Д.В. Горлова в фарфоре. Во второй части статьи обсуждаются подробности разработки и внедрения в производство двух марок Дмитровского фарфорового завода в 1950-х и 1960-х гг.

Ключевые слова: советский фарфор, мелкая пластика, анималистика, Вербилки, Север, Кольский полуостров, саамы, марка Дмитровского фарфорового завода.

Мир вещей, окружающий современного человека, заслуживает рассмотрения с самых разных точек зрения, и не в последнюю очередь – глазами археолога. Как ни странно, это относится и к такой, казалось бы, хорошо известной сфере, как советский фарфор. Здесь применимы самые разные исследовательские подходы, нацеленные на полноценную атрибуцию вещи, в том числе построение типологических систем и эволюционных рядов, установление периодизации и хронологии разновидностей, стилистический анализ, поиск аналогий, прототипов и дериватов.

1950-е – 1970-е гг. называют временем расцвета советской фарфоровой скульптуры², и этот расцвет можно свидетельствовать, просматривая ассортимент пластики разного времени в Интернете. На знаменитой Всемирной выставке ЕХРО 1958 в Брюсселе огромный успех Советского Союза (спутники, ледоколы, автомобили и т.д.) был подчеркнут в том числе и триумфом советского фарфора. Одну из золотых медалей выставки получил и Д.В. Горлов за фарфоровые скульптуры «Жираф», «Зебра», «Бизон»³.

Большинство работ в фарфоре классика советской анималистики Дмитрия Владимировича Горлова (1899–1988) относится к десятилетию от середины 50-х до середины 60-х гг. В литературе указано, что он создал для Дмитровского завода

¹ Благодарю за консультации специалистов по фарфору М.А. Сафонову и И.А. Гольского.

² Цуренко И.Г., Насонова И.С., Насонов С.М. Русский фаянс и фарфор. Империя Кузнецовых и Конаково. Из частного собрания. М., 2010. С. 360.

³ Премии международного жюри // Декоративное искусство СССР. 1958. № 12. С. 16.

Рис. 1. «Укрощение оленя» («Север»). Фарфор, надглазурная роспись. 32 × 22 см.

1 – общий вид; 2 – вид снизу, деталь (марка ДФЗ, подпись автора и год золотом).

Печатные публикации и наличие в музейных коллекциях неизвестны.

Фото: Антикварный салон на Ордынке (<https://www.as-ordynka.ru/>)

40 произведений⁴. На самом деле это наследие обширнее. В каталоге персональной выставки 1970 г.⁵ в числе 104 скульптурных произведений значатся 57 работ в фарфоре и бисквите, причем подавляющее большинство их сделано на ДФЗ. Однако изображений вещей в каталоге мало, и в настоящее время из этого числа можно уверенно идентифицировать 33 и предположительно – 7, многие из них в публикациях и музейных собраниях не зафиксированы. Зато известно не менее 12 фарфоровых изделий Д.В. Горлова, отсутствующих в каталоге 1970 г. Встречаемость на сегодняшнем интернет-рынке показывает, что примерно 15 вещей выпускались массовыми тиражами.

Издания нынешнего века для коллекционеров фарфора содержат целый ряд ошибочных и сомнительных атрибуций, в том числе более десятка работ других авторов приписываются авторству Д.В. Горлова (реже – наоборот) без достаточных оснований, и эти ошибки повторяются в Интернете, включая Государственный каталог музейного фонда. Известны работы Горлова в майолике, терракоте и фаянсе. Некоторые из них также тиражировались (Гжельский керамический завод), но их выпуск документирован еще хуже. Как результат – изучение наследия Д.В. Горлова, хоть и относящегося к недавнему прошлому, зачастую подобно археологическому вещеведению, если считать признаком археологичности отсутствие или недостаток письменных ис-

⁴ Черный Н.В. Фарфор Вербилло. Из истории русского и советского фарфора. М., 1970. С. 201.

⁵ Дмитрий Владимирович Горлов: Каталог выставки. М., 1970.

Рис. 2. «Север». Настенный рельеф (изразец). Фарфор, надглазурная роспись. 33 × 12 см.
Марка: ДФЗ Вербилки, золотая. Скульптор Д.В. Горлов. 1960 г.
Публикации: (Выставка работ... С. 16; *Крамаренко Л.Г.* «Горловские» звери... С. 90;
Черный Н.В. Фарфор Вербилки... С. 189; Д.В. Горлов: Каталог...)

точников. Одной из задач этого исследования должно стать составление полного каталога произведений автора указанного круга.

Некоторые вещи Горлова таят в себе загадки, связанные с обстоятельствами их создания. Две работы, составляющие пару, на тему Севера (рис. 1: 2) необычны для автора. Дело в том, что он, в отличие от некоторых других анималистов, в том числе своего учителя В.А. Ватагина, почти не изображал людей. Корни сюжетов для этих работ обнаруживаются в раннем периоде его художественного творчества, когда он еще не был столь строгим анималистом. В четырех номерах журнала «Всемирный следопыт» за 1929 год (№ 5–8) печатался очерк-отчет «В снегах Лапландии», посвященный впечатляющему походу по тайге и тундре Кольского полуострова, осуществленному по заданию журнала двумя молодыми искателями приключений. Автором текста был Владимир Белоусов (1907–1990), будущий геолог, член-корреспондент АН СССР, а рисунков-иллюстраций – Дмитрий Горлов (рис. 3). Здесь и находим эскизы фарфоровых вещей мастера, сделанных спустя почти три десятилетия (рис. 4: 5).

Весьма любопытна история самой экспедиции. Вероятно, Горлов и Белоусов познакомились в редакции «Всемирного следопыта», поскольку еще в 1926-м и 1927-м гг. публиковались на его страницах. Первоначально задание редакции предполагало организацию «рейда» на северных оленях из Мурманска в Москву, в духе модных агитационных мероприятий. Надо отдать должное, по прибытии в Мурманск энтузиасты трезво оценили утопичность плана (о чем подробно рассказывается во вступительной части очерка), и задание было заменено на «интересный маршрут по Кольскому полуострову». С определением маршрута помогли «заведующий Мурманским музеем краеведения тов. М.» и Мурманское общество краеведения. «Тов. М.» – это М.Н. Михайлов (1899–1976), основатель и первый директор Музея. «Было намечено два варианта маршрута. Один захватывал центральную и восточную части полуострова, другой шел на запад – в дикие, неисследованные районы Лапландии, лежащие на границе Советского Союза и Финляндии. Восточный маршрут – известный. По нему проехала не одна экспедиция. В центре и на востоке полу-

Рис. 3. Участники экспедиции на Кольском полуострове:
В. Белоусов (слева) и Д. Горлов (В снегах Лапландии. С. 603)

острова в больших селах-погостах живут богатые ижемцы и лопари, которые занимаются оленеводством, то есть отпускают своих оленей пастись где-нибудь в тундре, а сами сидят дома и пьют чай...»⁶. Под фразой «не одна экспедиция» скрываются Лопарская и Кольская экспедиции, организованные Русским географическим обществом и Академией наук СССР в 1927–1928 гг. В их составе традиционную культуру саамов изучал этнограф В.В. Чарнолуский (1894–1969), оставивший яркий след в науке⁷.

«Западный маршрут – маршрут неизвестный. Там на сотни километров тянутся места, где не было ни одной экспедиции... Население этих мест – одинокие лопари и финны-охотники, которые живут в крошечных избушках и на месяцы уходят на лыжах в леса и горы в поисках пушных зверей... Мы выбрали западный маршрут: «Следопыту» не пристало идти по проторенным дорогам...»⁸. Таким образом, в декабре 1928 г.⁹ Белоусов и Горлов, осмотрев окрестности Мурманска и кратко посетив классические пункты этнографических обследований Пулозеро и Ловозеро,

---

⁶ В снегах Лапландии / Очерки В. Белоусова; рисунки Д. Горлова // Всемирный следопыт. 1929. № 5. С. 325.

⁷ Саамская фотоколлекция...; Лукьянченко Т.В. В.В. Чарнолуский: певец Земли Саамской // Репрессированные этнографы. Вып. 2. М., 2003.

⁸ В снегах Лапландии... С. 325.

⁹ В кратких воспоминаниях Д.В. Горлов пишет: «В 1928-м вернулись из поездки от журнала "Всемирный следопыт", где мы с геологом В.В. Белоусовым за Полярным кругом совершили путешествие по Кольскому полуострову... Шли тайгой по компасу через охотничьи избушки, 600 километров было пройдено на лыжах, 700 – на оленях» (Чародей анималистики. С. 59). Однако публикации материалов о подготовке пробега (Рейд оленьей упряжки...) указывают, что поход состоялся зимой 1928–1929 гг.

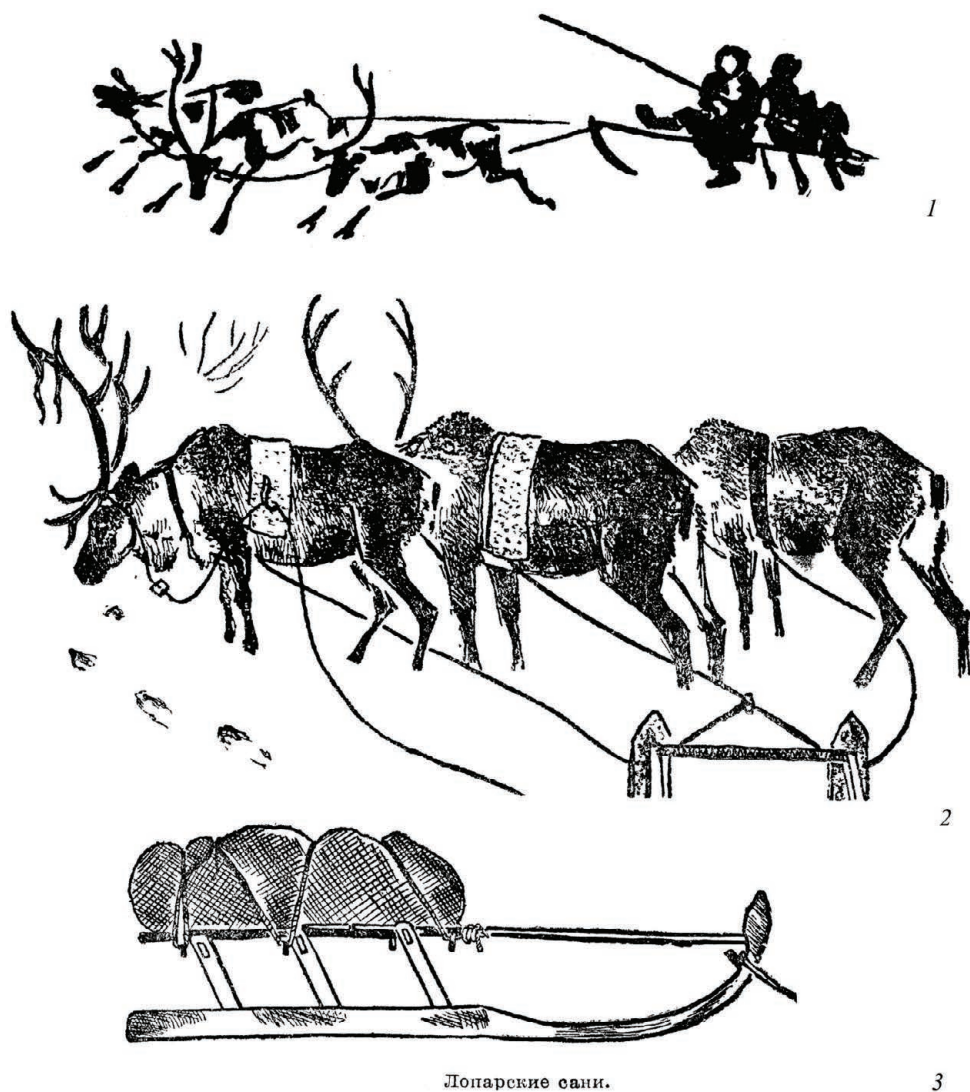

Рис. 4. Рисунки Д.В. Горлова. Лопарские сани и оленья упряжка
(В снегах Лапландии. 1 – С. 490; 2 – С. 429; 3 – С. 337)

решительно повернули на запад, в сторону озер Большая Имандра, Мончозеро и гор Волчьей Тундры, меняя проводников и двигаясь на лыжах и оленях от заимки к заимке (рис. 5: 3). Продвижение на крайний приграничный запад преградили двухметровые снега, ставшие непроходимым препятствием для оленей, и дальнейший путь был направлен на север, на Верхнюю Тулому. Подробности экспедиции, участники которой, по счастью, не столкнулись с чрезвычайными опасностями, но наслушались расска-

зов о таковых от местных жителей, изложены в публикации. Хотя путешественники не были учеными и не имели научной программы, мне кажется, материалы очерка во «Всемирном следопыте» хоть немного, но дополняют наследие В.В. Чернолуцкого, поскольку относятся ровно к тому же времени – когда традиционный уклад жизни саамов доживал последние годы¹⁰.

Настенный рельеф Горлова «Север» (рис. 2), несмотря на декоративность, точно передает детали саамской оленьей упряжки (рис. 4). Описанием к нему служит текст В. Белоусова: «В Ловозеро мы едем самостоятельно. У нас свои отдельные сани и упряжка из трех оленей. Мы сами будем управлять ими и очень этим горды... Мои орудия производства – это длинный тонкий шест – хорей и единственная вожжа, привязанная к уздечке жожака, крайнего левого оленя. Я должен сидеть на санях слева, поставив левую ногу на полоз, а правую могу держать – хочу по-лопарски, хочу по-ижемски. По-лопарски – я ее должен вытянуть вперед, по-ижемски – подложить под себя»¹¹.

Вот как Белоусов пишет о творчестве Горлова во время перехода с оленьими упряжками под руководством проводника-лопаря по имени Кондратий по глубоким снегам: «Особенно интересен был в этом трудном переходе Горлов. Мой спутник не представлял себе, как это он вдруг пропустит какой-нибудь интересный момент и не зарисует лежащего или барахтающегося в снегу оленя. Поэтому он выступал с карандашом в зубах и альбомом под мышкой, в другой подмышке у него был хорей.

Каждый раз, как только Кондратий, выбившись из сил, бросал ремни, объявлял остановку и лез в дальний карман за махоркой (что было трудным и долгим делом), Горлов сейчас же втыкал хорей в снег, снимал рукавицы и хватался за карандаш и альбом. В эти минуты было безнадежно просить его помочь перевязать вещи на санях или поправить упряжь. – Перетянуть веревки вы сами сумеете, а бык этот так больше никогда не ляжет, – спокойно отвечал он.

И рисовал до тех пор, пока из закованных пальцев не вываливался карандаш. А потом по команде Кондратия карандаш отправлялся обратно в зубы, альбом и хорей подмышку, и похлопывая рукавицами, Горлов кричал на оленей: – Нно! Милые дьяволы! Ну-ка!..»¹².

Очевидно, что в период работы Горлова с фарфором неизгладимые воспоминания из времени молодости продолжали служить источником его вдохновения.

Четыре акварели автора на тему Лапландии, датированные 1968 годом, были представлены на персональной выставке Д.В. Горлова 1970 г. Несколько графических и скульптурных работ на эту же тему хранятся в его Доме-музее в д. Соколова Пустынь.

И вот еще загадка: силуэт горловского оленя в сцене «Укрощения» 1956 года (рис. 1) почти буквально совпадает с очертаниями оленя, украсившего капот автомобиля «Волга» ГАЗ-21, выпущенного в том же 1956 г. Лишь голова заарканенного за рога фарфорового оленя откинута сильнее, чем у вытянувшегося в прыжке металлического. «Скульптор автомобиля» (как тогда говорили) – Лев Михайлович Еремеев –

---

¹⁰ Лукьянченко Т.В. В.В. Чернолуцкий... С. 144.

¹¹ В снегах Лапландии... С. 342.

¹² В снегах Лапландии... С. 394–395.

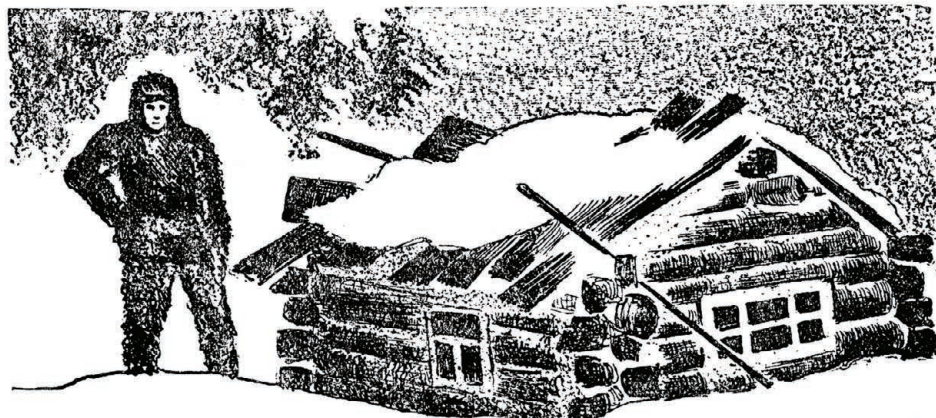
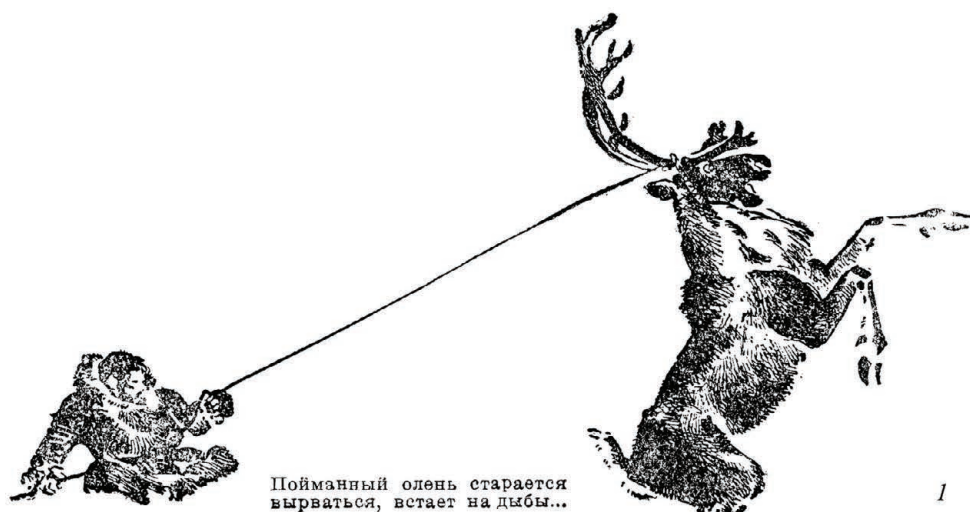

Рис. 5. Рисунки Д.В. Горлова. 1, 2 – лопарь Архип «имает» оленя; 3 – В. Белоусов рядом с лопарским жилищем (В снегах Лапландии. 1 – С. 341; 2 – С. 340; 3 – С. 427)

хорошо известен, но был ли он также автором фигурки оленя и есть ли связь с работой Горлова (в ту или иную сторону!), мне пока узнать не удалось¹³.

Прикоснувшись к продукции Дмитровского фарфорового завода послевоенного времени, я неожиданно обнаружил, что в специальной литературе не всегда можно найти ответы на ряд важных вопросов, касающихся атрибуции этих вещей, а даты применения разных заводских марок противоречивы.

Хорошим источником для сбора материалов по этой теме являются интернет-магазины, аукционные площадки, сайты антикварных салонов и форумы коллекционеров¹⁴, где выставлены предметы антиквариата и коллекционирования. Они представляют фотоизображения вещей в нескольких ракурсах, включая дно с клеймом (маркой), и в большинстве случаев указывают размеры. Этими признаками торговые площадки выгодно отличаются от сайтов музеев и государственного каталога музейного фонда, где принято публиковать изображения вещей ознакомительного, но не документального характера.

Фарфоровые статуэтки, выпущенные большими тиражами, присутствуют в Интернете в многочисленных экземплярах, что в наши дни составляет массовый или, по крайней мере, серийный источник для вещеведения, позволяющий проверять повторяемость признаков.

Обратимся к маркам времени работы в Вербилках Горлова – 1950-х – 70-х гг. В этот период применялись три основные марки: «чайник» (рис. 6: 1), «ДФЗ Вербилки» или «якорек» (рис. 6: 2, 3) и «лось» (рис. 6: 4). Первая из них существует в нескольких вариантах, а здесь приведена в наиболее позднем из них, который применялся, возможно, вплоть до 1957 г.¹⁵, во всяком случае – до 1954 г.¹⁶ Верхнюю дату можно подтвердить просмотром разных экземпляров статуэтки «Лыжник-пионер» скульптора С.М. Орлова, на постаменте которой автором прочерчена дата создания модели (1954), а на многочисленных экземплярах в равной мере встречаются две первые марки. Очевидно, что статуэтка «Лыжник» сразу после создания модели была запущена в серийное производство. Дополнительный хронологический признак – дарственные надписи 1955 и 1956 гг. на двух предлагаемых к продаже экземплярах с маркой «чайник», что позволяет осторожно предполагать присутствие, по крайней мере, в продаже изделий с этой маркой в те годы. А вот первая из известных работ Горлова в Вербилках – «Рысенок» – модель 1953 г.¹⁷, несмотря на многочисленность

---

¹³ Согласно любезному сообщению директора Музея истории Горьковского автомобильного завода Натальи Витальевны Колесниковой, «доподлинно не известно, кто автор фигурки оленя на капоте "Волги" ГАЗ-21. Мы считаем, что это коллективный труд, скорее всего, Л.М. Еремеева и Б.Б. Лебедева. Мы не знаем, вдохновились ли наши стилисты работами Горлова или нет. И сейчас мы уже этого не узнаем, к сожалению» (письмо автору, 1 декабря 2022 г.).

¹⁴ «Авито», «Антикварный салон на Ордынке», «Лавка Старины», «Мешок», «Старина и редкости» и др.

¹⁵ Насонова И.С., Насонов С.М., Гольский И.А., Дворкин Г.Л. Марки советского фарфора, фаянса и майолики. 1917–1991. Т. 1. М., 2009. С. 76.

¹⁶ Пелинский И.А., Сафонова М.А. Советский фарфор 1917–1991: иллюстрированный справочник-определитель с марочниками заводов и ценами. М., 2012. С. 47.

¹⁷ Крамаренко Л.Г. «Горловские» звери // Художники вещей. М., 1965. С. 92; Тиханова В.А. Скульпторы-анималисты Москвы. М., 1969. С. 139; Черный Н.В. Фарфор Вербилки... С. 185; Шандуренко М.В. Дмитрий Владимирович Горлов: Скульптура. Ступино, 2015. С. 11; Дмитрий Владимирович Горлов: Каталог ...; Рысенок [открытка].

Рис. 6. Марки Дмитровского фарфорового завода. Хронология согласно печатным марочникам (Дулькина Т.И. Марки... С. 358, 359; Насонова И.С. и др. Марки... С. 76–78; Пелинский И.А., Сафонова М.А. Советский фарфор... С. 47, 48): 1 – 1951–1957; 2, 3 – 1952–1970; 4 – 1965–2009. 2 – на вазе с авторской подписью А.И. Правиковой (<https://www.antique-salon.ru/forum/topic/94132-дмитровский-фарфоровый-завод-вазы/>)

экземпляров, с маркой «чайник» пока не встретилась. Вероятно, она была запущена в тираж несколько позднее. Вещи Горлова с маркой «чайник» вообще мне неизвестны.

Есть сведения, что марка «ДФЗ» была создана главным художником Главфарфор-фаянса Министерства местной промышленности РСФСР М.Ф. Паламарчуком еще в 1952 г.¹⁸, но дату начала маркирования ею массовых изделий следовало бы документально уточнить, как и детали одновременного применения двух вышеуказанных марок. На данный момент мне известны три ранние датирующие вещи (1956 г.) с этой маркой – «Укрощение оленя» Д.В. Горлова (рис. 1: 2), шкатулка Е.П. Смирнова¹⁹ и ваза А.И. Правиковой (рис. 6: 2). На всех трех год подписан авторами. Наиболее поздний пример – кружка к 50-летию Чувашской АССР, отмечавшемуся в 1970 г.²⁰

Реже встречается вариант марки «ДФЗ» с двумя звездочками по бокам (рис. 6: 3). Вероятно, он применялся кратковременно, хотя и на изделиях широкого ассортимента – как на посуде, так и на статуэтках. Из вещей Горлова с такой маркой в Интернете встречены два экземпляра «Рысенка» и один – карандашницы «Бегемот» (модель 1958 или 1959 г.)²¹. Известна одна датирующая вещь – ваза 1960 г., выпущенная к столетию Запрудненского электролампового завода²².

Не вполне ясна и история следующей по времени марки фарфора Вербилки в виде головы лося и буквы В. Согласно сведениям специальной публикации, ссылающейся на «документы архива художественной лаборатории ДФЗ», ее автор – главный художник завода Евгений Петрович Смирнов, и она была утверждена еще в 1961 г.²³,

¹⁸ Крайванов Ю.Г. Марки и знаки Дмитровского фарфорового завода // Научно-исследовательский институт художественной промышленности. Сб. трудов 6. М., 1972. С. 107.

¹⁹ <https://www.antique-salon.ru/forum/topic/94139-дмитровский-фарфоровый-завод-шкатулки-карандашницы-спичечницы/>.

²⁰ В аннотации на сайте высказано предположение, что юбилейный сувенир мог быть изготовлен на основе ранее произведенной кружки: <https://www.dvaveka.ru/farfor-keramika-steklo/chashki/sovetskaya-farforovaya-chashka-50-let-chassr-dfz-verbilki-sssr-1975-g/>.

²¹ Дмитрий Владимирович Горлов: Каталог...; Шандуренко М.В. Дмитрий Владимирович Горлов... С. 12; <https://meshok.net/item/131277176>.

²² <https://www.antique-salon.ru/forum/topic/94132-дмитровский-фарфоровый-завод-вазы/page/2/>.

²³ Крайванов Ю.Г. Марки и знаки Дмитровского фарфорового завода... С. 107.

но начало массового применения отнесено в разных изданиях к периоду с 1965 по 1967 г.²⁴ В пользу ранней даты (1965) свидетельствует вазочка «II спартакиада народов СССР» (событие – март 1966)²⁵.

В литературе, однако, не разъясняется, почему эта марка существует в двух вариантах начертания. Первый из них (назовем его «прямолинейный») можно видеть в печатной продукции и на некоторых юбилейных сувенирах (рис. 7: 3–9), другой же («закругленный») – на массовых изделиях (рис. 6: 4).

Краткий обзор собранных материалов добавляет некоторые подробности разработки этой марки. Так, настенная плакетка с гербом СССР обычно имеет марку «ДФЗ» (рис. 7: 1, 2), но встречен и экземпляр с маркой «лось» прямолинейного варианта, нанесенной тремя красками (рис. 7: 3, 4). Вероятно, это один из ранних выставочных предметов, на которых, по сведениям Ю.Г. Крайванова, первоначально и помещалась марка «лось»²⁶. Известен сувенирный набор плакеток с гербами городов, на коробке которого помещен прямолинейный «лось», а на плакетках – марка «ДФЗ»²⁷.

К юбилейной дате 200-летия ДФЗ (отмечалось в феврале 1966 г.) был выпущен целый ряд сувениров. Две настольные медали изготовлены из фарфора (рис. 7: 6) и металла²⁸. На обеих – идентичное изображение – прямолинейный «лось». Такое же изображение находим в пригласительном билете на торжества 1966 г.²⁹, каталогах продукции завода 1976³⁰ и 1981 гг. (рис. 7: 8).

Особняком стоят три предмета, сделанные Д.В. Горловым – настенная плакетка (рис. 7: 5) и два настольных сувенира с аналогичным щитком³¹; на их основе и сама марка «лось» иногда ошибочно приписывается авторству Горлова. Изображение здесь воспроизводит прямолинейный вариант марки, но имеет авторские черты своеобразия. Предполагаю, что эти изделия были выпущены не в 1968 г., как указано в каталоге персональной выставки, а к юбилею 1966 г.³² Они встречаются с обеими заводскими марками – «ДФЗ» и «лось» (закругленный).

Еще один юбилейный сувенир – вазочка с трехцветным изображением прямолинейной марки (рис. 7: 9) – таким же, как на обороте плакетки (рис. 7: 4); на задней стороне – надписи: «1766» и «Завод основан», на донце – марка «ДФЗ».

---

²⁴ Там же; *Мачульский Е.Н., Зилов А.А., Кравцова Ю.Н.* Вербилки. История фарфорового завода Ф.Я. Гарднера. М., 2005. С. 375; *Насонова И.С., Насонов С.М., Гольский И.А., Дворкин Г.Л.* Марки советского фарфора, фаянса и майолики... С. 78; *Пелинский И.А., Сафонова М.А.* Советский фарфор 1917–1991: иллюстрированный справочник-определитель с марочниками заводов и ценами. М., 2012. С. 48.

²⁵ <https://meshok.net/item/279601979>.

²⁶ *Крайванов Ю.Г.* Марки и знаки Дмитровского фарфорового завода... С. 107.

²⁷ <https://meshok.net/item/280484072>.

²⁸ Материал – томпак, авт. В.Д. Косарев, Ленингр. монет. двор, тираж 300 – см.: *Шкурко А.С., Салыков А.Ю.* Памятная медаль советского периода. 1919–1991: Каталог. М., 2005. С. 36, 142. № 433.

²⁹ *Мачульский Е.Н., Зилов А.А., Кравцова Ю.Н.* Вербилки. История фарфорового завода Ф.Я. Гарднера. С. 376.

³⁰ *Дмитровский ...*, 1976.

³¹ *Шандуренко М.В.* Дмитрий Владимирович Горлов... Обложка.

³² В мастерской Д.В. Горлова (Дом-музей в д. Соколова Пустынь) сохранились гипсовые модели этих сувениров, а также экземпляр вышеуказанной плакетки с гербом СССР и трехцветной маркой «прямолинейный лось», но напечатанной на бумажной наклейке. Возможно, именно марка на оборотной стороне этой вещи понадобилась художнику как образец при работе над сувенирами.

Рис. 7. Разные изображения марки «лось». 1–4 – плакетка «Герб СССР» (1 – лицевая сторона; 2, 3 – оборотная сторона: экземпляры с маркой «ДФЗ» и редким вариантом марки «лось»: https://www.avito.ru/moskva/mebel_i_interer/plaketka_gerb_sssr_verbilki_dfz_1151154513; 4 – увеличенный фрагмент предыдущего фото); 5 – рельефная плакетка с маркой «лось», автор Д.В. Горлов; 6 – фарфоровая медаль к юбилею ДФЗ 1966 г.; 7 – изображение марки «лось» (Крайванов Ю.Г. Марки и знаки... С. 104); 8 – изображение марки «лось» из каталога 1981 г. (Дмитровский..., 1981, тит. лист); 9, 10 – сувенирные вазочки (10 – <https://www.dvaveka.ru/farfor-keramika-steklo/vazy/vazochka-verbilki-zavod-osnovan-v-1766-godu-sovetskiy-farfor/>); 11, 12 – рельефная плакетка с эмблемой ДФЗ (лицевая и оборотная стороны). 1, 3, 5, 6, 9, 11, 12 – из собрания автора

Следующие вещи уже свидетельствуют о появлении «закругленного» варианта. Во-первых, это вазочка (рис. 7: 10), по форме и композиции весьма сходная с предыдущей, но расписанная в ином стиле: детализированная закругленная марка «лось» в картуше, на задней стороне – в таком же картуше изображение завода и те же надписи: «1766», «Завод основан», на донце – марка «ДФЗ». Во-вторых, салфетница с почти идентичными изображениями; на донце – марка «лось», подпись Е. Смирнова и дата «1971»³³. В-третьих, настенная плакетка с эмблемой ДФЗ (рис. 7: 11, 12), где к закругленному варианту марки «лось» добавлен фарфоровый чайник в рогах лося³⁴. Вероятно, эта плакетка – плод совместного творчества скульптора Н.И. Розова (автора вышеупомянутых плакеток с гербами) и художника Е.П. Смирнова (его подпись – на обороте). Известен еще один ее экземпляр с подписью Смирнова и датой «1974»³⁵, на всех экземплярах этой плакетки – марка «лось».

Суммируя собранные материалы, можно предполагать, что оба варианта марки «лось» созданы Е.П. Смирновым. Несмотря на разительные стилистические различия двух вариантов, авторство в первом случае засвидетельствовано вышеуказанной ссылкой на архивные материалы и изображением, приведенным в той же публикации (рис. 7: 7), а во втором – авторскими подписями. Получается, что в момент внедрения этой марки в производство (1965 г.) первоначальный дизайн был автором переработан. Период параллельного использования марок «ДФЗ» и «лось» на массовом фарфоре Вербилек занял не менее 5–6 лет (1965–1969/1970 гг.).

Список литературы

- В снегах Лапландии / Очерки В. Белоусова; рисунки Д. Горлова // Всемирный следопыт. 1929. № 5 (С. 323–344), 6 (С. 403–430), 7 (С. 483–498), 8 (С. 602–611).
- Выставка работ художников-анималистов: Графика, скульптура: Каталог. М.: Советский художник, 1962. 40 с.
- Дмитрий Владимирович Горлов: Каталог выставки. М.: Советский художник, 1970. 48 с.
- Дмитровский ордена Трудового красного знамени фарфоровый завод: Изделия со Знаком качества. М.: Отдел рекламы МЛП РСФСР, 1976. 32 с.
- Дмитровский ордена Трудового красного знамени фарфоровый завод: Каталог. М.: Реклама, 1981. 72 с.
- Дулькина Т.И. Марки российского фарфора и фаянса. 1750–1960. М.: Изд-во Ирины Касаткиной, 2003. 430 с.
- Крайванов Ю.Г. Марки и знаки Дмитровского фарфорового завода // Научно-исследовательский институт художественной промышленности. Сборник трудов 6. М.: Легкая индустрия, 1972. С. 102–107.
- Крамаренко Л.Г. «Горловские» звери // Художники вещей. М.: Советский художник, 1965. С. 77–94.
- Лукьянченко Т.В. В.В. Чарнолуцкий: певец Земли Саамской // Репрессированные этнографы. Вып. 2. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2003. С. 128–146.

---

³³ <https://www.dvaveka.ru/farfor-keramika-steklo/vazy/vaza-s-izobrazhenie-gerba-verbilki/>

³⁴ Эмблема с чайником, очевидно, разработана в начале 1970-х гг. (не позднее 1974), на ее основе составлен герб поселка Вербилки, утвержденный в 1989 г. и замененный на другой герб в 2008 г. – см.: <http://www.heraldicum.ru/russia/subjects/towns/verbil.htm>

³⁵ <https://www.dvaveka.ru/farfor-keramika-steklo/verbilki/plaketka-gerb-goroda-verbilki-skulptor-rozov-n-i-dmitrovskiy-farforovyy-zavod-1974-g/>

- Мачульский Е.Н., Зилов А.А., Кравцова Ю.Н. Вербилки. История фарфорового завода Ф.Я. Гарднера. М.: Авангард, 2005. 503 с.
- Насонова И.С., Насонов С.М., Гольский И.А., Дворкин Г.Л. Марки советского фарфора, фаянса и майолики. 1917–1991. В 2 т. Т. 1. М.: Среди коллекционеров, 2009. 608 с.
- Пелинский И.А., Сафонова М.А. Советский фарфор 1917–1991: иллюстрированный справочник-определитель с марочниками заводов и ценами. 2-е изд. М.: ИД «Любимая книга», 2012. 510 с.
- Рейд оленьей упряжки «Следопыта» // Всемирный следопыт. 1929. № 12. С. 954.
- Премии международного жюри // Декоративное искусство СССР. 1958. № 12. С. 16–17.
- Рысенков [открытка]. Фарфор. Скульптор Д.В. Горлов. М.: Советский художник, 1956.
- Тиханова В.А. Горлов // Тиханова В.А. Скульпторы-анималисты Москвы. М.: Советский художник, 1969. С. 128–163.
- Цуренко И.Г., Насонова И.С., Насонов С.М. Русский фаянс и фарфор. Империя Кузнецовых и Конаково. Из частного собрания. М.: Среди коллекционеров, 2010. 510 с.
- Чародей анималистики: Библиографический указатель. К 100-летию со дня рождения Д.В. Горлова. Ступино, 2000. 77 с.
- Черный Н.В. Фарфор Вербилки. Из истории русского и советского фарфора. М.: Изобразительное искусство, 1970. 296 с.
- Шандуренко М.В. Дмитрий Владимирович Горлов: Скульптура. Ступино: ГАУ МО «Информ. агентство Ступинского р-на Мос. области», 2015. 32 с.
- Шкурко А.С., Салыков А.Ю. Памятная медаль советского периода. 1919–1991: Каталог. М.: Гос. ист. музей, 2005. 402 с.

Электронные ресурсы (дата обращения: 2 декабря 2022 г.)

- Авито (Сайт объявлений о товарах). URL: <https://www.avito.ru/>
- Антикварный салон на Ордынке. URL: <https://www.as-ordynka.ru/>
- Геральдикум (Сайт о российской территориальной геральдике). URL: <http://www.heraldicum.ru/>
- Лавка старины (Антикварный интернет-магазин). URL: <https://www.dvaveka.ru/>
- Мешок (Интернет-аукцион). URL: <https://meshok.net/>
- Саамская фотоколлекция В.В. Чарнолуского в собрании музея // Российский этнографический музей. URL: <https://ethnomuseum.ru/kollekcii/vystavki-onlajn1/saamskaya-foto-kollekciya-vvcharnoluskogo-v-sobranii-muzeya/>
- Старина и редкости: форум для коллекционеров антиквариата. URL: <https://www.antique-salon.ru/forum/>

N.V. Lopatin

ON THE CREATIVE HERITAGE OF ARTIST D.V. GORLOV AND SOME ISSUES OF HISTORY OF DMITROV PORCELAIN FACTORY

Abstract: The article examines the history of the creation of two works in porcelain on the theme of the North by the sculptor-animalist Dmitry Gorlov, released in 1956 and 1960. His drawings were found, which were made during the winter expedition of 1929 along the Kola Peninsula and served as sketches for later sculptural works. The task of compiling a catalogue of D.V. Gorlov's works in porcelain is set. In the second part of the article details of development and introduction into production of two brands of Dmitrov porcelain factory in 1950s and 1960s are discussed.

Keywords: Soviet porcelain, small plastic, animalistics, Verbilki, North, Kola Peninsula, Saami, brand of Dmitrov porcelain factory.

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ВЫЯВЛЕНИЯ И ПЕРВИЧНОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ (НА ПРИМЕРЕ ЗУБОВСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация: В статье описывается опыт разведки средневекового золотоордынского поселения с помощью дистанционных методов: анализа массива спутниковых снимков местности из открытых источников, расшифровки немецкой аэрофотосъемки периода второй мировой войны, а также использования недорогих беспилотных летательных аппаратов для современной аэрофотосъемки и фотограмметрии. Совокупность данных методов позволила еще до проведения традиционной разведки довольно точно обозначить границы памятника, а также выявить утраченные и не видимые в рельефе сооружения.

Ключевые слова: золотоордынская археология, аэрофотосъемка, фотограмметрия, разведка.

Зубовское поселение – археологический памятник в районе современного села Колобовка – расположено на высоком берегу р. Ахтубы (приток р. Волга), в Ленинском муниципальном районе Волгоградской области. Памятник находится к северо-востоку и юго-западу от автомобильной трассы 18 Р-1 «Волжский-Астрахань», которая прорезает его пополам, в 60 км от г. Волжский (Волгоградская обл.), в 23 км от г. Ленинск и в 14 км от Царевского городища (памятника археологии федерального значения, золотоордынского столичного города XIV в.). Такая близость к крупному средневековому городу фактически дает Зубовскому поселению статус ближайшей его окружи и представляет особый интерес.

О существовании средневекового памятника в окрестностях ныне исчезнувшей деревни Зубовки писал в 1837 г. саратовский краевед А.Ф. Леопольдов: «Верстах в трех от дворца, близ деревни Зубовки, развалины здания представляют род правильного укрепления, кругом которого был вал с бастионами; внутри него находились два здания, связанных переходом, или аркой; одно из них – огромное, другое менее; но в обоих видно роскошь материалов. По двору разбросано множество ям»¹.

В 1898 г. член Императорского Русского географического общества А.Н. Минх отмечал, что «близ деревни Зубовки находились развалины крепости с бастионами и рвами, но в настоящее время сохранились один развалины, кучи мусора и кирпича»².

¹ Леопольдов А.Ф. Актубинские развалины // Журнал Министерства внутренних дел. 1837. № 4. С. 127.

² Минх А.Н. Историко-географический словарь Саратовской губернии. Т. 1. Вып. 1. Саратов, 1898. С. 48–49.

В 1926 г. А.И. Ильина и П.Н. Шишкин при составлении археологической карты Нижневолжского региона зафиксировали близ деревни Зубовки «...остатки десяти золотоордынских дворов, окруженных стенами, сохранившихся в виде невысоких валов, с остатками кирпичных зданий и водоемов»³.

В 1966 г. во время полевых археологических работ Г.А. Федоров-Давыдов зафиксировал в районе уже исчезнувшей деревни Зубовки золотоордынское городище⁴.

В 2002 г., под руководством Волгоградского археолога И.А. Воронцова, на Зубовском поселении были проведены археологические разведки: собран подъемный материал и снят инструментальный топографический план памятника.

В 2007 г. на памятнике разведки под руководством И.А. Воронцова на памятнике продолжились. На территории Зубовского поселения было заложено три шурфа, общей площадью 20 кв. м, которые уточнили границы распространения культурного слоя памятника, а также его мощность и датировку. Мощность культурного слоя оказалась довольно значительной и составила 1,1 м. Нумизматическим материалом он датируется 40-ми годами XIV века⁵.

В 2009 г. также под руководством И.А. Воронцова на территории памятника были выполнены спасательные археологические раскопки на частично разрушенном объекте в западной части Зубовского поселения. В раскопе № 5 был зафиксирован фрагмент кладки из сырцового кирпича, собрана керамическая коллекция⁶.

Дополнить архивные данные помогло изучение космических спутниковых снимков Google, которые оказались доступны для изучаемой территории с 2009 г. К 2022 г. насчитывается уже 13 серий космоснимков, сделанных в разные года и в разные сезоны. На них отчетливо различались крупные объекты, о которых упоминал А.Ф. Леопольдов и которые нанес на план И.А. Воронцов. На космоснимках Google на территории памятника отчетливо выделялся холм, окруженный прямоугольным валом с всхолмлениями по углам этого вала («бастионами» по Леопольдову). Размеры вала – 87 × 102 м. Сооружение ориентировано по оси север-юг с отклонением к востоку. Также различалась перемычка на южной стороне вала – вход во внутреннее пространство объекта. Диаметр центрального всхолмления – около 40 м. Ширина вала достигает 8 м. Таким образом, это сооружение представляло собой крупное центральное здание, окруженное стеной, по углам укрепленной башнями. Вход в сооружение находился на юге. Приблизительно идентифицироваться оно может как мавзолей, но определенность могут дать только археологические исследования непосредственно на объекте. Кроме этого, наиболее сохранного сооружения, на спутниковых снимках выявлен еще один крупный «мавзолей» с оградой вокруг центрального всхолмления. В целом, данные космоснимков позволили произ-

³ Ильина А.И., Шишкин П.Н. Материалы к археологической карте Сталинградского, Хоперского и некоторой части Астраханского и Камышинского округов Нижне-Волжского края. Сталинград, 1929. С. 10–11.

⁴ Федоров-Давыдов Г.А. Отчет о раскопках и разведках золотоордынских городищ в Волгоградской и Астраханской областях в 1966 г. М., 1967 // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. № 3289. С. 75.

⁵ Воронцов И.А. Отчет о проведении археологических работ на территории Зубовского поселения Ленинского района Волгоградской области в 2007 году. Волгоград, 2008 // Архив Государственной организации культуры Историко-этнографический и архитектурный музей заповедник «Старая Сарепта».

⁶ Воронцов И.А. Отчет о проведении охранных археологических работ на территории Зубовского поселения в Ленинском муниципальном районе Волгоградской области // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. № 40229.

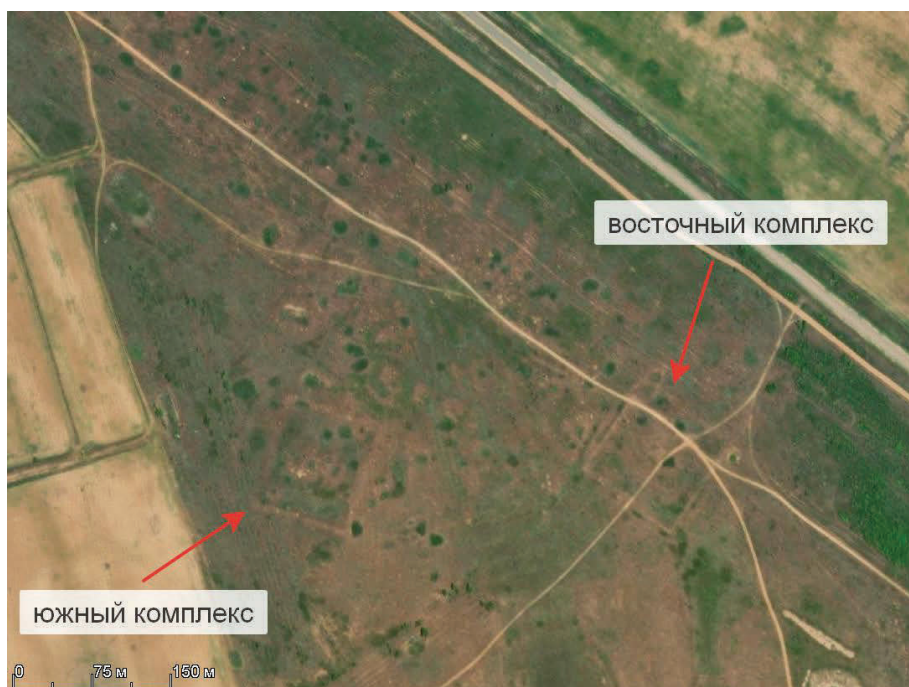

Рис. 1. Зубовское поселение на космическом снимке Google (дата съемки 16 мая 2019 г.)

вести первичную разведку территории и обозначить примерные границы памятника археологии (рис. 1).

Однако точность и разрешение космоснимков не позволяют выявить более мелкие объекты, а также объекты, слабее выраженные в рельефе. Чтобы заполнить этот пробел, над территорией Зубовского поселения была проведена аэрофотосъемка с помощью беспилотного летательного аппарата (БПЛА). Аэрофотосъемка велась по заранее заданному маршруту, на высоте 120 м, с фотографированием местности вертикально вниз, с перехлестом фотоснимков (продольное перекрытие 80%, поперечное 60%). Получившийся массив фотографий (всего 674 снимка, которые покрыли площадь 6,6 га) после обработки позволил построить ортофотоплан поселения и карту высот⁷. Расшифровка ортофотоплана дала возможность выявить множество новых деталей, не видимых ранее на космоснимках. Был выявлен крупнейший «северный мавзолей», окруженный сложной оградой с «приделами», от которого ранее фиксировалось только центральное всхолмление. Кроме того, выявлен массив более мелких «мавзолеев», также окруженных оградой, ранее не фиксировавшимися. К уже известным объектам добавились детали: у южного комплекса была выявлена западная пристройка, не видимая до этого ни из космоса, ни на местности. Также на этом снимке выяснилось, что южный комплекс пересекает такой же, более ранний ком-

⁷ Снимки были сделаны квадрокоптером DJI Phantom 4 Pro, использовалось мобильное программное обеспечение Dji Pilot, для обработки снимков использовалась программа Agisoft PhotoScan Professional.

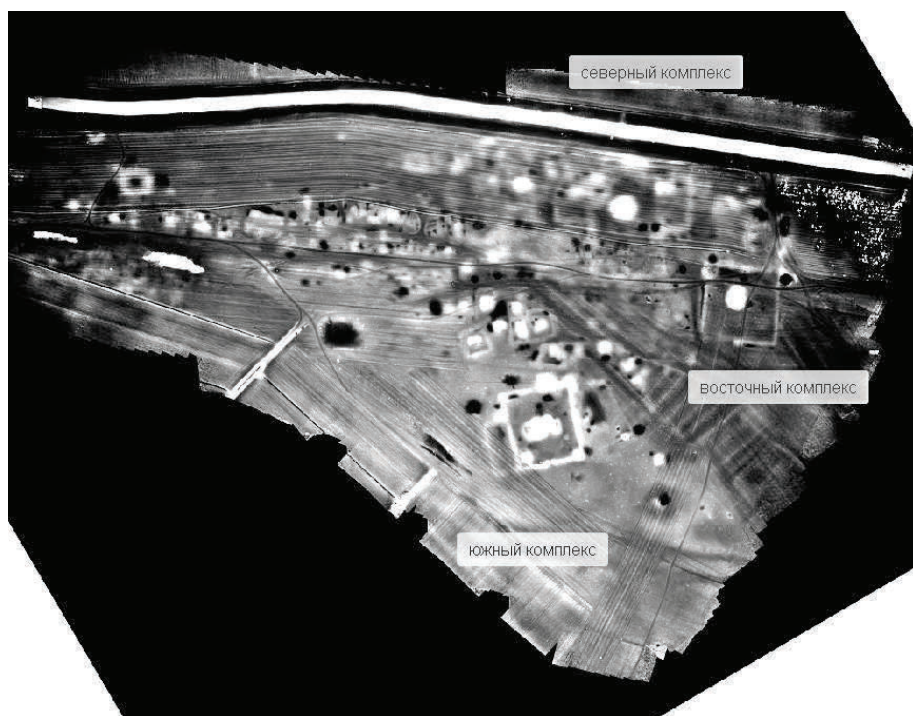

Рис. 2. Фотограмметрический снимок Zubовского поселения (дата съемки апрель 2021 г.)

плекс – всхолмление с оградой, которые также не фиксировались визуально. Кроме этого, более четко были выявлены утраты культурного слоя памятника в результате хозяйственной деятельности конца XIX – середины XX века: распахши лиманов, организации рвов и оросительных каналов (рис. 2).

Проведенная фотограмметрия поселения позволяет предположить, что подобную точность деталей и скрытых объектов не может дать традиционная топографическая съемка местности. При отсутствии лесной растительности такой метод дистанционного зондирования земли может быть приравнен по своей эффективности, с некоторыми допущениями, к лидарной съемке, однако в разы более дешевой и доступной широкому кругу исследователей.

Вторым крупным не археологическим источником о топографии Zubовского поселения стала немецкая аэрофотосъемка местности, сделанная в феврале 1943 г. Оригиналы микрофильмов хранятся в Национальном Архиве США (National Archive and Records Administration – NARA), и их копирование проводится только на коммерческой основе⁸. По благоприятному стечению обстоятельств Zubовское поселение было отснято целиком, причем до начала активной хозяйственной деятельности на его территории, что позволило уточнить некоторые данные о его размерах и его объектах, ныне утраченных. К сожалению, снимки были получены уже после постанов-

⁸ <https://www.luftfoto.ru>

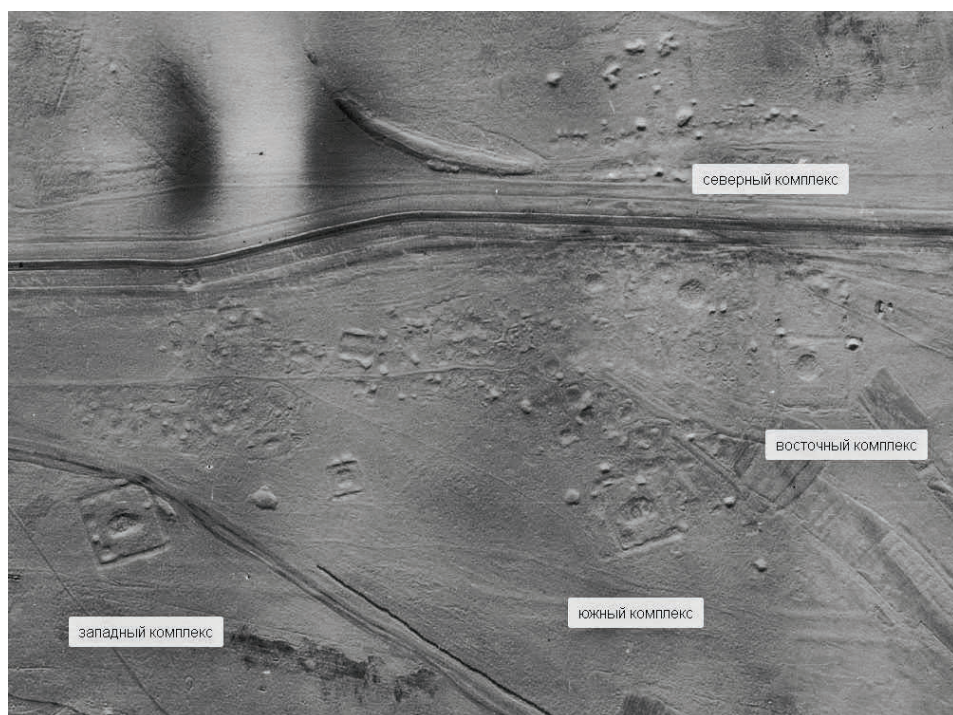

Рис. 3. Зубовское поселение на аэрофотоснимке 1943 г.

ки памятника на государственную охрану, поэтому задачей будущего станет уточнение границ поселения в пользу их расширения на запад.

Снимок Зубовского поселения имеет следующие выходные данные: серия № 149; дата съемки 1 февраля 1943 г.; масштаб 1:19000; качество: среднее; заснеженность: есть; номер снимка № 60⁹. На данном снимке в центре расположена деревня Зубовка и золотоордынское Зубовское поселение.

Что же дал архивный снимок для уточнения топографии поселения? В первую очередь, снимок выявил неизвестную западную часть поселения, которая много лет находится под распахкой. Во время аэрофотосъемки 1943 г. распахка еще не велась, поэтому на снимке отчетливо видно еще три крупных «мавзолеев», один из которых не уступает в размерах «мавзолеям» в известной части поселения, а кроме того, фиксируются более мелкие объекты, которые в настоящее время также распаханы (рис. 3). В целом, данный аэрофотоснимок позволяет оценить степень воздействия хозяйственной деятельности на памятник. Сравнивая этот снимок с современной спутниковой съемкой, можно видеть, что вся западная часть находится под многолетней распахкой, что способствовало полной нивелировке надземных сооружений, однако подземные их части должны сохраниться и могут стать предметом спасательных археологических исследований.

⁹ <https://catalog.archives.gov/id/44225314>.

Совокупность проведенных дистанционных исследований территории поселения позволила еще до полевых исследований выявить все самые значительные его объекты, хоть как-то выделяющиеся в рельефе, предварительно очертить границы объекта археологического наследия, оценить масштабы утрат, понесенных памятником в результате распашки, строительства дороги и прочей хозяйственной деятельности.

Закономерным итогом предварительных исследований стала пешая разведка Zubовского поселения традиционными методами – визуальный осмотр, сбор подъемного материала и шурфовка для определения характера культурного слоя памятника и выявления его границ. В результате работ:

- проведен визуальный осмотр территории Zubовского поселения и прилегающей территории, а также сбор подъемного материала;

- на участках обследования осуществлены шурфовочные работы в объеме 23 шурфов, общей площадью 49 м², а также произведена одна зачистка грунта в грабительском раскопе. Количество и объем шурфов были обусловлены необходимостью детального уточнения характера и степени сохранности культурного слоя;

- определены границы территории памятника «Зубовское поселение, XIV век» согласно «Методике определения границ территорий объектов археологического наследия», утвержденной письмом министерства культуры РФ от 27.01.2012 № 12-01-39/05-АБ;

- произведена съемка топографического плана и определены характерные точки границы территории объекта;

- установленная площадь выявленного объекта археологического наследия «Зубовское поселение, XIV век» составила 307467,92 м² (30,75 Га);

- подготовлены материалы для учетной карточки объекта для постановки на охрану;

- приказом Комитета государственной охраны объектов культурного наследия Волгоградской области № 583 от 07 октября 2021 года «Зубовское поселение, XIV век» включено в перечень выявленных объектов культурного наследия Волгоградской области.

Установлено, что на большей части территории «Зубовского поселения, XIV век» сохранился стратифицированный культурный слой, однако часть его сильно пострадала при распашке территории памятника в XIX–XX вв., часть – от деятельности «черных копателей», а северная часть подвергается распашке и в настоящее время. На центральных же участках слой золотоордынского времени сохранился достаточно хорошо.

Совокупность дистанционных методов, таких, как изучение архивных фотографий, спутниковых снимков, аэрофотосъемка, с традиционными археологическими методами позволили с большой степенью достоверности выявить все объекты, выраженные в микрорельефе памятника, и очертить его границы с высокой точностью. Особо стоит отметить роль фотограмметрии в выявлении объектов, не видимых визуально или на спутниковых снимках. С удешевлением некоммерческих дронов и развитием программного обеспечения для них такие методы ожидаемо будут применяться все чаще и в итоге войдут в разряд необходимых разведывательных мероприятий.

Список литературы

- Воронцов И.А.* Отчет о проведении археологических работ на территории Зубовского поселения Ленинского района Волгоградской области в 2007 году. Волгоград, 2008 // Архив Государственной организации культуры Историко-этнографический и архитектурный музей заповедник «Старая Сарепта».
- Воронцов И.А.* Отчет о проведении охранных археологических работ на территории Зубовского поселения в Ленинском муниципальном районе Волгоградской области // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р.-1. № 40229.
- Ильина А.И., Шишкин П.Н.* Материалы к археологической карте Сталинградского, Хоперского и некоторой части Астраханского и Камышинского округов Нижне-Волжского края. Сталинград: Тип. Школы глухонемых, 1929. 50 с.
- Леопольдов А.Ф.* Актубинские развалины // Журнал Министерства внутренних дел. 1837. № 4. С. 123–133.
- Минх А.Н.* Историко-географический словарь Саратовской губернии. Т. 1. Вып. 1. Саратов: Тип. губернского земства, 1898. 207 с.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Отчет о раскопках и разведках золотоордынских городищ в Волгоградской и Астраханской областях в 1966 г. М., 1967 // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р.-1. № 3289.

N.I. Saveliev

MODERN METHODS OF IDENTIFICATION AND PRIMARY EXAMINATION OF ARCHAEOLOGICAL MONUMENTS (ON THE EXAMPLE OF THE ZUBOVSKY SETTLEMENT IN VOLGOGRAD REGION)

Abstract: The article describes the experience of reconnaissance of a medieval Golden Horde settlement using remote methods: analysis of an array of satellite images of the area from open sources, interpretation of German aerial photography during the Second World War, as well as the use of inexpensive unmanned aerial vehicles for modern aerial photography and photogrammetry. The combination of these methods made it possible even before carrying out traditional reconnaissance to accurately mark the boundaries of the monument, as well as to identify structures that were lost and not visible in the relief.

Keywords: Golden Horde archeology, aerial photography, photogrammetry, reconnaissance.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авдеев Александр Григорьевич – ПСТГУ, Университет Дмитрия Пожарского
(г. Москва), *avdey57@mail.ru*

Баранова Светлана Измайловна – РГГУ (г. Москва), *svetlanbaranova@yandex.ru*

Баталов Андрей Леонидович – ГИКМЗ «Московский Кремль», ГИИ (г. Москва),
batal-bei@yandex.ru

Белова Анна Борисовна – Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(г. Санкт-Петербург), *beloniria@mail.ru*

Буров Владимир Андронович – ИА РАН (г. Москва), *burovvan@rambler.ru*

Вдовиченко Марина Викторовна – ИА РАН (г. Москва), *zakomara@yandex.ru*

Глазунова Ольга Николаевна – ИА РАН (г. Москва), *olga-glazunova2007@yandex.ru*

Григорян Светлана Багратовна – ИА РАН (г. Москва), *lana384@yandex.ru*

Гусач Ирина Рудольфовна – ГБУК Ростовской области «Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник» (г. Азов),
irina_gusach@mail.ru

Давиденко Дмитрий Григорьевич – ИА РАН (г. Москва), *dgd975@yandex.ru*

Державин Виктор Леонидович – ИА РАН (г. Москва), *derzh@yandex.ru*

Елкина Ирина Игоревна – ИА РАН (г. Москва), *ira-elkina@yandex.ru*

Зайцева Ирина Евгеньевна – ИА РАН (г. Москва), *izaitseva@yandex.ru*

Зоц Елена Павловна – ИА РАН (г. Москва), *erica1482@mail.ru*

Ибрагимзаде Кемаль – доцент, доктор, Ардаханский университет, Факультет гуманитарных наук и литературы, Отделение истории искусств (г. Ардахан, Турция),
(Doç. Dr. Kemal Ibrahimzade, Ardahan Üniversitesi, İnsani Bilimler ve Edebiyat

Fakültesi, Sanat Tarihi Bölümü, Ardahan, Türkiye),
kemalibrahimzade@ardahan.edu.tr

Коваль Владимир Юрьевич – ИА РАН (г. Москва), *kovaloka@mail.ru*

Конявская Елена Леонидовна – ИРИ РАН (г. Москва), *ekonyavskaya@gmail.com*

Кренке Николай Александрович – ИА РАН (г. Москва), *nkrenke@mail.ru*

Курицын Максим Александрович – ИА РАН (г. Москва)

Курмановский Владимир Сергеевич – ИА РАН (г. Москва), *kurmanovskiye@mail.ru*

Леонтьев Андрей Евгеньевич – ИА РАН (г. Москва), *leont3@mail.ru*

Лопатин Николай Владимирович – ИА РАН (г. Москва), *n.lopatin@gmail.com*

Мазуров Алексей Борисович – Государственный социально-гуманитарный университет (г. Коломна Московской обл.), Свято-Филаретовский институт (г. Москва),
mazurov.ab.1970@mail.ru

Макаров Николай Андреевич – ИА РАН (г. Москва), *ia.ras@mail.ru*

Максимова Анастасия Александровна – ИА РАН (г. Москва),
anastasya.maksimova@gmail.com

Медникова Мария Борисовна – ИА РАН (г. Москва), *medma_pa@mail.ru*

Мирясова Анна Александровна – ИА РАН (г. Москва), *miryassova@yandex.ru*

Михайлова Елена Робертовна – СПбГУ (г. Санкт-Петербург),
helen.mikhaylova@gmail.com

Рузаева Екатерина Ивановна – ИА РАН (г. Москва), *ruzaeva-ei@mail.ru*

Савельев Никита Игоревич – ИА РАН (г. Москва), *barbarossa-84@mail.ru*

Седов Владимир Валентинович – ИА РАН (г. Москва), *sedov1960@mail.ru*

Ситдигов Айрат Габитович – Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань), *sitdikov_a@mail.ru*

Старков Андрей Сергеевич – ООО «Поволжская археология» (г. Казань),
2647425@mail.ru

Стрикалов Игорь Юрьевич – ИА РАН (г. Москва), *igor.strikalov@gmail.com*

Тарабарина Юлия Валентиновна – ГИИ (г. Москва), *juliaarchiru@gmail.com*

Татауров Сергей Филиппович – ИАЭТ СО РАН (г. Новосибирск),
tatsf2008@rambler.ru

Татауров Филипп Сергеевич – Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского (г. Омск), *fil_opossum@mail.ru*

Татаурова Лариса Вениаминовна – ИАЭТ СО РАН, Омская лаборатория (г. Омск),
li-sa65@mail.ru

Топычканов Андрей Владимирович – МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва),
topychkanov@gmail.com

Федорина Анастасия Николаевна – ИА РАН (г. Москва), *nasfed@yandex.ru*

Фролов Виктор Сергеевич – ИА РАН (г. Москва), *apxe@outlook.com*

Хворостова Елена Леонидовна – ООО «Симаргл» (г. Москва),
elhvorostova@gmail.com

Чёрная Мария Петровна – ТГУ (г. Томск), ИАЭТ СО РАН, *mariakreml@mail.ru*

Чернецов Алексей Владимирович – ИА РАН (г. Москва), *avchernets@yandex.ru*

Чернов Сергей Заремович – ИА РАН (г. Москва), *chernovsz@mail.ru*

Шамин Степан Михайлович – ИРИ РАН (г. Москва), *shaminy@yandex.ru*

Шахнович Марк Михайлович – ФИЦ Кольский научный центр РАН
(г. Апатиты, Россия), *marksuk62@mail.ru*

Шокарев Сергей Юрьевич – РГГУ (г. Москва), *shokarevs@yandex.ru*

Шуныгина Светлана Евгеньевна – ООО «НИИПИ Спецреставрация»
(г. Санкт-Петербург), *sveshun@mail.ru*

Энговатова Ася Викторовна – ИА РАН (г. Москва), *engov@mail.ru*

Яганов Андрей Викторович – ИА РАН (г. Москва), *yagav@yandex.ru*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ	– Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией имп. Академии наук: Дополнены и изданы Высочайше учрежденной комиссией
АЕВ	– Архангельские епархиальные ведомости
АН	– Академия наук
АО	– Археологические открытия
АСЭИ	– Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI вв.
АФЗиХ	– Акты феодального землевладения и хозяйства
БАН	– Библиотека РАН (г. Санкт-Петербург)
БЛДР	– Библиотека литературы Древней Руси
ВЭ	– Вопросы эпиграфики
ГАРО	– Государственный архив Рязанской области
ГАЯО	– Государственный архив Ярославской области
ГБУК	– Государственное бюджетное учреждение культуры
ГИАХМЗ	– Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
ГИИ	– Государственный институт искусствознания (г. Москва)
ГИКМЗ	– Государственный историко-культурный музей-заповедник
ГИМ	– Государственный исторический музей (г. Москва)
ГМЗ РК	– Государственный музей-заповедник «Ростовский Кремль» (г. Ростов Великий, Ярославская обл.)
ГНИМА	– Государственный научно-исследовательский музей архитектуры имени А.В.Щусева (г. Москва)
ГТГ	– Государственная Третьяковская галерея (г. Москва)

Список сокращений

ДАИ	– Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией
ДДГ	– Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подг. Л.В. Черепнин. М.-Л., 1950
ДРВ	– Древняя Российская вивлиофика, содержащая в себе: собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российских касающихся
ДФЗ	– Дмитровский фарфоровый завод (пос. Вербилки, Талдомский городской округ Московской области)
ИА	– Институт археологии РАН (г. Москва)
ИАЭТ	– Институт археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск)
ИИМК	– Институт истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург)
ИРИ	– Институт российской истории РАН (г. Москва)
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	– Краткие сообщения института истории материальной культуры
МАЭ	– Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН (г. Санкт-Петербург)
МБУК	– Муниципальное бюджетное учреждение культуры
МГОМЗ	– Московский государственный объединенный музей-заповедник
МГУ	– Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
НИИПИ Спец-проектреставрация	– Санкт-Петербургский научно-исследовательский и проектный институт по реставрации памятников истории и культуры «НИИ Спецпроектреставрация»
НИЦ	– Национальный исследовательский центр
НЭ	– Нумизматика и эпиграфика
ОАО	– Открытое акционерное общество
ООО	– Общество с ограниченной ответственностью
ОПИ ГИМ	– Отдел письменных источников ГИМ
ОР	– Отдел рукописей

ОРПГФ	– Отдел рукописных, печатных и графических фондов
ПСРЛ	– Полное собрание русских летописей
ПСТГУ	– Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (г. Москва)
РАН	– Российская академия наук
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов (г. Москва)
РГБ	– Российская государственная библиотека (г. Москва)
РГВИА	– Российский государственный военно-исторический архив (г. Москва)
РГГУ	– Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)
РГИА	– Российский государственный исторический архив (г. Санкт-Петербург)
РИАМЗ	– Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник
РИБ	– Русская историческая библиотека
РНБ	– Российская национальная библиотека (г. Санкт-Петербург)
РТ	– Республика Татарстан
РФА	– Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI в.
РФЛА	– Рентгенофлуоресцентный анализ
РФФИ	– Российский фонд фундаментальных исследований
РЭМ/ЭРМ	– Растровая электронная микроскопия с энергодисперсионным рентгеновским микроанализом
СККДР	– Словарь книжников и книжности Древней Руси
СО РАН	– Сибирское отделение РАН
СПбГУ	– Санкт-Петербургский государственный университет
СПБIIИ	– Санкт-Петербургский институт истории РАН
ТГУ	– Национальный исследовательский Томский государственный университет
ТИМАХМ	Тихвинский историко-мемориальный и архитектурно-художественный музей
УГК ОИПИК	– Управление государственного контроля охраны и использования памятников истории и культуры

Список сокращений

ФИЦ	– Федеральный исследовательский центр
ЦГА Москвы	– Центральный государственный архив г. Москвы
ЦНИИ	– Центральный научно-исследовательский институт
ЦНРПМ	– Центральные научно-реставрационные проектные мастерские (г. Москвы)
ЧОИДР	– Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете
ЯРМЗ	– Ярославский музей-заповедник
CCSL	– Corpus Christianorum. Series Latina
CIR	– Corpus Inscriptionum Rossicarum

Научное издание

МОСКОВСКАЯ РУСЬ:
археология, история, архитектура
К 75-летию Леонида Андреевича БЕЛЯЕВА

Редактор: *Д.Г. Давиденко*
Корректор: *Е.А. Шатыркина*
Верстка: *С.В. Кожушков*

Подписано к печати 02.03.2023. Формат 70×100/16
Уч.-изд. л. 43,4. Тираж 300 экз.

Институт археологии Российской академии наук
117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

ISBN 978-5-94375-397-8

